MEMORIA

ИВАН КОЗЛОВСКИЙ

Воспоминания. Статьи

M E M O R I A

ИВАН

КОЗЛОВСКИЙ

Воспоминания. Статьи

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАТАЛИС»
РИПОЛ КЛАССИК
2005

УДК 784(470+571)(092)Козловский + 929Козловский
ББК 85.335.41-8Козловский И. С.
И18

Федеральная целевая программа «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)

Составитель *Т. Д. Малахова*

Главный редактор серии *А. Р. Вяткин*

Иван Козловский : воспоминания : ст. / [сост. Т. Д. Малахова]. —
И18 М. : Наталис : Рипол Классик, 2005. — 640 с. : ил. — (Memoria). — ISBN 5-8062-0175-9 (Изд-во «Наталис»). — ISBN 5-7905-3288-8 (Рипол Классик).
I. Малахова, Т. Д., сост.
Агентство CIP РГБ

В книге представлены воспоминания о великом теноре XX века И. С. Козловском его родных, близких, друзей, коллег и почитателей таланта, а также статьи о его творчестве.

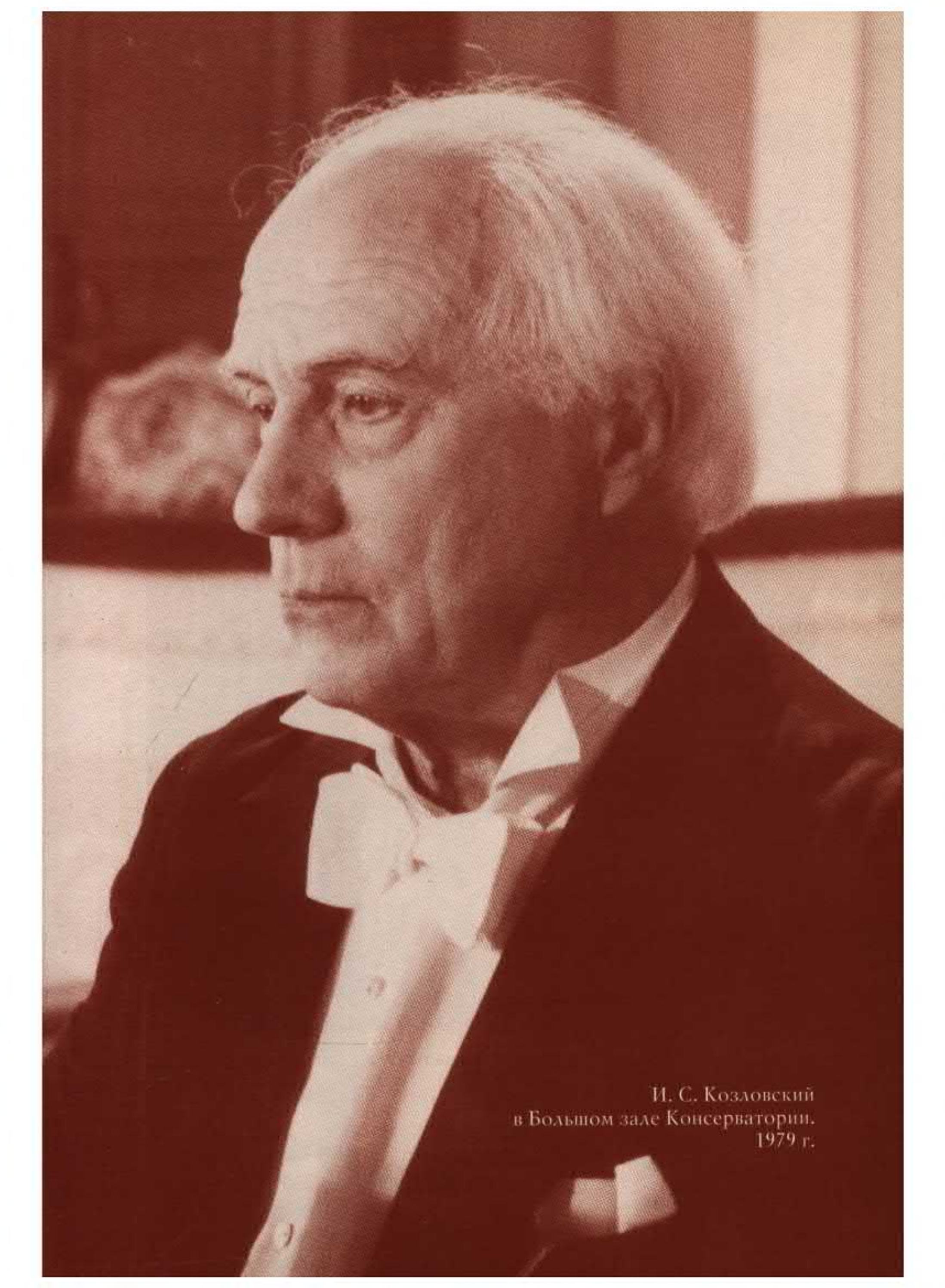
В издании собраны материалы, публиковавшиеся ранее в газетах, журналах и отдельных книгах, а также и совсем новые — написанные специального для этого сборника.

Книга снабжена обширным иллюстративным рядом, большая часть которого публикуется впервые.

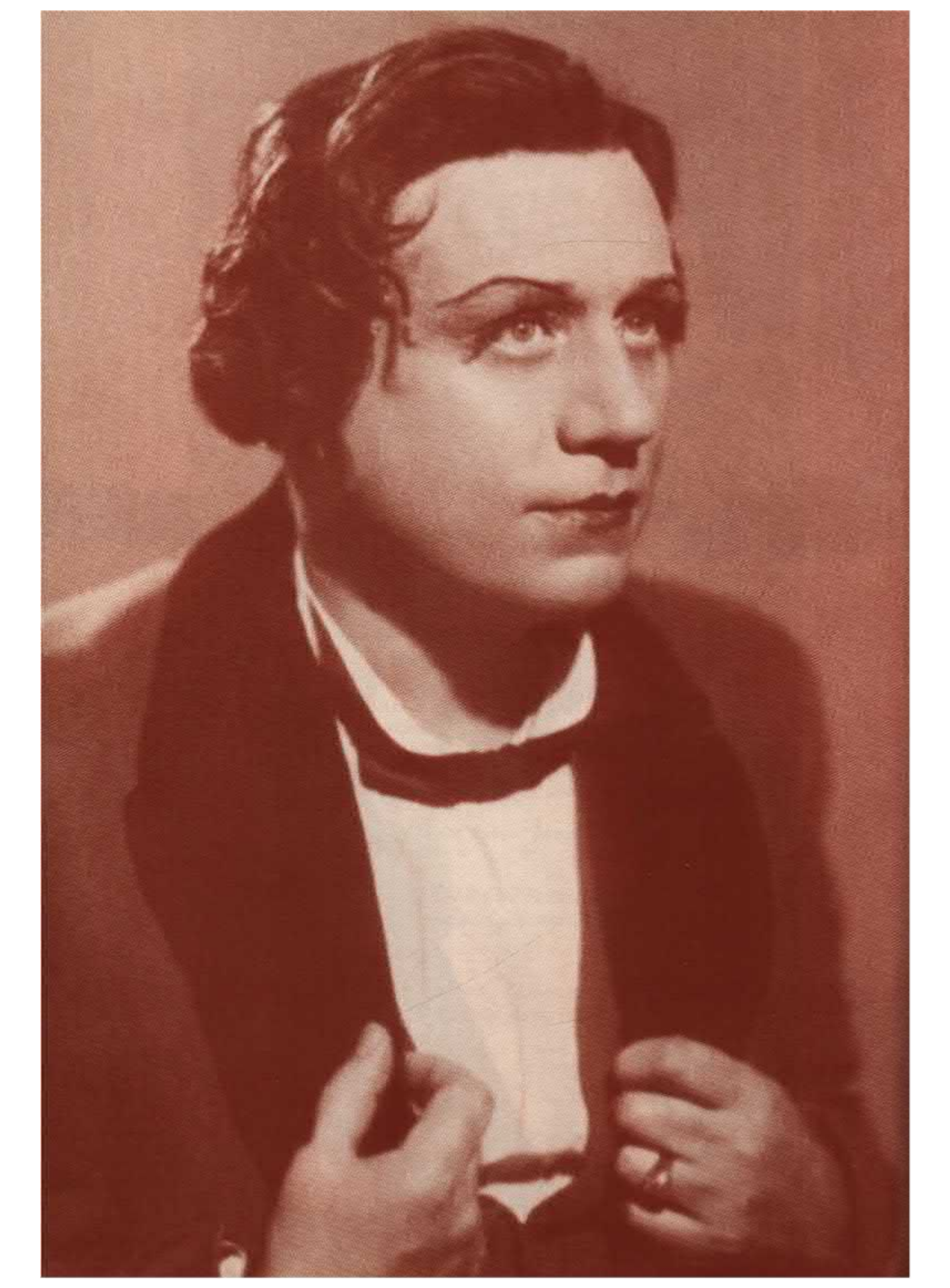
УДК 784(470+571)(092)Козловский + 929Козловский
ББК 85.335.41-8Козловский И. С.

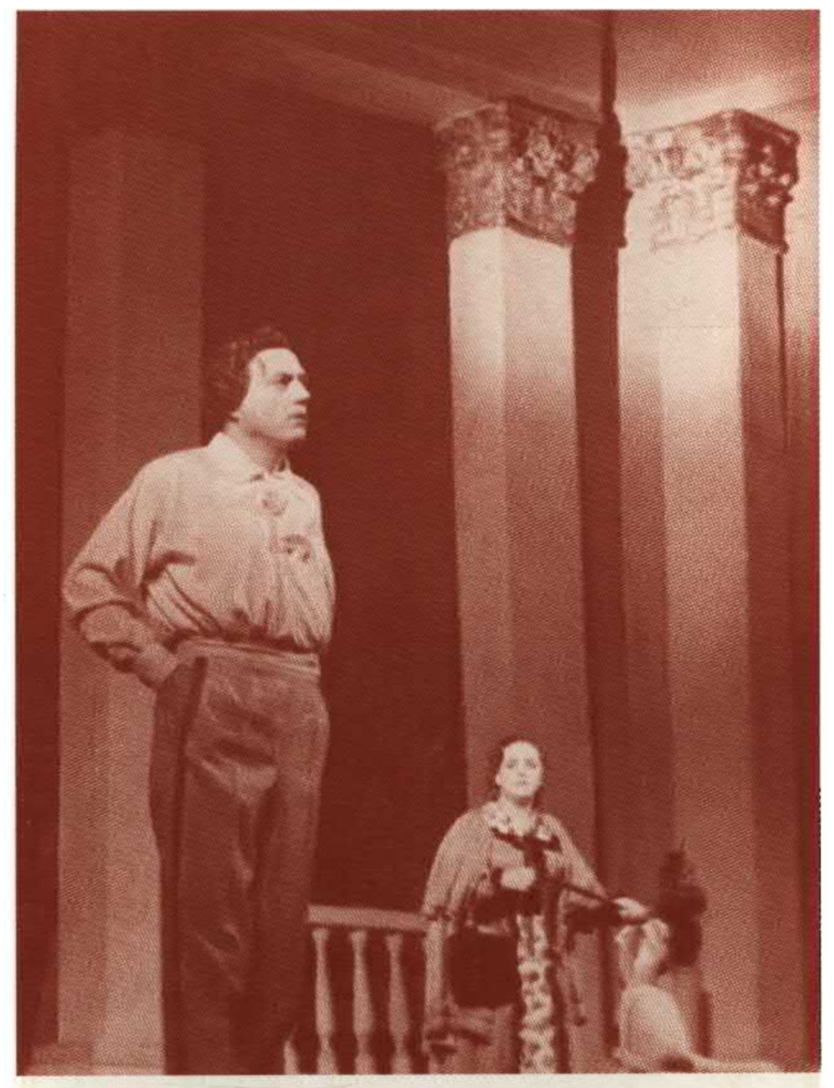
Редакция благодарит всех авторов, безвозмездно предоставивших документальный и иллюстративный материал для создания книги

ISBN 5-8062-0175-9
(Издательство «Наталис»)
ISBN 5-7905-3288-8
(Рипол Классик)

И. С. Козловский
в Большом зале Консерватории.
1979 г.

Сцена из оперы Дж. Верди «Травиата». Минск, 1953 г.

Минский театр оперы и балета. Спектакль «Травиата».
Козловский в партии Альфреда: «Мир тишины души моей
взамен былых волнений...»

Дорогой, изумительный
Иван Семенович!
Строчки Вашего
привета восприняла,
как особую награду.
Большое Вам спасибо.
Сердечно желаю Вам
здоровья, счастья
новых и новых успехов
в 1976 году.
Ната Нат. Сац

Автограф Наталии Сац

Гастроли в Минске летом 1953 г. Опера «Севильский цирюльник».
Козловский — Альмавива: «Как мое сердце бьется тревожно...»

Граф Альмавива

И. С. Козловский в роли Ленского. Минск, 1953 г.

Опера С. Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем».
Козловский — Андрей

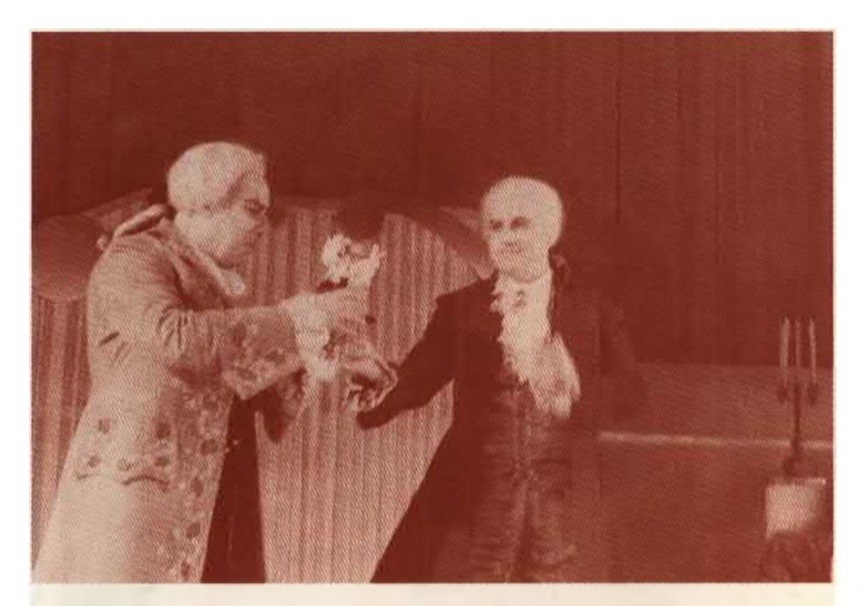

Вертер — И. С. Козловский, Шарлотта — М. П. Максакова

Государственный ансамбль оперы. Опера Ж. Массне «Вертер».
Козловский — Вертер: «О, не буди меня, дыхание весны...»

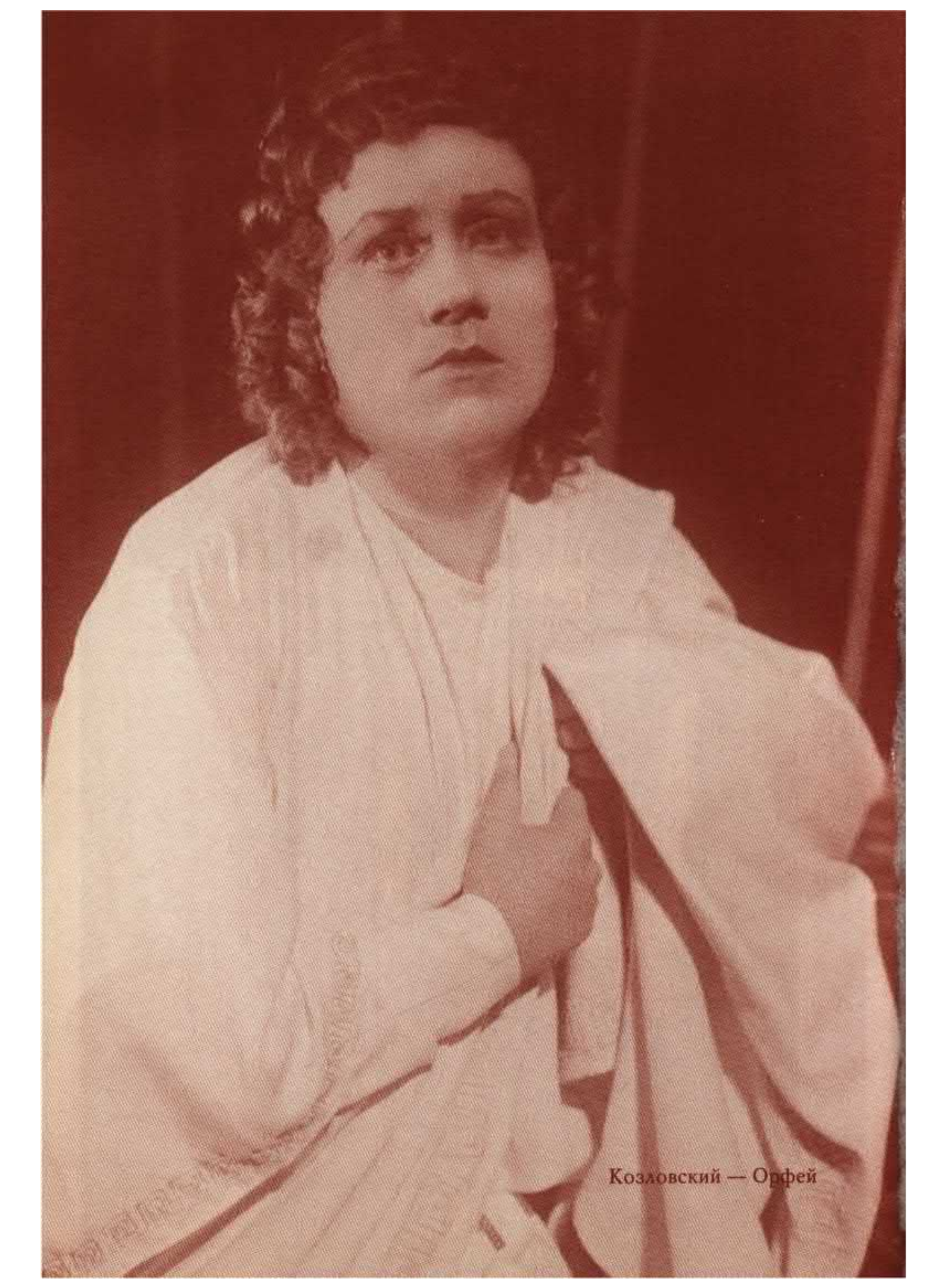

Опера Н. А. Римского-Корсакова «Моцарт и Сальери» в постановке И. С. Козловского, 1962 г. Моцарт — И. С. Козловский, Сальери — Б. Р. Гмыря: «Ты, Моцарт, — Бог, и сам того не знаешь...»

Там где Вера -
Там и Надежда
С И Козловский
30 [illegible] 89

Автограф «Там, где Вера...» — надпись И. С. Козловского кинорежиссеру Вере Федорченко

И. С. Козловский в партии Лоэнгрина. Большой театр, 30–40-е гг.

Козловский — Орфей

СОДЕРЖАНИЕ

Профессионалы о профессионале

Последнее

Приложение

ОТ РЕДАКЦИИ

Всегда трудно постичь природу таланта. Одаренный человек вызывает удивление, восхищение, уважение, а порой зависть и злобу... Однако настоящего восхищения и уважения заслуживает умение не только не растерять под гнетом жизненных обстоятельств данного тебе Богом дара, но и сделать его сильным, щедрым, несущим радость другим. Таких людей не много, но от них исходит свет, без которого невозможно было бы жить на нашей в общем грустной планете. Именно таким человеком был Иван Семенович Козловский... Его неповторимый голос дарил счастье людям, его неустанная работа вела к новаторским открытиям в вокальном искусстве, его творческое долголетие кажется невероятным, а человеком он был удивительным — щедрым, благородным, благодарным.

Предлагаемый читателю сборник воспоминаний и статей посвящен памяти великого певца. Думается, его искусство не раз будет предметом исследований, толкований и размышлений музыковедов и критиков. Главной же целью для составителей

данного сборника было дать представление о личности этого человека (которая — не будем спорить — конечно же неотделима от его творчества), но именно под этим знаком: «Каким был Иван Семенович в жизни?» Что он любил, что ненавидел, как жил, как работал, что помогло ему сохранить творческую энергию на долгие годы?..

Здесь собраны и материалы, публиковавшиеся ранее в газетах, журналах и отдельных книгах, и совсем новые — написанные специального для данного сборника.

В первом разделе «Родные и близкие» воспоминаниями о своем детстве, об отце делятся дочери певца Анастасия Ивановна и Анна Ивановна. Очень живо и непосредственно написаны воспоминания внучки Анны Юрьевны Козловской-Тельновой. Большого интереса заслуживают литературно-хроникальные записки Нины Феодосьевны Слезиной о поездках артиста на Украину, в Карелию, о Пушкинских праздниках в Михайловском, неизменным участником которых Иван Семенович был в течение многих лет.

Об этой удивительной женщине следует сказать особо. Секретарь, помощница, друг певца на протяжении более сорока лет, Нина Феодосьевна собрала обширный архив материалов, касающихся творческой жизни певца, бережно хранила письма, фотографии, ноты... Она оставила бесценные воспоминания, основанные на дневниковых записях. Наверное, можно придраться к некоторой слабости литературного стиля, можно убрать длинноты из этих «рассказов очевидца», но тогда, скорей всего, потеряется нечто важное, существенное — как если бы вдруг кому-нибудь пришло в голову выполоть васильки с пшеничного поля. Читая эти бесхитростные страницы, получаешь яркое представление о незаурядном, сложном, интересном человеке, каким был Козловский, и о многих замечательных людях, окружавших его в жизни.

Завершают раздел воспоминания многолетнего друга и помощницы певца, а также его второго секретаря Тамары Денисовны Малаховой, которая является главным составителем нашего сборника.

Во втором и третьем, самых обширных разделах книги мы приводим многочисленные свидетельства поклонников искусства певца, а также воспоминания и статьи музыкантов,

его коллег и партнеров по сцене — Б. Покровского, В. Кикты, Б. Руденко, И. Масленниковой, О. Жуковой, Ю. Королёва и многих других; интервью и беседы о певце — А. Бабореко, М. Анохиной, Н. Крымовой. Заслуживают внимания и свидетельства писателей, поэтов и журналистов — В.. Каверина, П. Антокольского, Б. Ахмадулиной, Б. Поюровского... Искренние, полные восхищения перед талантом замечательного артиста, эти воспоминания сохраняют для нас те самые живые черточки и яркие краски облика Козловского, без которых цель нашей книги не могла быть достигнута.

В четвертом разделе сборника помещены воспоминания Н. Ф. Слезиной и А. Клейменова о последних годах жизни великого советского певца, а также беседа о нем Н. Крымовой, Н. Слезиной и В. Кикты.

Мы выражаем глубокую признательность всем авторам, которые откликнулись на нашу просьбу и прислали свои воспоминания.

Одной из замечательных черт характера Ивана Семеновича Козловского было подчеркнутое уважение к людям, посвятившим свою жизнь Искусству, и с особой благодарностью он чтил память ушедших артистов...

Эту книгу мы посвящаем с любовью и признательностью ему.

РОДНЫЕ И БЛИЗКИЕ

Анастасия Козловская

ВОСПОМИНАНИЯ О МОЕМ ОТЦЕ

Первое воспоминание

Мне 5 лет. Мы идем по улице. Он держит меня за руку. Я тихо плачу. Слезы текут градом. У меня горе: мою старшую сестру, глупую и толстую Аню, только что приняли в школу, а меня нет. Папа наклоняется ко мне и шепчет: «Перестань плакать. Люди смотрят на нас. Подумают, что мы ссоримся».

Потом я узнала, что папа ходил в школу просить учителя, чтобы мне разрешили посидеть на уроках, но тот не разрешил.

Как меня принимали в музыкальную школу

Музыкальный класс. Нас трое. Учительница за роялем, я — рядом, а папа стоит у окна. Учительница берет аккорды и спрашивает, сколько нот в аккорде. Меня к этому экзамену не готовили, и я не понимаю, чего от меня хотят. Папа у окна мне подсказывает, показывая пальцы — три, четыре. Я повторяю. Но учительница заметила этот обман, повернулась к папе и очень укоризненно произнесла: «Ива-а-ан Семе-о-нович!»

Папе, наверное, стало стыдно, и он отвернулся. «Ну все, — думаю я, — теперь мне никто не поможет!» Но когда мой музыкальный слух стали проверять другими способами, оказалось, что он у меня очень даже хороший и мне можно доверить скрипку.

Так меня приняли в ЦМШ по классу скрипки.

Как папа учил меня плавать

Это было в Крыму, никогда не забуду тот страх и ужас, когда папа, стоя по грудь в воде, отрывал мои руки от себя и пускал меня в «свободное плаванье». Когда я уходила под воду, он меня вылавливал, и все начиналось сначала.

Взрослые дяди! Никогда не учите плавать детей таким суровым способом — тем более что он не срабатывает. Плавать я так и не научилась. А папа плавал отлично. Заплывал далеко за буйки, иногда ложился на спину и пел: «Плыви, мой челн, по воле волн...»

Люди на пляже вставали со своих топчанов и слушали: «Козловский поет!» А я, маленькая девочка, удивлялась: как это возможно — плыть и петь одновременно, да еще так громко. Голос был сильный, молодой и, как мне казалось, озорной. А ведь папе тогда было почти пятьдесят лет.

Как мы, дети, ушли в море, а папа нас спас

Собралась компания: я (семи или восьми лет), моя сестра (на два года старше) и мальчик лет 14-ти (мне он казался взрослым дядей). Рано утром мы тихонько пошли на пляж и отправились в плаванье. Чья это была идея — не помню, но меня посадили на большую черную шину от автомобиля как в лодку, а сестра и мальчик толкали эту шину и плыли рядом. Мы чувствовали себя настоящими путешественниками. Я немножко боялась, что шина лопнет, — ведь я не умею плавать, и еще солнце очень жгло руки и коленки, но все равно было здорово! Мы одни, вокруг бескрайнее темно-синее море и только далеко-далеко полоска берега. А на берегу маленькие фигурки людей бегают туда-сюда, суетятся. Как потом оказалось, это мы вызвали такую панику.

Пора было возвращаться, но, как мы ни старались (я гребла руками изо всех сил, сестра и мальчик толкали шину),

берег не приближался, потому что ветром нас стало сносить в сторону. Нам стало страшно, и тут мы увидели, что кто-то к нам плывет... Это был папа. Наступила зловещая тишина. Такого сердитого папу мы никогда еще не видели. Что-то сейчас будет! Но папа не проронил ни единого слова. Все эмоции он направил на мою шину и толкал ее с такой силой, что очень скоро мы оказались на берегу. Не помню, чтоб нас очень ругали. Во всяком случае, меня — нет. Наоборот, взрослые были рады, что все кончилось благополучно. Папа был сердитый и весь день с нами не разговаривал. Это было большое наказание. Потом нам объяснили, что нас несло ветром на скалистый берег и, если бы папа вовремя не подоспел, мы бы разбились о скалы.

Вообще, папа нас никогда не ругал. За всю жизнь я не помню ни одного случая, чтобы он на кого-нибудь повышал голос. *Никогда*. Ему было достаточно взгляда, жеста, выражения лица — и это было гораздо действеннее, чем любые слова.

Мне 12–13 лет. Мы с папой сидим в 1-м ряду и слушаем симфонический концерт. Мне скучно. Папа, вероятно, почувствовал это (он вообще все понимал без слов), наклонился ко мне и шепотом объяснил: «Вот он сейчас идет по темному лесу. Заблудился. Ему страшно. А сейчас он увидел огонек впереди. Обрадовался, побежал на огонек, и вот он выходит на широкую светлую поляну...» На этом концерте я поняла, что музыку можно «читать», как книгу. Только надо внимательно слушать, а не скучать.

Мы на концерте. После каждого выступления, неважно, понравилось мне или нет, я знаю, что должна изо всех аплодировать. Если я это делаю вполсилы, папа на меня грозно смотрит. Я слышу, как он говорит: «Актерство — это тяжелый труд, и он должен быть вознагражден. Тебе нетрудно похлопать, а ему (артисту) это необходимо».

* * *

Отец приобщал нас к музыке с самых ранних лет. Консерватория, Большой театр — наиболее часто посещаемые места, а еще — Колонный зал, ЦДРИ. Мне нравилось ходить с ним. На контроле его сразу узнавали, улыбались и кланялась. Билетов никто не спрашивал. В фойе папу сразу окружали знакомые

и малознакомые из мира искусства. Кто-нибудь из городских властей подходил, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Иногда выстраивалась очередь за автографом.

Со временем эта толпа все более редела. Ну что ж. Время брало свое.

* * *

Мои родители разъехались (именно разъехались, а не разошлись), когда папа смог купить нам большую кооперативную квартиру на улице Горького (ныне Тверская). С папой мы виделись часто, но как-то урывками. Поэтому мои воспоминания о нем довольно обрывочные, фрагментарные.

* * *

Помню, как в Москву приехал Киевский оперный театр. Отец взял меня на спектакль. Я сижу с ним рядом и по кратким его замечаниям и по выражению лица понимаю, что ему далеко не все нравится. Но за кулисами, куда мы идем после спектакля, он не сделал никому никаких замечаний. Наоборот, только всех хвалил и отпускал комплименты.

Выходим из театра. Я говорю: «Папа, как же ты мог хвалить такую-то и такого-то? Ведь на спектакле ты совсем другое говорил!» Ответ был такой: «Молодой певец после критических замечаний может вообще перестать петь. Надо быть очень осторожным, чтобы не обидеть».

* * *

В Большой театр мы ходили очень часто — всегда через служебный подъезд. И всегда один и тот же ритуал: около лестницы, еще не раздеваясь, папа встает на одно колено и крестит стены, всех вокруг и себя. То же самое после спектакля, перед выходом из театра. Никто не удивляется.

Папа — большой шутник

Вспоминается такой эпизод. Мне лет 8–9. Мы с папой сидим в машине недалеко от ресторана «Арагви». Он говорит: «Вот сейчас выйдет один дядя с тетей. Ты подбеги к дяде с криком „Папа! папа!“ и кинься к нему на шею».

Я — скромная, тихая девочка — не могу этого сделать. «Нет, не буду», — говорю я. «Ну почему же, это будет очень забавно», — уговаривает меня папа. Я не соглашаюсь. Папа начинает сердиться. «Я тебя очень прошу, — строго говорит он, — сделай это для меня».

С трудом подчиняюсь. Бегу через площадь к указанному дяде, кричу «Папа!» Стоящая рядом тетя удивленно смотрит на дядю. Но тот быстро все понял: «А! Тут Ваня где-то прячется! Ваня, где ты?»

* * *

Отец был жизнерадостным, вернее, жизнелюбивым человеком. Любил юмор, шутку, разные розыгрыши. Обычно разыгрываемые отвечали ему тем же, но некоторые обижались. Так случилось с его аккомпаниатором Вальтером, который работал с отцом много лет. Накануне какого-то праздника Вальтеру позвонили от имени Козловского, что его ждут на студии звукозаписи завтра, в 8 часов утра, велели взять ноты и приготовиться для большой и серьезной работы. Вальтер приехал в назначенное время и после нескольких часов ожидания понял, что его разыграли. Это была последняя капля (по его словам), переполнившая чашу его терпения. И он ушел. Папа просил прощения, звал его обратно, но он вернулся только через несколько лет.

Отец был интересным и умным рассказчиком. За столом всегда был в центре внимания и весь вечер мог удерживать интерес слушателей один. В его присутствии все бытовые, житейские разговоры казались неуместны. И он сам, уже будучи 90-летним и старше, никогда не говорил о здоровье и немощах (любимые темы старых людей). В 90 лет жизнь требует особого терпения и мужества.

Отец был мужественным человеком.

* * *

Папа был широко образован в разных областях знаний. Он таким стал сам, без посторонней, так сказать, помощи. Особенно его интересовали история, философия и литература. Выписывались все доступные тогда журналы, и технические в том числе. И как следствие этой жажды знаний — папа был

интересным собеседником для любого, независимо от его профессии. Как-то я его спросила, кем бы он был, если б не стал певцом. «Историком», — не задумываясь ответил он.

Из дачной жизни

Поселок мастеров искусств в Снегирях. Большой 3-этажный бревенчатый дом в лесу. Яблоневый сад. Малина, сирень, жасмин. Никто ни за чем не ухаживает. Все растет само собой. Каждое утро начинается одинаково: на ровной площадке под деревом папа (ему уже за 60) высоко подпрыгивает, хлопая себя пятками. (Это совсем не легко — у меня не получалось.) Следующее упражнение — подтягиваться на турнике. Смотришь на него, и становится ясно: он в хорошей спортивной форме. Иногда папа берет большую палку и обходит свои владения. Возвращается расстроенным: лес не чищен, дерево упало, малина заросла крапивой, штакетник у забора сломан, или еще какая-нибудь напасть. Папа вздыхает, называет всех гастролерами. Я сочувствую папе, но что я могу? Я понимаю, что для содержания в порядке такого участка (1,5 га) нужна постоянно действующая бригада рабочих, и садовник, и сторож, и домоправитель (чтобы следить за домом), и повар, чтоб всех кормить, и управляющий, чтоб за всем следить. Но все это из какой-то другой жизни.

Так сложилось, что мужчин-помощников у папы не было. Рукастых зятьев Бог не дал. Увы.

Но зато Бог дал Нину Феодосьевну Слезину — бессменного его секретаря, его правую (да и левую тоже) руку, и Ольгу Николаевну Адрианову — интеллигентную женщину, научного работника, на которой держалось все хозяйство. Эти две женщины посвятили свои жизни служению моему отцу — вечная им благодарность за это. Пусть земля им будет пухом.

* * *

У папы было какое-то особое чутье, с помощью которого он безошибочно оценивал людей. Один пример. Мы на даче. Утро. Пришел незнакомый нам человек. Кто-то из нового руководства дачного кооператива. Пожилой мужчина, интеллигентной внешности, обаятельно улыбается — в общем, приятный

во всех отношениях. О чем-то поговорил с папой, не более 5 минут. Ушел.

— Какой интеллигентный, приятный человек в нашем руководстве, — говорю я.

— Прохвост, — отозвался папа.

— Ты разве его знаешь? — удивилась я.

— Первый раз вижу, — был ответ.

Но чутье его не обмануло. Много лет спустя неожиданно для всех выяснились неблаговидные поступки, которые совершал этот «руководитель». В общем, оказался настоящим прохвостом. А кто бы мог подумать!

Еще кое-что о папином чутье

Это было осенью 1965 года. Точно помню дату, потому что я была на 4-м месяце беременности, когда поехала с отцом в Будапешт. Его пригласили в жюри на Международный конкурс молодых вокалистов. В виде исключения мне разрешили сидеть с ним рядом во время прослушивания. Этот конкурс (3 тура) мне казался очень утомительным и малоинтересным. Вообще мне все тогда казалось неинтересным кроме того, что происходило у меня внутри. Но одну конкурсантку я запомнила. Она отличалась от других тем, что совсем не могла петь. Только еле слышно шептала что-то. Она не прошла даже на 2-й тур. Каково же было мое изумление, когда отец поставил ей наивысший балл. Он — единственный из всего жюри. Объяснение было следующее: «Орать, то есть драть глотку, может всякий, а вот пиано петь — гораздо более ценно. У нее хорошее пиано».

«Так-так, — подумала я тогда, — просто она понравилась тебе как красивая девушка и тебе стало ее жалко».

Прошел год, а может быть, два — не помню. И как-то отец, вспоминая нашу поездку в Венгрию, спросил меня: «Помнишь ту певицу, которую я отстаивал в жюри? На конкурсе она взяла первый приз и сейчас дает сольные концерты».

Ну что тут скажешь? Папа — ты гений!

Дачная жизнь продолжается

Ночь. Тишина и покой. Все спят (во всяком случае, я). Вдруг автомобильные гудки, хлопанье дверьми, суета — это

папа приехал из Москвы после концерта или спектакля. Вел машину сам.

Элегантный — в бабочке, в белых перчатках, и, конечно, не один, а с веселой компанией. Шутки, смех, громкие разговоры. Тут уж не до сна. Накрывается стол. Все сонные, но веселые, потому что веселый и довольный ОН — самый главный, мой папа.

* * *

Утро на даче. Ольга Николаевна хлопочет на кухне, Нина Феодосьевна на террасе разбирает какие-то бумаги. Что-то пишет. Работает.

Папина спальня на 2-м этаже. Слышны шаги. Это он идет принимать водные процедуры. «ОН уже встал!» — кричит Ольга Николаевна, тем самым объявляется готовность № 3. Через 15–20 минут ОН спускается вниз, идет в столовую, закрывает дверь. Начинается ежеутренняя молитва (10–15 минут). Папа стоит у стола, что-то шепчет, кивает головой, как будто с кем-то разговаривает, крестится. «Он молится», — сообщает Ольга Николаевна. Это значит — готовность № 2. Через 10 минут пора подавать завтрак — салат, творог, омлет, овсяная каша. Всего понемногу. В означенное время все входят, садятся за стол, начинается завтрак.

* * *

Вообще, жизнь в поселке мастеров искусств была тихая и спокойная, дача служила местом отдыха, уединения и общения с природой, а не с себе подобными. В гости друг к другу ходить было не принято (во всяком случае, в мою бытность).

Знаменитые, полузабытые имена: Мария Максакова (певица), Лев Оборин (пианист), Александр Гаук (дирижер), Максим Михайлов (знаменитый бас), Исаак Дунаевский (композитор), Сергей Ильюшин (авиаконструктор), актеры — Павел Массальский, Алла Тарасова...

За заборами, вдоль поселка шла дорога — местный Бродвей. Теплыми вечерами там прогуливались парами и поодиночке корифеи русской сцены, раскланивались, разговаривали, общались.

Может быть, потому, что отец не знал иностранных языков, или потому, что ему не пришлось учиться в университете, но он гордился тем, что я — преподаватель МГУ и преподаю не что-нибудь, а английский язык. А живописью я занималась, вернее баловалась, давно, участвовала в выставках и даже в аукционах, но папе свои картины не показывала. Стеснялась. Но однажды ему в руки попала моя картина (она называлась «Страх»). Он долго ее рассматривал и сказал:

— Ты могла бы работать художником в театре. Тебе нужна другая, творческая работа.

— Да, папа, нужна. Но мне скоро 50 лет, поздно уже что-то менять.

— Скоро 50? — удивился папа. — Впрочем, 50 лет — это не возраст. В 50 лет жизнь только начинается.

Ему тогда было почти 90 лет, и с высоты этого возраста 50 лет кажутся, наверное, началом. Тем более ему, который в 80 лет пел Ленского в «Евгении Онегине» без всякого напряжения, без скидок на возраст: пел в седом парике, но голос звучал молодо и ярко. Может ли старый человек иметь молодой голос? Нет, конечно. Значит, в 80 лет папа был по-настоящему молодым и душой и телом.

А в 50 лет — юноша?

Вот таким уникумом был мой папа.

О главном

Отец был глубоко верующим человеком, православным христианином. Он соблюдал все посты, отмечал все религиозные праздники, часто ходил в церковь, много и часто молился дома. Никогда не садился за стол не помолившись. Молился перед выходом из дома и после возвращения. Молился просто так, без видимой причины. Часто я слышала одну и ту же короткую молитву: «Дай мне Боже долго жить и хорошо петь». Когда он приезжал на дачу, прежде всего ходил по этажам и окроплял все комнаты святой водой из бутылочки, которую всегда возил с собой.

Почему отец не говорил с нами, уже взрослыми детьми, о вере, о духовной жизни, о Божественном мироустройстве?

Не знаю. Такие понятия с точки зрения Божественного промысла, как добро и зло, грех и добродетель, я постигала самостоятельно, так сказать, опытным путем, то есть набивая себе многочисленные шишки, преодолевая ненужные препятствия, совершая массу глупостей со всеми вытекающими последствиями.

Человеку, особенно молодому, нужен духовник — наставник, которому ты веришь и который говорит с тобой о самом главном: о Боге, о вере, о духовных ценностях, о законах Божественного мироустройства.

Прекрасно, если твой отец — родной и любимый человек, но, увы, со мной этого не случилось, и я понимаю, что моя вина в этом тоже есть.

Я была молодой и глупой. Прости меня, папа, что я была далека от тебя, от твоей внутренней жизни и не стремилась быть ближе. Прости мой бездумный эгоизм. Прости!

Я верю в бессмертие человеческой души. Когда-нибудь и где-нибудь моя душа обязательно встретится с твоей, и мы будем говорить о самом главном.

Мы не будем торопиться. Ведь впереди — Вечность...

ЛЮБЛЮ

Есть слово непонятное одно,
Пленит оно, как старое вино.
На все вопросы может дать ответ,
Хоть смысла в этом слове вовсе нет.
Похоже на заученную роль,
Короткий заговорщиков пароль,
«Люблю» — пароль, не надо объяснять.
«Люблю» — и больше нечего сказать.

* * *

Ты — неопознанный объект,
Летящий мне навстречу.
Я жду, я верю, я хочу
Надеяться на встречу.
Летишь по Млечному пути,

Звездам немым на зависть,
Летишь со скоростью комет,
Ко мне не приближаясь.
Есть свой космический закон
У вечного движенья,
И в бесконечности оно
Не значит приближенья.
И все ж я верую и жду,
Свою мечту лелею:
Когда-нибудь твоя звезда
Пусть встретится с моею.

ТВОРЦУ ПРОШЛОГО ВЕКА

Нам недоступные вершины
Еще ты в детстве пробегал,
И век наш робото-машинный
Давно далеко обогнал.
Все недосказанное нами
Тобою сказано давно,
Пригрезившееся мечтами
Тобою изображено.
Ты мог бы царствовать навечно,
Однажды музу покорив,
Но он — потомок твой беспечный —
Своим путем, хоть вкось и вкривь,
Добрался до высот Парнаса,
Тебя заметно потеснив.
Поет, играет, сочиняет.
Нет смелым замыслам конца,
Искусство первооткрывает
И ждет лаврового венца.
Но солнце славы всем не светит,
Дорога в вечность нелегка,
Потомка просто не заметят,
А ты пребудешь на века.

Примечания

Воспоминания написаны специально для данного сборника.

Анна Козловская

МОЙ ОТЕЦ — ИВАН СЕМЕНОВИЧ КОЗЛОВСКИЙ

...Отец не был аскетом. Он был очень живым и обаятельным человеком. Любил шутить, провозглашать длинные тосты, разыгрывать друзей, проявляя при этом бурную фантазию и даже озорство; любил лошадей, любил играть в теннис, плавать в море; говорил женщинам замечательные комплименты, галантные, изысканные, даже если его соседке на каком-нибудь банкете было за восемьдесят; любил животных, детей...

Но больше всего на свете он любил Музыку. И ради этой великой своей страсти готов был жертвовать всем. Бог наградил его удивительными вокальными данными. И отец свято берег этот божий дар, стараясь не растратить понапрасну, не повредить, как будто бы нес за него огромную ответственность перед Богом и людьми. Это был мучительный труд — сохранить голос до старости. Ему это удалось. Но как?!

Отец всегда был сосредоточен на вокале, постоянно думал о голосе, страшился сквозняков, как если бы каждый сквозняк

таил в себе смертельную опасность, не позволял себе после концерта сразу выйти на улицу — нужно было «остыть»; самоотверженно старался всегда быть в форме в любых условиях, в любых жизненных ситуациях, и в этом отношении был к себе беспощаден. Режим стал неотъемлемой частью его жизни. Верхнее «ре» третьей октавы должно было звучать всегда и во что бы то ни стало...

Из далекого детства до меня долетают не то бабушкины, не то мамины окрики: «Тише! Не балуйтесь! Тише! Папа занимается! Тише, папа репетирует! Тише! Вы что, забыли — у него же спектакль?!» Трудно было объяснить маленьким детям, что в день спектакля запрещается говорить с папой и, особенно, задавать ему вопросы; он заставлял себя молчать целый день перед спектаклем — берег голос. Но зато после спектакля в доме царило ощущение праздника. И цветы, цветы... И застолье, и длинные тосты. Отец всегда был душой компании. А красавица мама — украшением праздничного вечера.

Его доброта была поразительной. Отец помог очень многим людям. И у некоторых из них даже возник на всю жизнь комплекс благодарности по этому поводу. Я расскажу только один случай — о певице Лилии Ивановне Обели, племяннице Э. Я. Рудзутака, которая поплатилась за свое родство многолетней ссылкой на Север. Как многие другие жертвы сталинского режима, она была реабилитирована. Вернувшись из ссылки, Лилия Ивановна поселилась в Москве, нашла меня и повела себя самым неожиданным образом. Она решила во что бы то ни стало поставить мне голос и научить петь. Я противилась. К тому времени мне было уже абсолютно ясно, что выдающимися музыкальными способностями (и даже не выдающимися) я не обладаю, хотя отец никак не мог забыть, как на экзамене в музыкальной школе я играла на арфе «Сентиментальный вальс» Чайковского. Однако Лилии Ивановне удалось сломить мое яростное сопротивление, и мы начали «ставить голос». Действительно, через некоторое время какие-то ноты у меня прорвались, и Лилия Ивановна была счастлива: «Вот видишь!» И продолжала меня мучить.

В конце концов мне удалось выяснить, в чем же все-таки дело и зачем мне приходится два раза в неделю, преодолевая природную застенчивость и стыд перед соседями, голосить:

«Самсон, я тебя ожидаю...» А дело, оказывается, было в том, что отец (он об этом никогда не рассказывал) посылал Лилии Ивановне и другим ссыльным теплые вещи, лекарства и деньги. Поэтому у благодарной по своей натуре Лилии Ивановны возникла необходимость отблагодарить его во что бы то ни стало. И, будучи преподавательницей пения, она решила сделать отцу приятный сюрприз — «вытащить», как она выражалась, голос у дочери. Лилия Ивановна не успела совершить невозможное, потому что неожиданно умерла. Пусть земля будет ей пухом. Она много страдала...

И уже совсем недавно Татьяна Дмитриевна, наша бывшая невестка, рассказала мне, как, соблюдая полную конспирацию и дрожа от страха, она помогала отцу передавать деньги вдове Михоэлса Анастасии после известных событий. В те-то времена!

Да, доброта отца не была трусливой. Его доброта была действенной. Умение дружить — это редкий дар. Требовать его от всех несправедливо. Отец обладал им — он умел дружить и очень любил своих друзей. Они же боготворили его. И если они уходили из жизни, отец не забывал никого. Я смутно помню Александра Яковлевича Альтшуллера. В прошлом певец, он проработал суфлером в Большом театре долгие-долгие годы. Этот человек сыграл определенную роль в творческой жизни молодого отца. Помню Н. К. Свободина, замечательного мхатовского актера. Помню С. В. Гоцеридзе. Помню Л. Э. Разгона, с которым дружила. Помню мою дорогую соседку В. Г. Дулову — арфистку, игравшую в оркестре Большого театра, и ее мужа, известного баритона А. И. Батурина, дружу сама с О. В. Лепешинской...

Отец дружил с С. М. Михоэлсом, А. П. Довженко, Н. Ф. Погодиным, А. В. Неждановой, Н. С. Головановым, Б. Р. Гмырей, М. Д. Михайловым, И. Ф. Шаляпиной, В. П. Чкаловым... Этот список можно было бы продолжить.

Не буду гневить судьбу — в моей жизни было много хороших друзей. Но я только сейчас поняла, что самым верным моим другом был все-таки отец. С ним подчас было нелегко, иногда в общении с ним я чувствовала себя одинокой. Но когда что-нибудь со мной случалось, отец в ту же секунду оказывался рядом. И помогал.

Я коснусь горестного события, которое живо во мне по сей день. Умер мой любимый муж — греческий писатель Костас Котзиас. Умер скоропостижно. В тот вечер я сидела одна в комнате, бессмысленно уставившись в пространство. Это было в маминой квартире на Тверской. С тех пор как родители расстались, отец никогда не переступал порога этой квартиры — она была для него чем-то вроде табу, на что были свои особые причины. И вот со мной случилась беда...

Было поздно. Мои подруги уже ушли (спасибо им за то, что они для меня тогда сделали), а я все сидела и смотрела перед собой. Вдруг раздался короткий звонок в дверь. Я вздрогнула от неожиданности. Мама, почему-то испугавшись, побежала открывать. На пороге стоял отец. Не решаясь переступить порог этой квартиры, он так и стоял — высокий, седой, красивый, в черном парадном костюме, с черной бабочкой... Отец преодолел себя. Это невозможно забыть. Я бросилась к нему, стараясь не плакать (отец не выносил женских слез), обняла, и так мы вдвоем стояли. Потом он ушел.

А на следующее утро я должна была лететь в Афины с гробом мужа. Чтобы успеть на самолет, мне предстояло выйти из дома в четыре часа утра. Была середина ноября. Я спустилась во двор и оказалась в аду: дождь со снегом, пронизывающий ветер, холод, почти темно. Еле разглядела заказное такси — стояло поодаль. И опешила: посередине двора — серая «Волга» отца. И он стоит рядом с машиной, закутанный в свой знаменитый шарф до самых глаз, чтобы не простудиться. Отец взял меня за руку и так, держа за руку, провожал почти до самого самолета. Он прошел все «кордоны» и все шел и шел, держа меня за руку. Таможенники узнавали его, здоровались и — удивительно — не посмели остановить.

Отец дал мне с собой в Грецию колоски пшеницы с Украины. Он всегда чтил народные обычаи и верил в приметы. Зерна из этих колосков я должна была бросить на могилу Костаса в Афинах. Я не стала задавать вопросов, а сделала все, как он сказал. Но зернышки почему-то не взошли на греческой земле. Жаль.

Отец был легкоранимым и чрезвычайно обидчивым человеком. Обиды не забывал.

Отец склонен был драматизировать события. И еще он судил по себе. Сам-то он был неравнодушным и очень обязательным человеком. И к детям подходил со своими мерками. Эти мерки были очень высоки и порой недостижимы.

С Украиной, своей родиной, отец был связан нерушимыми душевными узами всю жизнь, до самого конца. Он любил Украину преданно и нежно — сыновней любовью. Любил ее обычаи, природу, язык (часто говорил со своей сестрой по-украински). Он собрал и обработал украинские колядки и был уникальным исполнителем украинских народных песен.

Мальчиком отец пел в Михайловском Златоверхом монастыре. Известность пришла к нему именно на Украине. Полтава занимает особое место в его творческой жизни. В 60-х годах в миргородской газете «Знамя перемен» появилась его статья. Привожу выдержку из этой газеты: «...Вот Полтава. Перед ней я в долгу. Говорят, что она стала еще лучше и краше. О память можно греться, а можно уколоться. В данном случае это благодарная память. А театр! А коллеги по искусству! Помимо того, что я пел в опере, я же играл и в драматических спектаклях — „Парижская коммуна“, например. ...Всех помню, всех ценю, но больше всех я вспоминаю своих первых слушателей...»

Отец часто рассказывал о своей полтавской жизни. Некоторые сценки так и стоят перед глазами.

Темным вечером, после спектакля, из театра на Панянскую гору шагает молодой Фауст, Герцог, Альфред или Дубровский. Идет с мешком на плечах. В мешке заработок — паек, выданный натурой. «Всех кормил Ванюрчик, — смеялся отец, — семья большая, а работников в ней, кроме меня, не было». А потом отцу выдали коня как транспортное средство. Вот представьте такую «картинку». На сцене Фауст — в трико, коротком плаще, со шпагой... А у театра привязан конь. Он нетерпеливо перебирает ногами, ждет конца спектакля, чтобы скорее отвезти своего хозяина домой на Панянскую гору.

Отец был упрямым человеком. Сколько ни проводила с ним Е. А. Фурцева разъяснительных бесед по поводу того, что при социализме невозможно узаконить строительство детской музыкальной школы за счет частного лица, да и свершения

социализма, хоть и велики, еще не достигли уровня, который позволил бы строить музыкальные школы в колхозах, отец поступал по той известной басне Крылова: «А Васька слушает да ест».

И он все-таки добился. Добился невероятного. Музыкальная школа в селе Марьяновка, построенная на средства отца, вернее на отчисления от его концертов, существует. И кто знает?.. В моем мозгу откуда-то издалека начинает звучать голос Козловского — Вертера: «И вот в долину к вам другой певец придет...»

Сейчас в Марьяновке — Культурный центр им. И. С. Козловского, а в хате, где он родился, — музей. Марьяновцы свято хранят память о своем великом земляке.

А хор марьяновских детей при музыкальной школе много раз приезжал в Москву на выступления. Конечно, не обходилось без помощи отца, который хлопотал, хлопотал, хлопотал... И всегда устраивал марьяновских детишек на елку в Кремль. Они вместе с учительницей были желанными гостями у него дома. Он заботился о них и несколько раз выступал с этим хором.

Отец вел напряженную общественную жизнь. Сколько я его помню, он все время хлопотал за что-нибудь и кого-нибудь и постоянно подписывал разные документы, просьбы, обращения к властям...

Несмотря на то что он тщательно себя берег и старался оградиться от раздражителей внешнего мира, отец никогда, до конца своих дней не мог с равнодушием относиться к ближнему и к событиям жизни, его окружающей. Он все время за кого-нибудь просил. Иногда очень смешно сердился: «Черт бы его побрал! Я же все сделал! Я же все подписал! Что еще — почему опять звонит?! Найти ему жену? Убить тещу? Что надо?!»

Все это приходилось выслушивать и «регулировать» всегда спокойной и всегда все понимающей Нине Феодосьевне Слезиной, которая защищала его грудью от странных и порой полубезумных просителей, от праздных звонков, от докучливых посетителей. Она всегда знала, подзывать его к телефону или не подзывать, назначать встречу или не назначать, и на когда назначить, и в чем суть вопроса... Она вела все его дела,

в том числе и по «связям с общественностью», была его защитой и подчас спасением. И, конечно, вечной поклонницей. Нина Феодосьевна не смогла пережить смерть отца. Она ушла вслед за ним.

У отца было множество поклонниц. Я и сейчас вижу перед собой запомнившиеся мне с детства их юные лица. Шли годы, лица старели, но не покидала этих женщин восторженная любовь к отцу, к его таланту, к его высокому искусству, к театру, к музыке. Быт отца под конец жизни был плохо устроен. И, мужественно преодолевая возраст и болезни, «девочки»-поклонницы помогали, как могли: ходили в магазин за продуктами, мыли пол на даче. Их преданность достойна восхищения. Спасибо им.

Интуитивно, а может быть, потому, что отец был от природы умным человеком, он приблизил к себе только тех, которые более, чем другие, способствовали его творчеству. Мне кажется, что таким образом он старался как бы защитить свой талант, свой «божий дар» — ниспосланный ему свыше уникальный голос... И из множества поклонниц он приблизил только Нину Феодосьевну Слезину и Ольгу Николаевну Адрианову. Эти две замечательные женщины были, на первый взгляд, непохожи друг на друга, как небо и земля. Но их объединяло одинаковое отношение к отцу — жертвенное и бескорыстное. Обе они были по-настоящему интеллигентными людьми, терпеливыми и, что порой было нелегко, умели держать себя в руках в любых жизненных ситуациях, были преданы отцу бесконечно. Они превратили всю свою жизнь в Великое Служение. Отцу? Искусству? Человечеству? Не знаю. Знаю только, что каждая из них достойна уважения и восхищения.

Отец был необыкновенно трудолюбивым человеком. Когда он взял меня на Пушкинский праздник в Михайловское, я, наблюдая за его ежедневной деятельностью, удивлялась. Откуда у пожилого человека столько сил? Жара, пыль, суета, выступления на палящем солнце... А он еще постоянно репетировал. Я уставала, а он — нет, вернее, никогда не жаловался.

Обладая огромной работоспособностью, отец репетировал почти до самого своего конца. А когда уже не мог петь — это случилось совсем незадолго до смерти — он продолжал

творить в воображении. Помню, отец позвал меня перед поездкой в Англию и попросил найти Галину Вишневскую в Лондоне или Париже. Ему было тогда около девяноста, и он задумал снимать фильм «Снегурочка». Обдумывал кадры, мизансцены, в общем — мечтал... «Берендей может быть любого возраста, — объяснял он мне, — это же сказочный персонаж, а записи можно взять прежних лет. А Галина не имеет возраста. Она будет петь Купаву...» Из этой идеи у отца ничего не вышло. Он очень переживал. «Нужен спонсор, — вздыхал, с трудом выговаривая новомодное слово. — Ты не можешь найти?» Я не смогла. Прости, отец.

Отец так и не расстался с «ореолом мученика». Ему не была чужда радость жизни, он умел ценить мгновения, аскетом не был, об этом я уже говорила. Но где-то в глубине его души раз и навсегда поселилась Великая Печаль. То и дело она давала о себе знать. Отец не ощущал себя счастливым человеком и, как ни странно, удачливым — тоже. Слава? Он никогда ею не упивался. Напротив. Считал себя во многом ущемленным. Я хорошо знаю, как он мечтал, например, хотя бы раз в жизни послушать оперу в «Ла Скала». Но когда он как артист был в зените, в стране существовал «железный занавес». Отец никогда не был на Западе. Его не пускали. Когда же началась перестройка, было уже поздновато — старость не за горами. А когда Хрущев снял привилегии и дотации к пенсиям, отец стал просто нуждаться. На этом не заканчивается длинный список его обид. Но это особый разговор...

Отец жил с ощущением непонятости. Ему казалось, что его не понимают. Не понимают родные и близкие, государство, чиновники, с которыми у него всегда были непростые отношения. И он опять и опять погружался в свою Великую Печаль.

Он никогда не «почивал на лаврах», постоянно был в творческом поиске. Как сейчас помню его мучительно напряженное лицо, когда он слушал какую-нибудь свою запись по радио. Отвлекать его в этот момент никто не имел права.

Но ведь путь к совершенству бесконечен, а само совершенство недостижимо. И хвала тем редким личностям, которые осмеливаются встать на тернистый путь вечного поиска, стремясь к совершенству. Их обычно постигает мучительная

неудовлетворенность и разочарование достигнутым. Может быть, поэтому мой отец так и не расстался с «ореолом мученика»? Ему была очень близка роль Юродивого. Он сделал ее ролью своей жизни.

Когда я вернулась в Москву после похорон мужа, отец попытался мне помочь и вывести из того состояния, в котором я находилась. Что же он сделал? Он повел меня в консерваторию слушать Моцарта. Отец искренне верил, что только музыка может спасти в любой, даже самой страшной жизненной ситуации.

Примечания

Текст взят из буклета, посвященного 100-летию со для рождения И. С. Козловского (Москва, 2000).

Анна Козловская-Тельнова

МОЙ ДЕД

В семье, кроме моего деда, было еще двое детей — брат Федор (на несколько лет старше) и младшая сестра Анастасия. Глава семьи, Семен Козловский, был портным. Отец Семена — дед Ивана Семеновича — Осип (Иосиф, Юозеф) Козловский рано погиб, и его детей отдали на обучение ремеслу к портному, человеку очень порядочному и набожному. Семен стал хорошим мастером и семьянином, не забывавшим дорогу в храм. Кроме того, он был очень музыкален — прекрасный гармонист, востребованный на всех сельских торжествах. Сестра Ивана Семеновича Анастасия рассказывала, что он играл дома детям, а иногда прятался в подпол и играл там, чтобы не слишком досаждать окружающим. Как настоящий музыкант, он занимался ежедневно, часами. Братья Семена тоже были музыкальны. Все трое его детей — Федор, Иван и Анастасия пели в церковном хоре, и пели неплохо.

Мать Ивана Семеновича, Анна Герасимовна, урожденная Косинская, происходила из обедневшей шляхетской семьи,

рано лишившейся кормильца. Мой дед часто с гордостью упоминал, что род его матери восходит к украинскому гетману Криштофу Косинскому, возглавившему казацкое восстание на Украине в XVI веке. Мать была скромной женщиной, набожной, прожившей всю жизнь в нужде и умершей довольно рано, от испанки. Ее фотографии нет, сохранились только фото ее сестер: Анна Герасимовна не хотела с ними фотографироваться, так как считала, что у нее нет подходящего платья. Бедная женщина очень боялась, что, если что-нибудь случится с ее мужем, у нее не хватит денег, чтобы поставить детей на ноги. Поэтому сначала старший сын Федор, а затем и младший, Иван, в возрасте восьми лет были отправлены из отчего дома в Киев, в Михайловский монастырь — петь на клиросе и обучаться в церковно-приходской школе. Обучение велось в основном монахами. Любимыми предметами Ивана были история и Закон Божий. До отъезда в Киев Ваня проучился в родном селе Марьяновка всего год, но на всю жизнь запомнил своего первого учителя — Сысоя Саенко. Иван Семенович всегда говорил о нем очень поэтично как о философе и художнике.

В Киеве 8-летнему Ване пришлось нелегко. Когда мама с ним прощалась, сердце мальчика сжалось от одиночества и ужаса перед ожидавшей его неизвестностью. И это прощание ему запомнилось навсегда. Живя вдали от дома, он научился надеяться только на себя, не давать себя в обиду. Высокий, крепкий мальчик часто дрался, хулиганил, дерзил старшим, и его давно бы выгнали, если бы не голос. А пел Ваня удивительно. Уже в тот период у него появились первые поклонники — люди специально приходили в тот храм, где пел Ваня, послушать его и приносили мальчику сладости в знак благодарности.

Около шести лет провел Ваня в монастыре. А когда начал ломаться голос и петь было нельзя, он уехал к знакомым в Васильков, что неподалеку от Марьяновки, и нанялся работать на конюшню, ухаживать за лошадьми. Он очень любил лошадей и стал неплохим наездником. А дома еще долго считали, что Ваня учится в Киеве... Потом он вернулся в Киев и поступил в Музыкально-драматический институт в класс профессора Муравьевой.

Мама Ивана Семеновича, Анна Герасимовна, сомневалась, что из сына выйдет толк. Ей говорили: мальчик очень одарен, он станет знаменитым певцом. «Чтобы стать певцом, надо тоже много трудиться», — отвечала она, качая головой. «Как же так, одни матери считают своих оболтусов лапочками, а другие своих толковых детей — непутевыми, где же справедливость?» — спрашивала я у деда. «Справедливость есть, только ты ее не там ищешь», — был его ответ. Он очень любил свою маму. Каждый раз, когда приезжал в родной дом, привозил ей и сестре подарки — платочек, юбку, ткань на платье. На всех торжествах его первый тост был неизменным — за родителей. Дома после трапезы Иван Семенович всегда читал молитву: «Благодарю тебя, Господи, яко насытил нас...» А в конце обязательно добавлял: «...спасибо Богу и моим родителям».

Казалось бы, общее образование Ивана Семеновича оставляло желать лучшего, но он всегда производил на собеседников впечатление глубоко образованного и эрудированного человека, причем не только в вопросах музыкальных, но и в литературе (как русской, так и украинской), истории, философии, искусствоведении. Дело в том, что он очень много читал и обладал блестящей памятью. В его библиотеке тысячи (без преувеличения!) томов, и практически в каждой книге можно найти его пометки. Кроме того, я помню, что Иван Семенович выписывал все существовавшие в советское время литературные журналы и журналы по искусству всех жанров, а также «Науку и жизнь» и «Вокруг света» и все (!) их читал. Он говорил, что, если бы Бог не дал ему голоса, он стал бы историком.

1918 год. Иван Семенович в Полтаве на гастролях с театром М. К. Заньковецкой. На Украине начинается гражданская война, Киев переходит то к красным, то к белым. Иван получает телеграмму от брата Федора: «Срочно возвращайся в Киев, мы уезжаем». Брат тоже был певцом, пел в знаменитом хоре Кошица. Кошиц слышал и Ивана и готов был взять его с собой, чтобы «спасти мальчика». Две недели, как на работу, каждое утро приходил Ваня на вокзал, но поезда в Киев не ходили. И Федор уехал без брата. Хор Кошица обосновался в Америке, Федор там пел, а потом стал священником русской

православной церкви в местечке Пайн-Буш под Нью-Йорком. Встретиться братьям суждено было спустя пятьдесят лет, во времена хрущевской «оттепели», когда Федор получил возможность приехать туристом в Россию.

Но все же «мальчика спасли», только не Кошиц, а красный командир. А дело было так. Ивана мобилизовали в Красную армию, как знатока лошадей отправили в кавалерию (сам напросился). Командиру понадобился запевала для отряда, и он спросил у новобранцев, кто может громко спеть походную песню. И Иван спел... Хватило одного раза. В тот же день командир отряда написал рапорт своему начальству, что так, мол, и так, есть у нас в отряде удивительный певец — рядовой Козловский, только место ему не на войне, потому что если с этим рядовым что-то случится, то он, командир, себе этого всю жизнь не простит. Поэтому просит он перевести Козловского подальше в тыл, на строительные работы. И перевели Ивана в инженерные войска! Интересно, а в наше время как бы поступило командование, и нашелся бы такой командир? Впрочем, и рядовой Козловский был явлением уникальным.

Все это Иван Семенович рассказывал в ответ на мои вопросы о его детстве и юности. Кроме меня, других внуков у него не было, а детей он любил, и поэтому на мою долю выпало много общения с дедом. Лето мы проводили вместе на даче в Снегирях, а зимой я часто заходила к нему сначала после школы, находившейся за углом его дома, а позже — после занятий в университете: просто пообедать, поговорить, а вечером сходить в консерваторию, в театр или на званый обед. Только с начала 90-х, когда я вышла замуж и у меня родилась дочь, а потом сын Иван, мы почти не виделись; я знаю, ему было грустно, но и у меня были нелегкие времена, а в декабре 93-го его не стало...

Я сейчас живу в его квартире в Брюсовом переулке, и меня, спустя 10 лет после его смерти, не покидает ощущение его присутствия. Если бы он вдруг появился передо мной, я бы не только не испугалась, но даже бы и не удивилась. Часто он мне снится по ночам, и всегда светло, легко и умиротворенно. Чем дольше я живу, тем больше понимаю, какое огромное влияние оказал на меня дед (он не любил этого слова — «дед», я его называла «Дедик»). Например, как у каждого человека,

у него были неприятели — люди, которые когда-то с ним были несправедливы, которых он не любил, я бы даже сказала — ненавидел. И вот он, сознательно и целенаправленно, всегда старался этим людям сделать добро. Хлопотал, устраивал, доставал что-то для них, собирал подписи, при этом чертыхаясь и кляня их на чем свет стоит. Мне по молодости это казалось безумием, юродством каким-то, но где-то в подсознании у меня закрепился такой стереотип поведения, что «так надо», и боже мой, как же мне это помогло в жизни! Благодаря деду для меня не только открылся мир искусства. Я стала кое-что понимать в жизни, в людях, во взаимоотношениях, а кроме того, научилась ставить цель, идти к ней и никого не бояться.

Не только на меня, но абсолютно на всех окружающих Иван Семенович оказывал неизгладимое влияние. Много людей бывало в его доме, и уходя многие ощущали какую-то новую для себя духовную наполненность. Казалось, что приоткрывалось именно то, к чему стремилась душа. И каждый получал по мере того, что мог вместить. Я помню, как на приеме в Даниловом монастыре, посвященном 1000-летию Крещения Руси, один архиерей сказал мне: «Знаете, как я люблю Ивана Семеновича? Почти как Бога!» Сначала шокирует, но ведь как емко сказано!

У Козловского не было возможности гастролировать по миру. Пора расцвета его таланта пришлась на времена «железного занавеса», да и позже путь в капиталистические страны для него был закрыт: боялись, что не вернется. И все же знатоков и поклонников таланта Козловского можно встретить в любой цивилизованной стране. Он дал всего лишь один концерт в Вене, в 1945 году, и с тех пор там существует общество «поклонников Козловского». Немецкая компания «Парс медиа» недавно выпустила цикл документальных фильмов «Двенадцать лучших теноров XX столетия». Один из фильмов снимали в России — о Козловском, этот фильм был показан по Германскому телевидению. В 1990 году Нью-Йоркское общество филофонистов пригласило меня провести вечер, посвященный Ивану Семеновичу. С каким восхищением слушатели принимали его записи! И это были не русские эмигранты, а американские музыканты, искусствоведы и просто любители музыки. На Украине Козловский — национальный герой,

гордость украинской культуры. И только в России, где певец жил и творил 70 лет, его имя все чаще и чаще упоминается ангажированными авторами всуе: и голос у него, оказывается, так себе, и репертуар. Даже доску памятную на его доме не можем «пробить» уже столько лет! Обидно...

Когда человек уходит, остается пустота. Всегда что-то недосказано, недодано, не закончено. Но вот с моим дедом, мне кажется, иначе. Он прожил такую жизнь и так, как должен был ее прожить. Не только для меня, для всех он сказал главное и оставил после себя след, который должен был оставить. В искусстве, а значит, как он говорил, и в жизни. А наш долг — даже не перед ним, а перед самими собой! — просто сохранить память.

Москва, 2004 г.

Примечания

Воспоминания написаны специально для данного сборника.

Нина Слезина

ПОЕЗДКА В КИЖИ

Итак, я лечу в Кижи...

Лечу одна. Сегодня 27 июля 1967 года.

Иван Семенович улетел еще позавчера, 25-го, в Петрозаводск. Там гастролирует Горьковская опера. Вместе с ее оркестром и артистами будет выступать и Иван Семенович. Всего три концерта: 25-го, 26-го и сегодня. На первые два я не попала, а на последний, сегодняшний, успеваю.

В Петрозаводск вместе с Козловским улетели пианист Николай Андреевич Миронов и Ольга Николаевна. Самостоятельно, но по настойчивому приглашению певца туда уехали Ирина Федоровна Шаляпина и Надежда Алексеевна Пешкова. Уехала и жена философа Валентина Фердинандовича Асмуса — Ариадна Борисовна с сыном, которого во всех случаях она величает «Васькой».

Никогда не была я ни в Петрозаводске, ни в Кижах. Видела в кино цветной фильм «Онего», видела, конечно, огромное количество фотографий, много читала, но сведениями из

путеводителей не переполнена, они у меня в памяти не остаются...

Дорога недолгая — около двух часов, из которых последние минут 40 летим над водой: озера, озера, озера... Разной величины, разной формы, но все синие-синие...

Петрозаводск — очень чистый, уютный город, в котором сочетаются русский северный стиль (напоминает Устюг, Вологду) и что-то западное — дома с белыми наличниками окон, деревянные, какие можно встретить на севере Прибалтики. Не буду даже пытаться описывать — это было сделано много раз и не такими беспомощными средствами, какими располагаю я.

Гостиница, в которой живут все — и горьковчане, и москвичи, — самая большая в городе, уютная, с великолепным рестораном.

Везде: в магазинах, на рынке, в гостинице — очень чисто, люди неторопливы, вежливы, спокойны. Это очень приятно.

У Ивана Семеновича вечером концерт в театре, поэтому пока он недоступен.

Иду на телеграф. Капает дождь, и это тоже создает какое-то спокойное настроение.

В ресторане — первая встреча: за столиком сидят Ирина Федоровна и Надежда Алексеевна. С Ириной Федоровной мы старые знакомые и, смею сказать, даже приятели, партнеры по преферансу, а Надежду Алексеевну я вижу впервые. Обедаем все вместе. Ирина Федоровна пока очень довольна (что, кстати, не так часто бывает) поездкой: она первый раз в этих местах, город ей очень нравится, публика — тоже. Она выступала уже дважды — читала эпизоды из биографии Федора Ивановича. Сегодня в концерте Ивана Семеновича будет участвовать и Надежда Алексеевна, известная мне по книжкам как «Тимоша». Она держится очень просто, с большим изяществом и обаянием и с увлечением рассказывает о том, что видела здесь. Они с Ириной Федоровной успели съездить на водопад Кивач, полны впечатлений и восхищены тамошней природой. Все с нетерпением ждут поездки в Кижи.

Ариадна Борисовна удрала туда с сыном сегодня, считая, что одной поездки для нее будет мало.

До концерта остается совсем немного времени.

Ну, вот мы и направляемся с Ольгой Николаевной в театр. Странно — улицы кажутся шире, чем есть, и очень чистыми, потому что народу мало. Вы идете по старой площади, где был Арсенал, вдвоем, кругом никого — старинное здание в классическом стиле, полукругом, чугунные львы, зелень, много-много воздуха — и никого. Это удивительно. И все это создает совершенно непривычное состояние свободы и покоя.

Народу в театре много, но все же он не полон. Это обидно, но неудивительно: месяц гастролирует опера, третий концерт самого Ивана Семеновича — для такого небольшого города, как Петрозаводск, да еще тогда, когда ажиотаж туризма пока не охватил Север, видимо, большая нагрузка.

Концерт начинает Ирина Федоровна. Она в темном костюме; жаль, что платочек под костюмом убирает шею, а это утяжеляет ее и так-то грузную фигуру. Но красива белая голова и весь облик величавой «маркизы». Она читает, сидя за столиком, эпизод из биографии Шаляпина — концерт в Орехове-Зуеве. Слушают ее очень внимательно, принимают хорошо. На меня ее выступление произвело самое благоприятное впечатление — и от того, как она выглядела, и от того, настолько выразительно она читала, и от того, что читала *именно она.*

*Мне приходилось неоднократно слышать упреки в ее ад*рес, что она использует имя отца, чуть ли не спекулирует его именем. Не знаю. У меня же, наоборот, вызывала самое глубокое чувство уважения ее неустанная забота о памяти отца. Она сохранила многое из того, что было бы невозвратно утрачено, если бы не ее усилия. Кстати, от этой «спекуляции» на имени она имеет значительно меньше того, чем мы ей обязаны. И я была искренне рада, что принимали Ирину Федоровну хорошо. Она это чувствовала и была в ударе.

Описывать концерты Ивана Семеновича я не могу. Для квалифицированного разговора у меня нет знаний, а любительские ахи сама не люблю.

Пел он два отделения. Был во фраке, великолепно выглядел. Задник на сцене дали хорошего светло-синего цвета, мягко осветили его, и на этом фоне прекрасная черная фигура с белой головой была скульптурна, благородна и гармонична.

И в который раз меня поразила эта гармоничность Ивана Семеновича во всем, что он делает. Думаю, что он всегда видит себя со стороны, а придирчив он достаточно, и к себе — тоже...

В первом отделении Иван Семенович пел романсы Рахманинова, в том числе свои лучшие — «Здесь хорошо», «Проходит все» и даже «Христос воскрес», в сопровождении рояля.

Пел хорошо, но у меня было абсолютное убеждение, что эти романсы должны были бы венчать концерт. Заканчивалось первое отделение арией Ленского.

Во втором отделении — старинные русские романсы. Иван Семенович пел легко, с блеском, с огромным успехом.

В концерте принимала участие прима Горьковской оперы Клара Иткина. Прекрасно звучал дуэт «Не искушай...» Глинки.

С Кларой мы встретились почти через 20 лет во время гастролей театра в Москве, узнали друг друга сразу же и с удовольствием вспоминали нашу общую поездку.

На второе отделение, запыхавшись, примчалась Ариадна Борисовна в туристском одеянии, даже в кедах. Оказывается, они не сумели вовремя выехать из Кижей: не могли сесть на «ракету». Пока ожидали дополнительную, вне расписания, время ушло, и они опоздали. О Кижах связно не рассказывает, а только «причитает».

Ну, вот наконец Иван Семенович освободился тоже, теперь и он может не только смотреть, но и видеть: и город, и водопад, и остров, и все что угодно. Можно выйти из жестких рамок певческого режима.

Возвращаемся после концерта втроем. Очарование от города увеличивается — светло, тихо и как-то очень просторно.

Жду Ивана Семеновича в вестибюле гостиницы на втором этаже. Появляется Геннадий Петрович Никитин, директор Горьковской оперы; он заботится о том, чтобы устроить меня, но меня это мало волнует: можно пойти и в номер к Ариадне Борисовне с «Васькой», можно расположиться и в номере Ольги Николаевны, на чем она усиленно настаивает. В общем, это не главное, тем более что скоро все и устроилось.

Наконец, появляется Иван Семенович — в своем темно-зеленом плаще, с пестрым шарфом, с цветами. Как всегда после концерта, вид у него какой-то освобожденный, легкий, я бы сказала — размягченный и добрый. Меня встречает шуткой:

«Приехала — думал, здесь поживу спокойно!» На самом же деле как будто и доволен. Спрашивает, как долетела, что в Москве, как маленькая на даче.

Идем к нему в номер. Живет он в одном из лучших номеров гостиницы — скромном, но все же двухкомнатном. В первой — большой письменный стол, тумбочка и два кресла, во второй — две кровати, маленький столик, низкие кресла, зеркало. Вот и все.

Иван Семенович веселый, попросил пригласить Ариадну Борисовну, пришли Н. А. Миронов и Г. П. Никитин. Николай Андреевич завтра же уезжает, поэтому посидел с нами недолго. Меня удивило, что он обращается к Ивану Семеновичу на «ты». Это, в общем-то, не часто бывает. Быстро ушел и Никитин.

А мы посидели тихо, посмеялись, поужинали на этом маленьком, почти журнальном столике. Спланировали завтрашнюю поездку. Разошлись довольно быстро.

Назавтра утром я сбегала на рынок: хотела купить маме морошки, но ягод нет.

Пришла к Ивану Семеновичу, позавтракали и стали собираться. «Ракета» уходит около полудня. Приехали на пристань, но потерялся ни более ни менее как сам директор — Геннадий Петрович. Наконец, появился и он.

Компания составилась довольно большая: Иван Семенович, Ирина Федоровна, Надежда Алексеевна, Геннадий Петрович Никитин, Клара Иткина, гитарист из Горького Слава Широков, молодой, длинный и тонкий — прекрасный, как оказалось, музыкант, их творческое содружество с Иваном Семеновичем продолжалось впоследствии, — несколько человек артистов и мы: Ольга Николаевна, Ариадна Борисовна с сыном и я.

Все очень оживлены и хорошо настроены. Места в «ракете» у нас первые, лишь Геннадий Петрович устроился в проходе лицом ко всем.

Наши дамы — подружки Ирина Федоровна и Надежда Алексеевна — взяли с собой какую-то еду: кур, конечно, огурцы, что-то еще. Над этим все подтрунивают, но Ирина Федоровна стойко отбивается, угрожая, что никому не даст даже понюхать. Мужчины тут же добыли какого-то хорошего пива и хотят взять его на остров, но в то же время таскать никому не хочется, поэтому разделались с ним на месте.

Погода дивная — жарко, ветра нет, ни облачка... Озеро синее-синее. Берега иногда исчезают из поля зрения, иногда один берег — попеременно то правый, то левый — виден. Берега мягкие, зеленые, низкие. Никакого жилья. Очевидно, все это весной затапливается водой. На озере много небольших, очень уютных на первый взгляд островков. Поездка тихая, спокойная... Проехали какой-то островок с небольшой деревянной церквушкой. Все как в кино или во сне.

Через час с небольшим показалось чудо — Покровская многоглавая церковь. К нашему счастью, от острова отчаливает большой теплоход с экскурсантами. Таким образом, народ будет только тот, кто приехал на нашей «ракете».

Не знаю, какое впечатление произвело бы все, что мы увидели на острове, в другое время. Наверное, в каждый период и при каждом освещении в нем есть своя прелесть. Но зрелище необыкновенное. И не только потому, что каждое строение — драгоценный памятник уму и рукам человеческим, но вся атмосфера острова, поразительного слияния церквей и домов с природой, прочно хватает за сердце и уже не отпускает.

Яркий день, жара около 30°. Высокая желтая рожь, нескошенная трава, кое-где снопы уже убранного хлеба, синяя-синяя вода, едва плещущая в берег, и темные кружевные строения. А когда вы идете внутрь, поднимаетесь по деревянным лестницам, теплое, пахнущее солнцем дерево дополняет впечатление.

Идем все вместе, не спеша, наслаждаясь всем, что нас окружает. Слава потихоньку наигрывает на гитаре. Ирина Федоровна, сверкая своими огненными черными глазами, приплясывает цыганочку.

— Сено!

Все валимся в копну сена. Хорошо! Настроение у всех великолепное.

Когда уже подходили к территории самого заповедника, встретили большую группу туристов в обычном для них рваном облачении. Они сразу же обратили внимание на Ивана Семеновича, узнали его. Сначала улыбались сдержанно и оглядывались. Потом несколько человек подошли и попросили у него автограф. После этого Иван Семенович был прочно взят в полон, но терпеливо и, по-моему, не без удовольствия

удовлетворил всех желающих. Они хором прокричали ему: «Спасибо! Пойте долго, Иван Семенович!»

Он им представил: «Вот это Ирина Федоровна Шаляпина, дочка Федора Ивановича, это Надежда Алексеевна Пешкова, невестка А. М. Горького, жена его сына Максима, это — товарищи, коллеги, музыканты из Горького...» В итоге автографы дали Ирина Федорова и Надежда Алексеевна.

Пока оформляли нашу экскурсию, сели на длинную деревянную лавку под деревянным же навесом.

Иван Семенович верен себе — не умеет и не любит радоваться один. Ему всегда хочется приобщить к своей радости, к тому, что он видит, и тех, кого нет в этот момент. Тут же написал открытки Хряковым, Гельфрейху, Петру Павловичу Никитину. Все подписали эти открытки и послали таким образом привет из Кижей в Москву.

Пришла наша экскурсовод, молодая беленькая девушка по имени Тоня. Она — студентка петрозаводского вуза, историк, перешла на 5-й курс. Летом работает в Кижах. Девушка, которая, видимо, не только очень любит свою работу, но и хорошо понимает, чувствует то, о чем рассказывает. Я не люблю стандартных пояснений, но Тоня опровергает все предубеждения. Речь тихая, неторопливая. Когда кто-то из присоединившихся к нам попросил ее говорить громче, она неожиданно сказала: «Нет, здесь громко говорить нельзя! Вам самим будет это неприятно. Не то место. Лучше вы подойдите поближе...» И она совершенно права.

Иван Семенович ходил всюду. Ему, конечно, хуже всех. Хотя мы встретили мало народу, но все узнают его, оборачиваются. Это утомляет и раздражает, конечно... Не раз он говорил мне: «Хорошо бы побыть тут самим...»

И все равно — великолепно!

Поднялись в церковь. Деревянный иконостас, старинное письмо икон, темные лики святых... В маленькие оконца врываются лучи солнца, придавая всему своеобразное очарование. Несмотря на жару, в церкви прохладно и сухо, в отличие от каменных строений. И в то же время, когда касаешься деревянных перил, они такие ласково теплые, успокаивающие. Таким может быть только дерево.

Были мы в крестьянском доме, перевезенном сюда из одного из северных сел. Дом — почти полная копия дома моего дяди Степана: со взъездом на сеновал на втором этаже, над хлевом, зимней избой внизу и летней горницей наверху. Правда, наш дом меньше украшен снаружи, а этот — весь кружевной, даже конек на крыше, сама крыша, наличники на окнах.

Дошли до маленькой часовенки, тоже, конечно, деревянной, даже не маленькой, а малюсенькой. В нее не пускают. Тоня хотела все же одного Ивана Семеновича впустить туда, принесла ключи, но тут же набежали любопытные, и Иван Семенович сам вынужден был отказаться от этого. Жаль. Ему очень хотелось. Пользуясь своим ростом, он постарался все же заглянуть сквозь небольшое, высоко расположенное оконце внутрь часовни.

Конечно, здесь надо посидеть, помолчать, посмотреть на небо и воду.

Около маленькой ветряной мельницы, на самом конце острова, высоченная трава, тихо плещет вода... И ты оказываешься вне времени.

Идем назад. За это время договорились о лодке, и мы имеем возможность побывать на других островках и проехаться по Онеге.

Неожиданно раздается «О!» — это Иван Семенович увидел кого-то из знакомых. Оказалось — киноактрисы Клара Лучко и Лидия Смирнова. Они присоединяются к нам. Честно сказать, это вызвало некоторые осложнения с размещением в лодке, но Иван Семенович есть Иван Семенович: положение его обязывает, а характер не позволяет поступить иначе.

Увеличившаяся компания продолжает двигаться к лодке. По дороге нас догоняет телега с сеном. На эту телегу с удовольствием забирается сам Иван Семенович и, конечно, уговаривает Ирину Федоровну.

Жаль, погибла пленка, были бы очень выразительные кадры.

Когда все — «экипаж» с самыми именитыми и пешие — прибыли к месту назначения, Иван Семенович легко соскочил, а выгружение Ирины Федоровны, которую мужчины на руках извлекали со дна «экипажа», сопровождалось, конечно, диким хохотом. Громче всех заливалась сама героиня, приговаривав-

шая: «Товарищи! Ну на что он меня подбил!» — адресуя это, разумеется, Ивану Семеновичу.

Лодка большая, моторная, но нас на два человека больше, чем предполагали сначала. Все равно — грузимся. На носу лодки располагается наш гид — тоненькая изящная Тоня. На первой скамейке — Ариадна Борисовна, Иван Семенович и я. Как всегда на лодке, мы сидим спиной по движению. Но я развернулась вперед, лицом к Тоне.

Поездка обещает быть чудесной — дивная погода, сказочно прекрасна вокруг природа, шутки и смех. Но не успели доплыть до первого островка, как мы с Тоней обнаружили, что лодка безбожно течет, наверное не выдержав перегрузки, вода фонтанами бьет в лодку. Тоня показала мне: «Молчите!» и скомандовала лодочнику пристать к берегу. Пока любопытные выясняли, почему хотим пристать именно здесь и что тут можно увидеть интересного, течь обнаружил и Иван Семенович, и другие мужчины. Правда, паники не было.

Приближаемся к берегу, но пристать нельзя — сплошные камыши, осока, топь. Решаем плыть назад. Дотянуть до того места, откуда отправились, не сумеем, конечно, — пристанем, где сможем. Лодка подошла близко, но огромные камни не позволяют «выброситься» на берег — расстояние до берега около метра. Тоня выскочила, как газель, за ней легко прыгнул длинноногий Иван Семенович. Правда, лодка по второму закону Ньютона здорово подалась назад, но лодочник вернул ее на исходную позицию.

Надежда Алексеевна тихо сняла туфли, приподняла платье, так же спокойно спустилась в воду и дошла до берега. Ее примеру последовали все женщины, кроме Ирины Федоровны. Ей такой способ не подходил совсем. Выскочили на берег Геннадий Петрович и Слава.

Надо было видеть Ирину Федоровну! Массивная, даже монументальная, с белой головой, чрезвычайно решительным лицом, она опиралась на шест лодочника, стоя в лодке. Ну — Ермак и покорение Сибири! Не иначе.

Принесли доску, которую положили с лодки на берег, образовав таким образом подобие моста. Но Ирина Федоровна непреклонно заявила, что она скорее останется ночевать в лодке, чем пройдет по этой доске, несмотря на всю галантность мужчин, предлагавших ей свою помощь.

Геннадий Петрович, мужчина невысокого роста и легкого телосложения, решил убедить Ирину Федоровну собственным примером. Но только он сделал два шага по доске, как та сломалась — и директор в полном облачении оказался в воде.

Обессилевшие от смеха, но убедившиеся, что такой путь Ирине Федоровне действительно не подходит, мужчины в лодке подняли Ирину Федоровну на руки и передали ее «по рукам» на берег. Спасение закончилось хоровым воспеванием благополучного конца.

Так бесславно закончилась наша поездка по Онеге. Постепенно все обсохли, оделись и пошли на пристань, со смехом переживая все происшедшее. В плавучем ресторанчике был заказан ужин... За столом много пели: Ирина Федоровна исполняла цыганские романсы — «Милая», «Всех покину», «Вы не придете вновь» и даже «Мама, я жулика люблю». Аккомпанировал Слава, довольно удачно, быстро ориентируясь. Очень много пел Иван Семенович под гитару — играл сам, играл Слава. Пел Козловский и русские романсы — «Что ты клонишь над водами», «Я тебе ничего не скажу», «Отцвели уж давно хризантемы в саду», «Ты меня не любишь, не жалеешь» и мой любимый вальс «Я не могу смеяться»...

Это незабываемо. Маленькая комнатка ресторана на дебаркадере, окно на озеро, видны синие-синие вода и небо, парящий Покровский собор — и все сияет в лучах уже низкого солнца. И вдруг в этом синем сверкании появляется лодка, ярко окрашенная, под желтым и красным парусом. Былина... Садко... По-другому даже назвать это нельзя.

Всему, даже сказкам приходит конец. Подходит «ракета», с которой мы должны отправиться в обратный путь. Дорога назад, по-моему, еще более чудесна, чем на остров. Чувства ожидания, которое было утром, конечно, нет. Но за окнами непередаваемая красота: справа по ходу «ракеты» опускается солнце, слева остается неповторимый силуэт острова с розовато-серебристыми куполами Покровского собора.

Все переполнены впечатлениями, но все же Ирина Федоровна не унимается и продолжает петь под аккомпанемент Славиной гитары. Сзади передают книжки-альбомы «Кижи» с просьбой дать автограф. Какое-то время Иван Семенович занимается этим. Сидит он с Надеждой Алексеевной и ведет

тихую, видимо очень интересующую его беседу. Потом, уже на берегу, и даже в Москве, много лет спустя, он вспоминал о том, что Надежда Алексеевна очень интересно и доверительно рассказывала ему о Горьком...

Так, потихоньку разговаривая, мы вернулись в Петрозаводск. А когда сошли на берег и оглянулись, я была потрясена — над озером висела огромная красная полная луна, но заря не погасла, и вся западная часть горизонта была красная с темными прочерками ночных облаков, и на этом фоне тихо раскачивались черные мачты стоящих у причалов баркасов. Сам же воздух — белесый, как бывает в белые ночи.

Иван Семенович с Ириной Федоровной поехали на машине, а мы все пошли пешком вдоль озера и по главной улице, ведущей к гостинице. И до сих пор мне жаль, что Иван Семенович не шел с нами — так великолепна была ночь.

Снова был импровизированный ужин с какой-то вкусной рыбой. И хоть Иван Семенович все приговаривал, что собрались мы ненадолго, но разойтись никак не могли — вспоминали поездку, Иван Семенович по обыкновению разыгрывал Ирину Федорову. Хотели даже вновь пойти по городу, но сил уже не хватило...

Следующее утро началось по-деловому. Машину для поездки на Кивач предоставил обком партии, и Иван Семенович считал необходимым перед поездкой нанести туда визит. До этого уточнил со мной номер расчетного счета колхоза Марьяновки, на который должны были быть переведены деньги за прошедшие концерты. Кажется, это все будет сделано, и Иван Семенович удовлетворен.

Ирина Федоровна и Надежда Алексеевна на Кивач не едут, так как они там побывали в один из дней, когда у Ивана Семеновича был концерт. Горьковчане тоже не рвутся, так как сегодня вечером они должны уезжать. Но все это до поры до времени...

Когда Иван Семенович и Геннадий Петрович вернулись из обкома, первый, конечно, стал уговаривать их ехать вместе с нами. В итоге, как и следовало ожидать, уговорил. Едем двумя машинами.

Маршрут такой — сначала Марциальные воды, потом Кивач. Хотя нас везет обкомовский шофер, но поездка начинается

с его ворчания и причитаний, что он не обедал, и кому это интересно ехать на этот Кивач, дорога паршивая, одним словом, «овес нынче дорог...» Ну что ж — не повезло! Против ожидания, Иван Семенович как-то сумел поставить психологический барьер и не очень на это реагирует.

Дорога прекрасна, очень живописна. Останавливаемся на каком-то холме, откуда очень красивый вид. Тут же старое кладбище, на котором мы нашли могилу русского филолога Ф. Фортунатова.

Кругом лежат валуны, а впереди сосны и неоглядные дали.

Потом остановились в маленькой деревушке около большого озера. День жаркий, но какая-то дымка в воздухе. Озеро абсолютно неподвижно, полного покоя вода. Прошли по мосткам вперед, вдоль озера — тут, очевидно, причал. Такое спокойствие вокруг и такая тишина!

«Вот бы тут пожить, помечтать», — говорит Иван Семенович. Два мужика сгребают в копну сено. Иван Семенович взял небольшую охапку сена с собой (он любит привезти домой сено, на которое потом, зимой, по украинскому обычаю ставится узвар). Но на вопрос кого-то, зачем он взял сено, он на полном серьезе ответил: «Нину по дороге буду кормить». Все, естественно, весьма веселились по этому поводу.

Деревни все располагаются по берегам воды и очень напоминают мне Тотьму.

Проезжали старый завод, еще петровских времен. Вышли, посмотрели сверху на него и на поселок.

Дорога к курорту Марциальные воды довольно оживленна. Это — железистые источники, открытые еще при Петре I, там есть и мемориальные доски, и его бюст.

В помещение, где небольшой музей, пошли не очень охотно, решив все осмотреть побыстрее. Подошла экскурсовод. Иван Семенович ее даже попросил: «Милая девушка, Вы нам очень подробно не рассказывайте, но посмотреть главное мы бы хотели». А оказалась очаровательная, хорошо подготовленная собеседница, которая нам очень интересно представила место. Она показала нам и церковь, очень древнюю. Вся внутренность побелена, вдоль стен стоят деревянные лавки, иконы старого письма, но реставрированные. На хоры есть лестница, но ходить туда не разрешают. И опять создается

такое умиротворение, что уходить не хочется, хотя всё более чем скромно.

Был и смешной эпизод. Пока в музее делали запись в книге отзывов, я вышла и села в тени на скамейку. Спустя некоторое время ко мне подошла интеллигентная пожилая женщина и сказала: «Что же вы здесь сидите? Идите скорее в музей, там Козловский. Он сюда приехал. Идите, идите, когда еще его увидите!»

Я поблагодарила ее.

Попробовали воды из источника и отправились дальше на Кивач.

Посмотрели там, как сплавляется лес по желобу, как искрится падающая масса воды, погуляли...

А назавтра вылетели в Москву.

СВЯТОГОРЬЕ

— Вот алтарная часть собора. На этом месте всегда стоял Иван Семенович Козловский, когда выступал здесь на Пушкинских праздниках. Перед ним, немного сбоку, стоял семисвечник со свечами. Хор располагался в алтаре. Он пел с хором, пел один в сопровождении арфы. Козловский принимал участие в Пушкинских торжествах 11 раз, — так рассказывают экскурсоводы в Святогорском монастыре...

Неужели я была этому свидетель?!

Если выступление в соборе, где отпевали Пушкина, где рядом его могила, куда приезжают тысячи и тысячи людей, а стремятся приехать еще больше, если это выступление вошло в перечень особых событий, связанных с этим местом, значит, само оно — событие!

И я была этому свидетель. И не один, а 9 из 11 раз!

Процентами с этого капитала можно жить долго, черпая в них что-то, противостоящее горечи и печали, одиночеству и слабости. Спасибо судьбе, подарившей мне эти минуты!

Первое воскресенье июня. Раннее утро. Мы выезжаем из Пскова в Михайловское.

Основная часть гостей отправилась туда еще вчера, а Иван Семенович и артисты, которые выступают с ним, будут утром. В Михайловском и Пушкинских горах негде остановиться. Там есть только старенькая, еще пушкинских времен гостиница, холодная и без всяких удобств.

Итак, едем. В машине мы вдвоем. Я сижу на своем постоянном месте — позади Ивана Семеновича. Все волнует: и сосредоточенность Ивана Семеновича, присущая ему перед концертом, и предстоящее его выступление, и ожидание встречи с Михайловским... Иван Семенович едет туда уже вторично, а я — первый раз.

Все ли взяли? Портфель, большой гонг — в случае необходимости он заменит колокол, колокольчики, которые Иван Семенович привез с Цейлона. Там они тихо звенели, колеблемые легким ветерком, а сейчас играют роль подголосков. Взяли и «походный» запас вина, еды, термосы с горячим черным кофе и горячим чаем... Кажется, все.

Отъезжаем от гостиницы примерно в 7 часов утра. Город пустынен, от этого очень просторен, чист, празднично убран — портреты Пушкина, транспаранты с цитатами, персонажи пушкинских произведений: то рисунки, то объемные фигуры, то целые сюжеты с декорациями.

Остаются позади кремль с его замечательным асимметричным собором, Мирожский монастырь, река Великая. Выезжаем на основную трассу.

Низкое свинцовое небо. Холодно. Неуютно. Недавно кончился дождь, холодный, почти со снегом. Земля мокрая, трава прибита дождем. Утро серое и печальное.

Проехали Остров, мост через Великую. Здесь она значительно у́же, чем во Пскове. Небо стало выше, кругом посветлело, но день продолжает сохранять свою неприветливость и неуютность.

Все чаще обгоняем автобусы, грузовые, крытые и некрытые машины. Это едут в Михайловское, на Пушкинский праздник.

Около 9 часов утра подъезжаем к Святогорскому монастырю. Ворота закрыты. Около них милицейские патрули. Начальник патруля козыряет Ивану Семеновичу, ворота открывают, и мы входим во двор монастыря. Никого нет. Только Иван Семенович и я. Дождь кончился, но всё — земля, деревья, воздух —

насыщено холодной влагой. И чувство печали становится еще острее. Не знаю, что испытала бы я, впервые войдя сюда в солнечную погоду, как, кстати, потом бывало не раз, но эта встреча с Пушкиным оказалась преисполненной чувством одиночества и грусти.

Справа и слева — сирень. Но какая! Тяжелые лиловые и белые гроздья почти сплошь покрывают кусты. Нигде больше я не видела такой сирени.

Поднимаемся по лестнице к подножью Успенского собора. Здесь могилы самого Пушкина, его матери, дяди. Поклонились, постояли у ограды. Кругом — никого. Больше такой минуты для меня не будет за все наши посещения...

В соборе — холод и сырость склепа. Храм голый: ни росписи, ни икон. Только слева от входа — огромный колокол с отбитым краем, да на стенах — фотографии собора и могилы Пушкина после изгнания немцев.

В правом приделе стоял в февральскую ночь 1837 года гроб с телом поэта. Сейчас тут посмертная маска Пушкина, и кажется, что все это было совсем недавно, вчера.

Очень, очень холодно. Как петь тут?

Пока не приехали хор и солисты, стремимся уйти отсюда. Заходим в маленькую сторожку у ворот. Там тепло. Ивана Семеновича радостно приветствуют хозяева, тут же приносят ему огромный букет пушкинской сирени, какие-то сувениры. А тем временем приехали Шура Фирстова, Марина Сорокоумовская, Жанна Сергеева, хор. Последняя до концерта спевка.

Пришла Любовь Джалаловна Гейченко, принесла одеяла, теплые пальто, чтобы пока можно было бы накинуть на плечи.

Потихоньку распевается хор, к нему присоединяется Иван Семенович. Марина мучается: арфа не адаптировалась к температуре и не держит строя. Но вот все позади.

На территорию Успенского собора входит торжественная процессия с венками и цветами. Дождя нет, но тучи висят, и все украдкой поглядывают на небо.

Стою внутри собора, но слышу характерный голос Андроникова, открывающего митинг. Говорит кто-то еще, затем еще... И наконец все входят в собор. Без объявления хор начинает: «...могиле этой дорогой всем сердцем поклонись». Слова принадлежат Исаковскому, а чья музыка, не знаю. В это время

Иван Семенович в пальто ждет своего выхода в левом приделе. Мерзнут ноги. Конечно, в летние дни собор прогреется, но сейчас, после зимы и дождливой весны, здесь очень неуютно. И это для меня только подчеркивает значительность происходящего. Какая другая ситуация могла бы заставить петь в таких условиях?!

Иван Семенович выходит как на самый торжественный концерт — в строгом черном костюме, галстуке-бабочке. Подтянутый, собранный, какой-то озаренный...

В соборе сумрачно, но от свечей ложится теплый отсвет на его лицо. Фотоснимки, запечатлевшие Козловского у алтаря Успенского собора Святогорского монастыря, арфу и свечи рядом с ним, стоящих полукругом людей, обошли едва ли не все наши газеты.

Вижу — вот Ираклий Луарсабович Андроников с Вивой Абелевной, вот Семен Степанович Гейченко, Давид Кугультинов, Людмила Щипахина, Роберт Рождественский, Сергей Васильев... А тут и начальство из Пскова, Пушкинских гор: П. С. Марковский (его уже нет в живых), А. И. Медведева, А. А. Романовский, А. Ф. Васильева. Тут украинская делегация во главе с секретарем ЦК КПУ Ф. Д. Овчаренко, П. Т. Тронько, Г. И. Майборода, Н. М. Ужвий.

Раздумчиво, даже эпически начинает Козловский монолог Пимена: «Еще одно, последнее сказанье...»

Сколько раз пел его Иван Семенович в Большом зале Консерватории с симфоническим оркестром! Но здесь это звучит иначе. И не столько потому, что все создает особое обрамление исполняемому, а потому, что певец сейчас аккумулировал все свои душевные силы, все то, что накоплено годами раздумий. И эта гармония настроения, эмоционального взлета и обстановки создает необычайный эффект.

«Спасе нас, спасе нас», — тихо заканчивает хор, и мягко звучит колокол (вот и пригодился гонг). Звук тает под сводами собора. Взлетели голуби, примостившиеся вверху, под куполом. Пауза. Все дружно вздохнули, слегка шевельнулись, и снова — тишина.

«Выхожу один я на дорогу...» — начинает арфа, затем вступает Иван Семенович. Лермонтовские строки на одном дыхании переходят из одной в другую. Какая теплота и какое

умиротворение! Если Пимен — над нами, он повествует, стремясь быть правдивым в рассказе о том, чему был свидетель, то каждая строка Лермонтова — о тебе. Это — твое, личное.

И правда, лица почти у всех смягчаются, добреют. А через несколько лет в такой же ситуации я увижу, как бегут слезы из глаз Андроникова и он их не вытирает; увижу, как замирает весь устремленный вперед Антокольский, почти готовый ударить каждого, кто ему помешает слушать. А потом он скажет мне: «Это чудо! Это такой же взлет творчества, как у Лермонтова. Такой же! Послушайте, как у него звучит это „В небесах торжественно и чудно“, — какая широта, какая созерцательность, как он расставляет смысловые акценты, какое пиано. Молодец! Гений!»

И наконец, в заключение — «Санктус» из «Реквиема» Берлиоза. Иван Семенович поет по-латыни сольную партию тенора. А Шурочка Фирстова помогает хору — она ведет сопрановую партию и ставит необыкновенно красивую ноту, на которой держится весь хор. Тембр у нее очень теплый, красивый. Так это празднично и светло...

Набрасываю на плечи Ивана Семеновича пальто. В храме стало чуть-чуть теплее, но только чуть-чуть...

Подъем душевный не спадает, он переходит в другое качество. Это — уже радость от сделанного, от осуществления желаемого. Радость удовлетворения.

Ивана Семеновича окружают, благодарят, просят автографы. Но надо выходить, скорее выходить, несмотря ни на что, — на улице теплее. Вновь подходим к могиле Пушкина. Сейчас она вся в цветах. Очень красивый венок из живых ландышей. Это — от немцев. Мы по традиции положили колоски и серебряные монетки.

Снимают Ивана Семеновича очень много: фотографов, и профессионалов и любителей, — огромное количество. Но торопят — надо ехать на Поляну. Там в 12 часов открывается праздник.

Огромная поляна, окаймленная высокими деревьями. С одной стороны ее — книжный базар. Тут можно схватить и хорошие книжки. Но главное — тут можно поставить штамп «Второй Пушкинский праздник поэзии».

Большая эстрада с портретом Пушкина. Перед ней ряды низких скамеек. Для гостей. Основная же масса приехавших сюда людей располагается вокруг на земле — целыми семьями, компаниями, иногда с закуской... Но над всем этим готовым к празднику местом висят свинцовые тучи.

Президиум занимает места. Председатель — Ираклий Андроников. Всех участников приветствует секретарь Псковского обкома партии. Он говорит о Пушкине, о Михайловском, о тех, кто приехал на праздник. Среди присутствующих здесь одним из первых называет Козловского...

Речи, выступления поэтов. Но неуютно, холодно, дует резкий, пронизывающий ветер, беспокойно шумят деревья. Посовещавшись, организаторы и Иван Семенович решают, что ему и певцам выступать не следует. Начинает накрапывать дождь, постепенно усиливаясь, и ясно, что он сорвет праздник. Быстро садимся в машины. Когда ехали от Поляны, дождь уже стоял стеной, и наша «Волга» превратилась в амфибию — мы буквально плывем. Нет возможности заехать ни к Гейченко, ни в Тригорское, ни на Савкину горку. Все это много раз я увижу впоследствии, а сейчас уезжаю, увозя с собой только Святогорский монастырь и отчасти Поляну...

Замерзли все очень, даже носы посинели. В таком полуживом и далеко не авантажном виде добираемся до ресторана в Пушкинских горах, где принимают украинскую делегацию и участников праздника. Какое счастье — тепло, на столе все, чего пожелаешь, и можно выпить рюмку коньяку, чтобы согреться. Все понемногу приходят в себя. Говорят тосты, читают стихи по-русски, по-украински, по-испански, по-калмыцки.

— Мы благодарны Пушкину за ту необычайную духовную силу, которая позволяет каждому из нас черпать из этого кладезя чистоты и мудрости то, что необходимо для жизни, для творчества. Сейчас мы можем и должны сказать спасибо за то, что великий поэт нас объединяет. Сколько людей приехало на этот праздник, а ведь уже утром было видно, что погода может подвести, но это не остановило тех, кто целыми семьями шел сюда, чтобы поклониться Пушкину, — говорит Иван Семенович. — Здесь присутствуют товарищи с Украины, которые приехали сюда с высокой миссией отдать дань любви и уважения поэту. Спасибо Пушкину, что он нас объединил. Спасибо

тем, кто все это организовал! Ну что же, «Гей, наливайте повні чари, щоб через винце лилося», — запевает Иван Семенович, к нему присоединяются украинцы, а затем и остальные, — «щоб наша доля нас не цуралась, щоб краще в світі жилося!»

Вечером в Пскове, в здании облисполкома — прием, на который был приглашен Иван Семенович. Он без труда добился еще трех пригласительных билетов для певицы, арфистки и пианистки.

После приема мы все вместе весело посидели в номере у Ивана Семеновича, переполненные всем пережитым за день. За окнами — белая ночь, что ощущается, несмотря на пасмурную погоду. Так закончилась для меня эта первая встреча с Пушкинскими местами.

А затем... Время читает свою вечную книгу. Первое воскресенье 1969 года, 1970-го, 1971-го, и так до последнего моего пребывания во Пскове и Михайловском — до 1976 года. Иван Семенович был там еще и в 1977 году.

Ритуал праздника принципиально не меняется.

В пятницу во Пскове, в Драматическом театре (лишь однажды это было в новом современном Доме политпросвещения, так как театр был на ремонте) — торжественный вечер и концерт. Ивану Семеновичу предоставляется почетное право выступать во время торжественного заседания. По-разному было в разные годы. Он пел соло под рояль, под арфу, пел дуэт Глинки «Не искушай» с А. Фирстовой, Светланой Лукашовой, пел сцену дуэли в плащах и цилиндрах с В. Отделеновым — Онегиным, О. Птухой и А. Гелева — Зарецким...

В субботу все ведут образ жизни, присущий гостям: ездят на экскурсии, ходят по городу, сидят в ресторане... И только И. Козловский и приехавшие с ним артисты имеют очень напряженный день, заполненный трудом. Идут репетиции с хором учащихся культпросветучилища Пскова. Александр Федорович Тучкин, хормейстер, приезжает обычно заранее в Москву, обсуждает с Иваном Семеновичем задачи хора, согласовывая все необходимое для выступления. Но живое звучание — особая статья. И идут долгие спевки, репетиции, в которых Козловский стремится к приемлемому звучанию хора, отвечающего его требовательности.

В воскресенье — самое главное, ради чего так рвется сюда душа Ивана Семеновича: выступление в Святогорском

монастыре. Да и выступление ли это? «Служением» назвал Павел Григорьевич Антокольский действо И. Козловского в соборе.

Затем — концерт на Поляне. После него — к Гейченко, в усадьбу Михайловское, в Тригорское, на Савкину горку. Вечером — прием во Пскове, обычно в гостинице. А ночью — Псковский кремль.

В понедельник все разъезжаются, а мы направляемся в Печоры, в Псково-Печерский монастырь, по дороге заезжая в стариннейший городок Игорек.

Во вторник вылетаем в Москву.

В четверг, уже в Москве, в зале им. П. И. Чайковского, а два последние года — в Центральном доме литераторов — заключительный вечер Пушкинского праздника, в котором непременно участвует Иван Семенович.

Часовня над Соротью, Савкина горка,
Зачем вы сегодня так остро и горько
Встревожили душу мою?

Н. Басовский

Савкина горка для меня — эмоциональная точка праздника. Сюда приезжаем уже после Святогорского монастыря, после Поляны, даже после Семена Степановича Гейченко. После нервного напряжения, водоворота людей, музыки и шума.

Обычно здесь никого нет. В некоторые годы встречаются две-три пары, так же ищущих тишины...

Часовенка, которую восстановил все тот же неугомонный Семен Гейченко. Она выглядит отнюдь не новой, подлинность ее сомнения не вызывает, хотя «современники» Пушкина здесь — только дверные петли. Крест, подножием которому служит небольшой неотесанный гранит. А в стороне — старинное било: гнутая железная дуга и палка, которой бьют по этой дуге. И все... Но перед тобой открывается необычайная даль — петли Сороти, которая ярко блестит в солнечные дни и мягко сереет в пасмурную погоду. Иногда там, внизу, оказывается рыболов в лодке...

Справа в долине далеко виден ветряк, который Гейченко перевез сюда из какой-то деревни, и в зелени просвечивается Пушкинский дом. А почти напротив — Петровское. Сначала это было просто обозначением — «вон там, где деревья, там

было имение Ганнибала Петровское». А сейчас видны и строения. Это Семен Степанович, необыкновенный человек, восстановил имение предков Пушкина.

На открытии усадьбы Петровское С. С. Гейченко произнес речь. Казалось бы, что может сказать официальное лицо — директор заповедника — на официальном открытии еще одной части музея? Но Семен Степанович говорил так, что присутствовавшие плакали. Плакали потому, что в словах его были живые люди — предки Пушкина, он сам, а мы пребывали здесь, когда им вручали то, чего они долго были лишены, — дом, сад, беседка над озером, скамейки в уютных «ложах» из роз. И все это живо, необходимо. Такова магия обыкновенных слов необыкновенного, отнюдь не сладостного, а резкого и умного Семена Степановича Гейченко.

А на Савкиной горке — тишина... Смотришь вперед — и никаких признаков нашего жестокого цивилизованного века: нет движения, нет даже электрических линий (они упрятаны под землю), чтобы ощущение Пушкина жило в привычной поэту обстановке.

Если не было и нет дождя, а иногда и снега, расстилаем пальто Ивана Семеновича, он садится, мы — вокруг и молчим...

И для меня это второй пик праздника. Если первый — минуты напряжения и волнения, минуты подъема в Святогорском монастыре, то теперь — это минуты умиротворения, такой же меры накала, но с обратным знаком. Постепенно уходит все волнение... Иван Семенович молчит, переживая, видимо, все происходившее сегодня и то, что возникает по ассоциации.

Посидели, помолчали. Встали, собираемся дальше — в Тригорское. Уже шутки, смех, розыгрыши. Кто-то подходит к Ивану Семеновичу, благодарит за выступление, просит автограф, иногда его фотографируют.

Как-то к нам подошел заместитель С. С. Гейченко, посидел с нами, рассказал немало интересного о музее, утащил нас в деревню, которая совсем рядом, угощал холодным молоком, чему все очень обрадовались. Но даже при всем хорошем было жаль этих нескольких тихих минут...

Есть фотография, не очень удачная по качеству, но, как мне кажется, превосходная по настроению: Иван Семенович

сидит на Савкиной горке, перед ним завораживающий своим покоем вид на Соротъ, Михайловское, Петровское. А он сидит, отдыхая, с сознанием, что завершена такая необходимая работа.

Савкину горку я вспомнила потом, когда мы были с Иваном Семеновичем в Новгороде-Северском, на Черниговщине. Такой же высокий берег, такой же бескрайний обзор, очень мне нравится слово «окоем». Внизу — Десна, такая же вечная, и причудливая игра облаков. И такие же очарованье и покой!

Тригорское. На веранде дома нас встречает ворон — огромная черная птица, которая не может летать: повреждено крыло. Ходит важно, держится сердито. К себе не подпускает, но угощение принимает с удовольствием. Никогда раньше и никогда потом я не видела ворона. Не удивительно ли, что именно здесь тебя встретила птица, сказку о которой я учила еще в далеком детстве, читая «Капитанскую дочку»?

Большой, длинный дом. Из окон его видны сад, пруд. За окном плывут облака, со старинных портретов смотрят те, кто слышали и шелест листьев за этими окнами, и клавесин, который сейчас огорожен шелковым шнурком. Ветер колышет занавески на окнах.

Иван Семенович прикасается к клавишам клавесина, и от этого все обретает нереальность. И группа наша становится очень грубой, никак не вписывающейся в эту обстановку. А прошлое легко восстанавливается — сейчас в комнату быстро войдут дочки Вульф: они в платьях-«татьянках», с аккуратными прическами с локонами... И оживут и столовая, и комната матери. Это такое странное ощущение прикосновения к живой жизни тех, которые живут с тобой — или ты с ними? — на протяжении всего твоего общения с книгами.

Вот Иван Семенович за овальным столом пишет в книге посетителей. В ней много по-настоящему взволнованных слов, немало и вычурности. Но главная мысль — «спасибо Пушкину и тем, кто бережет все, что связано с ним», — у всех...

Проходим через калитку с противоположной входу стороны и выходим на высокий берег Сороти. Вот скамейка, имя ей — «онегинская». Она белая, с прямоугольными пересечениями перекладин на спинке, с простыми подлокотниками. Хорошо известна по рисункам и фотографиям. Стоит она под

разросшимся суковатым деревом, низко нависает листва, а перед тобой — долина реки и сама Сороть. Как красиво!

Все усаживаются на эту скамейку, стремятся устроиться поближе к Ивану Семеновичу. Он обнимает наших «девочек», подкручивая несуществующий ус. Вот рядом с ним внучка Анютка. Он рад, что она здесь. Это видно по его лицу и по тому, как он прижимает ее к себе. В один год рядом с ним — Туся, в другой — Аня, в третий — Галина Ермолаевна. Все побывали здесь. Всем хотел показать Иван Семенович то, что видел здесь сам. Но у кого осталось это в памяти, не знаю.

Пианист Костя Костырев вспоминал поездку на Псковщину неоднократно, певица Шура Фирстова делала все, чтобы еще и еще раз побывать здесь. Шура догоняла нас, добираясь в Псков из Сочи, терпя не одну пересадку. А хрупкая Марина Сорокоумовская испытывала огромные сложности с перевозкой своего так изящно звучащего и такого неудобного в обращении инструмента — арфы, которую, кстати, директор Псковской филармонии В. С. Багренко непочтительно назвала «бандурой», чем вызывала у Марины ярость.

Но вернемся к «онегинской» скамье. Красиво здесь, но немного суматошно. Как хорошо посидеть бы тут, особенно — для меня — осенью, когда падает и шуршит желтая листва, когда в прозрачном осеннем воздухе видно все далеко-далеко... Нетрудно представить здесь пушкинских героев, но еще более властно возникает перед глазами театр, ощутимо звучит музыка. Внутри тебя. И я ловлю себя — в который раз — на мысли, что тот Иван Семенович, который сидит сейчас на скамейке и еще полон пережитым от выступления, и тот, который в театральном костюме, во фраке или черном концертном костюме уводит тебя в мир, где сплавились поэзия Пушкина, музыка Чайковского и его личное, присущее лишь ему восприятие, врученное со сцены нам, — один и тот же человек! Очевидно, это и создает такую мою собственную внутреннюю приподнятость, ощущение праздничности и какой-то нереальности происходящего.

Концерт на Поляне. Иван Семенович выступает всегда не в концертной, а в торжественной части.

На сцене — президиум. Председатель неизменен — И. Л. Андроников. Только один раз, когда он болел, торжество вел М. А. Дудин.

На сцене над председателем — огромный зонт, под которым скрывается Ираклий Луарсабович, потому что члены президиума время от времени уходят, снова приходят, а ведущий — всегда на посту, как правило под палящим солнцем.

Если смотреть на сцену из «зрительного зала», то слева — трибуна, с которой выступают участники праздника. Справа, углом — пианино. Около него располагается хор, подпевающий Козловскому, и арфа. Иван Семенович в строгом черном костюме. Ни в какую погоду, даже в 30-градусную жару, он не разрешает себе поблажки. Единственное нарушение «протокола» — легкая светлая шапочка «неру», защищающая его так же, как Андроникова зонт.

Иван Семенович поет с микрофоном, поворачиваясь спиной к ветру. «Я помню чудное мгновенье», «Признание», «Зимний вечер»... В разные годы — разное. Но после пушкинских романсов поет вместе с двумя псковскими школьниками старую песню «Слети к нам, тихий вечер». Ребят готовили без Ивана Семеновича, была только общая репетиция. Волнуются, но радостные и собранные, а близкие их счастливы. Еще бы — такой праздник, трансляция и сам Козловский! Хор подхватывает каждый куплет. Это трогательно и красиво по существу. Заканчивает Иван Семенович всегда песней «Вечерний звон».

Из динамиков на всю округу льется:

...В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет.
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон!

И оттого, что поет это человек, у которого белая голова, а за плечами — целая эпоха, и подавляющее большинство присутствующих здесь прожили свою жизнь с этим голосом, слова песни кажутся вещими.

Лица у зрителей — и на скамейках, и на земле под кустами и деревьями — светлые и улыбающиеся, как при встрече с хорошо знакомым и любимым.

Иван Семенович берет в руки микрофон и трижды провозглашает СЛАВУ — Пушкину, Родине, гостям! Слава! — поет Козловский, и ему вторит духовой оркестр, разместившийся позади зрителей, а после звучит знаменитый хор М. Глинки «Славься!»

На двух последних праздниках Иван Семенович осуществил свою давнюю и постоянную мечту — полонез. Участники концерта, хор в торжественном шествии спустились с эстрады и пошли через «партер» к дальней точке этого импровизированного зала, и там уже Иван Семенович провозглашал «Славу», после чего все возвращались на сцену...

В первой паре с приседанием и легкими поклонами идет сам Иван Семенович — в один год его партнершей была балерина, а в последний раз — внучка Аня. За ними — видный кавалер, статный и красивый Владимир Кузьмич Отделенов с Александрой Петровной Фирстовой, и далее — все остальные.

Шествие возвращается на сцену, навстречу им выходит И. Л. Андроников, обнимает Ивана Семеновича и усаживает его в президиум. Все это многократно снимается — любителями и профессионалами фотографами, и кинооператорами, и представителями различных телередакций...

Соответствовало ли происходящее тому, как представлял себе сам Козловский? Конечно, в известной мере — да. Но все же это было далеко от желаемого.

Иван Семенович задолго до праздника вынашивал идею представления, стремясь придать ему максимальную праздничность и торжественность — всадники на лошадях с фанфарами должны были бы возвещать начало действа, посвященного Пушкину; полонез, в котором могли бы принять участие и артисты, и писатели, и даже присутствующие; симфонический оркестр и колокола, которые с такой любовью и настойчивостью собирал С. С. Гейченко, и многое-многое...

К сожалению, осуществление любого такого замысла упирается в разнообразные «стены» — правление ССП, которое числит себя хозяином, когда можно от чего-то отказаться; филармония Пскова, которой значительно проще организовать 5–6 концертных номеров, и т. д. А жаль!

Особую страницу нашего пребывания на Пушкинских праздниках представляет явление Анатолия Анатольевича Громова.

Прилетел он на день позже нас, когда Иван Семенович был на репетиции, а я — в гостинице. С аэродрома уже все прибыли, и я решила, что он не приехал. На всякий случай

спрашиваю Марка, администратора, все ли приехали с аэродрома в гостиницу.

— А вы ждете кого-то?

— Да, высокого кучерявого мужчину.

— С бабочкой и аппаратурой, нерусского вида?

— О, да!

— Он есть.

Действительно, скоро появился Анатолий Анатольевич. Жил он этажом выше нас. Во время торжественного вечера в Псковском драматическом театре он снимал кинокамерой выступления поэтов, президиум, выступление Ивана Семеновича. Пленка эта сохранилась.

Рано утром выезжаем в Михайловское. Анатолий Анатольевич готов раньше самого Козловского. Все тихо, спокойно. Тем не менее Иван Семенович, хорошо зная своего друга, потихоньку высказал опасение, чтобы тот не выпил лишнего и «отдал распоряжение» мне удержать его от этого.

Неожиданности начались уже в соборе. Обычно на митинге около Успенского собора Святогорского монастыря и в самом соборе много снимают. Число фотографов увеличивается с каждым годом. В этот раз их было особенно много. Они, тайно ненавидя друг друга, мешая один другому, занимали наиболее выгодные, по их мнению, позиции. И вдруг появляется высокий, кудрявый, хорошо и несколько необычно одетый, с галстуком-бабочкой, Громов. Он решительно раздвигает в стороны ворчащих корреспондентов. А когда один из них недовольно возражает, Анатолий Анатольевич, спокойно устанавливая свою кинокамеру, с достоинством говорит: «Я из Би-би-си!»

Немедленно все стушевались, не пытаясь не только возражать, но стараясь даже не быть в непосредственной близости...

Сомнений это хлестаковское заявление не вызвало: и вид самого Громова, и аппаратура легко подтверждали его слова. А он спокойно расположился в самом центре храма. Он снимал выступление Ивана Семеновича, снимал публику. Пленка эта, запечатлевшая и торжественный вечер накануне во Пскове, и Святогорский монастырь, есть. Находится она у Анатолия Анатольевича и ждет своего времени, чтобы быть использованной...

Поляна. Погода жаркая. Импровизированный зрительный зал — зеленая трава и скамейки — на ярком полуденном солнце. За трибуной — столики, где продают разные бутерброды, вино, коньяк. А участникам — и такое лакомство, как тараньку.

Смотрю сбоку из-за эстрады и вижу на скамейке второго ряда в центре колоритную фигуру Громова. Все в порядке — он внимательно смотрит на эстраду и снимает. Что-то отвлекло меня, кто-то из нашей группы позвал меня. Кажется, «девочки» — Марина и Шура — помочь им переодеться в концертные платья, вернее, подержать импровизированную ширму.

Когда я вновь посмотрела в «зрительный зал», Анатолия Анатольевича я уже не увидела. Может быть, он пересел в поисках более удобного места? Сейчас на сцене появится Иван Семенович. Еще и еще раз обвожу взглядом ряды зрителей, группы фотокорреспондентов и внезапно вижу, что на зеленой траве, как раз посередине пространства между эстрадой и первым рядом, аккуратно стоят туфли. Знакомые. Но где же владелец? По боковой лестнице на эстраду в одних носках с камерой в руках поднимается Анатолий Анатольевич. Значит, одновременно с Иваном Семеновичем на сцену выйдет полубосой «представитель Би-би-си»? Какова будет реакция зрителей и президиума, меня занимало в тот момент мало, а вот какое впечатление это произведет на поющего Ивана Семеновича?.. Внезапно замечаю одного из работников телевидения, с которым хорошо знакома, и прошу его остановить Громова. К счастью, обычное добродушие редко оставляет Анатолия Анатольевича, и он послушно сходит со ступенек.

Выступление Ивана Семеновича прошло очень успешно, публика его встречала и провожала с большой любовью. Все хорошо. Но Громов пропал, исчез. Сколько я его ни искала, не нашла. Кто-то, кажется Марк, администратор, сказал мне, что они выпили коньячку бутылочку и что Анатолий Анатольевич пошел снимать Сороть. Возможно.

Предупредили всех, что мы поехали к Гейченкам, чтобы он тоже приходил туда. От дома Семена Степановича машина еще раз вернулась к эстраде, но Анатолия Анатольевича не обнаружили. Однако нам передали, что он с кем-то на пару пошел к заповеднику, к дому Гейченко. Но он так и не пришел.

Мы обошли окрестности, пошарили в кустах... Безуспешно. Жаль, если потеряет дорогую первоклассную камеру!

Когда поехали во Псков, решили еще раз вернуться на Поляну. Кирпич, запрещающий знак! Подходит милиционер, увидел Ивана Семеновича, радостно приветствует его:

— Вы кого-то ищете?

— Да! Тут один красивый мужчина, высокий, кучерявый, с камерой.

— А! С бантиком тут, — показывает на рубашку милиционер.

— Да-да!

— Мы посадили его в грузовик, вместе с женщинами, они уехали во Псков.

Ну, слава богу! Едем и мы, торопимся — в 6 часов заключительный прием. На прием мы, конечно, опаздываем. Иван Семенович и все участники поспешно идут в зал — их ждут, а я еще задерживаюсь с Анатолием Анатольевичем, который был обнаружен в гостинице, и убеждаю его лечь спать.

На приеме стол в форме буквы «П». Иван Семенович, напротив — Ираклий Луарсабович и Вива Абелевна Андрониковы. Я вхожу почти в тот момент, когда поднимается Козловский, чтобы сказать слово, о чем его просит президиум. Рядом с ним два свободных места. Я быстро сажусь на одно из них, оглядываюсь и вижу, как по проходу идет Громов. Прямой, свежий, в белоснежной рубашке... Было ли все, что я рассказывала? Его ли отправляли на грузовике милиционеры?

Он в прекрасной форме, безупречно одетый. Я указываю глазами ему на свободное место рядом со мной. Иван Семенович говорит о Пушкине, о его значении для нас и для грядущих поколений, о дружбе, единении, о роли Андроникова в такой праздник, о гостях, которых объединяет святое имя Пушкина и Михайловское. Все слушают со вниманием. Анатолий Анатольевич — тоже. Иван Семенович положил ему на плечо руку и продолжает говорить. Кончая тост, Иван Семенович запевает «Повій, вітер, на Вкраїну, де покинув я дівчину...» Этого душа Громова не выдерживает. Он достает огромный, сияющий белизной носовой платок, закрывает им лицо и... начинает, всхлипывая, плакать! Я вижу, как у сидящих напротив нас Андрониковых округляются глаза, Вива Абелевна

вопросительно смотрит на меня. Я делаю ей незаметный знак — все в порядке. Иван Семенович поет. Кончает, еле удерживая смех. Представляет Громова всем присутствующим. Всё приходит в норму.

На приеме Иван Семенович был с дочерью Аней. Была она очень эффектна, красива. Сразу же обратила на себя внимание всех присутствующих: поэты и прозаики с удовольствием дарили ей книги с автографами.

Возвращались с приема оба — и папа и дочка — взволнованные, радостные. Было видно, как мягок был Иван Семенович, какое он испытывал удовольствие от того, что Аня произвела такое впечатление.

Долго после этого мы еще ходили по ночным улицам Пскова.

Бесконечно люблю наблюдать одну и ту же картину за «кулисами» на Поляне: людской водоворот вокруг Ивана Семеновича с периодической сменой насыщенности. Вот его окружает огромная толпа с просьбой дать автограф. В ход идут книги, приобретенные тут же на книжном базаре со штампом «Второй Пушкинский праздник поэзии», «Третий... пятый... восьмой... одиннадцатый...», альбомы, открытки, программки вечера во Пскове. Иван Семенович безотказно расписывается.

Потом на какой-то момент толпа рассеивается, но один он не остается — подходят то аргентинская поэтесса с переводчиком, то украинские писатели, то военные, которые приехали сюда из Ленинграда и счастливы увидеть его.

Но затишье это временное, и вновь — толпа. Здесь и псковитяне, и ленинградцы, и воронежцы, и прибалты, и, конечно, москвичи. Не устаю смотреть на это издали, и чувство свое даже назвать не могу. Радость? Гордость? Удовольствие? Не знаю, но смотреть люблю.

Все это происходит сзади трибуны, куда могут пройти члены президиума и участники выступлений. А желающих сфотографироваться с Иваном Семеновичем, получить его автограф — очень много и среди тех, кто не может пройти за это ограждение. И когда мы выходим за веревки, которыми отгорожено место за трибуной, к машине, чтобы ехать к Гейченко и дальше, на Ивана Семеновича обрушивается новая

волна жаждущих автографа. Уже сидя в машине, он пишет и пишет... С трудом расстаемся с обступившими машину.

— Пожалуйста, Иван Семенович, я прилетел сюда из Омска...

— ...моей дочке, она еще маленькая, сейчас не понимает, но потом-то даже не поверит...

— ...я специально из Москвы приехала, чтобы услышать Вас в Святогорском монастыре...

— А это моей маме, она уже немолодая, всю жизнь была Вашей поклонницей, какая для нее будет радость — альбом из Михайловского и Ваш автограф...

— Я врач из Заполярья. Ваши концерты по радио — это такое счастье! А тут еще Ваш автограф!..

— Спасибо!

— Спасибо!

Это, может быть, и утомительное занятие, но отказать нельзя — так искренни эти люди.

Разная погода была в первое воскресенье июня, когда проводится праздник. Бывала жара, когда все сидели в шапках из газет, в легких платьях, когда я успевала за время пребывания на Поляне и на Савкиной горке превратиться в краснокожую. Бывало и холодно, был даже дождь со снегом, когда Ираклий Луарсабович потерял голос и почти не мог говорить. Иван Семенович привел меня к нему, чтобы я время от времени отпаивала его горячим чаем из термоса, который предусмотрительно взяла с собой.

По-разному было. Не менялся только праздник в душе и высокое настроение.

Из Пскова в Михайловское едем на большой машине — черный ЗИМ. Машина большая, но едем вдвоем. Иван Семенович, как обычно, сосредоточен. А я, как обычно, молчу. Изредка обмениваемся несколькими фразами, и снова молчим, думая каждый о своем, а в основном, конечно, о предстоящем дне.

Проезжаем Остров, поворачиваем в сторону Пушкинских гор, и тут на повороте видим псковское начальство. Останавливаемся. Я выхожу из машины, чтобы узнать, что случалось. Ко мне навстречу буквально бросаются Анна Ивановна Медведева и Вера Степановна Багренко с криком: «Слава богу! Наконец-то!»

Такой экзальтации я не ожидала и очень удивилась. Они взволнованно мне рассказали: им сообщили, что перевернулась большая машина и кто-то погиб. «А большая машина только у вас», — говорит Вера Степановна. Уже потом выяснилось, что произошла авария с машиной Центрального телевидения и погибла женщина, как оказалось — жена артиста Вахтанговского театра В. С. Ланового.

На обратном пути из Михайловского во Псков наша большая машина сломалась. С нами ехали уже певица Фирстова и арфистка Сорокоумовская. Остановились среди поля. Нехорошо. Иван Семенович опаздывает на прием. Голосуем. Останавливается переполненный автобус, куда с трудом влезают Шура и Марина.

Через некоторое время появляются «Жигули», там есть одно место. С радостными воплями они приглашают Ивана Семеновича. Я остаюсь среди поля в бездействующей машине с бесконечными нашими вещами. Тишина. Бескрайнее поле с двух сторон. Никого. Есть время для размышлений. Ждем, когда нас приедут выручать. Наконец наш внушительный лимузин берут на буксир, и часам к 10 вечера мы появляемся во Пскове.

Горбатый мостик, перекинутый через пруд, заросший лилиями, ведет к дому: формально — директора заповедника, по существу — к душе и сердцу его, к дому Семена Степановича Гейченко.

Небольшой домик так органично входит в единый ансамбль со всеми постройками — домом Пушкина, домиком няни, флигелем управляющего, службами, что хозяин вынужден был на дверях установить табличку: «Здесь не музей!»

А так ли это?

Здесь живет необыкновенный человек. В этом убеждаешься и тогда, когда слушаешь выступления Гейченко, и тогда, когда читаешь его книги, и тогда, когда встречаешься с ним. И дом этот тоже необыкновенен.

Открыв дверь, надпись на которой предупреждает, что сюда можно войти лишь по приглашению хозяина или обратившись к нему с какими-то делами, ты попадаешь на крыльцо. Оно само по себе — музей. Не верьте табличке!

Прямо перед вами — лестница в несколько ступеней к дверям на террасу. Справа, на уровне верхней ступеньки —

площадка, занятая различными цветами в горшках. А вся левая и фронтальная стены покрыты подковами разных типов и размеров. Если хозяин видит, что вы подходите к дому, он, широко раскрыв дверь на террасу, стоит в дверном проеме, как в раме — окладе из подков.

Входите на террасу... Как! Разве это не музей?

Неправда! Неправда! Терраса не очень большая, продолговатая, слева — дверь в комнату и малюсенький чуланчик, выполняющий роль кухоньки. Почти во всю длину террасы — стол с лавкой вдоль окон. А кругом, где только можно — самовары. Медные, железные, стеклянные, фарфоровые. От сувенирных, на полстакана воды до тульских ведерных, от самых простых до вычурно фигурных. На многих из них вычеканены имена, медали, клейма, указывающие на изготовителей. Наверху — колокольцы. Вот дуга с колокольчиком «Дар Валдая», вот дуга, оснащенная несколькими колокольчиками. Может быть, тут есть и тот, который нес Пушкину весточку о том, что едет Дельвиг в заснеженное Михайловское? Можно ли остаться равнодушным? Нет! И колокольчики разные: от самых маленьких бубенцов до солидных колоколов. Есть тут и осколок от колокола Святогорского монастыря. Когда колокол Успенского собора упал, от него отлетел большой кусок, распавшийся на осколки. Один из них Семен Степанович подарил Козловскому. Он лежит за стеклом шкафа в «музыкальной» комнате московской квартиры Ивана Семеновича — как представитель пушкинских мест...

В торце стола напротив входной двери — место хозяина. Гости располагаются по лавкам, кому не хватает места — на стульях.

С террасы через маленькую комнату, где умещаются, по сути, только диванчик и столик, вы попадаете в кабинет хозяина: одно окно — на территорию заповедника, через другое видна Сороть.

Как, и это не музей?!

Хотя здесь живет и работает человек, хотя здесь он пишет свои замечательные книги, хотя тут его рабочий стол, за которым он трудится и из-за которого недавно поднялся, это — музей! Во всяком случае — для меня, настолько все, что здесь есть, отвечает моим представлениям о пушкинской поре.

Лоскутное яркое одеяло на кровати, темная мебель, мелкие детали — подсвечники, чернильницы, шкатулки — все это выглядит современниками поэта... И книги, книги, книги.

На двери висит большой лист ватмана с сегодняшней датой. На нем расписываются все, кто заходит к Гейченко в этот день. И так из года в год.

А вот Семен Степанович рассказывает о своих трудностях, и это превращается тоже в увлекательную повесть: невозможно найти человека, способного заменить развалившееся колесо от телеги, служащее основанием для гнезда аиста. А ведь аист каждый год летит к себе домой! Вообще найти колесо от телеги сейчас — проблема. Нашел, а вот установить некому.

— С одной рукой я же лезть туда не могу! А такого высокого специалиста найти нельзя. Но все равно сделаю, черт бы их всех побрал!

Другой его рассказ посвящен тому, как он собирал колокола и как добивается (пока, правда, безуспешно) разрешения восстановить звонницу в Святогорском монастыре.

— Но я собрал почти всю гамму звонницы, у себя на огороде установил. Потом покажу. Хочу также сделать келью Пимена. Знаю, что исторически не так. Но ведь могло быть! Да и приезжающим интересно посмотреть.

Он сделал это в правом приделе Успенского собора Святогорского монастыря, за что его нещадно ругали с разных сторон.

Интересный человек Семен Степанович! И речь его, полная своеобразных, старинных речений, очень органична. Хотя многие слова и выражения вроде «благодать», «благолепие», «храни вас Бог!» и т. п. в устах другого человека показались бы вычурными.

Не уступает ему партнер — Иван Семенович. Человек, который многое видит по-своему, он говорит о том, как он видит праздник — дань не только Пушкину, но всем нашим замечательным предкам, поддерживает Гейченко в стремлении установить колокола, вместе с ним бранит чиновников и формалистов, готовых убить всякую инициативу. Вспоминает Иван Семенович и о связях Пушкина с Украиной, о Каменке, о Юрии Львовиче Давыдове, которого хорошо знал. При этом не забывает пошутить, что ничего не дают есть, что пьет один Гейченко,

который, кстати, в рот не берет никакого вина, что надо выкрасть у него Любовь Джалаловну...

Несмотря на предупреждающую табличку, иногда дверь распахивается, колокольчик возвещает о приходе кого-то, и на пороге возникает некто с фотоаппаратом, несколько мгновений растерянно молчит, потом извиняется и исчезает.

Почти рядом с домом огромный дуб, на котором «златая цепь». Это уже четвертая. «Три предыдущих утащили туристы, бандиты этакие», — машет рукой Семен Степанович. И от него, человека резкого и нелицеприятного, не ожидаешь такой снисходительной интонации: вроде бы и прощает тех, кому так хотелось унести что-то на память.

А если перейти дорогу, открыть простую калитку и войти в огород, то увидишь звонницу, где собраны колокола. С упоением погружается Иван Семенович в их звучание. Ему мало того, что он сам выступает в роли звонаря, он заставляет включиться всех — вот и Владимир Кузьмич Отделенов, и Светлана Лукашова, и Марина, и все мы с восторгом, по команде главного звонаря — Козловского раскачиваем языки больших и малых колоколов. Над Михайловским плывет торжественный звон...

— А слышно на Поляне? — спрашивает Иван Семенович у хозяина.

— Если ветер в ту сторону, то слышно, но слабо.

Действительно, «в долине ветер разнесет...» Сияют глаза застрельщика, да и у остальных радостные лица.

Семен Степанович приглашает к себе зимой — когда сугробы, когда метели...

— Вот тогда особое Михайловское! А под Новый год мы устраиваем елку. Не дома, нет, — говорит он, — вон видите большую ель перед домом? Мы нанизываем на шпагат кусочки сала, хлеба, шишки, если есть, гроздья сухой рябины — и все это набрасываем на ель. Развешиваем на разной высоте большие и маленькие кормушки. И какой начинается праздник! Кого тут только нет — и синицы, и снегири, и всякие бедные пичуги. И такая радость, такой птичий грай. Хорошо!

...25 марта 1980 года. Большой театр. Юбилей Ивана Семеновича Козловского. Вечер, который длится 5 часов!

Среди присутствующих — Семен Степанович Гейченко. Вышел он, неся в дар Ивану Семеновичу редкие книги, и среди них — запись старинных песнопений и прекрасное издание «Пушкиногорье». Он хлопает их на пол у ног юбиляра и, размахивая пустым рукавом, произносит патетическую речь, высочайшим образом оценивая гражданственность Ивана Семеновича, его исключительную роль в Пушкинском празднике, его служение прекрасному, верность нравственным и эстетическим принципам.

— Вы навсегда прописаны в Михайловском. Вас там ждут и пушкинская сень, и пушкинские рощи, и аллея Керн, и мы, грешные. Вы — красивый человек, возвышающий нашу жизнь!

Выступление и приветствие С. С. Гейченко — одно из самых ярких.

А через два года, 4 апреля 1982-го, в Колонном зале Дома союзов отмечалось 60-летие заповедника в Михайловском.

Первое слово — С. С. Гейченко. Следом за ним на сцену выходит И. С. Козловский в сопровождении пианистки М. В. Водовозовой и трубача Т. А. Докшицера. Он поет «Сеятелям» Ц. Кюи с земным поклоном на словах «Спасибо вам скажет сердечное русский народ!»

Затем — «Не пой, красавица» С. Рахманинова и «Я вас любил». Необычное сопровождение — труба — придает романсам совершенно неожиданную окраску. Очень красиво тает последний звук трубы... Обращаясь к ведущей вечер А. Чеховой, взяв ее руки в свои, Иван Семенович поет «Признание» Яковлева:

Я вас люблю — хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!

Легко, изящно, с искрящимся юмором звучит этот дивный романс. В глубоком поклоне заканчивает его Козловский.

После этого он просит С. С. Гейченко подняться на сцену. Обращаясь к нему, Иван Семенович говорит об огромной роли заповедника в формировании духовной культуры, о том, что неустанный и вдохновенный труд Гейченко вдохнул энтузиазм в сотрудников их дела, что его книги — неоценимый вклад в нашу культуру и историю.

И. С. Козловский обнимает С. С. Гейченко и надевает на его голову венок из колосьев пшеницы. Бурные аплодисменты...

Трижды провозглашает Козловский «Славу» — народу, поэзии, Пушкину!

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПОЛТАВУ

Полтаве — 800 лет. На эти торжества в июле 1974 года мы собираемся ехать. Иван Семенович Козловский официально приглашен на этот праздник. Но мы едем не просто на юбилейные торжества. Нет!

Мы едем в молодость Ивана Семеновича. Мы едем в легендарную Полтаву, город, который в значительной мере определил будущее человека, которого самого в наши дни все чаще и чаще называют легендой...

1920-е годы. Время, когда южные города, и в том числе Полтава, приняли бежавших с севера от голода и холода людей. Поэтому здесь сосредоточилась значительная часть интеллигенции. А это, в свою очередь, определило и театральную политику в городе.

Прибывший сюда молодой, малоопытный артист встретил публику понимающую, любящую театр, имеющую большой опыт и вкус столичного зрителя. В эту искушенную публику вливался и новый зритель, нередко сидевший в зале с оружием в руках, воспринимавший все происходящее на сцене весьма непосредственно. Все это создавало совершенно особую атмосферу творчества, неповторимую обстановку требовательности и доверия.

Аромат тех дней навсегда остался в памяти артиста. И на протяжении всех лет моего знакомства с Козловским я регулярно слышу теплые слова, в которых звучит нота сожаления об утраченном и признательность артиста полтавской аудитории.

В этом общем воспоминании появляются отдельные люди: общественные деятели, музыканты, красивые дамы, юные девушки, коллеги, которые проявляли интерес и доброжелательность к молодому артисту. Их внимание, ласка, их добро помогали ему обрести себя, утвердиться.

В Полтаве в то время было пять театров, симфонический оркестр. Репертуар в основном классический.

— Таких программ я больше не слышал, — не устает повторять Иван Семенович.

Не менее своеобразным был и артистический состав: первоклассные музыканты, великолепные артисты и вместе с тем — хор и кордебалет, в который входили бывшие воспитанницы Института благородных девиц. Театр в известной мере был для них спасением: он давал им возможность обеспечить свое существование. Но не эта проза жизни осталась в душе Ивана Семеновича. Нет. Интеллигентность, воспитанность, трепетность.

Смущающийся молодой певец, очевидно, хорошо вписался в эту обстановку. И это рядом с высоким профессионализмом певцов и артистов.

Мы едем в город, где Иван Семенович впервые спел Дубровского... Костюмы делались из мешковины, но с белоснежным воротничком — это было элегантно и смотрелось хорошо. Верю этому безусловно, потому что знаю троих людей, и в первую очередь — Ивана Семеновича, которые могут надеть любую хламиду и будут выглядеть лордами.

Никогда раньше не слышавший этой оперы, Иван Семенович вошел в нее так органично, что партия Дубровского навсегда осталась одной из наиболее выразительных в его огромном оперном репертуаре.

— Я вставал по ночам, когда в доме все спали, — рассказывал Иван Семенович, — и, тихо двигаясь по комнате, искал пластическое решение роли, а музыка все время звучала во мне. Слова о смерти отца волновали меня очень, в них концентрировался весь эмоциональный накал. Я ловил себя на том, что в глазах моих стоят непролитые слезы. Потом уже я видел, что и музыканты не были к этому безразличны.

А я вижу фигуру уже зрелого мастера и слышу интонацию, с которой он произносит: «Батюшка Андрей Гаврилович велением Божиим... скончался», — и легко представлю себе, какое впечатление эта сцена производила тогда.

По улицам Полтавы, среди ее великолепных садов верхом на лошади гарцует молодой солист театра — Ванечка Козловский. Он едет с окраины Полтавы, с Панянки, на спектакль

в театр. Сегодня — «Фауст». И в главной партии тот, кто сейчас на радость молоденьким полтавчанкам ловко сидит в седле. Мечта мальчика из села осуществилась — он верхом на лошади. С детства кони тянули к себе будущего певца. Своих лошадей семья не имела, и мальчик рвался в ночное с чужими, что обижало маму — как это, сын идет чуть ли не в работники, пусть это даже родня... Отметинка на губе есть у Ивана Семеновича, след от удара лошади.

И вот молодой, улыбающийся артист — и верхом.

Разве это не кадр из романтично-биографического фильма: на сцене — герой, в трико, коротком плаще, со шпагой, в одной из знаменитых оперных партий, а у театра — конь, перебирающий ногами, ждет своего хозяина?

Потом у подъезда театра будут ждать машины разных марок, но это ведь — не то...

Зима. Сыплет легкий снежок, скрипит под ногами. В окошке небольшого домика горит свет. Сквозь замерзшее окно виден силуэт: человек склонился над чем-то. Пышные волосы, борода, лицо, которое хорошо известно в России... Это Владимир Короленко — знаменитый писатель, имя которого стало олицетворением порядочности.

К дому приближается веселая толпа колядников. В руках одного — рождественская звезда, в руках другого — мешок для колбас, пирогов... Шутки, смех. И при этом — смущение: очень уж знаменит хозяин.

— Добрий вечір тобі, пане господарю! — звучит величание.

Светлый голос Ивана выделяется из хора. Он не только запевает, но и дирижирует.

Сначала Владимир Галактионович встретил колядующих сдержанно, но потом его лицо просветлело. Разве это можно забыть?

Я помню, как рассказывал об этом незабываемом колядовании Иван Семенович в Москве, в Литературном музее, помещавшемся тогда еще на Якиманке, на вечере, посвященном В. Г. Короленко...

Темным вечером от театра на Панянскую гору с мешком на плечах идет герой только что закончившегося спектакля. В мешке заработок — паек, выданный натурой.

— Всех кормил Ванюрчик, — рассказывал Иван Семенович. — Семья большая, а работников в ней, кроме меня, не было... Когда приехал в Полтаву, жить мне было негде, и я жил в театре. Почти тайно, правда, сторож об этом знал. Я старался повесить свое пальто повыше, потому что в кармане лежала какая-нибудь еда, ужин: бутерброд, котлеты. За ними охотились крысы, от них и прятал пальто. Ну а если ночью надо было куда-то, сторож выпускал на улицу..

Публика относилась к молодому певцу очень доброжелательно. Иван Семенович даже с каким-то удивлением вспоминал, что в записках и письмах, которые он получал от знакомых и незнакомых поклонниц, был не только флирт. Наоборот, были очень серьезные и интересные мысли о музыке, о его собственном исполнении. Все это, конечно, было и потом, но Полтава — это начало. Все было внове, почти все — в первый раз. И потому все так отложилось в памяти сердца.

И вот нам предстоит ехать в прошлое. 55 лет прошло с тех пор!

В Полтаву выехать всей группой не можем — нет четырех билетов на самолет. Поэтому мы вылетаем с Иваном Семеновичем 9 июля, а Наташа Копылова (пианистка) и Марина Сорокоумовская (арфистка) отправляются тем же рейсом, но на следующий день.

В Москве очень жарко — выше 30°. Приезжаем на аэродром Быково, где нас ждет самая неудачная из всех возможных ситуация: багаж у вас не берут, вы сами все должны донести до самолета и разместить в нем. А вещей у нас много: чемодан с костюмами, гонг с колокольчиками, портфель с нотами, личные вещи... Считаю — 9 мест.

Непредвиденные осложнения продолжались. Сначала — задержка вылета. Уже два часа, а об отправлении самолета, который должен был уйти около часу, никаких сведений. Наконец выясняется — рейса на Полтаву сегодня не будет: там гроза и ливень, местный аэропорт не принимает.

Что делать? Поездом мы не успеваем, а день торжества переносить ведь не станут.

Вдруг объявление по радио, что желающие лететь в Полтаву могут отправиться до Харькова. Бегу звонить в Харьковский обком, чтобы обеспечить машину от аэродрома до Полтавы

и предупредить полтавчан. Договариваюсь. Но... и на харьковский самолет посадки не дают.

Жарко. Иван Семенович безропотно сидит, отдавшись на волю Провидения. Провожающие ждут вместе с нами. И вот уже около 5 часов вечера объявляют посадку. С помощью провожавших нас доставляем вещи к самолету, размещаем их.

Прощаемся, поднимаемся в самолет, машем вслед уходящим. Трап отъехал, но отправления не дают. Через некоторое время в салон выходит кто-то из экипажа и сообщает нам, что вылет, по-видимому, не состоится из-за непогоды. Надо выгружаться. Как? Грузили нас в несколько рук, а выгружаться без помощи?! Пока мы осваивались с этой новостью, бегом прибежал командир корабля: «Задраивайте! Есть окно, дали вылет!» Ну, слава богу, полетели!

Постепенно ситуация за окном меняется. Вместо яркого солнца и чистого неба появляется облачность, на смену легким белым облачкам приходит все более плотная серая мрачность.

Когда мы приземлились в Харькове, там была отнюдь не южная июльская погода, а холодная и неуютная осень Подмосковья. Иван Семенович в плаще с теплой подкладкой, а я в летнем открытом платье и в босоножках. Было холодно даже смотреть в окно, а когда я ступила на трап, меня чуть не снесло порывистым холодным ветром. Стараюсь, чтобы Иван Семенович скорее попал в здание вокзала: ему ведь уже завтра петь, — а сама с помощью встретившей нас представительницы обкома отправляю вещи в машину.

Направляемся к Полтаве. Автомобиль «Волга» — старый, рессоры практически отсутствуют, так что поездка могла бы быть более радостной и комфортабельной.

В Полтаву въезжаем уже около половины двенадцатого ночи. К нашему удивлению, нас никто не встречает. А ведь мы с утра ничего не ели. На той же машине, на которой приехали, я ищу ресторан, чтобы хоть что-то раздобыть. Привожу подобие ужина, невкусного и неаппетитного.

В этот момент в номере Ивана Семеновича появляется директор театра с большим термосом и чем-то испеченным его женой. Они сдавали концерт комиссии, поэтому он и освободился так поздно.

Номер у Ивана Семеновича крошечный, в новой современной гостинице на самой шумной площади города. Зато — в центре!

— Поедем обратно! Я уже сыт всем, — говорит мне Иван Семенович.

В далеко не радужном настроении договариваемся о плане на завтрашний день: репетиция, встреча девочек — Марины и Наташи (как-то они будут лететь, Марине с арфой непросто), гостиница и другие заботы.

Утром выясняем, что ни Иван Семенович, ни я не спали — пахнет краской, шум на площади: трамваи, объявления автобусов. Так жить нельзя!

За Иваном Семеновичем приезжают, чтобы ехать на репетицию. А вскоре меня просят посмотреть номера в другой гостинице. Совсем другое дело! Старый двухэтажный дом с высокими потолками, с широкой красивой лестницей. Двухкомнатный номер для Ивана Семеновича, разгороженный, правда, не стеной, а портьерой, большие окна, телефон. Уютно, чисто, тихо. Мой номер рядом, в случае необходимости можно постучать в стену — у меня телефона нет.

Гостиница «Театральная» расположена на очень тенистой улице, в центре. Недалеко знаменитые памятники, неподалеку театр.

В комнате золотистые шторы, а за окном — зелень прекрасных деревьев, и поэтому даже в знойный день здесь нежарко и успокаивающий ласковый свет.

Пока Ивана Семеновича нет, бегу на рынок. О! это целая повесть — середина лета, благодатная Украина. Полно ягод: черешня, белая и красная, малина, клубника, яблоки, груши, помидоры, огурцы, горох, лук, чеснок — все сочное, яркое, вкусное! А молоко — топленое с золотисто-коричневой пенкой, варенец, сметана, творог! А деды, которые продают корзины! А белозубые, кареглазые, крикливые хозяйки прилавка!

Накрываю стол Ивану Семеновичу — картина, а не стол. Но даже все это не дразнит его аппетита. Он занят сейчас другим.

Номером остался доволен, начинает потихоньку успокаиваться и обживаться.

Администрация театра встретила вторую половину нашей группы. Марина и Наташа прилетели без всяких приключений, строго по расписанию. Устроились.

Жизнь входит в свое рабочее русло.

КОЗЛОВСКИЙ В ПОЛТАВЕ

Одно из главных душевных стремлений Ивана Семеновича в последние годы — поклониться тем городам, которые сыграли известную роль в его творческой судьбе, в его становлении как художника. И, конечно, первое и главное место здесь занимает Полтава.

В самой же Полтаве есть место, куда особенно рвется душа приехавшего сюда Ивана Семеновича, — это театр. Но не тот новый, в современном стиле, Театр им. Н. В. Гоголя, где состоялся и спектакль «Наталка-Полтавка», и торжественный юбилейный вечер. Нет. Иван Семенович рвется в здание бывшего Полтавского театра, принявшего в свои стены молодого, начинающего певца. Сейчас в этом здании — кинотеатр «Колос». Современный, широкоэкранный, с двумя залами. Внутри все перестроено, только фигурного литья чугунная решетка около кассы напоминает прошлое. Она бесполезно красива с точки зрения нашего утилитарного века. Но внешний вид театра, к счастью, модернизации не подвергся. Красивое здание с фигурным фасадом, нарядными дверями. Легко представить себе, как вечером освещался театральный подъезд, спешила публика в приподнятом настроении. А неподалеку стояла терпеливо лошадка, ожидая своего хозяина, которому через несколько минут будет рукоплескать зал.

Сколько здесь было пережито, какая часть души и сердца оставлена здесь артистом! Недаром Иван Семенович так хочет провести концерт именно здесь, в этом здании, вопреки всему. А препятствий немало.

Идем с директором Полтавского театра Евгением Тимофеевичем Калгановым, чтобы подготовить все для концерта.

Афиши? Пустяк, это сделать нетрудно. Зал? Сложнее. С некоторым скрипом договариваемся о том, что в Большом зале снимут сеанс. Но только один. Значит, надо уложиться

в 1 час 45 минут. При этом в соседнем зале будет демонстрироваться фильм. Снять и его на этот час-полтора нельзя — убыток! Слушаем, не помешает ли звук из соседнего зала. Как будто бы ничего, иногда прорывается, но сравнительно редко.

Инструмент? Инструмента нет. Рояль перевезти нельзя по каким-то причинам. Будет пианино.

Зал типичный для кино — эстрады нет, боковые ложи и ярусы уничтожены. В общем, большой сарай с партером, балконом и экраном. Комнатки, где бы можно было оставить вещи, поставить портфель с нотами, просто стул, нет. Значит — никаких «кулис», никаких мало-мальских удобств.

Кажется, всё против концерта. Но как бы всё это ни огорчало, концерт будет. Будет! Ведь в значительной мере ради него стремился Иван Семенович в Полтаву.

Начало в 5 часов дня. Народу много. Публика разная — и пожилые, и молодые. В зале приподнятое настроение, даже волнение. Часть публики — к сожалению, уже небольшая — те, кто помнят юношу, очаровавшего их в далекие 20-е годы. За судьбой его они следили — концерты по радио, позднее по телевидению напоминали им о нем. На их глазах он превращался из Ванечки в Ивана Семеновича, кумира целого поколения. Больше, конечно, тех, кто знает Козловского уже знаменитого, знает по его спектаклям и концертам. Им нравится, что его творческая жизнь начиналась здесь, и они чувствуют причастность к его становлению. Много молодежи.

А за несуществующими кулисами — человек, ради которого пришли сюда, переполненный сложными душевными переживаниями: тени прошлого, люди, с которыми свела его судьба и признания которых он хочет быть достоин, и те, кто слушает его сегодня впервые; все это не может не волновать.

Перед концертом выступает директор театра и рассказывает о встрече с Иваном Семеновичем.

Концерт идет своим чередом. Козловский поет под аккомпанемент пианино. Программа — классическая, очень насыщенная. Прием очень теплый, и эта теплота нарастает от номера к номеру. Иван Семенович очень собран — главное впереди. Это обращение к тем, кто пришел, и к тем, кого уже нет. У меня от волнения сжимается сердце. Какие нужны душевные силы, чтобы сказать эти слова:

— Для меня, по сути, это самый волнующий момент. Слушатели, которые находятся сейчас в зале, понятно, для меня те же и не те. Ушла большая эпоха, но я отчетливо помню тех людей, которые были здесь, в зрительном зале, которые мне доверительно аплодировали, писали записочки, очень умные и наставнические. И я сегодня, спустя полвека, просил дирекцию предоставить мне возможность именно здесь вспомнить их имена. Я, быть может, всех не назову, но благодарной памятью хотел им всем поклониться и сказать «спасибо» за то доброе, что я ощущаю много-много лет. Ну как не вспомнить Владимира Галактионовича Короленко, Панаса Мирного, плеяду украинских корифеев, тот замечательный театр, который существовал на этом месте. Ведь «Дубровского» я никогда не видел и не слышал, впервые в жизни спел в этом театре, а затем эта роль сделалась, как говорится, бенефисной. Марьяненко, Саксаганский, Заньковецкая, Козачковский, Ванченко... Я не вижу весь зрительный зал, но я пытливо и с жадностью гляжу — а вдруг увижу знакомое лицо. Вот позавчера был прием, и на приеме я увидел Ковиньку. Мне страшно приятно. Мы облобызались и обрадовались. Я приглашал его на сегодня.

— Тут он!

— Здесь? Если он здесь, то я Вас приветствую! *(Аплодисменты.)*

— Я не все заспівал, що я хотів и що я намітив. Нема часу. Бо ласкава пані стоїть у червоному платті. Це напоминает, чтоб я скорее заканчивал, бо зараз будет сеанс.

А я хочу вам сказать, що саме страшне в нашому житті — равнодушие. І як кажуть, щасти, щоб його від нас подалі. На все вам добре, спасибі вам и до побачення.

І я ще хотів сказати, що Свешников Александр Васильевич, ныне здравствующий, он тоже начинал здесь хормейстером в оперном театре. Я от вашего имени ему и знаменитому Ване Плешакову, если кто-нибудь из вас помнит, он пел с Цесевичем «Русалку», «Дубровского», божественно пел. Он сейчас профессор Ленинградской консерватории. В Большом театре 25 человек — выходцев из Полтавы, которые окончили музыкальное училище. Сейчас осталось в хоре человек шесть. Так вот от вашего имени я скажу им, что вспоминали их в родной Полтаве и хотели пожелать им доброй жизни, удачи

в искусстве. Я думаю, что вы мне разрешите это сделать. *(Аплодисменты.)*

— Иван Семенович, как Вам Полтава сейчас?

— Я вижу, что Вы службова людина, потому что Вы такі питання задаєте, які легко відповісти. Кожен город ценность свою возрастающую имеет тогда, когда он бережет прошедшее, ценит настоящее и мечтает о будущем. Вот это я испытал в Полтаве. *(Аплодисменты.)*

Еще одно коротенькое слово. Сегодняшний концерт — це дружба.

И я повинен подякувать надзвичайно вродливій людині, чудовій співачці. Це Віра Волкова. *(Аплодисменты.)*

Я рідко когда с дирекцией в добрых взаимоотношениях. *(Смех.)* Но цей директор добре робить, що я його бачив в день приїзда і відїзда. *(Смех.)* Но спасибі їм, бо якби їх не було, я не мав бы цій зустрічі и того хвилюючего становища, в якому я зараз нахожусь, що я именно в Полтаве, що в том старом місці, що я поколениям кланяюсь и благодарю их, что они жили, что они были, что они чему-то доброму учили. И благодаря тому, что вы поняли мою мысль — говорили мы из Москвы по телефону — редко директора можно убедить по телефону, но этот случай подтверждает, что они дали свою труппу.

Да, спасибо всем участникам, я их не вижу, ослепляет меня прожектор, но всех я благодарю. А вас, вельмишановні дорогі друзі і приятелі, на все вам добре и до побачення! *(Аплодисменты.)*

Выступление Ивана Семеновича закончилось. Его окружают люди, но задерживаться нельзя — с другой стороны зала ждут стремящиеся на киносеанс.

А когда выходим на улицу, около подъезда небольшая толпа желающих встретиться с Иваном Семеновичем. Вот здесь именно те, кого я надеялась увидеть... Подавляющее число с волнением стоящих людей — пожилые, много женщин. Седые, седеющие, интеллигентные... Рядом с ними — моложавые и молодые, очевидно дочери и внучки. Их привели мамы и бабушки на встречу со своей юностью. Это так естественно и закономерно. Сейчас они видели и слышали знаменитого певца, но они-то его помнят лучезарным Ванечкой Козловским...

Он не обманул их ожиданий — высок, строен, красив. Цветы, цветы, улыбки...

— А Вы помните, Иван Семенович, я — такая-то. Это моя внучка. Спасибо, что Вы приехали...

— Вы помните? Уж думали, что не придется с Вами встретиться. Как хорошо, что Вы приехали!

— Сильно изменилась Полтава? Вы уже были у себя на Панянке?

— Ой, какой Вы красивый, Иван Семенович. Смотри, девочка, а мы помним, как Иван Семенович пел Дубровского...

Я вижу сложное выражение лица Ивана Семеновича — мягкое, доброе и в то же время с каким-то спрятанным неудовольствием. Чем-то он явно огорчен. Чем? Скорее всего, несоответствием собственной отдачи и условий, в которых состоялся концерт. А может быть, и это скорее всего, так проявляется пережитое волнение? Так или иначе, в гостиницу Иван Семенович вернулся неразговорчивый и даже раздраженный. Хотя рад встрече с Ковинькой, рад, что имел возможность сказать теплые слова. Но, может быть, хотелось большего?..

На официальном концерте, состоявшемся после торжественного заседания в честь юбилея Полтавы, Иван Семенович выступал в сопровождении рояля и арфы.

О его участии в этом концерте писала газета «Комсомолець Полтавщини» 14 июля 1974 года: «55 років тому назад на полтавскій сцені починав свій шлях у мистецтво славетний радянський співак, соліст Великого театру СРСР, лауреат Державних премій СРСР Іван Семенович Козловський. Сьогодні він знов чарує полтавців. Гість проникливо виконав пісню на слова Т. Г. Шевченка „Огні горять“, романс М. Глінки на слова А. Пушкіна „Я помню чудное мгновенье“ та старовинний російський романс на слова Ф. Тютчева „Я встретил вас“».

«НАТАЛКА-ПОЛТАВКА»

Вторая встреча с полтавчанами — спектакль «Наталка-Полтавка». Он идет накануне торжественного заседания и концерта, посвященных юбилею Полтавы.

Это спектакль парадный, на него приглашены все официальные гости юбилея. Здесь и правительственная делегация во главе с тов. Щербицким.

Официальная публика — нелегкая аудитория. Но в данном случае спектакль принимается тепло, с аплодисментами. Выход Петра, как известно, лишь в третьем акте. Появление Ивана Семеновича было встречено буквально шквалом аплодисментов, очень дружных и продолжительных.

Сняв шляпу, склонив голову, стоит Козловский — нелегко ему, наверное, справиться с нахлынувшими эмоциями. А зал неистовствует: люди есть люди. Они не могут остаться равнодушными в этот слишком волнующий и даже романтичный момент, и каждый понимает, что кланяется артист сейчас не только и не столько присутствующим, сколько тем, с кем свела его судьба более полувека тому назад.

Свою знаменитую песню «Сонце низенько» Козловский — Петро начинает еще за сценой, но при появлении на сцене продолжить не дало приветствие зала.

Наконец, стихла овация. Вновь начинает Иван Семенович песню Петра. Звучит прекрасно!

Проникновенно, с огромным эмоциональным зарядом начинает Петро свой монолог «Чотири роки минуло...» Говорит так, что слышно все — каждое слово как жемчужинка, которая нанизывается на нитку. Говорит так, что слышишь всю музыку, заложенную композитором в этом образе. Самое волнующее для меня место во всей опере. Не устаю поражаться мастерству Ивана Семеновича — это ведь *речь*, слово, никакие блестящие «верха» здесь не «вывезут». Вот тут-то, как мне кажется, отчетливее всего проявляется актерское драматическое дарование Ивана Семеновича.

Торжественным апофеозом звучит вальс «Де згода в семействі, де мир и тишина».

Успех колоссальный! Замечательно!

Участие Ивана Семеновича в спектакле «Наталка-Полтавка» было подготовлено еще несколько лет тому назад, когда полтавский Театр им. Н. В. Гоголя был в Москве на гастролях. Об этом очень живо и с юмором рассказывал директор театра Евгений Тимофеевич Колганов перед сольным концертом Ивана Семеновича в Полтаве, в бывшем здании театра:

«Мы сегодня собрались в эти праздничные дни — вы сами понимаете, что происходит у нас в Полтаве.

Сегодня у нас каждый день особенный: 12-го было важное событие — нашему городу вручили орден в связи с юбилеем, 13-го праздновали открытие стадиона, который построен к юбилею, и вы были свидетелями грандиозного праздничного представления.

Сегодня мы с вами присутствуем тоже на очень интересном, уникальном событии, уже концертном, чисто концертном.

Дело в том, что вот это прекрасное помещение в свое время было Театром им. Н. В. Гоголя.

И вот, когда наш театр находился с творческим отчетом в Москве в июне 1971 года и когда мы открывали свои гастроли спектаклем „Наталка-Полтавка“, на сцену поднялся Иван Семенович Козловский, народный артист Советского Союза, лауреат Государственных премий, прославивший наше советское искусство, и сказал:

— Товарищи! Я сегодня через 52 года встретился со своей юностью. Я очень волновался, придя на этот спектакль — что увижу, какая сегодня Полтава, какой театр, какой уровень этого театра?! И я увидел именно тот спектакль, который написан Лысенко, в котором я 19-летним юношей впервые выступил на профессиональной сцене.

Конечно, были громкие аплодисменты, овации, слезы, объятия.

Иван Семенович рассказал о том, что свою творческую деятельность он начал в нашем городе в 1919 году в опере „Наталка-Полтавка“ именно в юбилейном спектакле, который тогда давался в связи со 100-летием со дня его первого показа. В этом году первого сентября мы будем отмечать 155-ю годовщину сценической жизни „Наталки-Полтавки“.

Это бессмертное произведение вывело в мировую культуру очень и очень многих мастеров советского театра. А сегодня „Наталка-Полтавка“, одно из лучших произведений украинской национальной классики, дала, как вы видите, много поводов для встречи.

В 1969 году вы были свидетелями, когда в связи с 200-летием со дня рождения Ивана Петровича Котляровского Мини-

стерство культуры и Украинское театральное общество на базе нашего театра впервые провели конкурс исполнительниц роли Наталки-Полтавки. Вы знаете, что актриса нашего театра Вера Волкова, тогда еще молодая певица, стала одной из победительниц этого конкурса. А в конкурсе принимали участие 5 лучших оперных театров страны.

Итак, „Наталку-Полтавку“ отметили в Полтаве, и я вам расскажу о встрече в Москве с Иваном Семеновичем Козловским.

Когда он выступил перед спектаклем и рассказал о событии, которое его взволновало, и поведал о своей радости народу, проявился большой интерес к нашему спектаклю и к встрече театра с таким артистом.

Иван Семенович тогда сказал:

— А что же, если полтавчане будут настолько ласковы, то я спою в этом спектакле, я очень этого хочу.

Прошло две недели, в Москве же состоялась репетиция, 15-го и 17-го июня в Театре им. Моссовета Иван Семенович уже пел в нашем спектакле.

Успех был чрезвычайно большой, мы не могли разместить желающих даже с помощью конной милиции — было понятно, что такой спектакль нужно показать где-то еще.

Найти помещение в Москве в июне не так-то просто. Все театры были заняты: в столице гастролировало шесть иностранных коллективов. Поняв, что нужно большое помещение, мы обратились во Дворец спорта. К сожалению или к счастью, не знаю, в это время выступал там американский балет. Билеты за много дней вперед были проданы, и нам не удалось выступить в таком большом зале. И мы рискнули обратиться в Большой театр СССР. Первой реакцией было недоумение: никогда в жизни областной театр еще не выходил на подмостки этой сцены, а тут директор Полтавского театра вносит предложение, чтобы спектакль полтавчан был показан здесь, на сцене Большого театра. Потом была выделена комиссия, чтобы просмотреть наш спектакль в Театре им. Моссовета. И спектакль в Большом был намечен на 25 июня.

Зал был переполнен. Все входные, все приставные места были проданы. Спектакль приняли с огромным интересом.

Правда, во многом нам помог Большой театр. Вы понимаете, что оркестровая яма, допустим, на 120 человек, а у нас в оркестре всего 17 музыкантов. *(Смех.)* Но в Большом театре яма была полностью заполнена. Когда вышел наш дирижер Исидор Леонидови и я увидел, как взметнулись сразу 40 смычков, вы понимаете, какая была радость, что нас так тепло приняли работники театра. Нам за две ночи сделали новое оформление, потому что нашего хватало только на половину сцены Большого театра. *(Смех.)* И когда открылся занавес и москвичи зааплодировали нашему оформлению, мы сами удивились, откуда оно у нас взялось. *(Смех.)* Такая красивая Ворскла у нас, такой красивый вид Полтавы. Все это сделала постановочная часть Большого театра Союза ССР.

Спектакль этот прошел с большим успехом. В нем пел Иван Семенович Козловский вместе с нашей Верой Волковой. И нужно же было такому случиться, что у Веры Волковой 25 июня был день рождения. Это превратилось сразу в несколько праздников — и встреча великого артиста со своим первым театром, и наше волнение... Короче, после спектакля мы стояли на сцене 42 минуты, нас просили выйти, закрывали занавес, а мы не могли уйти, потому что не уходил зритель.

На сцену поднялись мастера московских театров — и Малого театра, и Большого театра, ведущие актеры, в том числе и профессор Павел Марков, который работал со Станиславским, и дочь Федора Шаляпина Ирина, которая выступала и приветствовала театр и жалела, что не пела Терпелиху. Иван Семенович ей предложил: „Давай сделаем, пока есть порох в пороховницах!“ *(Смех.)*

На сцене Большого Иван Семенович пообещал, что он приедет и этот спектакль состоится в Полтаве.

11 июля этого года спектакль состоялся на сцене нашего театра. Но когда Иван Семенович приехал в Полтаву, сердце его, понимаете, застучало — человек начинал здесь свою творческую деятельность... Мы поняли, что нужно сделать встречу не только с коллективом, но и с тем театром, где он работал. И вот наступил сегодняшний день.

Мы — театр, и Иван Семенович — встречаемся все вместе». *(Аплодисменты.)*

ЗАВЕРШЕНИЕ ПРАЗДНИКА

В свое время в Полтаве Иван Семенович Козловский встретился с Василием Николаевичем Верховинцем, музыкантом, хоровым дирижером, который уже в те годы угадал в молодом певце большие потенциальные возможности. Он предсказывал ему большое будущее и советовал заняться дирижированием.

Еще жива жена В. Н. Верховинца. В прошлом она актриса Украинского театра. Зовут ее Евдокия Ивановна Доля. Телефона у нее нет, но адрес мы знаем. Живет она на улице, которая носит необычное название — Гора Марата. Тихое место. Заросший травой склон, маленькие домики, которые стоят тесно, образуя со стороны двора как бы одно длинное строение. Несколько ступенек, и через дверь, завешенную пестрой занавеской, мы попадаем в квартиру. Нас встречает сестра Евдокии Ивановны — Татьяна Ивановна.

В сравнительно большой комнате, спальне, на одной из двух кроватей сидит Евдокия Ивановна. Невысокая, полная женщина — такой «колобок». Голова совершенно белая. Она приподнимается и протягивает руку... в пространство: она совершенно слепа.

— Рады Вас встретить, Иван Семенович! Как узнали, что Вы в Полтаве, все ждем Вас: неужели не придете?! — говорят, перебивая друг друга, сестры.

На спектакле и на концерте они не были: им это физически не под силу. Рассказывают о себе. Что особенно веселого могут рассказать о своей жизни две глубокие старушки? Ведь Евдокии Ивановне — за 90, Татьяна Ивановна немного моложе. Вспоминают общих знакомых, но «иных уж нет, а те — далече». Вспоминают самого Верховинца.

— По существу, он мой первый дирижер, — говорит Иван Семенович.

Сестры спрашивают, был ли Иван Семенович в своем доме на Панянке, интересуются его планами.

— Очень бы мне хотелось посмотреть на Вас, какой Вы стали, — говорит жена Верховинца.

— Ну какой... — отвечает ей сестра, — высокий, красивый, совсем седой.

Живут сестры очень скромно. Иван Семенович потом хлопотал и перед Украинским театральным обществом, и перед обкомом партии. В результате этого Е. И. Доля получила какую-то сумму. Об этом написала Татьяна Ивановна, высказав уверенность, что без участия Ивана Семеновича тут не обошлось.

Два года назад и в Киеве, и в Москве отмечали 100-летие со дня рождения композитора и дирижера Василия Николаевича Верховинца. На концерт его памяти в Малом зале Московской консерватории приезжал сын композитора — Ярослав Васильевич Верховинец, солист оркестра Киевской оперы. На концерте главным исполнителем, не говоря о том что и инициатором его, был И. С. Козловский. Среди исполненных им произведений была «Стежечка» Верховинца, посвященная композитором Ивану Семеновичу.

Панянка. Окраина Полтавы. Крутой спуск, по которому и летом довольно трудно идти. Полтава разрослась, появились целые новые районы, а Панянка при всем этом — тихое место.

Если сейчас здесь небольшие домики, редко — двухэтажные, то нетрудно представить себе, как тут было полвека тому назад.

Медленно идет вниз Иван Семенович. Деревья, кусты, за домами — сады. Мягкая трава. Здесь, на Панянке, молодой 20-летний артист стал домовладельцем.

— Вот он, — показывает Иван Семенович на один из домов.

Одноэтажный домик, окна высоко над землей. Крыльцо. Пока мы рассматриваем прежнее владение Ивана Семеновича, из дома напротив выходит старая женщина. Она пристально вглядывается в Ивана Семеновича. Смотрит снизу вверх — время ее согнуло.

— Здравствуйте, Иван Семенович! Вы меня узнали? А Шура-то жива?

Узнав, что Александра Алексеевна умерла десять лет тому назад, сокрушенно ахает.

Не очень доброжелательно потом вспоминал эту встречу Иван Семенович, — видимо, она всколыхнула какие-то прежние обиды.

Медленно идем назад, вверх. За нами движется машина, но воспользоваться ею Иван Семенович не хочет. Он вспоминает

и вспоминает, как носил на плечах сюда мешки с углем и с мукой, полученные как заработок за выступления, как подобрал щенка и нес его за пазухой, как гарцевал тут верхом... Прошлое держит Ивана Семеновича в своем плену. И неясно мне, хотя обычно я его довольно хорошо чувствую, неясно — что ему лучше: быть сейчас одному или ему нужен слушатель? Не собеседник, а именно слушатель. Стараюсь быть им.

Заключительная часть торжества в воскресенье — праздник на стадионе.

С утра в городе музыка, масса гуляющих, продают сувениры. Звучат духовые оркестры, проходят колонны военных курсантов, студентов, жителей Полтавы.

То тут, то там вспыхивает песня — поют и народные хоры, поют сами полтавчане, организуясь на месте в хор.

Много, много цветов. Розы на улицах, в прекрасных парках, у памятников героям Петровской эпохи, героям Великой Отечественной войны.

Солнце, зелень, цветы, улыбки, песни... Атмосфера радостная, праздничная.

В 5 часов назначено открытие стадиона, который построили специально к юбилею. Приезжаем на стадион. Над Полтавой пронеслась коротая, но сильная гроза. На гаревых дорожках, на травяном поле — лужи. Но народу очень, очень много.

Располагаемся в комнате под трибуной. По телевизору, установленному в ней, видим, что происходит на стадионе, как усаживаются зрители, как развеваются флаги, как сверкают в лужах солнечные зайчики.

Иван Семенович наряден — белый пиджак, белоснежная рубашка, шапочка, легкие лакированные туфли.

Его приглашают на выход.

По замыслу устроителей, ему и еще некоторым почетным гостям предстоит совершить круг почета — на открытых машинах они должны объехать стадион.

Машины идут с большими интервалами. По радио представляют участников. В головной машине — Иван Семенович Козловский и Вера Алексеевна Волкова: Петро и Наталка, герои бессмертной пьесы знаменитого полтавчанина Ивана Котляревского.

— Мы приветствует нашу Веру Волкову и дорогого гостя — народного артиста Ивана Семеновича Козловского, который начал свой замечательный путь в искусстве здесь, в Полтаве, 55 лет тому назад, — звучит голос по радио на весь стадион и на весь город.

Аплодисменты!

И когда машина проезжает мимо трибуны, люди поднимаются, стоя приветствуя Ивана Семеновича и Веру Алексеевну. По стадиону как будто проходят волны. Это очень впечатляющее зрелище.

В центре футбольного поля сделан помост — на нем будут выступать артисты.

Сделав почетный круг по стадиону, машина останавливается. Легко соскакивает с нее Иван Семенович, подхватывает на руки Волкову — Наталку и быстрым шагом по мокрой траве и через лужи направляется к центру поля. Он проносит Наталку на руках весь путь и бережно ставит ее на эстраду.

Это пленило полтавчан окончательно, на стадионе вспыхивает несмолкаемая овация!

Подготовленное таким блестящим и необычным образом выступление Наталки и Петра заканчивается триумфально.

Праздник открылся. Один за другим следуют номера. А в заключение состоялся футбольный матч.

В номере гостиницы Ивана Семеновича ждал огромный букет роз с безымянным письмом: «Спасибо!»

КИЕВ И МАРЬЯНОВКА

Стоит ли былое вспоминать,
Брать его в дорогу, в дальний путь?..
Все равно — упавших не поднять,
Все равно — ушедших не вернуть.
И сказала память: «Я могу
Все забыть, но нищим станешь ты.
Я твои богатства стерегу,
Я тебя храню от слепоты».

В. Шефнер

9 мая 1985 года. Парад на Красной площади в ознаменование 40-летия Победы.

И. С. пригласили на трибуну, где он стоял вместе с семьей сорок лет назад, в незабываемом 45-м. Это очень почетно.

Он взял с собой внучку, которая сейчас чуть ли не втрое старше, чем были ее мама и тетя тогда вместе с И. С. на Параде Победы.

Сохранились кадры кинохроники 45-го года: гостиница «Националь» в Москве, угловой номер на пятом этаже, из окон которого хорошо видны улица Горького, Манежная площадь, Исторический музей, Александровский сад, Кремль, часть Красной площади. В тот незабываемый, радостный, «со слезами на глазах» день ликовала Москва, а кинокамера оставила нам в память об этом и москвичей на улицах, и выступление Хьюлетта Джонсона, и на балконе гостиницы радостных и счастливых, как все в тот день, И. С., Галину Ермолаевну и их старшую дочку, тогда еще маленькую девочку.

И другой эпизод — семья И. С. и он сам на трибунах около Мавзолея на Параде Победы, с волнением смотрят на проходящие торжественным строем войска.

А вот фотография — на громадной и пустой площади перед «Националем», на мокром асфальте — возвращающиеся с Парада И. С., Галина Ермолаевна и три маленькие девочки — две дочки и племянница.

И вот сейчас, через 40 лет, Центральное телевидение хочет заснять присутствие И. С. на трибуне, а потом в Георгиевском зале как очевидца и участника тех волнующих моментов.

И. С. говорил потом, какое волнение охватило его, когда он пришел на трибуну и особенно когда встретился с людьми, военными и штатскими, которых не видел десятилетиями, а некоторых — со дня того исторического Парада.

Нужно сказать, что проделать весь путь от дома до Красной площади пешком и стоять на трибуне И. С. было весьма нелегко — у него болела нога, но спуску себе он никогда не давал: надо — значит надо.

Но домой он пришел предельно усталый. Настолько, что сестра его, Анастасия Семеновна, даже предложила отказаться от поездки в Киев. Но об этом не могло быть и речи — там ждала не только Марьяновка, но главное — воины-ветераны, отчаянно защищавшие это село осенью трагического 41-го

и освобождавшие его в 43-м. Слишком много душевных сил было вложено в готовящуюся поездку, чтобы можно было разрешить себе расслабиться...

Поезд уходит в 21 час 15 минут. Мы едем на вокзал, когда улицы Москвы запружены народом — все ждут праздничного салюта. Он застает нас уже на платформе.

Поезд трогается. Но еще долго видно зарево от праздничной иллюминации Москвы.

Трудный и волнующий день остался позади, поезд набирает ход, постепенно спадает напряжение, но завтра И. С. ждет очень большая и физическая, и эмоциональная нагрузка, а у меня — свои мысли и организационные заботы. Расходимся по своим купе...

Сколько раз проделывала я этот путь от Москвы до Киева — и одна, и вместе с И. С.! Но все равно утром начинаю волноваться, когда поезд приближается к Киеву. Вот и Дарница, вот Березняки, виден дом, где живут младшие Муравицкие... А через Днепр — Лавра, Выдубецкий монастырь, вдалеке на горе — моя любимая гостиница «Киев».

Лодки на Днепре. Их много. И сразу вспоминаются Евдоким Карпович Цинев, Оксана, Юра Милейко — белозубый, улыбающийся, с разлетающейся шевелюрой, его сестра Женя, Муравицкие — Антонина Александровна и Петр Александрович, моя дорогая Густа Гольдберг, профессор-«колобок»... Их сейчас уже нет. От этого у меня слабеют ноги и так трудно мне подъезжать к Киеву.

Но поезд мягко идет вдоль перрона, и в окно видим радостные, улыбающиеся лица второго и третьего поколения родных И. С. и Анастасии Семеновны. Цветы, поцелуи — все как обычно. Но когда И. С. спустился из вагона на перрон, неожиданно грянул духовой оркестр. И приехавшие, и встречающие остановились — кого приветствуют? Была большая группа иностранных туристов, которые проявили к этому большой интерес, защелкав фотоаппаратами и зажужжав кинокамерами. Звуки марша «День Победы» разносились под сводами Киевского вокзала. Это играли марьяновские дети, аккуратные, подтянутые, торжественные. И улыбающийся, мягкий, красивый их учитель и дирижер белокурый Павло Петрович Бохняк. Он и ребята проделали большой путь от Марьяновки до

Киева, чтобы встретить И. С., и должны быстро вернуться в село — там будут и митинг, и концерт. А сейчас звучит победоносный марш. И это дань не только великой Победе, но и своей. Несмотря на все препоны, которые чинятся Марьяновке (и главным образом теми людьми, которые обязаны по своему положению способствовать становлению музыки), оркестр есть и достойно, чисто звучит. Значение этого для И. С. трудно переоценить. Он останавливается, с цветами, окруженный вниманием и, скрывать нечего, любопытством находящихся на платформе. Выражение его лица описать я не могу — не то что мягкое, а какое-то беззащитное. Наверное, оттого, что он очень растроган и не хочет до конца показать это. Но я женщина, выражение моего лица в данный момент никого не интересует, и я почти плачу.

И. С. окружают встречающие его работники Украинского телевидения, которые снимают сейчас и будут снимать в Марьяновке, представители облисполкома. Подходят незнакомые нам люди с цветами, на пиджаках — ордена и медали, один из них — в кавказской папахе... Это те ветераны, которые приехали в Марьяновку на празднование 40-летия Победы. Они прибыли вместе с ребятами встретить И. С. Ну разве можно было отменить поездку, как бы трудно ни было!

Не могу удержаться, чтобы не привести письмо, которое было направлено Александре Петровне Бохняк ее гостьей и которым Саша любезно разрешила мне воспользоваться. Для меня это тем более интересно, потому что я нашла в нем полное подтверждение моим впечатлениям.

«10 мая 1985 года.

Милая Сашенька! Пишу по самому свежему впечатлению от встречи на вокзале. На перрон марьяновцы вбежали чуть ли не вместе с прибывшим экспрессом. Оркестр с ходу построился и грянул марш. Пресса, увешанная съемочной аппаратурой, обступила выход из вагона № 1. Городские дамы выстроились с тюльпанами. Мы с ветераном встали впереди всех встречающих.

Первым из вагона вынесли младенца в ванночке. Потом еще кто-то вышел. Следом респектабельный мужчина солидно вынес чемодан (ясно, чей). И вот не спеша и очень значительно появился тот, кого все ждали. Наш ветеран в папахе

выдвинулся первым и „попрэвэтствовал“, вручив букетик. Высокий гость чуть заметно забеспокоился, увидев явного кавказца: кто это?

— Да-да! Марьяновцы Вас приветствуют с радостью, с любовью, с благодарностью, — и протянув цветочки, я поцеловала гостя в щечку. Ответа не последовало, он уже вглядывался в толпу. Самым впечатляющим был момент, когда он узнал оркестр. Подошел. Остановился, словно пораженный. Стоял и смотрел на ребят с чувством приятного изумления и огромной удовлетворенности.

Не передать словами, каково было выражение его лица. Это надо видеть. Так он постоял и пошел, словно озаренный. Оркестр умолк на мгновение и затем грянул снова „День Победы“.

Милая Сашенька! Спасибо за гостеприимство и такой чудесный праздник...»

Рассаживаемся по машинам, и в гостиницу — времени мало: к 2-м часам должны быть в Марьяновке, а до начала митинга надо побывать на могилах родителей и близких И. С. Словом, выезжать из Киева надо возможно быстрее.

Размещаемся по номерам нашего любимого отеля «Киев», на восьмом этаже, где в свое время прожили два месяца; номера, как обычно, рядом — так удобнее для всех. Встречают И. С. так, как могут встречать очень близкие люди. Ко мне там отношение самое хорошее — это память о Юре.

Звоним Василию Семеновичу Костенко. Он, к удовольствию И. С., дома и готов ехать в Марьяновку.

Наскоро что-то перехватываем из еды, собираемся. Пришла пианистка Нина Николаевна Протопопова, И. С. выступает с ней уже не в первый раз, и встречаемся мы как старые друзья.

Одно непредвиденное обстоятельство осложняет ситуацию — мы выезжали из Москвы в холодную погоду с готовым пролиться дождем, а Киев встретил нас не просто теплом, а жарой. У И. С. с собой только темный и концертный костюмы. Не по погоде. Потом из Москвы будут передавать всю летнюю экипировку. А сейчас мы одеты слишком тепло. Но И. С. на тепло никогда не жалуется, Анастасия Семеновна — тоже, а я мучаюсь. Но потерплю, пусть это будет последним моим огорчением.

Знакомая дорога — Крещатик, Красноармейская, Голосеево и дальше, дальше. Совсем лето, непохоже, что первая половина мая. Роскошная пышная зелень, устремленные вверх пирамидальные тополя.

Васильков. По традиции заезжаем в райком партии — день нерабочий, застали только дежурного. А хотели пригласить с собой первого секретаря, он бывал в Марьяновке в один из приездов туда И. С.

Едем не через Васильков, а по новой широкой дороге — просторно, движение небольшое. Едем быстро, времени уже много, опаздывать нельзя.

Но вот Ксаверовка, поворот на Марьяновку...

Много раз я бывала в родном селе И. С. и Анастасии Семеновны, и не только летом. Но никогда не видела его в таких масштабах, как в этот раз. И поразилась его красоте, просторам, чудным ставкам. Оно кажется разбросанным и ничем не напоминает русские северные деревни с их строгим порядком. Такое впечатление создается, очевидно, еще из-за того, что нет видимого центра, притягивающего к себе разбежавшиеся и укрывшиеся в зелени хатки. Раньше, конечно, это была церковь. Теперь, растолкав аккуратные белые домики, утвердились административные здания — невыразительные, скучные сооружения. И не город, и не деревня! Не моя задача обсуждать этот вопрос...

А какой воздух в Марьяновке! Совершенно особенный — в нем и аромат цветущих садов, и запах воды, и ощущение необычайного простора. Удивительно!

...У школы, в парке у братских могил, у могилы Героя Советского Союза Асмолова, у стел, на которых написаны имена не вернувшихся с войны марьяновцев, сделаны трибуны. На них вчера, 9 мая, были приехавшие на праздник гости и почетные селяне. Сейчас здесь очень много народу — дети, учителя, жители Марьяновки, работники опытного хозяйства, гости. Все нарядные, взволнованные. Бывшие фронтовики — с боевыми наградами. Очень торжественно выглядит И. С. с «Золотой Звездой» и пятью орденами Ленина. Настроение у всех приподнятое.

И. С. встречают цветами, хлебом с солью. Он целует хлеб и передает его Анастасии Семеновне, а сам вместе с предста-

вителями 165-й дивизии и В. С. Костенко идет к центру. По местному радио звучат стихи, которые написала в честь И. С. учительница марьяновской школы Александра Петровна Бохняк, жена Павла Петровича. Эта супружеская пара и Мария Петровна Деркач составляют главную опору всей эстетической работы в школах Марьяновки.

Взошел — седой и величавый...
И тишина застывших лиц
Взорвалась жадной бурей «браво!»,
Взметнулась стаей белых птиц!
Улыбки и рукоплесканья...
Но только руки он вознес,
Полился звук — очарованье...
Цветка нежней, прозрачней рос,
Наполнен родника прохладой
И мягким ласковым теплом
Пуховой шали или сада
Под солнца майского лучом.
Как лик его печалью светел,
Как он апостольски красив!
Кто раз увидел, тот отметил:
О, сколько страсти, сколько сил
Таит в себе его молчанье,
А каждый звук — души признанье,
Что помнит, любит — не забыл
Он верб над сонными прудами,
Саенка с мудрыми речами,
Чей голос жив, а облик — мил,
Что навсегда свечу в оконце
В прощальный вечер мать зажгла...
И как проснулось ярко солнце —
Дорога из села звала...
И небо пело синевою,
И дивчина венок плела
Привычной легкою рукою,
А синь манила и звала...
Как бесконечно звук томится
В его глазах, в его душе,
Взлетел — и длится, длится...
Так сладостно и больно мне,
Как он спешит сказать, поведать...

И грусть и восхищенье миром
Из сердца в сердце перелить.
Не вышел, а взошел на сцену,
Как на вершину бытия.
Твой голос слышен во Вселенной,
Но на земле — твоя стезя.
Восторжен зал своим причастьем,
Прикосновением мечты
К любви и правде,
к песне —
к счастью,
К Творенью Вечной Красоты.

Голос радио разносит над селом слова о сыне Марьяновки, который сейчас вместе со всеми подходит к святым могилам.

В низком поклоне склоняются головы присутствующих, когда выходец из Марьяновки, ныне народный артист Советского Союза И. Козловский, историк, ученый, бывший Генеральный секретарь Центрального комитета комсомола Украины В. Костенко, председатель Совета ветеранов 165-й дивизии ставрополец М. Гурьянов и бывшая медсестра дивизии москвичка Т. Сметанина возлагают цветы на братскую могилу, на могилу Героя Советского Союза и к стелам с именами погибших.

Начинается торжественный митинг. Говорит И. С., выступают гости и марьяновцы. Играет свой духовой оркестр, о котором много лет мечтал И. С.

Ребята окружают не только И. С., но и нас. Никогда раньше я не видела марьяновских ребят такими раскованными, открытыми, с таким желанием сказать и сделать что-то приятное.

Но ведь вечером — концерт. Поэтому после митинга — для И. С., Павла Петровича, Марии Петровны и хористов — работа, работа. Нужна спевка, нужно договориться о последовательности и т. д.

Все до вечера свободны, а И. С. без малейшей передышки включается в подготовку концерта.

Репетируют они в хоровом классе. Народу в нем собралось очень много — помимо участников, еще и съемочная группа. На улице жара, в комнате — усугубленная работающей

осветительной киноаппаратурой. А как репетирует И. С., известно — не щадя ни себя, ни других. Но как воспитывает пример! Ни одной жалобы от ребят. Снова и снова он повторяет с детьми сегодняшний репертуар. Репетицию снимают, записывают на пленку. Это, конечно, правильно. Получается очень важный материал, по-настоящему, не на словах, не в интерпретации свидетелей, а наглядно показывающий, как именно высочайший опыт замечательного мастера передается из рук в руки детям и их наставникам. Это бесценные кадры.

И снова и снова звучат голоса юных хористов и И. С. Выдержать жару и духоту могут не все. Кто-то из взрослых вышел, чтобы вдохнуть свежего воздуха, кому-то из девчушек стало нехорошо, но программу прошли всю...

Пока шла спевка, неожиданно в школе появилась, к общей и обоюдной радости, Нина Митрофановна Катунцева. Женщина эта достойна того, чтобы посвятить ей отдельный рассказ в повествовании о празднике в Марьяновке.

Семнадцатилетней девочкой она ушла на фронт и провоевала до конца войны, пройдя со своей танковой бригадой весь тяжелый путь солдата. Была сандружинницей, медсестрой, получила очень тяжелое ранение, из-за которого практически лишилась руки. Награждена многими боевыми наградами. Сейчас она профессор, доктор исторических наук, часто ездит за рубеж — в Японию, в США, в Европу. Она председатель Совета ветеранов танковой бригады, почетным членом которой является И. С. С марьяновцами ее связывает давняя дружба: она много раз встречалась с ними в Москве, приглашала их на праздники в свою часть в Новограде-Волынском.

Встретили ее очень радостно и москвичи, и марьяновцы, которые увлекли Нину Митрофановну немного отдохнуть и привести себя в порядок, пока идет репетиция.

...Спевка и прогон концерта закончились. Все высыпали на свежий воздух. Сделали несколько общих фотографий около школы.

На общем фоне оживления, приподнятого настроения более чем странно выглядят две фигуры. Эти люди ни с кем не общаются, ни в чем участия не принимают, исподлобья

смотрят. Это директора: один — музыкальной школы, другая — общеобразовательной. Потом их деятельность проявится в очень неожиданной форме, но сейчас-то мы этого еще не знаем.

Руководство хозяйства приглашает всех гостей на обед.

Все расходятся — кто на официальный обед, кто по хатам, кто рассаживается под деревьями.

Но И. С. перед концертом надо хотя бы немного отдохнуть. Его приглашают к себе Бохняки. Они оба заняты с детьми, а их собственный ребенок, очаровательная семилетняя Маша, особа полностью самостоятельная, принимает самое деятельное участие во всем происходящем в селе. Устраиваем И. С., договариваемся, в какое время его будить, и уходим...

На обеде царит непринужденная обстановка. Хотелось, чтобы присутствовал и И. С., но все понимают, что такое профессиональная дисциплина. Ему-то, наверное, тоже хотелось бы посидеть вместе со всеми, но через несколько часов — концерт. А жаль, что его нет. Очень интересно говорят собравшиеся.

Василий Семенович Костенко, красивый, импозантный, спокойный, много рассказал об И. С. — о его многолетних связях с Украиной, об их совместном пребывании на фронте, о его неусыпном стремлении духовно обогатить свою родину — село, где он родился, где похоронены его отец и мать, где жили и живут люди, судьбы которых ему небезразличны.

Вспоминает Василий Семенович и тех, с кем был дружен И. С. — Максима Рыльского, Александра Петровича Довженко, Андрея Малышко, Александра Корнейчука и многих-многих.

Нина Митрофановна Катунцева приветствует ветеранов 165-й дивизии, рассказывает о празднике в Новограде-Волынском, откуда она только что приехала.

От имени ветеранов дивизии, воевавшей здесь, выступает Михаил Никанорович Гурьянов, он вспоминает, как случилась эта встреча в Марьяновке — после статьи в газете «Правда» с фотографией И. С. и марьяновских детей, о переписке с И. С. В то же время указывает на то, что память погибших должна быть сохранена, что обелиски и стелы следовало бы переделать, придав им более торжественный и уважительный

вид. В заключение благодарит за прием и выражает уверенность в том, что подобная встреча первая, но не последняя...

Но вот настает и время концерта. Помогаю, как всегда, собраться И. С. Приезжаем в клуб. К удивлению, там ничего не готово. Оказывается, директор школы, взяв ключ от закрытого клуба, удалился и не пожелал отдать его. Пока ходило к нему начальство района, пока решали этот вопрос, время шло. Можно ли было предугадать такое?

Действительность показывает, что в условиях полной безнаказанности и прикрытия все возможно. Не оказалось станков для хора. Ставили их наспех. И когда дети начали подниматься на них, станки стали падать. И это на глазах зала! Хорошо, что все обошлось благополучно — никто не пострадал, не ушибся. Станки собрали снова, но на протяжении всего концерта юноши и старшие мальчики, как невидимые публике атланты, сзади поддерживали их руками.

Вот так отметило свою «причастность» к празднику руководство марьяновских школ. И это в присутствии гостей из разных городов, из Москвы, в присутствии своего прямого районного и областного начальства — в день праздника, святого для всего народа! Что же они могут делать, когда остаются полными хозяевами вверенных им школ?

Был ли это концерт в обычном его понимании? Нет. Это было нечто другое. Конечно, пели дети, пел взрослый хор, пел И. С. — один и с хором.

В исполнении детского хора прозвучала песня «Матерям погибших героев». История ее такова. Учительница из Ставрополя написала стихотворение, его положила на музыку одна из марьяновских педагогов, детский хор разучил специально к торжественному дню, к приезду ветеранов. Кроме этой песни, в репертуаре хора учащихся были «Мизерере», «Вечерняя серенада» Шуберта и украинская народная песня «Маринонька».

На смену детям вышли учителя и работники хозяйства. В их исполнении мы услышали два номера: «Бігли коні» и «Осинушка».

Наконец выход И. С. Начинает он с песни Петра из «Наталки-Полтавки» — «Сонце низенько». Сколько раз в разных залах, в разной аудитории звучала эта знаменитая песня-ария.

Во время войны она в исполнении И. С. служила маяком, на который ориентировались пилоты, ведя самолеты. Сколько раз! Но для моей слабой натуры сейчас она совсем иная — эмоциональная нота другая. В зале сидят люди, у которых в душе, наверное, сложное отношение к человеку, стоящему на сцене вместе с их детьми, внуками, а может быть, и правнуками.

Ну как же! С одной стороны, — он их, плоть от плоти; тут есть те, что еще помнят его родителей, теток, знают младшие поколения их семьи. Отсюда он ушел в жизнь, здесь бывает почти ежегодно. Это так. А с другой стороны, стоящий перед ними высокий, стройный, подтянутый человек с совершенно белой головой — тот, которым гордится советское искусство, имя которого хорошо известно, человек, которого узнают все по первым звукам его прозрачного, завораживающего голоса. Недаром на груди его «Золотая Звезда», ордена, знаки Государственных премий. И вот эта близость и одновременно дистанция создают совершенно особое настроение в зале.

И. С. с детским хором поет украинскую песню «Ой, чій-то кінь стоїть», старинную песню «Слети к нам, тихий вечер» и веселую зажигательную «Глибока криниця». В последнем номере участвует и маленькая дочка Бохняков — Маша, с упоением танцующая с И. С. Дирижируют Павло Бохняк и Мария Деркач. Ведет концерт учительница и поэт Александра Петровна Бохняк.

Но концертные номера составляли только часть этой удивительной встречи.

И. С. обратился к залу с большой речью. Он говорил о судьбе Марьяновки и марьяновцев, жестоко пострадавших в войне, о родных и соседях, отдавших жизнь за свою родину, о тех, кто пришел с войны искалеченным, о воинах, защищавших и освобождавших село от фашистских войск, о духовной силе, поднимающей и направляющей меч.

Говоря об этом, он показывает находящимся в зале замечательные произведения литовского художника С. Красаускаса. В этих гравюрах отражена жизнь человека, о чем и говорил И. С.

Вспоминает односельчан, которых уже нет, приветствует тех, кто пришел, просит передать поздравления и добрые пожелания тем, кто не смог прийти.

Потом слово попросила Н. М. Катунцева. Она приветствовала сидящих в зале марьяновцев, гостей, детей и учителей на сцене, рассказала, почему И. С. является почетным членом их танковой бригады, вручила ему диплом-поздравление от командования части и Совета ветеранов, передала подарок в честь знаменательной даты.

Хор поет величальную И. С. — «Многие лета вам на земле».

Какие лица у тех, кто сидит в зале!

«Реве та стогне Дніпр широкий» — начинает И. С. и Павло Петрович, подхватывает детский хор и ансамбль учителей. И вот уже поют все — и зал, и сцена. На Украине петь умеют! И. С. дирижирует. И не ради ли подобной минуты так рвался он сюда?

Закончился концерт. Публика еще продолжает переговариваться, съемочная группа свертывает свое хозяйство, освободились мальчики от роли «держателей» станков, на которых располагался хор.

За кулисами, в комнате для артистов много народу: прощаются и обмениваются адресами ветераны — они завтра уезжают, корреспонденты районной газеты берут интервью у И. С. и присутствующих. Тут и сопровождавшие И. С. представители облисполкома, учителя...

И. С. усталый, но уже освобожденный, постепенно сбрасывающий напряжение. Он разговаривает, дает автографы, благодарит приехавших на встречу ветеранов-фронтовиков.

Руководство хозяйства и сельсовета приглашают на ужин. И. С. надо обязательно перекусить — он ведь с утра ничего не ел. Постепенно всё и все успокаиваются. На ужине присутствует человек 15, потом пришли главные труженики этого дня — Павел Петрович и Мария Петровна. Официальность понемногу тает, все чувствуют себя уже достаточно раскованно.

Мария такая симпатичная, счастливая: «Что бы я делала, как бы я все пережила, если бы не музыка? Она и ребята поддержали меня в самые трудные минуты моей личной жизни», — говорит она мне.

Выходим, чтобы ехать в Киев. Теплынь. Темная-темная благоухающая весенняя ночь, только белеют рубашки Юры и Вити Муравицких.

Витя Семида забирает в свою машину Валю и Юляшку. Мы рассаживаемся: И. С., Анастасия Семеновна и Василий Семенович Костенко — в легковую, а мы все — в рафик. И, переполненные впечатлениями, отправляемся в путь. Несмотря на позднее и темное время, останавливаемся по дороге у кладбища, около тропинки к могилам Анны Герасимовны и Семена Осиповича Козловских. Последний поклон — и в Киев.

Но ложка дегтя, видимо, неизбежна для каждой бочки меда. С таким почетом встречали Н. М. Катунцеву, такие говорили слова, но когда мы попросили в Киеве сделать пятиминутное отклонение от бульвара Леси Украинки, чтобы подвезти ее к дому (при ней ведь была хоть и незначительная, но поклажа), официальное лицо, курирующее культуру (это надо особо подчеркнуть), в крайне резкой и неуважительной форме отказало: «Я предупреждал, что никого развозить не буду!»

Несмотря на все мои увещевания («Одумайтесь, ведь речь идет о ветеране войны, которого вы же только что приветствовали!»), он был неумолим. Нина Митрофановна пересела на такси — все-таки, спасибо, это Киев. Но неприятный осадок остался надолго.

В гостинице мы еще посидели в номере И. С., обменялись впечатлениями, выпили с удовольствием чаю. Я поздравила И. С. — выдержать такой день, полный эмоций и физической нагрузки, конечно нелегко. Но сознание выполненного нравственного долга — прекрасный венец любого, даже самого трудного начинания.

Расходимся в третьем часу. Завтра — отдых.

В Марьяновке мы побывали еще раз — в воскресенье, вместе со съемочной группой.

«Кругом Мариноньки ходили дівоньки, стороною дощик іде...» — грустная песня разносится над берегом, заросшим ставком. Девочки во главе с Марией Петровной водят хоровод и поют... А под березкой сидит И. С., и слезы бегут по его щекам. Он их не убирает и даже не прячет. Так, видимо,

переполнена его душа. Слезы эти буквально потрясли ребят. С какой бережностью и любовью они относились к нему в этот приезд! Каждый стремился сделать что-то приятное, быть поближе к нему. А Лариса сказала мне на ухо: «Я тоже не могу удержать слезы, когда поем „Мариноньку“».

...На берегу большого ставка соседка Козловских Степанида Павловна Песляк готовит кулеш. Над берегом плывет аромат, дразня аппетит всех присутствующих. Сама хозяйка со строгим лицом священнодействует. Рядом — ее могучие сыновья, их трое, все уже не в селе, но приезжают сюда постоянно. По кругу плывут миски с кулешом. Первым получает И. С.

— Вкусно!

Солнце еще высоко, но деревья начинают шуметь — довольно прохладный ветерок задувает свечи на венках, которые стараются пустить на воду девчата.

— Співай, Степа! Ты ведь хорошо поешь, — просит И. С.

Степанида Павловна запевает, хор подхватывает: «Ой, у полі озерце». К песне присоединяются все.

...Идем по селу. И. С. приветствуют старые односельчане, степенно справляются о его здоровье, об Анастасии Семеновне.

— Иван Семенович, давайте сфотографируемся!

Все садятся около плетня вокруг И. С. — девушки в национальных костюмах, парубки в папахах, жупанах. Это — учительницы и учителя, работники клуба, работники хозяйства. Иван Осипович, бывший директор музыкальной школы, подхватил на руки белого козленка. Прямо картинка из Гоголя...

...Уже совсем под вечер. Закатное солнце. Ветер гонит рябь по поверхности большого ставка. И. С. нашел замечательный кадр: на перемычке между двумя ставками, где стеной стоят пирамидальные тополя, большой камень. На нем в раздумье сидит И. С., а на другом берегу ставка группа девочек. Тут же и сопилкари. Девчата обнялись, чуть раскачиваясь в такт мелодии, и поют задумчиво тихую, ласковую украинскую песню. В воде отражаются деревья и юные музыканты и певицы. Так красиво и так вечно!

Каждый раз у меня возникает это ощущение «цепи времен», как говорит Гамлет, эстафеты, духовного моста от умудренного мастера к становящимся на ноги маленьким и молодым. Они уже научились уважать профессиональную дисциплину — «надо». И сейчас уже конец дня, за плечами долгий и нелегкий день, резко похолодало, но ни слова жалобы на усталость, нет! Никакие уговоры не заставили ребят надеть куртки или пальто — «Ничего, осталось недолго. Не надо, будет некрасиво! Не надо отдыхать, вон Иван Семенович все время работает!» Больше того, уже сделав два дубля, ребята попросили: «Павел Петрович, давайте еще раз споем, может, будет еще лучше!»

Уже после съемки, набросив на себя что-то теплое, окружили И. С.

— Спасибо вам, дівчатка та хлопчики!

— Вам понравилось, Иван Семенович? — И, радостные, побежали по домам.

И. С. благодарит учителей, всех присутствующих, съемочную группу. Трудовой день закончился.

Учителя организовали ужин и приглашают всех участников. Но И. С. ждет родня. На участке родителей. Парк, который был посажен стараниями И. С., разросся, декоративные деревья стали большими, а фруктовые, за исключением нескольких яблонь, перекочевали в чужие сады — воровски выкопали и посадили на своих участках. И... ничего, как будто так и надо.

В прошлом году, когда мы были здесь вдвоем с Анастасией Семеновной, японский кустарник буйно цвел, это была сплошная белая кипень. Жаль, И. С. не видел такой красоты. Сейчас он еще не цветет — рано, тепло-то не по времени. Идем к ставку. Навстречу И. С. выбегают девочки в венках из зелени, с букетами. Они окружили его и провожают к воде. Издали слышится пение: это приближаются учителя, все — и женщины, и мужчины — в национальных костюмах, где они их достали?! Это неожиданно и весело. Появляется телега, запряженная лошадьми. В ней другая группа так же разодетых учителей. И песни, песни...

И. С. садится с ними, по дороге подхватывают меня. Кто-то накидывает мне на плечи синий жупан. И так, с цветами

и песнями, мы движемся к школе. Смотрю сбоку на И. С. — доволен, радостен, все это греет ему душу. Пусть на время хотя бы отодвинутся заботы о хате — она ведь совсем разваливается, о школе, где еще далеко не все в порядке... По-моему, впервые И. С. чувствует такую отдачу со стороны ребят, учителей, односельчан. И это — главное!..

...Знаем, что сегодня свадьба Люды Добривьской. В хоре было две девочки — сестры Добривьские. Они запевали с И. С. «Ой, чій-то кінь стоїть», «Ой, співаночки мої». После окончания школы Люду приняли на вокальное отделение музыкального училища в Киеве. И вот сегодня — свадьба. Едем к их хате. Во дворе построена летняя времянка — большой, крытый со всех сторон шатер, но не круглый, как положено, а длинный-длинный. В нем сумрачно и прохладно, несмотря на жару на улице. Это приятно. Стоят столы, полные угощения, земляной пол засыпан свежей травой, которая остро пахнет. Цветы, цветы...

Люда в красном платочке встретила нас на улице; все, кто был в автобусе, собираясь ехать в Ксаверовку, высыпали на улицу, окружили И. С. Люда познакомила нас с мужем, своими и его родителями. Шум, смех...

Из Киева мы выехали одни, в Василькове нас догнал на своей машине Александр Николаевич Пидсуха с женой, а здесь, в Марьяновке, уже у хаты Добривьских появились Драчи — Мария Михайловна и Иван Федорович. Они выехали из Киева несколько позже нас, и тут все, к общей радости, соединились. Таким образом, мы добавили гостей на свадьбе, продолжавшейся со вчерашнего дня. За столом говорили речи — и И. С., он любит поздравлять молодых, и И. Ф. Драч и А. Н. Пидсуха. В разгар застолья приехала и съемочная группа.

Все вышли на улицу. Песни, песни, пляски. В танцы вовлекли даже И. С., он лихо прошелся с Людой, лукаво подмигивая ее мужу. Составился общий хоровод, в который включились все.

Как ни приятно было встретиться с сестрами и их родными, но пора работать.

— По машинам!

Мы отправились на съемку.

...Поклон родным. Свернув у Ксаверовки с основной трассы, идущей на Белую Церковь и дальше, вы едете около трех километров до Марьяновки. Сначала дорога идет между полями, засаженными знаменитыми буряками — свеклой, а затем справа и слева появляются деревья. Справа в них — кладбище. Прежде чем въезжаешь в село, ты встречаешься с теми, кто остался лишь в памяти людской.

Узкая тропинка от дороги ведет к могилам отца и матери И. С. и Анастасии Семеновны. Простые кресты можно увидеть уже с дороги. Обе могилы в одной ограде. Молодыми ушли из жизни старшие Козловские: матери, Анне Герасимовне, было всего 50, а отцу, Семену Осиповичу — 61 год. Рядом — более поздние могилы: любимой тетушки Ольги Герасимовны и двоюродной сестры Оксаны, певуньи, очень любившей жизнь. Тут же похоронена мать Анны Ивановны Косинской. И все. Больше в этой части кладбища никого нет. Только могучая зелень и птицы. Сюда приходят И. С. и Анастасия Семеновна. Ждал ли кто их приезда из Москвы или просто готовились к торжественным дням праздника Победы, но здесь порядок — дорожка расчищена, трава подстрижена.

Поклонились мы все, положили цветы и оставили И. С. и Анастасию Семеновну одних...

А потом пошли на новое кладбище и на то, что находится на Второй Марьяновке. Поклонились Абремским — Антонине Александровне и Петру Александровичу, дяде, Каролине Ивановне Мечковской и многим-многим...

Вся родня, съехавшаяся в Марьяновку, прошла этот путь, отдавая дань памяти и уважения ушедшим. Жизнь складывается у каждой семьи по своему ритму. И хоть были все близкие родственники, но встретились они здесь после длительной паузы — некоторые живущие в Киеве не видятся годами, тем дороже эта встреча...

...Вечер за окнами Тосиной хаты. Хозяйки уже нет, а хата по-прежнему называется ее именем. Завершающий аккорд пребывания в Марьяновке. Гостеприимный, душевно теплый дом.

И сегодня — светло, чисто, накрыты столы. Младшее поколение Муравицких принимает, как обычно, на себя все

заботы. Все устали, проголодались, а сознание того, что успешно закончился столь многообразно наполненный день, лишь усугубляет стремление к беседе, общению. Тесно, конечно, но зато весело и сердечно. И. С. задает тон всему застолью. Как всегда, начинает со слов, обращенных к родителям, своим и нашим, к памяти тех, кого уже нет, вспоминает тех, кто был здесь в прошлый раз и кого нет сейчас, благодарит молодых хозяев за сохранение и продолжение традиций.

Очень интересно говорил Иван Федорович Драч — о роли духовной культуры в жизни общества, о том неоценимом, что делает И. С. для того, чтобы воспитать эту духовную культуру вообще и в Марьяновке — в частности.

За окнами раздаются звуки аккордеона и пение — это идут учителя. Вместе с ними пришли и члены съемочной группы.

Одна песня сменяет другую, благо сопровождение свое — Мария на аккордеоне, Павло — на флейте, на сопилке. Песен они знают бесконечно много: и грустных, и веселых, и шуточных. И. С. готов слушать их еще и еще.

«Іванко ты Іванко, сорочка вишиванка, высокий тай стрункий, высокий тай стрункий, ще й на бороді ямка» — поет хор вместо величания И. С. Тот подкручивает несуществующий ус. Поют они и «Чому вода каламутна» — песню, которую очень любила Оксана, и «Чому расплетена коса і на очах бринить сльоза», и «Місяць на небі», и щедривки и много-много.

Снова говорит И. С. — об учителях, об их значении на селе, вспоминает добром своего учителя Сысоя Григорьевича Саенко, благодарит еще и еще раз учителей-энтузиастов, самозабвенно работающих с детьми. А ведь среди педагогов, поющих сейчас в хоре, есть и такие, которые были резко против «музыки на селе». Однако совместная творческая деятельность очень сплотила коллектив и позволила ему противостоять наскокам своей «пятой колонны».

Мне грустно — вот тут всегда сидели сестры Лебединские — Стася и Антося. Многое они помнили. Очень гордились, что их всегда приглашали. Забавно прятали в свои безбрежные кофты сладости, которые мы привозили им из Москвы и из Киева. Одной уже нет в живых, другая в Киеве у сына,

потому что жить одна в селе не может. И хоть, повторяю, грустно, но жизнь есть жизнь — в преемственности поколений ее сила.

Уже глубокой ночью собираемся обратно в Киев. День — как калейдоскоп, в котором бесконечно сменялись события, люди, настроения. И все это сцементировано одним человеком, он был стержнем всего происходящего. И если каждый из нас что-то делал в какие-то моменты, то он действовал все время на протяжении всего дня, первый раз расслабившись за этим вечерним столом, но не утратив ни на мгновение интереса ни к тому, что говорили, ни к тому, что и как пели. Молодец И. С.!

Дом ветеранов сцены в Пуще Водице под Киевом. Здесь живут деятели украинской сцены, люди, которые много лет дарили радость зрителям и слушателям: Лидия Петровна Шеремет, Ванда Игнатьевна Санковская — обе из Винницы, Инна Петровна Базилевская из Ивано-Франковска, Александра Федоровна Михайловская, Петр Илларионович Гутинский из Харькова и многие-многие...

И. С. навещает их каждый раз, когда бывает в Киеве. Вот уже несколько лет подряд вместе с ним приезжает группа марьяновского хора и учителей. Но сегодня здесь большой праздник — вместе с И. С. прибыли не только детский хор, но и духовой оркестр, и хор взрослых, приехали Богдан Максимович Рыльский, Иван Федорович Драч, несколько позже — Сергей Давыдович Козак, а под конец встречи и Ольга Яковлевна Кусенко, председатель Украинского театрального общества.

Под звуки духового оркестра открывается торжественное шествие-полонез, в первой паре идет И. С. с Л. П. Шеремет. Красивая первая пара. За ними — старые артисты, учителя, марьяновские школьники, писатели, родня И. С. Шествие идет по всем правилам — с приседаниями, по мере возможности грациозно. Лучше всех чувствуют себя при этом артисты и ребята из Марьяновки, сказывается профессиональный опыт — большой у одних и небольшой у других, но все же это опыт выхода на сцену, опыт прохождения в полонезе во главе

с И. С. в Кремлевском Дворце съездов. Ну, а остальные стараются быть на уровне — кто как может.

Шествие идет по центральной аллее среди зелени, а те, кто не может принять в нем участия, смотрят с террасы, с балкона, из окон... Как светятся у них лица — тут, очевидно, и воспоминание об их собственных выступлениях, и радость от того, что их помнят, и удовольствие, которое всегда доставляют дети. А марьяновцы — молодцы! С полным пониманием ответственности момента, подтянутые, хорошо одетые, они выглядят замечательно как никогда.

Сияет Павло Петрович, сияют его музыканты... Вот в шествие вошла маленькая Маша Бохняк, которую ведет за руку, как свою даму, И. С. Она очень грациозна. Личико смышленое, озорное, но двигается она очень собранно и одновременно с упоением. Очаровательная девчушка!

Шествие входит в дом. Все собираются в зале на втором этаже. Здесь мы не в первый раз. И всегда это было очень волнующе. Сегодня народу очень много. Свою лепту в общую яркость происходящего вносит и осветительная аппаратура телевидения, которое снимает встречу.

Поют дети — одни и вместе с И. С. Звучат и классические произведения, и украинские песни.

Детский хор исполняет один из номеров сочинения Перголези «Stabat Mater», хор из оперы Глюка «Орфей» и украинскую песню «Тихо над речкою». Хорошо звучат детские голоса — стройно, вдохновенно. А потом бывшая участница хора Люда Добривьская, ныне студентка музыкального училища, очень волнуясь, поет арию Наталки.

И. С. начинает со знаменитого романса Рахманинова «Здесь хорошо». На его замечательном пиано зал замирает. Сидящие здесь великолепно понимают, профессионально оценивают его филигранное мастерство. Вместе с детьми и хором взрослых И. С. поет одну из своих любимых песен «Ой, чій-то кінь стоїть», а затем и «Слети к нам, тихий вечер». По традиции вместе с И. С., хором детей и взрослых поет весь зал. Они растворяются в этом — видимо, И. С. возвращает их в давние времена их служения в театре. В зале — Сергей Давыдович Козак, он тоже поддерживает хор.

Кончают совместное выступление И. С. и детей «Глибокой криницей». И хоть очень тесно, буквально негде повернуться, от танца они не отказываются, и И. С. кружится вместе с колоратуркой, которая так звонко подпевает «ха-ха!», и Машей Бохняк.

Но на этом встреча не закончилась — И. С. сел в зале рядом с Лидией Петровной Шеремет, и они без всякой, естественно, подготовки спели дуэт «Не искушай!»

Приветствовали Фаину Романовну Борщевскую, которой в июне исполнится 100 лет. Я была в это время в Киеве, специально приезжала в Дом ветеранов сцены, чтобы поздравить ее и передать конфеты и письмо от И. С. Маленькая розово-белая старушка с полным пониманием встретила меня и благодарила И. С. за память. Но это еще будет...

А сейчас приехала Ольга Яковлевна Кусенко, начались общие поздравления, объятия, приветствия. Фотографировались в доме, на улице около дома. Тепло провожали живущие здесь и детей, и гостей, и особенно, конечно, И. С. Пригласили меня приехать к ним и рассказать им о моей профессии. Я обещала и в июне выполнила это.

Закончился еще один трудовой день.

Минають дні, минають ночі.
Минає літо. Шелестить
Пожовкле листя, гаснуть очі,
Заснули думи, серце спить, —

задумчиво звучит чуть глуховатый голос, так, как если бы эти слова выстраданы говорящим, вылились из его души, а не были написаны великим Кобзарем более чем сто лет тому назад.

И. С. читает Шевченко. И это одно из удивительных мгновений, которые подарила мне судьба.

Легкий ветерок колышет желтоватые занавеси на окнах. Столик, покрытый расшитым украинским рушником, на нем — свеча. Тихим скрипом отзываются половицы, если кто-то проходит мимо комнаты.

Мы в музее Т. Г. Шевченко. Маленький домик со ставнями, окруженный небольшим садом, в самом центре Киева, в тихом переулке в трех минутах ходьбы от одной из ожив-

ленных площадей Киева — площади Калинина. Здесь жил Шевченко всего около двух лет, снимая комнаты у владельца этого дома. Но вся обстановка, весь уклад дома настолько проникнуты духом поэта, что это не может сравниться не только с огромным литературным музеем в Киеве, но и с Каневом — тоже.

Не дай спати ходячому,
Серцем замирати
І гнилою колодою
По світу валятись.
А дай жити, серцем жити
І людей любити...

Грустно, нет — скорее горько размышляет Кобзарь, а вместе с ним И. С. о судьбе художника, о судьбе человека. И так это лично звучит в устах Козловского. Казалось бы — почему? Он так много сделал в своей жизни, знаменуя собой целую эпоху в искусстве, дав новое прочтение знакомому, открыв и показав до него неизвестное, принимая участие во многих событиях, получая и даря счастье общения... Но вся душа И. С. протестует, негодуя против успокоенности и отдохновения на том, что сделано. Нет! Жизнь — в свершении, а это — увы! — далеко не всегда зависит от тебя. Так я слышу то, *что* и *как* он читает. Но Бог знает, какие струны и почему звучат в душе И. С., погруженного атмосферой этого дома в судьбу поэта.

Тихо, тихо... Молча проходит И. С. по комнатам, останавливается в одной из них, прислонившись к белой кафельной печи.

Мені однаково, чи буду
Я жить в Україні, чи ні.
Чи хто згадає, чи забуде
Мене в снігу на чужині —
Однаковисенько мені...

— поет И. С. И та же горькая нота звучит в этом известном романсе. Но ее взрывает, буквально взрывает блестящий полонез «Огни горять». Какая экспрессия, какое сияние! И вдруг —

...Тільки я,
Неначе заклятий, дивлюся
І нишком плачу, плачу я.
Чому ж я плачу? Мабуть шкода,
Що без пригоди, мов негода,
Минула молодість моя!

Мастер И. С. строить рассказ на контрастах, используя для этого тончайший инструмент — свой голос.

Это дань трагической судьбе одного из талантливейших людей — Т. Г. Шевченко.

И. С. подходит к окну, отдергивает штору, и в комнату врывается море солнечного света, благоухание цветущего сада, высокая нота детских голосов. Это марьяновские школьники, приехавшие сюда из села, пока в музее шла съемка. Они собрались вокруг скульптурного портрета молодого Шевченко в саду и поют «Заповіт». Это так хорошо и символично!

И. С. выходит к ним в сад, они радостно встречают его, окружают. Их фотографируют, снимают на пленку. По просьбе И. С. хор поет песню девушек из «Фауста», потом что-то украинское...

Ну, кажется, на сегодня все. Собираемся. Девочки провожают И. С. очень заботливо и внимательно.

«Можно вас проводить?», «Можно я понесу ваши цветы?», «Приезжайте еще!», «Спасибо! Спасибо!» — это сопровождало И. С. до машины. И. С. прощается с детьми, благодарит их и учителей — все тех же Марию Петровну, Александру Петровну, Павла Петровича. Тепло прощаемся с работниками музея и съемочной группой.

Но я была бы не права, если бы умолчала о тех условиях, в которых проходила съемка. По всем законам И. С. имел право на отдых в этот день. Перегрузки в конце концов сказались — с утра у него было очень высокое давление — за 200. А ведь съемка в помещении, значит — юпитеры, дигли, т. е. свет и жара. Но отменять съемку И. С. ни в какую не соглашается — будет ли еще такая возможность? Предпринимаем все, что в наших возможностях, и едем...

Какую надо иметь убежденность, силу воли, чтобы подчинить все одной поставленной цели?!

Зажав волнение в кулак, держу себя так, как будто ничего не происходит. Лучшее, что сейчас можно сделать — это не мешать ему.

Единственное, что разрешила себе сделать — это пошептаться с режиссером, а она уже от себя попросила оператора не снимать его под прямым светом. Сделали они все на отраженном свете, что дало прекрасный зрительный эффект на пленке.

Благополучно вернулись в гостиницу, пообедали. И. С. отдохнул, и все пришло в норму.

Так завершился еще один день нашей многотрудной поездки.

ДЛЯ СЕБЯ...

По радио поет Гнатюк. Поет украинскую песню. Она мне незнакома, печальная, раздумчиво-неторопливая песня. Но она вдруг заставила меня оказаться на Украине, услышать ее речь, ощутить запахи, удивительный, живительный воздух Марьяновки, стремительный бег Черемоша, акации Черновиц, краски садов Днепра, перезвон колоколов, когда встречают владыку в соборе...

Разве я впервые слышу украинскую музыку, разве я раньше не слышала Гнатюка? Но сегодня песня властно вызвала в памяти, в душе все, что связано с Украиной, что было пережито в Киеве, Полтаве, Чернигове, Каневе... Но главное — в Киеве. И странно — так ощутимо эта песня отодвинула все в невозвратное далеко. И до слез стало ясно — да, это уже ушло. А будет ли что? Если и будет, то уже по-другому...

«Безмежне поле» поет Гнатюк, и, как в калейдоскопе, появляются кусочки воспоминаний. Вот мерцают, переливаются цепочки огней за Днепром: Дарница, Березняки, Русановка — справа; мост, Оболонь — слева. Мы видим их из окна номера Ивана Семеновича, из моего окна, с балкона гостиницы.

Мы смотрим на них с Владимирской горки, с площадки в Мариинском парке, куда непременно заходим по дороге в гостиницу, как бы поздно ни было.

Уже ночь. На наших глазах огоньков становится все меньше — город засыпает, но все они не исчезают никогда.

Так бывало и в жаркие летние, и в холодные осенние вечера, когда И. С. говорит, почти не разжимая губ.

Сюда мы приходим и грустные, и немного навеселе, в большой и маленькой компании, а иногда и вдвоем.

Вот мы едем на троллейбусе, поднимаясь с Крещатика круто вверх по улице Кирова к гостинице «Киев», где неизменно живем последнее десятилетие. Можно ли представить себе такую ситуацию в Москве? И. С. с комфортом усаживается у окна и смотрит, смотрит на Киев...

Вот скамейки над Днепром. Внизу — крутые спуски к реке. Темно. Шумят под нами вершины деревьев — много белых акаций. Весной и летом плывет их сладкий дурманящий запах. Время от времени по Днепру проплывают теплоходы, которые светятся, как украшенные елки. А на высоком берегу, под ветвями громадных деревьев на скамейках — люди, многих из которых уже нет: Оксана, Евдоким Карпович, Николай Григорьевич, Анна Григорьевна и Анастасия Григорьевна...

Запевают или Оксана, или И. С., или Цинев.

«Чому вода каламутна» — начинает Оксана, и неповторимый хор вторит ей.

«Ты любовь моя последняя» — поет Евдоким Карпович, адресуясь к кому-нибудь из женщин.

Постепенно подходят гуляющие, но очень тактично, в стороне слушают этот удивительный концерт. А в иные вечера и сами потихоньку присоединяются к хору.

«Бабуся, рідненька, ти всім помогаєш» — нежно, проникновенно запевает И. С. И вдруг — «Три діди, три діди» — озорная песня из «Наталки-Полтавки»...

Пели не только в парке над рекой. Пели и в фуникулере, и на набережной, и на катере, плавая по Днепру. Присутствие посторонних, кажется, не смущает И. С., а те, кто подходят, обращаются к нему так, как будто хорошо и долго знакомы с ним. Да, по существу, так оно и есть.

Вот по аллеям Мариинского парка под тенью огромных каштанов, буков, тополей ходят два высоких белоголовых человека. Красивые, статные, элегантные... Как великолепно сидят на них костюмы! И. С. и Василий Семенович Костенко

ведут бесконечную беседу — им интересно друг с другом. Оба знают много, оба знают многих... Еще во время войны они вместе были в поездке на фронт. И. С. в то время был уже народным артистом, а Василий Семенович — генеральным секретарем ЦК комсомола Украины. Обоих связывала дружба с Довженко и Рыльским. Встречные в парке раскланиваются с ними...

Вот навстречу мне, Анастасии Семеновне и Люсе, двоюродной их сестре, идет женщина и говорит нам:

— Идите скорее, там Козловский стоит, он приехал в Киев. Молодец! Каждый год приезжает.

Мы идем около Мариинского дворца, а И. С. с Олесем Гончаром и Василием Григорьевичем Болдшаком стоят около здания Верховного Совета — вышли с закончившегося съезда украинских писателей, куда был приглашен И. С.

Вот мы идем с Юрой по пути, которым бежал из гимназии на Андреевский спуск Алексей Турбин...

Вот Байково кладбище. Обходим его новую территорию — Цинев, Муравьева, Фигнер, Ковпак, Малышко, Корнейчук, Литвиненко-Вольгемут, Лука Иванович Косьмина... Увы, всех даже не назовешь. Кладем колоски, серебряные монетки... Пробираемся по откосу, по которому и идти-то страшно, к могиле Леницкой.

Были на открытии памятника Рыльскому. Хороший памятник — умное, мудрое лицо Максима Таддеевича, свободная поза. Речи. У подножия поет бандурист. Народу много. Все поют «Заповіт». Оксанин голос — над всеми.

Среди «многопудья» — щемящая грустная нота — памятник Гмыре: небольшая глыба неправильной формы, красный гранит, от нее отрывается устремленный вверх бронзовый журавль.

А на старом кладбище — Леся Украинка. Тут же ее родители, и почти рядом — могила человека, которого она любила. «О, як плаче моє серце, мій друже!» — высечены на камне ее слова...

«Безмежне поле» — поет Гнатюк, и это только еще больше подчеркивает ощущение утраты.

Вот мы уезжаем из Киева. На перроне полно родных, друзей. Оксана обязательно поет, чаще всего «Як тебе не любити,

Київе мій» или «Чому вода каламутна, чому дівка така смутна». Все — и отъезжающие и провожающие — смеются. А на глазах — нет-нет да и блеснет слезинка... Будем ли еще тут?..

А вот мы идем с парохода, на котором ездили по Днепру и Десне. Большая толпа, в центре — И. С. и Юра Милейко. У Марии — аккордеон, у Ярослава и Павла — сопилки. «Глибока криниця» — поют и приплясывают все, включая И. С.

«Іванко ты Іванко, сорочка вишиванка» — славят И. С. родня, учителя. Нет человека, который бы не улыбнулся и не сказал бы каких-то добрых слов Ивану Семеновичу...

Вот целый вечер мы ходим по театрам, успевая побывать и в опере, и в Русской драме, и в театре им. И. Франко...

Вот сидим в ресторане. Маленький столик на двоих у окна. Из окна открывается вид на парк, на Мариинский дворец — все в Киеве хорошо! Иногда обедаем с кем-нибудь. В одних случаях являем собой образец трезвости, в других — можем позволить себе «зигзаг»...

А вот обедаем у Галины Петровны и Евдокима Карповича. Тут весело. Шуткам и рассказам Ивана Семеновича о Евдокиме и Евдокима об И. С. нет конца. Не стало и Евдокима Карповича. Но у Галины Петровны бываем всегда...

Вот мы на хорах Владимирского собора. На эту сторону никого не пускают, но И. С. всегда приглашают туда, ставят стул. Ну, а мы, конечно, с ним. Какое это удовольствие — прослушать всю службу! Хор у них замечательный. Особенно вечером в субботу.

Как-то мы были на Успенье, это было в год смерти Федора Федоровича. Большое облегчение я испытала, наплакавшись на этой службе.

А однажды мы были с И. С. только вдвоем, в будний день. В церкви темно, народу мало, пел только клиросный хор, а запомнилось...

А разве могу я забыть, как мы с Анастасией Семеновной подъезжали к Киеву через две недели после несчастья с Юрой. Когда поезд шел по мосту через Днепр, у меня подкосились ноги, сжало сердце, и я еле удержалась, чтобы не упасть. Не было случая, чтобы на вокзале нас не встречал Юра — летящие волосы, большой, белозубый. Наш добрый гений. Из вагона я вышла на ватных ногах...

Вот мы с Оксаной поднимаемся к гостинице «Москва» («Киев» еще не был построен), ноябрь, все вокруг, и мы с ней тоже, в зимних пальто. Но на подъеме нам жарко, обе раздеваемся и приходим в гостиницу, неся пальто в руках. И. С. говорит:

— Смотрю в окно. Свят, свят! Все люди как люди, а эти дві товсті, червоні, идут в одних платьях. Свят, свят!..

Вот И. С. в окружении людей — всегда и везде. От почтительных поклонов и приветствий до величания — хор Веревки пел ему величание прямо на улице около филармонии...

Вот вечером на симфоническом концерте на открытом воздухе в Мариинском парке...

Вот едем на юбилей Марии Эдуардовны Тиссейер. В Киеве такой густой туман, что только еле-еле видны слепые огни фар. Даже скрещенные лучи прожекторов не могут выхватить из мглы памятник Богдану — видно только размытое желтое пятно...

Вот Ботанический сад. Цветет сирень. Буйно. Красиво. Неожиданно встречаем куст белой махровой сирени и табличку — «Иван Козловский». Не знали...

Вот мы ходим по Владимирской горке на месте Михайловского Златоверхого монастыря. Тут прошло детство И. С.

Воспоминания, воспоминания... Как кусочки цветного стекла или смальты, из которых составляется мозаика. В ней разные цвета — яркие, тусклые, светлые, темные, как и в жизни: встречи, радость, огорчения, потери. Мы провожали в последний путь Оксану, Люсю, Евдокима Карповича; без нас ушли Тося, Петр Александрович, Анастасия Григорьевна и Анна Григорьевна Кремизович, Юра и Женя Милейко...

Чередуются светлые и темные краски. И из всех этих кусочков составляется портрет прошлого. Чтобы рассмотреть мозаику, надо отойти. А когда отошел и посмотрел, то понял, что это и было счастье.

ИНТЕРВЬЮ С Н. Ф. СЛЕЗИНОЙ

Н. С. Сама я по профессии педагог. Теснейшим образом связана с Украиной, где я прочитала огромное количество лекций и просмотрела большое количество глухих детей, что

является моей профессией. Я очень горжусь тем, что Украина наградила меня знаком Отличника народного просвещения.

С Иваном Семеновичем Козловским, как вы видите, связывает меня не профессия. Знакомы мы очень давно — с довоенных лет. Но с 51-го года я регулярно, почти ежедневно помогала Ивану Семеновичу в его секретарских делах. А с тех пор как ушла на пенсию, все мое время было отдано этому.

Корр. Нина Феодосьевна, многие говорят, что у Ивана Семеновича был очень сложный характер.

Н. С. Немного удивительно, что разговор мы начинаем с этого. Ну кто из нас легкий человек? Вот вы считаете себя легким?

Корр. Нет, боже упаси!

Н. С. Иван Семенович был человек очень сложный. Сложный во всех отношениях, кроме быта. В быту он был очень легкий человек. В творчестве же был суров, непримирим, абсолютно не терпел никаких компромиссов и никогда на них не шел. Он мог отказаться от всего, если это не соответствовало его представлению, его достоинству, если это не соответствовало просто гражданственности поведения. Он был очень ранимый человек, очень! Но при этом никогда не прятался от неприятностей, защищая то, что он считал правым. И прежде всего это касалось репертуара. Ведь только благодаря его настойчивости мы имеем сейчас возможность слышать такие гениальные вещи, как «Всенощная» Рахманинова; я вам должна сказать, что было 12 лет переписки по поводу того, чтобы разрешили в открытом концерте спеть хотя бы фрагменты этого удивительного произведения. Иван Семенович доказывал: почему можно петь «Реквием» Моцарта, «Реквием» Верди, «Реквием» Берлиоза, но нельзя петь «Всенощную» Рахманинова? Нельзя!

В итоге в 1964 году, когда в стране бушевала кампания по разрушению оставшихся еще целыми церквей, Иван Семенович в открытом концерте в Большом зале Консерватории пел фрагменты из «Всенощной» Рахманинова. Это его заслуга, это гражданское мужество певца, которое вело его во имя сохранения и гениальной музыки на то, чтобы вытерпеть, будем говорить, чиновничьи наскоки.

Только благодаря ему мы слышим такой красоты романс Рахманинова же, как «Христос воскрес». Оттого что слова написаны Мережковским, этот романс не имел хода. Причем очень странно: его не жаловали и до революции, потому что возражала церковь. И только Иван Семенович возродил этот романс и дал нам возможность воспринимать его так, как мы воспринимаем сейчас. Спасибо ему за это мужество!

Я говорю сейчас на Украине; и вы, наверное, лучше меня знаете историю с «Колядками», которые Иван Семенович записал в Москве с хором и оркестром Большого театра, потому что других храбрецов не нашлось, чтобы спеть, что Христос родился. И «Колядки» были спеты в Москве в открытом концерте. Но даже в Москве его предупредили, что будут транслировать весь концерт, но на «Колядках» трансляцию вырубят. Он сказал: «Хорошо, но я петь буду». И спел. «Колядки» вышли пластинками, они разошлись везде, и только у вас, во Львове, разбили весь тираж. На это тоже нужны были мужество и настойчивость и нужна была готовность принять эту неприятность. Это вам ответ на вопрос о сложности характера Ивана Семеновича.

Вы думаете, люди, с которыми он объяснялся по поводу того, что собирается петь эти произведения, считали его ангелом? Нет! Они, конечно, были задеты его упреками, его настойчивостью и соответственным образом оценивали его характер.

Мы не раз были в ситуациях, когда по неизвестной причине поступало заявление, от кого исходящее — неясно, что «это петь нельзя». Например, на открытии галосеевского Дома-музея Рыльского ему запретили петь «Ой, у полі криниченька». Он не согласился с этим, спрашивал: кто запретил? Конечно, таких людей не оказалось. Он сказал: «Хорошо! Раз бандуристам нельзя, я буду петь один». И пел один. Ну что, хороший характер? Наверное, ужасный! В понимании тех, с кем ему приходилось общаться.

Иван Семенович был неутомим в работе, беспредельно требователен к себе и к тем, с кем он работал. Но в то же самое время я не знаю другого человека, который бы так уважал труд певца, как Козловский.

Из чего все складывалось? Ведь вы послушайте его! Репертуар у него огромен. Здесь вы найдете все: и горе, и ревность, и счастье, и радость безмерную, и угнетенность, и смирение... Откуда? Ведь это же тоже черпалось изнутри, но и все время пополнялось тем, что Иван Семенович был неуемно жаден к впечатлениям. Его ничто не могло остановить, чтобы поехать, например, в Заньки, откуда вышла Заньковецкая. По ужасной дороге, на ужасной машине мы ехали одни, когда никто нас не принимал. Но он привез с собой черный костюм, он оделся, он встал перед окном в ее сад и спел там «Ой, у полі озерце», потому что это была первая песня, которую исполнял Иван Семенович в квартете в одном из спектаклей, где играла Заньковецкая, где она его впервые услышала. Вот эта дань предшественникам — одна из отличительнейших черт Ивана Семеновича. В таком выражении я больше не встречала это ни у кого. Он обходил все могилы, мы карабкались на четвереньках к могиле Леницкой, потому что туда нельзя подойти, но он все-таки хотел там оставить колосок как знак, что он был, что он не забыл того впечатления, которое производила в свое время эта актриса. Это тоже одно из слагаемых его сложного характера.

Вот все знали, и подсмеивались над этим, что Иван Семенович ходил всегда закутанный шарфом, на улице не разговаривал, что беречь голос он считал одним из элементов певческой дисциплины. Но! В первое воскресенье июня отмечается Пушкинский праздник поэзии. И вот мы приезжаем в Михайловское, поднимаемся к Святогорскому монастырю, где он собирается петь. Псков — это не Киев. И в первое воскресение июня во Пскове холодно, иногда даже снег. Когда мы вошли в храм... Ну что мне рассказывать? Вы легко себе представляете, что такое каменный собор, закрытый на всю зиму, неотапливаемый и впервые распахнувший двери, — это склеп, погреб. Там нельзя стоять! Жена Семена Степановича Гейченко, Любовь Джалаловна, ныне покойные уже оба, она нам притащила одеяла, чтобы завернуться в них, согреться. Но ему-то надо петь! И когда все собрались, он вышел в черном костюме, в белой рубашке и пел, несмотря на то что изо рта шел пар.

Почему? Потому что служению искусству он был предан всю жизнь. Это тоже сложность его характера. Так что еще я вам могу рассказать?

Корр. Нина Феодосьевна, как он готовился петь? Это был, наверное, очень сложный процесс?

Н. С. Это его тайна. Об этом он никогда не говорил.

Корр. Ну, а как это внешне выглядело?

Н. С. Внешне выглядело?.. Он сидел у рояля, перебирал ноты, мурлыкал; в день спектакля в полный голос никогда не распевался. Накануне никуда не ходил, только завтракал, уже не обедал. И в таком состоянии, всегда профессионально собранном, он был готов для каждого концерта. Причем независимо от того, был ли это целый спектакль или выступление с одним-двумя романсами, — разницы здесь не было.

Я очень хорошо, очень долго знала Ивана Семеновича... И если бы меня спросили, воплощением чего является для меня Иван Семенович...

Когда с ним прощались в Москве, его выносили из Большого театра под «Рассказ Лоэнгрина», который он когда-то пел. Иван Семенович очень любил эту партию. Очень любил! И считал хорошей визитной карточкой певца. Так вот этим рыцарем, светлейшим рыцарем чаши добра, верности долгу он для меня и является.

Корр. Нина Феодосьевна, Вам, наверное, не раз приходилось слышать, когда у него брали интервью, вопрос о том, какая у него самая любимая роль?

Н. С. Он всякий раз говорил: «Каждый день — своя! Вот сейчас я увлечен Снегурочкой, я хожу и все время у меня звучит: „Снегурочка“! Я думаю о том, как она может быть решена на экране... Сейчас она, а несколько дней тому назад я был переполнен Эдипом...» Это его ответ — не мой!

Давайте будем считать, что его сердце принадлежит той части России, в которой он жил, как его сердце не принадлежит, например, Псковщине, куда он ездил почти каждый год поклониться Пушкину. А как он рвался в Ивановку, имение Рахманинова, чтобы прикоснуться к этим святым для него местам! Точно так же и на Украине! Я не берусь ответить на этот вопрос, потому что я не имею права вложить в свои уста ответ за Ивана Семеновича. Но я думаю, что и украинцы,

и русские были бы неправы, если бы считали его своим. Он интернационален. А разве грузины не находят в его пении того, что их мучает? Послушайте, как он поет по-грузински «Таво чемо»! Это знает каждый грузин. Это — плач, плач по погибшим. А послушайте, как он поет на грузинском «Холот шоверт» — это любовное посвящение. Они вам скажут, что это сердце из сердца сделано. Я бы совершенно не хотела определять его узконационально. Неверно, неверно это! Он землю любил! Я повторяю: он даже на своем торжественном вечере говорил: «Послушайте, как пахнет земля в Марьяновке»! Марьяновцы могли петь день и ночь, он мог сидеть слушать день и ночь не отрываясь, как бы он ни был занят.

Он — высочайшим образом! — ценил культуру общечеловеческую. В Австрии, например, он был там, где бывал Моцарт. И это осталось его жизненным воспоминанием...

Я думаю, самое первое, что должно беспокоить всех нас, — сохранение записей! Потому что фонограммы стареют, приходят в негодность, и это уже утрата навсегда! Если мы вовремя не спохватимся и не отреставрируем то, что есть, и не выпустим в дисках, мы утратим это богатство навсегда! Это невосполнимо! Можно собрать большие книги воспоминаний, где каждый будет рассказывать тепло, с интересом, критически, — все это так! Но это не то! Это о Козловском. А запись — это Козловский! И вот Козловского надо сохранить! Вот это мое пожелание!

Корр. Если бы можно было такой музей создать, музей в звуках...

Н. С. Хотя бы!

Корр. И последнее. Что бы Вы хотели сказать нам, жителям Киева и Киевской области, да и всей Украины?

Н. С. Дорогие мои коллеги, прежде всего, если они меня слышат. Я Украину очень хорошо знаю, я проехала ее всю, во многих городах была и во многих городах работала. Дорогие киевляне, дорогие украинцы, всем я желаю одного: разума! Разума во всем: в политике, в жизни, в отношениях между людьми — а при этом будет всё. Будьте счастливы, будьте здоровы и будьте умны!

Корр. 24 марта, в день рождения Ивана Семеновича, положите его любимый цветок на его могилу.

Н. С. Спасибо вам большое! Я низко кланяюсь вам всем за то добро, за ту нежность, с какой проводили Ивана Семеновича в последний путь, в другой мир.

Примечания

Материалы из личного архива, обработанные автором в 1994–1995 гг.

Интервью

Записано в Киеве, в январе 1994 г. Автор Василь Березовский. Расшифровка пленки Е. В. Садовниковой. Редактор Е. Панфилова.

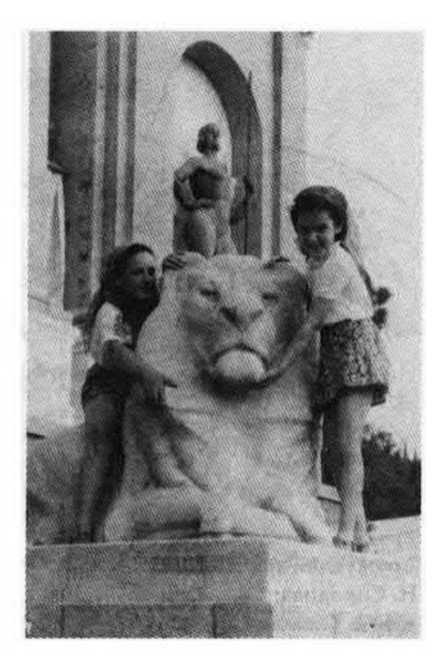
Дом-музей П. И. Чайковского в Клину.
И. С. Козловский и Ю. Л. Давыдов (внучатый племянник
П. И. Чайковского). 60-е гг.

В саду Дома-музея А. П. Чехова в Ялте.
Слева направо: И. С. Козловский, О. Л. Книппер-Чехова,
Г. Е. Сергеева, М. П. Чехова

Внучка Аня с правнуком Ваней
в квартире И. С. Козловского

Дочери Аня (слева) и Туся (справа)
на Южном берегу Крыма

С.М.Михоэлс

6/Х 67 г. Дорогой Иван-Золотое Сердце! Пусть он всегда будет рядом! Твоя Настя Потоцкая-Михоэлс.

Автограф А. П. Потоцкой-Михоэлс

Дружеский шарж
Н. Соколова:
«И. С. Козловский
и М. П. Чехова»

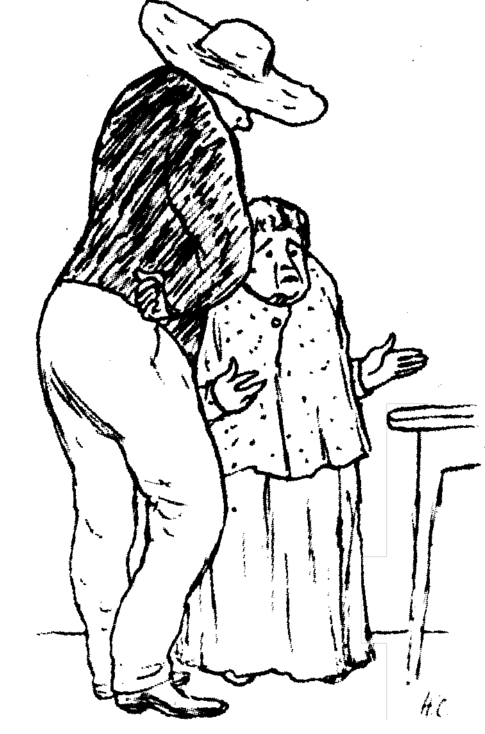

Рисунок Н. Соколова:
«И. С. Козловский и
О. Л. Книппер-Чехова»

КУКРЫНИКСЫ

Ул. Горького 8 кв. 98
К-3-00-10

Дорогой
Иван Семенович!

Наше трио сердечно поздравляет Вас с присуждением Вам Сталинской премии.

Большое спасибо за Ваше сольное и тёплое поздравление.

Мы всегда внимательно прислушиваемся к Вашему голосу.

Искренне желаем Вам здоровья и дальнейших творческих успехов.

Любящие Вас
Кукрыниксы
М. Куприянов
П. Крылов
Н. Соколов

14/IV-49 г.

Автограф Кукрыниксов

И. С. Козловский на сцене
Большого зала Консерватории:
«Здесь хорошо...»

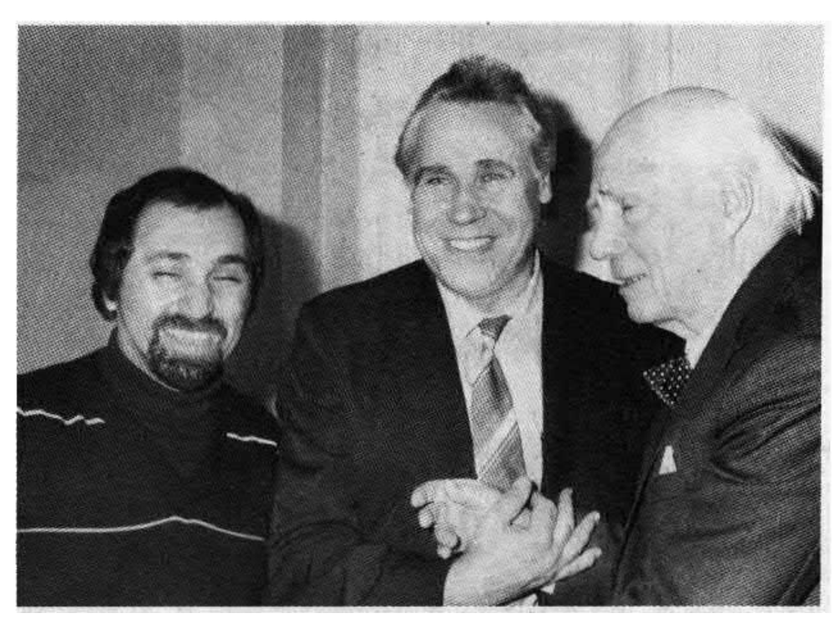
Подготовка к звукозаписи.
Слева направо: К. Б. Птица, Л. В. Ермакова,
И. С. Козловский, И. П. Вепринцев. 60–70-е гг.

И. С. Козловский с коллегами в ЦДРИ (справа — М. М. Анучин)

Южный берег Крыма.
Слева направо: В. Лакшин, В. Каверин, И. Козловский

Композитор В. Г. Кикта, флейтист А. В. Корнеев,
И. С. Козловский. 70-е гг.

Тамара Малахова

В ПАМЯТИ НАВСЕГДА...

Все — искреннее, честное
И ласково-сердечное
Уходит в поднебесное,
Нетленное и Вечное...

А. Чеботаревская

Шел 1951 год, шестой год мирной послевоенной жизни. Страна набиралась сил, отстраивалась заново, добивалась выдающихся достижений в самых различных областях.

Лично для меня, старшеклассницы одной из московских школ, тот год был отмечен тем, что я впервые попала в Большой театр и в первый раз услыхала на его сцене Ивана Семеновича Козловского. Давали «Евгения Онегина» П. И. Чайковского.

Можно представить себе неописуемую радость восьмиклассницы, в руках которой оказался счастливый билет — на спектакль с самим Козловским!

Надо сказать, что в те далекие годы с билетами было совсем не просто: приходилось подолгу, иногда всю ночь, стоять и отмечаться в очереди в кассу. Так много было желающих попасть на спектакль, что билеты всегда доставались с трудом, с преодолением каких-то препятствий. Зато какие исполнители выступали тогда — каждый из них был явлением в искусстве! Достаточно вспомнить, например, что в одном только «Борисе Годунове» в один вечер были одновременно заняты А. С. Пирогов, М. Д. Михайлов, М. П. Максакова, Г. М. Нэлепп, Н. С. Ханаев, А. Ф. Кривченя, Б. Я. Златогорова, И. С. Козловский. Целое созвездие талантов — и каких! Каждый из них мог бы стать украшением любого оперного театра в мире.

До этого я не раз слушала оперу по радио, но в тот памятный вечер 27 октября с замирающим сердцем направлялась в Большой театр, который воспринимала как настоящий Храм искусства...

Зал поразил меня своим великолепным убранством, хрустальной люстрой огромных размеров, росписью на потолке, красными ложами с позолотой — все это впечатляло, действовало на воображение. Сразу же возникло ощущение праздника...

Зазвучала увертюра — и я вся во власти музыки Чайковского.

Открывается занавес. На сцене — Ларина с прислугой, поодаль — Татьяна и Ольга. Звучит знаменитый квартет 1-го действия.

«Нý как приедет Ленский...» — звучит фраза, и через какое-то мгновенье на сцену выбегает Ленский — зал взрывается аплодисментами, приветствуя любимого певца. Дирижер делает паузу.

Иван Семенович с первых же минут приковал к себе мое внимание: высокий, статный, загадочный. И я внимательно следила за каждым его движением, за каждым жестом, благо сидела в пятом ряду партера.

И пел, и играл в тот вечер Иван Семенович замечательно. Особенно меня взволновало ариозо «В вашем доме». И дуэт «Враги, давно ли», и ария «Куда, куда вы удалились» — все было исполнено глубочайшего мастерства.

После каждой арии в зале гремели аплодисменты, раздавались крики «браво!». После исполнения арии «Куда, куда вы удалились» казалось, что овациям не будет конца, но бисировать не положено во время спектакля. Тогда Иван Семенович снял шляпу и сделал легкий поклон, после чего аплодисменты пошли на убыль. По окончании сцены дуэли зрители долго не отпускали Ивана Семеновича, музыканты в оркестре смычками выражали свой восторг, а за кулисами стояли коллеги и тоже аплодировали.

Такова была моя первая встреча с Козловским, большим певцом и актером, создателем великих музыкальных образов на сцене.

Сколько же мне судьба в дальнейшем подарила незабываемых встреч с этим удивительным человеком! Сколько было открытий, познания нового, непостижимо прекрасного! В Большом театре и его филиале (нынешнем Театре оперетты) это были Владимир Игоревич, Юродивый, Синодал, Фауст, Индийский гость, Лоэнгрин. В концертном исполнении — Моцарт, Андрей (опера Аркаса «Катерина»), Петро в «Наталке-Полтавке».

Хорошо помню и первый сольный концерт Ивана Семеновича, на который я попала в 1952 году. Это было в июне, в день моего рождения, — лучшего подарка представить себе невозможно. Концерт состоялся в Колонном зале Дома союзов.

В первом отделении Иван Семенович вместе с Е. В. Шумской, его замечательной партнершей, исполнил сцену из 1-го действия оперы Д. Верди «Травиата» и дуэт из оперы Ш. Гуно «Ромео и Джульетта». Артисты были в концертных костюмах, Козловский во фраке. Исполнение, высокий артистизм — все буквально потрясло меня. Неподражаем был Иван Семенович в роли влюбленного Ромео! Какие нежные чувства излучали его глаза — невозможно передать словами. Это был настоящий Ромео... Спустя много лет я прочитала статью Е. В. Шумской, где она призналась, что Иван Семенович был ее любимым партнером.

Во втором отделении была сцена дуэли из «Евгения Онегина», затем — «Выхожу один я на дорогу», бесподобный романс Денца «Дивные очи» и, конечно, «Я встретил вас».

В том же году в Краснознаменном зале ЦДСА Иван Семенович принимал участие в сборном концерте и пел другие произведения: «Не пой, красавица» С. Рахманинова, песню Петра из «Наталки-Полтавки», песню Левко из «Майской ночи» Н. Римского-Корсакова, вальс «На сопках Маньчжурии», снова «Дивные очи» и «Я встретил вас». Тогда же я впервые услышала балладу «Рыбак и фея» на слова М. Горького. Очень заинтересовал меня тогда вопрос: а кто же автор музыки?

Решила обратиться с письмом в музыкальную редакцию Всесоюзного радио, и поскольку там работали люди знающие, компетентные и уважительные, то в скором времени мне прислали ответ с сообщением о том, что музыку к балладе «Рыбак и фея» написал... Иван Семенович Козловский.

Незабываемы были концертные программы, подготовленные и исполненные певцом. Это произведения М. И. Глинки «В минуту жизни трудную» (на стихи М. Ю. Лермонтова) и «Сомнение» (которое мы привыкли слушать в исполнении басов), С. В. Рахманинова — романсы и отрывки из «Всенощной»... Тогда лишний билетик спрашивали у памятника Тимирязеву, что у Никитских ворот! Были еще программы из произведений Б. Бриттена, Э. Шоссона («Поэма о любви и море»), сочинений В. Кикты.

В прежние годы в Большом театре была замечательная традиция — отмечать знаменательные даты в истории культуры торжественными вечерами. В этих вечерах нередко принимал участие Козловский. В 1954 году был вечер, посвященный 150-летию со дня рождения М. И. Глинки. Иван Семенович пел «Я помню чудное мгновенье», «Не щебечи, соловейко» и дуэт «Не искушай» (с Галиной Вишневской). Дуэт был повторен на бис.

В 1973 году Большой театр отмечал 100-летие со дня рождения Антонины Васильевны Неждановой, состоялся грандиозный концерт лучшими силами театра. Иван Семенович принял в нем самое активное участие. В его исполнении прекрасно прозвучали в тот вечер: песня Петра «Ой, я нещасний» из оперы «Наталка-Полтавка» Н. Лысенко, романс «Проходит все» С. Рахманинова, «Не искушай» М. Глинки и «Застольная» из

оперы «Травиата» Д. Верди (в дуэте с Г. Вишневской). Успех был огромный.

Козловский всегда был желанным гостем и на вечерах памяти В. Мейерхольда, С. Михоэлса, М. Рыльского, Т. Шевченко, А. Толстого и многих других.

Однажды в ЦДЛ отмечали 80-летие Всеволода Иванова. Иван Семенович в тот вечер пел много и охотно. Неожиданно председателю вечера С. С. Смирнову из зала подали записку, и он прочел ее вслух, обращаясь к певцу:

«Дорогой Иван Семенович, Вы поете лучше всех на свете!»

Кто-то не смог сдержать своих эмоций — признался при всех.

Там же, в Доме литераторов, чествовали другого юбиляра — Павла Григорьевича Антокольского по случаю его 80-летия. Когда Иван Семенович вышел на сцену и спел «Я помню чудное мгновенье», Антокольский, воздев руки в сторону певца, воскликнул:

— Вот гений чистой красоты!

А на другом вечере тот же П. Г. Антокольский с присущим ему пафосом сказал, обращаясь к Ивану Семеновичу:

— Я, как цыганка, готов бежать за Вами и петь «Дождись, доверься мне, всмотрись...»

И далее непредсказуемый Антокольский вдруг сделал неожиданное предложение:

— Когда Вы здесь, у нас, поставите «Лоэнгрина», я готов играть Эльзу...

Все в том же ЦДЛ на вечере украинской поэзии однажды ведущим был Михаил Алексеев, который представил певца так:

— А сейчас выступит поэт, имя которому — Иван Семенович Козловский.

В зале всеобщее оживление и бурные аплодисменты.

Иван Семенович спел тогда «Огни горят» Н. Лысенко, «Серенаду» Ф. Шуберта и «Свадебную песню» из «Наталки-Полтавки» в сопровождении хора московских студентов.

После того как смолкла овация, М. Алексеев произнес:

— Спасибо Ивану Семеновичу за то, что он принес в этот зал столько света, радости и любви...

В ЦДРИ в мае 1986 года отмечался юбилей выдающейся исполнительницы народных танцев Тамары Ханум. Украсив седовласую голову Ивана Семеновича национальной тюбетейкой, Тамара Ханум выбрала его своим партнером — и они лихо сплясали лезгинку (ей — 80, а ему — 86!).

И такое бывало. Жаль, что не было там телевидения.

Запомнился необыкновенный вечер в Большом зале Консерватории, состоявшийся 24 декабря 1986 года. Весь вечер звучала музыка М. А. Балакирева. За дирижерским пультом стоял Е. Светланов. Иван Семенович исполнил тогда помимо хорошо знакомого нам «Слышу ли голос твой» романсы малоизвестные — «Среди цветов», «Запевка» и «Введи меня тайком, о ночь!» Певцу 86 лет, а голос звучал великолепно. Чудный был концерт, неповторимое исполнение — Козловский и Светланов!

А когда Ивану Семеновичу исполнилось 87 лет, он дал сольный концерт в Большом зале Консерватории. В программе — С. В. Рахманинов (дирижер — И. Б. Гусман, фортепиано — М. В. Водовозова).

Памятным было последнее выступление Ивана Семеновича 1 февраля 1989 год в ЦДЛ, где проходил вечер памяти А. Дейча. Иван Семенович спел на том вечере три вещи: «Сурок» Бетховена, «Здесь хорошо» Рахманинова и «Слети к нам, тихий вечер» А. Тома (аккомпанировала М. Водовозова). Иван Семенович не только пел, но и много говорил. Он сказал тогда:

— Я держал экзамен сейчас. Я волнуюсь, хотя это моя профессия...

Кто-то из сидевших в президиуме предложил артисту сесть и говорить сидя, на что Иван Семенович тут же отреагировал:

— Мне с вами, конечно, приятно сидеть, но у меня задача другая. — И продолжил: — Чему я был свидетель? В чем суть вот таких людей, как Дейч?.. Вспоминаю эпизоды, связанные с пребыванием в доме А. В. Луначарского. Какие были вечера! Кто не знает баса Василия Родионовича Петрова? Это один из лучших басов Большого театра. Он однажды спросил Луначарского: „Где я вас спас?“ Анатолий Васильевич ответил: „Спели в Париже, а деньги отдали нам“.

Поэт Иосиф Уткин впервые прочитал „Повесть о рыжем Мотеле“ у Луначарского. У Анатолия Васильевича бывали и Шостакович, и Чичерин, и Вера Дулова...

Если говорить о судьбе театра, то его будущее — это свет и цвет. Мы идем в этом направлении...

А что же делал Дейч? В последние годы Дейч был слеп, но он все видел. Он написал книги о Заньковецкой, о Тобилевичах. Фраза, которую я однажды слышал: „Жизнь творческих личностей поддерживают самые близкие им люди“, — применима и к этому писателю.

Я знаю, что вечер Дейча в Киеве уже был. Все, что он создал, есть в наших руках — оно служит».

Затем Иван Семенович спел «Слети к нам, тихий вечер», и в зале ему подпевали.

Потом выступали писатели, художники, которые волей-неволей обращались к певцу.

— Когда слушаешь Ивана Семеновича, — сказал Иван Драч, — то думаешь: всегда он удивителен и деликатен. Марьяновке — благодарность: в ней появился такой певец, как Иван Семенович Козловский.

А замечательный художник-карикатурист Борис Ефимов попытался установить, кто же раньше познакомился с писателем:

— Товарищ из Таджикистана вспоминал Дейча в 1958 году, Иван Семенович вспоминал 30-е годы. А я знаю Александра Иосифовича раньше всех, с 1918 года. Прав я, Иван Семенович?

— А я в 1906 и в 1912 году, — ответил тот.

— Иван Семенович, — продолжал Борис Ефимов, — поставил меня на место, и я на нем буду стоять. Так вот, Киев тогда кишел беженцами (правил Скоропадский). Однако издавался журнал «Куранты», и в редакции — Дейч. Вокруг него образовался настоящий очаг культуры.

Этому вечеру предшествовали и другие, в которых Иван Семенович тоже принимал самое активное участие. Он говорил тогда:

— Я хотел поделиться своими мыслями, они радостные и печальные. Прежде всего, спасибо тем, кто нас объединил и собрал здесь. Александр Иосифович так много сделал...

Борис Ефимов очень хорошо сказал о Дейче в «Литературной России». В этой статье есть перечень его деяний. Писатель уделял большое внимание украинскому искусству, театру. Видимо, газетная статья не позволила сказать об этом подробнее...

Голос с места — из зала:

— Сократили!

— Вот видите, — откликнулся Козловский, — вы меня на откровенность подбиваете, а я делаю вид, что не слышу... Как хорошо, что в день 90-летия Дейча мы собрались в этом зале и вспоминаем его...

Так говорил Иван Семенович на вечерах, посвященных советскому писателю и литературоведу А. И. Дейчу. Не случайно на память мне пришли эти два выступления Ивана Семеновича, ибо я хорошо помню, как он готовился к подобным выступлениям: составлял план, находил нужные слова, вспоминая какие-то штрихи к портрету, нередко записывал тезисы на листочке.

И вот он на сцене перед публикой. Сначала — пение. Только после этого он мог позволить себе говорить.

И начиналась беседа — непринужденный разговор со зрителем, с коллегами по искусству. Это было всегда увлекательно.

Говорил Иван Семенович негромко, но его хорошо было слышно, ибо зал затихал, вслушиваясь в его проникновенный, чарующий голос, а дикция у Ивана Семеновича была просто потрясающая — каждое слово как подарок!

1978 год... Июль, самый жаркий летний месяц. В доме Козловского на протяжении нескольких дней обсуждается вопрос о поездке на Украину, но день отъезда постоянно откладывается, переносится на неопределенное время. Предстояла гастрольная поездка Ивана Семеновича с группой московских и киевских артистов по городам Украины с программой «Дни поэзии Пушкина и Шевченко и музыки Чайковского».

Неоднократно приходилось убеждаться: если оказываешься на одной орбите с Иваном Семеновичем, то строить планы на день бессмысленно — жизнь становится непредсказуемой. Так получилось и на сей раз.

К 3 июля все более-менее определилось, и я отправилась в Союзконцерт (была такая организация), чтобы получить билеты для Ивана Семеновича. Явилась туда примерно к полудню, а меня там... «арестовали». Кто-то там не вышел на работу, и меня попросили помочь в организации нашей поездки: увязать-согласовать и проч. Так и пришлось весь день провести в Союзконцерте, почти до 7 вечера. Передо мной прошла целая вереница музыкантов, певцов, знакомых и незнакомых. Некоторые из них, узнав — от кого я, вспоминали совместные выступления с Иваном Семеновичем, просили передать ему большой привет и наилучшие пожелания. Появился и Ян Кратов (баритон из Театра им. Станиславского и Немировича-Данченко), а Ивану Семеновичу как раз нужен был Онегин для сцены дуэли. Кратов легко согласился участвовать в поездке. Я позвонила на Брюсовский — Иван Семенович тут же пригласил его к себе на репетицию, куда и поспешил новоиспеченный Онегин. Лишь в 8-м часу вечера появилась я на Брюсовском и, сообщив последние новости, передала билеты для Ивана Семеновича.

4 июля с утра снова была у Ивана Семеновича, помогала Нине Феодосьевне. В этот день предстояло немало хлопот: решался вопрос о покупке новой машины, надо было побывать на фирме «Мелодия» и получить набор пластинок для марьяновской музыкальной школы, оформить необходимые документы и проч.

Вечером того же дня — проводы Ивана Семеновича в Киев. В поездке его сопровождали: сестра Анастасия Семеновна, Нина Феодосьевна и пианист Николай Дик. На Киевском вокзале была масса провожающих, среди них: А. В. Корнеев, Ольга Николаевна, племянник Ивана Семеновича Евгений Мефодьевич Хайзерук и др. Иван Семенович был в хорошем настроении, шутил, улыбался, был трогателен со всеми. Буквально за три минуты до отправления поезда он подошел ко мне, сказал, что будет ждать в Киеве, и попрощался.

Нам дорога предстояла на следующий день.

5 июля, ранним утром мы с Анатолием Клейменовым отправились в Большой театр, где получили посох для Бориса в сцене у Василия Блаженного из «Бориса Годунова», плащи-накидки и цилиндры для сцены дуэли из «Онегина».

Вечером того же дня мы выехали в Киев. Мы — это группа московских деятелей литературы и искусства и примкнувшая к ним я. В делегацию входили: Ирина Юрьевна и Ксения Юрьевна Давыдовы — племянницы П. И. Чайковского, праправнук Пушкина — Григорий Григорьевич, писательница Лидия Борисовна Либединская, арфистка Марина Сорокоумовская, уже упомянутый Кратов, Виталий Громадский, Лариса Юрченко (сопрано), Анатолий Клейменов (тенор) и администратор Нина Григорьевна. В купе моими соседями оказались сестры Давыдовы — очень милые, приятные, интеллигентные.

Естественно, в пути много говорили о Чайковском, вспоминали Каменку. Ксения Юрьевна поделилась своими впечатлениями о конкурсе им. П. И. Чайковского. Все темы были необычайно интересны, и наша беседа затянулась допоздна, поэтому спать мы легли уже после полуночи.

Утро было пасмурным. За окном все было серое и неприветливое — то ли плащ доставать, то ли надеяться на лучшее по прибытии в Киев...

На перроне нас встретила Нина Феодосьевна Слезина, а за ней следом и товарищи из Укрконцерта. Наша группа отправилась в гостиницу «Славутич», а меня забрала с собой Нина Феодосьевна, с которой мы приехали в гостиницу «Киев», где остановился Иван Семенович. Ему предназначались два номера: в одном, где находился концертный рояль для репетиций, расположился он сам, а в другом — Анастасия Семеновна и Нина Феодосьевна. В их номере оказалось великое множество цветов — свидетельство торжественной встречи Козловского в день приезда. Иван Семенович предпочитал держаться от цветов подальше, ибо полагал, что их аромат оказывает отрицательное действие на голосовые связки.

Мне пришлось сразу окунуться в круговорот сложнейших проблем, которые возникли в первый же день прибытия в столицу Украины. Мне показалось, что я оказалась в штаб-квартире какой-то армии, а не в номере гостиницы. Главный вопрос — как добраться до Канева, где на следующий день на Тарасовой горе у Ивана Семеновича первое выступление.

А случилось вот что: в день нашего приезда на Днепре произошла трагедия — рейсовая «ракета» налетела на мель и разбилась, было много жертв. В связи с этим на неопределенный срок были отменены все последующие рейсы.

Ивану Семеновичу предложили воспользоваться правительственным теплоходом. Но такой вариант его никак не устраивал: во-первых, скорость теплохода небольшая, а во-вторых, судно не могло принять на борт всю группу сопровождения. А ведь в Киеве к москвичам присоединились украинские деятели культуры, в том числе и квартет «Явир», да еще и детский хор из Марьяновки.

Все были удручены случившимся. Вопрос о поездке в Канев решался в обстановке ужасной нервотрепки и беспокойства. Иван Семенович, вместо того чтобы репетировать накануне выступления, вынужден был обращаться в различные инстанции, чтобы решить этот непростой вопрос.

А дети и педагоги из Марьяновки уже прибыли автобусом и дожидались в вестибюле гостиницы, не зная, как быть дальше. Я неоднократно спускалась к ним, чтобы поддержать и сообщить что-то новое. Они с горечью поведали мне, что какие-то «злые люди» прислали телеграмму, в которой сообщалось, будто в Киев детям ехать не нужно. Однако они пренебрегли этим предупреждением и все равно приехали, потому что очень хотят выступить вместе с Иваном Семеновичем, ведь они так готовились.

Несмотря на все эти неожиданности, Иван Семенович не забывал и о другом: в какой-то момент этого хлопотного дня он попросил меня отправить телеграмму в Ленинград Евгению Мравинскому, поздравить его. Я с удовольствием выполнила это поручение.

К концу дня все вдруг определилось: Ивану Семеновичу сообщили, что «ракету» все-таки дадут. Едем, стало быть. Концерт на Тарасовой горе состоится!

Когда все волнения остались позади, Нина Феодосьевна на радостях пригласила меня прогуляться по вечернему Киеву.

В первую очередь мы направились во Владимирский собор, где уже начиналась вечерняя служба. Меня поразили росписи храма — ведь имена-то какие связаны с оформлением

этого чудного собора! Возле храма повстречались с нашими, московскими — Громадским, Клейменовым и Кратовым: они тоже знакомились с городом. А после службы они собирались пойти в театр — послушать оперу «Мазепа», которую давали в тот вечер артисты из Воронежа.

Нина Феодосьевна предложила и мне познакомиться с Киевским оперным театром. Внутрь мы заглянули, но на спектакль не остались, а продолжили экскурсию по городу. Пешком прошли к Софии, побывали на Владимирской горке, погуляли по парку возле Мариинского дворца и вернулись в гостиницу — стрелки часов приближались уже к 10 часам. Пора было подумать об отдыхе.

Чтобы не стеснять Анастасию Семеновну и Нину Феодосьевну, я высказала пожелание переночевать в «Славутиче», где мне был заказан номер. Почему бы не воспользоваться им? Так и порешили. Я поймала такси и отправилась на левый берег Днепра, где и расположен «Славутич» — прекрасная современная гостиница.

Как только я устроилась в своем номере, мне позвонила Нина Феодосьевна и предупредила, что на следующий день к гостинице в 6.30 будет подан автобус и чтобы все наши были готовы. Я обошла всех и предупредила, чтобы люди не проспали...

Раннее утро. С балкона гостиницы открылась чудная панорама с видом на Днепр. Красивое зрелище!

Быстро собрались и спустились вниз — мы с сестрами Давыдовыми оказались первыми. За нами потянулись остальные.

Вот и автобус. Погружаемся, располагаемся кому где удобно. Едем.

У причала остановились, а на скамейке уже сидел Николай Дик с чемоданами Ивана Семеновича. Он ждал прибытия певца и его свиты. Мы присоединились к нему.

Наконец приезжает Иван Семенович, всех приветствует, с ним же — Анастасия Семеновна и Нина Феодосьевна. Появляются и чиновники из Укрконцерта. Объявляется посадка на «ракету», мы собираемся у трапа.

Вошли в салон, расселись по местам. Иван Семенович поначалу устроился за моей спиной. Но вскоре его предупредили,

что это будет солнечная сторона, и предложили место справа, где уже обосновались Марина Сорокоумовская и Нина Феодосьевна.

Наконец все утихомирились и настроились на приятное путешествие. Но тут из динамиков на нас обрушилась оглушительная, истошная музыка — радист постарался. Нам стало не по себе. Кто-то из москвичей помчался в радиорубку и объяснил, что в салоне артисты и перед выступлением им желателен покой. Музыку выключили, и мы наслаждались относительной тишиной, которую нарушал только рев работающих двигателей.

А вот и Канев — цель нашего путешествия. Неожиданно в середине салона поднялся пожилой мужчина и громко объявил:

— Товарищи, мы должны быть счастливы, что ехали вместе с народным артистом СССР Иваном Семеновичем Козловским. Поприветствуем его!

Все оглянулись, узнали Ивана Семеновича и дружными возгласами и аплодисментами приветствовали его. Иван Семенович встал и поклонился.

Когда мы сошли на берег, нас встретили пионеры, товарищи из горкома партии. Ивану Семеновичу преподнесли хлеб-соль, остальным — цветы.

Машины уже ждали. Козловского отвезли в гостиницу у Тарасовой горы. Нас с артистами — в Дом культуры, разместили прямо в канцелярии при директоре. А всем так хотелось отдохнуть с дороги!

Писательница Лидия Либединская, администратор группы Нина Григорьевна и я отправились знакомиться с городом. Посетили краеведческий музей, постояли у могил Аркадия Гайдара и актера А. Ленского, побродили по тихим улочкам.

К 4 часам дня у Тарасовой горы возникло заметное оживление — публика все прибывала и прибывала. Появились участники нашей группы, а также поэты и писатели Украины.

Все собрались на большой площади возле памятника Тарасу Шевченко. Состоялся митинг в честь великого Кобзаря, к подножию памятника легли огромные букеты цветов, венки.

Артисты дали небольшой концерт под открытым небом.

Наконец волнующий момент — к микрофону подходит Иван Семенович. Он читает стихотворение Максима Рыльского, посвященное Тарасу Шевченко. Затем в исполнении Козловского звучит романс «Огни горят» на музыку Лысенко. Когда же певцы начали «Реве та стогне Дніпр широкий», в небе вдруг сверкнула молния и пророкотал гром. Никто из певцов не дрогнул, хотя концовка произведения звучала уже под аккомпанемент бурного дождя.

Иван Семенович, обратившись к собравшимся, пригласил всех на концерт в Дом культуры — там уже никакая гроза не страшна.

На концерте выступили: Л. Либединская, К. Давыдова, Григорий Григорьевич Пушкин, поэт Николай Упеник. Иван Семенович с большим подъемом спел «Я помню чудное мгновенье» М. Глинки, «Здесь хорошо» С. Рахманинова и две украинские песни — «Ой, чій-то кінь стоїть» и «Глибока криница» (с детским хором из Марьяновки). Завершил программу квартет «Явир».

После концерта — радостные, возбужденные, окрыленные хорошим приемом зрителей — мы выглянули на улицу и пришли в ужас: там вовсю буйствовал дождь, настоящий тропический ливень. Неужели поедем?

— Да, — сказали нам, — следующим автобусом. Один уже уехал.

Что ж, подождем — под крышей-то совсем неплохо! А ливень становился все сильнее и сильнее. Откуда только силы берутся?

Пока нас угощали бутербродами, подкатил автобус, в который мы и погрузились. Предстояла дальняя дорога, а дождь не прекращался ни на минуту. Было очень темно на улице, в окно барабанил дождь, а нам было почему-то весело. Певцы «Явира» и девушки из хора им. Г. Веревки дружно пели украинские песни — и пели замечательно! А песен этих они знают столько, что не перечесть. Шутки, смех, песни сопровождали все наше путешествие, хотя не обошлось и без приключений. Несколько раз наш водитель сбивался с пути, потому что на шоссе шли ремонтные работы и приходилось делать объезд, к тому же из-за дождя, лившего стеной, не было почти никакой

видимости. Один раз наш автобус угодил в какую-то большую яму.

Уже глубокой ночью нас привезли в какую-то сосновую рощу и сказали, что мы прибыли к месту назначения. Оказалось, что в этой живописной роще и находилась гостиница при санатории «Украина», которая стала нашим пристанищем на время пребывания в Черкассах. Иван Семенович был уже на месте — его доставили на легковой обкомовской машине.

За окном — тьма, дождь, а у нас тепло и уютно.

На следующий день — знакомство с Черкассами. Очень приветливый, ухоженный, опрятный город с большим количеством зелени, буквально утопающий в садах и парках, с подвесными мостиками через овраги.

В 16 часов отправились в Каменку. Впереди нашей колонны — две черные «Волги»: в одной — Иван Семенович, Анастасия Семеновна и Нина Феодосьевна, а во второй — сестры Давыдовы и Г. Г. Пушкин. Далее следовали два автобуса с артистами и детьми из Марьяновки.

Когда мы подъезжали к Каменке, опять хлынул противный дождь, сразу как-то похолодало. Несмотря на это, на шоссе при въезде в город нас уже ждали и встречали взрослые и дети с цветами. Ивану Семеновичу преподнесли, как обычно, хлеб-соль. Нас пригласили и провели в музей, где рассказали о пребывании в Каменке декабристов, о приездах сюда А. С. Пушкина, П. И. Чайковского.

Сначала Иван Семенович, а потом и Н. Дик сыграли несколько музыкальных произведений, пожелав испробовать звучание рояля, на котором в свое время играл Чайковский. Это было незабываемо. Все с затаенным дыханием слушали волшебные звуки этого рояля...

Музейные сотрудники попросили певца оставить запись в Книге почетных гостей, и он охотно откликнулся на эту просьбу.

Слушая экскурсовода, Иван Семенович иногда говорил сам, дополняя рассказ. И это свидетельствовало о том, что тема эта волнует его, что ему многое ведомо.

Выйдя из музея, подошли к памятнику П. И. Чайковскому, возложили цветы к подножию. Затем нас провели к купальне,

в которой, по преданию, таился Шервуд, тот самый, который предал декабристов. Всеобщее восхищение вызвал памятник молодому А. С. Пушкину, так удачно поставленный в аллее парка, что казалось, будто поэт шагал нам навстречу... Лидия Борисовна Либединская признала этот памятник Пушкину самым удачным из всех, что она видела.

Экскурсия закончилась, нас сразу же повезли дальше, в кинотеатр, где уже собрались в ожидании концерта зрители.

Артисты без всякой передышки стали готовиться к выступлению. К собравшимся обратились с речами: черкасский партийный деятель (к сожалению, фамилии не помню), который говорил хорошо и складно; Ксения Юрьевна Давыдова рассказала много интересного; Г. Г. Пушкин в тот раз был в плохом настроении и выступил не совсем удачно; а вот Лидия Борисовна Либединская говорила умно, образно, эмоционально; и, наконец, слово свое сказал Микола Упеник — хорошее было выступление.

А певцы пели, танцоры танцевали — все шло своим чередом.

Не без волнения мы с Ниной Феодосьевной ждали выхода Ивана Семеновича, поскольку знали, что перед этим концертом он не придерживался своего обычного режима — слишком много говорил под дождем, общаясь с людьми на улице, отвечая на их вопросы и приветствия. Видимо, от сырости и прохлады у певца «подсели» голосовые связки. Пел он буквально «через не могу», с большим напряжением воли и нервов. Но дуэт из «Онегина» прозвучал совсем неплохо (сужу с позиции опытного слушателя и зная, как он может петь в блестящей форме). Сцену дуэли из «Онегина» Иван Семенович исполнил вместе с Я. Кратовым.

Затем выступали дети из Марьяновки — играли на сопилках. Когда ведущий концерта объявил «Сурка» Бетховена, Иван Семенович жестом дал понять, что петь больше не будет — не хотел рисковать. Однако участников было много, и концерт продолжался до поздней ночи. В целом все выглядело удачно. Никто из зрителей не ушел.

Было уже очень поздно, когда отзвучали последние мелодии. Нам предстоял далеко не близкий обратный путь. Очень заботливо, по-отечески отнесся к нашей группе секретарь

горкома Каменки: при посадке в автобус он преподнес нам две огромные коробки со всякой снедью — хлеб, свежее сало, малосольные огурцы, румяные помидорчики. Надо было видеть, как обрадовалась артистическая братия этой поистине манне небесной, как аппетитно все это поглощалось! Казалось, нет ничего вкуснее этого угощения... Подкрепились — и снова зазвучали украинские песни. Время пролетело незаметно.

Была глубокая непроглядная ночь, когда мы вернулись в сосновую рощу, в нашу гостиницу. Но долго еще никто не спал — всех переполняли впечатления прошедшего дня...

На следующий день, 9 июля — заключительный концерт в зале Черкасской филармонии.

К вечеру у здания филармонии стала появляться нарядно одетая публика, в зале царила торжественная обстановка, было очень много цветов.

Концерт в Черкассах прошел с огромным успехом и был, пожалуй, наиболее впечатляющим.

Зал был переполнен. Все происходившее на сцене воспринималось с большим воодушевлением. Была атмосфера праздничности, радостного ликования и восторга.

Открыл вечер черкасский секретарь горкома, обратившись с приветственным словом к гостям из Москвы. Ивану Семеновичу, по традиции, преподнесли хлеб-соль, и он на украинском языке произнес ответную речь.

Затем начался концерт. Иван Семенович на сей раз был в прекрасной форме, пел много и превосходно. Первым прозвучал романс М. Глинки «Я помню чудное мгновенье», затем — «Здесь хорошо» С. Рахманинова. Была также исполнена сцена у собора Василия Блаженного из «Бориса Годунова» (Бориса пел В. Громадский, В. Шуйского — Анатолий Клейменов). Успех был огромный. Вот и скажи что-нибудь о провинциальной публике — принимает не хуже, чем в Большом.

На сцену вышли дети из Марьяновки. Они исполнили свою программу, после чего к ним присоединился Козловский. Прозвучали: «Сурок» Бетховена, «Ой, чій-то кінь стоїть», «Глибока криниця» (последнюю пришлось исполнять на бис). Эту песню, встреченную публикой шквалом аплодисментов, Иван Семенович исполнял с самой юной участницей

марьяновского хора — он не только пел, но и плясал вместе с ней. Был необыкновенно жизнерадостным — всех заразил искрометным весельем.

В зале — громовая овация, всеобщее ликование, возгласы восхищения и крики «браво». После такого триумфа остальным ничего другого не оставалось, как следовать тональности, заданной Козловским, — все старались изо всех сил выступить с огоньком.

Концерт прошел, как говорится, на ура.

На следующий день отправились в Киев, откуда половина нашей группы возвратилась в Москву. Я же осталась в Киеве.

Чем же были примечательны и памятны дни после гастролей Ивана Семеновича, после 10 июля?

Началось мое обстоятельное знакомство с Киевом. Однажды возле площади Победы повстречалась с артистами ансамбля «Явир». Они радостно меня приветствовали, спросили об Иване Семеновиче, сообщили, что видели как-то в руках одного киевского поэта сборник стихов с посвящением артисту, просили передать ему большой привет. Расстались мы дружески...

Несколько раз посещала Владимирский собор во время службы — там же были Иван Семенович, Анастасия Семеновна, Нина Феодосьевна и Марина Сорокоумовская. Не один раз мы с Ниной Феодосьевной совершали прогулки по улицам Киева, и город покорял меня все сильнее и сильнее.

Посетила я Печерскую лавру, побывала в Софийском соборе, в музее М. Заньковецкой, в музее-квартире М. Рыльского, в музеях Т. Шевченко, в Русском музее и в Музее западного искусства. В некоторых музеях среди экспонатов — фотографии Козловского.

Огромное впечатление оставили поездки с Иваном Семеновичем в Чернигов и Марьяновку — его родное село. Поездки эти состоялись по его инициативе.

В Марьяновку отправились 15 июля. Была суббота. За нами в Киев приехал автобус, принадлежащий марьяновской школе.

Проезжая мимо Василькова, Иван Семенович попросил остановиться и провел с нами небольшую экскурсию. Расска-

зал, что именно здесь батюшка благословил декабристов на их выступление против царя. Иван Семенович обратил наше внимание на то, какой необыкновенный простор открывается с горы, на которой расположена церковь.

Затем, приближаясь к Марьяновке, сделали еще одну остановку и посетили сельское кладбище, на котором похоронены родители Ивана Семеновича и Анастасии Семеновны. Возложили цветы, поклонились. Иван Семенович потом остался один и еще несколько минут постоял молча...

Прибыли в Марьяновку. Сразу же отправились к хате, где жили родители Ивана Семеновича и где прошли его детские годы. Хата тогда находилась в ветхом состоянии и требовала ремонта (теперь она восстановлена и там находится музей).

Потом мы прошлись по саду, который был заложен по инициативе певца, — огромный сад, где растут фруктовые и всякие диковинные деревья.

Подошли и к музыкальной школе, но та была на ремонте.

Иван Семенович тем временем отправился в сельский Дом культуры, а там — свадьба. Он выступил там, поздравил молодоженов (повезло-то им — сам Козловский благословил их на добрую совместную жизнь!).

А мы с Ниной Феодосьевной пришли к родственникам Ивана Семеновича, которые уже накрывали столы в ожидании москвичей.

Вдруг откуда ни возьмись набежала черная туча и разразилась крупными каплями дождя. Под этим проливным дождем Иван Семенович и пробирался по улицам родной Марьяновки до хаты, где все уже собрались и ждали только его. Костюм слегка промок — хотя кто-то и старался прикрыть Ивана Семеновича зонтом. Но, несмотря на непогоду, он был в хорошем расположении духа.

Всех пригласили к столу, и пиршество началось. В углу застолья устроились две местные подружки Нины Феодосьевны — старенькие сестрички, одна из которых была когда-то подругой матери Ивана Семеновича. Он поведал нам, что одна из сестер была когда-то необычайно красива, имела много кавалеров, и это из-за нее в степной Марьяновке появился однажды морячок...

Сестры тут же вступили в разговор, чтобы показать: не только кавалерами они интересовались, но и много читали — Льва Толстого знают и цитируют великого классика. При этом Иван Семенович напомнил, что Толстой был не только великий художник слова, но и великий путаник.

В момент дискуссии об авторе «Войны и мира» в дверях появились Ростислав, Ярослав и Мария — педагоги марьяновской школы. Они играли на сопилках, на аккордеоне, исполняя «Глибоку криницю». Застолье пошло еще веселее.

Пригласили и учительницу литературы из местной школы. Наслышанная, видимо, обо мне, она поинтересовалась моей персоной. Иван Семенович отрекомендовал меня так:

— Это самый лучший педагог Москвы. Ее все боятся. Она очень сердитая...

Все заулыбались, а я подумала про себя: «Если Иван Семенович Нину Феодосьевну величает Салтычихой, то обо мне он отозвался достаточно умеренно, не слишком уж досталось...»

Тем временем Иван Семенович поинтересовался, почему я мало пью вина. Пришлось выпить рюмку сухого. А вот агитировать меня на вкусный пирог с вишней и грецкими орехами никому не пришлось — тут мне соперников не оказалось. Пирог был чудный...

Поясняя кому-то из гостей, какие у него гостеприимные родные, Иван Семенович сказал:

— Вот какие у меня родственники: последние штаны продадут, а на стол накроют...

Выходя из-за стола, Иван Семенович благодарил Тосю, свою двоюродную сестру (это в ее доме мы пировали), сказав: «Спасибо, что не отравили», на что Тося многозначительно ответила: «Это выяснится только через час...»

Раздался общий смех.

Как хорошо было в этой хате — тепло, уютно, весело! Каждый сельчанин, пришедший к столу, получил от Козловского какой-либо подарок. Вручала Нина Феодосьевна, а комментировал Иван Семенович. Это было очень трогательно.

В 5 часов вечера сели в автобус и отправились в Киев.

Наступило 18 июля — день поездки в Чернигов. Выехали автобусом в 10 часов утра. Нас было не много: Иван Семенович, Анастасия Семеновна, Нина Феодосьевна, Марина Сорокоумовская, педагоги из Марьяновки — Ярослав, Ростислав, Леся Сергеевна Цалай-Якименко (тогда — директор музыкальной школы), Инна — родственница Ивана Семенович, поступившая в балетную школу, и я.

Первая остановка была в г. Козелец, где мы осмотрели церковь, сооруженную по проекту Растрелли. И хотя храм стоял в строительных лесах, реставрировался, для нас сделали исключение и пропустили внутрь — рассказали об истории этого храма.

Иван Семенович слушал внимательно, сосредоточенно. Когда экскурсовод умолкла, он вдруг запел «Ныне отпущаеши...» Голос звучал божественно, будто ввысь возносился, завораживая своей чарующей красотой. Почти пустой храм вдруг наполнился волшебным пением, не слыханным здесь никогда ранее.

Потом Иван Семенович рассказал нам, что здесь, под этими сводами, пел когда-то К. Разумовский.

— Есть люди, — продолжал он, — которых необходимо помнить. Кирилл Разумовский был последним гетманом Украины. В том, что Бетховен написал цикл шотландских песен, есть известная заслуга Разумовского...

А этой замечательной церкви уже 220 лет, сооружена она в 1763 году.

Когда мы выходили из храма, к Ивану Семеновичу подошла незнакомая пожилая женщина, поблагодарила его за пение и, поклонившись, поцеловала ему руку.

Мы продолжали наше путешествие. Дорога была великолепная: по обочинам стояли высокие пирамидальные тополя...

Чернигов встретил нас ярким солнечным сиянием и зелеными улицами и парками.

Знакомство начали с посещения Спасской, а затем Борисоглебской церквей. Обе — чистенькие, хорошо отреставрированные. Иван Семенович выразил наше общее впечатление:

— Поражен и восхищен великим мастерством предков — талантливых, работящих, которые за 800 лет до нас сотворили этакое чудо!

В Борисоглебском храме Иван Семенович поднялся наверх, на хоры. Он пел украинскую народную песню, пел завораживающе и проникновенно — и голос «так дивно звучал...» Все, кто случайно оказались в тот момент здесь, буквально оцепенели, слушая чарующий голос Ивана Семеновича, веря и не веря в это чудо. И, едва он закончил петь, раздались возгласы: «Браво!»

Когда Козловский спустился вниз, дежурная попросила его оставить запись в книге посетителей, на что он охотно откликнулся:

«Спасибо реставраторам, хранителям духовной ценности нашего народа.

Знать минувшее, чтобы ценить день сегодняшний, завтрашний создавая.

Иван Козловский».

Затем он сам, без участия экскурсовода, показал нам крепостной вал, хорошо укрепленный и оснащенный пушками. Вид оттуда открывался чудесный!

Там, где стоит памятник Тарасу Шевченко, Иван Семенович остановился и стал рассказывать, что на этом месте до революции находился летний театр, где артисты давали спектакли. В этот момент мимо нас проходила экскурсия. Приблизившись к нам, экскурсовод вдруг заулыбался и радостно произнес:

— Здравствуйте, Иван Семенович!

Оказалось, это бывший учитель, теперь пенсионер, работающий гидом. Он тоже был недавно на Тарасовой горе и слышал выступление Козловского.

Иван Семенович познакомил его с нами, а тот сообщил, что его группа приехала с Кавказа. И все как один пожелали сфотографироваться с великим артистом. В итоге группы объединились — получился коллективный снимок.

Далее последовало посещение местной картинной галереи, кстати, с довольно интересной коллекцией живописи. Благодаря Ивану Семеновичу нам показали и запасники. И почти на каждом шагу у артиста просили автографы, которые он давал охотно, никому не отказывая.

К 5 часам вечера нас привезли в ресторан, где явно не были готовы к столь неожиданному визиту именитого гостя со свитой. Готового ничего не оказалось, а ждать было некогда. Подали то, что оказалось под рукой. Поэтому подкрепились мы весьма скромно и вышли из-за стола, как советуют врачи, «с чувством легкого голода».

Пообедав, Иван Семенович подошел к инструменту и сыграл несколько популярных мелодий из оперетт — этакое попурри, приведя в неописуемый восторг всех работников ресторана, а мы веселились от души.

Но, спускаясь вниз по лестнице, Иван Семенович довольно печально заметил:

— Что-то брюки спадают — значит, обеда не було...

И снова помчал нас автобус по шоссе в неизвестные просторы Черниговщины. Остановились на красивом берегу «зачарованной Десны», по словам А. Довженко. Иван Семенович побеседовал с местными «дидами», посоветовался с ними, как дальше проехать и где лучше всего побывать. Затем дал команду, чтобы все поскорее собрались у машины. Заметив мое замешательство, он сказал:

— Тамара два обеда съела и бежать не может...

Уловив разность настроений в группе, Иван Семенович поставил вопрос на голосование: ехать в Седнев, где когда-то стояло войско Б. Хмельницкого, или отправиться в Сосницы — на родину А. Довженко. Проголосовали — большинство высказалось за Седнев.

Это оказалось недалеко, минут через 40 мы были уже на месте. Только вышли из автобуса, как рядом оказался невысокий мужчина интеллигентного вида. Он сразу узнал Козловского, поздоровался с ним, а тот представил ему нашу группу. Незнакомец этот оказался местным искусствоведом, звали его Леонид Владимирович Владич. Он с удовольствием провел нас по селению, рассказал много интересного. Показал ту самую гору, о которой сложена песня «Стоит гора высокая».

Подошли к реке Снов. Иван Семенович предложил всем бросить монетки в воду, чтобы снова вернуться сюда, в эти дивные края. Владич рассказал, что здесь когда-то было большое имение, принадлежавшее Лизогубу. Осмотрели со всех

сторон барский дом, в котором находилась домовая церковь. А неподалеку увидели небольшую деревянную церковь — дивно хороша!

Переходя от одного объекта к другому, Владич сказал мне:

— Вы обратили внимание, что Иван Семенович здесь совсем не такой, как в Москве? Здесь он энергичнее, живее. Жаден до всего — хочет объять необъятное. Видимо, родная земля придает ему силы...

Справедливое замечание наблюдательного человека!

Мы тепло поблагодарили нашего замечательного гида и отправились в обратный путь. По дороге снова заезжали в Чернигов и осмотрели монастырь Феодосия. В музей Коцюбинского, к нашему огорчению, мы не попали: было уже 9 часов вечера.

Переполненные впечатлениями, в час ночи вернулись в Киев. А через день, позвонив в Москву, я узнала, что по семейным обстоятельствам мне необходимо быть в столице. Я помчалась домой, с сожалением расставшись с Иваном Семеновичем и его близкими.

Впоследствии Нина Феодосьевна рассказала мне, как провели они время после моего отъезда. Посетили Байково кладбище. Совершили еще одно путешествие — на север — в Батурин и Новгород-Северский. Путешествие это было довольно тяжелым, так как ехать пришлось в основном проселочными дорогами, сильно трясло на ухабах. В городах было немало интересного, но сама дорога оказалась изнурительной.

Разумеется, везде люди, узнав о приезде знаменитого артиста, шли к нему бесконечной вереницей, обращаясь к нему с различными просьбами. И он старался всем помочь. Нина Феодосьевна связывала его с чиновниками различного ранга, от которых зависело решение того или иного вопроса.

Вспоминая ту поездку, я испытываю большое удовлетворение от того, что тогда мне удалось принять участие в значительной части киевской программы. Но должна признаться: та памятная поездка в Киев была для меня не первой. В Киеве я бывала и раньше, в 1954 году, когда со своей подругой Леной Майковой отважилась приехать в этот незнакомый город на концерт Козловского. Пишу «отважилась», потому что Лена

сдавала выпускные экзамены в школе. В промежутке между экзаменами мы и решились съездить в Киев. Город покорил нас своей неповторимой красотой, цветущими каштанами, и это было так великолепно, празднично!

Концерт певца состоялся в Колонном зале Киевской филармонии. Он привез сюда огромную программу. В начале концерта была исполнена сцена дуэли из оперы «Евгений Онегин» (Онегин — Евгений Белов). Сейчас мне вспоминается статья в журнале «Мегаполис» (1995. № 1), в которой автор Нестор Колодников, прослушав сцену дуэли, писал о Козловском — Ленском:

«Вы вслушайтесь в его фразировку вокальной мысли! подачу интонаций! как он *ведёт* вас по музыкальной фразе... Этот знаменитый его *шёпот* (над которым недалекие меломаны насмехались), его великолепные, сверкающие и (как ни странно, может быть, слышать в разговоре о теноре) МОГУЧИЕ предельные ноты — сильные, раскованные, и кажется, без всякого напряжения.

...Нельзя рассматривать сложные, самобытные проблемы такого артиста, как Козловский, на том „птичьем" уровне, на котором написаны многие статьи о нем. Он не соловей, а вокальный мыслитель. Он поет не столько „соловьиным" горлышком, сколько сердцем».

Отзвучала сцена дуэли, за ней последовали «Сурок» Бетховена, «Средь шумного бала» Чайковского.

Серенаду Арлекина из оперы «Паяцы» Р. Леонкавалло Козловский спел с особым блеском — публика ликовала и бушевала от восторга. Тогда он с еще большим задором и лукавством спел «Девы, спешите...» Г. Векерлена, после чего легко и непринужденно, с тонким чувством юмора, всех раззадорив, исполнил «Жену» А. Гречанинова.

А далее уже — иное настроение: Козловский спел «Я встретил вас» (в сопровождении симфонического оркестра и арфистки — Веры Дуловой). Затем публика наслаждалась русскими и украинскими народными песнями, романсами: «Їхав козак на війноньку», «Стоит гора высокая», «Не щебечи, соловейко», «Ой, дівчино, шумить гай», «Чорні брови, карі очи», «Вечерний звон», «Пленившись розой, соловей» и, наконец, свадебной

песней из оперы Лысенко «Наталка-Полтавка» (в сопровождении капеллы А. Миньковского).

В зале находилась О. В. Лепешинская, которая поднялась на сцену, поблагодарила Ивана Семеновича за прекрасный концерт и прочитала свое стихотворение, посвященное артисту. Она назвала его стройным и красивым партнером (напомнив, как вместе они танцевали в сцене Вальпургиевой ночи в опере «Фауст»), а когда объявила Ивана Семеновича «великим певцом нашего времени», тот вдруг засмущался, замахал руками, дескать, не надо так... Но зал дружно поддержал слова Лепешинской, неистовствуя в аплодисментах.

Во время концерта, почти после каждого номера, Ивану Семеновичу преподносили цветы, причем дарили прямо в вазах — у нас в Москве такого не бывало. Было море цветов. Долго зал не мог успокоиться, чествуя любимого певца.

Выйдя на улицу, с удивлением обнаружили перед зданием филармонии толпу людей: зрители не расходились после концерта, а ждали выхода Ивана Семеновича. Но и просто прохожие, узнав, чей был концерт, пожелали увидеть знаменитого земляка. В результате собралось столько народу, что встали автомобили, трамваи — невозможно было проехать.

И когда наконец появился Козловский, вся площадь дружно зааплодировала, раздались крики «браво!». В тот момент нам стало понятно, как любят Ивана Семеновича на Украине, как искренне, тепло и радушно относятся к нему земляки...

Не в порядке хронологии, а по каким-то неведомым мне самой причинам вспоминаются выступления Ивана Семеновича уже в Большом зале Московской консерватории. Как события, как значительные явления приходят на память его концертные программы, в которые певец включил романсы М. Глинки (в том числе «Сомнение», обычно исполняемое низкими голосами), отрывки из «Всенощной» С. Рахманинова, а также произведения Б. Бриттена и В. Кикты.

Один из таких концертов состоялся в консерватории 19 декабря 1961 года. Уже на подступах к улице Герцена в тот вечер можно было заметить небывалое скопление людей, на лицах многих — мольба и вопрос: нет ли лишнего билета? Когда

с этим же вопросом обратились к пожилому мужчине, тот воскликнул:

— Вы что, шутите? Разве могут быть *лишние* билеты на такой концерт, как сегодня?..

В фойе мы увидели М. П. Максакову, Л. И. Масленникову, А. П. Иванова, Т. Е. Талахадзе, Н. Д. Шпиллер, А. М. Иванова-Крамского, Н. А. Казанцеву, И. Ф. Шаляпину, художника Ю. Корлякова, академика А. Опарина...

Прозвенел третий звонок. Все собрались в зале.

Как только Иван Семенович появился на сцене, в зал точно штормовая волна ворвалась — все бурной овацией приветствовали певца.

В программе были Михаил Глинка и Бенджамин Бриттен, произведения которого Козловский исполнял впервые.

Пел Иван Семенович изумительно. Это мои личные впечатления, поскольку профессиональной музыкальной подготовки у меня нет.

Концерт начался с «Молитвы» М. Глинки (на стихи М. Ю. Лермонтова) в сопровождении оркестра и хоровой капеллы. Эту вещь мы слушали впервые и были потрясены. Действительно, Иван Семенович не просто певец, а мыслитель, философ. Недаром С. Я. Маршак говорил о нем: «Иван Семенович Козловский рассуждает философски». Так же философствует он и в музыке.

Затем прозвучали «Не щебечи, соловейко» и «Гуде вітер» (последняя повторялась на бис).

Во втором отделении Иван Семенович исполнил «Серенаду» Б. Бриттена для тенора и валторны (В. Полех) на стихи английских поэтов. Произведение для нашего слушателя необычное, но исполнение было таким проникновенным, что мы невольно оказались во власти музыки английского композитора.

Певца долго не отпускали, благодарили, вызывали на бис, преподнесли множество цветов — среди них особо выделялась корзина с белой сиренью. На дворе декабрь, зимняя стужа — и вдруг живая сирень, просто чудо!

Через несколько лет, 25 ноября 1963 года, Иван Семенович повторил исполнение «Серенады» в Большом зале Консерватории в честь 50-летия Б. Бриттена. И тоже был огромный

успех. На концерте присутствовали представители посольства Великобритании, которые вручили артисту металлическую вазу.

А на следующий день Иван Семенович выступил с той же программой в актовом зале МГУ на Ленинских горах, перед студентами и преподавателями университета. И там концерт прошел с большим успехом.

Интерес Ивана Семеновича к английской музыке возник не вдруг, не только в связи с Бриттеном. Еще в 1945 году, как свидетельствует сохранившаяся программа концерта, Иван Семенович пел английские песни: «Ясень и дуб» и «Рио-Гранде». Это был концерт английской и советской музыки, проходивший в зале им. П. И. Чайковского. Интересно отметить, что из вокалистов, принимавших участие в том концерте, только М. О. Рейзен исполнял шотландские и английские песни в обработке Д. Шостаковича, а больше никто не решился.

Думаю, не случайно, уже после смерти Ивана Семеновича, по Английскому телевидению прошла передача, посвященная корифеям русской музыки, и ее автор Владимир Ашкенази много рассказывал о Козловском. Потом были даны в эфир четыре вещи в его исполнении, в том числе каватина Фернандо из оперы Г. Доницетти «Фаворитка» (на итальянском языке).

Как же все изменилось с тех пор! Трудно представить себе, чтобы нынешняя молодежь, взращиваемая современными ТВ и радио (исключая канал «Орфей») на образцах «татушек-погремушек», слушала Бриттена. Даже забавы ради кто-нибудь из сегодняшних солистов Большого театра сподобился бы дать подобный концерт в МГУ?

Конечно, для понимания большого художника надо знать время, в которое он жил и творил. И в связи с этим как не вспомнить 1965 год, когда духовная музыка звучала лишь в храмах, — в концертных залах исполнять ее было не принято. Иван Семенович, с присущей ему отвагой, добился разрешения включить в свою программу, посвященную творчеству С. В. Рахманинова, отрывки из «Всенощной».

Этот исторический концерт состоялся 2 марта 1965 года. И снова в тот вечер лишний билетик спрашивали у памятника Тимирязеву, что у Никитских ворот...

Многие романсы тогда Ивану Семеновичу пришлось исполнять на бис: «Здесь хорошо», «Проходит все», а также фрагменты из «Всенощной» — «Блажен муж» и «Свете тихий». Казалось, что дух воспаряет к небесам — голос певца заворожил всех...

За исполнение отрывков из «Всенощной» Комитет по Ленинским премиям отказал Козловскому в присуждении оной, хотя он и был потенциальным кандидатом на ее получение.

Большой резонанс в свое время вызвали гастроли Ивана Семеновича в Минске. Это было в 1953 году. Рассказываю об этом по многочисленным впечатлениям очевидцев.

Тогда в Белорусском оперном театре артист выступил в следующих операх: «Евгений Онегин», «Запорожец за Дунаем», «Травиата» и «Севильский цирюльник». Дал несколько концертов. Там он спел и Альфреда, и графа Альмавиву, в то время как в Москве эти партии он почему-то не исполнял.

До приезда Ивана Семеновича театр плохо посещался, артисты по несколько месяцев не получали зарплату. А тут минчане потянулись в оперу — на спектакли трудно было достать билеты.

Гастроли певца прошли с феноменальным успехом. У него появилась масса новых поклонников, в том числе и один из оркестрантов этого театра, ударник, который много фотографировал Ивана Семеновича и на спектаклях, и во время репетиций. Музыкант признавался, что готов «слушать Ивана Семеновича без конца, без обеда и без ужина...»

На одном из концертов Иван Семенович обратил внимание на девушку-инвалида, сидевшую в партере у прохода. В антракте он отправил к ней гонца, чтобы познакомиться и пригласить зрительницу к себе. Встреча состоялась. Узнав, что инвалидом девушка стала вследствие перенесенного полиомиелита, он пригласил ее в Москву, где договорился со столичными врачами. После операции девушка стала лучше передвигаться.

Гастроли прошли триумфально. Казалось бы, радоваться надо. Но кто бы мог подумать, что в скором времени в газете «Правда» появится злополучный фельетон Семена Нариньяни «На верхнем *до*...», где Козловский будет назван Лоэнгрином Лоэнгриновичем и обвинен в стяжательстве...

В коллективе Большого театра состоялось обсуждение газетного материала. Были «приняты меры». Певца слушать никто не стал...

И он ушел в себя. Несколько месяцев нигде не выступал, а в 1954 году вместе с Пироговым, Рейзеном и Михайловым подал заявление об уходе на пенсию...

Начав работу в Государственном ансамбле оперы еще до войны в качестве руководителя, Иван Семенович и в послевоенное время продолжил свою деятельность как постановщик оперных спектаклей. Благодаря этому мы смогли услышать в концертном исполнении такие оперы, как «Катерина» Н. Аркаса, «Наталка-Полтавка» Н. Лысенко, «Моцарт и Сальери» Н. Римского-Корсакова и «Лоэнгрин» Р. Вагнера.

Самое сильное впечатление произвел «Лоэнгрин», исполненный на сцене Большого театра. Очень хорошо об этой постановке рассказал в свое время К. Птица на страницах журнала «Советская музыка».

Людям новых поколений неведомо, а потому и не мешает напомнить, что на юбилейном вечере в Большом театре Иван Семенович пел партию Ленского. А ведь было ему тогда 80 лет! Последний же сольный концерт он дал в Большом зале Консерватории, когда ему исполнилось 87. И самое последнее его выступление состоялось в Доме литераторов в 89 лет. Он спел три вещи.

Концерты и спектакли с участием певца всегда вызывали огромный интерес не только у москвичей. Неизменно на его выступления приезжали почитатели из Полтавы, Владимира, Ленинграда и других городов. Своим творчеством Иван Семенович объединял людей, пробуждал в них чувства добрые, светлые и прекрасные. Возникали новые знакомства, появлялись новые друзья...

А друзей у него было — не сосчитать! Например, письма от коллег по Свердловской опере приходили к нему и в 90-е годы, а ведь там пел он в 20-е годы. И он с особой теплотой отвечал друзьям своей молодости. А певцы, волею судеб хоть однажды бывавшие партнерами Ивана Семеновича по сцене, невольно оказывались во власти его обаяния. Так случилось с польской певицей Эвой Бандровской-Турской, которая в конце 30-х годов приезжала на гастроли в Большой театр и пела в «Травиате»,

«Онегине» и «Риголетто». Театралы старшего поколения рассказывали мне, что когда она пела Татьяну в «Онегине», то не скрывала своей симпатии к Ленскому, которого исполнял Козловский. Узнав, что в очередном спектакле Иван Семенович будет петь Лоэнгрина, Э. Бандровска-Турска специально выучила партию Эльзы, чтобы выступить вместе с ним. И все это ради единственного спектакля!

Уже после войны, когда в Москве стали проходить конкурсы им. П. И. Чайковского, Э. Бандровска-Турска принимала участие в работе жюри конкурса вокалистов. По окончании конкурса она дала два концерта — в зале им. П. И. Чайковского и в консерватории. Мне довелось побывать на одном из ее выступлений. Огромное мастерство, сценическое обаяние — все очаровало меня.

Иван Семенович слушал Э. Бандровску-Турску в Большом зале Консерватории.

Летом 1979 года пришло сообщение о кончине Э. Бандровской-Турской. В связи с этим печальным обстоятельством мне было поручено отправить телеграмму от Ивана Семеновича, что я и сделала. Обращаясь в Министерство культуры Польской Народной республики, Козловский написал:

«Примите мою скорбь об утрате незабвенной Эвы Эрнестовны Бандровской-Турской. Ее значение в искусстве велико сегодня, а в грядущем ее имя будет символизировать эпоху вокального искусства.

Иван Козловский
Народный артист Советского Союза».

Прошло еще несколько лет, и, кажется, в 1989 году артист получил приглашение из посольства Польши с просьбой принять участие в вечере, посвященном памяти Э. Бандровской-Турской. К назначенному времени Иван Семенович был уже, как обычно в таких случаях, в концертном костюме — элегантен, строен, сосредоточен. Вскоре появился Гжегож Вишневский — советник по делам информации и культуры посольства Польши — и сообщил, что машина ждет у подъезда.

Пока мы ехали в сторону Тишинки, шел неторопливый разговор. Вишневский сообщил, что в Варшаве вышел из печати

сборник воспоминаний о певице и там упоминается Иван Семенович, назвал даже страницу.

Вечер был очень интересный, о Э. Бандровской-Турской все говорили очень хорошо, звучали ее записи. В центре всеобщего внимания, конечно, был Козловский, который рассказал много интересного. Ему горячо аплодировали.

Примерно в ту же пору Г. Вишневский брал у Ивана Семеновича интервью, в котором он вспоминал о певице:

«...Особая глава моих польских контактов — встречи с незабываемой Эвой Бандровской-Турской. В 1935 году я наблюдал за ней во время ее гастролей в Большом в партии Эльзы в „Лоэнгрине". Она потрясала скоростью работы — спектакль спела после одной репетиции. Как-то она приехала в Ялту на сольные концерты, я тоже был там, пошел на концерт и, сначала никем не узнанный, запел что-то из зала, она ответила со сцены, и неожиданно возник дуэт — восторг публики перешел всякие границы!

Э. Бандровска-Турска пользовалась у нас такой симпатией, так ее у нас ценили, что Н. С. Хрущев всерьез подумывал о том, чтобы склонить ее остаться на Украине, — он об этом пишет в своих воспоминаниях».

Нетрудно понять, что не случайно Козловский сделал запись польских народных песен, в том числе «Кася», «Висла» и др.

К слову сказать, в репертуаре певца были песни и других народов: латышская песня «Петушок», записанная с детским хором; чешская песня «Тихо плещется речка» (со студенческим хором); грузинская песня «Только тебе одной» (запись сделана Грузинским телевидением; в дуэте участвовал Игорь Морозов-старший, баритон). Эту песню Иван Семенович с Морозовым пели на грузинском языке, и каждый раз — с оглушительным успехом и бисируя.

Известно, что артист не пропускал ни одного значительного события в театральной жизни Москвы, посещал почти все исполнения «Реквиема» Моцарта или Верди.

Вспоминается такой случай. Как-то позвонила мне Анастасия Семеновна и сказала, что брат просит приехать: необходимо было написать какое-то письмо.

Оказалось, что накануне Иван Семенович присутствовал на концерте в консерватории, где исполняли «Реквием» Верди. По окончании он прошел за кулисы поблагодарить исполнителей и вдруг заметил всю в слезах, громко рыдавшую Галину Ковалеву, сопрано из Ленинграда. Выяснилось, что певица плакала от обиды: все исполнители получили букеты цветов, а ей не преподнесли ни одного цветочка. И стало ей так горько, так досадно — вот она и расплакалась.

На сей раз «Реквием» давали в том же исполнительском составе в зале им. П. И. Чайковского. Иван Семенович решил оказать знаки внимания Ковалевой и потому призвал меня на помощь. Все стало понятно: он в своем репертуаре — не может бросить человека в беде, должен помочь, поддержать, утешить... Во-первых, он решил написать письмо, а во-вторых, вручить его исполнительнице вместе с цветами прямо на сцене.

И мы принялись за работу. Иван Семенович продиктовал два варианта письма и поинтересовался, какой из них лучше, удачнее, на каком можно остановиться. Я ответила, что у каждого из писем свои достоинства. Тогда Иван Семенович сам сделал выбор. Когда текст был напечатан, он добавил от руки несколько слов и расписался. Выдали мне на цветы деньги, и я отправилась. Купила красивый букет, вложила письмо от Ивана Семеновича, передала дежурным у входа с просьбой передать Галине Ковалевой на сцену.

Думаю, что в тот вечер певица была счастлива, получив столь неожиданное подношение с письмом от Козловского.

В этом поступке — весь Иван Семенович, с его отзывчивой душой, с его стремлением нести людям радость, умением поддержать «в минуту жизни трудную».

Наверное, многие люди, знавшие артиста только по записям, не только ценили его певческий дар, но и улавливали его доброту, его человечность.

Иван Семенович получал массу писем буквально со всех концов света, даже с Канарских островов. Испанский поклонник признавался, что у него есть записи опер, в которых пел Козловский («Фауст», «Риголетто» и др.), но он просит прислать фотографию с автографом, чтобы увидеть обладателя столь чудного голоса.

Особенно увеличился поток писем к певцу в связи с его юбилеями: рекордное количество приходится на 1980 и 1990 год. Многие, не зная домашнего адреса, писали просто на Большой театр.

Автор одного из таких писем, Якоб Рубенчик, подробно рассказал о том, что он — многолетний почитатель Ивана Семеновича (уже 40 лет), волею судеб живет в США, и к 90-летию артиста дал для своих друзей концерт из записей своего кумира. Сообщает подробно программу, которую он выстроил очень интересно: романсы, песни, сцены из русских и западных опер.

Процитирую это письмо:

«Реакция слушателей (около 30 человек, много молодежи) была единой: восторг и восхищение Вашим искусством».

И далее:

«Среди записей иностранных опер я выделяю „Вертера“, „Травиату“ и „Мадам Баттерфляй“ (хотя обожаю слушать также „Фауста“, „Ромео и Джульетту“, „Орфея“ и все другие оперы с Вашим участием). Это мои любимые оперы, и в течение многих лет я пытался найти равноценные записи на языке оригинала. Мне удалось найти удовлетворившую меня запись (но вовсе не лучшую) только для „Мадам Баттерфляй“ (с Лос Анхелес и Бьерлингом).

„Травиату“ я прослушал во всех существующих вариантах и пришел к выводу, что нет исполнения более глубокого, более художественного и более вердиевского по духу, чем в записи с Вашим участием.

Что же касается „Вертера“, то, на мой взгляд, исполненная Вами, М. Максаковой и дирижером О. Броном опера превосходит все существующие в мире записи по глубине выражения чувств и искренности».

И в конце письма Рубенчик просит Ивана Семеновича через своего секретаря дать ему ответы на весьма любопытные вопросы:

1. Была ли в продаже запись оперы «Галька», объявленная в каталоге 1984 года?

2. Каким образом в США появился комплект «Евгения Онегина» 1937 года, переписанный на долгоиграющие пла-

стинки, если в СССР такого переиздания, насколько ему известно, не было?

Вопросы свидетельствуют о хорошей осведомленности автора: живет за океаном, а знает больше, чем иные соотечественники певца. Каково?!

По поводу «Гальки» могу сказать следующее. Эта опера прозвучала всего один раз по Московскому радио при жизни Ивана Семеновича. Артист всегда очень внимательно прослушивал и оценивал все свои записи, прослушал и «Гальку» — остался страшно недоволен собой и просил эту запись в эфир более не давать и не выпускать на пластинках. Он сам себе был судьей. И такова его воля.

Теперь относительно «Онегина». Да, в нашей стране хорошо была известна запись оперы, где партию Онегина пел Андрей Иванов. Именно эта запись продавалась на пластинках, именно ее передавали в свое время часто по радио.

Запись 1937 года — уникальная, она была выпущена на обычных пластинках. Интересна она тем, что в данном варианте партнером Ивана Семеновича был П. М. Норцов — исполнитель Онегина. На моей памяти, «Онегин» в таком составе по радио ни разу не звучал. Тем удивительнее, что в США каким-то образом оказался именно этот редчайший вариант записи (Козловский — Норцов), да к тому же на долгоиграющих пластинках!

К своему 90-летию Иван Семенович получил приглашение из США от общества почитателей его таланта. Было принято решение делегировать внучку артиста — Анну Юрьевну. Она там была, присутствовала на заседании общества, посвященном этому событию, выступала. Все это заснято на кинопленку, которую она привезла с собой.

Однажды в узком кругу (Иван Семенович с сестрой, Нина Феодосьевна, Аня и я) смотрели этот киноролик, а Анечка нам все очень хорошо переводила с английского. Прозвучало множество записей Ивана Семеновича. И я не смогла скрыть своего удивления: почему в Америке слушают такие записи Ивана Семеновича, о которых я, например, понятия не имею? Я впервые услышала несколько романсов и песен, исполненных певцом. Как эти записи попали туда? Почему там они есть, а у нас нет? Ведь я сама (по просьбе И. С. и Нины

Феодосьевны) была на фирме «Мелодия» и получила от ее работников полный перечень записей Козловского — там нет того, что продемонстрировали нам американцы в этом кинофильме. У нас этого нет, в доме самого Ивана Семеновича нет, а у них — есть. Вот где парадокс! Записи Ивана Семеновича разбежались по всему белому свету, и где-то их даже больше, чем на родине самого исполнителя. Благодаря этим записям нашего артиста многие знают и любят за рубежом. Как собрать воедино все напетое Козловским?

Однажды, в начале 90-х годов, к Ивану Семеновичу пожаловали в гости темпераментные итальянцы. Одного из них звали Константин, имени другого, увы, не помню. Знаю только, что он был хозяином крупного карьера по добыче белого мрамора в Италии. Поскольку Константин работал здесь, в Москве, в какой-то итальянской фирме, он довольно хорошо говорил по-русски. Гости признались, что давно любят творчество Ивана Семеновича и на протяжении нескольких лет стремились встретиться с маэстро, однако ни в Министерстве культуры, ни в Большом театре под разными предлогами им не сообщали ни телефона, ни домашнего адреса артиста. Они очень огорчались, переживали, но надежды не теряли. Им помогли в ЦДРИ. И вот они в гостях у любимого певца.

Беседа была интересной, оживленной и продолжительной. Отвечая на вопросы гостей, Иван Семенович порой прибегал в своей речи к отдельным словам или целым оборотам по-итальянски. Гости были в восторге и радовались как дети. Когда же Иван Семенович для иллюстрации пропел несколько фраз оперной арии, гости пришли в изумление, аплодировали и кричали «браво!».

90-летний маэстро был в отличной форме и в хорошем настроении.

В конце беседы итальянцы высказали пожелание приобрести на пластинках оперы с участием Ивана Семеновича и даже перечислили наименования: «Травиата», «Риголетто», «Севильский цирюльник». Ни в Москве, ни в Киеве, куда они ездили, нет в продаже этих записей. Как быть?

К сожалению, у Ивана Семеновича не было для подарков свободных экземпляров упомянутых опер. Но он выделил каждому из них по комплекту пластинок с записями разных

лет и каждому сделал дарственную запись. Гости остались довольны.

Вернувшись на родину, итальянцы прислали Ивану Семеновичу телеграмму — благодарили за чудесный прием, за гостеприимство, за интересную беседу.

С Италией связано еще одно воспоминание. В конце 70–80-х годов в одном из музыкальных журналов был помещен обзор поступивших в продажу новых дисков. В одной из статей была глава о записях Ивана Семеновича (журнал этот И. С. привезли из Италии Святослав Рихтер и Нина Дорлиак).

Автор статьи писал в своем комментарии:

«Можно говорить что угодно о сталинской России, но только не то, что там не было замечательных певцов. Назову несколько имен: Александр Пирогов, Марк Рейзен, Иван Петров — это были басы, на целую голову выше, чем современные... Но были также известнейшие тенора, и среди них лучшие представлены двумя дисками. Самый популярный среди них — Иван Козловский...»

Далее автор дает краткую биографическую справку о певце, после чего продолжает:

«Козловскому фирма посвятила две стороны данного диска, представляя 11 вещей в его исполнении.

Я знаком с голосом Козловского благодаря полному изданию оперы Верди „Риголетто“.

Как герцог Мантуанский — Козловский является тенором наиболее выразительным, какого можно только услышать в записях на дисках. Это относится как к диапазону — потрясающее „ре-бемоль“, так и необыкновенно выразительному пиано, и разнообразию и богатству фразировки».

Признание итальянского музыковеда весьма примечательно. Это хорошо, что диски с записями Козловского распространились во многих странах, — благодаря этому с искусством певца познакомились и за рубежом. Число его поклонников росло с каждым годом. Об этом свидетельствуют многочисленные письма, приходившие к нему. Приведу в пример некоторые из них (сохраняю орфографию):

«Многоуважаемый господин Козловский!

Я обожаю Ваше искусство, у меня много Ваших пластинок: Фауст, Лоэнгрин, Севильский цирюльник.

Я Вас очень прошу послать мне Ваше фото и Ваш автограф.
Большое Вам спасибо —
Сердечно Ваш

Уон Моллер
30.V.90 г.
Цюрих, Швейцария».

В ноябре 1984 года Иван Семенович получил письмо из Штутгарта от Вольфганга Бейренса, который обратился к любимому певцу с такими словами:

«Многоуважаемый г-н Козловский!

Я желал бы Вас известить о том, что в Штутгарте находится целый круг Ваших поклонников! Нескольких друзей я ознакомил с Вашими пластинками, и каждый раз, когда присоединялись новые любители музыки, они выражали свое изумление и Вас хвалили.

В этом году я получил всю оперу „Вертер“ и мог бы Вам за это выслать огромный ящик с аплодисментами, такой большой, что он не поместился бы в Вашем доме!

Я могу себе представить, что Вас очень обрадует факт, что в Штутгарте находятся друзья и любители Вашей музыки, которые имеют намеренье в марте отпраздновать Ваш день рожденья.

+ „Фауст“ + „Риголетто“!

Могу ли Вас попросить о снимке с Вашей подписью?

Именем штутгартских приятелей приветствую Вас

С наилучшими пожеланиями

Ваш Вольфганг Бейренс».

И после кончины артиста интерес к его творчеству за рубежом не угасал. Так, например, в Мюнхене была издана целая видеоэнциклопедия под общим названием «Бельканто», куда вошли видеоролики о лучших тенорах мира. Авторы этого сериала из всех теноров нашей страны предпочли именно Козловского. В 1997 году создатели видеофильма об Иване Семеновиче приехали в Москву — собрали необходимые материалы. Кстати, среди участников фильма — С. Л. Собинова, П. Пичугин, А. К. Бабореко и другие.

Фильм этот был показан по Немецкому телевидению 25 декабря 1997 года.

Иногда возникают разговоры о том, был или не был Иван Семенович за границей, но при этом мало кто знает, что он выступал за рубежом. Это было послевоенное время. Шел победный 1945 год. Певец дал несколько сольных концертов в освобожденных городах Румынии и Чехословакии. Материалы, освещающие гастроли Ивана Семеновича в этих странах, попали ко мне довольно неожиданным образом.

Я уже говорила, что после триумфа в Минске у певца появилась там масса поклонников. Некоторые из них каким-то образом вышли на меня — и завязалась переписка. Четыре девушки-студентки оказались очень активными, они стремились как можно больше узнать о творческом пути Ивана Семеновича. Однажды они сообщили, что отправили в Румынию и Чехословакию письма с просьбой прислать фотокопии статей с откликами на гастроли Козловского. Румыны весьма скоро откликнулись на просьбу девушек и прислали необходимый материал. Мои друзья препроводили эти документы мне в Москву. В дни Всемирного фестиваля молодежи мы с подругой подошли к румынской делегации и обратились к нашему переводчику, который сопровождал иностранцев. Несмотря на страшную занятость, он с пониманием отнесся к нашей просьбе и согласился за одну ночь сделать перевод полученных документов. Назначил нам встречу у первой колонны Большого театра уже на завтра.

И действительно, встреча состоялась. Симпатичный молодой человек вручил нам готовый перевод, решительно отказавшись от всякого гонорара. Какие были времена! С благодарностью вспоминаю этого замечательного человека за его отзывчивое сердце...

Благодаря материалам румынской прессы мы можем узнать, где именно выступал Иван Семенович и как писали о нем в зарубежной прессе тех лет. Вот что написала газета «Вперед» (г. Браила) от 29 мая 1945 года:

«Знаменитый тенор Иван Семенович Козловский — один из выдающихся голосов Советского Союза. Этот великий певец знаком нашей публике благодаря пластинкам.

...Одаренный большим талантом и обладающий превосходной профессиональной подготовкой, он занимает почетное место в ряду самых лучших лирических теноров Европы.

Браильская публика имеет случай в этот вечер снова оценить его золотой голос и услышать обширный репертуар народной и классической музыки».

Рассказывают, что король Румынии Михай II в знак благодарности подарил Ивану Семеновичу легковой автомобиль.

Гастроли проходили в мае победоносного 1945 года, а в ноябре того же года Иван Семенович снова пел на сцене родного Большого театра. Шла опера «Евгений Онегин», а в зрительном зале — знаменитый Иегуди Менухин, который по окончании спектакля сказал тогда корреспонденту газеты «Советское искусство» (1945. 23 ноября):

«Я присутствовал на прекрасном спектакле Большого театра „Евгений Онегин". Оперу гениального русского композитора я слушал впервые, и в ней для меня как бы сконцентрировалось все вдохновенное, что характеризует русскую музыкальную культуру. Что касается талантливых исполнителей оперы: первоклассного оркестра Большого театра, его дирижера Мелик-Пашаева, артистов Козловского, Рейзена, Талахадзе, то достаточно услышать только один раз, чтобы впоследствии уже никогда не забывать о них».

Как тут не вспомнить другую знаменитость — эмигранта из России, ставшего на Западе всемирно известным пианистом, Владимира Горовица. В 2002 году в одной из радиопередач «Виражи времени» ведущий Андрей Дементьев беседовал с Геннадием Хазановым. В том разговоре артист вспомнил, как однажды был в Большом зале Консерватории на открытой репетиции В. Горовица, приехавшего к нам на гастроли. Сыграв основную программу, пианист встал и начал раскланиваться, отвечая на аплодисменты, а в направлении артистической ложи вдруг помахал рукой и как-то подчеркнуто поклонился. Хазанов искренне удивился и не мог понять, кому и почему такое особое внимание и почтение. Рядом сидела дама, которая объяснила, что Владимир Горовиц так выразительно поклонился Ивану Семеновичу Козловскому, с которым они вместе в 20-е годы ездили по всей Украине с выступлениями и зарабатывали себе на еду. Вернее, им платили натурой, продуктами.

Козловский пел, а Горовиц ему аккомпанировал. С тех пор они и знают друг друга.

Многолетние дружеские отношения связывали Ивана Семеновича и с семьей Федора Ивановича Шаляпина. Ирина Федоровна была нередким гостем в доме певца, а ее мать, Иолу Игнатьевну, он заботливо опекал в трудные периоды ее жизни. Ирина Федоровна всегда присутствовала на днях рождения Ивана Семеновича, а если уезжала куда-нибудь надолго, то обязательно присылала ему открытки, письма. В одном из таких писем Ирина Федоровна сообщала ему:

«Милый и дорогой Иван Семенович.

Какие бывают странности:

Вхожу к себе в комнату и смотрю на папино фото, а когда смотрю на него, то всегда вспоминаю Вас, моего чудесного друга... Приносят мне письмо, читаю и узнаю, что А. А. Яблочкина нашла возможным выдать маме на лечение деньги. Спасибо ей, но я ведь *очень хорошо чувствую*, что *главная и основная забота — Ваша*.

Дорогой, любимый Иван Семенович, как бы был благодарен Вам папуля, как бы он оценил Ваше доброе, ласковое отношение к нам — его сиротам.

4 августа 1959 г.»

В архиве Ивана Семеновича сохранилось немало писем, телеграмм, записок от Шаляпиных. Вот, например, от Бориса Шаляпина:

«Дорогой Иван Семенович!

Шлю свой сердечный привет. До скорого свидания.

Любовно Ваш.

Борис Шаляпин, США».

Кстати, Борису Шаляпину принадлежит прекрасный портрет певца (рисунок). Замечательная работа! В киноархивах сохранились кадры, запечатлевшие Ивана Семеновича и Бориса Шаляпина, исполняющих дуэтом старинные романсы и песни.

Нередким гостем в Москве в 80–90-е годы был и другой сын Шаляпина — Федор Федорович. Он бывал у Ивана Семе-

новича, когда приезжал из Италии. В одном из писем он благодарит за теплый прием:

«Многоуважаемый Иван Семенович!

Позвольте выразить Вам мою благодарность за незаслуженное внимание, которое Вы мне оказываете всегда, когда я в Москве. Я чудесно понимаю, что я в Москве фальшивая знаменитость, но это не моя вина. Однако я рад всегда Вас видеть и слушать Вас и Ваш юмор. Вы, наверное, были всегда счастливы в Вашей жизни.

От всей души желаю Вам многие лета и доброго здоровья.

Всегда Ваш *Гусь* — предки которого спасли Рим.

С Новым годом.

Ваш

Федор Ш.»

Писем певцу всегда приходило много. Писали ему государственные деятели, писатели, работники искусства и просто незнакомые люди. Среди писем были и такие, что отличались удивительной эмоциональностью и непосредственностью. Например, письма от Анастасии Павловны Потоцкой-Михоэлс. Приведу отрывок из одного ее послания:

«Дорогой наш Иван — Золотое Сердце!

Пишу тебе от избытка чувств...

Только Ты, только музыка Твоего умного сердца, только музыка Твоей человечности могла подарить мне возможность организовать „столик музыкантов“ (так это называли в старину).

Иван неповторимый.

Обнимаю и целую тебя и всех твоих близких.

Всегда твоя Настя.
16.IV.81 г.»

На протяжении нескольких десятков лет Ивана Семеновича связывали дружеские отношения со многими людьми — это И. Л. Андроников, С. С. Гейченко и другие, список можно продолжать и продолжать. Однако мне бы хотелось напомнить о том, как уважительно относился к певцу Александр

Кузьмич Бабореко — литературовед, исследователь творчества И. А. Бунина. В декабре 1974 года, побывав на концерте Козловского, А. Бабореко обратился к нему с письмом, которое я позволю себе процитировать:

«Дорогой Иван Семенович!

Огромное спасибо за ту большую радость, которую доставил вчера мне и моей супруге Ваш чудесный концерт! Я ушел из Большого зала Консерватории очарованный и обновленный душой, ведь это всегда так бывает, когда приобщаешься к высокому искусству».

Далее он писал: «В большом искусстве всегда есть тайна — неизмеримая глубина, беспредельность. Это и есть то самое главное, что следует сказать о Вашем искусстве».

И в конце своего письма литературовед-философ, обращаясь к певцу-философу, приводит слова Александры Львовны Толстой, написавшей ему с горечью:

«И как за эти годы все изменилось к худшему! Куда-то пропала не только глубокая философия, религия, на которых мы все были воспитаны. Куда девалась простая человеческая мораль, и люди отвыкли думать, отвыкли постоянно, в течение жизни, задавать вопросы своей совести... Но зато как хорошо научились соображать все материальное».

От себя добавлю: это было сказано еще в 1974 году, но зато как актуально звучит сегодня! Наступил уже XXI век, но изменений в этом плане пока что-то не наблюдается. Так много за последнее время скоропалительного, необдуманного, легковесного...

У Ивана Семеновича всегда был живой интерес ко всему, что происходило в мире: в политике, в театральной и музыкальной жизни — обо всем он имел собственное мнение, все подвергалось его глубокому анализу. С обсуждения таких новостей и начинались наши встречи, и только потом мы приступали к разбору свежей почты, отвечали на полученные письма либо он диктовал очередную статью для газеты или журнала.

В последние годы Козловский загорелся идеей сделать художественный фильм по опере Н. Римского-Корсакова «Снегурочка», где сам он хотел выступить в роли царя Берендея. Просил Г. Вишневскую сыграть Купаву. Готовился к этому

основательно, попросил меня принести текст сказки А. Н. Островского, на рояле у него лежали ноты оперы. Речь шла уже и о художественном оформлении постановки...

Но тут началась перестройка — и никто не дал денег на съемки этого музыкального фильма. Помню, как Нина Феодосьевна обзванивала кинодеятелей и политиков с просьбой помочь в осуществлении этого замечательного проекта... Все соглашались, на словах поддерживали, а делом никто не помог. Понимая, что все упирается в деньги, которых никто не дает, Иван Семенович как-то грустно пошутил, сказав мне:

— Вот если б ты была миллионершей, я б на тебе женился и все деньги потратил на «Снегурочку»...

Невозможность осуществить задуманное ужасно тяготила Ивана Семеновича. Он привык преодолевать все преграды на пути к намеченной цели, всегда добивался желаемого результата в своих творческих поисках. Но тут была непробиваемая стена... Это и подкосило его жизненные силы.

Однако к искусству, к музыке он не терял интереса. Так, за два месяца до кончины, в октябре 1993 года, Иван Семенович пришел в Малый зал Консерватории на вечер памяти пианиста Виноградова. А после первого отделения отправился в Большой зал, чтобы послушать симфонический концерт. Мне же было лень перемещаться, и я осталась в Малом зале.

На следующий день, когда я пришла к нему, Иван Семенович не преминул заметить:

— Напрасно ты не пошла со мной — очень хорошая пианистка вчера играла.

Интересно было наблюдать за Козловским-слушателем. В Большом зале обычно он сидел в директорской ложе, за портьерой, в первом ряду. На барьере перед ним лежала программа концерта. К концу вечера она вся была испещрена пометками-замечаниями. В зале он был, пожалуй, самым внимательным слушателем. Ему всегда было что сказать любому музыканту, будь то пианист или скрипач, а уж вокалисту — тем более.

А неподалеку от консерватории, в Брюсовском переулке, находится дом № 7, в котором с конца 40-х годов жил Иван Семенович. Именно здесь, в этом доме, в музыкальной гостиной проходили репетиции, шла подготовка к спектаклям

и концертам, которые потом — на сцене — превращались в настоящий праздник...

Эта музыкальная гостиная на 8 этаже была настоящей лабораторией Ивана Семеновича: здесь рождались его замыслы, здесь он работал много и вдохновенно. Здесь нотные знаки превращались в чудо исполнительского мастерства, в подлинные открытия в музыкальном мире. Но когда совершался этот процесс, никто из домочадцев не мог приблизиться к святая святых... Никакие посторонние звуки не должны были проникнуть сюда: ни звонок входной двери, ни телефон, ни громкие разговоры, — поэтому двери плотно закрывались, и там происходило священнодействие...

Домочадцы артиста это хорошо знали, и все было подчинено самому главному — режиму, в котором жил и трудился Иван Семенович. И мне думается, что благодаря именно такому чуткому, бережному отношению близких к тому, чему посвятил себя Козловский, он и сумел подготовить так много концертных программ, оперных партий, радиозаписей, как никто другой. Недаром сам Иван Семенович говорил: «Пение — это способ выражения своих мыслей». Поэтому его творческое наследие и ждет самого серьезного исследования и изучения.

В далеком 1958 году на одном из концертов ведущая Татьяна Боброва сказала:

— Если мы, жители РСФСР, будем утверждать, что Иван Семенович — русский певец, то украинцы будут страстно протестовать и кричать: он — наш!..

Слова эти оказались пророческими. Настали времена, когда кое-кто пытается спорить, кому должен принадлежать Козловский, у кого больше прав, так сказать. Споры напрасны, ибо этот замечательный певец принадлежит и Украине, и России. Он является тем связующим началом, которое и должно объединять наши народы. И если пение — способ выражения мыслей, то неплохо бы вспомнить, с какими мыслями обращался он к слушателям, когда исполнял «Свадебную песню» из «Наталки-Полтавки», звучавшую как доброе его пожелание: живите в мире, храните в сердце добро и «в мыслях согласье...»

Суждения артиста об опере, искусстве, литературе, о человеческих взаимоотношениях — обо всем, чего касался его пытливый ум, — представляют интерес и в наши дни. Не раз признавался он, что ему хотелось бы одному спеть «Пролог» к опере Ш. Гуно «Фауст» — и самого Фауста, и Мефистофеля, ибо тут выражена философия раздвоенности человеческой личности. Он говорил:

— Я не могу примирить в себе два начала: уважение к памяти людей и правду в их оценке. Не могу найти слов, чтобы сказать правду и не обидеть...

В окружающем мире Иван Семенович замечал то, что его глубоко огорчало, и он сокрушался: «Каждый день что-то случается, что отзывается болью. Классическая музыка звучит, как и звучала раньше. Но как мало людей знают об этом, чувствуют потребность в прекрасном. *В опере вырождается пение* (курсив мой. — *Т. М.*). Сейчас нет ни одного спектакля, где я бы не переживал за вокалистов. Почему так происходит? Надо ли искать виновных?

Сегодня многое из прошлого воспринимается в ином свете. Вот, например, как некоторые говорят о крупнейших музыкантах недавнего прошлого: „Время было такое. Нужен был герой для миллионов — его и создавали. Делали искусственно“.

Можно ли искусственно создать настоящее искусство, голос, любимый всеми? А кто „делал“ для миллионов и вечности Чайковского, Шаляпина?»

Не могу не высказаться по поводу всякого рода небылиц, которые в избытке насочиняли об Иване Семеновиче, особенно в последние годы. Скорее всего, распространителями подобных легенд являются люди несведущие, малознакомые и совсем не понимающие творчества артиста.

Во-первых, Козловский не пел в храмах, в том числе и в Елоховском соборе — этот собор он не посещал даже в качестве прихожанина. В 60–70-е годы он бывал в храме Святой Живоначальной Троицы, что на Ленинских горах (ныне — Воробьевых), а в последние годы был прихожанином храма Воскресения Словущего в Брюсовском переулке. Как-то в один из пасхальных дней я была у Ивана Семеновича, заговорила о том, что снова по Москве покатилась молва, будто «Козловский пел на Пасху в Елоховском соборе». Он ответил на это: «Ну

как *они* не могут понять, что если бы я спел в храме, меня немедленно уволили бы из Большого театра!»

Мне не раз доводилось сопровождать Ивана Семеновича в храм на Брюсовском. Присутствуя там во время службы, он находился один, за ширмой, будучи никому не виден. Он оставался один на один с Богом. По окончании службы (это бывало в теплое время года) Иван Семенович любил посидеть в садочке, что возле храма, побеседовать. Нередко с ним беседовали священники храма.

Во-вторых, относительно его отношений с руководством Большого театра, с режиссерами, дирижерами. Однажды корреспондент задал певцу вопрос: «Трудно ли Вам давалось подчинение дирижерам, режиссерам? Как Вы выражали несогласие с ними?»

Вот как ответил Иван Семенович: «Очень просто. Уходил со сцены. И в этом я видел защиту профессии, защиту права отвечать самому. Так было на репетиции моего первого „Евгения Онегина" в Большом театре. Я тут же, на сцене, снял парик и сапоги и ушел... Дирижировал тогда спектаклем Н. С. Голованов. Он настаивал на том, чтобы я спел ноты, которых не было в партитуре у Чайковского. А я не подчинился. Поддайся один раз, и можно навсегда оказаться выбитым из седла».

«Конечно, есть люди, — продолжал он, — которые определяют вашу духовную направленность, служат для вас как бы камертоном. Вы им свято доверяете. Эту святость убивают диктаторы в современном театре».

И, в-третьих, несколько слов о поклонницах Ивана Семеновича. Не было среди них оголтелых, тех, кого сегодня именуют фанатками, не срывали с него пуговиц. Неправда все это! Его поклонники относились к нему с глубоким уважением, с должным пиететом, я бы сказала, с трепетом, к нему не решались прикоснуться — не то что пуговицу сорвать... Когда он выходил из артистического подъезда, толпа почтительно расступалась, и он шел, принимая цветы, которые ему не успели вручить в театре. И вся эта церемония сопровождалась возгласами: «Спасибо! Спасибо, Иван Семенович!»

Да, ему поклонялись, его обожали, боготворили, готовы были на руках носить...

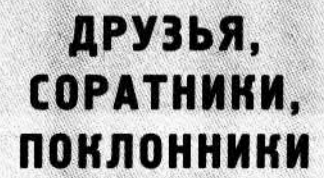
Своим искусством Козловский пробуждал в людях чувства добрые и прекрасные. Среди его поклонников было немало людей по-настоящему интеллигентных, почтенных, очень воспитанных и корректных, просто не способных на глупости.

«Дух ведущий — святое в человеке», — утверждал Иван Шмелев. Вот таким «духом ведущим» и был Иван Семенович для людей не одного поколения на протяжении многих лет его преданного служения Высокому Искусству.

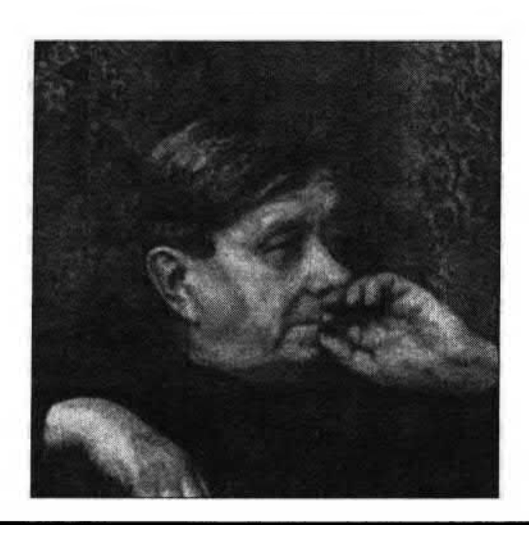
Апрель—май 2004 г.

Примечания

Воспоминания написаны специально для этого сборника.

ДРУЗЬЯ, СОРАТНИКИ, ПОКЛОННИКИ

Михаил Анучин

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ТАЛАНТ

Идея приглашения И. С. Козловского в Большой театр принадлежала В. Лосскому.

Слухи в театр проникают моментально. Кто их разносит — я не знаю. В 1925 году быстрее телеграфа за кулисами распространились слухи: появился новый тенор. Хороший, приятный. Откуда — неизвестно пока.

И когда началась спевка «Травиаты», я поспешил туда, в филиал Большого театра, который тогда назывался Экспериментальным театром и находился в помещении бывшей «Оперы Зимина» (где теперь размещается Театр оперетты).

Но в тот раз я мог прослушать лишь 1-й акт оперы, ибо дальше должен был бежать в Большой и переодеваться для другого спектакля.

С левой стороны я увидел уже сидящую на стуле у пюпитра с нотами К. А. Эрдели, лучшую арфистку театра, которая впоследствии стала профессором Московской консерватории по классу арфы.

Вот началась опера. На сцене Е. Катульская. Вместе с Козловским они спели знаменитый дуэт — «Застольную». Затем Катульская — Виолетта пела арию, а Козловский должен прийти сюда, за кулисы. Вот появляется Иван Семенович... Впечатление несколько странное...

Первое — красивый, очень стройный, высокий, худощавый, лицо необычайно юное. Можно подумать, что это начинающий певец. Только потом все узнали, что он уже два года пел в Харькове, два года — в Свердловске и год — в Полтаве.

Он прекрасно поет — чистый прозрачный звук, великолепная дикция, чувствуется абсолютно легкое и свободное дыхание.

Увидев новичка, К. А. Эрдели воскликнула: «О, какой длинноногий!» А когда услыхала, как поет, заявила: «Какое у него верхнее *до*!»

У многих тогда впечатление от дебютанта было потрясающее.

Затем мне удалось увидеть его в «Дубровском», а на сцене Большого шли репетиции «Бориса Годунова», и Козловский был назначен на партию Юродивого, а параллельно пел несколько раз в спектаклях в филиале.

На «Дубровского» я пришел тоже к началу. Очень сильное впечатление произвела уже 1-я картина: Иван Семенович покорил публику и своей внешностью, и игрой, и пением.

И Дубровский Козловского так же юн, строен, высок, но одет не так, как обычно одевались у нас: в какие-то непонятные мундиры... На нем другого покроя мундир, идущий только до талии, ноги обтянуты лосинами, и высокие сапоги — лакированные. Так что своим видом он уже отличался от других исполнителей.

По ходу действия вернувшийся к отцу Владимир отправляется на могилу матери. В это время старого Дубровского навещает Троекуров. Между ними происходит конфликт, ссора. Возвратившийся домой Владимир застает умирающего отца... Меня поразило, как молодой певец сумел передать трагедию человека, только что потерявшего отца...

Козловский появился на крыльце деревянного домика, бледный, печальный, с упавшей на лоб прядью волос. Эта деталь невольно подчеркивала трагическое выражение лица героя. И далее следовала фраза, которую пели все исполнители:

«Родитель мой Андрей Гаврилович велением Божиим скончался. Молитесь за него».

Но Козловский сделал это иначе; он пропел: «Родитель мой Андрей Гаврилович велением Божиим... скончался...» — и тихо добавил: «Молитесь за него». Сделал такое движение, отразив свое переживание, будто у него спазм в горле и он не может говорить...

Это настолько сильно на всех подействовало, что хористы на сцене, особенно женщины, не могли сдержать слез...

Под сильным впечатлением от «Дубровского» я находился очень долго. А после спектакля «Борис Годунов» о Козловском заговорила вся Москва.

В спектаклях многие певцы обычно фиксируют свое внимание на центральных ариях и дуэтах, а у Козловского не было ничего второстепенного, у него нет «пустых» звуков — все наполнено глубоким смыслом.

Например, в опере «Фауст» в дуэте с Маргаритой Фауст произносит такие слова: «Я уйду... но до завтра?» У Ивана Семеновича это самое «до завтра» прозвучало как лукавый вопрос, на который невозможно дать отрицательный ответ...

Иван Семенович был необычайно внимателен к слову, нередко браковал плохой, неудачный перевод и заменял своим, находя более подходящее слово.

Одной из лучших партий певца считаю Лоэнгрина. Режиссер В. Лосский говорил о Козловском: «Он создал то, о чем я мыслил, но он и превзошел мои ожидания».

А когда А. В. Нежданова давала свой последний концерт в Большом зале Консерватории, то партнером на этот вечер выбрала Ивана Семеновича: они пели и соло, и дуэты.

В репертуаре певца был старинный романс, который своим исполнением он превратил в маленький шедевр — это «Три маленькие розы». Впервые он спел эту вещь в 1926 году. Как жаль, что этот романс не записан на пластинку!

Однажды мне позвонила его сестра Анастасия Семеновна и сказала, чтобы я при первой же возможности либо позвонил, либо заехал к ним на Брюсовский. Оказалось, что Иван Семенович задумал поставить в концертном исполнении в зале им. П. И. Чайковского оперу Н. Римского-Корсакова «Моцарт и Сальери».

Я приехал. Иван Семенович сказал, что хотел, чтобы и я принял участие в постановке, исполняя роль Слепого музыканта. Более того, предложил стать ведущим режиссером этого спектакля. Я наотрез отказался, так как с последним вряд ли справился бы. Согласился только на Слепого музыканта.

Первая репетиция была назначена в квартире Козловских. Пришел и Б. Р. Гмыря — прекрасный бас, солист Киевского театра им. Т. Г. Шевченко. Через некоторое время появился Е. Светланов, и я присоединился к исполнителям. Весь состав был налицо.

Иван Семенович объяснил, что надо делать мне, как при определенной музыке держаться, даже примерно показал походку моего героя, как надо ходить в такт музыке. Я должен был выйти на сцену и делать вид, что по просьбе Моцарта играю на скрипке. Но все это было потом...

А на первой репетиции все намечалось для каждого героя в общих чертах. Аккомпанировал и проигрывал некоторые фрагменты музыки на репетициях П. П. Никитин — постоянный концертмейстер и друг Ивана Семеновича. Евгений Светланов только присутствовал и вникал в замысел артиста. Несколько раз повторили все, обсудили задачи, и следующие репетиции решено было перенести на сцену...

Хотелось бы упомянуть лишь одну подробность. Как-то была назначена еще одна репетиция на квартире Козловского. Но она не состоялась: Иван Семенович сообщил всем участникам, что встречу отменяет, поскольку не имеет права утруждать людей подниматься на 8-й этаж — лифт в тот день не работал.

Начались репетиции на сцене зала им. П. И. Чайковского.

Постановка была очень интересная. Как и во всех предыдущих спектаклях Козловского-режиссера, которые шли в Московской консерватории (а он ставил «Вертера», «Орфея», «Паяцев»), оркестр располагался на втором плане, то есть в глубине сцены, — он был отгорожен от зрителя высокой стеной. На первом плане перед публикой — исполнители, которые должны были петь, практически не видя дирижера. Это очень своеобразная, интересная задача для певцов, но и довольно нелегкая.

Опера «Моцарт и Сальери» фактически имеет одно большое действие, которое делится на две картины. В первой картине Моцарт приходит к Сальери и приводит с собой Слепого

музыканта. Музыкант играет очень плохо, фальшиво, и Сальери прогоняет его. Моцарт здесь прекрасно одет: на нем голубоватый костюм, отделанный парчой. На голове — бархатная треуголка. На плечах — широкий черный плащ на красной подкладке. Исходя из характеристики («гуляка праздный»), которую в начале оперы дает ему Сальери, Моцарт — Козловский появляется действительно веселым, жизнерадостным, как я уже сказал, блестящим, шикарным.

Мою музыкальную судьбу Иван Семенович поручил тому скрипачу, который играет соло в оркестре. Мы с ним начали репетировать. Дело в том, что мне, играющему на скрипке, надо было делать движения, в какой-то мере совпадающие с движениями скрипача настоящего, играющего в оркестре. Расположились друг против друга. Я попробовал повторять его движения. Это было трудно. Тогда перешли в фойе и встали рядом перед большим зеркалом. Так оказалось гораздо легче. Он играл, а я, глядя в зеркало, копировал на своей скрипке его движения. Я их заучил, насколько смог, постарался даже перенять его пластику. Труднее всего, конечно, было добиться, чтобы мои движения совпадали со звучанием музыки, ведь фальшивая игра Слепого музыканта настолько возмущает Сальери, что он называет его фигляром и велит немедленно убраться с глаз долой.

После чего Иван Семенович — Моцарт, смеясь, останавливал меня: «Постой же: вот тебе, пей за мое здоровье» — и протягивал мне какую-то монету. На самом деле — каждый раз он давал мне по 20 копеек, которые я сохранил на память. Правда, одну монету я как-то пропил за его здоровье, взяв в буфете бутылку кваса.

Вторая картина оперы — это трактир Золотого Льва, куда Сальери приглашает Моцарта отобедать. Режиссерски картина решена очень интересно. Моцарт здесь одет уже более скромно: на нем строгий темно-синий костюм. Под стать костюму и его настроение: задумчивое, пожалуй даже мрачное. На середине сцены — стол, накрытый на две персоны, но к нему приставлены три стула с высокими спинками. На третий стул вошедший Моцарт набрасывает свой плащ и поверх надевает черную треуголку. Когда заходит разговор о Черном человеке, заказавшем Моцарту «Реквием» и теперь преследующем его воображение, после моцартовской фразы «Вот и теперь, мне

кажется, он с нами сам-третей сидит» — осветитель спектакля направлял на этот стул, под шляпу луч из так называемого «пистолета», театрального осветительного прибора. Видимо, туда вставлялся еще рисунок. Из зрительного зала казалось, что шляпа надета на сидящего на третьем стуле человека, только вместо лица у него — череп. Это производило потрясающее впечатление.

В сцене, когда Моцарт должен был исполнять для Сальери свой «Реквием», Иван Семенович садился за клавесин и начинал играть сам, но постепенно к его игре присоединялся невидимый оркестр. Звучание его постепенно усиливалось. Создавалось впечатление, что Моцарт, исполняя свой «Реквием» на клавесине, мысленно представляет, как он будет звучать в оркестровке. В части «Ля кремоза» к оркестру присоединялся хор, так же скрытый за перегородкой, как и оркестр. Надо заметить, что и орган в зале Чайковского был закрыт занавесом, на фоне которого был еще навешен экран. Перед экраном висел тюль, закрывающий этот экран. В момент исполнения хором «Ля кремозы», то есть заупокойной молитвы, на экране появлялось изображение гроба, а в нем был четко виден профиль Моцарта — Козловского (с него же и был зарисован этот профиль), а в головах и в ногах зажигались специально подвешенные свечи.

Во второй половине 30-х годов Иван Семенович задумал создать оперный коллектив для постановки на сцене Большого зала Московской консерватории музыкальных спектаклей в концертном исполнении.

Для премьеры он выбрал «Вертера» Ж. Массне (по сюжету Гёте). Состав был такой: Вертер — Козловский, Чекин; Судья — Савранский; Шарлотта — Максакова, Рождественская; Софи — Звездина. Дирижер — Орлов.

В спектакле артисты выступали в своих, если так можно выразиться, гражданских костюмах. Мне не удалось присутствовать на первых репетициях, но я спросил Леонида Филипповича Савранского, как работает Иван Семенович. Он ответил: «Поразительно хорошо! Непонятно, откуда у него взялся такой замечательный режиссерский опыт. Он так логично, так интересно все объясняет, что мы — все уже достаточно опытные

актеры — с удовольствием слушаем его, стараемся исполнять все, о чем он нас просит, и идем в полном с ним контакте».

Аналогично отзывалась о работе Ивана Семеновича и Мария Петровна Максакова. Я знаю, что она трудилась, как говорится, в поте лица.

Так как Большой зал Консерватории вечерами был занят, часто приходилось проводить ночные репетиции. И бывали случаи, когда Максакова и Савранский приезжали после спектаклей в Большом театре и добросовестно репетировали всю ночь.

На премьере Большой зал Московской консерватории был буквально переполнен. Конечно же, были все тенора не только Большого, но и других театров. На сцене совершенно отсутствовали декорации, были только самые необходимые предметы: письменный стол, два-три стула, клавесин, подсвечники, несколько книг на столе, которые должны были пригодиться по ходу действия, и ящик с пистолетами. Свет на сцене менялся в зависимости от хода действия.

Премьера прошла блестяще, с грандиозным успехом. Восторженная публика во всех антрактах и по окончании спектакля устроила овацию. О том, что Козловский пел поразительно, а вместе с ним Максакова и Савранский, — говорить не приходится. Ария Вертера «О, не буди меня...» вызвала необычайный восторг.

Это была первая постановка Ивана Семеновича, которая прошла несколько раз с грандиозным успехом.

Второй постановкой была опера Глюка «Орфей». Обычно эту партию исполняет меццо-сопрано, то есть женщина. Насколько известно, в России Орфея пел только Леонид Витальевич Собинов, да и то всего два или три раза в Ленинграде.

Принцип постановки оперы «Орфей» был тот же, что и в «Вертере»: исполнители перед зрителем, оркестр — на втором плане. Но появилось и новшество: актеры были уже в театральных костюмах. Партию Орфея исполняли Иван Семенович Козловский и Мария Петровна Максакова. Эвридикой была молодая, тогда еще только начинающая певица Татьяна Талахадзе, Амуром — Маргарита Нечаева.

На первых репетициях присутствовала Галина Сергеевна Уланова. Предполагалось, что она будет исполнять танец на мелодию Глюка. Однако на спектакле танец этот исполнила

Вера Васильева. Танцы Фурий, преграждающих Орфею путь в ад, исполнял балет в постановке Михаила Коверинского. Дирижировал Орлов.

На одной из репетиций был вот какой момент. Иван Семенович поет арию Орфея. Орлов медленно ведет оркестр, наслаждаясь его пением. Иван Семенович на одном дыхании переходит с фразы на фразу. И вдруг говорит: «Давайте повторим еще раз. Только помедленнее». — «Как? Еще медленнее?» — спрашивает Орлов, пожимая плечами. «Да», — отвечает Иван Семенович. И поет эту арию еще медленнее, поражая всех нас, присутствующих на репетиции, и своим дыханием, и блеском исполнения.

«Орфей» также имел оглушительный успех. О нем много говорили, писали восторженные рецензии. И снова зал был переполнен.

Костюм Ивана Семеновича в «Орфее» был такой: белая тога, белый плащ, перекинутый через плечо, белые сандалии; светлый волнистый парик — ниспадающие на плечи локоны; голову украшал венок из золоченых лавровых листьев, в руках — небольшая золотая арфа.

Хочется остановиться на таком моменте. По ходу действия в ответ на страстный зов Орфея слышится только эхо в лесу. Эффект музыкального эха достигался так: флейта повторяла звучание последнего слова фразы в оркестре. Для большей достоверности Иван Семенович попросил флейтиста разместиться в последнем ряду амфитеатра зала, фактически — напротив сцены; тогда этот последний слог его фразы флейта повторяет далеко-далеко в зрительном зале. Создавалось впечатление натурального эха. Так же изумительно звучала ария «Мне не страшны ада страдания». И, конечно же, всех зачаровывала необычайная легкость, прозрачность в исполнении арии «Потерял я Эвридику».

Следующей постановкой Ивана Семеновича была опера Р. Леонкавалло «Паяцы». В ней он решил спеть небольшую партию Арлекина. Тут же по театру поползли слухи среди недоброжелателей: «Ах, Козловский взялся за Арлекина! Значит, сдает понемножку». Но когда на премьере Иван Семенович спел серенаду Арлекина, переходя на одном дыхании с фразы на фразу, блистая не только голосом, но и своей изумительной

дикцией, — успех был потрясающий. Арлекину — Козловскому пришлось повторить свою серенаду пять раз.

Впоследствии, также в концертном исполнении, Иван Семенович поставил «Катерину» Н. Аркаса и «Наталку-Полтавку» Н. Лысенко.

...Когда меня спрашивают, как Иван Семенович относился к людям, товарищам по работе, я вспоминаю ряд незабываемых эпизодов.

Вот что мне рассказала певица из хора — Вера Любимовна Соколова, одна из старейших артисток театра. Был, например, такой случай. Шел «Евгений Онегин». Пять старейших артисток хора получили накануне извещение о выводе их на пенсию, этот «Онегин» — их последний спектакль. И вот после сцены бала у Лариных эти женщины подошли к Ивану Семеновичу, исполнявшему роль Ленского, чтобы попрощаться, именно к нему подошли, потому что всегда были дружески к нему расположены. И он был страшно удивлен, когда на свой вопрос о действиях дирекции, месткома, администрации хора по поводу проводов на пенсию получил невразумительный ответ — ни цветов, ни подарков, будничное увольнение. На этом вроде бы и разошлись — Иван Семенович должен был срочно переодеться для выступления в сцене дуэли, артистки же отправились готовиться к балу у Гремина, где Ленский уже не появляется.

Однако перед выходом на сцену Иван Семенович попросил своего портного Жукова, который обычно готовил для него костюмы и помогал при переодевании, сходить в буфет и взять там все, что имеется, ибо близился последний антракт и буфетчицы, как обычно, панически убирали все в свои закрома.

Отыграв сцену дуэли, Иван Семенович в костюме Ленского поднялся на тот этаж, где гримировались и переодевались эти артистки, и принес им кучу апельсинов и коробок конфет. Женщины были очень тронуты этим даром. Кроме того, он сумел добиться, чтобы им всегда присылали пригласительные билеты на генеральную репетицию каждой новой постановки. С его легкой руки это стало традицией, и все пенсионеры Большого театра стали получать подобные приглашения.

В дальнейшем, когда я в театре уже не работал, неоднократно по просьбе Ивана Семеновича я отвозил что-нибудь пенсионерам, престарелым работникам театра и больным людям.

В августе 1934 года умерла моя мама. Это произошло во время моего театрального отпуска. Вернувшись после похорон в Москву, я надолго слег. Из всех работников театра первым откликнулся Иван Семенович. Он прислал письмо, вернее, не письмо, а свою визитную карточку. На ней было написано: «Солист Большого театра Иван Семенович Козловский» (тогда он еще не имел никаких званий). А на обороте карточки я прочел следующее: «Дорогой Миша! Примите участие в постигшем Вас горе. Желаю быть полезным, чем смогу».

Мне пришлось почти два месяца лежать в 1-й Городской больнице. Когда меня навестил наш инспектор Семенов, то сказал, что в канцелярию миманса приходил Козловский и сказал, что если нужна материальная помощь на лечение, то он согласен дать концерт с Е. К. Катульской в мою пользу. Я был очень тронут, но отказался — мне неловко было принимать такую любезность.

В дальнейшем, когда я выписался из больницы и еще в течение месяца проходил амбулаторное лечение в поликлинике Большого театра, встал вопрос о необходимости продлить курс лечения в Кисловодске, в санатории. В то время существовало правило: если необходим был отпуск в зимнее время, то он давался без сохранения содержания, так как Большой театр все лето не работал. Я пришел на «Лоэнгрина» (прекрасно помню этот день). Иван Семенович пел заглавную партию. Увидав меня за кулисами, он спросил: «Как у вас дела?» Я сказал, что надо хлопотать о путевке. Он говорит: «Через два дня я пою в „Онегине“. Вы будете в театре? Тогда подойдите ко мне».

Я пришел на оперу «Евгений Онегин», заглянул за кулисы. Иван Семенович и Норцов готовились к выходу. Я сказал, что путевки в Кисловодск в месткоме нет, а мне требуется именно Кисловодск. В это время за кулисами появились Тихон Черняков (секретарь парткома) и Кауфман — председатель месткома, музыкант оркестра. Иван Семенович подозвал их к себе жестом и спросил: «Как с путевкой в санаторий для этого нашего товарища?» Кауфман, глянув на меня, сказал: «Путевок никаких нет». Иван Семенович произнес: «Надо достать, или завтра я приму нужные меры».

На другой день в десять часов утра ко мне приехала уборщица из дирекции и сообщила, что я срочно должен приехать

в местком. Когда я зашел в кабинет Кауфмана, он с весьма нелюбезным видом сказал: «Вот путевка в Кисловодск». Значит, путевки были, но для кого-то приберегались. Тут же, в дирекции, оказался Иван Семенович. Он сказал: «Теперь пишите заявление на получение отпуска, и надо оформлять... Но подождите. Вам ведь денег не дадут, а деньги нужны... Приходите сюда же завтра в 11. Я здесь буду».

На другой день, в одиннадцать, я пришел в дирекцию театра. Иван Семенович был уже там. Попросив меня подождать, он прошел в кабинет директора Арканова, ненадолго. «Идите». Следом за Иваном Семеновичем в кабинет Арканова вошел и я. Тот меня спрашивает: «Вы должны лечиться? Дайте ваши бумаги и заявление». Я подал. Смотрю, он что-то пишет, много слов — красными чернилами на моем заявлении, вручает затем бумаги мне и говорит: «Пожалуйста, все готово. Идите в бухгалтерию». Я пришел к Иванову — главному бухгалтеру Большого театра. Тот взял мои бумаги, посмотрел, пожал плечами и говорит: «Что-то не так. Не может быть. Мы отпуск не даем так. Не оплачиваем». Оказывается, на моем заявлении Арканов написал: «Оформить отпуск товарищу Анучину с выдачей полной зарплаты на полтора месяца вперед». Иванов встал и отправился сам к Арканову, вскоре вернулся и, по-прежнему пожимая плечами, стал оформлять мои документы. Когда все было готово, я поднялся этажом выше, где была касса. Постоянный кассир Елена Ипполитовна тоже была очень удивлена, сказала, что это вне всяких правил. И тоже пошла выяснять. Вернулась с тем же удивлением на лице и оформила мне выдачу денег.

Когда я вышел, Иван Семенович, ожидавший меня, сказал: «Вот теперь все в порядке. Поезжайте».

Таким вот образом я на полтора месяца — вторую половину января и весь февраль — уехал в Кисловодск, жил там в санатории «Теберда» на Пикетной улице, рядом с тем домиком, где жил когда-то Лермонтов.

22-го июня 1941 года фашистская Германия напала на Советский Союз. Началась война. В тот же день дирекцией Большого театра был издан приказ, извещавший нас о том, что все отпуска отменяются. На второй день войны многие работники театра получили повестки и были призваны в армию.

На третий день в Большом театре шла опера А. Бородина «Князь Игорь». Я должен был прийти позже на спектакль, так как был занят только в «Половецком стане», но совершенно случайно, придя раньше, застал администрацию мимического ансамбля в состоянии крайней паники. Оказывается, меня давно уже разыскивали, дома не застали, и мое появление раньше назначенного срока оказалось очень кстати. Надо было срочно одеваться на мимическую роль. Дело в том, что по ходу спектакля и текста оперы из храма выходят пять князей: Игорь, его сын Владимир Игоревич, гуляка-князь Галицкий, пожилой князь Трубчевский и юный князь Рыльский — и хор персонально каждого называет и каждому поет славу. Мимическую роль Рыльского с самого начала этой постановки исполнял Кормаков, простой крестьянский парень с хорошим голосом, желавший петь в хоре. Но в хор он не попал и устроился в мимический ансамбль. В этот день его призвали в армию, и роль юного князя Рыльского администрация поручила исполнять мне. Я возразил, что уже не так молод для этой роли, что не успею загримироваться, не знаю мизансцен, что до начала спектакля остается всего 20 минут. Я просто не успею. Меня стали уверять, что времени достаточно, что в опере очень большая по времени увертюра, шутили, что Бородин ее специально для меня написал такую продолжительную, чтобы я успел подготовиться. Делать было нечего, я начал гримироваться и одеваться. В конце концов, преобразившись в молодого Рыльского, в лифте спустился на сцену и присоединился к уже стоявшим там князьям. Поздоровались. Иван Семенович удивленно спрашивает: «Вы?» Обреченно отвечаю: «Я». — «В первый раз?» — «Да, в первый раз» — «Что-нибудь знаете?» — «Ничего...» — «Я вам буду подсказывать».

И действительно, в процессе первого действия все мизансцены — с кем надо встречаться, общаться, куда пойти, что сделать — мне подсказал Иван Семенович. Когда закончилось первое действие и я сказал ему, что очень тронут и благодарен ему за его внимание, за помощь, он ответил, что это — самая простая человеческая обязанность.

В том, как Иван Семенович помог мне впервые выступить в новой роли в «Князе Игоре», конечно, сказался его режиссерский талант. Хочется привести здесь слова оперного

режиссера А. П. Петровского, говорившего о Козловском: «Иван Семенович обладает удивительным талантом, не всегда встречающимся у актеров. Он замечательно владеет пространством сцены... и прекрасно владеет всеми сценическими условиями и пользуется ими во время действия».

Козловский прекрасно владел искусством перевоплощения. Это можно великолепно проследить на спектакле «Риголетто», где он выступал как бы сразу в четырех ролях. И везде — во всех пяти актах — такой разный.

1-е действие — Герцог, капризный, избалованный, от скуки ухаживающий за графиней Чепрано.

2-е действие — скромный, застенчивый юноша, «студент-бедняк».

В последнем акте — легкий, слегка подвыпивший; голос у певца звучал тоном «опьянения», если можно так сказать.

В 4-м действии Козловский — Герцог поражал всех не только верхними нотами, но еще и игровым трюком. Это был фокус непостижимый: когда из его рук колода карт неожиданно взлетала вверх, а затем медленно, по одной карте, веером рассыпалась, опускаясь на пол.

В 3-м действии Иван Семенович лежа пел мою любимую арию «Вижу голубку милую». При этом — всю арию на одном дыхании! Верхнее *до* было такое, что обалдеть можно!

Удивительный, неповторимый талант!

1977–1978 гг.

Примечания

Из архива литературного редактора Московского радио В. С. Сорокина.

Наталия Иванова-Крамская

Я ВСТРЕТИЛ ВАС...

Всегда, когда я подхожу к огромному дому на улице Неждановой (ныне Брюсов переулок), сердце замирает от волнения. Невольно задерживаешься и обращаешь взор к мраморным доскам: в этом доме жили Н. А. Обухова, М. П. Максакова, Н. С. Голованов, Е. К. Катульская. Сейчас я иду к Ивану Семеновичу Козловскому.

Дверь этой удивительной квартиры всегда отворяется с улыбкой. Сколько я ни бывала здесь, непременно открываю для себя что-нибудь новое. Да и может ли быть иначе в Царстве Музыки? Вот она звучит вновь, и мне вдруг начинает казаться, что я вот-вот услышу гитару отца. Огромная люстра украшает гостиную и придает ей особую праздничность.

— Заходи сюда! — Иван Семенович сидит за столом. — Ты почему пришла именно сегодня?

— Не знаю. Очень хотелось увидеть Вас!

— А я только что из Кремля.

Оказалось, в честь 80-летия правительство наградило певца орденом. На стене я вижу фрак, на нем множество наград, среди них — и только что полученная.

— Как приятно, что ты пришла. Был бы жив твой отец, тоже обязательно бы пришел. Спасибо! *(Задумался.)* Вот и Петра Никитина нет рядом...

Потом были звонки, поздравления. Мы много говорили, вспоминали. Пришли знакомые, друзья Ивана Семеновича. Я покидала дом поздно, переполненная счастьем — подобные встречи не забываются!

И вот я вновь у Ивана Семеновича. Мне нужно записать его воспоминания об отце. Встречая приветливо, он то шутит, то поругает за что-нибудь. А сам смотрит, как гость реагирует на шутку: если тоже сострит, значит, все в порядке, если растеряется — ну, тогда держись! А бедняге зачастую вовсе не до шуток: еще бы, ведь сам Козловский стоит рядом. Проницательный взгляд Ивана Семеновича волнует: кажется, видит все насквозь.

— Ну, Наташа, садись и рассказывай, как живешь. Как мама, брат? Сын уже школу кончил? Поступил в МГУ? Как твоя работа? Мужа не бросила? Уже 25 лет живете? Что ты удивляешься?! Сейчас очень просто расходятся...

И вот так всегда! Его волнует все:

— Что об отце пишешь, это хорошо — значит, любишь. В наше время ведь любовь измеряется тем, чего и сколько в чемодане...

Приходят на репетицию певцы. Я знаю, что Иван Семенович постоянно в делах — записывается, помогает молодым, хлопочет за старых, консультирует... Телефон прерывает нашу беседу. Слышу:

— Дорогой, я волнуюсь за детей из интерната. Дело в том, что уехал человек, который обещал достать билеты на елку в Кремль. Приедут 50 учеников и преподаватели. Нельзя лишать детей радости! Очень прошу, помоги.

Подходит ко мне и, помолчав, продолжает:

— Это мой долг перед твоим отцом.

Обращается к певцам:

— Вы пойте, мне легче будет говорить, когда музыка... Вообще, очень устаю. Много дел. Отдыхаю за роялем или когда слушаю музыку.

Звучит песня Шумана. Иван Семенович начинает рассказывать:

«Воспоминания мои посвящены Александру Михайловичу Иванову-Крамскому. Сколько волнений и переживаний было в его творческой жизни! Значение его в искусстве трудно переоценить. Мы дружили с ним около полувека. Было много ярких встреч, совместных репетиций в моем доме. Вот лежат две гитары. Одна из них подарена Александром Михайловичем. Если бы стены могли заговорить, они рассказали бы, что этажом выше жила несравненная Надежда Андреевна Обухова, которая любила музицировать по вечерам, а вечер у нее начинался в час ночи! Очень жаль, что осталась только одна запись со съемкой, на которой нас запечатлели втроем: Александр Михайлович, Надежда Андреевна и я. Иванов-Крамской играл, а мы пели....

Здесь, в этой квартире, побывали профессора консерватории Василий и Сергей Ширинские, пианист Дмитрий Сахаров, Вадим Борисовский. *(Останавливается. Мысли уносятся куда-то... Я не тороплю.)* Твой отец был очень красивым и духовно богатым человеком. Природа отпустила ему так мало лет... Но он сполна воплотил свою суть в произведениях, записях, учениках.

Вот ты, Наташа, дочь Иванова-Крамского и у тебя есть ученики, которые как бы несут в себе образ нашего друга, дорогого Саши. Быть может, и в этом есть маленькое утешение.

А как не вспомнить друзей, которые встречались в нашей жизни? Вот портрет Петра Никитина — пианиста, проработавшего на радио пятьдесят лет. Он тоже ушел, а об ушедших я говорю как о живых. *(Обращается к певцам.)* Вы пойте, мне так легче вспоминать.

Я помню, какая дружба была у Иванова-Крамского с квартетом имени Бетховена, — он всегда стремился выступать с симфоническими составами. Его отличала жажда узнать все, что было создано за долгие века до него. Он многое украсил своим восприятием. Обработки его обладают необыкновенной красотой и очень удобны в исполнении. Аккомпанемент здесь украшает партию певца. Эти переложения понятны всем, и музыка здесь живая. Поэтому и сейчас они убеждают! *(Останавливается. Думает.)*

Дорогая Наташа, в своих воспоминаниях обрати внимание на творческие взаимоотношения отца с Надеждой Андреевной Обуховой. И труд, оставшийся в записях, это воплощенное вдохновение! *(Обращается к певцам.)* Вы пойте, пойте... Я рад, что могу хоть чем-то заполнить расстояние между теми, кто жив и кто ушел. Есть такая песня „Эй вы, ну ли“. Ее никто не пел, нот не было. А мы вернули ее к жизни. Александр Михайлович откликался на все мои пожелания. Я там брал такую долгую ноту, а он играл проигрыш. И мне казалось, что нота эта равна жизни... Мы творили, и в этом были едины.

Спасибо ему за труд вдохновенный! Поминаю его добром и чту.

Милая Наташа, поищи, пожалуйста, романс „Не хочу“. Считаю, что это одна из самых удачных наших записей с Александром Михайловичем. К сожалению, в свое время она была размагничена из-за одного слова. Я всегда отвечаю за свой труд! Партия голоса там была насыщена интересными каденциями, множеством новых решений, а у гитары — трудный и интересный аккомпанемент. Но на радио была некая Авинариус, которая решила зачеркнуть труд людей. А знаешь, почему? После одного моего добавления. В конце мне захотелось сказать: „Ну и шут с тобой“. Сказал я тихо, почти шепотом. А со временем нашел эти слова у автора в одном письме — он был того же мнения! А я тогда сам сказал! Вот ты, Наташа, улыбаешься, и именно так, я думаю, должны реагировать мыслящие люди. Но тупые и завистливые ничего не поняли. Эта Авинариус сказала: „О добавлении знаете только Вы, Иван Семенович. Больше об этом не знает никто. Поэтому никто так и не поет“. Значит, если кто-то не знает, то и быть не должно? Такие вот люди часто встречались и в жизни твоего отца. Как они мешают! Не потому даже, что они есть, а потому, что многое им неизвестно и многое не дано понять. Так было и с шестиструнной гитарой, о которой мало знали, а некоторые думали: они не знают — значит, и никто не знает. *(Волнуется. Задумывается. Улыбается. Потом берет гитару и играет смешную польку.)* Эту польку мы с твоим отцом дуэтом играли. И всегда всем говорили, что ее Пушкин любил». *(Смеется.)*

— Иван Семенович, а папа, когда наигрывал ее дома, то, дойдя до середины, говорил: «А здесь солирует Иван Семенович на своей семиструнке», — и заливался смехом.

Улыбнувшись, Козловский кивает мне, потом настраивает гитару и начинает петь романс. Нет, нельзя поверить, что ему 85! Голос звучит, да как!

Гаснут последние ноты... Задумчиво глядя на меня, Иван Семенович говорит:

— Наташа, это делает тебе честь, что ты любишь родителей. Желаю тебе, твоему брату Андрею, маме твоей, мужу и сыну всего самого доброго. Род продолжается, и это прекрасно!

Мы прощаемся. Иван Семенович, провожая меня, шутит. А мне думается: всю жизнь я знаю этого человека, и всегда он окружает себя интересными, талантливыми людьми, трудится сам и других заставляет трудиться. В свое время черта эта многим не нравилась, особенно администраторам. Конечно, куда проще организовать концерт певца под аккомпанемент пианиста или оркестра. Но Козловский просит арфистку и гитариста, требует хор мальчиков, ищет новоиспеченных молодых лауреатов, ансамбль бандуристок... Дух захватывает! Начинаются репетиции, спевки, все волнуются. А за день до концерта Ивану Семеновичу приходит новая идея... и все начинается сначала. В этом безостановочном поиске и есть суть творчества!

Великий певец никогда и никого не оставлял без внимания. В этом я убеждалась с детства. Передо мной старая фотография. Здесь я совсем юная, в белом, вышитом красным крестом платье в украинском стиле. Это подарок Козловского! А на другой фотографии — темно-голубое платье, тоже от Ивана Семеновича. И первые елки в Кремле, и теплые поздравительные открытки нашей семье на праздники... Как много было этих знаков внимания! А в день моей свадьбы — незабываемый день — он вошел в наш дом как самый почетный гость. Помню, Иван Семенович долго беседовал со мной и моим мужем. С доброй улыбкой напутствовал. На книге, подаренной им, надпись: «Терпение — долголетие». Потом Иван Семенович вместе с моей мамой сели за разбитый рояль (свадьбу справляли в кафе) и со смехом играли в четыре руки вальс Штрауса для молодоженов.

Когда не стало папы, я несколько раз нуждалась в советах и обращалась к Ивану Семеновичу. Он, как самый близкий и родной человек, помогал, за что я так благодарна ему. Помню, певцу потребовался аккомпаниатор, и я не раздумывая согласилась. На репетициях мне стало ясно, что представляет собой Козловский в работе. А главное, что меня удивило, — он до мельчайших подробностей знал сопровождение гитариста.

Мне вспоминаются дни, когда отец возвращался с репетиций от Ивана Семеновича домой усталый, но счастливый. Приходил иной раз поздно и, доставая из футляра записку, «оправдательный документ!», протягивал ее маме. Там значилось:

«Свидетельствуем: Александр Михайлович трудился до 2-х ночи. И. С. Козловский», — а далее шло еще несколько подписей.

Папа всегда много и подробно рассказывал, над чем они работали, что разучивали, какие строили планы. Однажды, усадив меня и маму, заключил с нами «договор»: «Все, что буду рассказывать о Козловском, никогда и никому не передавайте! Сплетни навредят всем». Говорилось это в 40–50-е годы, когда каждое неосторожное слово могло иметь страшные последствия. Но вернемся к музыке.

Не скрою, были моменты, когда Александр Михайлович не соглашался с требованиями Козловского. Но споры остывали быстро, не оставляя обид.

Отец очень серьезно подходил к любому аккомпанементу. Изучив голос Козловского, находил те тембровые краски и тот вариант сопровождения, которые углубляли смысл произведения.

Огромное внимание Иван Семенович уделяет стихам. Кстати, он всегда исполняет текст целиком — без всяких сокращений. Это и дает ему возможность создавать неповторимый образ, в котором нет и не может быть мелочей. Длинные тексты не страшат Ивана Семеновича — например, они дают ему возможность раскрыться как драматическому актеру. Его божественный тенор творит чудеса, и мы, затаив дыхание, слушаем, улыбаясь или плача.

При встрече со мной Козловский упомянул о песне «Эй вы, ну ли», которая долгие годы оставалась забытой. Я думаю,

она ждала своего исполнителя. Певец и гитарист бережно отнеслись к народному творению, сохранив его в первозданном виде. Партия инструмента здесь неотделима от голоса: каждый проигрыш выполняет важнейшую драматургическую функцию.

А как звучит песня «Не одна во поле дороженька»! Пожалуй, это вершина репертуара Козловского и Иванова-Крамского.

Иногда приходится слышать: «Козловский очень уж долго любит тянуть ноты». Что же, напомню слова Ивана Семеновича, сказанные мне: «...Нота равна жизни».

Вдумайтесь, какая неповторимая философская метафора. Вот и ответ скептикам! Отец хорошо понимал, какой смысл обретал у Козловского этот прием, и находил способы для того, чтобы колористически расцветить уникальные кульминации.

В репертуаре Козловского и Иванова-Крамского есть романсы, которым суждено было пережить второе рождение. В музее Тютчева, что по Ярославской железной дороге (усадьба Мураново), хранится рукопись стихотворения «Я встретил вас». Кем написана мелодия, неизвестно. Долгое время романс оставался забытым. В исполнении Козловского и Иванова-Крамского он ожил.

Изысканная мелодия, щемящая скорбь стихотворения всегда производят впечатление на слушателей. В зале полумрак. На сцене задумавшись сидит певец. Звучат первые ноты. Затаив дыхание, мы слушаем и постепенно утрачиваем связь с реальным миром — переносимся в прошлое столетие, чтобы вместе с поэтом пережить давно минувшее. Прекрасное ощущение любви и грусти еще долго не покидает нас...

Многие годы совместной работы сблизили исполнителей. Отец чувствовал буквально каждый нюанс вокалиста. Козловский и Иванов-Крамской понимали друг друга без слов, повинуясь какому-то внутреннему чутью.

Да, конечно же их роднило не только творчество. Они были духовно близки: проводили друг с другом много времени, вместе бывали в церкви — очищая души, говорили с Богом. И оба хранили верность своим принципам, никогда не поступались ими.

Не всегда просто и гладко складывались их творческие судьбы. Встречалось разное. Сколько лет прошло, а Козловский и сейчас вспоминает кое-кого из художественного совета — тех, кто не понимал исполнителей или, испугавшись, принимал решение не пропускать запись в эфир.

Кто дал им право судить — тем, кто сам не смог устроить свою жизнь в силу невысокой культуры, отсутствия образования или просто потому, что природа обделила их способностями? Как правило, именно такие люди берут на себя смелость давать оценку мастерам, отвечающим за свое искусство, за свой труд. Такие работники сами ничего не могут, но власть дает им право судить...

Долгие годы Козловский и Иванов-Крамской гастролировали по стране. Отец рассказывал, что в любом городе приезд Козловского становился событием, но концерты на Украине, родине Ивана Семеновича, превращались в праздник! Ежегодно музыканты принимали участие в программах, посвященных памяти Тараса Шевченко.

Много раз Иван Семенович и Александр Михайлович выступали на торжествах, посвященных А. С. Пушкину. Над столом отца висит небольшой кусочек ели, росшей около дома поэта. От времени дерево засохло, и из него решили сделать сувенир. Директор музея Пушкина С. Гейченко написал отцу:

«Но там и я свой след оставил,
И ветру в дар на темну ель
Повесил звонкую свирель.

(Пушкин)

Кусочек Ели-шатра из Тригорского Иванову-Крамскому Александру Михайловичу. 7.06.67 г.»

В архиве отца я нашла статью от 4 ноября 1962 года из газеты «Радиопрограммы» с фотографией И. С. Козловского и А. М. Иванова-Крамского:

«Несколько дней назад в редакцию „Юности“ пришла телеграмма с ударной комсомольской стройки Саратовской области Балаково, где возводится крупнейший в Советском Союзе комбинат синтетического волокна: „В город на Волге со всех концов страны приехали 20 тысяч юношей и девушек, среди них много украинцев. Мы передаем горячий привет

И. С. Козловскому и просим его исполнить для своих земляков песню „Черные брови“».

И вот в студию Всесоюзного радио пришел Иван Семенович со своими друзьями — гитаристом Ивановым-Крамским и пианистом П. Никитиным. Певец обратился с теплым приветствием к труженикам комсомольской стройки и поделился воспоминаниями о том времени, когда они выступали перед строителями Днепрогэса. У Ивана Семеновича хранится снимок тех лет. Козловский поет в костюме, хотя на улице мороз, изо рта у него валит пар, а аккомпаниатор сидит в шубе, зрители стоят на снегу...»

Не помню случая, чтобы артисты отказывались от шефских концертов. Наоборот, их, пожалуй, было даже больше, чем плановых. И обязательно несколько раз в году Козловский и Иванов-Крамской выступали в детских домах. За многие годы накопилась кипа благодарностей. Вот одна из них:

«Товарищу Иванову-Крамскому Александру Михайловичу.

Попечительский совет подшефного Министерства иностранных дел СССР Детского дома № 22 Пролетарского района г. Москвы выражает Вам глубокую признательность за отзывчивость и активное участие в благотворительном концерте, состоявшемся 6 мая 1958 года в Большом зале Московской консерватории им. П. И. Чайковского.

С уважением, Председатель попечительского совета детского дома № 22 Л. Громыко».

На Украине в селе Марьяновка вот уже много десятилетий существует музыкальная школа, построенная на средства И. С. Козловского. Иван Семенович и Александр Михайлович ежегодно бывали там. Отец рассказывал о трогательных, незабываемых встречах, воспитывающих у детей любовь к искусству, к людям.

Козловский и Иванов-Крамской были постоянными участниками многих приемов и встреч. В частности, они многократно навещали семьи летчиков В. Чкалова и М. Водопьянова, писателя А. Толстого, академика Н. Зелинского и многих других.

Встречи... Их было множество. Помню, с каким интересом отец рассказывал о знакомстве с прекрасным негритянским певцом Полем Робсоном. Сохранилась фотографии:

Поль Робсон с Козловским исполняют дуэтом песни под аккомпанемент Иванова-Крамского.

Теперь, когда отца нет и я звоню или захожу к Ивану Семеновичу, он всегда вспоминает о друзьях, с которыми прошел огромную жизнь. Александр Иванов-Крамской — среди них. Такие воспоминания полны искреннего уважения к тому, кто был рядом, а я узнаю все новые и новые подробности их совместной работы, жизни.

Знаю, что Козловский ценил отца не только как музыканта, но и как человека, обладавшего незаурядным чувством юмора. Сам Иван Семенович никогда не присутствует на капустниках пассивным гостем. Все его выступления, речи, сценки несут в себе массу неожиданностей, тепла, смеха. Раньше непременным его спутником в этих выступлениях был Иванов-Крамской. Но и к капустникам музыканты относились с огромной ответственностью. Номера-сюрпризы, которые отличались выдумкой, острым сюжетом, сопровождались пением под аккомпанемент гитары. Для всех это был мимолетный экспромт, а для Козловского и Иванова-Крамского — результат каждодневной работы и творческих поисков.

Шутки и розыгрыши сопутствуют Ивану Семеновичу постоянно. Мне кажется, он без них не может. Отец рассказывал, что одному из своих гостей, пока тот находился в комнате, он прибил гвоздями калоши к полу. Представляете, что было, когда гость собрался уходить?!

Однажды конферансье Гаркави, как всегда, много и интересно рассказывал, открывая концерт, а Козловский за кулисами тем временем потихоньку высыпал содержимое пепельницы в карман его пальто. Выступив, Иван Семенович стал переодеваться, но не нашел своих туфель. Обнаружил их случайно, открыв свой портфель. (Вообще, о портфеле-талисмане Козловского ходило много шуток и легенд — уж больно «заслуженного» он был вида.) Когда же ничего не подозревающий Гаркави надел пальто и сунул руку в карман, то смеялся до слез: ему отплатили шуткой за шутку!

Один из знакомых Ивана Семеновича, живший в том же доме, купил машину и поставил перед своими окнами, тем более что квартира на первом этаже. Утром он позвонил Ивану Семеновичу в панике: «Что делать? У меня украли машину!»

Все выскочили на улицу. Шел мелкий снег. Куда она могла деваться, не оставив следа, трудно было представить. Искали долго и нашли... в соседнем дворе. Оказалось, Иван Семенович подговорил друзей: они ночью на руках перенесли машину и спрятали.

В гостиной Козловского стояла огромная ваза с конфетами. Появившихся впервые гостей всегда угощали. Однажды к Ивану Семеновичу после концерта вместе с другими поклонниками пришел военный. Он был несколько скован, сознавая, что находится среди известных музыкантов. Козловский, как всегда, приветливо улыбаясь, проговорил: «Угощайтесь» — и отошел в сторону. Военный протянул руку, взял «Мишку», развернул, но фантик оказался пустым. Он взял другую конфету, третью, лихорадочно раскрывая пустые фантики. Кто-то прыснул — видимо, из тех, кто сам когда-то попался. Гость зло махнул рукой, повернулся и ушел. Он не понял шутки и обиделся, что тоже вызвало общий смех.

Умение непринужденно вести себя всегда ценилось в доме Козловского. И когда моя мама, прекрасно танцующая, во время всеобщего веселья вдруг вскочила и отбила чечетку на краешке стола под дружные аплодисменты присутствующих, это было с восторгом принято и вспоминается до сих пор.

На одном из вечеров у Ивана Семеновича среди прочих гостей был и Александр Михайлович. На столе стояли разные угощения: пироги, салаты, вареные языки и другое. Сидя рядом с каким-то врачом, отец весь вечер слушал жуткие случаи из практики хирурга. Улучив минутку, когда врач отвернулся, Александр Михайлович взял с тарелки большой вареный язык, сунул в рот, закатил глаза, развалился на стуле и замер. Гости ахнули, врач в ужасе вскрикнул, а какой-то украинец протянул: «О це язи-и-к!» Да, дом Козловского видел и каторжный труд, и безудержное веселье, слышал незабываемые голоса и всегда откликался на призывы о помощи.

Мне трудно вспоминать это, но не вспомнить не могу. Когда отца не стало, Иван Семенович пришел на панихиду в ЦДРИ. Он принес колосья пшеницы и уложил их в изголовье гроба. Потом низко поклонился, незаметно положил записку к сердцу отца. Долго стоял рядом, прощался... Ему было очень тяжело, но он многое рассказал тогда об их совместном работе

и дружбе. А через несколько днем в «Советской культуре» был опубликован некролог:

«Вспоминая друга.

Александр Михайлович Иванов-Крамской сделал в искусстве много, очень многое. Скрипач, дирижер, певец, гитарист, педагог, композитор... А сколько творческих планов, над которыми он думал, мечтал, но далеко не все осуществил, не все отдал тому обществу, для которого трудился, в котором жил!

Самое главное, о чем мы говорим, когда расстаемся с человеком, — что он сотворил, чтобы быть достойным памяти людей. Музыкальный вклад А. М. Иванова-Крамского в нашу культуру оценивается объемом материала, который он исполнял и сам сочинял. Мастерство виртуоза-гитариста легко измерить — записи его звучат и сегодня.

Еще совсем недавно он выступал с творческим отчетом на московских заводах, а 11 апреля в Минске, на репетиции перед концертом, мгновенно расстался с жизнью.

Живущие ищут оправдания закономерности, печальной закономерности. А надо видеть то, что было главным, что было лучшим у такого замечательного художника, каким был Александр Михайлович. Это знания, вкус и необычайное трудолюбие.

В искусстве или все очень просто, или очень сложно. На самом деле оставить скрипку и перейти на шестиструнную гитару, как поступил А. М. Иванов-Крамской, — это подвижничество, это вера в себя, в инструмент. Александра Михайловича Иванова-Крамского многие и многие города видели и слышали. И сегодня его коллеги, его почитатели, низко склоняя голову, говорят: „Спасибо, что жил и творил среди нас!“

Иван Козловский».

P. S. 21 декабря 1993 года Иван Семенович Козловским ушел из жизни. Панихида состоялась в Большом театре. Прощание было тяжелым. Опустившись на колени перед великим певцом, артистом, другом, я подумала: никогда более уже не услышу его голос, с волнением и участием спрашивающий: «Как ты живешь?»

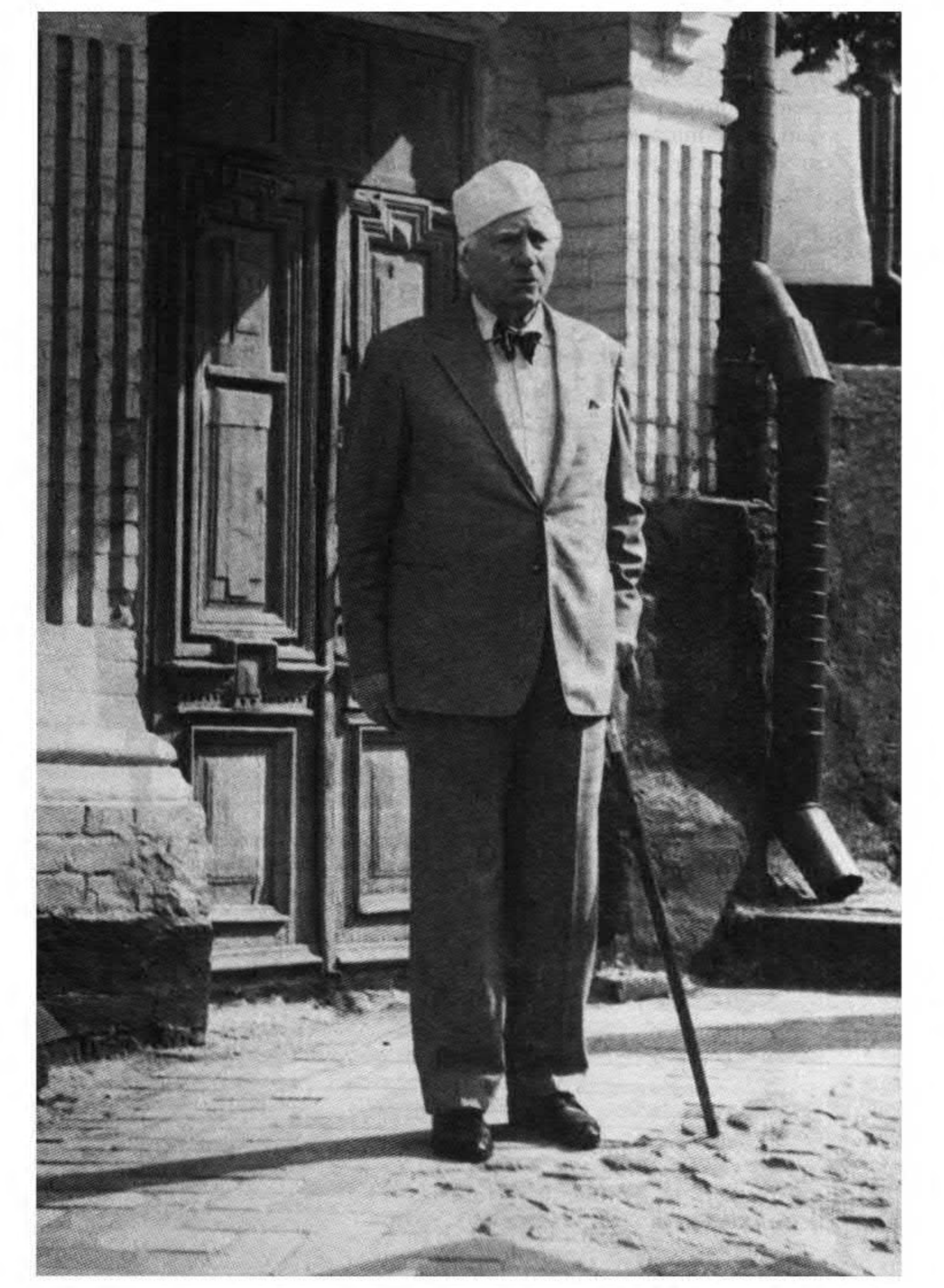
С уходом друзей нашей семьи — С. А. Чуйкова, А. И. Лактионова, Г. Костаки, И. С. Козловского — оборвались струны жизни, связывающие меня с отцом... Земля становится беднее, когда уходят такие люди. Спасибо им за то, что они были!

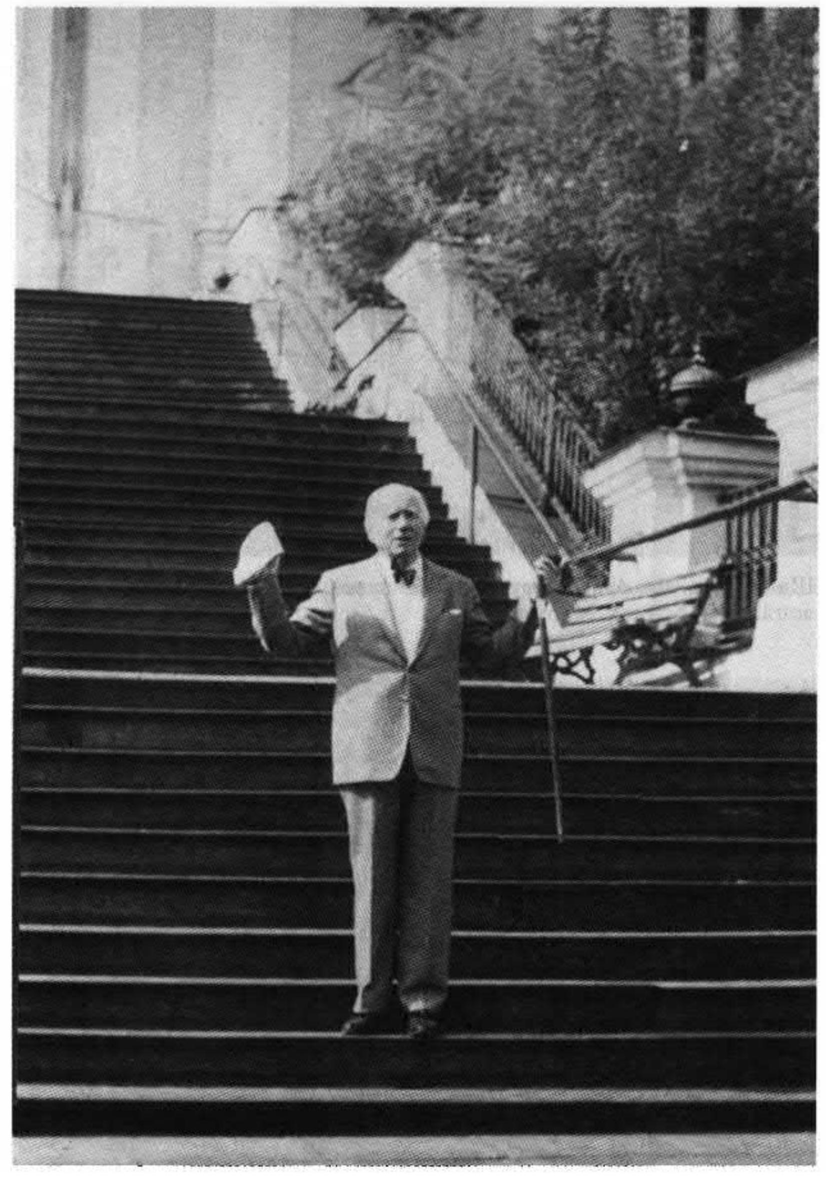
Примечания

Из книги «Жизнь посвятил гитаре. Воспоминания об отце» (М., 1995. С. 85–93).

И. С. Козловский и Г. Е. Сергеева с детьми
после парада на Красной площади. 50-е гг.

И. С. Козловский на Андреевском спуске. Киев, 1985 г.

И. С. Козловский возле дома, где жил М. А. Булгаков. Киев, 1985 г.

Шагает духовой оркестр музыкальной школы,
во главе П. Бохняк. Марьяновка

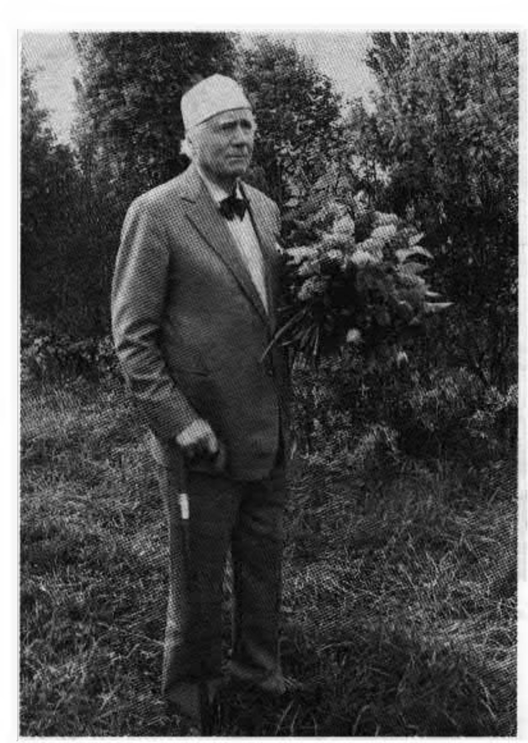
И. С. Козловский с учащимися музыкальной школы

Выступление И. С. Козловского с учащимися музыкальной школы

И. С. Козловский среди односельчан. Марьяновка, 1985 г.

В родном саду.
Марьяновка, 1985 г.

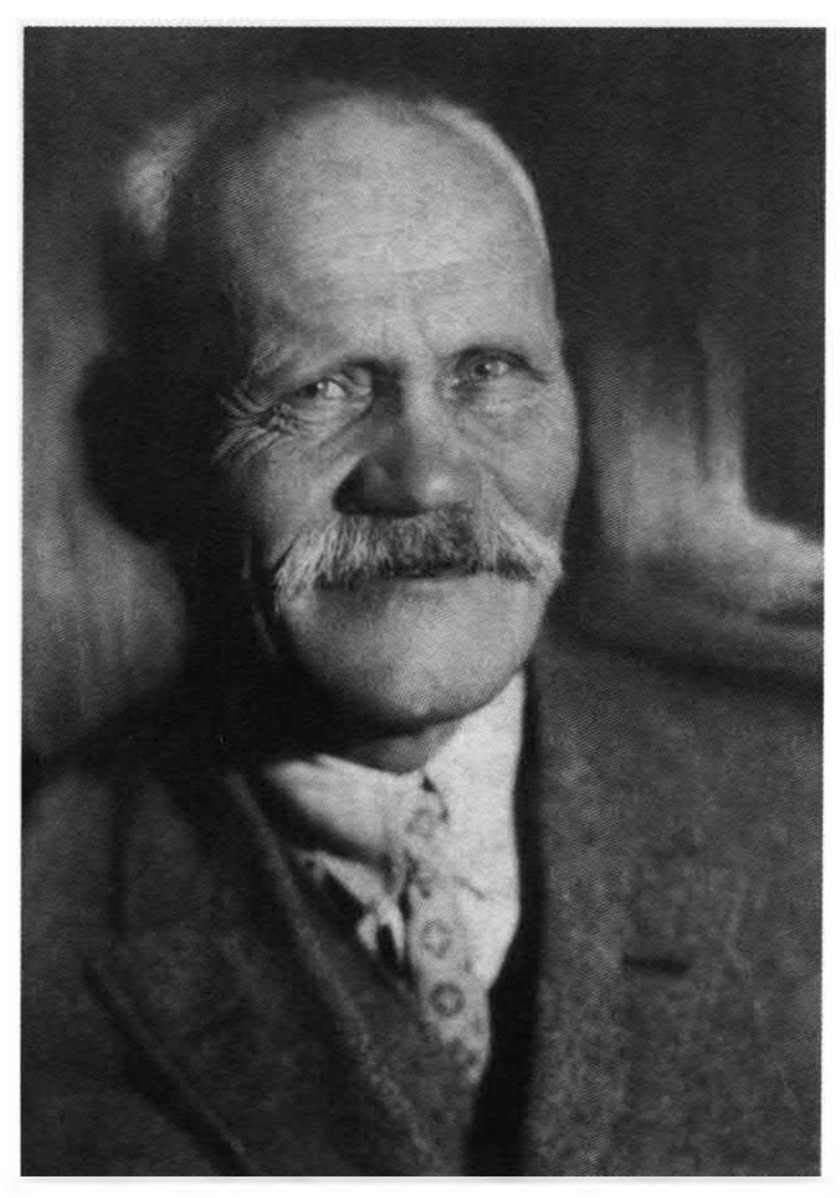
И. С. Козловский на юбилейном вечере летчицы В. С. Гризодубовой

Иван Семенович с братом Федором и сестрой Анастасией

С внучкой Аней

Семен Осипович Козловский, отец певца

Анастасия Потоцкая-Михоэлс

ПЕЛ И СЕРДЦЕМ, И ГОЛОСОМ...

Большая, такая большая и такая теплая неизменная дружба Ивана Семеновича с Михоэлсом никак не загадочна.

Два ярких человека по-настоящему полюбили друг друга.

Оба человечные, верящие в человечность, в Человека.

Оба одаренные не одним талантом, а несколькими.

Оба настолько талантливые, что талант, не находя достаточного русла, «выпирал» из пор даже озорством.

Оба они почувствовали это друг в друге, почувствовали так глубоко, что и сейчас, столько лет спустя, при имени Михоэлса у Ивана Семеновича теплеют глаза, а голос делается таким, как будто он не говорит, а поет. А говорить Иван Семенович умеет, как никто, когда захочет и когда слушатели не требуют от него — «скорей, скорей, только спой». В этом огромная ошибка слушателей, потому что Ивану Семеновичу всегда есть что сказать людям.

Михоэлс, любивший песню всей душой, всей силой своего темперамента, актерского и человеческого, особенно любил и ценил в пении Ивана — мелодию.

— Голос какой! Тембр просто, не спрашиваясь, в сердце лезет, а главное — поет песню, мелодию. Он и паузы поет, не только ноты. Ведь есть певцы и певицы, поющие «ноты» — как грибы собирают, а песни-то и нет. А Иван и голосом, и сердцем поет.

Первый визит Ивана Семеновича в дом Михоэлса был зимой, в 8.30 утра. Оказалось, что к 9 часам они должны были ехать в Моссовет хлопотать о жилплощади и пайке для старейшего работника Большого театра А. Собирались и уезжали они с таким заговорщицким видом, такими веселыми глазами, так подшучивали друг над другом: «пора бы лечь поспать перед рабочим днем», — что Моссовет, вероятно, дрогнул, не устоял и подписал.

Вот это и было то бескорыстное человеческое, что легло в основу их дружбы. Как легко, с какой радостью они шли на помощь людям!

Но не этим только памятна их дружба. Оба, занятые сверх меры, сверх сил, не дарили никому и ничему ни одной минуты, отданной работе. Трудоспособность и требовательность в работе были поразительные. Не знаю, что требовал Иван Семенович от Михоэлса, но Михоэлс часто при мне говорил: «Иван! У тебя такое сердце, а ты его не бережешь — поешь ты и сердцем, и голосом, и так только пой, не береги голос, пой во весь голос, отдавая его, как отдаешь сердце».

Бывало это в те минуты, когда большинство собравшихся людей уже расходились, час был поздний, и вот тут-то, «среди своих», Иван Семенович пел так, что слезы были на глазах и у Москвина, и у Михоэлса, и у многих-многих других счастливейших в эти минуты людей.

Неслучайно тут же, в самый нелепо поздний час, возникало озорство, шутка, актерская выдумка, «игра» талантливых людей, которым так надо было «играть». Ведь сил и таланта было так много, а время было так забито донельзя серьезной работой, что иногда эти запасные силы пробивали брешь разумного режима и выливались в какое-то мальчишеское увле-

кательное веселье. Увлекались и вовлекались в такую игру все — и И. М. Москвин, и А. Н. Толстой, и А. А. Менделевич, и Р. Н. Симонов. А заводилой был Козловский, и верным его сообщником в этом деле — Михоэлс. Это был неиссякаемый юмор, нигде не записанная игра, неповторимый отдых перед завтрашней работой.

Примечания

Из архива Н. Ф. Слезиной.

Ирина Шаляпина

ДОБРОЕ СЕРДЦЕ

Есть у поэтессы Анны Ахматовой такие строчки: «Настоящую нежность не спутаешь ни с чем...»

И вот когда я слушаю необыкновенный тембр голоса И. С. Козловского, я ощущаю эту «настоящую нежность», единственную в своем звучании.

Некоторые произведения в исполнении Ивана Семеновича я особенно люблю. Это — «Я помню чудное мгновенье» Глинки, «Для берегов отчизны дальной» Бородина, «Редеет облаков летучая гряда» Римского-Корсакова, «Не пой, красавица» Рахманинова.

Все эти романсы проникновенно и с большим мастерством поет Козловский. Старинное «Я встретил вас» на слова Ф. Тютчева я слушаю с волнением.

Мне часто приходится быть в разъездах, и всегда, когда я включаю радио и слышу столь знакомый голос Ивана Семеновича, неизменно перед моими глазами вырастает его стройная фигура, приятные очертания лица, синие-синие глаза и чудесная улыбка. Пожалуй, меня могут упрекнуть в излишней лиричности, но здесь, мне кажется, она уместна.

Я не буду касаться Козловского как артиста оперы. Все мы его хорошо знаем, и о его мастерстве напишут более тонкие знатоки, чем я, — напишут, несомненно, много и хорошо.

Мне же хочется рассказать об Иване Семеновиче как о человеке — товарище.

1941 год. Тяжелое бедствие постигло нашу Родину. Война!

Москва опустела, учреждения, театры в эвакуации, оставшиеся в городе москвичи, как могут, крепят оборону родного города. Суровые зимние дни, но веришь в русских людей и ждешь победы! Не забываешь и о друзьях и крепко держишь их в сердце, хотя они и далеко...

И вдруг однажды узнаю: Козловский в Москве, остановился в гостинице «Националь».

О радость!

Можно узнать о Большом театре, о наших товарищах-артистах. Тогда я была еще мало знакома с Иваном Семеновичем, но почти не раздумывая решила пойти к нему.

Приветливо, ласково принял он меня, тут же усадил за стол и предложил с ним пообедать. Время было тяжелое, и я отлично понимаю, что Иван Семенович делит со мною свой обед. Смутившись, я отказалась, но пришлось уступить настойчивым просьбам Ивана Семеновича. Потом мы много говорили, и я чувствовала хорошее отношение ко мне и заботу о моей старой матери.

Я стала часто приходить к Козловскому и видела, с каким добрым сердцем встречал он людей, которые обращались к нему за помощью. Это были старики артисты оперы и еще другие люди — многие... Всех он принимал, выслушивал их просьбы, хлопотал о них, старался чем только можно помочь.

С тех пор я привязалась к Ивану Семеновичу душевно.

С ним интересно встречаться, беседовать. Как не оценить его оптимизм и юмор, и я всегда сохраняю к нему чувство дружбы и благодарности.

1960 г.

Примечания

Из архива Н. Ф. Слезиной.

Василий Сухаревич

И. С. КОЗЛОВСКОМУ

Я встретил Вас — и пламя злое
Меня сейчас же обожгло.
Вы говорили мне такое,
Что сердце в пятки уплыло.

Как поздней осени порою,
Когда над рощей ветра свист,
От Ваших шуток, я не скрою,
Я трясся, как багровый лист.

Так, весь обвеян дуновеньем,
Любым упреком и хвалой,
Себя щипал я с удивленьем —
Неужто я еще живой?!

Как после вековой разлуки,
Я снова здесь — как бы во сне,
Чтоб снова претерпеть все муки,
Гореть на медленном огне.

Но он поет — я весь вниманье —
Мечта моя запела вновь, —
В Козловском то ж очарованье,
И та ж в душе моей любовь.

24 марта 1969 г.

Ангелина Ханило

ИВАН СЕМЕНОВИЧ КОЗЛОВСКИЙ В ДОМЕ ЧЕХОВЫХ В ЯЛТЕ

(Из интервью, записанного корреспондентом радиостанции «Орфей» Еленой Панфиловой)

Е. П. Иван Семенович Козловский и Ялта. Это особая тема. Это большая глава не только в жизни певца, но и в жизни других людей, которые его окружали в то время. На эту тему написано множество воспоминаний артистов, писателей. Ваши личные наблюдения, воспоминания?

А. Х. Я считаю, что мне выпала очень счастливая судьба: в 1946 году, в трудное послевоенное время, сразу после окончания школы я пришла работать в Чеховский дом. И буквально в первый день меня повели по лесенке на третий этаж, в комнату к сестре писателя — Марии Павловне Чеховой. Естественно, я очень волновалась, зная, что здесь живет Мария Павловна. Я ее никогда до этого не видела, она с экскурсантами встречалась довольно редко. Передо мной открыли дверь.

Я вошла в комнату, поздоровалась. Мария Павловна сидела за письменным столом, сразу очень мило улыбнулась и предложила мне сесть. И буквально с первых фраз весь мой страх просто пропал. Сестра великого писателя оказалась удивительно обаятельным, общительным человеком, с каким-то таким... добрым отношением, она задавала вопросы и внимательно меня слушала.

На второй день я уже работала в музее, потому что так случилось, что заболели экскурсоводы и мне надо было включаться в работу.

Со временем у нас с Марией Павловной сложились хорошие, доверительные отношения. Она была человеком с большим чувством юмора, а характером и поведением очень напоминала Антона Павловича. Я уже знала, что она любит музыку. У нее не было тогда радиоприемника — обыкновенный динамик. Мы получали газету, в которой была радиопрограмма, и она всегда отмечала, когда должен был выступить Художественный театр, какие чеховские пьесы шли, когда какой-то интересный концерт... Выступления Ивана Семеновича Козловского она старалась не пропустить. Я тогда не знала, что Мария Павловна так хорошо к нему относится.

Концерты Святослава Рихтера тоже отмечала, потому что замечательный пианист не раз приезжал в Ялту, жил в гурзуфском домике Ольги Леонардовны.

В один из летних дней 1949 года, после окончания работы, я сдавала Марии Павловне сводку-отчет. Она была явно в приподнятом настроении и вдруг очень лукаво улыбнулась, понизила голос, хотя в комнате мы были вдвоем, и тоном заговорщика сказала: «Душенька, приходите сегодня вечером, приедет Иван Семенович».

С того памятного вечера и началось мое знакомство с Иваном Семеновичем Козловским и его приезды на протяжении восьми лет в Дом Чеховых и встречи с Марией Павловной.

Я пришла вечером. Это был первый приезд артиста в Ялту. С ним были жена и дочери, тогда еще очень маленькие. Первая встреча произошла наверху, в комнате Марии Павловны. Но там оказалось очень тесно, поэтому вскоре все сошли на первый этаж. Внизу были накрыты столы, стояло шампанское... Получился очень хороший, интересный вечер, много

беседовали. В конце продолжительного застолья Иван Семенович вдруг поднялся... и запел. Запел сам, никто его не просил. В тот вечер он исполнил романсы «Я встретил вас» и «Я вас любил». Затем он спел арию из «Онегина», потому что здесь была и Ольга Леонардовна, это как раз был следующий год после юбилея Художественного театра. И закончил он свое выступление «Застольной» из оперы «Травиата».

Приезды Ивана Семеновича повторялись каждый год во время его отдыха в Крыму. Он приезжал, обязательно привозил с собой артистов — пианистов, певцов и непременно устраивал в музее маленькие концерты. Все собирались в гостиной, и певцы выступали под аккомпанемент чеховского пианино — эти вечера всегда проходили необыкновенно интересно.

Все приезды Ивана Семеновича для Марии Павловны были настоящими праздниками, которые очень интересно обставлялись и к которым всегда готовились основательно. Застолья в чеховском доме всегда были отменные — эта традиция велась еще со времен Антона Павловича: семья Чеховых была необыкновенно гостеприимной и хлебосольной. И при Марии Павловне в Ялте многие гости поражались обилию всяких закусок. Иван Семенович с удовольствием ел все, и очень часто повторял такую фразу: «Или нас в санаториях плохо кормят, или в чеховском доме очень вкусно готовят». В чеховском доме действительно готовили вкусно!

Застолья обыкновенно начинались в четыре — начале пятого и продолжались далеко за полночь, иногда до самого утра.

Е. П. А музей работал до 4-х вечера?

А. Х. Да. У Марии Павловны был строгий режим, к ней приходила медицинская сестра. Когда Иван Семенович в первый раз встретился с Марией Павловной, ей ведь уже было 86 лет. Она была очень бодра и не похожа на людей такого возраста, тем не менее медицинская сестра все-таки требовала, чтобы у Марии Павловны был строгий режим, чтобы в 11 часов она ложилась спать.

И когда Мария Павловна уходила из-за стола, она всегда просила не обращать на это внимания, просила гостей продолжать сидеть, сколько им понравится. «Мне, — говорила, — это даже приятно».

А утром, когда я приходила на работу, она обязательно просила рассказать, что было потом, особенно если произошло что-то смешное, интересное, потому что она как-то умела легко такие вещи воспринимать. А шуток и розыгрышей в чеховском доме было предостаточно.

Иван Семенович, приезжая в чеховский дом, всегда входил только через парадный вход, даже тогда, когда тот был закрыт для экскурсантов. Он всегда подходил к главной, парадной двери, звонил в чеховский звоночек — ему открывали, и тогда уже он поднимался к Марии Павловне наверх.

Как-то лето выдалось очень жаркое. Иван Семенович приехал в чеховский дом, позвонил, ему открыли — и стоит он в рубашечке, отложной воротничок, и галстука на нем нет. «Иван Семенович, — сказали ему, — как же так?! Вы к Марии Павловне — и без галстука!» Иван Семенович сделал вид, что очень смущен, поскольку приехал он к барышне не в том наряде, который соответствовал бы его, так сказать, положению. Но он ничего не сказал, виноватый поднялся наверх — и все!

Проходит три-четыре дня. Снова раздается звонок у входа, открываем дверь — на пороге стоит Иван Семенович с видом победителя: «Ну как?» Оказывается, он решил исправить досадную оплошность, допущенную несколько дней назад. И каким образом? — На шее у него красовалось сразу три (!) галстука.

Конечно, Мария Павловна очень смеялась, а он весь вечер оставался при трех галстуках, постоянно их поправляя.

Однажды Козловский приехал из города и привез веревочку, на которой были нанизаны, словно бусы, детские гуттаперчевые игрушечки, а внутри находились семена, которые гремели. Среди погремушек был попугай. Все это до сих пор хранится в чеховском доме.

Когда кто-то приходил в гости, Мария Павловна шутила, показывая на погремушки: «Вот смотрите, что мне привез Иван Семенович!»

Мария Павловна решила, что надо достойно отплатить Ивану Семеновичу и сделать ему свой, тоже какой-нибудь смешной подарок, но чтобы одновременно он и понравился. Поскольку сама она к тому времени уже редко выходила из дома, то поручила мне и своей помощнице купить для Ивана Семеновича такой подарок. Мы отправились в детский магазин,

где выбор наш остановился на игрушке, изображавшей лошадиную голову на палке. Когда мы позвонили Марии Павловне и сообщили, что мы приобрели, она очень обрадовалась: «Ой, это очень интересно!» Вероятно, она знала, что Иван Семенович когда-то, в годы гражданской войны, служил в кавалерии... Короче, ей эта идея очень понравилась. Мы купили лошадку, привезли и спрятали.

Наконец приехал Иван Семенович, посидели за столом — настроение у всех было прекрасное. Мария Павловна вдруг, улучив момент, сказала: «Да, Иван Семенович, я вот думаю, что вам надо сделать хороший подарок» — и вручила ему эту лошадку. Восторг был неописуемый! Иван Семенович тут же сел верхом на эту лошадь, проскакал на ней вокруг стола и даже спел что-то.

Сохранилась фотография: Иван Семенович в соломенной шляпе (типа сомбреро) верхом сидит на этой лошадке, и у него такое задорное лицо, такой вид — не иначе, ковбой заправский. Вот так была обыграна эта лошадка, которую артист увез с собой в Москву.

Однажды Иван Семенович приехал не один, а с гостями, и среди них была балерина Ольга Лепешинская. Сидели в гостиной, шутили, разговаривали, играли на пианино, танцевали вальс. Иван Семенович попросил балерину станцевать. И в маленькой чеховской гостиной был исполнен танец — бодрый, зажигательный, увлекательный. А в конце Лепешинская, будто смущенная, кинулась на диван и зарылась лицом в подушки. Мария Павловна все это восприняла очень хорошо.

Иван Семенович был первым поклонником Марии Павловны. Все остальные мужчины, которых он привозил с собой (они тоже стали ее поклонниками), появились уже позже. Между ними было шутливое соперничество: каждый старался добиться взаимности со стороны Марии Павловны. Каждый объяснялся ей в любви.

Больше всего было интересных розыгрышей с Дмитрием Николаевичем Журавлевым, хотя он всегда казался очень серьезным. Я прекрасно помню еще то время, когда Журавлев в чеховском доме читал «Даму с собачкой», а Мария Павловна подарила ему путеводитель, который он с нескрываемым восторгом принял. Это было летом, он расстегнул рубашку и,

приложив путеводитель (кстати, он был подписан Марией Павловной) к груди, сказал: «Я хочу, чтобы он был поближе к сердцу».

Когда Журавлев приезжал вместе с Козловским, то было смешно видеть сцены «ревности», которые разыгрывались перед Марией Павловной. Оба поочередно становились на колени, и не просто становились, а отталкивали друг друга. Один объяснялся в любви, потом другой объяснялся в любви, стараясь завоевать ее сердце. При этом соперники пытались «подорвать» авторитет друг друга. Сохранилось несколько фотографий того периода. На одной из них — Мария Павловна сидит, обняв обоих кавалеров.

Надо сказать, что столы в чеховском доме накрывали или в саду (когда была хорошая погода), или на первом этаже — в столовой (музей был на втором). Мария Павловна всегда спускалась вниз, где накрывали столы, а потом, по окончании вечера, поднималась к себе. Она совершенно свободно, без всякой одышки поднималась на третий этаж.

Однажды по окончании застолья Мария Павловна сказала, что ей пора идти (медсестра уже стояла на ступеньках, поторапливая ее). Иван Семенович вдруг подхватил Марию Павловну на руки очень легко, как перышко, — он же был высокий, крепкий, сильный, — и все как-то растерялись от неожиданности. А Мария Павловна восприняла все замечательно. Улыбнулась присутствующим и, с лукавой хитринкой в глазах, кокетливо спросила: «А это не опасно?» И Иван Семенович бережно понес ее наверх.

Самое интересное, что впоследствии многие (даже кто не присутствовал при этом) с восторгом вспоминали этот случай. А некоторые описали этот жест Козловского в своих мемуарах.

Был и такой любопытный случай. Однажды гости засиделись почти до самого утра — было тепло, сидели в саду. Неожиданно с дороги просигналила машина, раздались голоса. Иван Семенович сразу узнал голос Павла Герасимовича Лисициана, второй же голос принадлежал капитану теплохода «Россия» — Ивану Александровичу Манну. Иван Семенович очень обрадовался. Может, это он же и пригласил их — не знаю. Вновь прибывшие присоединились к застолью, а позже, когда Мария Павловна ушла, Иван Семенович предложил всем

поехать на «Россию». На рассвете, в пятом часу, все отправились на теплоход. Когда прибыли в порт, капитан уже волновался: минут через 10–15, по расписанию, теплоход должен был тронуться. Мы прошли через гостиную, где сидели палубные пассажиры, устроившись в уютных креслах и подремывая. Капитан открыл для нас двухместную каюту, где в одной из комнат было пианино. Немного поговорили, а капитан все волновался, посматривая на часы. И только все стали уходить, как вдруг Иван Семенович запел. И опять все сели, внимая дивному голосу. Снова возник разговор... И так продолжалось несколько раз: только собираются все уходить, чтобы теплоход мог отчалить, как вдруг снова начинают петь то Иван Семенович, то Павел Герасимович. Наверное, это был единственный случай в истории теплохода «Россия», когда он вышел из Ялты на час позже обычного.

Утром я, как обычно, рассказала Марии Павловне о том, что случилось после ее ухода. Она долго смеялась, а потом сказала: «Ну, Иван Семенович всегда что-нибудь придумает, всегда сделает что-нибудь. Даже теплоход остановил...»

Наряду с этим бывали и очень серьезные разговоры, очень! Иногда Мария Павловна просила артиста помочь музею: передать кому-то важное письмо, с кем-то встретиться в Москве... Он всегда откликался на эти просьбы. А иногда Иван Семенович приходил к Марии Павловне один, и тогда начинались продолжительные беседы о семье Чеховых, о жизни в Мелихове. И было такое ощущение, будто Мария Павловна заново переосмысливала и свою жизнь, и жизнь Антона Павловича. Она все соотносила с ним. Недаром Козловский однажды сказал: «Мария Павловна для меня — это Чехов после 1904 года».

Еще хочу подчеркнуть, что Иван Семенович очень глубоко знал творчество Чехова, он много читал, массу писем цитировал. Из всех его произведений Иван Семенович очень серьезно относился к рассказу «Архиерей», который, кстати сказать, критики обошли стороной.

Сам Антон Павлович, отправляя это сочинение в издательство, писал в сопроводительной записке, чтобы в нем ни в коем случае ничего не меняли, а если цензура хоть что-нибудь там исправит, он просил: «Не печатайте, верните мне рассказ!»

Мария Павловна всегда подчеркивала, что рассказ «Архиерей» — очень автобиографичный.

Когда Иван Семенович отдыхал в Крыму, то обычно в доме Чеховых появлялся каждые 3–4 дня. Если на пятый день его почему-либо не было, то Мария Павловна уже начинала волноваться. Придумывала разные праздники: день ангела, день рождения Ольги Леонардовны, день памяти Антона Павловича. И приезд Ивана Семеновича надо было обязательно отметить торжественно. Иногда ездили в Гурзуф, очень интересно проводили время.

Однажды там отмечали день именин Марии Павловны — это был 1952 год, 28 августа. Мария Павловна выехала в Гурзуф, а Ольга Леонардовна была уже там. Иван Семенович договорился в ялтинском порту, чтобы пришел пустой прогулочный катер, и устроил катание. Этот день получился необыкновенным, и было много гостей. Началось все с утра, с катания на катере, причем Иван Семенович и Марию Павловну, и Ольгу Леонардовну доставил туда на руках; причал был небольшой, катер ужасно раскачивало, и идти по сходням было опасно.

На следующий год Марии Павловне исполнялось 90 лет.

Мария Павловна, хочу заметить, не просто любила Ивана Семеновича — она его обожала. Его визиты были для нее праздниками, счастливыми мгновениями. Она вся преображалась, светилась радостью, когда появлялся Козловский.

Иногда его приезд бывал неожиданным и для нас, экскурсоводов, если это случалось без предварительного звонка. Бывало, проводишь экскурсию в кабинете, с серьезным видом рассказываешь о Чехове, люди стоят, внимательно слушают... — вдруг раздается пение Ивана Семеновича. Некоторые экскурсанты думали, что где-то просто включили радио. Я же сразу прекращала рассказ и поясняла: «Это поет Иван Семенович». Удивлялись: «Как Иван Семенович?! Где?» — «Да вот, внизу, на первом этаже». А Козловский поднимался на второй этаж, заходил в гостиную, открывал пианино и пел, сам себе аккомпанируя, и экскурсанты становились свидетелями таких импровизаций. Марии Павловне это очень нравилось. Она, кстати, всегда говорила и подчеркивала: «Я хочу, чтобы и после моей смерти было так... Не хочу, чтобы дом был такой...

засушенный музей». Она возмущалась, что кругом заградительные веревочки: туда нельзя, сюда нельзя... Она часто говорила: «Антон Павлович был очень жизнерадостным, любил людей, любил пение, шутки, и я хочу, чтобы это продолжалось всегда». Поэтому она обращалась к Ивану Семеновичу и к другим: «Приезжайте, вот пианино — здесь надо играть, петь...» Хочу сказать, что такое же отношение к музею было и у Ивана Семеновича. Позже он и другим музеям советовал обязательно иметь пианино, устраивать концерты: теперь это уже стало традицией во многих музеях, в том числе и в московских. А Иван Семенович такой позиции придерживался еще в те далекие 40–50-е годы.

Е. П. На всех вечерах в чеховском доме Иван Семенович был тамадой, и все это происходило необыкновенно интересно. Расскажите об одном из таких вечеров.

А. Х. В 1953 году, когда отметили 90-летие Марии Павловны, всем стало известно, что 12 августа у нее день рождения. До этого она скрывала, и было принято отмечать день ангела. А на следующий год 12 августа в чеховский дом пришли не только те, кого Мария Павловна пригласила, но и некоторые сами пришли поздравить ее. Гостей собралось очень много.

Любопытно, что многих сидящих за столом Иван Семенович видел впервые. Однако некоторое время спустя, делая паузы, он стал предлагать тост за каждого присутствующего, давая о госте исчерпывающую информацию. Все удивились: откуда он знает все про каждого?.. А он подходил к кому надо, чтобы чокнуться, а сам незаметно наводил справки. После этого лишь начинал говорить, поражая всех своей осведомленностью.

Сидит женщина, которую никто не знает. Иван Семенович начинает о ней говорить и сообщает, что она — любящая супруга своего мужа и помощница, а он благодаря ей — хороший врач в ялтинском санатории и всех хорошо лечит, а познакомились они на фронте и она тогда была медсестрой.

Представляя очередного гостя, Иван Семенович нередко отмечал любопытные детали. То ли он сам их придумывал — мы не знали. Только и спрашивали друг у друга: «Откуда Иван Семенович такое вот узнал?»

Как раз в тот вечер и мне досталось немножко в связи с его тостом. Летом того года приехал в Ялту племянник Антона Павловича — Сергей Михайлович. Мы с ним были очень дружны, хорошо общались. В один из выходных дней в музее, в понедельник, он приехал домой и пригласил меня покататься в горы. Хотел отправиться на Ай-Петри. Машину ему дал писатель Павленко: его машина, его же — водитель. И мы поехали. Покатались, полюбовались окрестностями и снова сели в машину, чтобы вернуться назад. И вдруг Сергей Михайлович говорит: «А теперь мы поедем в Мисхор — купаться в море». А он очень любил Мисхор, как и Иван Семенович. По дороге в Мисхор я сказала Сергею Михайловичу, что купаться не буду, потому что у меня нет купального костюма. А он и говорит: «Ну, заедем куда-нибудь по пути и купим». Мы приехали в Симеиз, вошли в магазин, — а это были те годы, когда не было таких красивых костюмов, как теперь. Были обычные, из простого трикотажа, из которого шили мужские майки. Висело очень много подобных купальных костюмов, но все огромного размера — 52-й, 54-й, а мой — 42–44-й. Однако я присмотрела костюм, похожий на маечку, и решила в дороге подогнать под свой размер.

Искупались, поплавали, вернулись домой уже под вечер. Видимо, как-нибудь наедине Мария Павловна поведала Ивану Семеновичу эту историю с купальником. Кроме нее, я об этом никому не рассказывала.

И вот однажды Иван Семенович, как всегда, поднимал за всех забавные тосты. Дошла очередь и до меня. Иван Семенович встает и говорит: «Вот сидит (показывая на меня), посмотрите, какая скромненькая, тоненькая девочка... И вот летом она уехала в горы с поклонником, уехала как человек — в платьице, а вернулась оттуда в греческом хитоне». Я, честно сказать, смутилась, потому как все повернули головы в мою сторону: уж не знаю, что кто подумал, но я была смущена. Вот такие милые были отношения.

В прежние годы в Ялте ежегодно проводились замечательные «Праздники песни». Это всегда происходило в начале осени, как раз в тот период, когда Иван Семенович приезжал в Ялту. Собирался огромный хор в парке. Многим казалось, что Козловский очень недоступный человек. А он каждый год,

принимал участие в этих праздниках, хотя на воздухе петь не так-то просто, да еще с хором, насчитывавшим около двух тысяч человек. Людей собиралось очень много, и Иван Семенович пел с этим сводным хором.

В Ялте у нас было педучилище со своей самодеятельностью и при клубе медработников была оперная студия, — Иван Семенович часто пел с ними. Таким образом, Ялта пользовалась его особым вниманием и расположением. Когда начинались эти праздники, меня всегда отпускали туда, и я уезжала вместе с Иваном Семеновичем.

Характер у Козловского был совсем не такой, как говорят о нем некоторые. Он был человек очень доступный, легкий, добрый, внимательный.

Меня всегда поражала его память. Он, например, всегда чтил дни памяти, знал, кто и когда ушел из жизни. Бывало, отдыхает в Ялте и вдруг вспоминает: завтра день памяти Качалова или день памяти такого-то. Обязательно пошлет телеграмму или позвонит. Даже в дни отдыха он удивительно чутко относился к памяти людей!

Более того, я знаю, что и в Ялте он помогал многим: приходили какие-то ученицы, которых надо было куда-то устроить, помочь поступить в музыкальное училище; кому-то надо было помочь приобрести пианино... О многом люди его просили. Не зная ничего этого, люди считали Ивана Семеновича суровым, жестким человеком. А он был необыкновенно добрым и отзывчивым.

Я уже говорила, что Мария Павловна всегда была счастлива, когда приезжал артист. Но, по-моему, и сам Иван Семенович был счастлив в ялтинские периоды, потому что невозможно так раскованно веселиться, не будучи переполненным радостью и жизнью. Он очень любил Крым, любил море, солнце, много плавал, всегда бывал загорелым, пел по поводу и без него. Не петь, похоже, он не мог. Чаще всего в чеховском доме звучали романсы, которые были адресованы Марии Павловне: «Я встретил вас», «Я вас любил», «Застольная» из оперы «Травиата» и другие. Иногда он пел дуэтом с Ольгой Леонардовной. А с Ириной Федоровной Шаляпиной пел раза два, когда их пребывание в Крыму совпало. Они аккомпанировали себе на гитаре и напевали романсы.

Иван Семенович очень любил танцевать, особенно с Марией Павловной. Ей уже было за девяносто, а вальсировала она прекрасно! Иван Семенович вел ее очень нежно, тихонечко нашептывая что-то. Это было замечательно.

В 1980 году музей наш открылся после капитального ремонта и реставрации. Тогда я вспомнила, что 9 сентября 1899 года Чехов вселился в свой только что выстроенный дом, и поняла, что эту дату нужно всегда отмечать как день чеховского новоселья. (Мы так и делаем до сих пор.)

Я стала думать: кого бы пригласить? И совершенно неожиданно 5 сентября в музей пришла телефонограмма: Иван Семенович сообщал, что он в Артеке. Туда приехали дети из музыкальной школы его родной Марьяновки, и он будет с ними выступать на большой костровой площадке.

В эти же дни на отдыхе в Ялте находилась Майя Владимировна Водовозова. Она просила, чтобы ей дали знать, когда появится Иван Семенович: ей очень хотелось встретиться с ним в Крыму. Я сообщила ей о телеграмме и о том, что завтра мы едем в Артек, где будет петь Иван Семенович. По дороге я поделилась с Майей Владимировной своей идеей — пригласить певца на 9 сентября вместе с ребятами из Марьяновки.

Мы с ней приехали и сели среди публики, зная, что перед концертом Козловский всегда строг, сдержан и отвлекать его не надо. После концерта из-за долгого пения на воздухе его сразу посадили в машину, чтобы поскорее увезти. Я подошла к машине, поздоровалась с Иваном Семеновичем и изложила свою идею: «9-го — день чеховского новоселья. Надо устроить праздник. Я прошу, чтобы Вы на нем попели». Он посмотрел на меня лукаво и сказал: «Ишь, хитренькая, чего захотела!» Трудно было понять: приедет он или нет, но его поведение, лукавая улыбка подсказывали, что скорее всего он приедет петь в Чеховский дом.

На следующий день я, как всегда, отправилась на работу. Сижу в своей комнате на первом этаже и вдруг вижу: мимо окна промелькнули преподаватели марьяновской школы. Я смекнула — это Иван Семенович направил сюда послов, чтобы те подготовили здесь почву. А через некоторое время приехал и он сам.

Концерт получился необыкновенный, и продолжался он около пяти часов. Иван Семенович пел один, пел с хором, выступали дети — пели, играли на своих инструментах. И все это была классика.

Иван Семенович выходил на парадное крыльцо Чеховского дома и пел с него. Аккомпанировали ему на чеховском пианино. Затем он выходил на другое крыльцо, обращенное во двор, где собралось огромное количество людей. Причем мы никого не приглашали заранее — в основном это были экскурсанты. Мы и сами не ожидали, что окажется так много народу, что буквально места не будет свободного, — даже наверху, на самой дороге стояли люди.

Помимо марьяновского хора, из Артека приехал и детский духовой оркестр из Перми. Когда юные музыканты заиграли полонез, Иван Семенович на крыльце станцевал его в паре с Катей Батуриной, тогда еще совсем девочкой. А потом она играла на арфе, аккомпанируя Ивану Семеновичу...

В 1981 году артист последний раз был в Ялте...

Мне хотелось бы вспомнить о визитах Ивана Семеновича уже после смерти Марии Павловны. Ведь он и тогда не переставал думать о Чеховском доме. Даже когда шел ремонт и Чеховский дом был закрыт для посетителей, Иван Семенович все равно приезжал. Он очень печалился о том, что в музее маленький штат, а увеличить его весьма сложно — это связано с бюджетом. Тем не менее Иван Семенович выхлопотал штатную единицу агронома для чеховского сада, потому что одному садовнику было трудно содержать очень большой сад, где было много старых деревьев. А еще он добился штатной единицы библиотекаря, так как своя научная библиотека у нас имелась, а обычной библиотеки не было.

Кроме того, у нас была очень высокая посещаемость — около 270 тыс. человек в год. Музей мог не выдержать такой перегрузки. Приняли решение: построить рядом павильон для лектория, однако на полпути строительство заморозили, отказали в финансировании. Иван Семенович, который отдыхал тогда в санатории «Сосновая роща», приехал, посмотрел, узнал, что не дают денег на окончание строительства, и сказал: «Со мной в санатории отдыхает замминистра финансов. Приез-

жай — и все будет зависеть от тебя. Если очаруешь его, то он даст денег на строительство».

Мы приехали вдвоем с Ниной Феодосьевной Слезиной — секретарем артиста. Мы долго общались с Иваном Семеновичем, пока не пришла пора ужина. Он приглашал нас, но мы отказались и остановились у столовой: «Идите ужинайте, а мы здесь подождем».

Вскоре начали выходить отдыхающие, которые уже поужинали. И каждый из них подходит к нам: кто бутербродик поднесет, кто котлетку, кто еще чего-нибудь — у нас уже полные руки, а нам все несут и приговаривают: «Иван Семенович просил, чтобы мы вас не отпускали, накормили, а то вы голодные».

Наконец появляется человек, солидный по возрасту, очень полный, и тоже говорит: «Иван Семенович просил, чтобы я вас никуда не отпускал». Вышел Иван Семенович и представил нам его: «Это — замминистра финансов, вот с ним можно поговорить». Но сразу разговора у нас не получилось, и тогда я пригласила его в музей.

Он вскоре приехал. Позже выяснилось, что сын его был женат на внучке Леонидова — артиста Художественного театра. Замминистра осмотрел строившееся здание, ко всему отнесся внимательно. И вдруг пригласил меня в ресторан. Пришлось мне начальству объяснять, что я веду дипломатические переговоры ради денежной поддержки музею. Мы сидели в ресторане, и говорили, говорили, говорили...

А осенью возобновилось финансирование нашей стройки, благодаря чему мы получили новое сооружение, как мы его назвали — павильон, здание для литературной экспозиции и наших рабочих помещений.

То, что здание это построено, смело можно сказать — забота Ивана Семеновича. И если Мария Павловна часто повторяла: «Это все ваше, это я для вас сохранила, храните дальше, пользуйтесь этим всегда», — то Иван Семенович любил повторять: «Спешите делать добро!» И сам следовал этому всю жизнь.

15 января 1957 года умерла Мария Павловна. Иван Семенович направил художника Юрия Андреевича Корлякова с последним поклоном замечательной женщине и венок с надписью: «Спасибо, что Вы жили среди нас». Кроме того, Юра Корляков

привез аудиокассету с записями Ивана Семеновича, Марии Петровны Максаковой и Дмитрия Николаевича Журавлева.

Летом того же года Иван Семенович, как обычно, приехал отдыхать и привез с собой в шкатулке немного земли с могилы Антона Павловича, что на Новодевичьем кладбище. Эта земля была доставлена на могилу его сестры в Ялте. После этого в Чеховском доме устроили вечер памяти Марии Павловны. В тот день Иван Семенович сделал запись в Книге почетных посетителей (надо заметить, сколько бы раз ни бывал здесь певец, Мария Павловна никогда не давала ему эту книгу — настолько он считался своим, близким). После смерти Марии Павловны запись Козловского была фактически последней. Мы эту книгу сохранили как музейный экспонат, больше в ней никто не писал. Иван Семенович написал следующее:

«Ум — радость человека. Умом, сердцем сегодня, как и прежде, в этом доме сознаем, ощущаем цветение человека. Вечер-беседа памяти Марии Павловны. И. Козловский».

Далее следовали подписи других лиц, присутствовавших на том вечере.

Москва, 1999 г.

Николай Соколов

КРЫМСКИЕ ВЕЧЕРА

В сентябре — день рождения Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой. В наш гурзуфский Дом творчества позвонили и передали от нее приглашение мне и Наде приехать вечером в Ялту.

Мы собрались и поехали.

Очень хотелось подарить Ольге Леонардовне букет роз. Но в магазине купить их не удалось, а строгие хранители ялтинского парка никак не соглашались срезать хотя бы одну розу.

Что же делать?

Со мной был «напалечник», небольшой ящик с красками. И я подумал: «Если нельзя срезать живые розы, надо написать их с натуры и подарить Ольге Леонардовне этюд». Я расположился на газоне и написал на холсте несколько роз прямо с куста.

Эти «розы» мы и преподнесли с поздравительной надписью, извинившись, что не нашли живых. Ольга Леонардовна, взяв подарок, сказала:

— Живые розы скоро завяли бы, а эти будут у меня цвести всегда.

Артист И. С. Козловский, бывший в числе гостей Ольги Леонардовны, созорничал, приписав на моем этюде, что эти розы написаны по его заданию, и тоже расписался.

В тот вечер, как, впрочем, и всегда, когда собиралась какая-либо компания в чеховском домике на Аутке, было весело, интересно, царила непринужденная обстановка.

Сначала мы гуляли по саду, потом собрались к столу на террасе у деревянного раскрашенного пса-мопса. И здесь, как и в саду, всех до поздней ночи развлекал любимец Ольги Леонардовны и Марии Павловны — остроумный, веселый, неутомимый на всякие шутки и озорство Иван Семенович Козловский. Хорошо было то, что, развлекая других, он и сам искренне веселился и получал от этого большое удовольствие. Чудесно пел романсы под собственный аккомпанемент на гитаре, шутливо при этом подбадривая себя:

— Молодец, Ваня! Давай, Ваня!

Однажды на дне рождения Марии Павловны Чеховой, праздновавшей свое 90-летие в гурзуфском домике Ольги Леонардовны, Козловский веселил публику и балагурил с двенадцати часов дня до двенадцати ночи. Чего он только не проделывал, чтобы развлечь и порадовать юбиляршу и хозяйку дома!

Заплывал в море и оттуда пел «Плыви, мой челн», затем пригнал из Ялты пустой катер, на который он внес на руках обеих хозяек, катал их и гостей по морю мимо горы Аюдаг. Втайне от всех пригласил оркестр из четырех музыкантов гурзуфского ресторана, и тот, укрывшись за занавеской террасы, неожиданно грянул итальянскую песню «О Мари». Козловский сам пел эту песню. Потом изображал похищение Ольги Леонардовны: надев большую шляпу и закутав черной накидкой себя и ее, представлял бешеную скачку на коне. Он даже танцевал лезгинку вдвоем с девяностолетней Марией Павловной, поминутно объясняясь ей в любви.

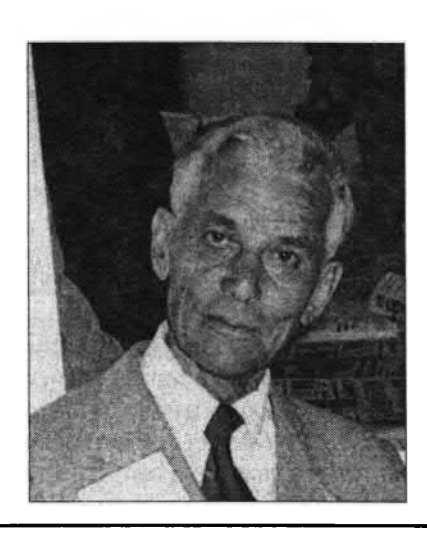
— Мой Ромео... — говорила она, смеясь.

Обе женщины всегда с оживлением ждали приезда Козловского. Иногда теплыми крымскими вечерами Иван Семенович вдвоем с Ольгой Леонардовной, склонив друг к другу

головы, тихо пели под гитару старинные романсы или что-нибудь на итальянском языке. Пели с большим чувством, очень трогательно...

Примечания

Из книги «Наброски по памяти» (М.: Искусство, 1984. С. 101–102).

Владимир Лебедев

НОВОГОДНИЕ ВСТРЕЧИ У КОЗЛОВСКОГО

Встреча Нового года — это необыкновенный праздник, лучше которого не бывает. В любом возрасте, в любой стране, в знойных тропиках или в царстве холода — это всегда главная радость года.

С раннего детства мы проникаемся сказочным духом этого праздника, когда таинственный, седой и добрый Дед Мороз с юной Снегурочкой приходит к нам под Новый год и дарит всем подарки, радость и надежду.

Став взрослыми и даже такими же седыми, как Дед Мороз, мы с трепетом ожидаем встречи с Новым годом. И кажется, что нет уже у нас почтенных лет и горького опыта жизни. И мы, как и в детстве, ожидаем чего-то нового, хорошего, желанного... В такой праздник мы до глубокой старости чувствуем себя детьми, у которых впереди большое будущее.

Бытует мнение, что как встретишь Новый год, то таким он и будет. Но это лотерейная версия, хотя в нее верят многие.

Поэтому стараются изо всех сил, чтобы праздничный стол ломился от всяческой еды и питья — чтобы было весело и сытно.

Сгущенное веселье в бутылках с названиями мировых марочных вин гордо фанфарит о благосостоянии хозяев. И не важно, что на этикетках мелким, стыдливо-застенчивым петитом указывается место изготовления, — например, станция Тумская или деревня Бараки. Скромность украшает не только человека, но и проходимцев.

И как только все эти выпивоны и закусоны будут упакованы каждым застольщиком в свои личные емкости, начинается новогоднее веселье. С тяжелым выдохом отваливают, измученные, от новогоднего стола и томно млеют под рычанье, вой и свистопляску телевизионного шоу. Сытый покой делает чудеса — прошлое, настоящее и будущее витают где-то в других созвездиях. Жизнь замечательная — праздник удался... Это, так сказать, визитная карточка обыкновенного новогоднего праздника. Но имеют место и другие варианты.

Однажды по воле судьбы очутился я в Москве в декабре 1955-го, в канун Нового года. Ехал я к родителям и был транзитным пассажиром. В моем распоряжении был целый день. Накупив гостинцев, я поехал к Ивану Семеновичу Козловскому, с которым подружился в мае 1951 года.

Встретили меня радушно, сердечно и тут же пригласили к знаменитому овальному столу. Там уже трапезничали Иван Семенович, его сестра Анастасия Семеновна и Петр Павлович Никитин, его концертмейстер.

О подвиге Никитина в свое время писали газеты. Ему в войну пулеметной очередью раздробило кисть правой руки. Казалось, что на карьере пианиста можно поставить крест. Но Никитин попросил не ампутировать ему кисть, а сохранить, проведя операцию по ее восстановлению... без наркоза! Претерпевая жестокую боль, постоянно проверяя движением правильность соединения косточек, мышц и прочего, он координировал всю операцию!.. И не меньший подвиг совершил потом, когда невероятнейшим трудом образовывал себя в известнейшего концертмейстера Москвы.

...Шла спокойная, задушевная беседа. Петр Павлович не торопясь потягивал водочку, Иван Семенович смаковал настой шиповника и похрустывал свежей морковкой. Мне предложили ряд вин — я остановился на коньячном напитке, принесенном с собой.

Но не это было главным за столом: не вино и не закуски, которыми заботливо потчевали Анастасия Семеновна и домработница Аня.

«Володечка, вот, попробуй моих пирожков с фасолью и маком, ты таких больше нигде не найдешь...»

Главными здесь были радушие, взаимное душевное притяжение и простота. Каждый как бы понимал свою ответственность за свои дела в уходящем году. Как будто тщательно всматривались они в свои воспоминания и выбирали оттуда то главное, без чего нельзя было жить в дальнейшем.

Разговоры велись на разные темы, но камертоном их был Иван Семенович.

— Ну как, Володя, ежиная жизнь? Все воюешь с бюрократами?

— А как же иначе, Иван Семенович? И откуда их столько? Если не будешь ежистым — задавят любую мысль, любую пользу...

— Да, в искусстве тоже такого «добра» хватает...

Почти непрерывно, как бы соревнуясь, перезванивались телефоны и дверной звонок.

И Анастасия Семеновна, словно молодая непоседа, порхала от стола — то к телефону, то в прихожую, то на кухню. В то время она была похожа на ангела-хранителя покоя и домашнего уклада жизни Ивана Семеновича. Она очень любила брата и жила только его заботами, его успехами и радостями. И знала, кого из сонмища жаждущих допустить к телефонному разговору с Иваном Семеновичем. Что же касается посетителей, то дежурной вахтерше тоже давались соответствующие указания.

Постоянно поступающие телеграммы и письма-телеграммы (была такая удобная и дешевая форма связи) Анастасия Семеновна приносила и укладывала в растущую стопу на столе. По своему выбору она вслух читала некоторые из них. И эта стопа, лежащая перед ней, казалось, согревала ее своим человечье-душевным теплом. Вот она читает письмо москвички Найденовой:

«Иван Семенович!

Хочу, чтоб к Вам без промедления
Поехал Дедушка-Мороз,

Отвез привет и поздравленье
И добрых пожеланий воз.
Пусть он Вам скажет в добавленье,
Что в пятьдесят шестом году
Я, с Вашего соизволенья,
К Вам на полчасика зайду.
А если время есть у Вас,
Могу зайти на целый час!

От души желаю Вам и Вашим близким доброго Нового года, — здоровья, благополучия, успехов, радостей!

Привет и поздравления от моего семейства!

Уважающая Вас Н. Найденова».

Всю праздничную корреспонденцию Иван Семенович читал, а кое-что перечитывал потом, в течение многих дней, вернее, ночей, поскольку днем для этого у него не было возможности.

Интересно еще то, что новогодние праздники у Ивана Семеновича продолжались много дней. Он то у себя принимал гостей, то сам был дорогим и желанным гостем у известных деятелей культуры, искусства, науки. И конечно, выступления на приемах: в Кремле, на вечерах и концертах. Это требовало больших затрат сил и жизненной энергии, и поэтому Иван Семенович любил редкие спокойные, по-семейному уютные домашние посиделки.

Вот и на этот раз Иван Семенович, погревшись у «домашнего очага», решил встретить Новый год в Снегирях, на даче, погруженной в зимний лес. Оказывается, весь вечер его ожидал личный шофер.

Иван Семенович пригласил меня составить им компанию, но я с большим сожалением отказался, так как в первом часу ночи отправлялся мой поезд на Иваново. Тогда Иван Семенович организовал мне билет на симфонический концерт в Большом зале Консерватории, и мы, обменявшись предновогодними взаимностями, расстались...

И мне иногда кажется, что то был сказочный, новогодний мираж, но фотографии... Они оживляют прошлое, и тогда воспоминания навевают светлую грусть о невозвратном...

Но были у Козловского и такие застолья, что вызывали общественный интерес и становились праздником большого искусства.

В 1974 году Центральное телевидение по сценарию Ивана Семеновича сняло телефильм «В гостях у Козловского». Это был как бы художественный репортаж о встрече Нового года в квартире великого певца.

Гостей здесь собралось более пятидесяти человек, среди них академики, дипломаты, композиторы, ученые, артисты, певцы, музыканты. Многие имена были овеяны славой и известностью. Это академики Несмеянов и Артоболевский, И. Шаляпина и Ю. Солнцева, С. Бондарчук и И. Скобцева, арфистки В. Дулова и М. Сорокоумовская, профессора К. Птица, А. Батурин, М. Зозуля, певицы Г. Писаренко, Н. Чубенко, К. Цыбина и многие другие.

...За большим Т-образным столом, соединившим две комнаты, сервированным в соответствии новогоднему рауту и облагороженным красивыми канделябрами с горящими свечами, уместились те, кому было положено по «чину». За роялем и в прихожей — хористы, музыканты, обслуживающий персонал.

Иван Семенович красиво выделялся своей изящно-артистической статью. Его фрак и бабочка подчеркивали особую праздничность происходящего.

Вот он подходит к деревянной винтовой лесенке, ведущей на второй этаж квартиры, по которой спускается любимица Козловского — юная внучка Анюта. Иван Семенович подхватывает ее на руки и поет фрагмент из арии Фауста:

> Здесь светлый ангел обитает...
> О ней, о ней, прелестной...
> Навек она моя!..

Оба направляются к роялю, и там Анюта и Наташа Полях читают по-английски и по-русски стихи о зиме и под аккомпанемент Ивана Семеновича поют дуэтом «Как на тоненький ледок».

Около рояля появляется мальчик Слава Андреев. Иван Семенович, аккомпанируя на рояле, исполняет с ним песню «Слети к нам, тихий вечер».

Так началась творческая часть новогоднего вечера. Все собравшиеся были одновременно и зрителями и участниками праздничного действа. И дирижировал всем этим Иван Семенович. Его режиссерская линия была настолько тщательно продумана и так красиво подавалась, что все происходящее казалось привлекательной импровизацией.

...Иван Семенович за роялем. Вслед затихшим звукам песни «Слети к нам, тихий вечер» возникает новый аккорд, и голос Козловского, словно взметенный бурей, взвивается в зачарованной тишине — «Реве та стогне Дніпр широкий...» Песню подхватывают хористы и арфа М. Сорокоумовской.

И впечатляющая картина бушующей непогоды вытесняет из сознания окружающую обстановку. Но вдруг на какое-то время эта мощная полифония несколько затихает, и на ее фоне звучит голос Сергея Бондарчука, читающего бессмертные строчки Тараса Шевченко...

После бурных оваций Анна Ивановна, старшая дочь певца, представляет дипломата А. Громова, который показывает свой фильм о пребывании Ивана Семеновича на Цейлоне.

Праздник продолжается, и Козловский, как опытный конферансье, с живой лукавинкой представляет очередного участника — академика Несмеянова:

«Александр Николаевич — недаром я сказал, что он „о-го-го", как на Украине говорят, — к тому же еще и поэт. И поэтические его творения вы сегодня услышите».

«А вот Кира Павловна, — говорит он певице, стоящей у рояля, — это та прелестница, которая, как выражаются на Украине, „крутнула хвостом і бувай здорова". Вот так она со мной поступила. Но я ее ценю, люблю».

Тут следует пояснить, что Кира Цыбина закончила Московскую консерваторию и МГИМО. Около года концертировала она с Иваном Семеновичем, но, трезво оценив свои певческие возможности, оставила концертную деятельность и занялась наукой, стала кандидатом исторических наук. Но до сего времени она занимается в оперной студии при московском Доме ученых.

Но вернемся к вечеру. Он длился не один час, и многие утомились от продолжительного сидения и напрасного созерцания вин и яств, так притягательно расположенных перед

ними. Но у телевидения свои требования, и поэтому все испытывали свое терпение.

Но вот около рояля появились Иван Семенович и Галина Писаренко, тогда еще заслуженная артистка РСФСР. Зазвучал их изумительный дуэт в нестареющей элегии «Не искушай» в сопровождении арфы Веры Дуловой и рояля. Сразу были забыты и усталость, и жажда, и прочее, и прочее. А когда послышались пленительные слова «Застольной» Верди:

Высоко поднимем мы кубок веселья
И жадно прильнем к нему устами... —

все поняли, что это кульминация вечера и настала пора утолить жажду.

...Это был удивительный, я бы сказал, поучительный новогодний вечер, собравший интересных и талантливых людей, «духовной жаждою томимых», не ради общего застолья для поглощения пищи, но во имя творческой радости и взаимной душевной приязни.

А Иван Семенович, по-домашнему простой и гостеприимный и в то же время по-светски корректный и обаятельный, был душой этого восхитительного вечера.

Но «замолкли звуки чудных песен», и медленная Лета поглощает даже память об этих вечерах.

И как говорится в латинской пословице — «Слова улетают, написанное остается». Вот я и записал для вас свои воспоминания о далеком прекрасном, когда жизнь была богата дружбой, благополучием и вся пронизана счастьем.

«ХРИСТОС ВОСКРЕС»

Иван Семенович Козловский — один из замечательных представителей блестящей плеяды выдающихся основоположников русской вокальной школы, таких певцов, как Федор Шаляпин, Леонид Собинов, Антонина Нежданова.

Одной из отличительных особенностей этой школы является не только совершенная вокальная техника и культура, но и высокая духовность, глубокое проникновение певцов в сущность исполняемого произведения.

«Козловский как человеческая личность был символом высокой культуры, в том числе и религиозной», — говорил ныне покойный митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим, долгие годы друживший с Иваном Семеновичем.

Всю жизнь Козловский сверял свое бытие с канонами христианской веры, и его репертуар включает в себя многие произведения духовной музыки. Он исполнял и старинные знаменные напевы XI–XII веков, и духовную музыку русских композиторов: Чеснокова, Бортнянского, Воротникова. Перед Святейшим патриархом Алексием I и Священным Синодом он впервые исполнил четыре произведения из «Всенощного бдения» Сергея Рахманинова.

Козловского всегда привлекали вокальные произведения светского характера, содержащие духовную направленность. Он искал и преподносил слушателям свои удивительные находки.

Так, в 1960 году он записал с хором и оркестром Большого театра кантату Глинки «Молитва» на стихи М. Ю. Лермонтова. До этого она никогда не исполнялась, пролежав в забвении 105 лет!

Отличная дикция, прекрасная кантилена, возвышенно-волнующее тремоло голоса, сверкающего необыкновенными переливами тембра, производили чарующее впечатление.

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

И в прекрасном, возвышенном настрое молитвы сливаются воедино и музыка, и слова, и вдохновенный голос певца:

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

Иван Семенович был разносторонним человеком. Глубокий философский ум, высокая эрудированность, реальное понимание и оценка окружающего мира, удивительная общительность, интерес к людям самых разных профессий и,

конечно, необыкновенная миссия его как певца — все это всегда привлекало и притягивало к нему людей талантливых и неординарных. Он их ценил и дружил с ними. Но и с людьми, гордыми своим обывательским благополучием, он был тактичен и уважителен, хотя и сторонился их.

И вполне может быть, что при исполнении романса Чайковского «Слеза дрожит» Козловскому помогали какие-то ассоциации с его повседневной жизнью. Не потому ли такой ласковой, нежной философской грустью и душевной теплотой окрашены слова его утешения:

Но не грусти, мой друг, земное минет горе,
Пожди еще, неволя недолга —
В одну любовь мы все сольемся вскоре,
В одну любовь, широкую как море,
Что не вместят земные берега!

В другом произведении, романсе композитора В. Кикты, Козловский продолжает мысль о бренности земной жизни. Философ по природе, певец очень любил произведения с таким философским звучанием.

Кружись, кружись, веретено,
Веретено мечты.
Что нам дано, что суждено
За гранью темноты?
Все краски детства там живут
И нас упрямо ждут.
Но кто и как подаст нам знать,
Что мы чужие тут?

Но на Земле нет ответа на этот вопрос.

В 1947 году И. С. Козловский записал романс С. Василенко на стихи А. Блока «Девушка пела...» Очевидно, что причиной выбора певцом этого романса послужила трагедия Великой Отечественной войны, унесшей миллионы человеческих жизней.

По-видимому, этот романс отвечал гражданской и духовной позиции певца, который не мог не откликнуться на общественную скорбь. Романс звучал как своеобразный реквием памяти ушедших. Красивой, светлой кантиленой вводит нас Козловский в церковный храм, где молятся за всех уставших,

ушедших, за всех, забывших радость свою. И всем казалось, что радость будет. Но нет, во время молитвы заплакал ребенок, как бы вещавший о том, что никто из ушедших не вернется назад.

Продолжая тему неповторимости земной жизни, в романсе Пичугина на стихи И. Бунина «И цветы, и шмели, и трава, и колосья...» Козловский выказывает душевную благодарность Господу за счастье ощущения прелести земной природы.

Образ Создателя волновал и притягивал к себе Козловского на протяжении всей жизни. Ведь веру в него заложили ему с детства. Уже с семи с половиной лет он служил Святой вере в Михайловском монастыре в Киеве.

И, культивируя свой разум разносторонними познаниями в литературе, музыке, живописи, Козловский не мог не задаться вопросом об облике Спасителя.

В квартире певца есть живописные изображения Христа, большое полотно «Божья Матерь» Бофстрема, но он искал чего-то иного...

И он нашел это в «Стихотворениях в прозе» И. С. Тургенева. Одно из них так и называется: «Христос». К счастью, это произведение в исполнении Ивана Семеновича было записано и сохранилось на пленке. И теперь можно узнать Козловского и как мастера художественного слова. Присущее ему музыкальное звучание фраз, замечательные акцентные паузы, волнение в голосе рассказчика от увиденного облика Христа — все это создает ощущение реального небесного явления.

Христианская вера была для Козловского не какой-то догмой, а опорой, помогавшей ему оберегать свои духовные и нравственные принципы. Христианская вера была для него камертоном его гражданских позиций, и в 60-х годах в репертуаре певца появилось редко звучащее произведение Сергея Рахманинова на стихи Д. Мережковского «Христос воскрес».

Этот романс, насыщенный гневным протестом против лицемерия и жестокости, Козловский исполнял страстно, с пафосом. Ивану Семеновичу во время записи было восемьдесят, и поэтому в словах:

Пора, пора! Покоя тело просит,
Душа устала в вихре дня... —

возрастной оттенок звучания усиливал психологическое восприятие исполнения, доводя его до живительного слияния музыкального образа с образом певца.

Таких патриархов искусства пения и с таким жизненным стажем, как Иван Семенович Козловский, очень мало, недаром их называют явлением столетий.

Тема духовного сопереживания земным страданиям и горю человеческому прекрасно отображена Козловским в романсе Чайковского «Горними тихо летела душа небесами». Эта красивая философская элегия звучит у певца нежно и возвышенно. Воздушно струится кантилена повествования — грустную душу светила вопрошают о причине ее слез. «Я людских страданий не забыла», — отвечает она и просит: «О, отпусти меня снова, Создатель, на землю. Было б о ком пожалеть и утешить кого бы!»

Каждое слово романса окутано как бы нежно-потаенным дыханием, и от этого слова кажутся воздушными, небесными и ощущаются легкими, как светлые мысли разума.

Такого больше нигде не встретишь — Козловский попытался показать духовный мир разума в земных звуках, и это ему прекрасно удалось.

Волнующее, тонко-кружевное вибрато голоса передает глубокое страдание души, не забывшей земного горя. А сколько нежнейших тембральных оттенков в голосе! А сколько страстной мольбы и экспрессии в словах «О, отпусти меня...» Так может умолять только неравнодушная душа, принадлежащая доброму, душевному человеку.

Но, видимо, мало таких душ, иначе встречные светила не удивлялись бы волнению этой человеческой души, не успокоившейся от земных страданий и не удовлетворенной небесным блаженством.

И логическим завершением обзора о духовно-философском начале в творческом наследии Ивана Семеновича Козловского может служить рассказ о романсе Чайковского на стихи Д. Мережковского «Если розы тихо осыпаются». Он был записан на сольном концерте певца в Большом зале Консер-

ватории, когда Ивану Семеновичу было уже за восемьдесят. Казалось, время не властно над ним. Конечно, кое-какие возрастные изменения наложили свой отпечаток, но верха́ еще сверкали красотой, а четкость дикции и завораживающая кантилена так же, как и прежде, украшали исполнение.

Это романс с глубоким философским наполнением и с необычной темой — в нем воспевается смерть. Но слова не устрашали, а мелодия была светлой и напевной, и голос певца пасторски убеждал:

У нее, наставницы божественной,
Научитесь, люди, умирать,
Чтоб с улыбкой кроткой и торжественной
Свой конец безропотно встречать.

И что удивительно — романс оставляет оптимистическое настроение. Так велика была сила божественного искусства певца, что побеждала вечный страх пред закономерной неизбежностью.

Он и сам явил миру пример кротости и торжественности своего земного свершения.

И память о нем не канет в Лету.

«ЛЕЧУ Я К ВАМ ПАМЯТЬЮ ЖАДНОЙ...»

Хвалят человека по мере разума его...

(Библия. Книга притчей Соломоновых. Гл. 12)

Когда рассматриваешь только заголовки публикаций, то поражают бушующие эмоции и восхищение, посвященные замечательному певцу Ивану Семеновичу Козловскому.

«Великий певец», «необыкновенное явление», «неповторимый», «любимый», «голос ювелирной чистоты», «музыкант до мозга костей», «очаровательный», «гордость русской музыки», «все в нем прекрасно», «радость безмерная», «патриарх оперной сцены», «божественный посол» — не счесть восторженных эпитетов, адресованных этому действительно необыкновенному человеку.

Судите сами. Певцу 87 лет, а он в полную силу выступает и дает сольные концерты. И какие — с совершенно новыми номерами, не звучавшими ранее!

Взять для примера хотя бы сольный концерт в мае 1987 года в Большом зале Консерватории, состоявший из редко исполняемых рахманиновских произведений, таких как «Монолог Пимена», «Христос воскрес». Следует отметить, что концерт этот был благотворительным, сбор от него шел в фонд сельской музыкальной школы, которую Козловский на свои средства организовал и открыл на своей родине — в селе Марьяновка, что под Киевом.

В 80-е годы он записал оперу «Галька» С. Монюшко. Физические и вокальные возможности артиста, казалось, были беспредельны и поражали воображение. На своем 90-летнем юбилее в Большом театре он легко поднял на руки и элегантно пронес по сцене пришедшую поздравить его Юлию Борисову, актрису театра им. Вахтангова. А после своего 90-летия И. С. Козловский записал на телевидении романсы С. В. Рахманинова — «Проходит все» и др.

Он был человеком необыкновенным и оригинальным всегда и во всем. Везде становился душой общества. Где бы он ни появлялся, всегда там закипала жизнь, возникало творческое горение, накал душевных отношений.

Иван Семенович был истинным христианином — не просто верующим в Бога, но истово соблюдавшим все заветы Его.

Козловский испытал все искушения в жизни: и значительные материальные поощрения, и множество признаний фанатически влюбленных поклонниц, и всенародную славу, и фавор первых людей государства — и при этом остался простым человеком, всегда живущим в преклонении перед Богом и памятью своих родителей. Основой его жизни были благодарность и любовь к Богу, к родителям и ко всем добрым людям, встретившимся на его жизненном пути. А таких людей было неимоверное количество — многие тысячи. И помнил он их всех, как помнил своих близких и дальних родственников, и всегда помогал тем, кому было трудно.

Вы скептически скажете: подумаешь, с его-то возможностями! А вы сами весточку хотя бы раз в год посылаете своим близким и дальними родственникам?.. Вот то-то и оно.

А Козловский переписывался со многими сотнями людей. И не просто переписывался, а знал и помнил их положение и заботы.

Помню, перевели меня по работе из Новосибирска во Владимир. Город был мне незнаком, и я на первых порах ощущал некоторое одиночество. Иван Семенович, понимая мое состояние, порекомендовал мне познакомиться во Владимире со своей поклонницей — Еленой Константиновной Денбновецкой. Она работала начальником горплана при горисполкоме и имела, как раньше говорили, на выданье двух очаровательных дочек... Они были удивительно похожи на пушкинских дочек Лариных. Мы стали добрыми друзьями.

А каким заботливым отеческим теплом обласкал меня Иван Семенович, когда узнал о моей женитьбе! Перед отъездом в Новосибирск после окончания института мы зашли к Ивану Семеновичу, и он благословил нас и подарил свой фотопортрет с трогательным посвящением: «Чете Лебедевых желаю счастья, и пусть оно вам сопутствует всю жизнь. И. Козловский. 4.8.1954 г.»

И вот сейчас, спустя полвека, смотрю я с грустью и трепетным восхищением на эту фотографию...

Он всегда был благодарен талантливой украинской актрисе Марии Заньковецкой за ее замечательное искусство, поразившее юного Ванюшу на всю жизнь. Он часто навещал ее при любой возможности. А когда она совсем состарилась и ослепла, то носил ее на руках и нежно пел прекрасные украинские песни.

В 1933 году Заньковецкая написала любимому певцу: «Для всех Вы известный, знаменитый певец — премьер Иван Козловский, а для меня Вы — хороший, милый Ивасик — любимая, сказочная птица ОЧЕРЕТЯКА, которая лучше соловья. Очеретяку можно слышать утром на заре. Она своим ни с чем не сравнимым прекрасным пением всегда встречает солнце и дает своим веселым щебетаньем надежду на веселый погожий день».

Стоит упомянуть, что Петр Ильич Чайковский, плененный высочайшим талантом Заньковецкой, подарил ей цветы с лентой: «Бессмертной от смертного».

Козловским помнил и любил многих: и тех, кто жил и творил, и тех, кто доживал свой век где-то в старости и болезнях, и тех, кого уже и помнить-то перестали. И для каждого он находил и щедро дарил горячее уважение своего сердца.

Вот у баритона Большого театра Владимира Политковского — 90 лет. Но кто его помнит? Их, певцов, в Большом театре сколько поколений прошло... А Иван Семенович знает, что ветеран живет на даче, и едет к нему с поздравлением и с горилкой...

Узнав, что у его аккомпаниатора, гитариста А. М. Иванова-Крамского дочь выходит замуж, Иван Семенович появляется на свадьбе и поет здравицу молодым.

Иван Семенович нередко навещал дома ветеранов для работников искусств и разжигал жизненный и артистический огонек в душах ветеранов сцены. Одно из таких посещений отображено в кинофильме Н. Губенко «И жизнь, и слезы, и любовь...»

К Козловскому иногда обращались совершенно незнакомые люди с просьбой помочь с трудоустройством или пропиской. И он старался оправдать человеческое доверие, стремился всеми силами помочь людям.

Были и такие моменты, когда Ивану Семеновичу приходилось брать на себя ответственность за человеческую судьбу. Солистка Большого театра Елена Андреевна Степанова, обладавшая прекрасным колоратурным сопрано, была замужем за Сергеем Мигаем, известным баритоном и педагогом. Когда Мигай ушел к другой, Елена Андреевна была потрясена и стала часто употреблять алкоголь, чтобы заглушить тоску. Однажды несчастная певица в приступе отчаяния отправилась к Горбатому мосту, где в Москву-реку вливаются мутные стоки Неглинки, и решила броситься в воду... Иван Семенович успел удержать ее в самый последний момент. Вскоре Степанова лишилась домработницы, и Иван Семенович порекомендовал ей артиста миманса Михаила Анучина, который тоже мыкался одиноким холостяком. Анучин хорошо готовил, вел хозяйство, выполнял обязанности домоправителя и секретаря. Так он и жил у певицы до самой ее смерти.

Всегда жаловал своим вниманием Козловский земляков-украинцев. Бывая на Украине, выступая с концертами,

имея множество встреч, он не забывал посетить могилу Тараса Шевченко в Каневе, где пел песни на его стихи. Или шел долгой дорогой в Заньки, на родину М. К. Заньковецкой, и от избытка чувств пел среди гречишных полей гимны природе.

Иван Семенович не только поклонялся памяти известных и талантливых людей, но считал необходимым сохранять эту память, передавая ее, как эстафету, грядущим поколениям.

Зимой 1973 года, когда отмечалось 100 лет со дня смерти украинского композитора С. Гулак-Артемовского, Иван Семенович организовал посещение Ваганьковского кладбища, где похоронен композитор. С Козловским были: его любимая внучка Аня, друг и секретарь Нина Слезина и группа хористов детского музыкального училища. Иван Семенович сам совковой лопатой расчистил памятник от снега, а Анюта с ребятами возложили к памятнику венок из колосьев и живые цветы. Затем Козловский выступил с краткой речью:

«Мы стоим у могилы величайшего певца и композитора, так много сделавшего в свой век. Прошло сто лет. Его помнят, ценят и любят, благодарно склоняют голову и говорят ему спасибо за то, что он жил для людей, во имя людей.

С восторгом слушали его Пушкин, Шевченко. Необычайно тепло и сердечно отнесся к нему М. И. Глинка. И это оставило замечательное, вдохновенное творение — как результат их дружбы. Я имею в виду оперу С. Гулак-Артемовского „Запорожец за Дунаем“.

Сейчас кругом нас стоят маленькие дети. В таком возрасте, примерно в таких же обстоятельствах начинал свою творческую жизнь знаменитый певец Гулак-Артемовский. Он был среди первых участников знаменитой премьеры оперы „Руслан и Людмила“ в Мариинском театре Петербурга. Слушали его Одоевский, Пушкин. Словом, это целая эпоха.

И как хорошо, что детишки, которые поют в хоре Московского училища, принимают участие сегодня в этом, таком торжественном случае, когда в зимнее время мы нашли теплоту, сердечность к памяти таких людей, как Гулак-Артемовский. Их было много, и спасибо той эпохе, которая предоставила нам, живущим ныне, возможность наслаждаться величайшими творениями. Спасибо им и спасибо ему!»

Иван Семенович был великим тружеником в изучении истории, искусства и культуры общества. Он извлекал из праха забвения интересные события былого и их участников.

Летом 1981 года он совершил путешествие на запад Московской области, за Волоколамск, в город Ярополец, где похоронен украинский гетман Петр Дорошенко, правивший в XVII веке Правобережной Украиной.

Возложив на могильный камень свой традиционный венок из колосьев, Козловский увлеченно рассказывал сопровождавшим его лицам интересные подробности из жизни гетмана, ставшего потом царским воеводой. Иван Семенович напомнил, что прадед Натальи Николаевны Гончаровой, жены Пушкина, был в родстве с Петром Дорошенко. Как тесна Земля!

А через 10 лет, уже в весьма преклонном возрасте, Иван Семенович снова организует поездку в Ярополец многочисленной группы, в которую вошли представители Украины, московского ЦДРИ, режиссер Евгений Симонов, митрополит Питирим, артисты, певцы...

В храме постройки XV века была проведена служба, а на могиле Дорошенко — молебен памяти гетмана. В своем выступлении И. С. Козловский говорил о глубинных, древних корнях русско-украинской дружбы.

Козловский постоянно осуществлял подобные акции, ибо они были его потребностью и отвечали словам Некрасова: «Сейте разумное, доброе, вечное», — которые выражали творческое кредо артиста. Эта высокая гражданственность, умение сопереживать и уважение к человеческим чувствам помогали певцу создавать неповторимые вокальные шедевры высочайшей художественной ценности.

Его исполнительское наследие необъятно — около 50 оперных партий, более 400 романсов и песен разных времен и народов. Его записи постоянно переиздаются. Уже выпущено более десятка компакт-дисков, в том числе некоторые оперы, например, «Снегурочка». И каждое такое издание становится праздником.

В конце 2001 года фирма «Moroz-Records» выпустила аудиокассету и двойной компакт-диск из серии «Великие исполнители России XX века» — «Искусство Ивана Семеновича Козловского». Это вызвало большой общественный резонанс.

18 ноября 2001 года в Большом зале ЦДРИ состоялась презентация этих записей. Вечер вела организатор этих записей, старшая дочь певца, член Союза писателей России Анна Ивановна Козловская.

Презентация открылась вступительным словом президента фонда им. И. С. Козловского, народной артистки РФ, лауреата Государственных премий, профессора Б. А. Руденко. В ходе вечера она представила собравшимся солиста московского театра «Новая опера» тенора Дмитрия Корчака, который участвовал в XIX Международном конкурсе вокалистов им. М. И. Глинки и стал обладателем приза им. И. С. Козловского. Конкурс состоялся в г. Челябинске.

Прекрасный голос певца с красивым тембром кантиленного звучания сразу покорил сердца слушателей. Ария Ленского «Куда, куда вы удалились» в его исполнении заставила вспомнить интерпретацию Козловского — та же философская бережность пауз, то же динамическое «дыхание» тактов, то же создание образа звуком, который на пиано и на форте лился впечатляюще.

Непроизвольно даже вырвалось: «Ну, слава богу, появился наконец лирический тенор!» И сидевшая рядом Н. А. Иванова-Крамская, дочь известного гитариста, согласно кивнула головой. Мне вспомнились слова арии Вертера в исполнении Козловского:

...И вот в долину к вам
Другой певец придет.
Моей минувшей славы и значенья
Он там уж не найдет,
Обо мне он вздохнет...

И я почувствовал, что этот «другой певец» пришел наконец-то в облике этого статного, обаятельного артиста. Позже я подарил ему свою книгу «Божественный посол. Воспоминания о И. С. Козловском» как эстафету памяти о великом чародее пленительных звуков.

На протяжении всего вечера звучали записи песен, романсов и арий в исполнении И. С. Козловского. И свежие цветы возле его портрета, и бурные аплодисменты — все было данью памяти великого певца.

КОНЦЕРТ КОЗЛОВСКОГО

Иван Семенович Козловский... С каким душевным трепетом воспринимает это имя каждый человек, соприкоснувшийся с лучезарным талантом великого тенора!

Это имя стало легендой благодаря необычайно долгому сроку творческого горения, которое продолжалось более 80 лет! В 1991 году, на 91-м году жизни Козловский выступил в концерте с романсом Сергея Рахманинова «Проходит все»:

Проходит все, и нет к нему возврата,
Жизнь мчится вдаль мгновения быстрей.
Где звуки слов, звучавших нам когда-то?
Где свет зари нас озарявших дней?

Этот романс прозвучал тогда у Козловского как философский реквием по своему собственному существованию, по своему творчеству. И в то же время он был мажорным апофеозом, сверкающей вершиной творчества певца.

О его вокальном мастерстве сказано и написано немало. И все же о нем можно рассказывать бесконечно. Иван Семенович Козловский — творец не только бесподобных оперных образов Лоэнгрина, Ленского, Юродивого, Фауста и др., по силе психологической убедительности и красоте музыкального исполнения ставших каноническими. Таких же выдающихся успехов Козловский достиг и в концертной деятельности.

Каждый концерт певца был явлением, праздником, которого ожидали с трепетным волнением. Для Козловского же каждый сольный концерт был творческим отчетом, демонстрацией его творческих возможностей. В своих концертах Иван Семенович выступал не только как исполнитель, но и как талантливый режиссер.

Это являлось его естественным состоянием — быть режиссером. В воспоминаниях о своем руководстве Государственным ансамблем оперы Иван Семенович говорит о значении режиссера: «Работа в ансамбле, приобретенный там опыт еще более укрепили меня в убеждении, что работа режиссера — это исповедь». Его режиссерской исповедью было святое, самоотверженное служение правде в искусстве. Примером этому служит вся его долгая творческая жизнь, и в частности, например,

такое событие, как постановка в Большом театре в 1956 году оперы Рихарда Вагнера «Лоэнгрин», когда Козловский был исполнителем главной роли, постановщиком, режиссером и художественным руководителем спектакля.

И в своих знаменитых концертах Иван Семенович выступал не только как поющий актер, но и как режиссер, органически соединяющий все номера концерта в единое музыкально-драматическое действо.

Он тщательно работал над составлением программы концерта. И часто для усиления эмоционального воздействия вокального произведения Козловский композиционно объединял его с танцем или симфоническим этюдом, исполняемым оркестром.

На сольных тематических концертах, посвященных, например, Сергею Рахманинову, Козловский включал в такие композиции оркестровые произведения композитора — симфоническую фантазию «Утес», симфонические танцы, сочинение № 45 и т. д.

Но особенно показателен во всех отношениях сольный концерт Ивана Семеновича Козловского в Большом зале Московской консерватории, который состоялся в 1974 году.

Несмотря на свой солидный возраст, Иван Семенович как вокалист находился в отличной певческой форме.

Большой жизненный путь и множество, как говорил поэт, «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет», а также высокий интеллект и философское мировоззрение оставили внешний отпечаток на этом необыкновенном человеке. Его статная, скульптурно выделяющаяся фигура притягивала всеобщее внимание. Его осанка отражала определенную долю горделивости и в то же время ответственности за возложенную на него громкую славу и восторженную любовь слушателей.

Таким и предстал Козловский перед слушателями в тот далекий памятный вечер. Как обычно на таких концертах, все были погружены в атмосферу трепетного, восторженного ожидания. Сверкающие взгляды, восхищенные улыбки, короткие приглушенные реплики, неторопливость движений — все это настраивало на возвышенное душевное состояние. Казалось, что и композиторы в своих настенных овальных портретах затаили дыхание, ожидая появления великого певца.

Но вот ведущий объявил о начале концерта и первый номер программы:

«Композитор Валерий Кикта, слова Анны Ахматовой — „Бесшумно ходили по дому". Исполняет Иван Семенович Козловский и Академический симфонический оркестр Московской государственной филармонии. Дирижер — Фуат Мансуров».

Раздались аплодисменты, перешедшие в неистовый шквал, — это на сцене появился Иван Семенович Козловский. Когда дирижер поднял свою палочку, в зале мгновенно воцарилась тишина. Потом ее заполнила печальная, траурная мелодия. И как бы обвитый ею, на подиуме безмолвно застыл Козловский со склоненной на свернутые ноты головой. Но вот зазвучали первые слова, и все увидели скорбное лицо певца:

Бесшумно ходили по дому,
Не ждали уже ничего.
Меня привели к больному,
И я не узнала его.

Тяжелой, скорбной кантиленой текут слова об умирающем человеке. Певец держит обеими руками свернутые в трубку ноты, как толстую свечу, и после слов:

Но вдруг последняя сила
В синих глазах ожила... —

его голова несколько запрокидывается, и как бы от лежащего, с поднятым вверх взором, звучит как последнее дыхание:

Хорошо, что ты отпустила,
Не всегда ты доброй была.

И произошло неизбежное... Это ощущается по лицу артиста, скорбно склоненному, по глазам, прикрытым веками, по рукам, судорожно обхватившим свечу, инстинктивно ищущих в ней опору. И слова — великой, скорбной боли:

И стало лицо моложе,
Я опять узнала его
И сказала:

вдруг зашедшая в иступленном крике мольба:

«Господи Боже,
Прими раба Твоего».

И руки медленно поднимают свечу, как тяжелый крест, как бы благословляющий усопшего в далекий, безвозвратный путь...

Печальная мелодия закрыла все свершившееся, и на ее фоне тихим стоном возник полный скорби плач — вокализ. Это живое стенание голоса отзывалось в оркестре как бы небесным эхом. Казалось, что все скорбело о случившемся. Затихают последние аккорды. Козловский приспускает воздетые руки с «крестом» и склоняется к нему головой. Все тише звучание голоса и оркестра... Вот они уже зазвучали в унисон и пропали, как бы растворились в тишине.

На подиуме — застывший в немой скорби певец, рядом окаменевший дирижер с палочкой в руке, как бы парализованной на лету...

Наступила мертвая тишина. Прошло много казалось бы бесконечных секунд этой оглушающей тишины. Но вот словно спала вдруг какая-то пелена — все очнулись... и разразился шквал аплодисментов.

А Козловский устало кланялся изредка, и на лице его все еще отражались скорбь и отрешенность. Только иногда лицо его освещалось слабой, робкой улыбкой. Потом он покинул сцену.

Так Иван Семенович Козловский, пользуясь в качестве реквизита свернутой нотной тетрадью, скупыми жестами и мимикой показал своим необыкновенным голосом глубоко психологическую картину финала человеческого бытия.

Ведущий объявил: «Петр Ильич Чайковский „Сельский этюд“, исполняет оркестр».

Зазвучала печальная мелодия, психологической тональностью продолжающая скорбную тему отзвучавшего романса. И в воображении явственно возникла картина сельского кладбища, процедура похорон умершего, робкое и тоскливо одинокое звучание церковного колокола.

Тема, так талантливо развитая композитором Валерием Киктой с режиссерской подачи Козловского получила свое окончательное завершение в элегическом этюде Петра Чайков-

ского. Две небольшие музыкальные формы гармонично слились в значительное полотно большого гражданского звучания.

Но вот следующий номер программы — ария Билли из оперы Юрасовского «Трильби». В почетном сопровождении оваций на сцене появляется Козловский. Звучат первые аккорды вступления... Но что это? В пасторальной мелодии снова ощущается веяние грусти, но уже романтической, светлой.

Снова ребенком вижу я, как прежде,
Так ясно день Рождества далекий...
В сердце любовь, а в небе Бог,
Грез детских рой и свет любви моей...

Лицо Козловского озарено светлой радостью воспоминаний. Руки его, поднятые до уровня груди, готовы обнять или поддержать что-то дорогое, любимое...

И, говоря о Боге, он как бы светится внутренней душевной добротой. Фигура певца статична. Почти нет жестов. Он источает ощущение покоя и вдохновения. Человек грезит, весь во власти далекой мечты. В этой элегической арии Козловский одним своим вокальным мастерством тонко передает зачарованность влюбленного, погруженного в тишину рождественской ночи.

Концерт продолжается монологом Пимена из драмы Пушкина «Борис Годунов», написанным в теноровом ключе композитором Сергеем Рахманиновым.

Это юношеское произведение композитора, по мнению критиков, было интонационно бесцветным и маловыразительным и восемьдесят два года пролежало в забвении. И только в 1974 году, в честь пушкинского юбилея, этот монолог впервые прозвучал публично в исполнении Ивана Семеновича Козловского.

Оркестровое вступление к монологу вводит слушателей в беспредельную зыбь океана времени, где слышится волнующая, грозная и трагическая, усиленная всплесками коллизий, летопись событий.

Козловский на подиуме. Сомкнутые руки обрамляют торс. Взор усталых глаз устремлен в невидимую даль... Но вот открывается незримый занавес музыкального вступления, наступает тишина, и в этом вдохновенном покое возникает философски

спокойный звуковой образ летописца Пимена. И столько в его словах благодарности к Богу, столько радости от исполненного долга, что вдруг открывается смысл человеческой жизни — быть благодарным, полезным, справедливым:

Еще одно, последнее сказанье, —
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от Бога
Мне, грешному.

При слове «грешному» на лице Козловского мелькает хмурая тень. Это осуждение не столько своей мирской греховности, сколько тяжести постыдных человеческих проявлений, всей бездны человеческого греха, которая открылась отшельнику и которую он принял на себя. Поэтому и звучит это слово у певца контрастно, акцентированно и психологически убедительно. Впрочем, каждое слово монолога у Козловского четко, выпукло и переливается интонационными красками, придавая им эмоциональную убедительность, музыкальность и эстетическую красоту.

...Ушел артист, поглощенный овациями, и на сцене зазвучал вальс из «Симфонических танцев» Сергея Рахманинова в исполнении оркестра.

Здесь снова надо отдать восхищенное должное Козловскому как режиссеру — постановщику концерта. Он опять показал себя тонким знатоком не только вокальной, но и инструментальной симфонической музыки.

Этот вальс Рахманинова, пронизанный легкой грустью, можно назвать меланхолическим. Он вызывает ассоциации неровности человеческого бытия, когда бодрость сменяется унынием, оптимизм переходит в пессимизм и т. д. Вальс прекрасно выполнил связующую, буферную роль между произведением эпического плана (монолог Пимена) и страстно-элегическим романсом «Не пой, красавица» Рахманинова, объявленного ведущим.

...В почетном эскорте оваций вновь появляется Козловский, проходит через приветствующий его оркестр и, постояв несколько секунд перед подиумом, поднимается на него и застывает в монументальной неподвижности. Руки опущены, на лице бесстрастная маска.

Звучит оркестровое вступление. Певец, слушая его мелодию, несколько склоняет голову под нахлынувшими воспоминаниями. Вдруг, как бы очнувшись, поднимает голову и на форте, в гневном запрете, просит:

Не пой, красавица, при мне

Правая рука вскидывается к сердцу, но, замедлившись, хватается за лацкан фрака.

Ты песен Грузии печальной:

И кантиленно, виновато поясняет:

Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальний.
<...>
И степь, и ночь — и при луне
Черты далекой, бедной девы!..

Звуки грузинских мелодий возрождают мучительные воспоминания, которые приносят нестерпимую душевную боль. Поэтому в третьем куплете слова «поёшь» и «воображаю» звучат у Козловского на страстном фортиссимо, как крик души:

Но ты ПОЁШЬ — и предо мной
Его я вновь ВООБРАЖАЮ.

Чтобы усилить эмоциональное воздействие, артист на слове «ПОЁШЬ» протестующее поднимает правую руку, а затем, погрузившись в воспоминания, на последних словах прикрывает лицо широко раскрытой рукой. Левая рука покоится на сердце, как бы успокаивая его.

...После оркестрового проигрыша, освобождаясь из плена грустных воспоминаний, все еще прикрываясь рукой, тихо, умоляюще просит:

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:

И приоткрывая лицо, поясняет:

Напоминают мне оне

Раскрытая рука застывает в прощальном жесте, а взор певца устремлен в то далекое, видимое только ему:

Другую жизнь и берег дальний.

Звучат финальные оркестровые аккорды. Руки певца смыкаются на груди, стараясь успокоить страдающее сердце...

Шквал оваций загрохотал вслед за последней нотой оркестра. Он восторженно шумел более четырех минут! Козловский кланялся и уходил... Служащие консерватории носили букеты, корзины с цветами, устанавливая их вдоль рампы. Их беспокоила все уменьшающаяся возможность размещения цветов...

Козловский выходил и кланялся, по-восточному сомкнув ладони рук. Бережно, заботливо обхватывая, как бы обнимая чашей ладоней, он принимал от зрителей цветы и клал их на цветочный барьер, выросший на сцене.

...А овациям, казалось, не было конца. Они сразу смолкли, когда был объявлен антракт. Так закончилось первое отделение концерта.

Второе отделение было открыто симфонической поэмой «Тассо» Ференца Листа. В основу этого программного произведения композитора положен образ великого итальянского поэта Торквато Тассо, жившего в XVI веке.

У Тассо была трагическая судьба и полулегендарная биография, привлекавшая многих поэтов (Гёте, Байрон), художников, музыкантов.

Тассо, вдохновенный поэт, блистающий при дворе герцога Феррарского, влюбляется в принцессу, сестру герцога. Поэта заключают в темницу. Выпущенный по настоянию папы на свободу, автор поэмы «Освобожденный Иерусалим» провозглашается величайшим поэтом, но умирает накануне своего пышного чествования.

Симфоническая поэма «Тассо» открывается мрачной мелодией, которая как бы показывает заточенного в темницу поэта, его меланхолическую, безысходную грусть, отчаянные и тщетные порывы к свободе, его жалобы и страдания.

Поэма состоит из четырех частей. Четвертая часть поэмы становится торжественным эпилогом жизни и посмертным триумфом поэта.

Талантливая режиссерская проницательность Козловского, его тончайший музыкальный вкус и отличная ориентировка

в безднах океана симфонической музыки позволили использовать эту поэму как прекрасную симфоническую прелюдию, которая психологически подготавливала слушателей к следующему номеру программы концерта.

А дальше следовал дуэт Ромео и Джульетты. Какой же, казалось бы, странный контраст в этом переходе от трагической судьбы Тассо, прозвучавшей в мрачных мелодиях поэмы, к искрящейся от счастья светлой сцене объяснения в любви двух юных сердец. А ведь эти два произведения, как два сообщающихся сосуда, излагают трагическую судьбу двух пар влюбленных.

Но вот ведущий концерта объявил: «Гуно. Дуэт Ромео и Джульетты из оперы „Ромео и Джульетта“. Исполняют, в сопровождении оркестра, солистка Московского академического музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, заслуженная артистка РСФСР Галина Писаренко и Иван Семенович Козловский!»

Раздались аплодисменты, и в их сопровождении, по узенькому проходу между оркестрантами, на сцену вышли Галина Писаренко, Иван Семенович Козловский, дирижер Фуат Мансуров и певец Юрий Королёв, солист Большого театра, исполнявший реплику Меркуцио.

Дирижер встал за пульт, певец (Меркуцио) сел на стул, а Иван Семенович и Галина Писаренко встали перед подиумом.

Они являли собой прекрасную гармонию: величественный, стройный Козловский, в черном фраке и с белой бабочкой на белоснежном пластроне, и сверкающая обаянием очаровательная Галина Писаренко. Она была так пленительно хороша и так удивительно походила на «Шоколадницу» известного швейцарского художника Жана Этьена Лиотара, что казалась ее ожившей копией. Вся фигура певицы излучала целомудренную простоту и притягательность.

Дирижер взмахнул палочкой — и полилась дивная, чарующая мелодия вступления. Козловский встал на подиум, и возникло пленительное:

О, ночь! Под крылом своим темным укрой меня!

Звучание голоса было настолько нежно-бархатным, столь интимно-приглушенным и в то же время полно страстным

ожиданием, что все как бы очутились во власти темной южной ночи и стали свидетелями, да нет, не свидетелями, а действующими персонажами этой необыкновенно красивой любовной встречи. Все происходящее западало в душу и становилось непререкаемо личным.

О, ночь блаженства, умоляю, —
Не посылай пробужденья душе!
Я так счастлив теперь, —
Не верю я еще, что это был не сон.

Услышав зов Джульетты, Козловский — Ромео поворачивается и с возгласом — «Ангел милый!» — элегантным жестом протягивает ей руку, приглашая на подиум.

Только слово, и прощай.
К тебе я завтра друга пришлю —

говорит она Ромео. Просто и доверчиво высказывает она ему желание стать его женой и свои сомнения, словно ненароком бросая на него испытующий взгляд.

Ромео пылко клянется ей в своей верности:

Да, я навек клянусь быть верным!
Да, навек я твой!

Джульетта ласково смотрит на Ромео. Ее лицо сияет счастьем. Но она боится, чтоб их не застали, и, заслышав голос, зовущий ее, торопится уйти. Но они никак не могут расстаться, и их многократно повторенное «прости» выливается в стройный унисонный дуэт:

Это «прости» сулит нам
Столько счастья,
Что терпеливо я могу
Свиданья ждать.

Козловский — Ромео берет руки Джульетты и прижимает их к своему сердцу.

До завтра же! Прощая, прощай!
Люблю тебя! Люблю тебя!
Прощай! Прощай!

Страстно и влюбленно поют они на едином дыхании, нежно склонившись друг к другу. Джульетта уходит с подиума.

Прости! До утра! —

сияя счастьем, говорит она.

Ромео берет у Джульетты газовый платок и, расправляя его между вытянутых рук, говорит ей вслед:

Спи спокойно! —

а потом, поворачиваясь к залу, продолжает кантиленно:

Усни.

И кажется, что не платок, а спящая девушка у него на руках.

Пусть тебе шепчет все:
«Люблю, люблю бесконечно»!
Пусть ночной ветерок
Лобзает твои уста!

Так закончилась эта сцена, наполненная целомудренной чистотой и сияющей яркостью человеческих чувств.

А за нею, после продолжительных аплодисментов, прозвучал «Крестьянский марш» из драматической легенды Берлиоза «Осуждение Фауста».

Эта небольшая симфоническая миниатюра была избрана Козловским как оригинальная прелюдия, органически соединяющаяся с последующим номером — сценой обольщения из второго действия оперы Гуно «Фауст».

...Мефистофель (певец Юрий Королёв) заклинает ночь укрыть влюбленных своим таинственным покровом, а цветам и воздуху приказывает напоить их душистой, дурманящей отравой.

Козловский — Фауст и Писаренко — Маргарита на подиуме. Маргарита торопится уйти, но Фауст останавливает ее, берет за руку и говорит о своих чувствах:

О, позволь, ангел мой, на тебя наглядеться!

Маргарита, слушая его, с мольбою смотрит ввысь. На лице ее видна озабоченность. Она бросает осторожные, вопрошающие взгляды на Фауста.

По мере объяснения Фауста в своих чувствах лицо ее озаряется радостью. Но диалог их звучит как-то странно — в нем чувствуется замедленность, как будто какая-то сонная пелена сковала живость их эмоций и речи. И на лицах их нет той красивой мимики влюбленности, что можно было видеть в сцене с Ромео и Джульеттой. И лишь только после признания Фауста:

Тебя люблю! Не знаешь,
Как отрадно нам любить! —

когда он ласково сжал своими руками ее руку, в Маргарите вспыхнули первые языки всепожирающего пламени любви, и они оба на тончайшем, чутком пианиссимо слились в красивой унисонной кантилене, в едином душевном порыве:

Миг любви, миг любви...

Очнувшись, она стыдливо опускает глаза, а Фауст страстно продолжает:

О, ночь любви и неги райской,
В твой тиши без сладострастия
Полон мир со мной твердит:
«Тебя люблю, люблю я!»

Эти пылкие слова признания развеяли сомнения и осторожность Маргариты:

Милый, сколько счастья!
О, сколько счастья тебя любить,
С тобою жить и умереть!

Фауст, любовно склоненный над рукой Маргариты, при этих словах в страстном экстазе хочет обнять ее. Маргарита тщетно пытается охладить вспыхнувшую страсть юноши:

О, не терзай меня напрасно!
Не мучь, не мучь меня!..

Но все попытки ее бесполезны... Маргарита стоит, склонив голову, стыдливо закрыв лицо руками. Фауст, поворачиваясь к залу, с философской бесстрастностью заключает:

Невинность, чистота — сила могучая
Покорила желанье страсти моей!

Он узнал, что любим, и это для него блаженный, сладкий час. Но это лишь слова — ни мимика, ни взоры не сопровождают их.

Маргарита стоит на подиуме. Она грезит в звездной тишине ночи. На счастливом лице ее сверкают очи, полные любовной неги:

О, как прекрасна стала жизнь!
Мир волшебный, мир чудесный
Вдруг открылся предо мной.
Вдруг нашла я счастье жизни!

Но тут раздается страстный зов Фауста: «Маргарита!», который перекрыт демоническим хохотом Мефистофеля.

И всё трио, стоящее на подиуме, застывает в неподвижности: Маргарита — с оживленно-сияющим лицом, Фауст — как каменное изваяние, со вскинутой вверх головой, а сзади, как бы вцепившись в них, — Мефистофель с саркастической улыбкой на лице.

...Пять минут длились неумолчные овации! Два раза выходили артисты и дирижер на поклоны и уходили с цветами. На третий раз вышли только Галина Писаренко и Иван Семенович. Как бы вознесенные над подиумом шквалом аплодисментов, стояли они, светясь своим обаянием и взаимной радостью расположения друг к другу.

Лукаво улыбаясь, Козловский нагнулся и с каким-то юношеским задором хотел поднять на руки свою красавицу партнершу, но та с улыбкой отрицательно покачала головой.

Потом они вышли на поклон в четвертый раз и встали на подиум. Объявлено ничего не было, но все поняли: сейчас что-то будет. Публика успокоилась.

К подиуму выдвинули арфу. Раздались первые аккорды элегии «Не искушай» Глинки, кратковременно заглушенные аплодисментами.

Зазвучал дуэт. Козловский исполнял эту замечательную элегию бесчисленное количество раз, как соло, так и в дуэте. Записи прошлых лет доносят до слушателей прекрасное звучание дуэтов с Неждановой, Вишневской и многими другими

певицами. Но одно дело — слушать, а другое — слушать и наблюдать за игрой чувств певцов. В этом отношении дуэт Козловского и Писаренко весьма показателен. Он прозвучал как бы откликом, продолжением темы обманутой любви, которая была намечена в дуэте Фауста и Маргариты и теперь получила свое дальнейшее развитие.

Какой печалью наполнены слова романса, с какой меланхолической грустью они звучат!

Не искушай меня без нужды... —

начинает Галина Писаренко первая в дуэте, и сразу вспыхивает в памяти мольба Маргариты: «О, не терзай души моей напрасно». Лицо певицы омрачено плохо скрываемым страданием. Ее партнер, ее «бывшая любовь», вторит ей с холодным сожалением, и только руки его иногда ласково охватывают ее руку и нежно прижимают к своей груди. Но печать душевного переживания не исчезает с прекрасного лица героини романса. И оба понимают безвозвратность прежних чувств.

И поэтому с такой печалью, с такой тоской, унисонно, на тончайшем звучании они сливаются в едином чувстве:

И не могу предаться вновь
Раз изменившим сновиденьям!

Льются слова, но они только будоражат прошлое. И ласковое пожатие руки ничего уже не может изменить, потому что:

В душе моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты.

Так и заканчивают они романс: он прижимает ее руку к своей груди и застывает с видом великого сожаления. А она, с мукой страданья на лице, чуть склонив к нему голову, тоскливо смотрит вперед...

Так и стояли они, замерев, пока не отзвучал проигрыш, исполняемый арфой.

И опять несмолкаемые овации в течение пяти минут! Дважды выходили они на поклон — то Писаренко выводила за руку Козловского, то Иван Семенович галантно выводил Галину Алексеевну.

Он поднял оркестрантов, пожал руку первой скрипке, а потом вместе с Галиной Писаренко, со всеми музыкантами благодарно принимал оглушающие звуки восторга зрителей.

Последним номером программы был объявлен романс Рахманинова на стихи Д. Мережковского «Христос воскрес». Этот романс завершал вечер симфонических и вокальных элегий, прозвучавших в концерте Ивана Семеновича Козловского.

В романсе с особой силой слышится грусть большого гражданского звучания. Эта грусть вызвана стыдом от человеческого лицемерия, когда люди, преклоняясь перед Христом, топят друг друга в крови и слезах.

...Недвижимо, задумчиво возвышается на сцене Козловский. Сцепленные руки его устало опущены. Взор обращен как бы внутрь себя, в мир своих мыслей. Спокойно начинает он свой рассказ:

«Христос воскрес!» — поют во храме.

Но вот на лице певца появляется тень внутреннего переживания. Сцепленные руки укрывают страждущее сердце.

Но грустно мне, душа молчит.

И вдруг на возмущенном форте взывает:

Мир полон кровью и слезами,
И этот гимн пред алтарями...

Раскрыв руки в широком жесте, осуждающе продолжает:

Так оскорбительно звучит.

Скорбно и недоуменно рассказывает он о том,

Как брата брат возненавидел,
Как опозорен человек.

Стоном страдающей совести звучит у Козловского:

И если б здесь, в блестящем храме
«Христос воскрес!» — Он услыхал...

И с горьким пафосом заканчивает:

Какими б горькими слезами
Перед толпой Он за-ры-дал!

Вскидывая руки вверх, закрывает плачущее лицо и остается недвижим до окончания оркестрового проигрыша.

Так прошел один из многих сольных концертов Ивана Семеновича Козловского, показавший многие грани его необыкновенного таланта.

Примечания

Воспоминания написаны специально для данного сборника (Владимир, 2003–2004)

Елизавета Лельчук

ЭТО БЫЛ ИДЕАЛЬНЫЙ ЛИРИЧЕСКИЙ ТЕНОР!

Многие исполнители всю жизнь поют только то, что любит публика. А Ивану Семеновичу Козловскому была присуща такая черта — он не боялся включать в программу новое, публике незнакомое. Он знал, что все равно любое произведение, которое он исполняет, будет принято «на ура». И был прав. Поэтому он подготовил и спел с симфоническим оркестром «Серенаду» Б. Бриттена. И концерт прошел с огромным успехом.

Как-то я спросила Ивана Семеновича, почему он не отмечал ни одного своего юбилея, хотя уже перешагнул рубеж и 50-летия, и 60-летия, и 70-летия. На это Иван Семенович отвечал, что он бы хотел к своему юбилею поставить оперу Р. Вагнера, и назвал ее (не «Лоэнгрин»), но в Большом театре его не поддержали, на том все и кончилось.

Однако широко отмечались его 80-летие и 90-летие. На радио, например, прошла целая серия передач, ему посвященных, и каждую вел кто-нибудь из известных артистов. У всех передач этого цикла была одна заставка — звучал «Вокализ»

Рахманинова в исполнении Козловского. Так вот, я восемь раз прослушала этот «Вокализ» и считаю, что Иван Семенович здесь неповторим. Я знаю, как тяжело его исполнять, но певец справлялся с этим блестяще.

Большой театр не хотел ставить «Лоэнгрина», задуманного Иваном Семеновичем. Тогда он обратился к К. Е. Ворошилову, отвечавшему тогда в Политбюро за культуру. И тот настоял, чтобы Козловскому предоставили сцену Большого театра для постановки. Артист создал великолепный образ Лоэнгрина, особенно я люблю в его исполнении рассказ Лоэнгрина. А вот Лемешев ни разу не пел эту партию. В своей книге «Путь к искусству» С. Я. Лемешев писал, что, вступив в труппу Большого театра, ходил почти на каждый спектакль, где пел Козловский. Он также отмечал: «Лучшей партией Козловского, после Юродивого, его самого совершенного создания, я считаю Лоэнгрина. Образу светлого рыцаря Грааля особенно отвечали прозрачная чистота его голоса, яркая насыщенность звучания. Кроме того, импонировала внешность артиста — стройная, высокая фигура...

Великолепен был его герцог Мантуанский — непосредственный, естественный характер баловня судьбы, капризного и непостоянного. Здесь певец особенно покорял большим вокальным мастерством, свободой и легкостью звука, беспредельным диапазоном, сверкающим брио. Иногда я мысленно вступал с ним в спор. Но всегда восхищался».

Хочется вспомнить концерт Зураба Соткилавы, который тот дал в честь 90-летия Ивана Семеновича.

Когда по Москве пошел слух об этом концерте, мы с сестрой побежали доставать билеты. Это было в Колонном зале. Народу собралось много, нас порадовало, что в зале было немало молодежи. Когда в артистической ложе появился Иван Семенович с внучкой, все как один поднялись и долго-долго приветствовали юбиляра. Первой поприветствовала его Надежда Бабкина со своим коллективом. А потом вышел на сцену Зураб Соткилава и преподнес Ивану Семеновичу огромный букет цветов, который тот передал своей внучке.

Затем весь вечер пел Соткилава — пел, как всегда, очень хорошо. В антракте публика ринулась к ложе, где сидел Иван Семенович, чтобы получить у него автограф.

Началось второе отделение. Соткилава снова замечательно пел — его хорошо принимали. И он имел неосторожность сказать, что будет петь, пока не умрет.

Тогда на сцену поднялся Козловский и, обращаясь к Соткилаве, сказал, что не хочет его смерти, а желает ему долгой жизни. Иван Семенович поблагодарил его за прекрасный концерт, говорил о том, что можно ему петь и что нежелательно. Ивану Семеновичу было 90 лет. Но говорил он без всякой шпаргалки (а поговорить он всегда любил) — минут 25, вспоминая своих коллег по сцене, называя фамилии, даты... Он был поразительный человек, настоящий мудрец.

В заключение Иван Семенович по традиции украсил головы певца и дирижера венками из колосьев пшеницы.

Иван Семенович Козловский был настоящий лирический тенор, и в Большом театре он исполнял все лирические партии, хотя в Свердловске пел и Хозе. В Большом театре он эту партию не исполнял ни разу.

В 20-е годы Иван Семенович жил на Кузнецком мосту, и соседкой его была Надежда Андреевна Обухова. Когда она репетировала партию Кармен, Иван Семенович ей часто помогал, выступая в роли Хозе. Он говорил, что иногда удостаивался поцелуя Надежды Андреевны — благодарной Кармен.

Пел Козловский всегда отлично, у него был неповторимый тембр. Немножко его И. Д. Жадан напоминал, но все же это было не то.

Иван Семенович прекрасно брал высокие ноты. Я удивляюсь, почему он никогда не пел неаполитанские песни. Он бы их спел идеально! Кроме того, у него была превосходная дикция. Вообще, их было трое с идеальной дикцией: Обухова, Максакова и Козловский.

Хочется отметить его удивительное отношение к людям. Один молодой человек, мой сослуживец, оказался в Ленинграде, где случайно познакомился с Печковским, который тогда только что вышел из заключения. Печковский рассказывал, что бывшие друзья от него отвернулись, ему было очень трудно, — и первым, кто откликнулся на его возвращение, был Козловский, который выслал ему по почте 5 тысяч рублей на первое время.

Теперь я хочу рассказать о Фаусте в исполнении Ивана Семеновича. Это было в 50-е годы. Смотрю как-то на афишу филиала Большого театра: сегодня «Фауст», в заглавной партии И. Козловский, Маргарита — Е. Шумская, Мефистофель — И. Петров.

Поскольку тогда я уже хорошо зарабатывала, то могла себе позволить купить билеты у спекулянтов: в кассе билетов не было.

Балкон 1-го яруса, первый ряд. Это был замечательный «Фауст». Иван Семенович не только пел изумительно, но и играл выше всяких похвал. Я помню, как в сцене в саду он легко поднимает Маргариту на руки и вносит ее в дом, при этом берет высокую ноту. Это меня потрясло!

В опере «Фауст» есть балетная сцена «Вальпургиева ночь». Вакханку тогда танцевала Ольга Лепешинская. Как легко он ее подхватывал на руки! Это было незабываемо.

Старший Лавровский, посмотрев эту сцену, сказал как-то Козловскому: «Иван Семенович, не так усердствуйте!»

Это было в трудные послевоенные годы. Несколько благотворительных вечеров в ЦДРИ. В фойе располагались киоски, где продавались фотографии, книги, тут же писатели раздавали автографы. И каждый день были свои исполнители. Я попала на вечер, когда в нем участвовали Л. Русланова, М. Рейзен, И. Козловский и А. Вертинский. Я впервые тогда услышала живого Вертинского (до этого — лишь на пластинках). И впервые услыхала в исполнении Ивана Семеновича вальс «На сопках Маньчжурии». Помимо того, певец прекрасно выступил и в роли жонглера: ему бросали яблоки, а он их весьма ловко ловил. Потом он их отвез детям.

1978 год. В октябре, по традиции, во МХАТе устраивали День открытых дверей. Старое здание находилось на ремонте, и поэтому все это происходило в фойе помещения, где теперь театр под руководством Т. Дорониной.

Я знала, что Иван Семенович дружил со МХАТом. Мы пришли туда с сестрой. Она активно собирала у всех автографы. Вдруг появился Козловский. «К Ивану Семеновичу за автографом подойдешь ты», — сказала мне сестра.

Артист присел было на стул, но начались танцы. Иван Семенович красиво танцевал вальс, меняя дам: то Степанова, то Еланская...

Наконец, когда Иван Семенович снова присел, я подошла к нему и говорю: «Иван Семенович, здравствуйте! Я киевлянка, ваша землячка». Иван Семенович поднялся, попросил второй стул, и мы сели рядом. Я обратилась к нему: «Иван Семенович, пожалуйста, автограф», — и протягиваю ему мхатовскую программку. «Но я же не служу во МХАТе», — отвечал Иван Семенович. «Это неважно, дайте, пожалуйста». Я напомнила ему, как прекрасно он пел в «Риголетто» в Киеве в 1934 году. «Тогда почему же у вас до сих пор нет автографа?» — удивился Иван Семенович.

Пришлось объяснить, что в молодости средства не позволяли покупать хорошие билеты, и потому я сидела всегда наверху, а оттуда не успевала спуститься вниз. Потом, когда переехала в Москву и стала иметь возможность приобретать билеты на хорошие места, Иван Семенович ушел из Большого театра. Козловский искренне смеялся. Эта встреча с артистом произвела на меня очень сильное впечатление.

Иван Семенович всегда был такой элегантный, интересный. И в 70 лет, и в 80 пел прекрасно. В 78 лет он, мне кажется, пел лучше, чем Паваротти в 50.

Москва, 2004 г.

Примечания

Воспоминания написаны специально для данного сборника.

Владимир Захаров

ЗДЕСЬ СЛУШАЛ МУЗЫКУ ВЕЛИКИЙ ПЕВЕЦ

Иван Семенович молился не только на входе и выходе из Большого театра. Он также молился, входя и уходя из Большого зала Консерватории, который, я убежден, после Большого театра занимал второе место в его жизни. Мне посчастливилось слушать его и в сольных концертах, и в выступлениях с другими выдающимися исполнителями: Н. А. Обуховой, М. Д. Михайловым, М. О. Рейзеном, П. Г. Лисицианом. Но наиболее яркое впечатление — от концертов Козловского с хором мальчиков, которым в то время руководил Александр Васильевич Свешников. Невозможно забыть выступление певца с детским хором из его родной Марьяновки, который он привозил в Москву. Я представляю, что значило для детей выступление с таким артистом и на такой сцене.

Легенда об Иване Семеновиче — я уверен — сохранится в Большом зале. У нас есть место, которое все называют местом Козловского. Оно не имеет никакой нумерации, но рядом

находится табличка, на которой значится: «Здесь слушал музыку великий певец Иван Семенович Козловский».

Москва, 2004 г.

Примечания

Написано специально для данного сборника.

Лев Кузнецов

ЛУЧЕЗАРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Иван Семенович Козловский... Какое великое имя!

Я с чувством огромного волнения пишу эти строки о дорогом для всех нас человеке, певце.

Люди моего поколения горды тем, что были младшими современниками великого певца, слушали его, были знакомы с ним. Мы посещали его концерты, которые всегда были для нас светлыми праздниками, искали встреч с ним, ловили каждое его слово. Каждое суждение Ивана Семеновича было для нас весомо и значимо. Мы любовались его статной фигурой, вглядывались в его такие выразительные голубые глаза, в которых подчас играла озорная ирония или таилась глубокая философская мысль.

Вспоминать великого и дорогого человека — дело очень не простое, потому что ответственное, связанное с напряжением памяти, и память здесь должна быть правдиво услужлива. Но, видимо, без стереотипов и в данном случае не обойтись.

О Иване Семеновиче Козловском написано уже немало, вероятно, будут писать и в дальнейшем. Хорошо, когда пишут профессионалы, певцы, актеры, режиссеры, музыканты...

Однако есть что рассказать об Иване Семеновиче и тем, кто был просто почитателями его творчества. К таковым отношусь и я, художник-реставратор. Мне хочется начать свои воспоминания со времен Великой Отечественной войны.

Шел 1943 год. Мне 6 лет. Поздняя осень. В нашем доме, как и во многих тогда, был радиоприемник очень простой конструкции: легкий металлический каркас с натянутой на него черной бумагой. В просторечии такую конструкцию называли «тарелкой».

В один из таких осенних вечеров вся наша семья находилась на кухне за чаепитием. Вдруг из «тарелки» раздался высокий, звонкий, чистый голос. Отец сказал: «Козловский поет». И попросил меня встать на табуретку и сделать звук погромче. Иван Семенович пел «Темную ночь» Н. Богословского. В тот момент имени певца я не запомнил, это произошло намного позже, но тогда уже меня, совсем еще маленького мальчишку, поразил неповторимый голос Ивана Семеновича. С того времени я стал выделять этот голос среди всех остальных, был предан ему. Таким образом, первое знакомство с Иваном Семеновичем произошло с помощью радио в селе Ново-Петровском Истринского района.

Подрастая, я стал узнавать и другие произведения в исполнении этого великого певца.

В 1954 году мы с братом приехали в Москву учиться в художественно-ремесленное училище № 64. Вот тогда-то у меня появилось желание если не попасть на какой-нибудь концерт Козловского, то хотя бы издали увидеть его.

Наступил 1957 год — последний год нашего обучения в училище. Тогда, как сейчас помню, была ранняя Пасха, по истечении первой недели апреля. Весна была холодной, ветреной, дождливой. Мы, небольшая группа ребят, человек 7–8, решили в этот большой святой праздник отправиться в Загорск. И там, в Троице-Сергиевой лавре, судьба свела меня с М. М. Анучиным, человеком сложной судьбы, энциклопедических знаний, артистом миманса ГАБТа с 1928 по 1948 год, большим поклонником Ивана Семеновича. С Михаилом

Михайловичем мы сразу сошлись на почве поклонения Козловскому. После пасхальной заутрени, когда мы на первой электричке возвращались в Москву, Анучин пообещал познакомить меня с Иваном Семеновичем.

Близился к концу 1958 год. 10 декабря. Мы с М. М. Анучиным едем по улице Герцена, затем проходим по территории Московской консерватории и видим у входа в Малый зал... крышку гроба. Михаил Михайлович многозначительно на меня посмотрел и произнес: «Не иначе, кто-то из музыкантов умер. Пойдем, узнаем». Вошли в дверь, подошли к гардеробу и узнали, что умер С. И. Мигай, замечательный певец, баритон. Дежурная говорит: «Скорее раздевайтесь и проходите, заканчивается гражданская панихида. Там два тенора и два баса». Мы стремительно поднялись наверх. То, что я увидел, поразило меня. У гроба Мигая, в изголовье, стояли М. О. Рейзен и М. Д. Михайлов, напротив них — И. С. Козловский и С. Я. Лемешев. Было очень много народу. Меня охватило сильное волнение, Михаил Михайлович плакал.

Закончилась панихида. Рейзен и Михайлов сразу ушли. Лемешев и Козловский еще какое-то время оставались, их окружили плотным кольцом. Михаил Михайлович и я с трудом приблизились к Ивану Семеновичу, который в этот момент непринужденно отвечал на вопросы присутствующих. Мы подошли. И я так близко увидел вдруг Ивана Семеновича! Передо мной был лучезарный человек, тот, кого я до сих пор слушал только по радио! Страшно колотилось сердце от волнения, оно готово было выпрыгнуть из груди. Я очень стеснялся, а Михаил Михайлович все ближе подталкивал меня к Козловскому. Наконец, мы поздоровались с Иваном Семеновичем, он дружелюбно ответил и спросил о здоровье Михаила Михайловича. Тот представил меня со словами, что я его ученик по вопросам искусства, что к тому же — поклонник его, Ивана Семеновича, таланта. Козловский тут же поинтересовался: «А не поет ли ваш ученик?» — «Нет», — сказал Михаил Михайлович, при этом заметив, что его ученик хочет в память о знакомстве подарить Ивану Семеновичу один из пейзажей, выполненных гравировкой в пластмассе. Иван Семенович поначалу отказывался принять подарок, но потом Анучин объяснил, что у его воспитанника день рождения. Тогда Иван Семенович спросил,

а любит ли именинник музыку, пение? «Очень!» — был ответ. Иван Семенович жестом пригласил нас к небольшому киоску, где продавались книги, журналы, ноты. Он выбрал ноты с арией Смита из оперы Ж. Бизе «Пертская красавица» и сделал на них дарственную надпись. После этого он принял в дар мой скромный пейзаж.

Мы трогательно распрощались с Иваном Семеновичем. Для меня тот день, несмотря на печальные обстоятельства, стал знаменательным в моей жизни. Я был на небе, парил над Москвой благодаря встрече с Иваном Семеновичем. Да простит меня тень Сергея Ивановича Мигая!

Сейчас мало кому известно, а может, таких людей и не осталось уже, кто знает о том, что в конце 50-х годов Иван Семенович направил тогдашнему председателю Моссовета Бобровникову письмо с предложением проводить раз в неделю День тишины. Видимо, в это неожиданное для властей Москвы предложение Ивана Семеновича входили и предполагались возможные варианты снижения шума в нашей столице. Вопрос этот актуален и сегодня. К сожалению, Иван Семенович не получил на свое предложение никакого ответа.

Хотелось бы вспомнить о добром сердце Ивана Семеновича, о его необыкновенно чутком и милосердном отношении к обездоленным людям, к тем, кто был одинок и нуждался в помощи. Однажды Иван Семенович пригласил М. М. Анучина к себе и кратко посвятил его в свой план оказания помощи: кому и как. Иван Семенович сказал тогда: «Миша, вот вам 12 адресов и вот вам сумма денег. Купите фруктов и что-нибудь к чаю». Поинтересовался, будет ли у него помощник и, получив утвердительный ответ, произнес: «Прекрасно! Удачных вам покупок и удачных маршрутов по Москве. С богом!»

Михаил Михайлович в помощники взял меня. Я полюбопытствовал, знает ли он адреса, по которым мы отправляемся, на что Михаил Михайлович ответил, что ему известны только три. Адреса были разбросаны по всей Москве. Выполняя эту почетную миссию, мы посетили многих людей, видели их слезы радости и слышали горячие слова благодарности и любви в адрес Ивана Семеновича. Многие молились, желая здоровья Ивану Семеновичу. Когда Михаил Михайлович видел эти лица людей, взволнованных оказанным им внима-

нием, он сам не мог сдержать слез, ибо тоже в жизни перенес немало.

В 1948 году М. М. Анучину по разным причинам пришлось уйти из Большого театра. На протяжении многих лет он бедствовал, страдал от неустроенности. Давала о себе знать и полученная им травма. Перед самой войной в одном из спектаклей на сцене Большого театра произошел несчастный случай, в результате которого Михаил Михайлович получил сильнейшую травму ноги. Иван Семенович тогда принял живое участие в его судьбе и устроил ему госпитализацию на месяц, а затем добился, чтобы пострадавшего поместили в один из подмосковных санаториев...

Вернусь к нашим походам, которые мы с Михаилом Михайловичем регулярно осуществляли в течение 1958—1959 годов, вручая бедствовавшим старикам то деньги, то гостинцы от Ивана Семеновича.

Из тех адресов мне запомнились только два-три, по которым проживали: Мария Алексеевна Иванова — учительница русского языка и литературы, жившая тогда на Школьной улице. Еще мы бывали на Малой Полянке, в квартире Содомова, у его вдовы. Содомов был бас, короткое время пел в Большом театре. Михаил Михайлович рассказывал о любопытной особенности этого певца. В обыденной жизни он очень сильно заикался, а пел без всякого заикания, легко и свободно. И еще. Это был человек с большим чувством юмора. Когда началась Великая Отечественная война и немцы близко подошли к Москве, то все москвичи готовились к обороне. Конечно, и в коллективе Большого театра проходила соответствующая подготовка, к театру был прикреплен инструктор, который сначала объяснял, как надо обращаться, например, с зажигательными бомбами, а на следующий день спрашивал — как его поняли. В один из таких дней инструктор оценивал знания оперных певцов по заданной теме. Подошла очередь отвечать Содомову. Он, как нерадивый школьник, не был готов к ответу. На вопрос инструктора он, сильно заикаясь, ответил: «Вы з-з-знаете, это в-в-воен-н-н-ая тайна». Какой-то миг стояла тишина. Потом раздался громкий смех. Громче всех хохотали Елена Климентьевна Катульская (которую в театре за доброжелательный характер называли «Катулечкой») и Глафира Вячеславовна

Жуковская. Сдержанно улыбались Надежда Андреевна Обухова, Елена Андреевна Степанова, Мария Петровна Максакова. Инструктор долго хмурился, поглядывая на часы, а потом вдруг сказал: «Вот что, уважаемый, за находчивость ставлю вам тройку, но от меня вы не отвертитесь. Завтра же спрошу вас».

Когда Михаил Михайлович при встрече напомнил вдове Содомова об этом случае, она мило улыбнулась и как-то стеснительно сказала: «Да, он был большим юмористом».

Еще мы посещали вдову Дровянникова — тоже бас, пел в Большом. По словам Анучина, в 30-е годы Дровянникова отправили за границу. По приезде в Париж он добился встречи с Ф. И. Шаляпиным и в беседе с ним пожаловался: «Вот, Федор Иванович, я — красный партизан, большевик. Вы уехали, а я вместо вас пою». На что Федор Иванович ответил: «Поезжай и пой. Так им и надо».

Помню, на Пушкинской улице, если идти в сторону Столешникова переулка, возле магазина «Молоко» стоял небольшой, очень старый трехэтажный дом. В этом доме, в тесной коммунальной квартире, в одной из маленьких комнат нас встретила небольшого роста сухонькая старушка. В комнате небольшой стол, стул, тюфяк. Все очень старое. Хозяйка этого бедного жилища, узнав, от кого мы и с какой миссией, тут же расплакалась. А ведь эта старушка когда-то работала секретарем-машинисткой в московской штаб-квартире III Интернационала. Как горько обошлась с ней судьба! Какая тяжелая старость!

Запомнился один старик, живший в доме, что напротив МХАТа, вход со двора. Дом этот знаменит, о чем свидетельствуют мемориальные доски: здесь жили Николай Асеев, Михаил Светлов, Лидия Сейфуллина. Мы позвонили в квартиру. Нам долго не открывали. Наконец на пороге появился седой старик в поношенном халате, в стоптанных тапочках. Он проживал в маленькой, давно не знавшей ремонта комнате. Этот старик живо напомнил мне портрет старого актера-лицедея кисти Архипова из Горьковского художественного музея, сидящего на скамье и зорко наблюдавшего за тем, что происходит на сцене. Оба старика были очень похожи друг на друга как близнецы-братья: те же голубые слезящиеся глаза, та же седая небритая щетина, такой же грязный халат и такая же домашняя

обувь... Узнав, от кого мы и с какой целью, старик вдруг зарыдал и с восклицанием «Ванечка!» упал на колени и стал истово молиться перед иконами в красном углу.

Сколько сердечных и благодарных слов было сказано в адрес Ивана Семеновича этими стариками, которых мы посещали от его имени, сколько признательности было высказано великому певцу за то, что он их не забывал.

И никогда ни в своих интервью, ни в выступлениях по радио или по телевидению Иван Семенович не упоминал об этой стороне своей деятельности — о милосердии, о благотворительности. Он делал людям добро, но не считал нужным об этом распространяться. Это было не на показ, а по зову сердца.

В 80-е годы Иван Семенович попросил нас с Т. Д. Малаховой навестить вдову С. Михоэлса — А. П. Потоцкую. Она жила одна в небольшой комнате в общей квартире. Все напоминало здесь о великом актере — многочисленные фотографии С. Михоэлса, его гипсовый бюст, — кстати, очень удачной работы, — личные вещи. Мы вручили хозяйке многочисленные гостинцы от Ивана Семеновича и от Анастасии Семеновны, сестры певца. Анастасия Павловна тут же устроила небольшой ужин и угостила нас на славу. За столом мы вспоминали Михоэлса, говорили об отношении его к Ивану Семеновичу, об их дружбе. Побывав в квартире Потоцкой, ощущая дух Михоэлса, мы как бы прикоснулись к живой легенде.

М. М. Анучин не раз рассказывал мне, что Иван Семенович получал очень много писем от самых разных людей с самыми невероятными просьбами. Так, например, одна женщина из глубокой провинции просила Ивана Семеновича о том, чтобы он помог ее отпрыску поступить в МГУ, ибо он провалился на экзаменах. Многие просили содействия Ивана Семеновича в получении квартир. В свое время З. В. Дземянко, работавшая секретарем у Н. А. Обуховой и почему-то относившаяся к Ивану Семеновичу без особой симпатии, обратилась, однако, к певцу, чтобы он помог ей получить квартиру в центре города. Вот так бывало.

В доме Ивана Семеновича существовала давняя традиция — его гостеприимством согревались многие, кому было трудно, кто был по каким-либо причинам обездолен. В довоенные

и послевоенные годы к нему постоянно приглашались на обеды Ирина Федоровна Шаляпина, ее мать — Иола Игнатьевна.

По приглашению Ивана Семеновича приходила обедать и первая жена С. Я. Лемешева — певица Зелинская. Люди не только обедали, но им еще давалось многое «сухим пайком».

Частым гостем за обеденным столом у Ивана Семеновича был и М. М. Анучин, который нередко испытывал большую нужду, не знал, как свести концы с концами.

Вспоминается неповторимый, незабываемый юмор Ивана Семеновича. От изобретательной его шутки, невинного озорства окружающим становилось весело и легко. Опять-таки мне рассказывал М. М. Анучин одну историю из курортной жизни. Представьте себе Мисхор. Летний солнечный день. Пляж. Всех разморила жара, но отдыхающие продолжают загорать. По пляжу идет мужчина со стройной, спортивной фигурой, в плавках, в шлепанцах, в широкополой шляпе и с тросточкой в руках. Это — Козловский. Он подходит к знакомой компании и невинным тоном, с характерными нежными нотками в голосе спрашивает: «Где тут раздеться?» Одна дама, высоко вскинув свои красивые брови, поинтересовалась: «Иван Семенович, а что вы собираетесь снимать?» В ответ последовало: «Ну, хотя бы шляпу».

М. М. Анучин вспоминал из театральной жизни такой эпизод. Это было еще до войны. Как-то дирижер Н. С. Голованов собрал на короткое совещание почти всю оперную труппу. Тенора — Лемешев и Алексеев сидели рядом. На них были почти одинаковые, модные тогда серого цвета пиджаки с хлястиками. Они очень внимательно ловили каждое слово дирижера. А Иван Семенович расположился позади них. И каким-то образом изловчился и связал хлястики того и другого. Когда же наконец Алексеев и Лемешев вскочили, чтобы разойтись, то у них ничего не вышло... Увидев сей курьез, Голованов изрек: «Конечно, это проделки Ивана Семеновича».

Известно, что, несмотря на свою огромную занятость, Иван Семенович находил время и для прогулки. Зимой он непременно закутывался в длинный шарф. Когда времени было мало, он ограничивался прогулкой во дворе собственного дома на Брюсовском.

В тот майский день 1973 года мы с Михаилом Михайловичем были у Ивана Семеновича, а через некоторое время вышли вместе с ним на променад. Погода была теплая.

Сделали по двору несколько кругов. Иван Семенович с любопытством поглядывал на окна и вдруг заметил на одном из балконов Алексея Пирогова, младшего из знаменитой династии. Озорно блеснув глазами, Иван Семенович посмотрел наверх и крикнул Алексею Степановичу: «Спусти бутылочку. Сейчас обедать пойдем!»

Сверху — ни шороха, ни звука. То ли Пирогов-младший не расслышал Ивана Семеновича, то ли не захотел понять его шутки, но оставался все в той же позе и с какой-то виноватой улыбкой на лице. Всяко бывает.

А мы с Иваном Семеновичем продолжили нашу прогулку.

Однажды мы с Михаилом Михайловичем, по предварительной договоренности со Светланой Леонидовной, посетили рабочий кабинет Л. В. Собинова. Это было в 1957 году. Нас встретила престарелая секретарь Собинова — Елена Александровна. Очень приветливая, радушная. Несмотря на преклонный возраст, сумевшая сохранить и ясную память, и внешнюю красоту. Она охотно рассказала нам о том, что окружало Собинова, каков он был в быту. Она говорила о том, что Собинов в молодые годы был не только певцом с чарующим голосом, но был человеком необыкновенной красоты, мягким по характеру, но, к сожалению, в жизни был малоподвижным и в последние годы довольно-таки располнел. Говорила она об этом с грустью, но и с нежностью: Собинов остался для нее кумиром навсегда.

«Я с большой симпатией отношусь к таланту Ивана Семеновича, к его личности», — призналась Елена Александровна. Она заметила, что беседовать с Иваном Семеновичем для нее — одно удовольствие, ее всегда поражало его огромное желание как можно больше знать, глубоко вникать в любой вопрос. Она вспоминала, как не раз видела Ивана Семеновича, выходящего из театральной библиотеки с огромной стопкой книг. Он очень много читал всегда.

А в дальнейшем у Ивана Семеновича сложилась и своя собственная библиотека. Много книг ему было подарено самими авторами.

Любил Иван Семенович и живопись. Его нередко можно было видеть на выставках, в галереях, на юбилеях знаменитых художников.

Незадолго до войны И. С. Козловский и Е. А. Степанова были приглашены на гастроли в Тбилиси для участия в спектакле «Риголетто». Елена Андреевна Степанова вспоминала, что ехали они с Иваном Семеновичем в одном вагоне, общались, но певец больше помалкивал, был сосредоточенным.

Каково же было удивление Степановой, певшей Джильду в этом спектакле, когда она увидела, как окрыленный горячим приемом грузинской публики, Иван Семенович, исполняя песенку Герцога, повторил ее еще раз, по-итальянски, — публика взорвалась сильнее. И тогда Иван Семенович запел эту арию уже... по-грузински. Что творилось в зрительном зале — передать невозможно. Вот какой сюрприз преподнес Козловский не только восторженным грузинам, но и своим партнерам по сцене. От театра до гостиницы, где остановились артисты, растроганные почитатели несли своего кумира на руках...

Свой рассказ об этом «грузинском» эпизоде Е. А. Степанова заключила словами: «Вот пострел! Ничего не сказал, как он будет исполнять Герцога». Елена Андреевна подошла к пианино и, стоя, буквально одним пальцем наиграла песенку Герцога. А мне подумалось тогда: «На то он и сюрприз, чтобы раньше времени его не раскрывать».

Иван Семенович всегда внимательно относился к Елене Андреевне, обладавшей замечательным, уникальным колоратурным сопрано. Когда ее муж С. И. Мигай покинул ее и ушел к другой женщине, Елена Андреевна была в страшном отчаянии. Ей казалось, что жизнь кончена. Она решила покончить с собой и чуть было не утопилась, но Иван Семенович вовремя подоспел и спас ее. Когда же Е. А. Степанова умерла, то Иван Семенович приехал на отпевание в Воскресенскую церковь Ваганьковского кладбища. Он поинтересовался, почему именно здесь? Я пояснил, что на этом кладбище похоронена мать Елены Андреевны и она хотела быть рядом с ней.

В какой-то момент Иван Семенович обратился ко мне с просьбой — подойти к могиле М. И. Сахарова, пианиста-аккомпаниатора, многолетнего партнера Н. А. Обуховой, выступавшего и с Козловским. Иван Семенович достал из кармана

плаща полную горсть монет и предложил рассыпать ее на могиле музыканта. Я с готовностью выполнил это пожелание артиста.

Иван Семенович помнил об ушедших и был необыкновенно внимателен ко всем, кого он знал...

Однажды М. М. Анучин и Сережа Солодков шли по Брюсовскому переулку. Был полдень. Вдруг из своего подъезда появился Иван Семенович, приветливо помахал им рукой и подозвал к себе. «Миша, вы не хотите поехать со мной на дачу к М. Д. Михайлову, в Шереметьево? Максим Дормидонтович только что звонил и пообещал угостить вкусным обедом, приготовленным его дочерью».

Михаил Михайлович дал, конечно, согласие и вопросительно посмотрел на Сережу. «Миша, а это кто?» — поинтересовался Иван Семенович. «Это мой ученик по вопросам искусства», — отвечал Анучин. «Зовите и его», — пригласил Иван Семенович.

Вот таким непредсказуемым человеком был Иван Семенович: ждали его одного, а он приехал с компанией.

Имя Ивана Семеновича Козловского яркой звездой сияет на оперном небосклоне. Мы все, знавшие его, бесконечно благодарны ему за то, что он жил среди нас, что пел для нас, что был неутомимым защитником всего прекрасного.

Например, благодаря вмешательству Ивана Семеновича была спасена от разрушения церковь в честь Святой Живоначальной Троицы, что на Ленинских (ныне Воробьевых) горах. Эту небольшую уютную церковь отметил своей росписью Саврасов. Вот как интересна судьба этой церкви: один выдающийся художник навек запечатлел маленькое чудо; другой — великий певец — это чудо спас... А опасность этому храму грозила тогда, когда взялись за сооружение нового здания МГУ — храма науки.

Церковь была спасена. И между Саврасовым и Козловским протянулась невидимая, неразрывная золотая нить. Слава им!

Как у всякой творческой личности, у Ивана Семеновича было много самых различных планов и задумок, из которых, к сожалению, не все удалось реализовать. Были планы, замыслы, которые с кончиной творца превратились в тайны и ушли вместе с ним...

Бернард Шоу говорил, обращаясь от имени мертвых к живым:

«Вы только сохраните память о нас, и мы уйдем, ничего не потеряв».

А древнее христианское изречение гласит: «Дух витает где захочет».

Так пусть же дух Ивана Семеновича Козловского сперва витает над нами, тревожит нас, а потом — где захочет.

Москва, 2003–2004 гг.

Примечания

Воспоминания написаны специально для данного сборника.

Вениамин Каверин

СЧАСТЬЕ ТАЛАНТА

Я люблю Козловского, хотя знаю его не так уж близко. Мне всегда казалось, что об артисте можно судить по его искусству, по тем чертам, которые характерны для его искусства.

Он насквозь артистичен — Иван Семенович Козловский. И эта артистичность, глубоко свойственная ему, необычайно привлекает сердца. Привлекала, привлекает и всегда будет привлекать.

В его искусстве есть какие-то особенно необыкновенные, трогающие сердца черты.

Я думаю, что на первое место надо поставить его человечность. Его искусство до такой степени отчетливо обращено к слушателю, что я, например, всегда, слушая его, думаю, что он поет именно для меня и ни для кого другого. Ему свойственна такая характерная черта, которую, может быть, следовало бы назвать праздничностью. Причем эта праздничность у Козловского — не случайное и не поверхностное его свойство. У меня такое впечатление, что он мог бы написать трактат о том, как

важна праздничность для искусства. Иван Семенович и является как раз человеком, который вносит в искусство нечто праздничное, светлое, что звучит иногда и в грустных произведениях, которые он исполняет. Все равно вы чувствуете, что в глубине этого грустного, что неизбежно сопровождает человеческую жизнь, все-таки всегда таится надежда на что-то светлое, что в будущем все уладится и станет так, как хотелось бы тому, кто слушает Ивана Семеновича.

Такую черту можно было бы объяснить свойством характера Козловского. Родился, мол, человек, который любит все праздничное, которому нравится все веселое, легкое, беспечное... Но я думаю, вопрос здесь гораздо глубже.

Мне кажется, что у Ивана Семеновича понятие праздничности связано с понятием «призвание», что осуществление замысла художника — это само по себе праздник, в этом заложена основа праздничного отношения к жизни.

Козловский должен быть счастлив, потому что его замысел — смысловой замысел — осуществляется, когда он поет, и это счастье осуществленного замысла невольно передается зрителю и слушателю.

И это не поверхностная черта. Нет! Это его глубокое, органическое свойство.

Конечно, счастье таланта, которым обладает Иван Семенович, не упало с неба. Это счастье явилось результатом неустанного, ежедневного упорного труда. И этот труд сам по себе представляет испытание, потому что только человек способен на жертвы ради искусства — он готов трудиться не покладая рук для того, чтобы добиться своей высокой цели. Этот труд озаряет изнутри. Это подлинное творчество. И это очень характерно для Козловского.

За что я люблю этого певца?

Во-первых, об артисте можно судить по его произведениям, так же как о художнике можно судить по его холстам.

Во-вторых, я имею в виду еще и те черты характера артиста, которые я отчасти инстинктивно угадываю, а отчасти и знаю, ибо кто не знает, по крайней мере в Москве, что Иван Семенович преисполнен необычайной человеческой доброты, участия и внимания к людям. Он никогда не пройдет мимо того, что заслуживает человеческого внимания и заботы. И это

знают и артистический мир, и литературный мир, и простые люди. Все прекрасно знают, что Иван Семенович Козловский — человек необычайной доброты и расположения. А те, кто, может быть, этого не знают, но обладают хорошим художественным вкусом, могут угадать это по его творчеству.

Щедрость души и праздничность, о которой говорил выше, я ощутил в полной мере на вечере в Центральном доме литераторов, «героем» которого был я сам. Это все было в достаточной мере личным, интимным. Но Иван Семенович придал этому яркую праздничность.

Он всегда украшает собой юбилеи. И когда он явился и провозгласил «славу» — ну, конечно, не мне, а великой русской литературе, в которой я по мере своих сил участвую, — в зале поднялся оживленный, радостный шум, и все поняли: предстоит что-то веселое, нечто такое, что должно украсить наш вечер.

И так, разумеется, и случилось, потому что кому бы еще пришло в голову сделать так, чтобы тут же на месте зазвенели бокалы, пенилось шампанское в бокалах, провозглашались тосты...

И в сущности, литературный вечер превратился в такое маленькое импровизированное духовное пиршество.

Это, конечно, мог сделать только Иван Семенович.

Примечания

Из архива Н. Ф. Слезиной.

Валентина Титова

ДАРИЛ ЛЮДЯМ РАДОСТЬ

Хочется поделиться своими воспоминаниями об И. С. Козловском и тем самым высказать мнение одной из его поклонниц.

Я начала увлекаться пением Ивана Семеновича в 1948 году, когда училась в школе. Меня совершенно завораживал его голос, чистый, полетный, а серебристый звук его, со своим тембром, буквально парил над скрипками — например, в «Лоэнгрине». В вокальном плане, я считаю, лучшей его партией был Лоэнгрин в одноименной опере Вагнера.

Раньше, бывало, идешь по городским улицам, и из раскрытых окон слышится «Плыви, мой челн, по воле волн...» из «Корневильских колоколов». И казалось, будто голос действительно плывет в воздухе. А какое у него было божественное пиано в романсе Рахманинова «Здесь хорошо»!

Мы, наше поколение, ходили на все его спектакли и концерты. Позднее в лице своего мужа я нашла такого же почитателя творчества Козловского, как и сама.

Достаточно сказать, что Иван Семенович на моей памяти 27 раз спел в опере «Фауст», 6 раз «Дубровского», и я не пропустила ни одного спектакля. Какие это были праздники!

Мы стояли ночами за билетами в Большой театр. В те годы он еще пел в операх «Евгений Онегин», «Князь Игорь», «Севильский цирюльник», «Садко», «Борис Годунов», и в концертном исполнении — в «Лоэнгрине» и «Наталке-Полтавке».

В 1953 году Иван Семенович гастролировал в Минске. Нас отправилось туда человек 5–6, все были школьниками или студентами. Лично я поехала в основном с тем, чтобы послушать «Травиату», ибо в Москве в то время Иван Семенович не пел Альфреда.

Мы приехали в столицу Белоруссии, узнали, в какой гостинице остановился Иван Семенович, и стали ждать его возвращения после репетиции.

Он приехал, вышел из машины, увидел нас... и остановился, совершенно пораженный, хотя для него такое было не впервые: на гастроли в Тбилиси за ним ездили поклонницы более старшего поколения. Он подошел к нам и стал ругать, зачем мы это сделали, ведь у нас экзамены, и вообще — откуда мы взяли деньги на дорогу и где мы остановились... Мы заверили Ивана Семеновича, что у нас все в порядке, никаких осложнений (кстати, никто из нас по возвращении в Москву не завалил экзамены). Устроили нас в той же гостинице, где жил Иван Семенович.

Новость о нашем приезде облетела весь Минск.

На следующий день шла «Травиата», и весь переполненный зал поднимался посмотреть на нас — московских девчонок.

Мы были в восторге от спектакля. Считаю, что мое поколение почитателей таланта И. С. Козловского очень много потеряло, не услышав и не увидев его в партии Альфреда. Пел и играл он великолепно. Я многих певцов слушала в этом спектакле, но ни один из них не понравился мне так, как Иван Семенович. Очень трогательный, проникновенный, нежный, красивый Альфред. А уж пел — чудо как хорошо!

Он же, выходя на поклоны, вполне оценив наш «подвиг», не раз кланялся в нашу сторону и показывал в нашу сторону своим партнерам.

По окончании спектакля мы прошли за кулисы и сфотографировались с Иваном Семеновичем и его коллегами по сцене.

Еще нам удалось там же послушать оперу «Запорожец за Дунаем» С. Гулак-Артемовского. Тоже было прекрасно!

Уезжали мы с сожалением, ибо у Ивана Семеновича впереди было еще два спектакля — «Фауст» и «Севильский цирюльник». Но, увы, нас ждали в Москве экзамены.

Я бесконечно признательна Ивану Семеновичу, ведь благодаря ему, его великому искусству я полюбила классическую музыку. На концертах, в которых он принимал участие, мы слушали также и С. Рихтера, и Э. Гилельса, и Д. Ойстраха, и замечательных певцов: Е. Шумскую, Г. Вишневскую, З. Соткилаву, Н. Шпиллер и многих других.

Огромное спасибо Ивану Семеновичу за приобщение нас к настоящему Искусству!

Москва, март 2004 г.

Примечания

Воспоминания написаны специально для данного сборника.

Роксана Скорульская

ДОРОГА К КОЗЛОВСКОМУ

Узенькая сырая тропка вьется от Мотовиловки через луг к речушке. Вода в речке ржавая от настоя прибрежных трав, но свежая и прозрачная. На фоне песчаного дна отчетливо видны стайки мальков, которые разлетаются во все стороны, когда мы переходим речушку вброд.

Вернее — меня переносят, ведь мне всего лет 5 с небольшим, а сегодня мое скромное «дачное» платьице должно быть сухим и чистым. Ведь мы — тетя Фрося, дядька Антон, его сестра Елена, ее муж Петр и я — идем на праздник. От узенькой луговой речушки, бывшей в летописные времена судоходною Стугною, нужно подниматься среди пьянящего разнотравья на высокий крутой холм, а дальше, уже равниной, — идти через поля в неблизкую Марьяновку.

Странное, казалось бы, путешествие для простых крестьян, бросивших вдруг посреди знойного летнего дня свое хозяйство на произвол... Но ведь именно от этих людей — от семьи Перехрестов — записывал еще до войны мой дед, композитор

Михаил Скорульский, украинские песни, ставшие мелодической основой его балета «Лесная песня». С тех времен и живет у Перехрестов каждое лето наша семья, а когда у моих старших нет времени отдыхать на даче, меня просто «бросают» на хозяев. И вечерами дядька Антон убаюкивает меня на крыльце, напевая длинные баллады про «Вдову, яка вміє чарувати...» или про то, как «Любив козак дівку, тай кидати хоче...».

Потому и неудивительно, что в знойный летний день мы идем в Марьяновку, — ведь «домой приехал Козловский, будет вечером петь...»

Кто такой Козловский — я уже знаю. Помню, как зимой, закутавшись в непривычные платки, мои бабушка и прабабушка собираются во Владимирский собор: «Козловский, Цинёв и Гайдай будут петь литургию...» Мама вечером танцует в спектакле. Потому меня берут на службу, предупредив, что в соборе здороваться со знакомыми надо тихонько и лучше издали...

Не раз мы с бабушкой заходили в собор поставить свечку к иконе Николая Чудотворца. Но бывало это днем, когда в пронизанных солнечными лучами сумерках почти пустого пространства гулко перекатывались негромкие голоса и осторожные шаги. Теперь же сияют свечи и паникадила и стоит негромкий ровный гул множества людей. Много знакомых, одетых почему-то совсем непривычно; и приветствуют они нас взглядами и кивком головы. Я многих из них привыкла видеть совсем другими — нарядными: в театре среди зрителей или за кулисами. Здесь же все словно играют в прятки... Но я не успеваю ни о чем спросить бабушку, как смолкает общий гул и взлетает под самый купол прозрачный звонкий голос...

Я родилась в «музыкальном» доме: дедушка — композитор, бабушка — певица и педагог вокала, мама — балерина. Членами семьи были для меня и дедушкин большой концертный рояль, и студенты — ученики деда и бабуни, и соседи-музыканты (дом после войны отдали Союзу композиторов, и потому из каждого окна, за каждой дверью звучала музыка). Жили мы возле оперного театра, и росла я, можно сказать, за кулисами, ибо в послевоенном Киеве детских садов почти не было, вот мама и брала меня с собой. А в зал на балетные

спектакли, в которых танцевала мама, меня пускали уже с четырех лет...

А вот величие вокального искусства впервые коснулось моего сердца именно там, во Владимирском соборе, на литургии, которую — вопреки всем советским запретам — пел с побратимом Иван Семенович Козловский.

Потом были оперные спектакли с его участием, на которых мы бывали обязательно. (Однажды, помнится, телеграммой вызывала мама Перехрестов на «Наталку-Полтавку».) Встречались и на киевских гастролях в Москве, куда мама меня всегда брала с собой... Все это были неотъемлемые составляющие моего детства, и я даже не припомню, когда меня представили Ивану Семеновичу и с каких пор вообще началось знакомство нашей семьи с Козловским. Кажется, мама училась в Театрально-музыкальном техникуме с Анастасией Семеновной — по крайней мере, они часто виделись и подолгу разговаривали, встретившись на киевских улицах или в театре.

Может, не следовало бы и упоминать об этих личных детских впечатлениях, если бы судьба не свела меня с Иваном Семеновичем на совсем другом витке моей жизни.

В 1970-е годы в Киеве в конце концов встал вопрос об открытии Мемориального дома-музея Миколы Лысенко. Иван Семенович, который всегда благоговейно вспоминал, как «сам Микола Витальевич Лысенко благословил его в детстве на певческий путь», стал одним из основателей этого музея. Именно Иван Козловский, выдающиеся украинские композиторы Андрей Штогаренко, братья Платон и Георгий Майбороды и знаменитый художник Михайло Дерегус своим неопровержимым авторитетом и непоколебимой убежденностью отстояли, «пробили» открытие музея «такой одиозной личности», как Н. В. Лысенко.

Я пришла работать в создаваемый музей, имея за плечами 8 лет актерского стажа, двоих маленьких детей и не имея никакого музыкального образования (кроме насквозь музыкально-театральной стихии домашнего быта).

Каково же было мое удивление, когда однажды летом, кажется 1979 года, зайдя в музей, я увидела Ивана Семеновича, который знакомился с первыми фрагментами будущей

экспозиции в сопровождении весьма значительных партийных чиновниц. Еще больше изумилась я, когда Иван Семенович оставил свое почтительное окружение и подошел ко мне, приветствуя и расспрашивая, что я здесь делаю, как дела дома — у мамы и бабуни. И вдруг стал объяснять своим сопровождающим, кто я и из какой семьи...

Но главное было дальше: свободно ориентируясь в деталях биографии и творчества Н. В. Лысенко, Иван Семенович стал давать не столько советы, сколько наказы о необходимости отображения, даже акцентации в экспозиции нашего музея определенных моментов, событий, постановок.

С тех пор, скажем, сквозной линией проходят через всю нашу экспозицию портреты выдающихся певцов-исполнителей лысенковских оперных и камерных произведений. Это сделано по настоятельному требованию Ивана Семеновича, подчеркивавшего, что какую бы прекрасную музыку ни писал композитор, она не достигла бы человеческих сердец без талантливого и самоотверженного исполнения певцов. А ведь почти для каждого из тех певцов исполнение на украинском языке произведений украинского композитора, да еще и на стихи, скажем, Т. Шевченко во времена категорического административного запрета украинского языка и украинской культуры вообще — чревато было запрещением работать на сценах Российской империи.

Кто как не славный сын Украины Иван Козловский знал это на собственном опыте, хоть и почти на столетие позже!..

Дальше в памяти моей всплывает начало лета 1980 года. Мы с мужем, мастером художественного слова Павлом Громовенко, едем в составе большой концертной группы с Иваном Семеновичем Козловским по Черкасчине. Едут киевские певцы — квартет «Явир», трио «Золотые ключи», хор Марьяновской детской музыкальной школы, бас и сопрано из Москвы. Едет группа Украинского телевидения с диктором Татьяной Цымбал. Я еду от музея с заданием найти возможность записать воспоминания Ивана Семеновича о Лысенко...

Выезжаем из Киева рано поутру в Канев. Все празднично одеты, в нашем автобусе тон задает марьяновский хор.

На границе Киевской и Черкасской областей официальные лица встречают И. С. Козловского хлебом-солью.

Грациозная фигура певца в светлой индийской шапочке так отличается от наряженных в добротные официальные костюмы функционеров! Кто-то из черкасских руководителей почтительно обращается к «московскому гостю» по-русски... И вдруг тихая и одновременно въедливая реплика Ивана Семеновича: «Хлопці, та я ж свій, з України! І мови рідній ще не забув!..»

Канев. Иван Семенович осматривает экспозицию музея. Киевляне, которые чаще бывают здесь, разбрелись кто куда...

Вдруг дана команда начинать концерт — под открытым небом, на ступенях, которые ведут на Тарасову гору. Камеры, которые фиксируют путешествие Козловского, настроены на запись. А Татьяна Цымбал, которая должна вести концерт, где-то запропала. И тут Иван Семенович зовет меня:

— Ты же артистка? Вот и веди программу...

И взлетает над Тарасовой горой серебряный тенор, и подхватывают его звонкие детские голоса... Козловский поет романсы на стихи Шевченко, народные песни, свою любимую «Глибоку криницю»... Выступают киевляне и москвичи. Павел читает «Заповіт», потом вновь становится в общий хор — как раз за спиной Ивана Семеновича, и тот нет-нет да и оглядывается на него, прислушивается к бархатному тембру [1]...

После концерта Иван Семенович подзывает нас с Павлом и весьма сурово допытывается:

— Почему вы, Павел, чтец, а не певец? С таким тембром надо было учиться в консерватории!

— Надо было бы... но был детдом, послевоенное сиротство, Донбасс и Орск...

— Все равно, занимайтесь вокалом постоянно! Для чтеца владение голосом также обязательно!

Беседуя так, входим в прохладную тишину музея. Иван Семенович крестится, словно входит в храм, и вдруг произносит с душевной болью:

— А все-таки я Тарасу не могу спеть то, что хотелось бы! Как же без рояля петь лысенково «Мені однаково»? А что здесь за акустика! Какой концертный зал пропадает!..

Потом были мы «в гостях у Чайковского» в Каменке, был большой концерт в Черкассах в Доме культуры...

Мне посчастливилось слышать Ивана Семеновича на сцене и в «Онегине», и в «Борисе Годунове». Слышала много

теноров в партии Юродивого — по крайней мере всех, кто пел в Киеве, — кое-кого в Москве и Питере. Но такого Юродивого, каким предстал тогда в Черкассах Иван Семенович Козловский, — не припомню! Он специально готовился к этому: старался почти не разговаривать между выступлениями (и Нина Феодосьевна никого к нему не подпускала), специально привез из Москвы партнера на роль Бориса. Перед этим спел сцену с Ольгой (Татьяной Юрченко — также из Москвы). Но сцена из «Бориса Годунова» — это было что-то феноменальное и в вокальном, и в актерском плане! Я слушала за кулисами — и слезы текли!..

Воспоминания Ивана Семеновича о встрече с Лысенко в Китаево под Киевом, его раздумья о музыке композитора я записала в другой раз — он специально пришел для этого в наш музей.

И до сих пор в Лысенковском доме звучит голос Ивана Семеновича. Почти в каждой экскурсии посетители слушают хотя бы два произведения: хоровой духовный концерт «Куда пойду от лица твоего, Господи?» и один из шедевров музыки Лысенко к «Кобзарю» Шевченко — «Мені однаково» в исполнении И. С. Козловского. Между прочим, Иван Семенович специально заказал оркестровку этого лысенковского музыкального монолога и осуществил запись с ансамблем скрипачей Большого театра СССР. На мой взгляд, это самая лучшая из всех записей произведений Н. В. Лысенко, существующих по сей день.

Я имела счастье видеться с Иваном Семеновичем во время всех его последних посещений Киева, перезванивалась с ним и Ниной Феодосьевной, бывая в Москве. Была, конечно же, в Марьяновке на открытии музея И. С. Козловского, и не раз после того.

А вот как пел Козловский тогда, в родной Марьяновке в начале 1950-х годов, — я так и не услышала. Усталая после дальней дороги под палящим солнцем, я просто проспала тот импровизированный концерт. Но до конца жизни в памяти осталась «дорога к Козловскому» — вечная дорога к вершинам настоящего искусства...

В мае 2000 года на Тарасовой горе впервые в оригинале зазвучали произведения Н. Лысенко из музыки к «Кобзарю»

Т. Шевченко — я подарила Каневскому музею большой концертный рояль «Беккер», принадлежавший Михаилу Скорульскому. Сделано это, кроме прочего, во исполнение мечты Ивана Семеновича Козловского.

Киев, 2004 г.

Примечания

Воспоминания написаны специально для этого сборника.

[1] Громовенко Павел Федорович (1941—1997) — выдающийся украинский чтец, позднее народный артист Украины, лауреат Государственной премии им. Т. Г. Шевченко. Обладал уникальным баритоном бархатного тембра и большого диапазона. В сольных концертных программах и моноспектаклях исполнял часто романсы, народные песни и даже оперные арии на высокопрофессиональном вокальном уровне.

Павел Антокольский

ОРФЕЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Я хочу начать с того, что можно назвать видением.

Несколько лет тому назад (если не ошибаюсь, это было в 1973 году) Иван Семенович, наш дорогой друг, придумал «необыкновенный концерт». Он решил в нашем Центральном доме литераторов, что на ул. Герцена (ныне — Большая Никитская), поставить эскизно «Севильского цирюльника» Россини.

Графа Альмавиву играл, естественно, величайший тенор нашей эпохи Козловский, Розину — Белла Ахмадулина, а я — опекуна. Базилио вообще не было в спектакле, вместо него был драматург Иосиф Прут, который должен был изображать к тому же суфлера, но у него ничего не выходило.

Спектакль имел, конечно, шумный успех. О нем много говорили, народ хохотал, как полагается в таких случаях, все было в порядке. Зрители наградили нас чудовищными аплодисментами и цветами.

Это была, по сути дела, моя первая если не творческая, то, во всяком случае, — действительная встреча с Иваном Семеновичем.

Что же такое Иван Семенович Козловский?

Я рискую назвать его Орфеем нашего общего искусства, того артистизма, того художественного долженствования, которому все мы по мере сил служим.

У Орфея должна быть Эвридика. Это — связь с нашей поэзией, прежде всего — с поэзией Пушкина.

И тут он на самой большой высоте, на какой только может быть художник. В Пушкинские дни в Святогорском монастыре он поет «Испола эти деспота...» Не нужно думать, что «деспот» — это Тиран в нынешнем понимании. Наоборот, это просто прославление великого.

В том же Святогорском монастыре Козловский поет «Выхожу один я на дорогу». Это лермонтовские стихи. Я не знаю, кто на них сочинил музыку. Но знаю — это было зрелище, от которого сжималось горло и, признаться, хотелось плакать. И кто-то, стоявший рядом со мной, схватил меня за плечи, и я сдержался.

И каждый раз он включал в программу что-то новое.

Вот Козловский поет «Я помню чудное мгновенье». Держусь, чтобы не кинуться ему на шею, не поклониться ему в ноги, не поцеловать его руку.

Вот какое впечатление от этого его служения его же собственному богу и его богине — русской поэзии.

Позволю себе привести здесь строки из опубликованного мною ранее «Путевого дневника»:

«Тут я подхожу к рассказу, для которого обязан собрать все средства журналистской выразительности. Я имею в виду Ивана Семеновича Козловского как человека. Прежде всего как человека. Как явление красоты и гармонии — красивый, седой, статный, принаряженный, как на свадьбу. Так сосредоточенный на служении своему богу, что это одно сразу покорило нас, едва только мы увидели его рядом с аккомпанирующей ему арфисткой. Началась мистерия. Иначе не скажешь. Стоявшие перед великим артистом микрофоны могли бы провалиться в каменный пол собора Святогорского монастыря.

Мы услыхали...

Вечерний звон, вечерний звон,
Как много дум наводит он.

Под старыми сводами вдохновенный голос певца звучал так молодо, так легко возносился он, что это уже было не только пением, но явлением природы, как ветер или морской прибой. Это было триумфом искусства во славу Пушкина, во славу России, ее вековой истории, ее широкого дыхания».

И в каждом своем выступлении Козловский был на той предельной высоте, на которой может быть настоящий художник, настоящий артист. Между словами «художник» и «артист» нет никакого расстояния. Оба эти понятия сливаются в одно — великий образ служения своему искусству, а это искусство у Ивана Семеновича не знает предела. Это всегда полная самоотдача. Как ему хватает сил, ему, немолодому уже человеку, пусть несколько моложе меня, но тоже стоящему здесь, рядом с нашим поколением, которое начиналось в 20-е годы?

Он начинал в Полтаве в это же время, потом появился в Москве, и сразу же стал ни с кем из наших теноров несравним.

Его нелегкая работа, о которой я говорил, является его величием, ни с чем не сравнимым явлением служения нашей культуре.

Вижу его и с гитарой. Помню юбилей А. А. Фадеева. Это было в зале им. П. И. Чайковского. Иван Семенович попросил погасить весь свет и пел при одной как бы свече. Что он пел тогда, я сейчас не помню, но это было величайшим явлением.

Я уже говорил, что для меня, да и для многих, Козловский — Орфей.

Да светит имя твое, Иван Семенович, под маскою в образе Орфея!

Есть хорошее русское слово — совесть. Вот что такое Козловский в своем служении. Он знает, что он делает. То, что ему подсказывает, то, что ему велит, к чему его зовет его собственная совесть.

Я думаю, что гений и злодейство несовместимы, а гений и слава — они рядом!

Я бы назвал Ивана Семеновича чужеродным, но точным словом — джентльмен.

Он человек воспитанный, воспитанный самой природой. Это не результат того, что у него был какой-нибудь наставник. Нет! Это дано ему и развито им самим.

Пикассо сказал, что на старости лет наступает такой день, такой час, когда становишься навсегда молодым. Это можно сказать и про Ивана Семеновича Козловского.

Примечания

Из архива Н. Ф. Слезиной.

Белла Ахмадулина

ГОЛОС КОЗЛОВСКОГО...

Я люблю голос человека вообще, понимаю, что голос и есть изъявление нашей души, способ довести, донести, кроме смысла нашей речи, какие-то тона, которые живут в человеке.

И вот Ивану Семеновичу Козловскому удалось так жить, так работать, так петь, что голос его стал совершенным способом донести до другого человека то, что он имеет в виду. Это его дар, который зависел, наверное, от иных каких-то первоначальных обстоятельств и потом был счастливо воспитан им так, что этот голос мил нашему слуху, мил нашей душе.

Дар Ивана Семеновича грациозен, я люблю в нем это внутреннее изящество. Мне кажется, что всякому большому таланту вообще свойственны прочность, живучесть, заведомая влеченность к сохранности. У меня есть стихотворение про розу, и там есть строчки, относящиеся к розе: *Я красоту люблю.* Но, может быть, на этот раз они относимы к голосу Козловского:

Я красоту люблю, как всякий дар,
За прочный позвоночник, за живучесть...

Иными словами, я полагаю, что в сильном, способном человеке есть предназначенность и к долгой судьбе.

Я имела радость, удовольствие не однажды встречаться с Козловским, а во время работы видела, что он очень доблестный человек. Он как бы расточитель своего голоса, он щедр на пение, его уста неэкономны, и в то же время я вижу, что это не расточитель дара, этот человек скаредно относится к тому, что было ему даровано при рождении. Я знаю, что Иван Семенович строг к себе во время работы и бережет то, что ему дано, но в то же время расточает это на других с каким-то особенным умением.

Его репертуар благороден и совершенно чист и бескорыстен.

Судьба была ко мне благосклонна — мне повезло на расположение Ивана Семеновича и дружеское чувство ко мне. Но у меня вообще есть умение любоваться талантом другого человека. Я видела это у многих и не считаю это редким свойством.

В Иване Семеновиче я вижу мужественного одаренного человека, и, как у каждого из нас, у меня есть детское почтение к профессии артиста, к волшебству, которое именно артист с нашего младенчества приносит в нашу жизнь. Это он приглашает к иному мироощущению, вызывает сказочный способ жизни, чуть-чуть повыше нашего жития-бытия. Это с моей стороны вызывает любовь к артисту, любовь к таланту другого человека, а Иван Семенович, надеюсь, ко мне благосклонно относится по той причине, что его волнует поэзия. Я это не один раз замечала.

Я знаю, как Иван Семенович любит прекрасного Пушкина. Мы с ним не однажды встречались на разных счастливых Пушкинских торжествах. Торжества — дело чести, но все же не главное, потому что любовь к Пушкину — не одни наши праздники и не только дни торжества в Михайловском.

Я знаю, что Иван Семенович имеет к Пушкину особое тяготение. Это заметно по его репертуару. Кроме того, я полагаю,

именно Пушкин так мил и близок его душе, потому что труд самого Ивана Семеновича Козловского — это поиски достижения гармонии, а Пушкин — это совершенное воплощение ее.

Я люблю в Иване Семеновиче Козловском артистизм не только тот, который выводит человека из-за кулис, а артистизм, свойственный человеку в его жизни, в его соотношениях с другими людьми. У Ивана Семеновича это милая и прелестная черта. Он артистичен, он живой и освещен изнутри грациозностью, и он любит, как бы сказать, шалить. В этом есть его прелестная ребячливость, его живость, его свежесть нрава, но это как-то возвышенно, сопряжено с его артистическим даром. Обычно шалости его имеют какую-то благородную цель. Например, веселый, как бы в шутку данный концерт, сбор за который был направлен в пользу сельских детей — учеников музыкальной школы.

Однажды он пригласил меня, и мы устроили концерт-шутку. Это было в Доме литераторов.

Ему было шалить легче, чем мне, потому что все-таки он открывал уста и пел, и голос его был наслаждением для каждого человека. Я же отвечала ему экспромтами. Все они изъявляли мою любовь к нему, радость, что мы сегодня вместе играем для радости многих людей. Но поскольку это действительно были экспромты, они состояли из доброго чувства, я эти стихотворные строки не сохранила, они сразу куда-то исчезли, а может быть, почитатели Ивана Семеновича взяли их на память себе. Только помню, что в конце нашего дуэта, где, разумеется, главная роль принадлежала Козловскому, я прочла маленькое стихотворение на память. Стихотворение забылось, но конец помню:

...Пока свершалась наша шалость,
Душа моя была проста...

Я не могу сказать, что я Ивану Семеновичу близкий друг. Нет. Я скорее его почитатель, и наши встречи всегда для меня весьма были приятны, но их не так много и они всегда были случайны.

Как всякий человек, оснащенный судьбой и талантом, Иван Семенович наводит на размышления. Я люблю людей

расточительных на сердце, не жалеющих любить других, и поскольку Иван Семенович такой человек, он как бы одобряет собеседника.

Примечания

Из архива Н. Ф. Слезиной.

Мстислав Листов

ВСТРЕЧИ С ИВАНОМ СЕМЕНОВИЧЕМ КОЗЛОВСКИМ

В 70–90-х годах XX века мне пришлось неоднократно встречаться с Иваном Семеновичем Козловским благодаря тому, что я, в те годы молодой летчик ВВС, был воспитанником Валентины Степановны Гризодубовой — выдающейся женщины, легендарной летчицы и общественного деятеля, человека широчайшего кругозора и душевной щедрости, которой были многим (а иногда и самой жизнью) обязаны сотни людей нашей страны. В их числе не только авиаторы, ученые и изобретатели, но и деятели науки, культуры и искусства, и об этом стоит написать...

Ее популярность в 30–40-е годы, особенно перед Великой Отечественной войной, была чрезвычайно велика среди людей творческих: актеров театра и кино, писателей и поэтов и особенно среди музыкантов.

Сама она училась в Харьковской консерватории, прекрасно играла на фортепьяно, очень любила оперу, оперетту, вокальное пение, русскую и зарубежную классику. Родилась

Валентина Степановна на Украине. Вся семья была чрезвычайно музыкальная. Ее отец Степан Гризодубов (потомственный почетный гражданин Харькова) был одним из пионеров русской авиации, замечательным изобретателем, авиаконструктором и летчиком, любил музыку (в доме было два рояля), прекрасно танцевал. Мать Надежда Комаренко, харьковская модистка, имела великолепный голос, и местные меценаты хотели отправить ее учиться в Италию, но она стала помогать мужу строить его первые самолеты, искусно обшивала крылья аэроплана. Голос сохранила до последних дней...

— Бывало, во время телефонных разговоров с народной артисткой СССР певицей Валерией Барсовой она ей напевала, — рассказывала Валентина Степановна, — и Барсова сокрушалась: «Ах, Надежда Андреевна, а я уже так не смогу спеть...»

Может, потому, что Валентина Степановна и Иван Семенович оба были с Украины, она всегда относилась к нему с исключительной теплотой. И всегда, когда были какие-то особо яркие события или юбилеи, В. С. Гризодубова обязательно приглашала И. С. Козловского. Он никогда не отказывал, если был в Москве.

Мне выпала редкая удача сопровождать Ивана Семеновича на выступления в честь этих событий. Имея за плечами музыкальную школу, я воспринимал его как выдающегося певца. В те времена его голос, а также голоса Лемешева, Гмыри, Михайлова, Барсовой, Пантофель-Нечецкой, Гаспарян и других замечательных вокалистов постоянно звучали в эфире советского радио, а гастроли неизменно вызывали аншлаги в театрах. Посчастливилось мне однажды услышать и увидеть Ивана Семеновича в полном расцвете его сил и творчества в «Борисе Годунове» на Урале.

Поэтому поручения Валентины Степановны я воспринимал как почетные и с удовольствием, после ее звонка И. С. Козловскому, направлялся к нему. Встречали меня, как правило, его сестра Анастасия Семеновна или секретарь Нина Феодосьевна, с которой мы подружились и нередко перезванивались.

Иван Семенович тщательно готовился к каждому выступлению. Когда мы с ним выходили на улицу (а так получалось, что я ездил к нему либо осенью, либо зимой), то непременным атрибутом его одеяния был длинный шарф, которым он

укутывался, чтобы не простудиться, так как исключительно старательно берег голос.

Мы спускались с последнего этажа знаменитого дома по улице Неждановой, садились в гризодубовскую «Волгу» и ехали на выступление.

Я обратил внимание, что во время поездки по Москве Иван Семенович, сидя на переднем сидении автомобиля, делает рукой колебательные движения около уха, вперед-назад. Сначала я не мог понять, что сие означает, а потом стало ясно, что это был своеобразный камертон, настройка его исключительно тонкого слуха, который воспринимал малейшие колебания.

Вспомнилось, как однажды самый легендарный летчик России, планерист и художник, младший внук И. Айвазовского и друг Максимилиана Волошина К. К. Арцеулов, с которым мне посчастливилось дружить последние годы его жизни, рассказывал, что во время полетов на планерах над горой Узун-Сырт близ Коктебеля в Крыму при отсутствии в те времена указателей скорости на планёрах он определил скорость на слух по пению ветра в расчалках планёра!..

Иван Семенович перед выступлениями был сосредоточен; приехав, в течение часа разогревался, распевался и только после этого выходил на сцену. После выступления минут 40 он остывал. Никогда не оставлял без комплиментов милых дам, артисток за кулисами, балагурил, удостаивал одобрения понравившихся ему певцов, в частности хвалил выступавшего тогда молодого баритона Вячеслава Кобзева (ныне известного певца). Потом мы с ним сидели за кулисами, и он всегда с юмором комментировал выступления на сцене... Затем просил дать ему монетку и бросал ее на сцену. Как-то я спросил его, зачем он это делает. «Чтобы снова вернуться!..» — ответил он.

Однажды, когда мы ехали с Козловским на 75-летие Валентины Степановны, он по дороге спросил: «Можете достать бутылку шампанского и фужеры на подносе?» Я спросил Ивана Семеновича, для чего это понадобится, заверив, что, безусловно, постараюсь его просьбу выполнить. Он интригующе промолчал...

Выйдя на сцену, Козловский исполнил «Застольную» из «Травиаты» — любимой оперы В. С. Гризодубовой. Заканчивая выступление, он обернулся к кулисе, взял подготовленный

поднос и, подойдя к Валентине Степановне, элегантно протянул ей фужер с шампанским и три колоска пшеницы. Зал взорвался аплодисментами.

Кажется, после этого Иван Семенович пригласил меня на свой сольный концерт в Рахманиновский зал Московской консерватории. Прекрасный концерт увенчался всеобщим восторгом зала от неожиданной сцены, когда Иван Семенович после исполнения дуэта поднял актрису на руки. Это было в конце 80-х годов.

Как-то Валентина Степановна мне сказала, что Иван Семенович просил меня связаться с ним. Я моментально позвонил. Козловский объяснил, что у него под Киевом, в Марьяновке, есть музыкальная школа, которую он опекает, и каждый год обеспечивает в зимние каникулы поездку детей в Москву. Он спросил меня, смогу ли я выступить перед детьми и рассказать им об авиации, профессии пилота и так далее. Я, конечно, ответил согласием. Но он попросил при этом подготовить по возможности интересные фотографии для школьного музея.

Приняв к исполнению его просьбу, я позвонил патриарху советских летчиков-испытателей, Герою Советского Союза Михаилу Михайловичу Громову, с которым был дружен, передал просьбу Козловского и попросил дать несколько фотографий для школьников. Громов, естественно, не отказал, и я отправился к нему, с удовольствием выслушав комплименты Ивану Семеновичу, а заодно обстоятельную, как всегда, лекцию-экспромт о конструкции «Стейнвея», который стоял в квартире этого замечательного и непревзойденного знатока творчества С. В. Рахманинова.

После Мих Миха (как любовно звали летчика М. М. Громова) я позвонил своему другу, летчику-космонавту СССР и одаренному художнику Владимиру Джанибекову и также вскоре получил от него реликвии для школьного музея на Украине.

В назначенный день я нарядился в элегантную темно-синюю летную форму с золотыми погонами и по адресу, данному мне Иваном Семеновичем, направился к одной из московских школ, в которой остановились дети из Марьяновки. Учителя, встречавшие меня, провели в класс, открылась дверь и... грянул гимн в мою честь!

В первом ряду класса, как мне потом объяснили, стояла целая семья детей от 7 до 17 лет, каждый играл на своем музыкальном инструменте, а остальные хором пропели мне торжественную оду, от чего я, естественно, в первые мгновения оторопел. Может быть, это им подсказал Иван Семенович, не знаю, но получилось очень мило, торжественно и запомнилось мне на всю жизнь.

Встреча прошла замечательно. Я рассказал о том, что считал интересным для школьников, преподнес им свои дары, а также от М. М. Громова и В. А. Джанибекова... И по сей день с легкой руки И. С. Козловского эти реликвии находятся на Украине.

Последний раз я пришел к нему после встречи со школьниками. В гостиной оказалась девушка-вокалистка, ученица Зары Долухановой. В ожидании Ивана Семеновича мы рассматривали картины на стенах, семейные реликвии... Почему-то возникло ощущение, что он готовится к уходу, что это будет наша последняя встреча... Когда он спустился сверху из своей комнаты под потолком, мы сели за стол, разговаривали, пили чай. Я ему доложил, что его просьба благополучно выполнена, рассказал подробности... Прощаясь, он подарил мне свою пластинку с записью украинских песен — драгоценную реликвию с дарственной надписью четким, красивым почерком: «Мстиславу Степановичу доброй жизни. С ув. И. Козловский, 19.XII.85».

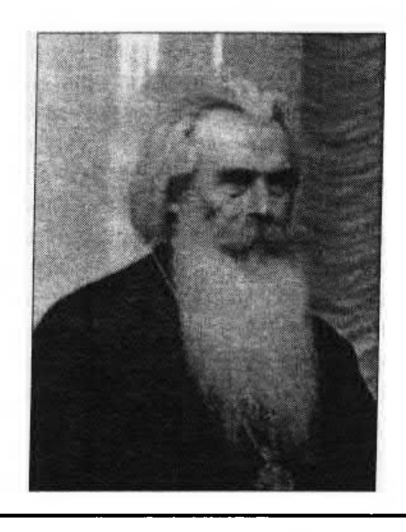
Эта встреча действительно оказалась, увы, последней...

Но неповторимый голос И. С. Козловского продолжает звучать и поныне...

Москва, 21 июня 2004 г.

Примечания

Воспоминания написаны специально для данного сборника.

Питирим,
митрополит Волоколамский и Юрьевский

ОН БЫЛ МУЖЕСТВЕННЫМ ЧЕЛОВЕКОМ (Из беседы на пресс-конференции, посвященной конкурсу имени И. С. Козловского[1])

О выдающемся музыканте говорить мне довольно трудно, тем не менее я все-таки должен сказать: чтобы исполнять церковную музыку — нужно иметь некоторые иные качества, чем просто вокал и школа.

Он всегда ходил в церковь — несмотря ни на что, в любой мороз, в любую погоду. А в сохранении церкви на Успенском Вражке, что выстояла на задворках Моссовета, есть большая заслуга музыкальных деятелей — Козловского, Неждановой, Голованова и других, которые своим талантом, своим мужеством сохраняют культуру во всем ее многообразии. Иван Семенович был *мужественным человеком*, что я могу подтвердить одним, можно даже сказать, трагикомическим сюжетом.

В 1952 году впервые в Загорске, в Московской духовной академии святейший патриарх Алексий Симанский собрал

представителей и руководителей всех религиозных обществ Советского Союза для дела защиты мира. На заключительное заседание прибыли артисты, чтобы исполнить несколько музыкальных номеров, и в том числе Иван Семенович. «Вот у меня есть программа, — сказал он, — но я хочу пропеть свой вариант». Боже мой, что тут началось — все согласовывалось, начались звонки в Москву, а можно представить, как из Загорска в Москву дозвониться, да еще по закрытым телефонам!

Однако Козловскому это удалось!

Иван Семенович пел «Сейте разумное, доброе, вечное! Сейте! Спасибо вам скажет сердечное русский народ!»

Такая была звонкая нота в этих чертогах царских.

1995 г.

Примечания

[1] Международный конкурс теноров предполагалось провести в 1995 году; пришло много заявок из-за рубежа, однако конкурс не состоялся — спонсоры не помогли.

Маргарита Анохина

БЕСЕДЫ С КОЗЛОВСКИМ

Пушкин и Козловский. Эти имена созвучны. Пушкин — певец поэзии. Козловский — поэт музыки. Оба они — наши Орфеи. Слово «Орфей» нередко встречается в поэзии Пушкина. Орфей — один из героев Козловского.

Пушкин — мой любимый поэт. С раннего детства он покорил меня необыкновенным благозвучием — будь это его сказки, стихи, поэмы, — их лучезарным светом. Когда случаются нелегкие дни, открываю наугад том Пушкина — и на душе становится теплее и светлее. Так же, когда слушаю божественный голос Козловского. Мне посчастливилось слышать его в театре, концертном зале, беседовать с ним. И каждая встреча, беседа с ним были настоящим университетом культуры и музыки, красоты и доброты.

С Козловским мы задумали в свое время цикл бесед о музыке. Мне звонила его секретарь Н. Ф. Слезина и говорила: «Иван Семенович ждет вас». Порой звонил он сам. И я не шла — летела к нему, словно на крыльях. И начинался интересный, увлекательный разговор. Иван Семенович был абсолютно

в курсе того, что происходило в мире, в стране, в Москве, что касалось музыки (если бы только музыки!). Ставился новый спектакль — непременно приходил на репетицию или премьеру. Приезжали, к примеру, новосибирские артисты — шел на их концерт, встречался с ними. Гастроли Венской оперетты, бенефис известной драматической актрисы, встреча с молодежью в ЦДРИ — ничего не пропускал. Как он всюду успевал — загадка. Любил принимать молодых певцов дома, записывал с ними новые диски. В нем постоянно бился пульс жизни.

...И вот он спускается со второго этажа (квартира его двухэтажная) — всегда нарядный, в клетчатом пиджаке или во фраке, в белоснежной рубашке, с неизменным галстуком-бабочкой. Приветливый, доброжелательный, галантный. Таковы были его правила.

И начиналась беседа о том, что происходило в жизни, мире музыки, а более всего о самом дорогом и близком его сердцу — оперном искусстве. О чем бы мы ни говорили — о певцах, дирижерах, режиссерах, художниках, — он непременно вспоминал Пушкина. Во время встреч с Козловским поэт всегда находился рядом. О чем бы мы ни беседовали с великим певцом, Пушкин всегда был на его устах.

Беседа первая: Дирижерство — «дело темное...»

В тот раз мы говорили с Иваном Семеновичем о дирижерах, и вот что он сказал:

— Для зрителя, слушателя опера начинается со взмаха волшебной палочки дирижера. Первые аккорды музыки — и мы попадаем в иной мир: мир грез, страдания, радости.

Искусство оперного дирижера заключается не только в исполнении музыки оркестром, а и в протягивании невидимых нитей к исполнителям, а от них — к зрителям.

Каким представляется нам дирижер? Кем является он для, наверное, все же самых главных участников спектакля — певцов? Как складываются отношения творцов оперы — композиторов, дирижеров, режиссеров, вокалистов? Чем нынешние дирижеры отличаются от маэстро прошлого? Как сегодня звучит оркестр в театре?

С. В. Рахманинов говаривал, что не должно быть художественного руководства в искусстве. Я высказываю лишь его

точку зрения и не хочу ни с кем ругаться. Но и менять своих убеждений не намерен. Хотелось бы прежде напомнить вот что — это, правда, относится не только к дирижерам, — знание слаще любой конфеты, а надо признаться, я очень люблю шоколадные конфеты. Но знания можно усвоить и установить. Вкусы и мнения опять же основываются на знании. Но... недаром Пушкин восклицал: алгеброй нельзя постичь гармонию! Как же окружить себя гармонией? Часто ли мы встречаемся с тем, чтобы она царила? Скудость мысли, тупоумие, тщеславие, зависть — не они должны царствовать в искусстве. Тот же Пушкин, день рождения которого мы недавно отмечали, провозгласил жажду славы — славы творческой.

Конечно, знания и вкусы меняются. Кто же это оспаривает? Толстой уверял, что это происходит лет через 25. Но... Вот поставили в Ленинграде нового «Бориса Годунова». И что?

Прежде опера была какой? Все начиналось с библейских ораторий. Еще во времена Моцарта она исполнялась в кулуарах и салонах. Но какое сильное впечатление производила! А сейчас? Вновь поставили «Кармен», а главную героиню прячут от Хозе. Но ведь есть же и феноменальный голос Паваротти. Кого он может оставить равнодушным? Какое звучание, придыхание, какая гармония в голосе! А мы теряем гармонию, синкопируем музыку. Зайдите на оперные репетиции — там меньше певческого, больше топтания. Еще 50 лет назад я говорил: зачем на сцене так волноваться и мучиться неизвестно от чего? Однажды там поставили стог настоящего сена, отчего дышать было совершенно невозможно — не то что петь.

Вспомним немного истории. Как-то встретился я в театре с братом В. И. Ленина Дм. Ульяновым. Он говорил: «Раньше пели: славься, царь; потом — Керенский, сейчас — Сталин, затем...» Вот восстановили «Жизнь за царя» — текст барона Розена. Ведь и тогда историю знали неплохо, да не хотели с поляками ссориться...

Так вернемся к дирижерам. Иногда у нас дирижирование оперой путают с дирижированием садовым оркестром. Если говорить о звучании, то нередко музыканты играют, а вокалисты поют обнаженным звуком. Так звучит сейчас в Большом театре хор «Славься» в «Жизни за царя».

Где пение — канто? Дирижеры играют в *ре, си, до*. Надо не «а-а-а», а «о-о-о». Вспоминаются Карузо, Держинская, Пумпянский. Последний был смешной, несценичный, но разбирался в музыке. «До 70 лет будешь петь, как сейчас, — гарантирую», — говорил он мне.

В Большом театре прежде существовала музыкальная академия — там работали с молодыми певцами, готовили спектакли. Сейчас петь с молодежью — все равно что заниматься с ней по приговору суда. Они так работают, что по методу древних — их бы крапивой, да по хорошему месту.

В чем корни этого? И в недостатке знаний. Дирижеры должны с ними работать, понимая специфику вокала. Вспомним: Небольсин — пел, Сук — пел, Голованов — тоже пел. Шла опера «Ромео и Джульетта». Дирижировал Голованов. Поем в унисон с Неждановой. Слышу, кто-то подпевает, мешает. Голованов! В антракте ему Нежданова в шутку говорит: «Фальшиво поете». В молодости, говорят, и Китаенко пел, да по тому, как он дирижирует оперой, — этого не скажешь. А вот Светланов точно пел, сам слышал. Да и поверить в это можно. Недавно по телевидению выступал американский дирижер Сладкий. Рассказывал о детстве, учебе. Учился музыке, как отец... дядя. Как братья. Те стали виолончелистами. А он — дирижером: пошел в дирижеры, когда понял, что они играют хорошо, «а я — скверно». Не зря Римский-Корсаков утверждал: «Дирижерство — дело темное».

Еще 25 лет назад давали частные уроки. Думаю, это стоит возобновить. Может быть, тогда мы не станем принимать в консерваторию массу ненужных людей. Возьмем, к примеру, дирижерский факультет. Он существует уже 20 лет. И мало кому приходит в голову приглашать на учебу певцов. А то получается порой, что те, кто претендует на роль пророков, не знают и не понимают элементарных вещей.

Обязательно надо восстановить и институт меценатства. И пусть входят в художественные советы такие, как Мамонтовы, Алексеевы... Если, конечно, таковые найдутся.

Думаете, художественный совет — это нынешнее изобретение? Нет. Он существовал, когда вас еще на свете не было. И в него в Большом театре входило 5 (!) человек. Это у нас сейчас кругом царит количество: и в художественном совете театра, и в Моссовете, и в консерватории, и на митингах...

Надо бороться с гигантоманией. Но хорошие дела не забывать. Вот в свое время был государственный Ансамбль оперы. Мы ставили в концертном исполнении «Орфея», «Вертера». Из Ансамбля вышли такие известные певцы, как бас Иван Петров и много других... Оркестр — позади, действие и певцы — впереди.

— Это что-то вроде «Моцарта» Е. Колобова?

— Хорошее дело затеял Колобов. Но я говорю о государственном ансамбле, потому что это масштабнее, — как ансамбль Моисеева. Такое, конечно, стоило бы возобновить. Это стало бы хорошей школой и для певцов, и для дирижеров и помогло бы слушателям познакомиться с новыми интересными произведениями.

— Подобное затевал М. Юровский, когда в зале имени Чайковского в концертном исполнении играли малоизвестные нам оперы Бортнянского. Но потом это дело, к сожалению, заглохло...

— Так продолжим нашу тему... Сейчас у нас немало дирижеров, которые идут на «легкую жизнь». Далеко не все помогают оркестру извлекать волшебные звуки. Да и вообще — не слишком ли их много в Большом, и все ли соответствуют его уровню? И, как признаются мне певцы, у каждого своя манера, свои требования, и не всегда обоснованные. Свой стиль, к которому надо приспосабливаться. Вы понимаете, что я не имею в виду творческий почерк — это совсем иное.

Музыка одних и тех же опер исполняется ими по-разному. У них так много пометок в партитурах, а авторство нередко совсем исключается. Помните, я вам показывал клавир «Бориса Годунова»?.. Столько там авторских замечаний! Но дирижерских — еще больше. Кто играет по Мусоргскому? 4 пиано. Это же надо понимать. Вот 7-я симфония. Она написана в форме марша, но музыка — траурная. И потому нужна тишина.

Я застал Федоровского, Голованова. Это были настоящие руководители. Они не собирали вокруг себя тех, кто послабее. Да, такие, как Голованов — безумцы. Они живут лишь за счет гениального труда. Такие понимают и законы физики, и законы музыки, что рядом могут быть и форте, и 4 пиано. Физики мне говорили, что я пою по закону акустики — разница между форте и пиано огромная.

А дирижеры? А композиторы? Ко мне приходил Батурин после исполнения Шостаковича, Зыкина — после встречи с музыкой Щедрина — помогите! И помогал. А вот заниматься с молодыми солистами сейчас — адский труд. Конечно, каждый должен в себя верить. Но не быть самоуверенным болваном.

Камертон! Вот эталон — и никаких скидок. Хотя встречаются пометки дирижера (даже у того же Голованова), за которые, пошли их в музыкальный суд, — осудят. Но дирижирование — не алгебра. Это что-то другое. Это как религия. Далеко не каждого современного дирижера можно поставить рядом с Суком, Никишем... Вспоминается этот величавый старик с седой головой. «Молодой человек, — говорил он мне, — не забывайте, что после первого акта будет еще пятый».

— Иван Семенович, а помните «Бал-маскарад», где одну из главных партий пел солист Большого Александр Ломоносов? После спектакля вы ему дали много полезных советов, и среди них — «не соревноваться с духовенством» — имеются в виду духовые инструменты.

— Помню, помню. Но я ему не сказал, что дирижер все время щелкал пальцами, «помогая». А этого вовсе не надо было делать — это высокопрофессиональный певец, который все прекрасно понимает сам. Он мне очень понравился.

Вообще, к сожалению, есть маэстро, которые любят одних певцов и не жалуют других. И потому не включают их в составы исполнителей, даже если они того заслуживают. Мне об этом говорят сами солисты. Прежде такого не бывало.

Самое главное — исчезло почти «оперное» звучание оркестра и наличествует симфоническое.

— Может, потому, что оперные дирижеры часто сейчас выступают с симфоническими оркестрами, а когда дирижируют оперой, забывают, что соприкасаются с самым сложным и тонким инструментом — человеческим голосом?

— Дирижеры порой забывают, что перед ними не только музыканты оркестра, но и вокалисты, а позади — зрители, которые пришли в оперу не только музыку слушать, но и певцов.

А что мы имеем в результате форсированного звучания оркестра и вокалистов? Потерянные, расшатанные голоса. Блеющие. Звучание нечистое. Можно ли переиграть скрипку (которая в вокале сродни тенору)? Она звучит чисто и не

форсирует. Вспомним Концерты для скрипки Брамса, Чайковского, Хачатуряна. Особенно, когда солируют Ойстрахи — отец и сын!

Беспокоит и то, что значительно увеличилось количество инструментов в оркестре, а значит — и музыкантов. Ведь чтобы их рассадить в Большом, потребовалось убрать три зрительских ряда. Да к тому же поднята оркестровая яма.

— Я слышала, что в «Ла Скала» есть отметка Тосканини, выше которой нельзя поднимать оркестр.

— Оркестр Большого театра трудно пробить солистам. Чем все это объяснить? А объясняют плохими, неполетными голосами. Но так ли это? Все перечисленное в комплексе наносит непоправимый ущерб голосам. А если еще прибавить завышенный строй оркестра... И кто за все это отвечает?

Подводя итоги, скажем: нужен ли все-таки главный в театре? Вспоминаются споры М. Чехова и С. Рахманинова: кто главнее? А Рахманинов еще и приговаривал: «Не дай Бог, если главный — дурак». Голос — вот самое главное в опере. Неумно, когда режиссер прячет Кармен от Хозе; когда летают гробы в «Пиковой даме»; когда певцы поют к зрителю спиной, лежа, сидя. Оперная партия должна создаваться прежде всего певческим звуком. А режиссеры, дирижеры должны помогать, а не вредить.

Иногда дирижеры певцам говорят, говорят, говорят... Чем больше говорят, тем меньше убеждают. А встал за пульт — рука тяжелая.

— А мне признавался Александр Ворошило, что у Е. Светланова волшебная рука. Каким-то неуловимым жестом подсказывает певцу, как надо петь. Взмах — и все понятно без слов.

Хотелось бы заключить беседу на мажорной ноте. Б. Хайкин — последний из дирижеров-могикан — в своей книге «О дирижерском ремесле» рассказывал: однажды, когда заполняли грузом самолет, летчик остановил грузчиков — довольно, мне еще надо поднять самолет в воздух. Так и дирижеры: все, что напридумали композиторы, режиссеры, художники, — дирижеру надо поднять в воздух.

Согласимся: дирижерство — все-таки очень трудная профессия.

Вторая наша беседа с И. С. Козловским началась с разговора о вечере, посвященном Сергию Радонежскому:

— Недавно я был на интересном вечере в консерватории. Он был посвящен Сергию Радонежскому (в связи с 600-летием кончины), благословившему Дмитрия Донского на победу, что ставит рядом с воинским подвигом подвиг духовный. Во время Куликовской битвы прозорливый старец в своем монастыре рассказывал о перипетиях боя, называл имена павших. На концерте исполнялась классика — «Богатырская» симфония Бородина и кантата «Москва» Чайковского.

Начнем с финала концерта — появления за пультом одного из новых дирижеров, иеромонаха Амвросия. В концерте приняли участие Российский симфонический оркестр (главный дирижер М. Плетнев), Республиканская академическая русская хоровая капелла им. А. Юрлова (художественный руководитель С. Гусев) и солисты И. Архипова и Н. Путилин. Каждый исполнитель, в том числе все музыканты, были на концерте как бы проповедниками минувшего и грядущего. Какая палитра красок! Какие возможности хора, певцов были раскрыты! Чем меньше суетливости и темперамента, тем сильнее впечатление оставляют исполнители, тем бóльшая тяга слушателей к ним. Пример — тот внешний аскетизм, которым покорил Амвросий, ему присущи были также сдержанность и религиозная настроенность. Казалось, что дирижер как бы отрывается от пульта, за которым стоит, и поднимается ввысь с движением воздуха, — это непременные атрибуты мастерства.

Что значит дирижер? Прежде всего — мыслитель. А мысли иллюстрировать не надо, это противозаконно даже в детском возрасте. В моих размышлениях о дирижерах вспоминается много имен, но каждый имел свою неповторимую индивидуальность. Дирижирование — одна из сложных проблем оперного искусства. Особенно это тревожит в наши дни — что и как помогает пению. Кто из дирижеров созидает, а кто — напротив. И все это доказуемо.

Хорошо, что подобные концерты организуются сейчас. Интересной была интерпретация «Богатырской» симфонии. В рамках духовной чистоты вел оркестр Михаил Плетнев.

Думаю, по-человечески обрадованы были и сами исполнители, и аудитория. Мне вспомнились матери, которые не увидели своих невозвратившихся сынов, может быть, представлявшихся им и за пультом, и поющими. Много мы перенесли несчастий. Но какая радость матерей, отцов, если со сцены новые люди несут им ум, мастерство, вдохновение!

На том концерте, посвященном глубоким темам, звучало поразительное пение, и не было в нем «откровенных» нот, которыми нередко грешат «меццо», а было абсолютно чистое, ровное, красивое звучание во всех регистрах.

Величественно пела и Русская хоровая капелла. Звучали то торжественность, то ликование в перезвонах оркестра. Порою было чуть-чуть шумно, но все же допустимо, даже для первого ряда. Соло певцов и ансамбля хора покоряло гармонией.

О чем я еще подумал? Чем больше живет человек — тем лучше поет. Сила искусства солистки радовала и пленяла. В пении И. Архиповой было такое удивительное откровение, как «царские врата». Как отрадно видеть и слышать, что раньше не замечалось! Этим и привлекательна жизнь человека на земле. Вдохновение ценнее почти закономерного тщеславия. Есть что-то выше него. Вспомнилось, как всего за несколько дней Пушкин создал «Моцарта и Сальери», «Пир во время чумы» и «Скупого рыцаря». Но такая кажущаяся легкость является в искусстве результатом огромного труда. Труд и трижды труд. Это следует не из указов, а из убеждений. А они, эти убеждения, формируются и самой эпохой, и в процессе каждодневного труда. Да и самим человеческим словом, в том числе и на страницах печати. Очень важно, кто пишет, что пишет, не говоря уже — как пишет. Многое, конечно, зависит и от языка, от оборотов речи. Бывает, стиль чем ядовитее, тем более разлагающ — как скверные анекдоты. Вот лишь одна фраза из материала обо мне в «Комсомольской правде»: «И пошел он в церковь...» Что это? Запрет? Ирония? К чему она? Как и другие отрывочные мысли, отдельно вырванные из моей речи. А ведь в случае — «И пошел он в церковь» — исполнялась «Всенощная» Рахманинова, гениальное произведение, признанное всем миром. И звучит оно в церкви понятно, доходчиво, где вся обстановка — иконы, убранство — помогает воспринимать музыку. И исполнялось оно в церкви, которую посещал и Иван Грозный. Он

сочинял стихи и музыку, которая сейчас расшифрована, переведена с чисел на обычные ноты. Разве не интересно вспомнить, что 500 лет назад один пророк сказал: народится чудо, которое потрясет человечество жестокостью, имя его — Иван Грозный. И вдруг чистые, поэтические образы в его стихах. И в музыке! Какое воздействие на совершенно неуемного человека производили само время, сила человеческого духа, быть может, и пение — одно из самых сильных воздействий. Быть может, это приводило его к раскаянию. Вот какие мысли должны были волновать авторов статьи, а не отдельные фрагменты моих выступлений, вырванные из контекста, взятые для выдумок, позора.

А ведь, с позволения сказать, такие «творения» нередко бывают характерны для почерка современных авторов. Я не знал, что некие существа попросят их принять для компрометации: кого, кем, за что? Поразительна фраза редактора, произнесенная после того, как я сказал, что не согласен с печатанием материала: «А мне нравится». Вот где ужас...

Я вам рассказал о концерте. Да разве он один такой? Я выписываю немало газет и журналов. Там печатают много разумного, доброго. Мне не один раз звонили по поводу статьи в «Комсомолке». Вот только что был звонок из Нижнего Новгорода. После таких статей хочется спросить: «Кто вы, надменные потомки?» Я привел лишь одну фразу: «И пошел он в церковь». А ведь в той же статье подобных фраз немало.

Беседа третья: Как память о павших

В беседе речь шла о важных проблемах развития вокального искусства, о том, что способствует и что мешает его прогрессу, о детском музыкальном воспитании. С большим волнением И. С. Козловский поведал об одном из концертов, проходившем в Большом зале Консерватории:

— Стасов воскликнул как-то: «Радость безмерная!» Но оставим Стасова, оставим любимые имена и скажем просто: есть творения сегодняшнего дня, которые отмечены высоким мастерством, которые способствуют выявлению духовной поэзии.

Во втором отделении концерта, состоявшегося в самом начале года в столичной консерватории, выступал Государственный академический украинский хор имени Г. Веревки (художественный руководитель А. Авдиевский), дирижер Ф. Глущенко.

Поговорим о том новом, радостном, что представляет собой произведение Станковича «Купальские сцены» из народной оперы «Цветок папоротника». Гоголь и Стравинский, их духовная суть веками будет изучаться и давать наслаждение. Космонавт П. Попович, когда был в космосе, запел там один, в бесконечной Вселенной, «Дивлюсь я на небо». А думал он о земле родной, о той силе поэзии, которая воспитывает душу.

На концерте исполнили только «Купальские сцены» («Ночь под Ивана Купалу», «Гадания»), и вспомнилось «Озеро» композитора Лядова. А тут еще мастер говорит о прошлом, о великом и таком понятном, что удержаться, замкнуться во «всезнании» невозможно. Котляревский воскликнул бы: «Це діло таке прекрасне, що і вдруге хочеться послухать».

Музыка изображает прекрасную воду, а не вода музыку. Готово творение, которым можно гордиться, а главное — исполнителям радость. И думается, эту радость испытали бы многие слушатели. Прекрасному нет конца.

Когда происходило открытие Волго-Донского канала, Г. Веревка спросил меня: «Что вы скажете о нашем хоре?» Не сразу я решился на обнаженный разговор, но какую бы форму я ни пытался найти, чтобы не огорчить, истину надо было сказать. Я ответил: «Пятницкий дебютировал в Большом театре в опере „Фауст“ как певец. Он себя готовил к этому и получил классическое воспитание».

Гоголь говорил, что песня — это душа народа. Его история, его суть. И вот И. Москвин, знаменитый артист и директор МХАТа, мне лично поведал о том, как был свидетелем того, как Л. Н. Толстой, слушая небольшой крестьянский хор (12–15 человек), которым руководил Л. Пятницкий, не стеснялся своих слез. Москвин свое состояние передал так: «Это был трепет. Ты пойми. Это было познание высочайшей мудрости, звуком выраженной».

В тот вечер пел хор, который может все исполнять, и прежде всего à capella произведения классиков, которыми так богата наша музыкальная литература. Какая стройность, какая глубина! И было в том звучании что у каждого есть в душе, когда человек может говорить наедине и с водою, и с вербою. Как мы богаты, и как мы мало знаем о нашем могуществе! О той сегодняшней силе и возможностях духовной культуры. Ведь

будущее таких профессиональных хоров должно неизбежно привести к академическому звучанию, принципу. Конечно, сохраняя при этом те стилевые характерные произведения, которые органичны. Ведь Веревка — такой же воспитанник института имени Лысенко, как и я, он тоже пришел к вековой классической хоровой песне. Сегодняшний хор может и должен петь, записывать классические оперы, выступать в концертах, исполнять многое, в том числе «Реквием» Верди, Моцарта...

Я полон благодарности артистам хора, оркестру под управлением В. Дударовой. Идя на концерт, я понимал, что части публики не будет...

Стоит добавить к названному хору 10 солистов, и тогда он мог бы петь «Топлену», «Черноморцев», «Ноктюрн» Лысенко, «Вия» Кропивницкого, «Ночь перед Рождеством», «Тараса Бульбу» и современные сочинения.

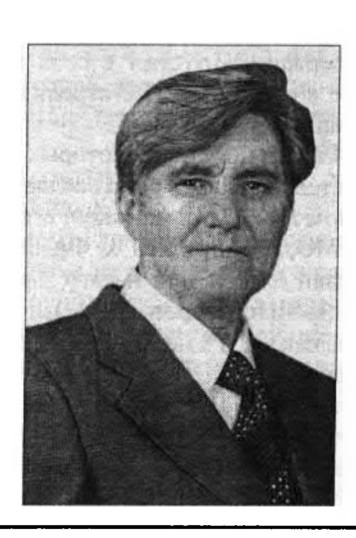
В конце беседы И. С. Козловский сказал, что творческий коллектив, подобный хору имени Веревки, объединенный с другими, мог бы во время празднования Дня Победы исполнить такие произведения, как «Реквием» Г. Берлиоза, посвященный памяти героев Парижской Коммуны. В первом его исполнении участвовало 1200 певцов хора. Спеть его можно целиком или часть, дополнив поэтическими строками Л. Украинки, М. Рыльского, А. Малышко (если это.будет проходить на Украине), произведениями других поэтов.

«Ко Дню Победы, — говорил Козловский, — хорошо бы организовать музыкально-поэтические представления, массовые театрализованные действа на стадионах, площадях, возле монументов павшим героям при солнечном сиянии днем или при факельном освещении вечером. Это будет память об ушедших, это будет достойно жертв, которые понес наш народ в Великую Отечественную войну».

Москва, 1980-е гг.

Примечания

Из архива Н. Ф. Слезиной.

Александр Бабореко

ГАРМОНИИ ТАИНСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И ТРАВА ЗАБВЕНИЯ (Беседы с Иваном Семеновичем Козловским)

Иван Семенович звонил Г. М. Маркову. Но тот не подходил к телефону. Тогда он и Аркадий Райкин послали телеграмму: «Просим подойти к телефону». В ответ — ни звука.

Иван Семенович хотел, чтобы не выселяли дочь Собинова из дома, где она жила, и пытался заручиться поддержкой писателя с громкими титулами, какими награждали верных слуг ЦК КПСС — Маркова и ему подобных.

Говорили о писателях. Иван Семенович сказал, что по прочтении «Травы забвения» В. П. Катаева, в которой тот «лягает Бунина», послал ему письмо, очень острое. В газетной статье Катаев пишет, что его будто бы любил Бунин.

— А ведь люди грамотные знают, что это не так.

Ивана Семеновича интересовал К. А. Федин, о котором он говорил не однажды и всегда уважительно.

— Леонов менее искренен, если уж говорить обнаженно. О Федине в свое время разное говорили, но ведь он был зажат...

Фадеев же не выдержал — пустил в себя пулю. Ворошилов сказал: «Фадеев не в себя, он в нас стрелял», — при этом он показал на себя пальцем.

Я сказал, что Фадеев погубил некоторых писателей, он возглавлял Союз писателей и давал свое согласие на их арест. Он же еще был и членом ЦК. Один из зеков, его жертва, выжил и, возвратившись в Москву, пришел к Фадееву и плюнул ему в физиономию. Иван Семенович на это заметил:

— А теперь Дом литераторов — имени Фадеева.

И. С. спросил, какого я мнения о Ю. Нагибине. Он читал его статью об Аввакуме.

— Пишет, — сказал И. С., — обо всем, о чем угодно, и о Чайковском, а музыку не слышит.

В беседе 1 ноября 1986 г. И. С. сказал:

— Ахмадулину люблю!

По его словам, она «умная, очень честная».

И. С. хотел иметь «Реквием» Ахматовой, и я подарил ему эти стихи. В этот свой приход к нему я прочел наизусть «Не ридай мене, маті...» Интересовали его и публикации неизвестного Пастернака. Писем его в «Огоньке» он еще не видел, хочет прочитать.

И. С. говорил о чувстве чести, чувстве собственного достоинства. Вспомнил: у Сталина на даче — писатели, артисты; какой-то банкет. Вожди любили окружать себя именитыми людьми, призывали их, а отказаться невозможно. А. Н. Толстой говорил о чем-то с Ворошиловым, о чем — Иван Семенович не слышал, стоял в стороне. Неожиданно Ворошилов выплеснул в лицо Толстому бокал красного вина; оно потекло по рубашке, по костюму. Противников обступили, разъединили. Поднялся шум. Сталин сказал: «Прекратите», — и все смолкли.

— Это было после того, как вышел «подхалимский» «Хлеб» (1937), в котором Толстой превознес Ворошилова.

— А вот, — говорил И. С., — у Герцена рассказан эпизод, как Николай I, тогда еще великий князь, далее цитирую «Былое и думы»: «на ученье [...] до того забылся, что хотел схватить за воротник офицера. Офицер ответил ему: „Ваше величество, у меня шпага в руке“».

— А сколько написано о том, что А. Н. Толстой возвратился из эмиграции, «вновь обрел родину, творил на родной

земле»; Бунин же «из зависти» к нему написал статью «Третий Толстой», в которой дал «резкие» оценки автору «Хлеба» (А. Н. Толстой. Материалы и исследования. М.: Наука, 1985. С. 190–191).

К эпизоду с Толстым И. С. в наших разговорах иногда возвращался, спрашивал:

— Как, по-вашему, должен был поступить Толстой в ситуации, когда слишком неравные были возможности?

Я напомнил о пушкинском Владимире Дубровском, роль которого И. С. исполнял в одноименной опере Направника; он не поступился своим достоинством, не принял от Троекурова Кистенёвку, которую тот отобрал по суду. И. С. сказал:

— В Марьяновке каждый поступил бы, как Дубровский. В народе чувство собственного достоинства всегда было сильно. Пушкин говорил о крепостной России: «Взгляните на русского крестьянина, есть ли и тень рабского унижения в его поступи, речи?»

— Я думаю, даже уверен, — заключил И. С., — что Бунин, при его великой страстности, окажись он в ситуации, в какую попал А. Н. Толстой, дал бы пощечину Ворошилову.

Отец и мать Козловского крестьяне, всю жизнь прожили в деревне. О родителях он говорил благоговейно: «Отец — личность иконописная...» Дед по матери — из униатов; предки по отцу — православные христиане, не поддались окатоличиванию и ополячиванию в то давнее время, когда гоголевский Тарас Бульба сражался с поляками.

Говоря об этом, И. С. вспомнил, как в их дом пришел штундист и убеждал его, семилетнего мальчишку, не признавать иконы и спросил: «Для чего нужны иконы?» Он ответил: «Чтобы лучше представить *святость* Христа». Мать, услышав это, вздрогнула от радостного изумления.

Помнил он себя с малых лет. Колокольный звон был ранним его детским увлечением; устраивал трезвон, подобный тому, какой раздавался под сводами церковной колокольни: стучал в чугунки, налитые водой.

В 1910 году, когда будущему певцу было десять лет, шли разговоры о похоронах Л. Н. Толстого и о том, как по-разному относились люди к Толстому, отказавшемуся от православия. Эти разговоры он тогда понимал. Большое впечатление про-

извела в детстве икона: Божья Матерь с одной стороны, Архангел — с другой и возносящийся дух в образе человека. Учиться его отдали семи с половиной лет. Окончил духовную семинарию.

— Мама хотела, чтобы из меня вышел архиерей. Если бы я стал архиереем, то был бы таким, как у Чехова.

Он был глубоко верующим человеком, никогда не садился за трапезу без молитвы.

Однажды я сказал, прочитав кое-что из написанного Иваном Семеновичем: если бы он не стал певцом, то из него вышел бы писатель. Он ответил, что то же самое говорили другие, еще с детства. В школе учитель задал упражнение на развитие воображения, написать сочинение: в открытые ворота идет гусь с гусятами; надо было развить тему. И. С. написал лучше всех.

Музыкальное образование Козловский получил в Киевском драматическом институте; петь учился у профессора Е. А. Муравьевой — вспоминал ее с великой благодарностью.

Исполнительство И. С. было тесно связано с русской духовной музыкой; это во многом способствовало «его вокальному совершенству, — пишет И. Попов в предисловии к книге И. С. Козловского „Музыка — радость и боль моя“ (М., 1992), — ибо православное церковное пение, отличаясь удивительной естественностью звукоизвлечения, помогает каждому певцу сохранить прекрасную вокальную форму».

В ужасное время безбожного большевизма пению Козловского было много препон. Вот он приехал в Троице-Сергиеву лавру — петь в закрытом концерте, — это было, кажется, после войны. Сказал, что споет «Христос воскрес» Рахманинова на слова Д. С. Мережковского. Какой-то иерарх (он назвал имя, но я забыл) высокого положения сказал: «Нет-нет, ни в коем случае, — нельзя». — «Как же так, — возразил И. С., — раньше не разрешали, теперь не разрешают, вы не разрешаете?!» Другого иерарха (тоже имени не помню) И. С. назвал человеком образованным, священнослужителем большой культуры.

Иван Семенович, по его словам, «понес многие потери в творческой работе, и было много тяжелого».

— А кто виноват? Я не виню приспособленцев, — говорил он, — я хочу написать роман, в котором мог бы выразить все, что пережил и претерпел.

О романе сказал, когда вспоминал о всяческих запретах на пение. Таковых было много. На юбилее поэта Максима Рыльского заместитель министра культуры Украины запретил ему спеть старинную чумацкую песню, любимую песню Рыльского, «Ой, у полі криниченька...»

— «Санктус»[1] Берлиоза из его «Мессы» хорошо было бы исполнять в День Победы, 9 мая. А его запрещают петь — виновата вся эта шушель...

Иван Семенович рассказал целую новеллу о юбилее бандуристов в Киеве: все тот же заместитель министра культуры «повел войну, чтобы я не пел „Санктус"» И. С. бывает беспощаден; говорит, что иным чиновникам высказывал то, что думал: «От вас, кроме вреда, ничего больше нет».

— Примириться с проституированием искусства я не могу, — говорил он. — Такую музыку, как «Самсон» Генделя, я слышал в детстве, а теперь она под спудом. Дают Хренниковых, Кабалевских — такой музыкой все заполнили. Есть молодая поросль, радующая. Не может же быть, чтобы все двести миллионов были бездарны.

Об этом речь шла при встрече 17 апреля 1985 года.

Иван Семенович долго хлопотал о «Всенощной» Рахманинова, обращался во многие инстанции, и в самые высокие — хотелось донести эту музыку до слушателей. На отдыхе в Крыму, в Нижней Ореанде, он встретился с Твардовским; просил его приспособить текст «Всенощной»: заменить слова «Израиль» и проч. другими, чтобы одолеть цензурные преграды. Твардовский ответил: «Что же скажут потомки?» И. С. просил Пастернака об изменении текста; и тот отказался.

27 ноября 1985 года. Я говорил о юбилейном вечере артистки МХАТа А. О. Степановой. В передаче по телевидению промелькнул на короткий момент кадр: Иван Семенович поет «Я встретил вас» — прозвучало только начало.

— Главное, — сказал И. С., — заключается в последнем куплете:

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь, —
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!

А это по телевидению не прозвучало. Мы несем многие потери из-за каких-то личностей.

Он выразился, правда, по-другому, резко.

У Ивана Семеновича засветились блеском глаза, когда я сказал, что Бог даровал мне великую радость общения с ним; он вспомнил хохлацкую поговорку, которая придавала выразительность той мысли, что мои слова для него — живая вода.

— Не для тщеславия нужны добрые слова, — говорил он, — без них нельзя быть уверенным в себе.

Это особенно важно, если вспомнить многие огорчения И. С.

— Мне пришлось пережить и видеть столько, что я теперь ничему не удивлюсь.

Ему, Рейзену и Пирогову, державшимся независимо, ставили стену.

Огорчительно было ему видеть и безразличие к памяти ушедших из жизни артистов, любимцев публики. Умерла балерина Большого театра, еврейка, мать русская; завещала, чтобы похоронили с церковным пением. Так что же? В церковь пришли только четыре девушки-танцовщицы! А в 20-е годы балерина эта каким шумным успехом пользовалась!

— Конечно, в Большом театре ей устроили бы пышные похороны, но она этого не захотела.

Иван Семенович много размышляет о творчестве, его «распирает от обилия фактов» — от всего того, что он знает и что мог бы рассказать и написать; хочется «защитить труд исполнителей»; голова вечно занята думами об искусстве, не может отключиться — «нужно лекарство против мыслей»; в памяти — «масштабность воспоминаний — просятся на язык». И писать надо не о быте, а о творчестве, «писать воспоминания на века».

Он и сам личность масштабная, его нельзя мерить, как говорил Бунин о Толстом, нашими мерками. «Ванечка, ты гений», — писал Козловскому великий русский пианист, создатель одной из крупнейших пианистических школ профессор

К. Н. Игумнов. Он аккомпанировал Козловскому при исполнении вокального цикла Р. Шумана на стихи Г. Гейне «Любовь поэта». Чарли Чаплин говорил одному нашему политическому деятелю, — И. С. не назвал его, — что восхищен его пением, «очень хотел бы посмотреть на Козловского».

И для непристального взгляда многое необычное видится в этом человеке — даже в его повседневности. Вот день начинается с того, что мы садимся вблизи рояля. Иван Семенович говорит: «Пересядем отсюда, потому что будем говорить о делах суетных...»; угол комнаты, где стоит рояль, по его словам, «святой, как бывает святой угол в доме крестьянина».

А в театре? Козловский пел в «Травиате» в партнерстве с польской певицей Эвой Бандровской-Турской. Присутствовала О. Л. Книппер-Чехова, аплодировала, а при встрече сказала: «Ну и ну! Я бы хотела быть на месте Виолетты — Бандровской...»

В телефонном разговоре И. С. сказал, что пишет статью о Шаляпине для «Огонька» — пятьдесят лет со дня кончины. Я сказал, что хорошо бы упомянуть о поездке артиста МХАТа И. М. Москвина к Шаляпину в Париж для официальных переговоров. Тогда Федор Иванович согласился возвратиться в Россию, в Большом театре был объявлен «Борис Годунов» с Шаляпиным и Козловским. После отвратительных статей в газетах А. Фадеева и М. Кольцова, требовавшего лишить Шаляпина звания народного артиста, Федор Иванович «развязал чемоданы». Обо всем этом Иван Семенович рассказывал. Когда я сейчас упомянул об этом, он сказал внучке Ане: «Заметь это». Шутил: «Она теперь стала серьезная». Статью в «Огоньке» не напечатали.

Я хотел найти афишу с извещением о «Борисе Годунове» с Шаляпиным и Козловским, а также другие сведения об этом спектакле; Иван Семенович посоветовал искать в архиве Большого театра — в архиве директора Е. К. Малиновской (1930–1935) или в бумагах виолончелиста и дирижера В. Л. Кубацкого. Никаких материалов в театре мне не выдали — конечно, все спрятано в спецхране.

Была афиша о предстоящем выступлении Козловского в оперных спектаклях вместе с Шаляпиным в Риге; они должны были ездить и по другим городам; и это ему не позволили,

равно как и поездку в Париж, когда он пел бы в «Гранд-опера» с Шаляпиным в «Борисе Годунове», «Фаусте» и «Севильском цирюльнике»: был прислан Козловскому контракт, оставалось только подписать. Шаляпина Иван Семенович так никогда и не услышал на сцене, не спел с ним. «Это большая трагедия», — сказал он. Был еще запрет на гастрольную поездку в Турцию...

Выступление в Минске позволило местному оперному театру выдать артистам зарплату, а Козловского привело к большим невзгодам: Хрущеву не понравилось, что он будто бы запросил большой гонорар. Ивана Семеновича, как он говорил, «судили» в Большом театре, но на «суд» его самого не пригласили. «Правда» напечатала оскорбительный фельетон бесстыжего газетчика С. Нариньяни «На верхнем *до*». Иван Семенович после этого не пел в Большом театре и не выступал в афишных профессиональных концертах два года.

Опровержения «Правда» не напечатала, хотя сумма гонорара была согласована с министром. Иван Семенович дал бесплатных благотворительных концертов «за время более чем полувекового труда в искусстве» на три миллиона с лишним, пожертвовал на оборону во время войны один миллион двести тысяч рублей, содержал на свои средства музыкальную школу в Марьяновке. Но и тут доброму делу ухитрились придать гротескные формы: деньги надо было посылать не от своего имени — какая ж могла быть благотворительность в коммунистическом «раю»? — а делать вид, будто их переводит Союз композиторов.

Нелегкой была жизнь больших певцов, подчас трагичной. Ольга Степановна Михайлова, вторая жена Буденного (с большой долей уверенности можно предположить: жена — не по своей воле), исполняла в Большом театре в 1934–1937 годах ведущие оперные партии. В «Риголетто» пела Маддалену, Козловский — Герцога.

— В заключительном акте, — рассказывает певец, — я ее обнимаю, беру на руки; в правительственной ложе сидит Буденный; после спектакля приходит за кулисы, говорит: «Ты ее не очень обнимай», — и это вполне серьезно... Буденный застрелил первую свою жену. А Михайлова долго сидела по одиночкам, сошла с ума и умерла.

Козловский пел «Сурка» Бетховена. Там французские фразы: «avec iar...» и т. д. Жданов сказал: «Разве вам русских слов не хватает?» И неизвестно — как быть: каждый понимал, что за этим стоит «усатый».

М. Д. Михайлов спрашивал Козловского: «Что делать? Сталин сказал, что мы с тобой одной ячейки. Я — написал заявление в партию». Возможно, недоучившийся семинарист имел в виду то, что и он, подобно Михайлову, был причастен к богословскому образованию. Заявления он не передал.

Когда Максим Дормидонтович скончался, его отпевали в церкви Воскресения на Успенском Вражке в Брюсовском переулке, рядом с домом, где жил Козловский. Пели: «За архидиакона Максима помолимся...» И. С. прочитал весь заупокойный стих. После церкви была гражданская панихида в Большом театре.

В 1938 году Козловский создал Ансамбль оперы. В концертном исполнении в Большом зале Московской консерватории шли «Вертер» Массне, «Орфей» Глюка и другие оперы, которых не давали на сцене Большого театра.

Надо было слышать их, с Козловским в заглавных ролях, чтобы представить, что это такое было — звучание дивных мелодий. Когда вспоминаешь те дни, приходят на память слова Н. М. Карамзина о его музыкальных впечатлениях в Париже: «Небесная музыка! Наслаждаясь тобою, возвышаюсь духом и не завидую ангелам. Кто докажет мне, чтобы душа моя, удобная к таким святым, чистым, эфирным радостям, не имела в себе чего-нибудь божественного, нетленного?»

И. С. говорил о могуществе искусства великих артистов:

— Эйнштейн, послушав Менухина, сказал: «Теперь я знаю, что Бог есть».

Козловский возил «Вертера» в Ленинград; когда по клавиру была пауза, никто не аплодировал, все замирали; а потом гремели такие бурные аплодисменты, что продолжать спектакль было невозможно.

Его радовал успех и отзывы таких деятелей культуры, как профессор Филиппов: «Ансамбль оперы — шаг вперед в искусстве».

В одну из встреч И. С. рассказывал, как он работал над постановкой «Вертера». Хорошо было бы записать это на

магнитную ленту. Но вот несколько мыслей, что удержала память:

— Эпизод, когда Максакова — Шарлотта говорит: «Вот пистолеты...» — она должна была терпеливо повторять много раз эту фразу и сцену...

— Савранский — Альберт годился мне в отцы, пел еще в Императорском театре, а я должен был обращаться с ним деспотически...

— В третьем акте разрешается трагедия. Шарлотта понимает, что пистолеты Вертер берет не просто так. В четвертом акте уже развязка...

Ансамбль оперы в 1941 году прекратил свое существование, а ведь концертное исполнение опер в подвале кинотеатра (у метро «Сокол») основано на опыте Козловского.

Он говорил: «Если бы у меня был свой театр!»

Он читает книгу шведа Николая Гедды, который поставил «Вертера», и его за «Вертера» так хвалят, чем Гедда гордится. Когда поставил «Вертера» Козловский, у нас не было никакого особого резонанса, а его опытом обогащается творчество других; к счастью, звукозапись сохранила звучание Ансамбля.

В работе над постановкой надо было преодолевать некоторые трудности нашего порядка. Большой зал Консерватории днем был занят, репетиции Ансамбля оперы проходили ночью. Репетировали «Вертера» и «Орфея» также на квартире Козловского, пели солисты, хор.

О квартире можно вести особый рассказ; тут все по-своему, необычно, приспособлено для такого корифея сцены, как Козловский. Приходили к нему в один из летних дней 1985 года тенора Большого театра, проводили спевку; удивлялись простоте обстановки.

— А чему тут удивляться? Так и должно быть, — говорил И. С.

Все скромно, без музейности, без пышности, которые могли бы бить в глаза; И. С. не выставлял подношений, которых, конечно, было немало. На стене вблизи рояля — портрет И. С., написанный художником Ю. А. Корляковым; у окна — его скульптурный портрет работы скульптора А. М. Портянко. В числе реликвий — небольшой кусок дерева, отпиленный во время ремонта зрительного зала Большого театра. В углу стоит

меч Лоэнгрина. При исполнении «Рассказа Лоэнгрина» Козловский поднимал его вверх, как крест; за это его вызывали в ЦК — запугивали идеологические надзиратели Ангаров и Городинский.

К Ивану Семеновичу многие приходят за помощью в творческой работе: певцы, режиссеры, дирижеры, киношники — он трудится каждодневно и по-другому не мыслит своего существования. И звонят по телефону разные люди. Какого-то полковника из Полтавы уволили в отставку, он настойчиво добивается, чтобы И. С. хлопотал за него, — «...но я не депутат, как ему объяснишь?» А кто-то просит исхлопотать ему дачу или помочь устроиться в театр. А то требуют обещанную статью для какого-то сборника; И. С. не успел написать, и с секретаршей разговаривает грубо; звонки, по его выражению, как на вокзале. Это был день в мае 1984 года, какие у него бывали прежде и будут впредь. Иван Семенович сказал: «Это террор!» Он был раздражен, говорил: «Вы же знаете мой быт давно». Потом стал говорить об А. П. Огнивцеве: когда спросили Огнивцева, не сын ли он Шаляпина, он при публике ответил, что сын...

— ...А публика примитивна... Ирина Федоровна Шаляпина, — продолжал он, — сказала Огнивцеву в глаза: «Как вам не стыдно говорить так!»

Интересно видеть этого необыкновенного человека в обществе людей его круга и душевно близких ему. 30 августа 1984 года пришла В. А. Обухова, артистка Малого театра. И. С. сказал: «Надо кончать работу, дама ждет, пойдем, я вас ей представлю». Он все время шутил, говорил, что она «светлейшая» — называл, из какого знатного рода, — бросал острые словечки; в такой момент хочется сказать, что и дома он артист.

Или вот еще день: 1 ноября 1986; пришли композитор Павел Алексеевич Пичугин с женой Тамарой Александровной, оба молодые, обаятельные, и А. А. Громов, которого он назвал бывшим дипломатом и поэтом, а за пышную шевелюру — Рубинштейном (композитор Антон Рубинштейн). Пили шампанское, И. С. много шутил; и слова, которые ему говорили дамы еще в молодости: «Дорогой, заводной», — очень оправдываются, когда видишь его в таком настроении. Подшучивал

и надо мной, говорил: надо открыть еще бутылку, ведь белорусы пьют вино.

А то объясняет — а я пытаюсь записать, — как поется слово «любовь»:

— Ясно, что в поющем слове «любовь» есть и должны быть и радость, и слеза, и мука. Но какая трудная задача звуком это передать!

Объяснение было обстоятельным, как он говорил, «музыкантским». При этом он напевал, потом сказал:

— Сейчас освобождается место в консерватории, вы можете занять его и преподавать пение.

Подшучивал и над В. Н. Рыжко, писавшим портрет (сделал только наброски. — *А. Б.*):

— Нас рисует Виктор Николаевич; вы сейчас читали Бунина, — за что я вам благодарен, — и там было об извержении Везувия. Русские моряки спасали людей. Когда Виктор Николаевич будет защищаться (защищать дипломную работу в Суриковском институте. — *А. Б.*), то в свое оправдание, что мучает меня, должен вспомнить извержение вулкана и картину Брюллова «Последний день Помпеи»: какая прозрачность во взоре матери, охраняющей своих детей! Взоры, цвет кожи, тонкие линии, старик, молящий о спасении, — это воспринимается как реальная жизнь. А ведь в действительности ничего этого не было, было серое солнце, серое небо от серы и пыли, была днем молния, а людей не было видно... (Эту запись о Брюллове и некоторые другие я включил в рукопись И. С. — *А. Б.*)

Сталин спросил Козловского: «Как вы смотрите на Петра Великого?»

— Сказать что думаешь — невозможно, надо подстраиваться под мысли одержимого подозрительного тирана: неизвестно, чего от него ждать, — рассказывал И. С.

Козловский тогда ответил: «Я знаю, что великое множество моих предков легло костьми при строительстве на Неве». Сталин отошел от него и отвернулся, молчит.

— Я не знал, на что сесть...

А в театре спектакль, где, по замыслу А. Н. Толстого, играли Петра-сифилитика с заклеенным носом, сняли (1934); возобновили, когда тот же артист играл Петра бравым и симпатичным, попросту красавцем (1938). О двух театральных версиях

пьесы А. Н. Толстого «Петр Первый» рассказывает в своих воспоминаниях Юрий Елагин («Огонек», 1990, № 41. С. 23).

Сталин однажды вошел в комнату, где И. С. музицировал, там был инструмент. Появилась молодая, очень красивая женщина, упала перед «отцом народов», умоляла спасти ее брата. И. С. ушел из комнаты, чтобы не мешать разговору. Просьба несчастному брату не помогла, и сама просительница навеки исчезла.

Молотов говорил И. С., что «Ленин не знал жизни, был все время за границей».

— Сталин жизнь России знал, никуда не выезжал, — заметил И. С., и глаза у него светились ироническим блеском.

Он еще припомнил: собирались люди за столом на даче у Сталина. Он начинал с того, что несколько раз полоскал бокал сухим грузинским вином, это вино выливал в капусту — в белую и красную, приготовленную к обеду.

Козловскому пришлось однажды петь в Нижнем Новгороде перед партийными чинами; был там как будто Куйбышев, может быть, и Орджоникидзе. И по тому, какие подавали реплики, что просили «на бис», можно было судить об их уровне.

— Однажды сидим за столом, — сказал И. С., — и Орджоникидзе говорит: «Спойте Юродивого»; в этом он весь раскрылся.

Ивану Семеновичу хочется писать о разных лицах. К нему даже Эррио, французский премьер-министр, приходил с Литвиновым в артистическую уборную Большого театра. Хотел целоваться, но И. С. сделал жест, что нельзя — он был в гриме и костюме Юродивого.

На сцене Большого театра шла опера Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже»... Ивану Семеновичу многое было неприемлемо в этой постановке:

— Не выявляется полнота замысла, сглаживается идея жизни и смерти (мы говорили об этом в январе 1984. — *А. Б.*). Есть и другие огорчительные примеры... Директором Большого театра назначили какого-то чиновника из Министерства культуры. Оперы ставят так: в «Пиковой даме» сцену, где призрак графини, перенесли на кладбище; графиня встает из гроба... Это примитивно!

Однажды И. С. ушел со сцены во время спектакля «Чио-Чио-сан», так как дирижер нарочно глушил оркестром его пение.

В апреле 1986 года был вечер памяти Максима Рыльского в Колонном зале Дома союзов. Должен был петь хор за сценой «Реве та стогне Дніпр широкий» — запретили.

— Ансамбль украинской пляски так стучал в пол, будто они ненавидят землю, — говорил И. С. — Земля священна, это мы до Стравинского знали. Когда стараются прыгать повыше — это дурной тон, при Заньковецкой таких плясунов из театра удаляли... А разве нельзя было дать «Вечерницы» П. И. Нищинского? Написал дилетант, преподаватель греческого языка, а как удивительно это!

И. С. при этом напевал мелодию.

— Вот приходят, — продолжал он, — и в суете дня спрашивают: «Ваше отношение к народной песне?» И что я могу сказать? Говорю: читайте Гоголя... Он писал, что в песне выражена душа народа.

Козловский озабочен спадом музыкальной культуры, хлопочет о создании «певческой семинарии». Он также хочет добиться того, чтобы «Страсти по Иоанну» Баха исполнялись по-русски:

— ...Лучше всего — Катехизис, а не пересказы; самое убедительное — «Смертию смерть поправ...», а не замена этих слов другими.

Увлечение пением на иностранных языках он не одобряет:

— Многие у нас стараются петь Моцарта на немецком языке — «на языке подлинника». А ведь Моцарт писал музыку на либретто на итальянском языке...

2 августа 1984 года Иван Семенович должен был приветствовать приехавший из Нижнего Новгорода оперный театр, который давал свои спектакли на сцене бывшего филиала Большого театра (теперь здесь Театр оперетты. — *А. Б.*). Подошел к нему какой-то человек и говорит:

— Я хотел бы, чтобы вы ограничили ваше выступление — пожалуйста, покороче.

— Вы кто? — спрашивает И. С.

— Управляющий музыкальным отделом Министерства культуры.

— Тогда или вы уйдете, или я уйду, — говорит И. С.

Подошел заместитель министра культуры В. В. Кочетков, включился в разговор. И. С. возмущается:

— Как вы можете говорить, когда вы не знаете, что я хочу исполнить? Вы мне оба мешаете.

Рассказывая эту историю, И. С. заметил:

— И это в театре, где вся моя жизнь прошла! Раньше таких поступков не могло быть, еще в 40–50-е годы.

Иван Семенович спел: «Слава оперному театру...» и т. д. — не знаю, на какой мотив. Ему подпевали. Он потом пошутил: «Вы слышали, как дирижеры поют?» — а затем сокрушался, что мог подобной шуткой обидеть человека, который прежде был главным дирижером этого театра.

В Самаре, куда был эвакуирован Большой театр во время войны, Козловский репетировал «Севильского цирюльника», а на премьере не выступил: был не в форме, неважно себя чувствовал. И музыковед Поляновский написал в стенгазету статейку «Непролетарский поступок Козловского». Ивану Семеновичу приказом объявили выговор. Он ездил в Москву, и приказ отменили. Я сказал, что Поляновского слышал, будучи студентом Педагогического института на Малой Пироговской: говорит, говорит, глядит куда-то в одну точку, к своему голосу прислушивается — вот слышится в симфонии топот лошадей, вот буря и проч. И. С. на это ответил:

— Это как раз те люди, которые не смогли стать артистами, пишут о музыке, читают лекции...

Были хамы «культурные» — всякие запретители, обличители; были из лакеев. Вахтер Большого театра не пропустил Собинова, когда тот забыл пропуск, хотя отлично знал его, чуть ли не каждый день услужливо открывал перед ним дверь. Леонид Витальевич послал за пропуском и спокойно ждал. Другой сторож преградил путь в театр А. С. Пирогову, сказав: «Вы пьяны». А Пирогов «всегда был какой-то красный. Он пошел в поликлинику Большого театра, взял справку».

Собинов, Пирогов — великие артисты.

Л. Н. Толстой сказал: «Для лакея не может быть великого человека, потому что у лакея свое понятие о величии» (Толстой Л. Н. Собр. соч. Т. VII. М., 1981. С. 197).

И все едино: портье или профессор музыки, лакействующий перед властью.

И. С. вспомнил, как во время голода на Украине в начале 30-х годов он послал в деревню ящики печенья, которое распределили так, что ничего не дали его племянникам. А в доме отца Иван Семенович видел цистерну с бензином; сад, который он посадил, не берегут...

Толстой писал о Наташе Ростовой, всячески талантливой и обаятельной: в ней «чего-то слишком много... от этого она не будет счастлива».

Этого «чего-то» было слишком много в Иване Семеновиче, и много разного пришлось пережить: он был чрезвычайно требователен к себе и к другим, для кого не всегда был удобен.

Он мог быть суров — и очень добр; была в нем порой какая-то детская незащищенность перед всяческим нахрапом. Говорил, что в нем два начала: что-то от Фауста и что-то от Мефистофеля, — и мечтал спеть в «Прологе» оперы «Фауст» ту и другую оперные партии; пользуясь современной техникой, можно замедлить движение звуковой записи и тем самым понизить голос, чтобы прозвучали басовые реплики Мефистофеля.

Я спросил Ивана Семеновича, кому он помог, спас кого. Об этом он говорил в общей форме в свой 80-летний юбилей в Большом театре: кто-то сотворил ему зло, а когда этому человеку было плохо, он его выручил — и рад, что не дал ходу дурному чувству. На это И. С. сказал, что таких случаев было несколько. Какие-то люди разрыли могилу его отца, сняли с него одежду; они ранее учились вместе с сестрой Ивана Семеновича. Им грозил расстрел. И он сделал все, чтобы их не постигла такая кара. «Что мне из того, что их расстреляли бы!» — сказал он.

Козловского иногда спрашивали, почему он не снялся в художественном кинофильме, в то время как другие певцы снимались. Он был приглашен сниматься в «Музыкальной истории», для него Евгений Петров — один из авторов «Двенадцати стульев» — написал сценарий, но И. С. не сошелся с режиссером, играть и петь в картине отказался. Пел Лемешев. Режиссер этот часто приходил к нему, «каждый раз с цветочком, а когда дело дошло до съемок, оказался самым лютым врагом».

Иван Семенович написал киносценарии «Евгений Онегин», «Тебя как первую любовь» (по опере Мусоргского «Борис Годунов») и «Манон Леско» по опере Массне «Манон».

В «Евгении Онегине», согласно сценарию, во время дуэли «на колокольне звонит колокол как символ земной жизни — ее законы недвижимы и неизбежны для выполнения». А когда Ленский повержен выстрелом Онегина, на чело его падает ком свежего снега. Довженко ахнул, когда увидел такую творческую находку. Сейчас биографы Пушкина — погибшего, «как тот певец, неведомый, но милый», — пишут, что, когда раздался выстрел Дантеса, с деревьев взлетели вороны; этому найдены свидетельства. А ведь Иван Семенович придумал для кино эту деталь с воронами, когда биографам такая подробность не была известна. За сценарий он получил премию, а фильм, в котором он пел бы Ленского, не был снят. И. С. не мог согласиться, чтобы он только пел, а Ленского играл бы кто-то другой. Ведь он был одарен талантом драматического актера в величайшей мере. «Какой-то Райзман и какой-то Столпер не дали сделать этот фильм».

17 апреля 1984 года Иван Семенович, еще не успокоившись после бурных часов общения с киношниками, рассказал, как несколько лет тому назад ушел со съемок кинофильма по опере «Борис Годунов» из-за расхождений с режиссером. Помнится, он сказал, что режиссер — «какая-то баба» — придумала «какую-то татарскую тюбетейку на голову Юродивого, железную». И. С. говорил: «Это же я придумал для Юродивого колпак» — для постановки в Большом театре; исполнение этой партии стало одним из великих достижений певца.

По требованию режиссера, Борис Годунов должен был скривить физиономию (И. С. показал: «вот так») в злобе на Юродивого, когда тот поет: «Нельзя молиться за царя Ирода...»

— На деле, — говорит И. С., — Борис не обращает внимания на Юродивого, не замечает его — так у Мусоргского.

Когда И. С. вознамерился уйти со съемок при большом стечении народа, поднялся шум, приехали корреспонденты из разных газет — хотели устроить избиение: мол, антисоветчик и прочее.

— Мы не отдали того, что нам судьбой предназначено. Жаловаться неловко, да и кому? Сталин однажды спросил: «А что

мешает?» Я мог бы назвать имена. А мне мелюзга, мразь при кино мешала... так и запишите.

Говорили об Орфее; я сказал: древние греки называли книги о жизни Орфея «Очищения». И. С. записал: «Могилы очищения» — он хочет сказать так в статье для «Огонька» о воинах, погибших за Родину.

И. С. показал рисунок — набросок на большом листе: колокола — «без веревок», — это должно быть устроено в память погибших на полях Марьяновки.

Прихоть Сталина: заказал пластинку с записью «Ныне отпущаеши раба Твоего...» Рахманинова в исполнении Козловского — для себя, в единственном экземпляре.

И. С. сказал:

— «Рыжий» (Э. Гилельс. — *А. Б.*) играл Моцарта, как никто никогда не играл.

Об исполнении ролей:

— Когда страшно — не играй под страшное.

— Караян — дутая величина.

Говорили о Юрии Елагине, скрипаче театра Вахтангова, уехавшего в Америку. В «Огоньке» (1990, №№ 39–44) печатались главы из его воспоминаний «Укрощение искусств». Там упоминается и Козловский.

— Родные тетушки Елагина, — сказал И. С., — четыре сестры с «Елагинского острова» в Подмосковье, были умные, милые, очень образованные; они влюблялись, гонялись за Шаляпиным в его гастролях по разным странам.

Они бывали у Ивана Семеновича, когда он пел вместе с Н. А. Обуховой при участии концертмейстера М. И. Сахарова и скрипача (первая скрипка в оркестре), игравшего на скрипке Страдивари. Юрия Елагина И. С. встречал однажды на каком-то юбилее в театре Вахтангова. Елагин — вторая скрипка, он не вел мелодию, а «поддерживал ритм оркестра», — И. С. напел в телефон, как скрипка поддерживает ритм.

Я говорил, что никогда раньше не слышал «Серенаду» Б. Бриттена. Тенор — Козловский. Это было открытием для меня; прекрасная музыка и слова романтические; жаль, что не пришлось услышать в консерватории, а только по радио. На это он сказал:

— Молодец, что обратили внимание; я и сам дивлюсь, как это вышло. Раз об этом заговорили, то скажу: приезжал С. И. Юрок (импресарио), приглашал выступить в Америке и петь Бриттена, сулил огромные деньги.

В Горьком Иван Семенович не видит писательской честности; в который раз уже говорит: «Тартюф, фальшив был с Марией Федоровной Андреевой, своей второй женой»; она многое рассказывала о нем, подарила рукопись своих неопубликованных воспоминаний.

— У Горького не было слуха, а он написал статью «Наш человек» («Известия» от 23 мая 1928 г. — *А. Б.*) о В. Е. Дровяникове (бас. — *А. Б.*) — камень положил для развала музыкальной культуры.

В статье он убеждал, что певцам ездить за границу и петь «буржуям» не следует. И. С. согласен с Буниным: Горький двуличен, актер и конъюнктурщик. Дровяников, которого Горький расхвалил, был человек дикий: раздерет на груди рубашку и вопит: «Я восемнадцать человек расстрелял!» Он был своим человеком в ЧК и поддержал сплетню, пущенную капельдинерами, будто Козловский скрыл свою настоящую биографию — то, что он князь. Был когда-то кто-то из князей в Большом театре. ГПУ ездило в его родную Марьяновку проверять на месте его происхождение.

— Мешка два писем с жалобами на меня сожгли, — говорил И. С. — Сколько мне пережить пришлось! Ко мне, говорят, будто бы хорошо относился Сталин. Может быть, это иногда спасало в трудных случаях.

Иван Семенович спросил:

— Я вам рассказывал о том, что жена Михаила Булгакова, Елена Сергеевна, обращалась ко мне с просьбой поговорить со Сталиным о трудном положении Михаила Афанасьевича? Эту просьбу передала ее сестра, Ольга Сергеевна Бокшанская, она работала секретарем Немировича-Данченко.

И. С. говорил, что Ираклий Андроников посвятил себя изысканию новых данных о писателях.

— Самая интересная его публикация — о Карамзиных, — сказал я.

— Вы напомнили о Карамзиных. Да, знаменитый писатель, историк; а рядом с Хмельником — как будто недалеко от

минеральных источников — есть кладбище, там — усыпальница Карамзиных. На ней нарисованы буквы «М» и «Ж»: в середине усыпальницы — общественная уборная.

Я прочитал Ивану Семеновичу «Легенду» Бунина о Лауре, воспетой Петраркой в сонетах. Он восхитился тем, как немногими словами много сказать можно. Затем я читал «Записные книжки» — то, что Бунин печатал в газете «Возрождение» (Париж, 1927. № 800. 11 августа) — о Есенине и Горьком; это И. С. просил перепечатать для него, а «Легенду» оставил у себя.

И. С. говорил:

— Бунина в той среде, с которой я связан, очень ценят; композиторы пишут музыку на его стихи: Пичугин, Анатолий Александров — настоящий композитор-классик. А ведь стихи — как проза, внешне обыденны. А душевная его суть — у него есть те же качества, какие есть у Сергия Радонежского. В нем было начало Сергия Радонежского.

И. С. несколько раз повторял, как много точек соприкосновения он видит у себя и Бунина.

— Бунин и Шаляпин — мученики; они были правдивы.

Козловский писал о Бунине в письме от 15 августа 1983 года:

«Дорогой Александр Кузьмич!

Вновь обращаюсь к материалам о Бунине, которые вы мне прислали. Грустно от прочитанных строк. Я так себе и представлял его скорбный путь, ощущение одиночества, при котором легко впасть в самоуничтожающий пессимизм. Это очень ярко и убедительно показано в вашем труде, посвященном Ивану Алексеевичу.

То, что в творчестве бывает два начала, это и предугадывается, да и в наши дни это не исключается.

Я написал письмо одному музыканту, которое еще не отослал. В нем излагаются некоторые мысли, которые направлены не лично тому, о ком идет речь, а как бы через мост — того, кому адресовано письмо. Он исполнял Шумана — передача была по телевидению. Так вот, если бы 30 лет тому назад сказали бы, что к удивительной технике, поражавшей мир, добавится то,

что мы ощутили в этой передаче, — не поверили бы! Да и я бы не поверил.

Лист, „Кампанелла" — такая завораживающая техника. И вдруг при этом проснулось главное — когда „душа с душою говорит..." Сложно все это.

Спасибо вам за то, что скорбь, которая ощущается в жизни Бунина, ко многому должна приобщить людей, показать, как любят Родину, как остаются ей верны, сохраняя в своей отреченности гражданственность. Ведь солнце светит всем одинаково. Но... В одном случае появляется „Трава забвения", а в другом — иное.

Пока человек будет жить, мысль Достоевского, которую вы привели, остается как подтверждение тех великих контрастов, которые определяют и жизнь, и разность людей.

Спасибо! Доброй жизни вам и вашему дому.

И. Козловский».

Мысль Достоевского — по-видимому, о людях души высокой: «Все великие люди были счастливы. Их грусть, переживания, их страдания — счастье. *Они* должны были быть счастливы. Великий человек не может быть несчастлив. А что их на крестах распинали, то это ничего» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. VII. С. 189).

Для Козловского Бунин истинно «святитель», как были святители на Руси, подвижники, ведшие за собой народ, подобно Сергию Радонежскому.

И. С. пишет:

«Дорогой Александр Кузьмич!

Только что получил ваше письмо и газету. Камертон их по значению мысли высок.

Радостно именно сегодня сознавать и ощущать творчество людей. И среди них поистине святителей. Все они звучат в наших сердцах.

Есть какая-то закономерность — как мы ни уменьшали Бунина, он, как травка, пробившаяся сквозь асфальт. А тех, кто писал о „травке" (имеется в виду В. П. Катаев, с его „Травой забвения". — *А. Б.*), с каждым днем нивелируют. И хоть всех нас поглотит „медленная Лета", но Бунины сохранятся

в поколениях и будут щитом от авторов, которые писали о траве, но благоухания ее не почувствовали.

Доброй жизни!

С уваж. И. Козловский.
20.XI.90».

Иван Семенович говорил, что я смотрю на Бунина с неожиданной стороны: для меня он философ, пророк, это я в нем вижу. Такое восприятие творчества, подлинное чувствование искусства не достигается трудом, «это дар, и дар этот от Бога, это в вас есть». Я был взволнован. Он также сказал:

— Вы очертили личность Бунина, теперь он вырисовывается, его могут представить.

Речь зашла о том, как трудно писать на некоторые темы, когда кто-то может обижаться; И. С. сказал:

— У вас глаза смеялись, а уста удержались от улыбки, это замечательно.

1 марта 1991 года. Иван Семенович позвонил по телефону: он едет в храм Вознесения у Никитских ворот, в нем венчался Пушкин; сказал, что хорошо было бы приехать и мне.

Он представил меня сопровождавшим его дамам из Центрального дома работников искусств и профессору консерватории пианисту Соколову, все шутил. Затем всей компанией мы двинулись по разоренному, взодранному полу, по кускам бетона и обломкам досок, переступая через ямы. Осматривали, что отреставрировано и что еще надлежит сделать. Небольшое пространство при входе в храм расчищено; из фанеры сделан иконостас, как полагается — с иконами; тут бывают службы. Пришла молодая служительница храма. Иван Семенович спрашивал: сколько народу может вместить это здание? Он обошел его, все осмотрел, вглядывался в высоту под куполом. Потом мы все расселись в какой-то комнатушке вроде конторы. Пришел настоятель — и началась беседа: Иван Семенович хотел, чтобы этот храм «стал центром музыкальной культуры в Москве», где бы лучшие хоры исполняли духовную музыку во время церковной службы; он прилагает много усилий, чтобы добиться этого. И. С. говорил: теперь увлекаются старинной церковной музыкой, и это очень хорошо; но при этом не надо отбрасывать то, чего достигло церковное хоровое пение за тысячу

лет. Когда крестили Русь, было унисонное пение, которое переняли у греков, а уже при Грозном оно обогатилось, стало многоголосым. Он в детстве слушал хоры церковные в восемь хоров — восемь не по количеству, а в смысле многоголосия.

Иван Семенович беседовал долго; спрашивал, можно ли исполнить здесь «Всенощную» композитора Георгия Дмитриева; говорил, что эта вещь великолепная, хотя и неровная, он слушал ее в Большом зале Консерватории. Священник ответил, что нужно разрешение патриарха. И. С. сказал, что к этой «Всенощной» хорошо бы дать стихотворение в прозе Тургенева «Христос».

Иван Семенович добивается того, чтобы сделать копии венцов Пушкина и Наталии Гончаровой; они в Кремле, в Оружейной палате. Он уже нашел мастера, который может выполнить такую работу; венцы должны быть вделаны справа и слева перед алтарем, а надписей под ними не надо: одни будут знать, что это венцы Пушкина и его невесты, а другие смогут спросить у служительницы, которая продает свечи.

29 января 1993 года. Я у Ивана Семеновича: позвал по телефону. У него профессор — пианист Соколов, который в давнее время аккомпанировал певцу Большого театра Головину. Тот, к его несчастью, жил по соседству с квартирой Мейерхольда; после расстрела Мейерхольда схватили и Головина, и он погиб. Это был совершенно изумительный баритон.

И. С. начал с того, что стал говорить некие хорошие слова обо мне за мою работу по изучению и изданию Бунина. Вскоре, на звонок в квартиру, удалился, сказав: «А вы тут побеседуйте».

Он очень сдал, выглядит совсем неважно, говорит тихо; прошлым летом перенес какую-то операцию.

Явились две молодые дамы — как оказалось, его целительницы, — Иван Семенович сел с ними за стол и весь оживился; его веселые шутки все время смешили их.

Он стал надписывать мне свою книгу «Музыка — радость и боль моя». Писал без очков, но поглядывал в лупу:

«Александру Кузьмичу, сеятелю „Гармонии“ на земле и в небесах! С ув. И. Козловский. 29.1.93».

Это была наша последняя встреча. Еще позвонил он мне — тоже последний раз — второго марта 1993 года, благодарил за письмо.

21 декабря 1993 года в 4 часа 45 минут Иван Семенович скончался в Кунцевской («Кремлевской») больнице от воспаления легких на 94-м году жизни. Последние дни температура была сорок градусов, терял сознание.

Отпевали в церкви Воскресения на Успенском Вражке (1620), которую Иван Семенович часто посещал. Похоронен он на Новодевичьем кладбище.

Елизавета Шумская выступала вместе с Козловским в Большом театре и в концертах долгие годы. Она пишет об исключительном его даре создавать сценические образы, завораживающие какой-то колдовской силой. Когда она пела в «Фаусте» Маргариту, «каждый раз поражалась перевоплощением героя Козловского — из дряхлого, безжизненного старика в пылкого влюбленного юношу, глаза которого светились так вдохновенно, что словами и не передать.

В концерте или спектакле Козловский был сама одухотворенность... Я помню нежный, обожающий взгляд Альфреда — мыслимо ли было отнестись к нему безответно? Актерское, драматическое дарование Ивана Семеновича меня восхищало всегда. Его герои любили, страдали... Их чувства были просты, естественны и вместе с тем глубоки и проникновенны... Участие Ивана Семеновича в спектаклях Большого театра всегда было событием» («Комсомольская правда». 1980. 23 марта).

Он просиял — и он угас.
Хвалите имя его!
Из чаши жизни он
Бессмертье пил!

«СЛЫХАЛИ ЛЬ ВЫ ПЕВЦА ЛЮБВИ?..»

И музыки волшебные звуки...

Высокая радость — пережить мгновения при звучании мелодии, когда забываешь «вечность, небо, землю, самого себя», как забывал Лермонтов при звуках русской народной песни.

И что же, эти божественные звуки — «дым из трубки», как иногда говорил Иван Семенович Козловский?

В разговоре с ним я привел слова поэта Ф. Сологуба о знаменитой итальянской певице Аделине Патти: «Никто никогда так не пел, никто петь так больше не будет».

Он сказал:

— Как будут судить потомки о певцах нашего времени, неизвестно. Если бы сейчас начинал Шаляпин, то трудно сказать, как бы это воспринималось. Спектакль МХАТа «Анна Каренина» теперь не имел бы такого успеха, какой был в 30-е годы. Время многое меняет.

Иван Семенович, обладая голосом дивной красоты, достиг в пении величайшего совершенства. Шаляпин, который мог слышать его только в записи и по радио, сказал, подчеркивая добродушно-грубоватым тоном речи свое изумление перед силой искусства великого артиста: «Здорово поет сволочь Козловский!»

Ивану Семеновичу — можно сказать словами Толстого, говорившего о Гайдне и Шопене, — свойственно «самоотречение артистическое». Толстой также сказал: «Смирение — условие совершенства, пример — Пушкин».

Уж, кажется, Иван Семенович мог бы успокоиться, не волноваться за себя, за свое искусство — достиг такой славы, любви, которые мыслимы только по отношению к истинно народному артисту; видел столько почитания со стороны корифеев искусства — Л. Собинова, А. Неждановой, Е. Степановой, Л. Оборина, Д. Ойстраха, В. Качалова, дирижера В. Сука; снискал уважение и восторг художников, поэтов, философов...

А он — вечно неспокоен, вечно в работе, одолеваем замыслами. Говорит, когда осуществлял постановки Государственного ансамбля оперы на сцене Большого зала Консерватории незадолго перед войной, его «распирало от замыслов». Для репетиций зал не был свободен, готовили спектакли ночью.

Кто слышал его Орфея, тот никогда не забудет восторга от колдовских мелодий Глюка. А Иван Семенович говорит:

— Надо было бы петь в другой тональности. М. Максакова, меццо-сопрано, которая чередовалась со мной в партии Орфея, пела на полтора тона ниже. Во времена Глюка все

пели ниже на тон, чем мы сейчас поем: не было техники в оркестре, какая есть теперь, духовых инструментов...

Эта опера шла в постановке Козловского.

Громадные знания не только в своей профессии, но и в литературе, постоянный интерес к истории, к философии открывали певцу большие горизонты в творчестве.

В декабре 1984 года по телевидению был показан «Евгений Онегин» в исполнении артистов Ленинградского оперного театра им. Кирова. Я сказал Ивану Семеновичу, что, мне кажется, режиссер не прав, предложив певцу изображать Онегина увлеченным дружбой с Ленским, а не охладелым денди. Особенно это выражается в сцене дуэли: раненый Ленский медленно клонится к земле, Онегин его подхватывает, и тот умирает на руках Евгения.

Иван Семенович рассказал: когда к нему, сраженному выстрелом, приблизился Онегин, он воскликнул — разумеется, зрители не должны были это слышать: «Не подходите! Не миритесь с публикой посредством моей смерти!»

Большой трагедией было бы, продолжал он, одиночество Онегина, так как в таком случае является мысль: кто породил это одиночество? Надо смотреть широко: скептицизм ко всему окружающему — это как у героев Байрона. Именно осознав все это, Онегин ощутил трагедию, и только в конце оперы публика может пожалеть его.

— В искусстве я неуступчив, — говорил Иван Семенович.

Оттого он не всегда был «удобен» для режиссера или дирижера.

Однажды дирижер пришел к нему в антракте в артистическую комнату и предложил петь Ленского так, как он изменил ноты. Во фразе «коварна и зла» прибавил ноты, каких не было у Чайковского. Получилась «итальянщина», «цыганщина». Иван Семенович не согласился, сказал: «Буду петь, как приготовил».

Все знают, каким шедевром стал у Козловского Юродивый в опере «Борис Годунов». Обдумывая эту партию, он многое изучал, ходил в Третьяковскую галерею и подолгу стоял перед «Явлением Христа народу» Иванова. Его там даже запомнили. И по прошествии нескольких лет, когда он опять пришел и остановился перед этой картиной, сотрудница галереи сказала: «А я вас помню, как вы стояли здесь давно-давно...»

Свое восприятие этой роли он выразил так:

— Юродивый, как колосок в поле, качается среди ржи туда-сюда.

И, говоря это, показал поднятым пальцем, как качается колосок.

— Про меня говорят, — как-то заметил Иван Семенович, — что я будто бы работаю по системе Станиславского...

И тут он перешел к тому, что оперное искусство условно и в нем обнаженный реализм неуместен. Ему ближе режиссерская работа В. Немировича-Данченко.

— Целоваться на сцене взаправду — этого исполнительское искусство не требует, — продолжал он. — Надо помнить грань, которую нельзя переходить.

Он не выносил слез и истерики на сцене. А как часто можно видеть сейчас на экране кино и телевизора актрис, которые рыдают! Это бьет по нервам, но не становится доказательством творческого совершенства. Н. Обухова в «Кармен», вспоминал Иван Семенович, не внешними «страстями», а голосом, пением достигала завершенности оперной героини. Не забывать — опере оперное! Когда она готовила партию Кармен, Иван Семенович — сосед Надежды Андреевны по квартире — пел Хозе.

И Анну Каренину, по мнению Ивана Семеновича, нельзя играть истерически. В романе она личность очень сложная, а не только жертва среды, светского общества. Она пленительна, и в ней, как пишет Толстой, есть что-то «бесовское». Она разбила жизнь мужа, любовника, загубила детство сына.

Когда Иван Семенович говорил о русской литературе, то всегда можно было услышать много интересного о Гоголе, Достоевском. С Буниным, по его словам, у него «много точек соприкосновения». Несомненно, одна из таких точек в том, что Бунин был, как говорил И. С., какой-то «человечный, добрый», а в творчестве — тверд, принципиален, чужд компромиссов. Иван Семенович говорил: «В Бунине я ценю непреклонность».

Многое мог бы поведать Иван Семенович о тех или иных современных поэтах. Он хорошо знал В. Каменского, С. Городецкого, дружил с М. Рыльским. И. Уткин, А. Жаров,

Г. Кржижановский посвятили Ивану Семеновичу свои стихи. Знаком он был и с Маяковским.

Об Ахматовой, с которой Иван Семенович также встречался, сказал:

— Она человек больших измерений. К ней нельзя было приходить посюсюкать.

И к нему так не придешь. У него — проницательный и глубокий ум, широта взглядов, во всем — правдивость, неспособность к притворству, к фальши, отсутствие позы, высокомерия. И при всей его требовательности к людям — доброта: он многим помогал.

Иван Семенович был изящен во всем: от него веяло изяществом душевным и внешним — в манерах. Он верх куртуазности, не напускной, а естественной, неотделимой от всей его личности.

Я спросил Ивана Семеновича, как он относится к стремлению оперных певцов петь зарубежную классику на иностранных языках.

— Я против, — последовал быстрый ответ.

Он нередко видит в этом что-то показное — желание демонстрировать свою образованность.

— Когда слова чужой речи, — объяснял он, — не выговаривают четко, звук льется; но если хотят выразительно дать слова, впечатление от такого пения сильно снижается. Ведь надо звуком выразить все то, что другой может сказать в обычной речи словами. Само пение — это необычность, это состояние духа человека. Оттого пение более доступно, чем речь. Совершенство — это когда человек на любом языке поет и слово в пении является понятным и гармоничным. У Надежды Андреевны, — заметил он, — звучание произведений французских и итальянских авторов на языке подлинника было естественным, она прекрасно владела иностранными языками.

У Ивана Семеновича был абсолютный музыкальный слух, он до предельной тонкости воспринимал как интонационную сторону музыки, так и ее выразительность. И такой же слух в языке: чувство слова редкостное; речь — русская или украинская — у него сливалась с музыкальной мелодией в дивном звучании и обретала какую-то завораживающую силу. Слушаешь,

бывало, — и возникает впечатление: никто так не споет, как он, «Для берегов отчизны дальной...» или «Я помню чудное мгновенье...»

Иван Семенович нес людям высокое искусство, идеально прекрасное, вызывающее изумление и восторг, — это искусство очищающее, дарующее то «божественное просветление», о котором говорил Гёте.

В 1984 году Иван Семенович записал оперу С. Монюшко «Галька», в которой спел партию Йонтека (ему было 84 года).

Неким символом его искусства — искусства гения, одухотворенного высокими идеалами и оттого сопричастного тому прекрасному, чего все века жаждала душа человеческая, — является бронзовая статуэтка на перилах лестницы, ведущей на второй этаж его квартиры: бард с лирой в руках и мечом у пояса, певец и поэт древних кельтов.

Он и сам перевоплощался в благородного рыцаря Лоэнгрина в опере Вагнера, написанной на легендарный сюжет — по сагам тринадцатого века. Спектакль этот — одно из наиболее радостных воспоминаний Ивана Семеновича, его партнером была Нежданова, дирижировал В. Сук. С Неждановой он пел также в операх «Ромео и Джульетта», «Лакме», «Травиата» и других. Его великими партнерами были, кроме Неждановой и Обуховой, Е. Катульская — по его оценке, первая Виолетта в Москве; Е. Степанова, певшая, как он говорил, «божественно».

Когда Иван Семенович пел Вертера, молодые девушки в зрительном зале плакали. Это были слезы восторга. Прекрасная, возвышенная музыка Массне вызывала в душе ликующее чувство обновления. Еще Герцен сказал: «Красота восторга лучше всех красот человеческих, ибо тогда человек перестает быть земным и начинает быть небесным».

«Певец любви» не хотел быть вечным любовником на сцене. Его влекли в искусстве также мотивы гражданские, народные, исторические. Он обдумывал постановку оперы И. Стравинского на сюжет древнегреческого мифа, послужившего темой трагедии Софокла «Эдип».

Иван Семенович не уединялся от быстротекущей жизни, а жил всеми делами своего времени. Когда Родина была в опасности, он пожертвовал на оборону один миллион двести тысяч рублей. Председатель Государственного комитета обороны

благодарил его специальным приказом. Кроме того, за время своего более чем полувекового труда в искусстве он дал несчетное число бесплатных шефских концертов.

Есть сила благодатная
В созвучье слов живых...

Без их «святой прелести» в музыкальном звучании — как жить? Оттого так велика наша благодарность великому певцу.

Примечания

Гармонии таинственная власть и вода забвенья
Обубликовано в: Лепта. 1995. № 24. С. 207–226.
[1] «Санктус» — «Свят» (*лат.*).

«Слыхали ль вы певца любви?..»
Опубликовано в: Литературная Россия. 1985. 22 марта.

Юлия Коваленко

ПРОШЕДШЕЕ НЕВОЗВРАТИМО

...Бывают в жизни встречи определяющие. Они — как подарок судьбы: могут случиться, а могут и нет. Они очаровывают, ошеломляют, заставляют возвращаться к ним вновь и вновь и в конце концов становятся тем нравственным камертоном, по которому себя выверяешь. Такой оказалась моя встреча 14 октября 1993 года с народным артистом СССР Иваном Семеновичем Козловским. Для него она стала последней встречей с журналистом: вскоре после интервью Мастера не стало. Так тихо уходят эпохи. И еще острее на расстоянии видится их масштаб.

Память, как кинохроника, рисует его спускающимся со второго этажа квартиры на ул. Неждановой: лучезарная улыбка, концертный костюм, неизменная бабочка. И этим самым — подчеркнул, выразил уважение не только съемочной группе, но и коллеге-певцу: «Мне не так легко вести беседу и встретиться с Вами, потому что каждая встреча или печальна, или радостна. А речь пойдет о знаменитом артисте». (Я тогда работала

в телерадиокомпании «Регион-Тюмень» над фильмом о земляке. Когда-то признанный солист Большого театра, заслуженный артист России Андрей Лабинский и юный Иван Козловский были знакомы и, более того, расположены друг к другу.)

...Говорят, Иван Семенович — лучший памятник своим друзьям. В богатейшем архиве артиста, что бережно хранила его референт с более чем сорокалетним стажем Нина Феодосьевна Слезина — «Броня Прокоповна», «Настоятельница», «Устроительница», как он ее называл, — я читала позднее письма со всего света: уведомляющие, приглашающие, просящие о помощи. Козловский мог писать во все инстанции, бить челом, чтобы лучше жилось, например, старенькой театральной гардеробщице, или вдове провинциального артиста, или актеру миманса. Снять шапку и помолиться у памятника.

Не изменил он себе и в этот, последний раз. Шел Ивану Семеновичу 93-й год. Он уже с трудом передвигался, говорил, — разобрать сразу было не всегда возможно:

— О прошедшем трудно говорить, потому что зрительный зал — это люди. Но они разные: одному нравится, другому — нет. Мне не надо дорисовывать: вот, мол, раньше было так. Нет, я сопоставляю подлинное, себе достойное.

Но глаза... такие молодые, восторженные голубые глаза человека-истории выдавали восхищение жизнью, в них билась живая мысль. Поразительный дар понимания людей, — что дала мне почувствовать даже та единственная встреча, — позволял ему сочетать до последних дней по-юношески открытую душу, суеверия, причуды, сложность характера с умудренностью Мыслителя, с присущим только ему неповторимым, узнаваемым способом восприятия жизни. Фигура непостижимая, необъятная. Он и нашу телегруппу просветил глазами, как рентгеном, и начал разговаривать с таким пониманием людей и ситуации, что вызвал некое смущение. ...Его фразы время от времени возвращаются ко мне, выгоняют из души обыденность и заставляют думать о жизни. Как передать хоть малую толику того, с чем я столкнулась, что ощутила?!

— Иван Семенович, вот был известный артист, исполнял знаменитый романс. Сейчас, к сожалению, романс забыт. Имя певца тоже ушло куда-то. Почему так случается? Как можно избежать забвения?

— Вы задаете очень легкий вопрос. (И, не обращая внимания на мое замешательство...) Надеюсь, у Вас есть папа и мама. И когда они сядут за стол, то до первой рюмки охают, а после третьей — плакать надо. Почему? А потому что прошедшее невозвратимо. Счастлив человек, который может дорисовать к нему то, что ранее никто не замечал. Ему говорят: да живете вы в веках. И каждый, обольщая себя, представляет, что его вспоминают. Но ведь вы же вспомнили?! Это почетно с точки зрения гражданства. Но дело, он и они — все вместе взятые, говорят: ищи радости сегодняшнего дня. Чуть-чуть этому я следую.

Свидетель века двадцатого, его ровесник, И. С. Козловский стоял на грани мира реального и ушедшего, и оба видел отчетливо. Его размышления стали моей дорогой к себе, к поиску ответов на главные вопросы, его прощальным благословением на дальнейшие события в жизни. Об этом мне пришлось узнать вскоре — 21 декабря его не стало. И понимание неизбежности произошедшего смешалось с несравненно более сильным, по-человечески понятным чувством — нет, не может быть... Впрочем, почему небытие?! Иван Семенович был глубоко верующим человеком, и в памяти нашей он жив. Даст Бог — сделаем фильм о нем. А потому мне бы не хотелось ставить точку...

В конце нашей встречи, итожа тысячелетие по ту, уходящую сторону черты, в ответ на мои «отчего» и «почему» он заметил:

— Многие молодые люди сейчас заражены жаждой познания истины жизни. Но тайна эта дается лишь равному. Мы познаем ее в меру своего бессилия...

Москва, 2004 г.

Примечания

Воспоминания написаны специально для данного сборника.

Иван Драч

ГОЛОС-ЛЕГЕНДА

Первое мое ощущение, когда я увидел Ивана Семеновича Козловского, — это удивительно красивый человек.

Чувство изумительного артистизма непосредственно и органично в нем. Этот артистизм поражает в любой ситуации: в разговоре, в беседе с ним. Удивляет, как этот человек тонко, деликатно выражает свои ощущения, себя. Видно, что у этого человека очень прочные глубинные, духовные истоки характера.

Когда я думаю об Иване Семеновиче Козловском, мне кажется, что ему удалось соединить в своем характере, в своей судьбе две тенденции: чувство прекрасного, потому что он весь в этом живет, и чувство доброты, желание делать людям добро. И эта красота добра и добро красоты соединились в одном человеке. Меня всегда восхищало в этом удивительном человеке его свойство отдавать себя в музыке другим людям. Конечно, это кому-то приносит радость, кому-то помогает, но не в этом главная сущность искусства пения.

Я думаю, что голос Козловского, его искусство приближают каждого человека, который по-настоящему любит и ценит музыку, к какой-то подлинной человеческой сущности, приближают к истинному идеалу.

За этим голосом всегда чувствуется образованность и самовоспитание Козловского, его титаническая работа над собой, над своей профессиональной подготовкой.

Зачатки мировоззрения человека, система его духовной жизни, в какой-то мере его философия формируются в детстве. Всегда важно то, что человек несет из детства. Для Ивана Семеновича Козловского — это Украина. Он большой украинский художник, кроме того что он и русский художник. Высокий талант, образованность, артистизм — все это он необычайно, удивительно соединяет в себе.

Иван Семенович Козловский держится за классику, за то, что тысячелетиями воспитывало все самое лучшее в человеке. Мне кажется, что это самое важное, и понимаю тревогу Ивана Семеновича, когда он говорит о классике, его желание, чтобы современный человек, осваивающий все новшества, которые приходят в сферу культуры, воспитывался бы на главном, основном, на всем том, что человеком создано до «сегодня». В этом прочный фундамент личности Ивана Семеновича.

Человеку крайне важно быть ответственным за то, что он имеет от природы, что он создал сам в себе, помогая «золотому зерну», которое было заложено в нем. Я думаю, в этом мальчике был Божий дар, который удивительно развился, а как он должен был пронести его — это зависело от жизненных обстоятельств, и, вероятно, это счастливая звезда его вела. Козловский сам творил свою судьбу.

Я помню Ивана Семеновича на Пушкинских праздниках, в многотысячной аудитории, в Святогорском монастыре, помню его выступление на вечере украинской поэзии в ЦДЛ, когда он вдруг неожиданно для всего зала появился со студентами Московского университета — и спел.

Не в этом ли социальный позыв, что он свой талант всегда отдает людям? Ведь талант певца, поэта, художника не сам в себе, талант должен иметь или слушателей, или читателей, или зрителей. Талант — явление такое, когда должна быть вольтова дуга между двумя полюсами, а сам в себе — это не

талант. Чем крупнее талант, тем больше аудитория, тем выше уровень этих зрителей, слушателей, читателей. И это важно помнить.

А что остается? Остается удивительный голос, всегда звучащий в душах людей; остается удивительная легенда об этом человеке, которая будет жить, передаваться от одного к другому, от поколения к поколению, — легенда о красивом, изумительном, потрясающем человеке, который в сложную эпоху сумел выразить себя, по-настоящему служить людям и отдать свой золотой талант. Он сумел высоко пронести свое человеческое достоинство, сумел остаться самим собой.

Примечания

Из архива Н. Ф. Слезиной.

Тамара Тоштендаль-Салычева

ТРИ ВСТРЕЧИ

Говорить о Козловском — все равно что говорить о Музыке: это сама музыка, ее так много, что невозможно конкретизировать впечатления, не впадая в простейшую банальность.

Для меня есть только один выход — попытаться описать лишь те мозаичные впечатления, которые, несмотря на время, не только продолжают жить во мне, но и излучают тепло, согревающее душу. Ведь, как это ни парадоксально, мои встречи с Иваном Семеновичем Козловским, а их было всего три, имели место в самые поворотные моменты моей жизни, и хочется верить, что это было не случайно.

Все, что связано с музыкой, имеет для меня особое значение. Два педагога открыли мне дверь в восхитительный мир звуков: моя учительница по классу фортепиано в музыкальной школе Евгения Лазаревна Переплетчикова и преподаватель русского языка и литературы в общеобразовательной школе Тамара Денисовна Малахова. Последняя на долгие годы стала моим постоянным спутником при посещении музыкальных концертов и оперных представлений.

1964 год. Время выпускных экзаменов в школе. В Большом театре выступают вернувшиеся со стажировки в Италии молодые певцы, среди них: Тамара Синявская, Владимир Атлантов, Анатолий Соловьяненко, Муслим Магомаев и другие. После концерта было просто невозможно вернуться к прозе жизни, что на тот момент означало немедленно сесть в троллейбус и ехать домой на Хорошевку. Мой добрый гений Тамара Денисовна, с которой я была на том знаменательном концерте, предложила пройтись пешком, и через некоторое время мы оказались в Брюсовом переулке, в то время носившем имя выдающейся певицы А. В. Неждановой. До сих пор ощущаю всегда напоминающий мне о юности запах только что распустившейся листвы. Казалось, что ветки деревьев почти касаются наших плеч.

На самом деле это был своего рода оптический эффект памяти, ведь мы смотрели вверх: иначе нельзя было бы рассмотреть лицо высокого, стройного и необычайно элегантного мужчины, который вдруг предстал перед нами, как в сказке. Я поняла, что это Козловский. Конечно же это был он, и мы находились рядом с его домом. Он поздоровался с Тамарой Денисовной, с которой, я знала, давно был знаком.

— Иван Семенович! Это мой «ребенок», моя ученица Тамара Криворучко, она заканчивает школу в этом году, — представила меня Тамара Денисовна.

Он улыбнулся и лукаво спросил:

— А что собирается делать этот ребенок?

— Я хочу поступить в театральный институт, хочу быть актрисой!

Козловский как-то по-особенному, быстро, но одновременно внимательно посмотрел на меня и вдруг совершенно неожиданно сказал:

— Заходите завтра. Я напишу вам рекомендательное письмо к ректору ГИТИСа.

Раскланялся и растворился в темноте подъезда.

Несмотря на откровенное сопротивление моей мамы, предпринимавшей весьма решительные, а порой так просто каверзные меры с целью воспрепятствовать намерениям дочери, окончившей школу с золотой медалью, пойти в актрисы, я поступила в Щепкинское училище, которое именно в тот год принадлежало ГИТИСу.

Однажды, когда умер знаменитый режиссер Большого театра Баратов, мы, студенты первого курса, пошли на траурную панихиду, проходившую в Центральном доме работников искусств. При входе в ЦДРИ я столкнулась с выходившим оттуда Козловским. Остается загадкой, как он мог вспомнить меня, ведь в тот первый вечер было темно и разговаривали мы совсем недолго, а то, что я улыбалась ему навстречу, говорило лишь о том, что я узнала его, а уж в этом не было ничего удивительного. Как будто мы расстались вчера, он спросил:

— Ну, как успехи?

Я ответила, что поступила и теперь учусь в Щепкинском при Малом театре.

— Ну и зря! Лучше бы пошли в МГУ и играли там в студенческом театре, — прозвучала поразившая меня фраза.

Иван Семенович продолжил свой путь, а я осталась стоять в полном недоумении, и только вопрос кого-то из моих сокурсников: «Ты знакома с Козловским?» — вывел меня из оцепенения.

Было о чем задуматься. В театральном институте, где я училась, я не чувствовала себя на месте. На нашем курсе было восемь девочек, и все, на мой взгляд, были красивые и способные, с яркой творческой индивидуальностью. На выпускном курсе были замечательные ребята, среди них — Инна Чурикова, о которой уже тогда говорили как о необыкновенно талантливой актрисе. У меня же ничего не клеилось. Я потеряла кураж: глаз потух, поправилась на 12 килограммов за полгода — как говорится, «вышла из образа». Я четко понимала, что Ермолова из меня не получится, а быть в искусстве без уверенности в собственной гениальности — бессмысленно и даже опасно. На следующий год я поступила на истфак МГУ и все время учебы там играла в самодеятельности, тщательно скрывая свое «темное артистическое прошлое». Вспоминать было больно и почему-то стыдно.

Прошло почти двадцать лет. В 1983 году умер мой муж Степан Степанович Салычев. Это была трагедия. Я не была похожа на саму себя. Я болела. Еще полгода после смерти мужа я могла пользоваться поликлиникой № 1 на Сивцевом Вражке. Именно там я опять встретилась с Иваном Семеновичем Козловским. Мы увидели друг друга на лестнице, нас отделял

один ее пролет. Узнать меня после стольких лет было просто невозможно. И тем не менее он как бы «зацепился» за меня взглядом. Рядом не было никого, и я решилась ответить на его вопрошающий взгляд.

— Вы сыграли большую роль в моей судьбе, — сказала я без всякой подготовки.

Моих слов оказалось достаточно, чтобы мы устремились навстречу друг другу. В двух словах я напомнила ему ситуацию двадцатилетней давности. Иван Семенович поддержал разговор, уверяя меня, что все было сделано правильно. Потом мы говорили еще несколько минут, какие-то знакомые с ним дамы пытались что-то сказать ему, привлечь его внимание, но он деликатно и в то же время очевидно давал им понять, что не хочет прерывать разговор со мной.

О чем конкретно мы говорили, уже не помню, но меня впервые за несколько месяцев невыносимого воющего отчаянья посетило чувство радости. Иван Семенович просил меня звонить, и я как-то раз решилась на это, но мне любезно обещали передать ему о моем звонке. Больше мы не виделись.

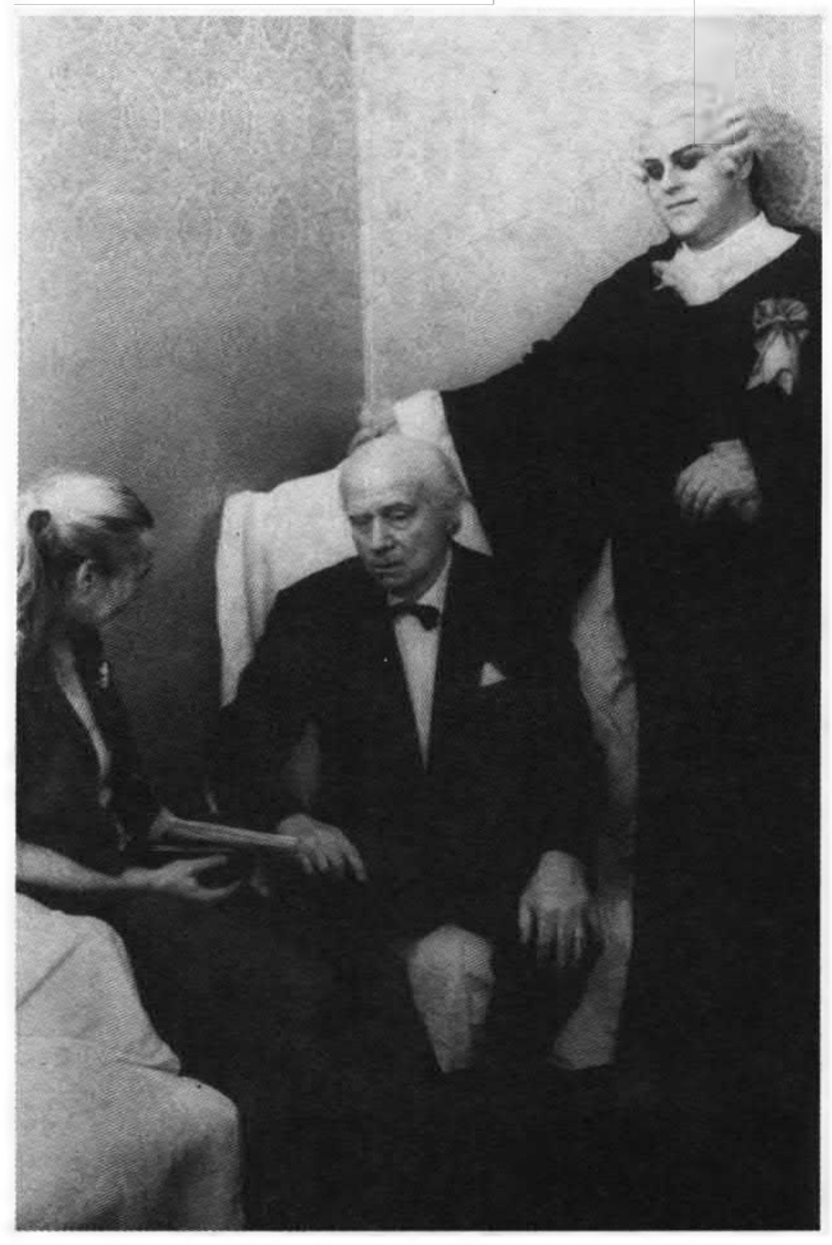
Я часто думаю о том, как много дал этот большой художник для всех его почитателей, и не только для них. Козловский был великим певцом, и это очевидно. Но он был всегда открывателем новых перспектив в музыке, он был философом в жизни, и мне кажется, что он был тем самым «посланцем» свыше, роль которого он так незабываемо исполнил в опере Вагнера «Лоэнгрин».

Время от времени я открываю тот самый конверт, который получила через день после нашей первой встречи с Козловским, и перечитываю то самое рекомендательное письмо, которое я так и не использовала при поступлении в ГИТИС. Теперь оно навсегда принадлежит мне и является доказательством невыдуманности этой истории.

Июль 2003 г.

Примечания

Воспоминаниния написаны специально для этого сборника.

Большой театр. После спектакля «Бал-маскарад»: М. М. Анохина, И. С. Козловский, А. М. Ломоносов (солист театра). 80-е гг.

И. С. Козловский с внучкой Аней

И. С. Козловский
с дочерью Анной

С любимой внучкой

Дома с младшей дочерью Тусей

В. М. Коконин
и Г. П. Вишневская

На прогулке с П. П. Никитиным

В гостях у Л. И. Алемасовой — И. С. Козловский,
Б. Ф. Шаляпин, Т. А. Журавицкая и другие

Домашняя репетиция с Н. Г. Вальтером.
Звукам музыки внимает младшая дочь Туся.
40–50-е гг.

Екатерина Кожевникова

ЧЕЛОВЕК СИЛЬНЫЙ, ЯРКИЙ, НЕЗАВИСИМЫЙ

С Иваном Семеновичем Козловским я знакома была с детства. Но похвастаться особенно близкими отношениями или претендовать на то, что была посвящена в какие-то его сокровенные, скрытые от других душевные тайны, я не могу. Но так как мне посчастливилось несколько раз побывать вблизи великого человека, считаю себя обязанной рассказать о том, что видела, слышала и, как мне кажется, понимала.

То, что Иван Семенович обратил на меня внимание и признал во мне композитора тогда, когда, собственно, и говорить-то особенно не о чем было, очень для него характерно. Он всегда был поразительно независим в своих мнениях. Многих это шокировало и вызывало недоверие — мол, опять экстравагантность и игра на публику. Мне было всего лет 12, когда Иван Семенович спел мою «Элегию» на стихи Кржижановского на сцене Большого зала Консерватории. Я ведь была не только ребенком, но еще и ребенком женского пола. Вы вспомните это время (60-е годы) и вспомните, к какому

поколению относился Козловский. Тогда даже люди значительно моложе его отрицали возможность для женщины быть серьезным композитором. Поэтом, писателем, художником — да, но только не композитором. Даже Д. Б. Кабалевский, у которого я училась в детские годы, сказал как-то моей маме: «Будь она мальчиком, цены бы ей не было». Вера в меня Ивана Семеновича поддерживала меня в самые трудные мои годы и давала надежду на то, что я смогу стать тем, кем я, собственно говоря, и стала: профессиональным композитором. А ведь таких, как я, тех, кого Иван Семенович поддержал и направил, было немало.

Я не буду говорить о Козловском как о гениальном певце и музыканте. Об этом написано много музыковедческих исследований. Я хочу говорить о нем как о человеке — сильном, ярком, независимом. Он мог бы жить при любом государственном строе — собственно говоря, благодаря длинной жизни, и жил при разных государственных строях, — но не изменился ни в привычках своих, ни в мыслях, ни в привязанностях. А ведь это было опасно. Сейчас, когда верить в Бога и молиться в храмах стало модно, я уверена, что Иван Семенович продолжал бы петь и молиться. Но теперь, так же как и тогда, он ни за что не стал бы это афишировать. Кстати сказать, несмотря на то что он, как всякий артист, был иногда экстравагантным и любил шутливо эпатировать публику, у меня всегда было ощущение, что самое сокровенное, важное, больное он бережно хранил внутри себя, а если открывался, то очень немногим. О его подобном «кокетстве с публикой» я, пожалуй, и смогу рассказать несколько забавных эпизодов, потому что, повторяю, к сокровенному, конечно, допущена не была.

В связи с какой-то юбилейной датой Кржижановского Иван Семенович давал у себя дома интервью для радио. Он говорил о Кржижановском как о трагической личности, о том, как несчастен, одинок и разочарован тот был в конце жизни, о том, как его травили. То, что говорил Козловский, нельзя было не только записывать, просто слушать-то было опасно. Неожиданно он прервал себя и как-то скорбно, брезгливо сказал: «Вы ведь это вырежете и выкинете. Я понимаю, что сейчас транслировать это по радио нельзя. Но прошу вас не выбрасывать, сохранить. Вам это когда-нибудь очень пригодится.

Времена меняются. Когда-нибудь этот материал будет на вес золота. Но меня-то уже не будет».

А в конце, когда вся группа журналистов стала шумно собираться, Иван Семенович, как-то весь подтянувшись, молодцевато откинув свою гордую голову, обратился к пожилому звукорежиссеру, который выглядел намного старше Ивана Семеновича, но, как оказалось на самом деле, был значительно моложе: «Молодой человек, самогоночки не хотите ли?» «Молодой человек» вздохнул и сказал: «Эх, Иван Семенович, лет 20 назад у вас на даче я записывал интервью с вами. Вы и тогда предлагали мне самогоночки. А мне уже тогда было нельзя».

* * *

Однажды в Союзе композиторов после исполнения Верой Георгиевной Дуловой сочинения Валерия Кикты я была свидетельницей прелестного кокетства двух великих музыкантов. Иван Семенович, конечно, присутствовал на концерте и пришел в артистическую поздравить своих друзей — Дулову и Кикту.

— А помнишь, Вера, — говорит Иван Семенович почти нараспев, — я приехал к тебе в Ялту, в какой-то ведомственный санаторий. Ты играла там для ответственных работников и их жен...

— Этих толстых, чванливых дур, — цедит сквозь зубы Вера Георгиевна.

— Я приехал к тебе в фаэтоне...

— Разбитой колымаге, с вдребезги пьяным кучером и полудохлой от голода клячей.

— На мне была шляпа...

— Жуткая. С огромной дырой. Интересно, с какого огородного пугала ты ее снял?

— И на мне были эти короткие брюки, они тогда только-только входили в моду...

— Ужас! Я тогда решила, что ты забыл надеть штаны, и от стыда просто не знала, куда спрятаться.

Конечно, это была шутка, розыгрыш для публики. Хотя «публики» было всего четыре человека: Валерий Кикта, ученица Дуловой, старинный друг Ивана Семеновича и я. На память об этом эпизоде у меня сохранилась фотография.

* * *

Где и когда бы я ни встречала Ивана Семеновича на протяжении нашего четвертьвекового знакомства, рядом с ним всегда была Нина Феодосьевна Слезина. Официально она была его секретарем, а на самом деле — преданнейшим другом и иногда близким человеком, на котором можно сорвать свое плохое настроение. Она Ивана Семеновича боготворила и терпела все. Хотя даже когда Козловский ворчал, это тоже было похоже на игру. Он и сердился как будто понарошку. Было в нем что-то такое по-детски непосредственное, что на него невозможно было обидеться. Помню, как однажды я пришла к Ивану Семеновичу, а он ворчал на Нину Феодосьевну, которая, честно говоря, никак на это не реагировала. Он рассказывал о каком-то архитекторе и, забыв фамилию, обратился к ней с вопросом: «Нина Феодосьевна, ну как его... Архитектор... в нашем доме жил...» — «А в какие годы, Иван Семенович?» — «Не помню». — «А подъезд какой?» — «Не помню». — «А этаж?» — «Тоже не помню». — «Ну, тогда я не знаю», — развела руками Нина Феодосьевна. «Что-то вы, Нина Феодосьевна, с каждым годом все реже и реже на мои вопросы отвечаете». — «Да вопросы-то все сложнее и сложнее, Иван Семенович», — усмехнулась она.

Нина Феодосьевна не надолго пережила Ивана Семеновича. Да это и понятно. Всю свою жизнь она посвятила Козловскому. А после его смерти — до конца своих дней — памяти о нем.

* * *

Помню, как-то дома у Ивана Семеновича стою я в гостиной, жду его и разглядываю картины. Увлекшись, я не заметила, как он подошел, и неожиданно услышала его голос у себя за спиной: «Картины разглядываешь? Да уж и разглядывать нечего. А много чего было когда-то...» — «Куда же все делось?» — удивилась я. «Да вот, на таких прелестниц, как ты, все ушло». Я, конечно, была страшно польщена, что попала в разряд «прелестниц», тем более что никогда прелестницей не была, но, боюсь, что дело было не в этом. В последние годы жизнь Козловского совсем не блистала роскошью. А был он очень

гордым. Нина Феодосьевна с горечью говорила, что ему часто приходилось отказываться от выступлений и встреч, в том числе по телевидению, потому что никому в голову не приходило прислать машину, а заказывать такси, как раньше, ему было не по карману.

Зато похороны ему устроили роскошные. Такие роскошные, что действительно близким ему людям было очень сложно прорваться через «кордон», чтобы положить на его гроб свой последний букет.

Москва, 2004 г.

Примечания

Воспоминания написаны специально для данного сборника.

Агния Барто

ДОРОГОМУ ИВАНУ СЕМЕНОВИЧУ

Чудесен голос у певца!
А рост какой!
И цвет лица!
Душа поэта, мудреца...
Когда звучите Вы в эфире,
Сердец холодных больше нет...
А голос Ваш везде воспет,
Везде прославлен, в целом мире.
В лесу однажды у березки
Стою... И слышу соловья.
Вдруг появляется Козловский
И говорит: — Пою-то я...

25 марта 1980 г.

ПРОФЕССИОНАЛЫ О ПРОФЕССИОНАЛЕ

Бэла Руденко

МОЙ КОЗЛОВСКИЙ

Есть имена, само звучание которых заменяет длинный перечень заслуг и званий. Таково имя Козловского. Нет, наверное, дома в нашей стране, в который так или иначе не вошло бы его искусство.

Козловским спето фантастически много: оперные партии Ленского, Лоэнгрина, Орфея, Берендея, Герцога, Вертера, Альмавивы... Да одной только роли Юродивого из «Бориса Годунова» было бы достаточно, чтобы принести певцу неувядающую славу.

Помню нашу первую встречу лет 35 назад. Тогда в Каневе, под Киевом, состоялся торжественный концерт на могиле Тараса Шевченко. Козловский пел песню Петра с хором из «Наталки-Полтавки» Миколы Лысенко, я — арию Наталки из этой же оперы. Слушателям, в том числе гостям из Канады, очень понравилось, нас даже пригласили выступить дуэтом за океаном. К сожалению, в дело, как это часто бывало, вмешалась

политика, наступило очередное «похолодание» в отношениях между нашими странами, и поездка не состоялась.

Однако и впоследствии судьба неоднократно сводила меня с Иваном Семеновичем. Доводилось петь с ним в программах сводных концертов. А когда он однажды, прослушав и посмотрев спектакль «Травиата» (будучи сам в свое время великолепным Альфредом), зашел за кулисы Большого театра и поздравил меня, — право, для меня не могло быть высшей похвалы.

Он очень красиво старился. Вернее, стариком так и не стал; даже разменяв десятый десяток, остался живым, подвижным, стройным. Не упускал случая сказать комплимент женщине. Ходил буквально до последних дней жизни почти на все концерты в Большой зал Московской консерватории.

Понравившегося ему артиста или автора (очень ценил, например, музыку современного композитора, украинца-москвича Валерия Кикты) благодарил, а точнее, благословлял, причем весьма своеобразно: осыпал зернами пшеницы или подносил зажженную свечу...

Он открыл нам столь многое, когда еще редкостью было исполнение кантат Баха или западной камерной музыки — от Роберта Шумана до Бенджамина Бриттена... Пел он и «Христос воскрес» Сергея Рахманинова. Увы, записи сохранили немногое из духовного репертуара, ведь в то время не поощрялось обращение к русской церковной музыке, которую он, глубоко, светло верующий человек, всей душой любил...

Кто же он такой, крестьянский сын с Киевщины, достигший всеобщей любви и признания? Для меня Козловский — великий сын украинского народа и одновременно великий певец русской земли. Сейчас немодно братать наши культуры — как же, самостийность, суверенитет... Однако то, да и мое поколение людей по большей части жили, сознавая не только свою национальную, но и шире — общечеловеческую закваску. Конечно, в особой степени это сознание было присуще артистам, ведь искусство, рождаясь на национальной почве, принадлежит всем.

Принадлежит всем и Козловский. Сегодня ему исполнилось бы 95 лет. Больше года его нет с нами. А я до сих пор не могу свыкнуться с этой мыслью. И даже не потому, что жива

память о человеке, блистательном артисте. А просто — он словно где-то рядом, здесь... Будто вижу его лучистые глаза, слышу серебряный голос. И от этого теплее на свете.

ВЕЛИКИЙ ТЕНОР XX СТОЛЕТИЯ

Иван Семенович Козловский — великий тенор XX века, гордость и слава Большого театра, великий сын русского и украинского народа.

Уникальность таланта И. С. Козловского в неповторимости и узнаваемости тембра — лучезарного и нежного, в свободе и легкости верхнего регистра. Таких *си* второй октавы и *до* третьей октавы ни у кого в России не было и, к сожалению, пока нет. При совершенной вокальной технике он был блестящим драматическим актером, красивым мужчиной и художником в пении.

Впервые я лично познакомилась с Иваном Семеновичем в 1961 году в Каневе, на Тарасовой горе, на празднике памяти Тараса Григорьевича Шевченко. Я тогда только что возвратилась из гастрольной поездки по Америке и Канаде. Там после концертов ко мне подходили за автографом многие украинцы и просили передать привет И. С. Козловскому. Они бережно хранили и передавали друг другу пластинки и записи разных передач. Его голос был родным в каждом доме. «Передайте Козловскому, что мы его ждем!» Я передала. Как жаль, что ему так и не удалось поехать к тем, кто его так любил и ждал...

На торжественном вечере Козловский пел «Менi однаково» на стихи Шевченко, песню Петра «Сонце низенько, вечiр близенько» из оперы «Наталка-Полтавка» Лысенко и — с хором — «Де згода в сiмействi». С огромным энтузиазмом и любовью принимала публика Ивана Семеновича, и он бисировал последний куплет с хором.

Это было незабываемо. Светло и ярко звучал его голос, он был строен, как юноша, и только седина выдавала возраст.

Всю свою жизнь Иван Семенович посвятил возвеличиванию музыкальной культуры родного народа, постоянно исполняя народные песни, и никогда не рвал связи с родной

Украиной. И. С. Козловский был постоянным участником во всех торжественных концертах в Киеве. На концертах пел вместе с Б. Р. Гмырей «Чуєш, брате мій», «Де ти бродиш, моя доле». С хором пел «Реве та стогне Дніпр широкий», «Засвистали козаченьки» и обязательно пел украинские народные колядки.

В 1978 году в репетиционном зале состоялась встреча Ивана Семеновича с труппой солистов. Он рассказывал, как готовил оперные партии, как соблюдал певческий и человеческий режим, как вместе с художником работал над костюмом и головным убором. «Помните, сначала должна запеть душа, а потом звук, — говорил Иван Семенович. — Певцы должны бороться за право Голоса в опере. Иногда певцам приходится „перекрикивать" оркестр из ста музыкантов. Оркестр заглушает певца, а певец форсирует звук и теряет голос. Это беда современной оперы... Отстаивайте свое право на первенство человеческого голоса в опере, берегите голос от перегрузок». Надо сказать, что до сих пор певцам не всегда удается отстаивать свои права.

Навсегда запали в душу советы Ивана Семеновича Козловского — великого тенора.

Необычайно широк его репертуар — около 50 оперных партий, более 400 романсов. И народные песни. Он так чувствовал, так любил народную песню! Она занимала в его творчестве особое место.

Среди артистов есть пристрастие к приметам. Иван Семенович, исполняя концертные программы, всегда клал на рояль монету в двадцать копеек — «на счастье». Ноты он носил в одном и том же портфеле большую часть своей творческой жизни. Этот портфель был знаменит — «портфель Козловского». Перевязан он был веревочкой, весь потертый. Однажды в Киеве прибежал за кулисы тенор Тимохин и говорит: «Ребята, у Козловского новый портфель!» Мы все побежали смотреть. Портфель был действительно новый, но в нем... лежал старый. Не мог Иван Семенович расстаться со своим давним другом, в котором он носил самое дорогое — ноты.

Когда же Иван Семенович пел украинские колядки, то посыпал сцену колосьями пшеницы.

Помню, когда Козловский впервые с квартетом Киевского университета пел «Ой, у полі озерце», на сцене стояла Мария Заньковецкая, великая украинская актриса. Она плакала — так трогательно Иван Семенович исполнял эту песню. А как тепло он пел «Повій, вітре, на Вкраїну» и другие песни! Он находил в народной песне и разнообразие, и сердечность, и нежность, и боевой дух, и «души прекрасные порывы...» Низкий поклон ему за это.

2003 г.

Примечания

Мой Козловский

Опубликовано в: Труд. 1995. № 51. 24 марта.

Великий тенор XX столетия

Буклет к компакт-диску «Иван Козловский. Украинские народные песни» (Moroz-Records, 2003)

Владимир Коконин

ЗВЕЗДА ИВАНА КОЗЛОВСКОГО

При оценке любого сильного, интересного явления в искусстве, а Иван Семенович Козловский — это, безусловно, незаурядное, крупное явление, нужно исходить из оценок, воспоминаний, анализа, из того, какое место в искусстве занимает тот или иной его представитель. Козловский, с моей точки зрения, — это явление мировой культуры, мирового искусства.

Отринув различные толкования прошедшей советской эпохи, скажем о том, что почти 80 лет жизни нашей страны проходили в определенных условиях: в определенном культурном режиме, политическом, экономическом и прочих, которые дают возможность упоминать некую цивилизацию — цивилизацию нашего советского периода. Это влечет за собой и определение того или иного явления в нашей жизни, в истории как нашей страны, так и в мировой.

Советская эпоха была достаточно продолжительной по времени, достаточно серьезной и по количеству, и качеству,

и глубине преобразований, и о ней можно говорить как о существенной странице в истории нашей страны.

Люди, появившиеся тогда в политике, культуре, искусстве и других областях, были тесно связаны со своей эпохой. С этой точки зрения творчество такого артиста, как Иван Семенович Козловский, — очень заметное, значительное явление советского времени. Он был не один. Этот период выдвинул огромное количество людей, которые вошли в историю как нашей, так и мировой культуры. По объективным обстоятельствам имя Козловского, к глубокому сожалению, в мире менее известно, чем следовало бы. По моим наблюдениям, интерес к нему, к другим колоритным фигурам, ко всей советской эпохе сейчас возрастает в связи с анализом, исследованиями этого периода. Нарастает интерес к наработкам, достижениям, ноу-хау советского времени. Все идет нарасхват, даже то, что было недооценено. К примеру, достижения нашей эстрады, которую мы считали уступающей мировым образцам, — тоже оказались востребованными. Кстати, Иван Семенович Козловский нередко выступал на эстрадных площадках, принимал участие в концертах, в записях эстрадных песен, доставлявших и доставляющих нам истинное наслаждение.

Встречаясь, мы с ним нередко пикировались. Он всегда был интеллигентно ершист. Однако прямо никогда никого не обижал, не оскорблял, никогда не позволял себе грубых поступков, выходящих за рамки этических норм. Разговоры с ним были иногда на грани противостояния. А бесед о культуре, искусстве у нас было очень много. Однажды он меня замучил своими рассуждениями о правовом статусе директора — я тогда директорствовал в Большом театре.

— Директор, представляя государственный орган, — говорил мне Козловский, — должен быть настоящим хозяином. Вот вы можете заплатить артисту хороший гонорар за спектакль? Не можете?!

— Нет, — говорю, — я человек казенный.

— Вот видите.

Так, слово за слово, мы перешучивались. Я ему в отместку говорю:

— Вот вы оперный певец, а вообще-то — и человек с «темным» эстрадным прошлым.

— Что вы имеете в виду?

— Вашу запись (которая мне всегда нравилась. — *В. К.*) «Беседки» Блантера.

Мы доброжелательно посмеялись. Разговор кончился, как всегда, мирно. Козловский стал напевать «Беседку»...

Вот уж о ком можно сказать как о Певце с большой буквы, так это об Иване Семеновиче Козловском.

Могу взять на себя грех заметить, что не всякий певец по профессии является певцом по сути. Пение — это не только школа: обучение вокалу, владение репертуаром. Это особое состояние души. У меня создается впечатление, что пение в качестве естественного процесса проникновения в музыку как сущности у нас несколько деградирует.

Подходы к пению — наши, славянские: русские, украинские (Иван Семенович, как известно, украинец), — это тот случай, когда певучесть, состояние поющей птицы сходно с состоянием певца. Это состояние у нынешних теноров сейчас явно ослабевает.

Так вот: Иван Семенович *пел*, всегда *пел*, как птица, которая не петь не может. Большой театр, в котором он *пел*, является и лабораторией, и церковью настоящего отечественного пения и музыки. Жемчужина Ивана Семеновича Козловского была в нем одной из самых ярких.

В чем волшебство его искусства? Первое, что сразу бросается в глаза и очевидно для всех, — это совершенно уникальный по качеству, неповторимый голос... Часто приходится сейчас признавать, что такой тип голоса — лирический, мягкий, определяющийся как *русский тенор*, — к несчастью, исчезает. О таком голосе писал Тургенев в своем рассказе «Певцы». Он лился, он был естествен, гибок, красив, лиричен и очень мягок. Эти мягкие интонации являются особенностью *русского пения*.

В разговорах с певцами вырисовывается картина мирового распределения поющих стран. Оказывается, таких стран и даже регионов на земле немного. Это, конечно, Италия и Испания; среди регионов, связанных с нашей или близкой территорией, — Украина, Кавказ и Россия. Я имею в виду то, что очевидно. Это не значит, что пение сосредоточено только в этих областях. Поют многие. Пение — древнее искусство. Оно восходит

к давним традициям, но особенно — в упомянутых районах земного шара. Украина дала много замечательных примеров вокального искусства.

Один из самых ярких — Иван Семенович Козловский. Его голос ни с чем не спутаешь. Первая и основная его особенность — совершенно уникальный голосовой дар. Подобные голоса встречаются, но очень-очень редко.

Вторая особенность Козловского — естественное состояние пения. Он *пел* потому, что *не петь не мог*. Психологически он с самого начала жизни обозначил свое будущее как певец. У него не было помыслов стать кем-либо иным.

Первые опыты на Украине, жизнь в Марьяновке... Бывает, когда у человека что-то открывается внезапно. В его случае этого не происходило. Пение для него всегда было потребностью, естественным, свободным процессом. Он был *певец — по голосу, по характеру, по натуре, по поведению, по своему отношению к искусству.*

Третье отличительное качество Козловского — невероятно *бережное отношение* к своему голосу. Над этим порой подшучивали, иронизировали. Говорили даже, что Сталин в беседе с кем-то якобы обмолвился: «Ну что вы бережете себя, как Козловский свой голос...»

С уважением, бережностью относился певец к своему дару: если тебе дала его природа — береги, цени его. Это не мешало уделять внимание эстраде. Сейчас вышло немало его дисков, причем очень высокого качества. Это не только «Беседка», но и «В лесу прифронтовом», вальс «На сопках Маньчжурии», «Темная ночь», «Блюз» и много-много других песен. Известны также прекрасные записи романсов в его исполнении. Все это тоже *пение*, тоже проявление таланта.

Помимо владения голосом, бережного отношения к нему, еще одна особенность Козловского — умение работать. Это был человек удивительной работоспособности. Чайковский, тоже обладая этим качеством, называл себя «поденщиком»: «Я сочиняю музыку, как сапожник тачает обувь». Они были мастерами, не поденщиками. И Козловский, и Чайковский всегда находились в творческом процессе, труде.

Помимо всего прочего, у него были свои особенности психики. Козловский был лишен конформизма, не стремился

к кому-то подстроиться, чему-то подчиниться. Не то чтобы был он бескомпромиссным, нет — он делал то, что считал нужным. Иван Семенович казался немного эпатажным, мог вести себя непривычно, но никаких особых странностей я за ним не замечал. Его неординарные поступки и слова давали возможность кое-кому иронизировать по этому поводу. Хотя ничего особо странного, повторяю, я не замечал. Все было объяснимо, понятно, логично.

Некоторые особенности его известны. Артист мог что-нибудь «отмочить» на концерте: пел сначала то, что было указано в программе, а потом — еще и еще. Концерт затягивался, ведущие беспокоились, а он все пел и пел. Публика была довольна. А обеспокоенным он говорил: «Дайте мне попеть, говорю я каждый день!» Может быть, это несколько странно, но вполне объяснимо. Он Певец! Он Тенор! Он Козловский!

Проходя через 16-й подъезд театра, он мог опуститься на колени. Для него Большой театр был Храм, и относился он к нему с благоговением. У входа в Большой считал возможным произнести про себя молитву. Можно предположить, о чем он молился: вероятно, о благополучии театра. Приносил с собой колоски, любил дарить их — наверное, это имело для него глубокий психологический, творческий смысл.

В театр в ненастные дни приходил в галошах, хотя они уже вышли из моды. Если видели, что у вешалки стоят галоши, — значит, Иван Семенович в театре. Некоторых эти галоши повергали в трепет: многие, и я в том числе, подтягивались.

Иван Семенович был нелицеприятен в оценках. Услышав дурное пение, он никогда никого не ругал, но само его молчание, выражение лица говорили красноречивее слов. Зато когда его что-то вдохновляло, он всегда находил возможность сказать хорошие слова, написать доброжелательный отзыв.

С ним можно было пикироваться, шутить. Но панибратский, простецкий тон с ним был совершенно неуместен, невозможен. Это был *Великий* тенор, *Великий* певец. Но это был и *наш* певец, выросший, сформировавшийся на фоне нашего бытия.

Еще одна очень важная его черта — высокий артистизм. Чтобы стать великим оперным певцом — мало обладать прекрасным голосом, надо много и самоотверженно работать.

Как Козловский. У него была поразительная артистическая натура. Я подозреваю, что его эскапады, его неординарные поступки — от артистизма. Не переносил он серости. Пресный разговор, пресное поведение — не для него. У него был *свой* стиль, *свои* сценические и вокальные приемы, *своя* манера поведения. Но... В своей стилистике на сцене, во всей своей творческой деятельности он был столь же неожидан, непредсказуем, как и в жизни.

Остались его творческие достижения. Хрестоматийный пример — Юродивый. Факт остается фактом: партия Юродивого становилась чуть не центральной в «Борисе Годунове», когда в спектакле участвовал И. С. Козловский. Ну что такое Юродивый? Одна сцена под Кромами. Но все ждали: как сыграет, как споет Козловский? На сцене творилась легенда, харизма. Козловский вошел в историю не только своим вокалом, но и как пример завладевания слушателями, зрителями.

Думается, если бы Мусоргский увидел, услышал такого Юродивого, он бы сочинил больше музыкального материала для этого персонажа. Жаль, что столь трагическая фигура и столь несравненное мастерство занимали в музыкальной ткани спектакля мало места и времени. Но и сейчас поражают слушателя глубокий трагизм партии, потрясающая сцена в спектакле и та правда, которая была под спудом.

Козловский в полной мере вкусил сладость популярности и поклонения. Но артист должен в этом купаться. Человеческое, зрительское признание у него было всегда. Он знал себе цену, знал, что достоин этого. Я тоже люблю это качество — знать себе цену. А он был настоящий певец, настоящий артист и не лицемерил, не кокетничал.

И тем горше его сложности в отношениях с властью.

Иван Семенович принадлежал к числу тех, которых периодически притесняли, не особенно вникая в их чувства. А чувства его были гораздо сложнее и тоньше, чем казалось. Козловский очень страдал, не понимая поступков, аргументов людей, не желавших его поддержать.

У него, например, возникла идея — организовать школу-семинарию. Школу Козловского. Он предоставлял в распоряжение будущих семинаристов свою дачу, готовил проекты, программу мероприятий, просил вникнуть в это новое дело.

Я загорелся его идеей, изложил его мысли на бумаге — тогда я работал в Министерстве культуры. Но поддержки в этом интересном деле не нашел. Пробить что-то в 1986–1987 годах было очень трудно, хотя уже была разработана схема действий. Но прежде всего надо было отремонтировать ветшающую дачу — и на это средств не нашлось. «Да поймите, — говорил он оппонентам, — не преподавать я хочу». Он хотел попробовать себя совсем в ином качестве. Это должен был быть не мастер-класс, а заведение — немножко богемное, немножко студийное, — которое помогло бы молодым талантливым людям раскрыться. Иван Семенович при всей своей сдержанности был очень щедр на добрые дела. А мы толкались в наглухо закрытые двери.

Так что, с одной стороны, он был удостоен почетных званий, наград, не обделен зрительским вниманием, проявил себя как великий творец, но с другой — что-то очень важное осталось невостребованным, нераскрытым. Так и не смогла проявиться в полной мере, во всю мощь его личность, глубокая, широкая, при всем благополучии певческой и артистической карьеры.

Он всегда двойственно относился к советскому времени. С одной стороны, этот период выдвинул огромное количество творчески одаренных людей. С другой стороны — востребованность их была отнюдь не столь велика, как следовало ожидать. Неизвестно, смог бы паренек из Марьяновки, с Украины, в другое время стать известным певцом, солистом Большого или Мариинского театра. Может быть, да. А может, и нет. Да, он был возвышен, велик как певец, личность, явление, но при этом далеко не так востребован и успешен, как следовало ожидать.

Конечно, он не был Юродивым в жизни. Он был совершенно другой человек. Но трагическая сущность жизни Козловского часто ощущается в его творчестве. А невероятный артистизм проявлялся, открывался в нем в самых неожиданных формах.

Вспоминается поистине легендарный спектакль в честь 90-летия М. О. Рейзена, который рискнул выйти на сцену и спеть партию Гремина. Его на это подвигнул Иван Семенович Козловский.

Участники спектакля и друзья были приглашены на ужин к Рейзену. Этого требовала давняя традиция. Присутствовали несколько тогдашних ведущих артистов театра, намного моложе хозяев по возрасту. И я был там как руководитель театра. Сели ужинать. Иван Семенович провозгласил первый тост и объявил: «А теперь мы закрываем двери, и до рассвета вы отсюда не уйдете». Мы пришли в гости к 90-летнему артисту, Козловский был чуть моложе. И эти двое показали нам: «Гулять будем!» И пошли рассказы, розыгрыши, пикировки, шутки... Это была, конечно, не гульба — это было ощущение себя в артистическом пространстве. Выплеск энергии — сценической, театральной: «Гулять так гулять!» Рейзен и Козловский показали нам пример щедрости личности, широту натуры. Представляю, какими они были в 30, в 40 лет!

Я у одного из присутствовавших спросил часа через два:

— Устал?

— Сил нет, ноги не держат. Жидкие мы. Не «волокем»! — ответил тот.

А они «волокли»...

Говоря об Иване Семеновиче Козловском как о явлении, знаменитости, хотелось бы коснуться и несвершившегося. Одним из несостоявшихся явлений в его жизни было отсутствие международной карьеры. Его творческая жизнь пала на годы замкнутости. В иных условиях он сделал бы себе блистательную международную карьеру.

Как-то недавно за границей мы слушали записи И. С. Козловского. Меня спросили:

— У вас есть *такой* певец?

— Его давно нет...

Козловский мог бы стать украшением любой знаменитой оперной сцены, его исполнение соответствовало бы самым высоким требованиям. Это воистину мировой уровень! И в этом была его личная трагедия — он понимал свои возможности и их искусственное ограничение.

Сейчас начинается изучение нашей жизни в советский период: системы образования, организации музыкального дела... Многое в ней было успешным, решалось и реализовывалось. В те времена было немало уникальных явлений и имен. Искусство Ивана Семеновича Козловского принадлежит всему

миру. О таких явлениях нельзя забывать, их надо помнить. Козловский — это та звезда, которая будет сиять на нашем небосводе и никогда не погаснет.

Москва, 2004 г.

Примечания

Воспоминания написаны специально для данного сборника.

Лидия Новикова

ОБРУЧЕННЫЙ С БОГОМ

Козловский был истинным христианином. Не скрывал этого даже во времена, когда страна переживала суровую пору атеизма. И эта вера, пожалуй, главная составляющая его грандиозной личности.

Иван Семенович ясно сознавал, что от Бога ему достался удивительный, тончайший инструмент — голос. И содержал его в полной сохранности и безукоризненном состоянии. Потому-то и пел до девяноста лет.

Он был последним из могикан блистательной плеяды великих отечественных певцов минувшего века.

И вот что поразительно. Годы плодотворного творчества сделали его — крестьянского сына, рожденного на Киевщине, — еще и аристократом духа.

Всю свою жизнь он сеял разумное, доброе, вечное... Другое дело, на какую почву падали эти семена...

Его алмазный венец

Он сам сотворил Юродивого, да так гениально, что всего две минуты провидческого обращения его героя к царю в «Борисе

Годунове» вошли в отечественную историю. Его горестное «Отняли копеечку» — будто и сегодня взывает к каждому из нас. По-корински (вспомните цикл «Русь уходящая») до боли щемящий образ русского блаженного в костюме-рубище отмечен Сталинской премией.

Борис Покровский:

«Козловский — до мозга костей — режиссер своих ролей. Он один такой. У него была своя стать — и внешняя, и внутренняя. Ему не нужны никакие комплименты. Он просто Козловский, и этим все сказано. Как неловко, на мой взгляд, говорить о Пушкине, что он великий. Он просто Пушкин. Есть такие имена, которые навсегда связаны с Большим театром. Козловский и сейчас в нем».

Певец создал на первой сцене страны уникальную портретную галерею: Лоэнгрин, Ленский, Фауст, Ромео, Берендей, Орфей, Вертер, Альфред, Герцог, Альмавива, Моцарт... В его репертуаре было около пятидесяти партий. И они всегда взрывали канон.

В алмазном венце Мастера не счесть также украинских и русских народных мелодий, старинных романсов, православных песнопений...

Елена Образцова:

«Разве я могу забыть концерты Ивана Семеновича, которые, по возможности, не пропускала! Когда Козловский выходил на сцену, я испытывала потрясение. Как он умел подать себя, как умел создавать музыкальный образ! Это феноменальный певец — по технике, по школе. Как идеально строился у него весь регистр — от нижнего „до“ до верхнего „до“. Такой ровный звук редко у кого услышишь. Непрерывная линия! Его граф Альмавива в „Севильском цирюльнике“ — совершенно ослепительный образ, недосягаемый для многих и многих музыкантов. Легкость, блеск, головокружительные каденции. Настоящее россиниевское сверкание! И — его Юродивый в „Борисе Годунове“. Сильный трагический русский характер...»

Земную жизнь Артиста можно разделить на три периода: детство, юность и — почти 70 лет славы. В 1926 году он начал петь в Большом театре, а вскоре москвичи стали «ходить» на Козловского.

Родом из Марьяновки

Родился Иван Семенович в 1900 году в киевском селе Марьяновка. До нового века он не дожил всего семь лет.

Синеглазый Ивасик любую мелодию схватывал на лету, как, впрочем, и его отец, Семен Осипович, портной по ремеслу, игравший почти на всех народных инструментах. И у мамы, Анны Герасимовны, тоже был хороший слух.

Когда сыну исполнилось восемь лет, родители отправили его в Киев, в Михайловский монастырь, где жил их первенец Федя. Он был на пять лет старше Ивасика. Братья пели в хоре, учились, а образование в монастыре в ту пору давали серьезное. У Ивасика был альт. Когда голос начал ломаться, его освободили от хора. Мальчик увлекся лошадьми.

Монастырские годы дали Козловскому не только знание церковной службы, но и великолепную вокальную школу. У него окреп природой поставленный голос, при этом сохранились его поразительная чистота, филигранное звуковедение, верное дыхание.

Интересно, что ангельское пение мальчишеского хора с тех пор всегда было мило сердцу Ивана Семеновича. Он любил выступать с хором училища Александра Свешникова и с юными певцами музыкальной школы родной Марьяновки. Он все надеялся, что еще один марьяновский голос зазвучит вслед его...

Родные рассказывают, что Марьяновка снилась Ивану Семеновичу постоянно. Всю жизнь он не только помнил, откуда он родом, но и с особым почтением относился к своей семье. «Кто мать забывает, — говорил он, — того Бог карает». Он также жил интересами односельчан, как бы ощущая долг перед ними.

Не припомню никого другого, кто, став знаменитым, был бы так тесно связан с родной землей, как он. Не на словах, а на деле.

В 1969 году Козловский организовал в Марьяновке детский хор, духовой оркестр и ансамбль сопилок. С марьяновскими ребятами Иван Семенович записал много украинских песен, выступал с ними и в Большом театре и в Большом зале Консерватории. Приглашал хор в Москву на различные празднества...

Но вернемся к началу его творческого пути. Впервые на сцене Иван Семенович пел с квартетом киевских студентов. Они исполнили «Ой, у полі озерце». В зале была Мария Заньковецкая, знаменитая драматическая актриса. Мария Константиновна даже расплакалась, хотя и не была плаксивой. Это очень удивило молодого певца: он и не догадывался, какой гипнотической силой обладает его голос.

Помогла ему поверить в себя Елена Александровна Муравьева, обладавшая редким талантом педагога-вокалиста и владевшая особым секретом влияния. Она-то и внушила молодому Ивану, учившемуся в ее классе в Киевском музыкально-драматическом институте, певческие заповеди, а первая из них — относиться к голосу как к дару Божьему.

И еще один концерт юных лет любил вспоминать Козловский. Случилось это в 1918 году в Полтаве, где он служил в инженерных войсках. Вот он выступает в музыкальном училище перед красноармейцами, увешанными пулеметными лентами, с винтовками в руках. Иван спел уже две песни и начинает «Тишину» Кашеверова. До того в зале был шум, из рукавов шинелей чадили дымки. А тут чувствует, как все притихли, растаял дым, зал стал прозрачным. Когда прозвучала последняя нота — гробовая тишина. Потом вдруг зрители стали топать ногами, стучать прикладами винтовок по паркету, так как руки были заняты...

Молодой певец поначалу был даже изумлен их реакции. Будучи уже прославленным певцом, он говорил, что такого потрясения своей души он больше припомнить не мог.

Федор в ту пору оставался в Киеве, пел в хоре Антона Кошица. Он звал брата приехать, но город переходил из рук в руки — то к красным, то к белым, так что Иван не мог даже сесть в поезд. Хор вскоре выехал в Европу, потом обосновался в Америке. Там, под Нью-Йорком, в 1970-е годы Федор и скончался. Десятилетием ранее он разыскал брата и сестру, вел с ними переписку, приезжал в Москву.

К счастью для отечественного искусства, Иван остался в Полтаве. В 1919 году он уже дебютировал там на сцене оперного театра партией Петра в «Наталке-Полтавке» Николая Лысенко. Еще в детстве у него случилась удивительная встреча

с композитором. Лысенко погладил тогда его по голове, как бы благословляя.

Однако, даже спев Фауста и Хозе, Иван еще не был уверен, что опера и есть его истинное призвание. В начале 1923 года он получил приглашение в Харьковский театр, и только там, как сам признавался, начал сознавать, что да, может и хочет петь в опере. Начался «адов труд актера».

Из Харькова почти всю труппу пригласили в Свердловскую оперу, где царила подлинно творческая атмосфера, и Козловский почувствовал себя как дома. Он исполнил на свердловской сцене почти все партии лирического тенора.

Весной 1923 года в Свердловске выступал Московский художественный театр. Его актеры в свободное время любили слушать оперу. Видимо, они и рассказали Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко о талантливом певце. И тот прислал Ивану Семеновичу письмо с приглашением принять участие в гастрольных поездках театра по Европе и Америке. Соблазн был велик, но Козловский отказался от лестного предложения, поскольку был связан со свердловской труппой контрактом на два сезона.

Он уже мечтал о Большом театре.

Рыцарь сцены

12 июня 1926 года Иван Семенович спел на сцене Большого театра партию Альфреда в вердиевской «Травиате». Свирельный волшебный голос молодого певца, его несомненное артистическое обаяние и неотразимая внешность сделали свое дело: с сентября он был принят в труппу, о которой так мечтал.

«В Большой театр я пришел с уже готовым репертуаром, — писал в своей книге „Музыка — радость и боль моя" Иван Семенович. — Но это не означает, что чувствовал себя там уверенно и спокойно. Ведь лишь вступив в здание Большого, уже испытываешь трепет. Невольно возникает мысль: а сколько выдающихся артистов знали эти стены, сколько поколений. И знаменитые колонны кажутся не вещественными, а наполненными духом, сутью великого искусства. Я имел возможность встречаться с теми, кто был выразителем этой сути. Сила Большого — в его традициях... Его мир — вселенная...»

Интересное событие в жизни Козловского связано с партией Альфреда. Всеволод Эмильевич Мейерхольд предложил ему сыграть этого героя в его спектакле «Дама с камелиями». Их знакомство состоялось гораздо раньше, чем режиссеру пришла эта мысль. Вместе они любили прогуливаться после спектаклей, много беседовали. Но этой идее так и не суждено было осуществиться...

В Москве в ту пору был настоящий оперный бум. Козловский застал еще Собинова. Творил вместе с Барсовой, Неждановой, Обуховой, Лемешевым, Михайловым, Петровым, Пироговым, Рейзеном...

Зураб Соткилава:

«Обожание Козловского было всеобщее. Он был необыкновенным во всем. Как-то я увидел Ивана Семеновича в 16-м, директорском подъезде Большого театра, через который он обычно проходил. Великий певец стал на колено и начал молиться. Это меня, тогда еще молодого человека, буквально потрясло. Потом я узнал, что Иван Семенович проделывал этот же ритуал, когда и выходил.

Такого святого отношения к Театру как к Храму я больше не наблюдал ни у кого. Нет его и сегодня. Каждый сосредоточен лишь на самом себе...

У Козловского был великолепный лирический голос широкого диапазона и красивой тембровой окраски, безупречная интонация и исключительная дикция. Его голос проникал в душу человека. Особенно хороши были верхние крайние ноты — легкие, изящные, без напряжения. Я наслаждался его Ромео, Риголетто...»

За год до того, как не стало Маэстро, Соткилава дал в его честь сольный концерт в Колонном зале. 92-летний Иван Семенович просидел все два с половиной часа, затем поднялся на сцену и сказал: «Зураб, так тратиться не надо».

Сам он относился к своему голосу, как музыкант к скрипке Страдивариуса. Перед спектаклем соблюдал строжайший режим, не дышал холодным воздухом, кутался в шарф, не выносил никаких запахов... Научился «тратить» себя с наибольшей пользой.

Правда, в театре поговаривали, будто в полный голос Козловский пел только перед Сталиным. (А, впрочем, кто пренеб-

регает Кремлем — и тогда и сейчас?) Рассказывают, Иван Семенович заключил как-то с одним певцом пари на ящик шампанского, что споет Фауста в полный голос. И спел. И в который раз удивил слушателей.

Знаменитый бас Василий Петров называл его «гомеопатом». По его мнению, Козловский использовал голос гомеопатическими дозами. Однако его завораживающее пианиссимо слышно было и на верхнем ярусе.

И еще жаловались дирижеры, поскольку им нередко приходилось ждать, когда же у певца кончится дыхание, чтобы играть дальше.

Порой доставалось даже дирекции. Вызовут его, скажем, туда, он пойдет, поговорит. Вернется домой, а часов в пять вечера звонит в театр и сообщает: «Сегодня петь не буду. Директор слишком долго со мной разговаривал, и я охрип». Ничего он не охрип. Просто таким образом выражал свое несогласие с руководством. Не терпел, чтобы ему указывали...

Николай Петров, пианист:

«Козловский оставил огромное наследие. Если бы он жил за рубежом, его музыкальная слава, не сомневаюсь, была бы не меньше, чем у великих итальянцев — Энрико Карузо, Беньямино Джильи, Тито Гобби...

По силе выразительности его Юродивый сравним разве что с „Сикстинской мадонной“. Он выступал в огромных залах, и каждый из слушателей чувствовал, что Артист пел для него. Он — настоящий Рыцарь сцены.

Иван Семенович часто бывал в доме моего деда, Василия Родионовича, и я мог сам наблюдать, какой это уникальный человек, в нем было много „замесов“...»

Любимец Сталина

Иван Семенович был вне политики. Не вступил в партию. Всегда и везде крестился, даже в кабинетах партийных работников. Он просто не изменял своему нравственному закону. Это природа позаботилась еще и о том, чтобы у него был сильный внутренний стержень.

И тем не менее его любил Сталин. Поскребышев, секретарь диктатора, рассказывал, что как-то вождю доложили, что на Козловского собрано два мешка компромата. А тот ответил:

«Хорошо, мы посадим товарища Козловского, а петь кто будет — вы?»

Однажды на приеме Сталин задал певцу неожиданный вопрос: а вернется ли он, если поедет за рубеж?

«Тогда меня это ошеломило, потому что я никогда никого не просил о гастрольной поездке за границу, да и время было трудное: не так сказал, не то сказал, не тому улыбнулся...» — вспоминал Иван Семенович.

В тот раз на вопрос вождя он промолчал, а Сталин сказал: «Проси чего хочешь, а за границу не пущу». И не пускал. (Иван Семенович оказался там на короткое время — в 1945-м, в Австрии, да много позже — на Цейлоне.)

На другом приеме Сталин спросил Ивана Семеновича, не мешает ли ему кто? Речь шла об исполнении вальса «На сопках Маньчжурии», который почему-то не давали певцу исполнять. Козловский промолчал. А в своих воспоминаниях записал: «Не хочу, чтобы мешали, но еще больше не хочу трагедий...»

И вот что интересно. Когда страна жила в коммуналках, Ивану Семеновичу разрешили построить двухэтажную квартиру в Брюсовском переулке. А после войны еще одну — на улице Горького. Как и многим знаменитым в ту пору людям, ему дали в Снегирях участок в полтора гектара, разрешили построить на нем дачу. Такова была милость Хозяина.

Но, вероятно, мало кто знает, что Иван Семенович помогал Зинаиде Райх, когда арестовали Мейерхольда. Чуть ли не на следующий день он послал к ней племянника Женю с деньгами. Райх говорила, что Козловский — единственный, кто от нее не отвернулся. Многие тогда боялись даже здороваться с ней. Помогал он и вдове Михоэлса, и семьям знакомых ему репрессированных людей.

В войну певец побывал почти на всех фронтах, в сотнях госпиталях. Его голос был для воинов как глоток свободы, за которую они шли в бой.

Во время гонений на церковь Козловский постоянно добивался, чтобы в его концертах хоть одним номером звучала православная музыка, а если не разрешали, отказывался выступать.

Это по его настоянию в Большом зале Консерватории впервые прозвучала «Всенощная» Рахманинова. Кстати, каждый

раз, когда Иван Семенович проходил мимо памятника Чайковскому, он незаметно осенял себя крестом и благоговейно кланялся.

В 1954 году в газете «Правда» был опубликован заказной фельетон, где говорилось, что в Нижнем Новгороде Козловский заработал, мол, слишком много денег да еще требовал за выступление легковую машину. Удар был сильнейший. Публикация в «Правде» в те годы была как приговор.

Иван Семенович ушел из Большого театра. Года два не показывался на публике.

На самом-то деле он был довольно далек от материального мира, неприхотлив, скромен в быту. Любил, правда, хорошо одеваться. На его статной фигуре все сидело отменно. Он красиво себя нес, красиво держался. Как аристократ. Таковой оказалась его порода.

Был и суеверным. Новые концертные рубашки просто не признавал, выступал в штопаных-перештопаных. Как говорил — на счастье. На сцену выходил в старых ботинках, они были для него как талисман. Ноты держал в старом портфеле, ветхом, обмотанном бечевкой.

Если перед машиной пробегала черная кошка, тотчас поворачивал обратно. Известно, что в театр всегда входил и выходил в одну и ту же дверь. Однажды вышел, а перед подъездом кладут асфальт. Ему предложили пройти через другой подъезд, но он отказался. Тогда положили мостки, по ним он и прошел. Не терпел, когда перед выходом на сцену кто-то переходил ему дорогу.

Всю жизнь жалел, что из суеверия уклонился от съемки с Собиновым (есть такая примета: фотографироваться вдвоем — к разлуке)...

Пшеница в венке

Давно нет с нами Ивана Семеновича, а во многих московских домах его друзей до сих пор хранятся венки и букеты из колосьев пшеницы, подаренные певцом. Они — как символ продолжения жизни и благополучия. Вручая их, Иван Семенович непременно говорил: «Сейте разумное, доброе, вечное...» Иногда осыпал зернами пшеницы, приговаривая: «Сею-вею, повеваю, с днем рождения поздравляю...»

Не забыть мне каравая хлеба с зажженной свечой, который Иван Семенович преподнес украинскому артисту Богдану Ступке во время Первого международного чеховского театрального фестиваля, проходившего в Москве.

Слабым, уже угасающим голосом Козловский говорил тогда нам, зрителям, о счастье, которое только искусство может даровать людям, что музыка и пение очищают, поднимают душевные силы, проникают в глубины личности, недоступные слову.

Почти до самых последних лет он постоянно бывал в музыкальных и драматических театрах. В Большом зале Консерватории у певца было даже свое место — левое кресло в директорской ложе, укрытое от зала портьерой. Он непременно говорил после спектакля или концерта добрые слова исполнителям — коллегам, друзьям, землякам.

Интересное наблюдение принадлежит Илье Эренбургу. Как это ни странно, большинство художников не любит искусства, считал он. Объевшись им, они живут только своим творчеством, а в часы, свободные от работы, вкушают, как им предписано, хладный сон.

Козловский тому счастливое исключение. И в молодые, и в зрелые годы ему мало было высоко держать планку своего искусства. Он ходил в музеи, на вернисажи, встречался с академиками, беседовал с представителями самых разных профессий, а те изумлялись его эрудиции, широте знаний.

В доме Ивана Семеновича — тысячи томов. Многие хранят его пометки. С карандашом в руке он просматривал и около двух десятков газет и журналов, которые выписывал. Козловский всю жизнь сам себя образовывал.

Природа наградила певца также и исключительной памятью. «Если бы Бог не дал голоса, то обязательно стал бы историком», — говорил он родным. Это был один из самых образованных артистов и тонких художников эпохи.

Еще одно редкостное свойство. Он всегда старался делать добро, причем даже людям, не очень милым его сердцу. Те могли даже и не догадываться о его участии в их судьбе. Заложено это, видимо, было еще в отчем доме. Родители внушали детям, что к людям надо относиться ровно. Отец был терпелив ко всем и во всём.

Нередко в Марьяновке, вспоминал Иван Семенович, односельчане вдруг начинали кого-то сторониться, даже глумиться. А мать обычно говорила детям: «Здоровайтесь с ним, не сторонитесь. Этот человек вам ничего плохого не сделал...»

Иван Семенович по первому зову готов был прийти на помощь людям, попавшим в беду, постоянно за кого-то хлопотал: помогал получить то квартиру, то звание, то путевку, устраивал в больницу, организовывал юбилеи, вечера... Так был устроен.

«В вашем доме, как сны золотые...»

Всю жизнь я буду помнить, как в доме Ивана Семеновича праздновали 10-летие его внучки Анюты, которую подарила ему дочь Анастасия. После застолья Козловский начал играть на гитаре.

И тут моя младшая шестилетняя дочка стала вдруг танцевать. От неожиданности я растерялась, а Иван Семенович показывает глазами: пусть, мол, танцует. Играл долго-долго, меняя мелодии и ритмы. А дочурочка все танцевала и танцевала в алом бархатном платье, которое я сшила ей накануне. Сыграв последний аккорд, Иван Семенович сказал: «Наташе надо поступать в хореографическое училище». И попросил своего секретаря узнать, что для этого надо сделать... Тот вечер для меня — один из самых дорогих...

Впервые я услышала несравненный голос Ивана Семеновича, когда мне было лет двенадцать. Папа привел меня в Большой театр. Шел «Евгений Онегин». Ленского пел Козловский. Я слушала его как завороженная. Этот божественный голос с тех пор всегда живет во мне.

Так случилось, что папу перевели в Ленинград, и мы с мамой переехали туда. Когда по радио звучал любимый голос, я забывала про все на свете... Но неисповедимы пути военного, и через шесть лет мы вернулись в Москву.

Меня перевели на четвертый курс МГУ. Каково же было мое изумление, когда я узнала, что в соседней группе учится старшая дочь Ивана Семеновича, Анна. Разумеется, я смотрела на нее с восхищением. Случилось так, что Аня пригласила меня к себе, познакомила с мамой и сестрой. Профессиональная моя жизнь сложилась счастливо. Я стала журналистом,

писала о театре, людях искусства. Часто встречала Ивана Семеновича на премьерах, юбилеях, концертах. Где бы ни появлялся певец, вокруг него всегда образовывался магический круг и взоры людей устремлялись на него.

Своим присутствием он каким-то таинственным образом даже возвышал любую аудиторию. Сегодня бы сказали, что у него харизматическая личность.

В Большом театре я нередко видела его в первом ряду партера. Для меня он был самым красивым человеком в этом удивительном зале. А однажды на рождественском вечере он сидел в Царской ложе рядом с Галиной Сергеевной Улановой. Эти два прекрасных лика вызывали душевное волнение...

И одна из последних театральных встреч с Козловским. В Москве гастролировал Театр им. М. Заньковецкой. Видно было, что Ивану Семеновичу уже трудно ходить, да и чувствовал он себя неважно. Но высидел весь спектакль. А затем все же поднялся на сцену и сказал несколько добрых слов актерам. Он помнил, как Мария Константиновна была внимательна к его первому выступлению на сцене с квартетом киевских студентов. И он не мог, несмотря на нездоровье, не прийти посмотреть спектакль театра, носящего ее имя.

Еще один подарок преподнесла мне судьба. Несколько лет моя семья жила напротив Ивана Семеновича, на той же улице Неждановой, в доме, где когда-то останавливался у Галины Бениславской Сергей Есенин. В тихом внутреннем дворике Иван Семенович нередко прогуливался, и всегда в одиночестве. Я обратила внимание, что никто из жильцов даже не осмеливался подойти к нему, нарушить его внутренний мир. Таково было уважение людей, в иных случаях даже весьма бесцеремонных...

С тех пор много воды утекло. У Тусиной дочери Анюты давно своя семья: муж и двое детей. Они живут в квартире Ивана Семеновича. Тринадцатилетняя Соня учится музыке, а одиннадцатилетний Ваня увлекается каратэ и... экономикой.

Здесь все почти так, как было при жизни певца. Около лестницы, ведущей в спальню, — овальный обеденный стол. Хозяин дома садился обычно под портретом благочестивого старца Симеона Богоприимца. Это его молитву «Ныне отпущаеши...» в рахманиновской интерпретации божественно исполнял в концертах Козловский.

Перед домашней трапезой и после нее он обычно молился про себя, но не принуждал к тому же никого. Икон в доме было немного. В правом верхнем углу гостиной — лик Спасителя, привезенный Иваном Семеновичем из родительского дома. Рядом Богородица, с глазами словно бездонные голубые озерца.

В гостиной — рояль «Стенвей», на котором играл Иван Семенович и его многочисленные гости. На стене — «Яблони» Александра Герасимова, фотопортреты, рисунок Бориса Шаляпина — портрет Козловского.

Там, где жила сестра певца, Анастасия Семеновна, хранится архив: несколько толстых тетрадей — дневники. Он вел их на протяжении многих лет. Человек довольно закрытый, Иван Семенович доверял только бумаге, записывал свои наблюдения о людях, событиях, краски прожитого дня. Почерк ровный, красивый.

Вот одна запись:

«Непогода. Погулял ночью. Детям – спокойной ночи. Пусть всем будет хорошо. Даруй, Вседержитель, добро! 1.30 ночи».

В конце жизни уже нетвердой рукой выводил: «Пусть будет добро» или «Умудри меня, Господи!»

Чувствовал он все остро, переживал глубоко, но, благодаря врожденному такту, не взваливал свои горестные размышления на близких.

Его радость и его боль

В книге Козловского «Музыка — радость и боль моя» есть такое признание: «Ради настоящей музыки мне приходилось отказываться от личных выигрышей в жизни, в карьере, во взаимоотношениях с людьми, стать „неуютным“, терять друзей. Все было».

И вот загадка. Человек глубоко верующий, он не венчался в церкви. Впрочем, и в ЗАГСе не расписывался. А почему?.. Но эту тайну он унес с собой.

Впрочем, однажды Ивана Семеновича спросили, каков его жизненный девиз. И он ответил словами Гёте: «Смысл жизни — желать, а не обладать».

О том же я недавно прочитала в мемуарах великого князя Александра Михайловича. В конце жизни он заметил, что

никакого личного счастья не существует, что чего-то стоит лишь мечта о Сольвейг, но не сама Сольвейг. Впрочем, у каждого свой духовный опыт...

Как же складывалась личная жизнь Ивана Семеновича? Конечно, непросто, как и у всех.

В Москву Козловский приехал с певицей Александрой Алексеевной Герцик. Она была намного старше его и, как тогда говорили, «из бывших». Из квартиры в Брюсовском переулке она уехала лишь после войны.

К тому времени у Ивана Семеновича была уже семья. Красавица Галина Сергеева, известная по фильмам «Пышка» и «Актриса», родила ему дочек — Анну и Анастасию. Это для них Козловский построил квартиру на улице Горького. В 1952 году он окончательно переехал в Брюсовский переулок. С ним жила и сестра Анастасия Семеновна.

Конечно, Иван Семенович не был ни праведником, ни аскетом. Романтик по натуре, он любил жизнь во всех ее проявлениях. Поражал молодым задором и юными глазами. Верил в чудеса и любил чудачества, розыгрыши.

С удовольствием участвовал в капустниках, юбилейных праздниках друзей, придумывал программы вечеров, отыскивал в музыкальных произведениях что-нибудь новое во вкусе виновника торжества, желая доставить тому радость...

А в молодости с азартом играл в теннис, волейбол, бильярд, был хорошим наездником, увлекался скачками...

Всю свою звездную жизнь трогательно ухаживал за женщинами, целовал им руки, говорил комплименты. Носил на руках Марию Павловну Чехову, а на сцене — Галину Вишневскую, Юлию Борисову, Людмилу Максакову...

И даже на своем 90-летнем юбилее в Большом театре подхватил на руки Юлию Константиновну и прошествовал с ней к рампе, не дав спешившему на помощь Василию Лановому помочь ему.

С 1930-х годов дружил с семьей академика Ивана Ивановича Артоболевского. За столом, рассказывают родные академика, Козловский всегда был тамадой, произносил тосты, остроумно шутил. Любил посмаковать коньячок. Охотно пел романсы.

Обычно бывал один. Лишь однажды приехал с незнакомкой, представив ее: «Это Ольга. Она научный работник». Ольга

Николаевна Адрианова была с Иваном Семеновичем рядом до последнего дня — и дома, и на даче в Снегирях, и на отдыхе в Крыму...

Однажды Иван Семенович написал о Леониде Витальевиче Собинове:

«Многие люди были уверены, что Собинов счастлив, многие желали ему, чтобы он был счастлив. Но творческий человек может быть счастлив только при благодушии, а это ближайшая дорога к равнодушию... Нет! Он не был таким. Он был подвержен горестным размышлениям о том, что таланту нужно и что не нужно... Благодаря врожденному такту свои огорчения не взваливал на плечи друзей или общества: его видели улыбчивым и ласковым. Но в переживаниях сложной личности всегда чередуются радость и печаль...»

Думаю, эти слова можно отнести и к самому Козловскому. Он не был равнодушным.

В течение почти сорока лет секретарем певца трудилась Нина Феодосьевна Слезина, удивительно образованный, эрудированный человек. Она вела все дела Ивана Семеновича. Надо сказать, что работала Нина Феодосьевна все эти годы на добровольных началах, получая в награду за свою преданность самое важное для себя — возможность общаться со своим кумиром, и почитала это за честь. Впрочем, на ее месте мечтали бы оказаться многие. Сегодня такое уже и не услышишь. Нина Феодосьевна была при этом авторитетом и в своей нелегкой профессии. Кандидат педагогических наук, она обучала речи глухих ребят...

И еще. Иван Семенович всегда тянулся к молодежи. Однажды пригласил в гости саму королеву эстрады.

Алла Пугачева:

«Я пришла. Козловский оказался обаятельным. Вокруг него суетились милые женщины. Он страшно удивился, когда я запела поставленным голосом.

— Ой-ой-ой! Как же так? Вам надо петь романсы, — посоветовал он.

Я сказала, что еще успею.

Тогда он ответил:

— Может, не успею я...»

* * *

Да, Иван Семенович сеял добро и мечтал, чтобы все жили в любви и согласии. Не оформил даже завещания, надеясь, что родные найдут ключ к взаимопониманию...

Зато он оставил всем нам в наследство бесценные записи своего феноменального голоса.

Человек-эпоха, Козловский служил искусству — в этом были его призвание и его потребность.

И еще осталось нам непостижимое таинство его творений, его личности и его души. Ибо обручен он был с Богом.

Москва, 2004 г.

Примечания

Воспоминания написаны специально для данного сборника.

Важа Чачава

ОН ВСЕГДА ПЕЛ НА ТЕМБРЕ

Шаляпина как-то спросили: «Вот вы уехали из России, а кто там остался после вас?»

— Как кто? Козловский...

Федор Иванович назвал имя совсем молодого тогда лирического тенора, мало кому еще известного.

Иван Семенович дебютировал в Большом театре в 1926 году партией Альфреда в «Травиате». А на юбилее Собинова он так спел в «Евгении Онегине» куплеты француза Трике, что ему пришлось их бисировать. Леонид Витальевич подвел после этого Козловского к рампе, как бы благословляя...

Престижный итальянский музыкальный словарь называет Козловского одним из великих теноров XX века...

Встречался ли я сам с Иваном Семеновичем? Был только такой случай.

Как-то в задумчивости я шел из консерватории по улице Неждановой. Около дома, где, как знал, живут артисты Большого театра, я обратил внимание на высокого человека, сильно

укутанного, лицо его было почти закрыто, видны были только глаза. Поравнялся с ним. И тут слышу, как на довольно высокой ноте мне говорят: «Здравствуйте». Конечно, я ответил, но прошел, не останавливаясь, дальше. Должен сказать, что вижу я плохо. И сначала не сообразил, кому же принадлежит этот серебристый, звонкий голос. И только подходя к улице Горького, около арки, меня как током ударило: да это же был Иван Семенович! Он ведь живет в этом доме и вышел подышать воздухом. А я упустил возможность хотя бы просто постоять рядом с великим тенором.

Чем же он был велик?

Прежде всего тем, что тембр голоса у него был неповторимой красоты. К тому же Козловский владел уникальной техникой пения в лучших традициях итальянской белькантовой школы. Ее дала ему Елена Александровна Муравьева в Киевском музыкально-драматическом институте.

С крайнего низа до крайнего верха голос Ивана Семеновича был идеально выстроен. И он всегда все пел на тембре. А это самое главное качество для вокалиста.

Впервые на эту особенность Козловского обратил мое внимание еще в студенческие годы профессор Тбилисской консерватории, выдающийся драматический тенор Давид Ясонович Андгуладзе.

Позже я и сам убедился, что иметь такой ровный голос, такой широкий диапазон, такую красоту тембра может далеко не каждый даже знаменитый тенор.

И вот что интересно. Леонид Борисович Дмитриев, профессор Российской академии музыки им. Гнесиных, измерил голоса самых больших отечественных певцов с помощью аппарата для выявления певческой форманты и разных голосовых качеств. Самые высокие показатели были у Шаляпина и вслед за ним, с небольшим, правда, отрывом, шел Козловский, а потом и другие певцы, но они намного отставали уже от Ивана Семеновича.

Этот аппарат показал технически совершенный голос Козловского. Объективные данные его уникальны. Там нет ни одного шва. Голос идеально замикстован снизу доверху. Низ у него звучит так же красиво и так же полноценно, как центр и верх. И плюс к таким достоинствам — головокружительные

высокие ноты. Они приводили публику буквально в экстаз, поскольку магически действовали на слушателей.

Когда певец брал в «Фаусте» «до» третьей октавы, зал буквально ликовал от восторга. Иван Семенович не просто брал высокую ноту. Она была настолько эмоционально оправдана, что в контексте всей арии только это «до» и должно было быть — как высшее счастье, как высший пилотаж.

Поклонники Козловского обижаются, когда слышат мнение специалистов, что, мол, голос у их кумира был небольшой. Но он и вправду был небольшой. Это же лирический тенор моцартовского, россиниевского типа, и у него не должно быть большого голоса.

Но у Козловского было другое качество, которое утрачивается в наши дни. В его голосе высокая певческая форманта — после Шаляпина — имела очень большой уровень. Поэтому Иван Семенович и мог петь в Большом театре. И заливался соловьем. Потому что звонкость и полетность были обеспечены самой природой и той школой, которую он получил.

Сегодня певцы хотят петь крупными голосами и форсируют грудное резонирование. В результате почти исчезает головной резонатор даже у высоких голосов. Все стремятся петь громко и стильно, но вот парадокс — иных вокалистов при этом не всегда хорошо слышно.

А разве у величайшего итальянского певца Тито Скипа был большой голос? Нет, конечно. И у великого Альфреда Крауса — тоже нет.

Мне кажется, что любой итальянец позавидовал бы Козловскому, услышав и увидев, какой блистательный образ графа Альмавивы создавал он в «Севильском цирюльнике».

Во время гастролей «Ла Скала» в Москве итальянцы показывали эту оперу. В ней пели такие мастера, как Николай Гяуров, Фьоренца Коссотто... Партию Альмавивы исполнял очень хороший россиниевский тенор Луиджи Альва. Однако после спектакля одна известная меломанка сказала мне: «Козловский был куда лучше. Он виртуозный певец».

Когда в первый раз Иван Семенович приехал к нам в Тбилиси, а это случилось вскоре после войны, в кассу оперного театра стояла громаднейшая очередь. Причем все знали, что билеты проданы. Видимо, они распространялись, как тогда

это делалось, среди элиты. Но люди все же надеялись хотя бы на входной билет.

В те годы Тбилисская опера была на очень высоком уровне, в театре работали хорошие певцы с крепкими голосами, к нам приезжали и знаменитые вокалисты из других театров.

И наконец долгожданный день встречи с Козловским настал. Шла «Травиата». Иван Семенович был очень красив на сцене: высокий рост, лицо, манера держаться, артистизм. И голос редкой красоты. Слушатели были покорены с первых же минут появления его Альфреда.

По сей день помню, хотя я тогда был еще школьником, как в конце первого действия Иван Семенович вставил «до». И эту ноту он сфилировал: пианиссимо, фортиссимо и опять пианиссимо. Он сделал двойную филировку, а это показатель высшего вокального мастерства. Сейчас филировкой называют то, когда певец делает diminuendo на выдохе, и голос понемногу как бы угасает. Настоящая же филировка происходит на полноценном дыхании.

Что случилось тогда в зале, трудно описать. Тбилисская публика, которая всегда была эмоциональна и очень точно определяла уровень класса пения, казалось, просто сошла с ума — такого звука она никогда не слышала. Это был триумф певца.

В Тбилиси после гастролей Козловского много говорили, что он потребовал очень большой гонорар. В советские времена никто даже не смел попросить такие деньги. Однако он настаивал. И ему пошли навстречу. Что-то придумали и нашли нужную сумму.

Однако весь гонорар Иван Семенович оставил в Тбилиси. Ни копейки не взял себе. Все отдал на памятник Вано Сараджишвили — знаменитого грузинского лирического тенора, чье имя сейчас носит Тбилисская консерватория. Это был красивый человеческий поступок великого певца.

Самое же поразительное в этой истории то, что этих денег никто так и не видел. Как никто и не увидел памятника Сараджишвили. Ни денег, ни памятника. Вот такая история.

Известно, что Козловский любил грузинские мелодии. Старинную нашу песню «Только тебе одной» он записал на пленку с замечательной драматической актрисой, красавицей

Медеей Джапаридзе, а также с выдающимся грузинским баритоном Давидом Гамрекели.

И вот какую картину я сам наблюдал в Бетховенском зале Большого театра, когда там пела Лиана Калмахелидзе. Это был ее первый сольный концерт. Иван Семенович тоже пришел послушать начинающую певицу. После концерта он подошел к Лиане, опустился на одно колено и поцеловал ей руку. А затем дал несколько советов... Сейчас Калмахелидзе — ведущее колоратурное сопрано Тбилисской оперы...

Ленский, Фауст, Альфред, Альмавива, Юродивый — это те партии Ивана Семеновича, что я слышал в театре. Его Фауст в «Вальпургиевой ночи» затмевал даже всех танцоров. Стройные ноги. Изящная фигура. А какая стать!

Восхитителен и его Герцог в «Риголетто»! Было понятно, почему Джильда полюбила нищего студента. У него такое мужское обаяние и такой голос, что нельзя было не полюбить его, нельзя было ему не подчиниться. Можно было только потерять голову, что Джильда и сделала.

Критики считают, что партия Юродивого — пик творчества Козловского. Для меня же все его партии — вершины искусства. Конечно, Юродивый — гениальное творение Ивана Семеновича. То, что мы слышали после него, — либо подражание ему, либо выглядит как пародия. Создать образ такой высокой художественной правды — большой подвиг Художника.

И здесь громадную роль сыграло одно свойство певца. Он был глубоко верующим человеком. Изобразить веру невозможно. Это такое внутреннее качество, которым нельзя никого обмануть. Все знали, что Козловский — верующий человек, даже в те времена, когда религия была под запретом. И никто, слава Богу, не тронул его за это.

Как говорят, артисты подобны либо шутам, либо священнослужителям. Козловский в искусстве был священнослужителем. Он был рожден для сцены. Святое отношение к профессии, как и к православию, было у него в крови...

Когда я был еще совсем маленьким, мой дедушка, а он дружил с большими артистами, много рассказывал мне о театре. Одной из самых любимых мной сказок была тогда «Красная Шапочка». Мне исполнилось пять лет, когда дедушка повел меня в кукольный театр. Сначала я смотрел на все происходящее

довольно спокойно, но когда появился Волк, то устроил такой крик, что меня пришлось вывести из зала.

Через какое-то время дедушка решил повести меня в оперу, на дневной спектакль. Шел «Евгений Онегин». Весь спектакль я просидел, не шелохнувшись. Об этом мне напомнила, когда я стал уже довольно известным в Тбилиси музыкантом, одна меломанка. Она сказала, что помнит меня пятилетним мальчиком. Обычно я сидел в первом ряду, а взгляд мой всегда был прикован к сцене... И это правда. С тех пор я полюбил оперу.

А в девять лет я уже мог играть весь клавир «Онегина» и петь все его партии. Первый подарок, который я получил из Москвы от маминой подруги, было академическое издание клавира «Евгения Онегина». Как сейчас помню, оно было в зеленом переплете. Я тогда увлекался вокальной литературой. И в школьные годы не пропускал ни одного оперного дневного спектакля.

В тот период жизни, во время одного из приездов в Москву, я слушал в Большом театре «Евгения Онегина» и, конечно, влюбился в Козловского. Позже влюбился и в другого Ленского — Сергея Яковлевича Лемешева. И он был удивительно обаятелен и неповторим.

Как-то я услышал по радио «Сурок» Бетховена в исполнении Козловского. А я уже знал его голос. И вдруг задумался: а почему он поет то по-русски, то по-французски? Мне никто не мог этого объяснить. Много позже я прочел пьесу Гёте «Ярмарка Плундерсвейлерне», откуда и взята эта песня «Сурок». Пьеса написана по-немецки, а припевы Гёте сочинил по-французски. Когда Савояр с гор спускается в город, он немцам поет по-немецки, а припевы — на родном, французском.

Козловский немецкую часть исполнял по-русски, а французскую оставил без изменений. Иван Семенович, видимо, заинтересовался, почему «Сурок» поется на двух языках, и решил затем петь его тоже на двух языках — русском и французском. Это было смело по тем временам, когда все исполнялось только на одном языке.

Помимо огромного оперного русского и западного репертуара, Иван Семенович спел много камерной музыки — сочинения Баха, Бетховена, Мусоргского, Рахманинова, Прокофьева...

К тому же он внимательно следил и за современной музыкальной литературой.

И вот пример. Иван Семенович блистательно записал изумительный вокальный цикл молодого композитора Валерия Кикты на слова великого японского поэта Исикавы Такубоку «Плач о потерянном сердце»... Для Козловского это был уже новый язык. Надо было иметь «другие уши», по словам Ницше, чтобы понять, прочувствовать и выучить это сочинение.

А каким красивым он был в преклонные годы! Его всегда встречали восторженно. Тогда публика в концертных залах была не случайная, как сегодня. Козловский споет, бывало, одну вещь, и потом много-много говорит... Мы, его поклонники, слушали с благоговением. Подсознательно мы чувствовали, что так великий певец прощался со слушателями.

Не забыть мне и его 80-летний юбилей. В первом действии Иван Семенович должен был петь Ленского. А у него волосы были белые-белые. И я все думал, как же его загримириуют. И вдруг Ленский выходит совершенно белый. Это было очень верно. Если бы он надел парик и его загримировали, возраст все равно был бы виден.

Это был длинный-длинный юбилей. Козловский замечательно исполнил с оркестром «Здесь хорошо» Рахманинова. Он так пошел на «си» наверху, что было непонятно, как в таком возрасте можно взять эту высокую ноту... Помню, как Иван Семенович встал в ряд с юными певцами из его родной Марьяновки и начал вместе с ними танцевать что-то вроде канкана. Зал был в восторге.

Когда время подходило к полуночи, Иван Семенович неожиданно сказал: «Ну, сейчас так поздно. Скоро метро закроется. Давайте останемся до утра». И юбилей продолжался...

Мне кажется, что он каждый вечер бывал на концертах в Большом зале Консерватории. Во всяком случае, когда я приходил туда, всегда видел его в директорской ложе, за портьерой. Другие известные музыканты, которые жили в том же доме, что и Иван Семенович, по моим наблюдениям, редко бывали в Консерватории.

Еще случай. В Большом зале впервые исполнялась маленькая торжественная месса Россини. Хор Минина, четыре солиста — Образцова, Касрашвили, Нестеренко, Соткилава. Я был

за роялем. После концерта мне передали слова Ивана Семеновича. Он сказал собеседнику: «Вы обратили внимание, что пианист все играл без педали?» Без педали, конечно, я не играл. Но он обратил внимание, что я играл оркестровую педаль, а не фортепианную. Мне было очень приятно. Я был удивлен, поскольку многие музыканты этого бы даже не заметили. А он все замечал.

Признаюсь, что очень люблю и Надежду Андреевну Обухову. Бережно храню, почти с детства, пластинку с записью обуховского голоса. Долгое время у меня была даже привычка слушать перед сном арию Кончаковны в ее исполнении, а также дуэт Кончаковны с Владимиром. И это был дуэт Обуховой и Козловского. Редкая гармония тембров! Лучше этого дуэта, на мой взгляд, ничего не было и не будет.

Расскажу и смешную историю. Я много работал с Ириной Константиновной Архиповой. Мы выступали в Москве, Петербурге, Париже, Лондоне, Афинах... Как-то прихожу к ней на репетицию и вижу, что она сама на себя не похожа и вся в гневе. Ирина Константиновна рассказывает, что за причина вывела ее из себя. В их доме, как оказалось, появились какие-то насекомые, и, чтобы от них избавиться, нужно было сделать дезинфекцию. Она сама взялась за дело, все организовала, чтобы нужную «операцию» проделали во всем доме. Когда рабочие подошли к квартире Ивана Семеновича, тот вышел и, узнав в чем дело, возмутился: «Да как вы можете! Это же божьи твари!..» Санэпидемстанция уехала ни с чем. Потом я узнал, что Козловский не выносил никаких запахов...

...Недавно я поставил диск Ивана Семеновича с записью «Риголетто». И ахнул... Какая же это высота!

Москва, 2004 г.

Примечания

Воспоминания написаны специально для данного сборника.

Юрий Королёв

ПАТРИАРХ БОЛЬШОГО

У нас в семье был патефон и немного пластинок. Ребенком я часто слышал «Нічь така місячна...» — маме нравилось. Я подрастал, и красивая песня сочеталась со словом «Козловский». Значительно позже добавилось: «Иван Семенович». Нельзя было даже представить себе, что мы когда-нибудь встретимся, будем знакомы и даже споем вместе.

К концу 40-х годов повсеместно стала распространяться радиосеть. В феврале-апреле 1949 года, еще подростку, мне довелось участвовать в радиофикации деревни Большое Свиноръе под Москвой. Радио — огромный шаг приобщения к музыкальной культуре. И, надо сказать, было к чему приобщаться. Радио тогда не выключалось, так и звучало с 6 утра до 12 ночи.

У меня же появился детекторный приемник. Можно было слушать три программы Всесоюзного радио и «Маяк».

Прямая трансляция концертов из Колонного зала, Большого зала Консерватории, зала Чайковского была обычным делом. Непосредственно в эти залы могли попасть не все.

Посещение концерта или спектакля становилось торжественным событием, о котором вспоминали и говорили многие годы дома и на работе.

Постоянным участником трансляций был Иван Семенович Козловский.

Увидеть Ивана Семеновича недалеко от себя мне посчастливилось в начале 50-х годов на сцене Малого театра. Вместе с М. Д. Михайловым он поздравлял с юбилеем труппу Малого театра от имени Большого. Дуэтом они спели песню «Нелюдимо наше море», текст которой в то время ассоциировался с подвигом полярников. Затем последовала шутливая сценка с поиском пропавшей бутылки коньяка, доверенной М. Д. Михайлову. Он отлично изобразил смущение. Бутылка, конечно, нашлась у него в обширном кармане. Склонность к шутке я отмечал у Ивана Семеновича и позже.

При посещении концертов в Большом зале Консерватории Ивана Семеновича в черном костюме с галстуком-бабочкой, в белой шапочке особого покроя (говорили, что он привез ее из Индии, где такую же носил Неру) часто можно было видеть в первой ложе справа, если смотреть из зала. В Большом театре он обычно сидел в директорской ложе. Таким образом, вокальный уровень того времени был ему хорошо известен.

Большой театр долгое время располагал исключительным составом вокалистов. Каждая группа голосов имела выдающихся представителей и мощный резерв поддержки, так что можно было исполнять оперный репертуар на достаточно высоком уровне исключительно силами собственной труппы.

К сожалению, театр как единое целое не выезжал и не мог продемонстрировать свои достижения на сценах других городов. Но зато спектакли посещали наши слушатели.

Думаю, что «новый» метод формирования труппы, когда даже на премьеры приглашают исполнителей, которые «не испортят спектакль», не может привести к возврату расцвета Большого театра. Гастролеры если не испортят, то и не улучшат его. Известно, что участие гастролеров разбалтывает спектакль.

Те, кто не видел такие спектакли Большого театра, как «Аида», «Травиата», «Снегурочка», «Садко» в постановке Б. А. Покровского, «Хованщина» и «Борис Годунов» — Л. Баратова, «Руслан и Людмила» — Р. Захарова, «Риголетто» —

А. П. Иванова, в исполнении певцов того времени, должны чувствовать себя обделенными.

Иван Семенович принадлежал к плеяде тех певцов, которые украшали спектакли Большого в прекрасный период послереволюционного расцвета и, по сути, создавали славу театра на многие последующие годы. В условиях того времени Иван Семенович не выступал с гастролями за границей. Зарубежные гастроли вообще были редким исключением. Об этом можно только сожалеть. У нас было достаточно певцов, способных прославить вокальное искусство Большого театра где угодно.

Индивидуальные гастроли по стране и концерты в различных городах были обыкновенным делом. Грузинский певец Крайвешвили вспоминает, как Иван Семенович исполнял партию Герцога в «Риголетто» Дж. Верди на сцене Тбилисского театра оперы и балета. Аплодисменты не позволили продолжать спектакль после песенки Герцога. Пришлось повторить, но уже на итальянском языке, а затем по-грузински. Невозможно представить то, что происходило в зале.

Ивану Семеновичу были подвластны все жанры вокальных произведений, и все им исполняемое было согрето неповторимой личностью певца. Он не только *обладал* певческим голосом, но и *владел* им. Это позволяло ему звучать в весьма почтенном возрасте. Звонкий лирический тенор с ярко выраженным индивидуальным, легко узнаваемым с первых нот тембром, перепутать который невозможно ни с каким другим. У Ивана Семеновича было много последователей и подражателей. Но голос его неповторим. Превосходная певческая техника позволяла ему использовать беспроигрышные вокальные эффекты: чередование чарующего, воздушного пиано-пианиссимо и развернутого форте, убедительные блестящие ферматы великолепных, предельно высоких нот не могли оставить равнодушными никого.

Описывать словами особенности его голоса, тембр, впечатление, производимое на публику, — занятие неблагодарное. Все остается словами. Надо было *видеть* и *слышать*.

К счастью, записи сохранили голос Ивана Семеновича Козловского, и это обстоятельство дает возможность, хотя и частично, составить собственное о нем представление. Достаточно

услышать «до-диез» третьей октавы в песенке Герцога из «Риголетто». Великолепно!

В жизни мы часто пользуемся сравнением одного с другим. Это относится и к певцам. Дело это бесполезное. Ведь в конце концов все мы — люди, похожие друг на друга. Французы говорят, что всякое сравнение хромает. Похожесть возникает от незнания. Неразличимых для нас близнецов никогда не спутает мать. И. С. Козловский обладал такой индивидуальностью, что его невозможно и не надо сравнивать. Он был величиной самостоятельной — **Иваном Семеновичем Козловским.**

Не забудем, что сказал герой одного кинофильма: «У каждого свои недостатки». У нас — тоже.

Не только к голосу, но и к личности Ивана Семеновича было привлечено всеобщее внимание. Он был одним из самых известных людей в стране. Источником знакомства с ним было радио, затем появилась возможность видеть его в кинохронике перед сеансами кинофильмов, а потом появились и фильмы-оперы, что позволяло наблюдать его на сцене. Зрители смогли познакомиться с одной из лучших исполненных им партий — партией Юродивого в «Борисе Годунове». Из партии, не считавшейся сколько-нибудь значимой, он в исполняемом на сцене образе возвысился до обобщения, в котором нашла воплощение вся Русь.

Трудно представить, что кто-либо в будущем найдет деталь, которую можно прибавить к образу, им созданному. Если найдете что-то, способное углубить роль Юродивого, — поклон вам низкий. Козловский создал Юродивого *самостоятельно.*

Можно предположить, что Иван Семенович не всегда был удовлетворен работой с режиссерами оперы. Обладая даром сценического воображения, он во многом расходился с ними. Стремление расширить сферу деятельности, а может быть, и неудовлетворенность и желание найти иное прочтение и привели его к созданию оперного коллектива при Московской филармонии.

Он мыслил шире, чем иные постановщики, но умел, в отличие от оппонентов, расходясь с ними во мнениях, избежать резких высказываний. Конечно, оппоненты Козловского не могли напрямую задевать столь значительную фигуру, но все

же делали это безапелляционно и бездоказательно, объявляя о своих «достижениях» по обновлению оперы от рутины и штампов во имя «нового». Вослед за Карлом Францем Казимиром М. присвоили себе имя единственного автора спектакля. Не имея ни хитрости, ни изворотливости предшественника, протаскивая мономыслие, подменили понятие «лучшее» понятием «новое». Не будучи в состоянии построить что-либо сравнимое с предшественниками, они, прикрываясь щитом «Черного квадрата», стали строить «непредсказуемое», «неожиданное», «парадоксальное». А за тем ли мы идем в театр оперы?

Я говорю об этом с некоторой долей уверенности, так как однажды в коротком разговоре с Иваном Семеновичем, задев эту тему, почувствовал, что мог бы получиться интересный диалог. Но увидев, как эта тема взволновала его, я не решился на продолжение. Иван Семенович был уже в преклонном возрасте. Могу лишь сказать, что это была бы не полемика, а изложение общей позиции.

Иван Семенович был верующим человеком. Во все времена — запрета или возрождения церкви — он был прихожанином церкви Воскресения Словущего на Успенском Вражке, где и прошло его отпевание.

В связи с этим может возникнуть вопрос: «А что означали его ритуальные выходы из дома на концерт и обратно?» Нет ли здесь какого-либо противоречия?

В чем же состоял этот ритуал? Иван Семенович надевал концертный фрак на втором этаже своей квартиры, спускался на первый и клал ноты в портфель, подаренный ему педагогом много лет назад. Только в этот портфель, и ни в какой другой. Относился к нему как к реликвии. Когда портфель из коричневой кожи пришел в полную ветхость, был найден выход, не нарушающий традиции: ноты клали в тот же самый портфель, а портфель с нотами — в другой, новый. Выходя из квартиры и спускаясь по лестнице *только пешком*, он избегал встречи с кем-либо по пути. Затем выходил через дверь, которая вела во двор, к ожидавшей его машине.

Приезжал на место концерта заранее и выходил на сцену. Знакомясь со сценой, обходил ее всю. Потом удалялся в отведенную ему артистическую, где и находился до выхода на сцену. Его никто не беспокоил. Однажды, это было на спектакле

«Русалка», как мне рассказывали старики театра, что-то было сделано не так. Началась музыка, предваряющая выход княжича, режиссер пошел посмотреть, готов ли артист к выходу, но не обнаружил его. Началась паника, все сбились с ног, а музыка между тем продолжалась и время неумолимо сжималось подобно шагреневой коже. В последний миг боковая кулиса развернулась и раздался голос: «Невольно к этим грустным берегам меня влечет неведомая сила...»

После выступления, что бы он ни пел, Иван Семенович удалялся в артистическую и проводил там в одиночестве полчаса и более. Уже рабочие разобрали декорации, ушли осветители, костюмеры, гримеры, пожарные отправились проверять состояние помещения. Но Иван Семенович продолжал сидеть в артистической. Все знали, что беспокоить его не следует.

По возвращении домой он переодевался и спускался на первый этаж квартиры. Это был доброжелательный и радушный хозяин. За столом, несмотря на позднее время, могли быть гости.

Что же это за ритуал? Может быть, кто-то и улыбнется. Напрасно.

Это — индивидуальный путь жизни, помогавший ему сохранить себя, свой внутренний мир. Глубокая сосредоточенность на предстоящий спектакль или концерт. Ответственное отношение к делу и самому себе, позволившие ему сохранить себя во всех проявлениях жизни.

Не знаю, видел ли кто его раздраженным. Иван Семенович с достоинством и простотой нес груз своей популярности. Появление его на сцене встречалось длительными аплодисментами, и он каждый раз оправдывал ожидания слушателей. Конечно, у него была «верная» публика. Но имя Козловского привлекало внимание повсеместно, и он выигрывал у любой публики.

Особенно горячо, как мне кажется, он любил Украину. Даже говорил с приятным малозаметным украинским акцентом. Всеобъемлюще любить Родину все-таки нетрудно. Любить что-либо конкретное не всегда легко. А Иван Семенович любил родную Марьяновку бесконечно, построил там музыкальную школу, помогая развитию одаренных детей, а их оказалось так много! Неоднократно он привозил их в Москву,

был участником их концертов. На своем юбилее вывел детей на сцену Большого театра, пел и отплясывал вместе с ними, будучи в весьма почтенном возрасте.

Кто еще сделал так много для своей родины?! Ныне его назвали бы спонсором, может быть, меценатом, но на великом и могучем русском языке назовем его *благотворителем*. В широком смысле — человеком, *творившим благо*.

Автору этих строк довелось не только встречаться, но и петь с Иваном Семеновичем. Однажды, в декабре 1974 года, поздно вечером раздался телефонный звонок. Дирижер Фуат Шакирович Мансуров приглашал на следующий день спеть сцену в саду из «Фауста» Гуно. Фауст — И. С. Козловский, Маргарита — Г. А. Писаренко, Мефистофель достался мне. Иван Семенович, как всегда, в концертном фраке вышел на сцену Большого зала Консерватории. Встреченный овацией, он исполнил программу первого отделения концерта и вдруг добавил еще романс С. Рахманинова «Христос воскрес». В то время этот романс, к слову сказать, звучал крайне редко. Я спросил Ивана Семеновича, почему он решил исполнить это произведение. Он ответил: «Этот романс был запрещен Синодом. Когда же еще петь его, как не теперь?»

Во втором отделении звучал дуэт Ромео и Джульетты. Иван Семенович сказал Гале Писаренко, что в конце дуэта он унесет ее на руках. Смущенная певица умоляла его не делать этого. Конечно же, это была шутка.

Концерт кончился, как тогда говорили, бурными, продолжительными аплодисментами. Ивану Семеновичу было 74 года. Как звучал его голос! Существует запись.

Особенностью концерта явилось то, что он был посвящен памяти Петра Павловича Никитина, многолетнего концертмейстера И. С. Козловского. Это был удивительный человек, и притом его отличала безграничная скромность. Сегодня осталось мало из тех, кто общался с ним.

Прежде чем начнется рассказ о нем, я напомню, что в 1930 году прозвучал написанный Морисом Равелем Концерт ре-мажор для фортепиано с оркестром. Этим концертом Равель вернул на сцену пианиста П. Витгенштейна. Почему вернул? Потому что в Первую мировую войну этот пианист потерял правую руку. Ныне этот концерт известен как «Леворучный

концерт Равеля». Это, несомненно, был подвиг и композитора, и пианиста.

На концертной программе напечатано Слово И. С. Козловского о П. П. Никитине. Вот оно:

«Воздавая дань ушедшему из жизни, мы тем самым продлеваем его жизнь.

Петр Павлович Никитин окончил фортепианное отделение Московской консерватории по классу профессора Е. Бекман-Щербины. По окончании консерватории становится одним из ведущих концертмейстеров Всесоюзного радио, где и работал около 50 лет.

В Отечественную войну — офицер Советской Армии. Был тяжело, трагически ранен — пулеметная очередь раздробила правую руку. Пианист остался без двух пальцев и с больной рукой. Громадное усилие воли позволило ему преодолеть тяжкий недуг — он снова начал выступать, меняя при исполнении аппликатуру. Существует блистательная запись его вдохновенного исполнения Второго концерта Рахманинова.

Я встретился с ним уже после перенесенных им операций. И наверное, многие присутствующие здесь слышали его исполнение (уже после трагических событий) и в этом зале, и по радио.

Неподкупен. Не терпел спекулятивности и дилетантизма. Благодарный почитатель классического наследия, он в то же время понимал, что грядет новое в искусстве. Стремился оградить искусство от случайного, наносного...

Хочется верить, что не скоро изгладится из памяти людей содеянное Петром Павловичем Никитиным — великолепным музыкантом, обаятельным человеком и товарищем.

И. Козловский».

Имеющему разрешение на фотографирование в Большом театре, мне неоднократно предоставлялась возможность фотографировать Ивана Семеновича. Естественно, я такие фотографии дарил тем, кого снимал. Иногда лично, иногда по почте. Ответили по почте двое. Один из них — Иван Семенович Козловский. Будучи человеком обязательным, он поблагодарил за снимки.

Всей своей жизнью Иван Семенович показал, как надо прожить отпущенный нам срок мудро. Значительностью облика, поведения и поступками он олицетворял образ Артиста эпохи, в которую жил. Достойно и щедро дарил он свет своего голоса слушателям. Это происходило очень естественно и не подчеркивалось им. Таким его и помнят.

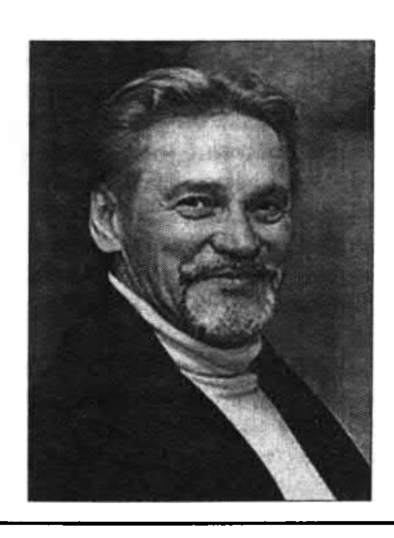
Последний раз я видел Ивана Семеновича, когда белоголовый патриарх Большого театра пришел из ложи на сцену, чтобы встретиться с кем-то из исполнителей. Последний раз видел его все-таки на сцене.

Без Ивана Семеновича Козловского наша духовная жизнь была бы беднее. К счастью, этого не случилось. Он был с нами.

Москва, 2004 г.

Примечания

Воспоминания написаны специально для данного сборника.

Владимир Васильев

ОН ДОСТАВЛЯЛ РАДОСТЬ ЛЮДЯМ

Когда мы говорим о национальных героях, то у меня, например, это ассоциируется прежде всего с тем количеством людей, которые знали и любили Ивана Семеновича Козловского — этого замечательного художника. Он доставлял радость людям на протяжении всей своей долгой жизни. Многочисленные и многогранные образы, им созданные, вошли в историю исполнительского певческого искусства. Скажем, образ Юродивого, который мы видим на сцене. Нам кажется, и этот исполнитель неплох, и тот неплох, — но все они живут в рисунке, заданном Козловским.

И вот эта память об Иване Семеновиче останется до тех пор, пока будет стоять Большой театр.

Примечания

Выступление на открытии памятника И. С. Козловскому на Новодевичьем кладбище (скульптор Ю. Г. Орехов; 2000 г.).

Борис Покровский

ВСЕ СОЗДАННОЕ КОЗЛОВСКИМ — КЛАССИЧЕСКАЯ ПРАВДА

Иван Семенович Козловский не только знаменит, не только известен, не только любим. Он оригинален в самом глубоком и высоком смысле слова. Он неповторим. Образы, которые решал Козловский вокально и сценически, отличны, не похожи на те, что создавали другие певцы-актеры.

Самое великое сценическое творение Козловского — Юродивый в «Борисе Годунове». Редко бывает так, что великим, очень знаменитым удается найти образ, который поистине неповторим, настолько тесно связан с личностью создателя, воплощен им в искусстве и отождествлен с его жизнью.

Козловский пел Юродивого не как нечто отрешенное, экзотическое. Он — такой же правдолюбец, провозвестник, явление, чудо русского народа, человек, знающий и любящий правду, как Юродивый у Пушкина.

Глубоко органичны его монологи, пение и поведение на сцене. Искать второе подобное сценическое создание бессмыс-

ленно. Это редкостный и значительный случай в жизни и в искусстве.

Иван Семенович Козловский в другом образе — Рудольфа в «Богеме» — поэт, очаровательный юноша, несколько легкомысленный. Если ему холодно, что он делает? Зажигает свечку, чтобы погреть ноги в новых носках (у Козловского были очень красивые ноги, это знают все, кто его видел и любил).

Козловский, как и Лемешев, был знаменитым Ленским. Я много репетировал с тем и с другим. Случалось, они вместе сидели на одной скамейке, вместе искали сценические детали, нюансы образа. Они были отличны пониманием, толкованием своего, неповторимого образа. У каждого было свое видение творения Пушкина и Чайковского. На репетициях мне приходилось считаться с их творческими принципами.

Вспоминая И. С. Козловского, хотелось бы повторить, что именно меня в нем особенно привлекало. В Козловском жил оригинал. Работать с ним всегда было радостно. Это был веселый, компанейский человек, который любил пошутить. Но главное — он верно, преданно служил искусству и словом, и делом. Рядом с ним трудно встать по самобытности, оригинальности.

Образы, созданные Козловским, были типичны, современны, неповторимы только ему присущим пониманием искусства. Всем нам нужна, необходима классика. Но то, что Козловский создавал на сцене, — это классическая правда.

Москва, 2004 г.

УСПОКОЕННОСТЬ — НЕ ЕГО СТИХИЯ!

В 1944 году я выпускал в Большом театре оперу П. И. Чайковского «Евгений Онегин». У меня было два Ленских: Иван Семенович Козловский и Сергей Яковлевич Лемешев. Лемешев приходил на репетицию, как все другие актеры, работать. Просто, по-деловому.

...Объективное влияние Лемешева на эстетику современного оперного спектакля огромно, хотя оно проявилось без особых забот и претензий со стороны артиста...

Совсем иначе шла работа с Козловским. Он не опаздывал на репетиции, но сама репетиция могла задержаться надолго из-за множества появившихся у него вопросов из серии «идей». Выдумкам, предложениям, парадоксальным решениям той или иной сцены не было конца. Его поклонницы не бегали вокруг театра. Они точно знали: если Иван Семенович вошел в театр через эту дверь, он уйдет через ту же самую. Вопрос — когда он выйдет? Тут уже «проклятый Покровский» ни при чем. Иван Семенович увлекается и наслаждается своим увлечением.

В «Севильском цирюльнике» в роли графа Альмавивы, переодетого солдатом и притворяющегося пьяным, Козловский вез за собой маленькую-маленькую игрушечную пушечку. В «Вальпургиевой ночи» («Фауст») он танцевал с балеринами, выполняя «поддержки». В роли Ленского выходил не в черном, а скорей рыжеватом парике (в юбилейном спектакле, празднуя свое 80-летие, в первом акте «Евгения Онегина» Иван Семенович вышел в белом, седом парике, подчеркнув свой возраст и не притворяясь 18-летним поэтом. Обаятельная идея!).

В «Дубровском» он обыгрывал оркестровое интермеццо последней картины рядом пластических поз. В том же Ленском, показывая смущение перед Лариной после ариозо в первой картине, находил на земле жучка, или делал вид, что находил, и относил его на соседний куст. Таким образом игралось смущение перед уважаемой им женщиной.

Неожиданные его сценические «краски» были столь же неуемны, как и выходки в жизни. Иван Михайлович Москвин не зря говорил о нем, что это «отменный заводила». Действительно, в нем сидел какой-то «бес» шутки, розыгрыша, сюрпризов. Успокоенность — не его стихия! Репетиции были для него не столько запланированным трудом, сколько священнодействием. Все обычное претило ему, все необычное принималось с восторгом. Это был союз артистизма, общительности с «заводом» до предела.

Каждую роль Козловский старался подчинить своим возможностям, выявить их до конца. Он — создатель роли Юродивого в опере «Борис Годунов». Что значит создатель? Большинство артистов выступают, может быть, замечательно, но исполняют роли, кем-то ранее созданные. Например, многие басы мира исполняют роль Бориса Годунова, когда-то созданную

Шаляпиным. Так ныне в разнообразных спектаклях «Бориса Годунова» исполняют образ Юродивого, некогда созданный Козловским. Это процесс традиционный и слабо поддающийся переосмыслению. Повторение, даже подсознательно, созданного другим, может быть, достойно и уважения, и восхищения, и большого успеха. Но это качественно иная природа творчества.

Козловскому посчастливилось в свое время открыть образ Юродивого. (Велико было и участие в этом творческом достижении Владимира Аполлоновича Лосского.) Юродивый Козловского стал значительным событием в познании природы образного мышления Мусоргского. Образ этот многогранный, он вбирает в себя комплекс исторических и социальных противоречий эпохи. Юродивый — слезы народные, гнев народный, отвага и правда народные, трагизм народный. Все компоненты выразительности артиста: голос, фигура, манера пения, вечное стремление к оригинальному, необычному, художественная экзальтация, своеобразная сценическая и вокальная смелость — были здесь удивительно кстати и органичны до предела.

Для Лемешева работа с режиссером и партнерами — необходимое звено в процессе личного понимания и претворения образа. Козловский любил подшутить над режиссером, будучи сам до мозга костей режиссером своих ролей-партий. Лемешев на репетиции работал, как и все — делово и просто. Козловский на каждой репетиции был неожиданным, острым, поражающим, всё подчиняющим себе. Лемешев — сдержан, глубок, проникновенен, выразителен неподдельной и таинственной природой таланта. Козловский — театрален и самобытен, неповторим и увлекателен.

Пусть читатель не думает, что я могу дать этим двум личностям объективные характеристики и оценки. Я могу лишь высказать свое мнение о них, а оно субъективно, может быть и неправильно. Тем более что оно проникнуто влюбленностью в этих настолько разных артистов.

Лемешев — волнующий сердце каждого Ленский, до слез трогательный Ромео, неповторимый Берендей. (Может ли быть другой?) Козловский, кроме своего художественного открытия — Юродивого, владел зрительным залом в «Лоэнгрине»,

был эффектным и искрометным герцогом Мантуанским. А уж в эксцентрических ролях равного ему не было. Достаточно вспомнить его Принца в спектакле «Любовь к трем апельсинам» Прокофьева, или эпизод в опере «Иван-солдат» К. Корчмарева [1].

Любой, кто хоть раз видел и слышал Лемешева в «Травиате» или в «Сорочинской ярмарке», скажет: «А Альфред, а Попович?» При имени же Козловского будут вспоминать Фауста, Дубровского, Индийского гостя... Просто надо радоваться, что такие артисты были в Большом театре. И я с ними работал.

Два замечательных тенора, по существу, закончили цепь знаменитых артистов — по крайней мере в своем жанре — с индивидуальным, так сказать, успехом... Артисты последующих лет менее и менее рассчитывали на демонстрацию личных артистических совершенств...

Примечания

Все созданное Козловским — классическая правда

Написано специально для данного сборника.

Успокоенность — не его стихия

Отрывок из книги «Ступени профессии» (М.: ВТО, 1984. С. 130–131).

[1] Опера К. Корчмарева «Иван-солдат» была поставлена в Экспериментальном театре (так назывался тогда филиал Большого театра). 5 апреля 1927 года. И. С. Козловский был исполнителем роли Данилы.

Ольга Жукова

ОБРАЗ ЛЕНСКОГО В ИСПОЛНЕНИИ И. С. КОЗЛОВСКОГО

Проблема трактовки образа того или иного героя порой решается просто. Певец выучивает музыкальный текст с концертмейстером — проводником концепции дирижера. Затем происходит освоение обязательных мизансцен, оркестровая репетиция и далее — выход на спектакль. Многих певцов, не особенно выдающихся, подобное положение устраивает. Другое дело — певцы думающие, самостоятельные, наделенные, кроме вокального, актерским даром. В этом случае певец подходит к образу своего героя как творец. Подобных певцов земля рождает не часто. России повезло. Ее оперная школа пополнила мировую оперную культуру ничуть не меньшим числом выдающихся певцов, чем Италия. Иван Семенович Козловский — певец этого избранного ряда. Нет нужды скрывать, что наряду с горячими поклонниками Ивана Семеновича были и люди, не принимавшие его творчество. Но время все ставит на свои места и дает нужную оценку.

Мне хочется попытаться проанализировать образ Ленского в трактовке И. С. Козловского. Ведь Л. В. Собинов,

С. Я. Лемешев и И. С. Козловский создали трех неповторимых Ленских, каждый из которых и порывист, и мечтателен, и трагичен, и романтичен. То, что все три тенора озвучивали одни и те же ноты, и их внешний облик — кудри до плеч, костюмы, соответствующие эпохе, почти клишированные мизансцены, кажется, не позволяют создать нечто неповторимое. Но происходит чудо, так как каждый из них — дар уникальный и не соперничающий друг с другом.

Ленский Козловского с первого появления и с первых же фраз несет в себе и наивность, и какую-то тайну. Он не настолько порывист внешне, но голос звучит высоко и серебристо. В ариозо «Я люблю вас, Ольга» Иван Семенович следует ремаркам композитора, но начиная с фразы «Я отрок был, тобой плененный» делает собственные акценты, как будто хочет подчеркнуть значение каждого слова. От этого возникает несколько иной ритмический рисунок: там, где в тактах идут подряд восемь «восьмых», получаются попарно «восьмая с точкой» и «шестнадцатая». Кроме указанного автором fermata, Иван Семенович делает свое fermata во фразе «...как одна душа поэта» на слоге «-ша». И эта нота у него летит действительно, как душа, молодо и задорно.

Кстати сказать, именно эта нота на fermata стала традиционной для исполнения.

Ариозо заканчивается миниатюрным дуэтом с Ольгой, где голос Козловского обретает очень нежную интонацию на словах «я люблю тебя».

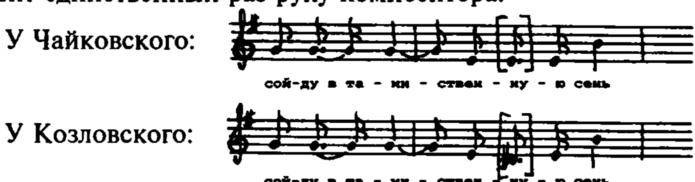
В сцене ларинского бала Ленский сразу сталкивается с коварством неудачной шутки Онегина и легкомыслием Ольги. Первая реплика Ленского, обращенная к Ольге с предложением тура танца (котильон) сменяется страшным смятением, непониманием и отчаянием, которые тонут в хоре гостей Лариных. Fermata на фа-диезе во фразе «Как жесТОки вы со мной» (ее нет у автора) длится долго и отчаянно, с мольбой, будто хочет предупредить о беде. На прерывающемся дыхании спешат его слова «Все экосезы, все вальсы с Онегиным вы танцевали; я приглашал вас, но был отвергнут». Здесь Ленский еще наивный юнец. И вдруг появляются слова, значение которых он, будто только лишь проговаривая сейчас, начинает понимать: «К тебе он наклонялся и руку жал тебе». А «...я видел

все» — звучит как приговор. Отчаяние, потерянность, чувство утраты звучат в словах «ты меня не любишь». И снова, как луч света — «котильон со мной танцуешь ты?» У Козловского «ты» звучит на излете, как угасающая надежда. В сцене ссоры Ленский Козловского запальчив, напорист. Он чеканит каждое слово. Сколько горькой правды в его словах! Три мощных fermata: первое, не предусмотренное композитором, и два авторских:

дают ощущение уже одержанной победы над Онегиным. А нарочитое замедление в «...и сатисфакции я требую» — говорит о том, что этот Ленский уже не отступит и накажет обидчика. Нежнейшая интонация «в вашем доме» уже никого не обманет — это поет свое горе и боль поэт, по-взрослому оценивший случившееся. И. С. Козловский в квинтете не обращается прямо к Ольге, но говорит о ней с такой горечью и безысходностью, что его «Ах, Ольга, прощай навек» звучит как громкий стон.

Сцена дуэли. На реплику Зарецкого об опоздании Онегина Ленский отвечает как-то безучастно, механически. Все его мысли о другом. Как тяжелые вздохи — «Куда, куда, куда вы удалились, весны моей златые дни?»; далее — в замедленном темпе, слегка тусклым звуком: «Что день грядущий мне готовит? Его мой взор напрасно ловит»; малое, но значительное fermata на слове «пролетит»; затем темп становится сжатым и пружинистым, звук ярче; «...и тьмы приход» — темп растягивается до ощущения муки; небольшой всплеск надежды — и снова слова о смерти. И вот именно здесь Иван Семенович правит единственный раз руку композитора.

А дальше певец делает собственные паузы: «Забудет мир меня. ∨ Но ты! ∨ Ты! ∨ Ольга!» Вопреки ремарке композитора Козловский поет «тебе единой посвятил» не *ff*, а *mf*, что создает ощущение стесненного дыхания и глубокой интимности. Завершающие арию слова превращаются в нечто невообразимое: «Весны моей златые дни» звучат не по-земному светло, почти бесстрастно и безысходно.

Дуэт «Враги» интересен по своему замыслу. И у Онегина, и у Ленского одни и те же слова в речевом каноне говорят об одинаковых чувствах этих двух бывших друзей. Здесь есть все: и воспоминания прежних дней, и сомнения в происходящем, и желание изменить все, но ни один из них не готов пойти на уступку, и потому трагическая развязка неизбежна.

Внешний сценический рисунок Ленского в этой сцене решен Козловским идеально, статуарно. Поэтому создается ощущение озвучивания мыслей его героя. Тот, кто непосредственно в театре слушал Ивана Семеновича, наверняка заметил, что его мимика довольно скупа, рот в пении никогда предельно не раскрывался, но особенно выразительными были его глаза, излучающие безграничную палитру чувств.

Пожалуй, не только чисто музыкальными штрихами рисует Ленского Козловский. Огромное значение в создании образа имеет отношение к русскому слову. Несомненно, в его произношении присутствует архаика, но она оправдана и эпохой, в которую происходит действие, и традицией русской вокальной школы «выпевать слова». Есть еще и то, что свойственно только Козловскому. Известно, что ему нелегко дался русский язык. Украинский «прононс», родной с детства, напоминал о себе и тогда, когда певец стал знаменитым. Нет-нет да и проскочит нередуцированная безударная гласная. Например, «из-за пустЯков», или звуки «и» и «е» превращались в «ы» и «э», или наоборот. В то же время четкость произношения согласных, ясная артикуляция гласных и главное — умение петь согласные звуки в точной высоте тона говорят о вокальном мастерстве певца.

Ленский Козловского, на мой взгляд, отличен от пушкинского и более всего близок к пониманию этого образа П. И. Чайковским. Но в исполнении Козловского Ленский удивительно органичен. Видимо, этому способствовал не только актерский

и вокальный дар Ивана Семеновича, но и какие-то внутренние совпадения натур героя и исполнителя: особая утонченность, ранимость, сдержанность, за которыми крылась могучая натура сильно чувствующего человека и творца.

Ленский весьма привлекателен для каждого тенора. Наверное, будут еще новые открытия. Но Ленский И. С. Козловского неповторим, и последующие поколения теноров будут «считывать» именно с него основу постижения образа поэта романтичной и трагической судьбы.

Владимир, 2004 г.

Примечания

Статья написана специально для этого сборника.

Ирина Масленникова

ТАЛАНТ РЕШАЕТ ВСЕ!

Об Иване Семеновиче Козловском у меня остались самые лучшие, самые добрые воспоминания.

Первым увиденным мною спектаклем в Большом театре, куда я пришла в 1943 военном году, был «Севильский цирюльник». На сцене были Козловский, Рейзен и другие великие солисты. Меня потрясло их исполнение. Эти имена для меня, молодой певицы, были священны, как иконы. Впоследствии с солистами Большого приходилось общаться на репетициях, в спектаклях. Безграничны моя благодарность к ним, восхищение ими за отношение к искусству, за помощь нам, молодым певцам.

К величайшему сожалению, мне не пришлось петь с И. С. Козловским в спектаклях Большого. Я дебютировала в опере «Риголетто», позже пела там, Козловский при мне в этом спектакле не выступал. Однако у нас было немало совместных выступлений в концертах. Тогда в столице бурно кипела концертная жизнь. В выступлениях принимали участие все актерские «сливки» Москвы, причем не только солисты

оперы и балета, но и артисты драмы. Иван Семенович нередко приглашал меня участвовать в выступлениях.

Запомнилась интересная работа с ним в спектакле «Наталка-Полтавка» Н. Лысенко. Он шел в концертном исполнении. Иван Семенович собрал в нем группу украинцев. Получился интересный спектакль — в нем были и мизансцены, исполненные на высоком художественном уровне вокальной деятельности тех времен.

Еще одно очень дорогое воспоминание о Козловском — запись с его и моим участием спектакля «Риголетто»; дирижером был С. Самосуд — у меня осталась светлая память о нем как о прекрасном человеке и замечательном музыканте. Он очень любил молодых певцов, помог и мне в первые годы работы в Большом театре. За границей спектакль «Риголетто» переписали на компакт-диск. Почему-то на обложке изображен И. С. Козловский в партии Ленского, в зимней шубе, в меховой шапке...

Никогда не забуду поездку на концерт в только что освобожденный Харьков. В нем принимали участие О. В. Лепешинская, И. С. Козловский, Б. Руденко и другие. Иван Семенович очень любил дорогую ему Украину, красоту ее природы, ее людей, но никогда не был националистом. Я тоже люблю Украину, так как родилась там и долго жила.

Работать с Козловским было легко и радостно: он любил пошутить, разряжая обстановку; ни в режиссуре, ни в пении никому не подражал. В артистическом и вокальном отношении был глубоко эмоционален, умел заразить, зажечь публику. В работе всегда восхищал его высокий профессионализм.

К сожалению, после того как я вышла замуж за Лемешева, наши совместные выступления прервались. Козловский посчитал продолжение их неэтичным.

И Козловский, и Лемешев имели много поклонников, были кумирами любителей музыки. Кто-то больше боготворил Козловского, кто-то Лемешева. Порой их почитателей захлестывали эмоции. Формы поклонения этим двум великим певцам принимали не очень приятные оттенки.

Но это не касалось взаимоотношений самих певцов. Козловский и Лемешев относились друг к другу с большим уважением и даже принимали участие в совместных выступлениях.

Вспомним их дуэт на вечере в Художественном театре. Они не старались подражать друг другу, были во всем абсолютно индивидуальны.

У И. С. Козловского были прекрасные внешние данные, что немаловажно для певца: высокий, стройный, красивый. Но отличительное его качество, помимо внешности и голоса, — яркий сценический темперамент.

Глубоко индивидуален голос И. С. Козловского: сильный, ровный, красивый, очень высокий, почти альтино. Особенно хорош он в верхнем регистре, которым певец владел свободно и виртуозно. Казалось, для него не было вокальных сложностей. Это относится и ко всем партиям, образам, созданным им на сцене, и к концертным номерам.

Самое великое его творение — Юродивый. В нем органично все: и вокал, и внешность, и грим, и поведение. Помню выступление на юбилейном вечере. Когда он пел Юродивого, я заплакала, от волнения не могла сдержать слез.

Козловский был человеком высоких нравственных и духовных начал по отношению к профессии, к коллегам. Всегда боялся, да и просто не мог никого обидеть. Он был верующим человеком в самом хорошем понимании.

Он веровал в красоту помыслов и дел, всего высокого, чего он достиг в жизни и в искусстве, — всего, чего он добился трудом. Неповторим его творческий дар.

В отношении Козловского, несколько перефразируя известное изречение, мне бы хотелось сказать: «Талант решает все!»

Москва, 2004 г.

Примечания

Воспоминания написаны специально для этого сборника.

Зураб Соткилава

ЭТОТ ЧЕЛОВЕК ЛЮБИЛ ТЕАТР

Мы, артисты, очень любим себя, иногда больше, чем свой театр. А этот человек любил Театр.

И. С. Козловский приходил в Большой театр и становился на колени. Когда я в первый раз это увидел, мне было немного странно. Я не сразу понял, что это значит. Но потом я убедился, что самым почитаемым, самым святым, самым любимым местом для Козловского был Большой театр, который он нежно любил и который он, можно сказать, сделал вместе с другими выдающимися артистами великим.

Примечания

Выступление на открытии памятника И. С. Козловскому на Новодевичьем кладбище (скульптор Ю. Г. Орехов, 2000 г.).

Вера Федорченко

ТАМ, ГДЕ ВЕРА, — ТАМ И НАДЕЖДА...

Помню, как в раннем детстве из круглой черной тарелки лилась музыка, слышались голоса певцов и артистов театра по радио; мы жили в Львове, но знали обо всех и обо всем, что происходило в мире искусства — там, далеко в Москве, Ленинграде, других городах. Голоса певцов были неповторимыми — так, как пела Надежда Андреевна Обухова, никто не мог петь. Меня всегда завораживала ария Индийского гостя из оперы Н. Римского-Корсакова «Садко» в исполнении Ивана Семеновича Козловского — что-то таинственное и чарующее будоражило мысли о далекой Индии. Много лет спустя, работая над фильмом «Рабиндранат Тагор и Советская Россия», я узнала, что эту арию Иван Семенович пел в 1930 году в Колонном зале перед самим Тагором...

Вспоминаю, каким потрясением был образ Юродивого в опере М. Мусорского «Борис Годунов», которого я впервые увидела и услышала на экране львовского кинотеатра «Украина». Потом мы смотрели широкоэкранный фильм «Поэма

о море» Александра Довженко, где Иван Семенович снимался в роли Кобзаря. И голос его звучал над днепровскими просторами... Оперные партии, романсы и удивительно льющиеся украинские песни, которые звучали по радио, создавали о нем впечатление недосягаемости в искусстве вокала и в жизни. На сцене он предстал передо мной в черном фраке, высокий и красивый, уже в Москве, когда я впервые увидела и услышала его в концерте.

О Козловском как о реальном человеке я услышала от Павла Васильевича Русанова, оператора и режиссера нашей Центральной студии документальных фильмов, — они были дружны. Александр Петрович Довженко пригласил Русанова на съемки документальных кадров строительства Каховской ГЭС для фильма «Поэма о море». Потом он снимал Ивана Семеновича в Сосницах, где родился Александр Довженко. Павел Васильевич рассказывал мне, что синхронной камеры у него не было — только «Конвас». И он снял певца вполоборота, а фонограмму его голоса поставил при озвучивании фильма. Наверное, это была единственная съемка без записи голоса певца — Ивана Семеновича снимали многие операторы нашей студии, и благодаря этому пленка сохранила на века и образ певца, и живую интонацию его необыкновенного по красоте голоса.

Слушая Ивана Семеновича в концертах и на юбилейных торжествах — будь то в Большом зале Консерватории или на сцене Большого театра, — я восхищалась его мастерством и той легкостью, с которой неподвластный времени голос звучал в сольных концертах и с хорами...

Но самым удивительным было то, что он до последнего дня своей жизни жил в гуще всех театральных и музыкальных событий столицы.

Однажды в 1972 году мы сидели с ним в одном ряду на спектакле «Аида» а исполнении труппы театра «Ла Скала» — и я увидела, как он слушает...

Помню встречи с Иваном Семеновичем в Большом зале Консерватории, где он обычно сидел в директорской ложе. В антракте, не спеша прогуливаясь по фойе, Иван Семенович галантно раскланивался — ведь КОЗЛОВСКОГО знали все!.. А те, с кем он не был знаком, смотрели на него с благоговением.

В Доме актера, что на углу Пушкинской площади и улицы Горького (теперь Тверской), в 1987 году шел вечер, посвященный Лесю Курбасу, с участием всех ведущих актеров Львовского академического театра им. М. Заньковецкой. После великолепной литературно-музыкальной композиции о Курбасе выступали с воспоминаниями и его ученики из Харькова, где был основанный им театр «Беризиль», и известные театроведы, режиссеры Москвы. Выступал и Иван Семенович Козловский; он рассказывал о встречах с этим необыкновенным человеком — реформатором украинского театра, воспитавшим целую плеяду выдающихся режиссеров и актеров, о спектаклях, которые видел в 20–30-е годы, так, как будто это было вчера... Он говорил на чистейшем украинском литературном языке, и его тихий мягкий голос словно раздвигал занавесы нескольких эпох.

Меня всегда поражало, как много Козловский вобрал в себя событий, лично знал множество талантливых людей в разных сферах искусства XX столетия и как ярко и достоверно об этом говорил.

Я с детства знала учеников Леся Курбаса: главного режиссера Львовского театра оперы и балета Владимира Скляренко и его жену, актрису Театра юного зрителя им. М. Горького Надежду Титаренко, в доме которых впервые увидела фотографии артистов, сцены из спектаклей театра «Беризиль».

Взволнованная, я подошла к Ивану Семеновичу, которого окружали восхищенные «заньковчане», и выразила ему слова благодарности. Он взял мои руки в свои красивые ладони и спросил:

— Вы хотите меня очаровать?

— Это я очарована Вами!..

А когда львовяне привезли в Москву спектакль по пьесе В. Винниченко «Брехня» (в постановке Аллы Бабенко), я позвонила Ивану Семеновичу и передала их приглашение — они играли на сцене театра им. А. С. Пушкина на Тверском бульваре. И он пришел. Его встретил народный артист Украины Александр Бонифатьевич Гринько. Он рассказал Ивану Семеновичу, как еще перед войной, служа в Ансамбле песни и пляски им. А. В. Александрова, он слушал певца в спектаклях Большого театра. Козловского тронула встреча со зрителем

тех далеких лет.... И когда закончился спектакль, Иван Семенович, аплодируя львовским артистам, обратился к ним со словами приветствия — он говорил по-украински, и зрители в зале понимали его. На глазах актеров были слезы...

Уже в 90-е годы Богдан Ступка приехал в Москву из Киева вместе с сыном Остапом. Я рассказала об этом Ивану Семеновичу, и он вместе с Ниной Феодосьевной, верной и преданнейшей многолетней помощницей, пришел в театр, несмотря на зимнюю стужу. На Малой сцене МХАТа шел спектакль «Игра сумасшедшего» по Гоголю. После оваций зрительный зал замер; когда на сцену поднялся Иван Семенович. Голос уже покидал его. Он говорил почти шепотом так умно и проникновенно, что в зале стояла космическая тишина — было слышно, как падают согретые теплом рук Ивана Семеновича зерна из колосьев пшеницы, которыми он всегда венчал знаменательные события.

Еще совсем недавно, когда отмечали 80-летие Ивана Семеновича, казалось, голос звучал в полную силу. Никогда не забыть этого волнующего впечатления от концерта в Большом театре!..

И в канун его 90-летия я добилась на студии согласия снять Ивана Семеновича в домашней обстановке в надежде, что к юбилею сделаю о нем фильм. Мы долго вели переговоры с Ниной Феодосьевной о предстоящей съемке и при встречах с Иваном Семеновичем. Встречались с ним в концертных залах. Он был неутомим — даже на гастролях балета берлинской «Комише опер» я встретила его в Театре имени Станиславского и Немировича-Данченко...

Нина Феодосьевна Слезина скрупулезно собирала все материалы о жизни и творчестве Ивана Семеновича. Но по разным причинам съемка откладывалась. И вдруг однажды мне звонит сам Иван Семенович и говорит:

— Приезжайте завтра снимать! Приехали дети из Марьяновки!

Нина Феодосьевна предупредила, что снять нужно все в течение 30 минут, чтобы не утомлять Ивана Семеновича.

Распахнулась дверь квартиры № 81 в доме № 7 на ул. Неждановой (теперь Брюсов переулок), и нас приветливо встретила Анастасия Семеновна, сестра певца. В квартире были ее

сын и племянница Ася, которая приехала из Киева. Дети из Марьяновки сидели тихо, как одна семья, вместе с Павлом Бохняком, директором Дома-музея певца.

В квартире Козловского все напоминало о его родной Украине — и рушники, и глиняные глечики, в которых стояли высокие колосья пшеницы, и картины с украинскими пейзажами. А за окном над крышами домов сверкали позолотой купола кремлевских соборов. Справа, в глубине второй комнаты — рояль, над которым висел портрет Ивана Семеновича. Настольная лампа освещала мягким светом уютную комнату. В левом углу просторной гостиной крутая лестница поднималась в личную комнату певца.

Мы уже были готовы к съемке. И вот открылась дверь. Наверху появился Иван Семенович в элегантном фраке и белой шапочке-пилотке, подаренной ему Джавахарлалом Неру. Красивой походкой, не спеша он спустился по ступеням к нам. И тут началось настоящее кино. Оказалось, он сам написал сценарий съемки, и теперь сам режиссировал, точно выстраивая кадр и соблюдая монтажную последовательность.

Он читал стихи Тараса Шевченко, сидя у рояля: «Минають дні, минають ночі...» и тихо пел «Повій, вітре, на Вкраїну...» В его литературно-музыкальном построении была какая-то щемящая, мудрая грусть...

Дети из его любимой Марьяновки сидели на длинной скамье и слушали как завороженные. Они пели вместе с ним красивые украинские песни. Иван Семенович ответил на мои вопросы, которые ему понравились, но заметил, что его и раньше спрашивали: «Счастлив ли он?»

Артистично надев на голову черный цилиндр, он взял под руки смущенных ребятишек и стал танцевать с ними канкан, высоко забрасывая ноги.

Съемка продолжалась почти 3 часа... Уходя от Ивана Семеновича, я попросила у него автограф на фотографии, которую принесла с собой. Он написал: «Там, где Вера, — там и Надежда».

А через год я металась по студии в поисках пленки, чтобы снять в Большом театре юбилей — 90-летие Ивана Семеновича Козловского. До начала торжества оставалось уже минут 15–20. И вдруг на студию вернулся после съемки молодой

оператор Владимир Головня. Я подлетаю к нему прямо у подъезда:

— У вас осталась пленка?

Ошеломленный моей просьбой одолжить «хоть кусочек», он отдал единственную кассету — всего 60 метров (на 2 минуты изображения). И через 10 минут мы были с оператором в театре.

Заместитель директора театра В. Н. Тихонов разрешил нам снимать только из оркестровой ямы. Можно было запечатлеть лишь некоторые мгновения... «Конвас» трещал, как пулемет, и телевизионщики, водрузив на плечо «Бетакамы», с презрением смотрели на нас, отрывая взгляд от объектива своих бесшумных камер. Когда, вопреки запретам, мы прорвались на сцену, — за кулисами стояла длинная очередь народных артистов СССР, которые пришли поздравить Ивана Семеновича Козловского с юбилеем.

Готовясь к съемкам фильма, я просмотрела и отобрала в Красногорском архиве кинофотодокументов все кинокадры с певцом. Мы часто и подолгу беседовали с Ниной Феодосьевной о том, каким она хотела бы видеть фильм об Иване Семеновиче. Однажды я была приглашена к нему домой, когда Ивана Семеновича не было — он был на даче. Мы сидели в сумерках, не зажигая света, и говорили об искусстве... Неожиданно она сказала:

— Хочешь, я тебе скажу правду? Самое высокое искусство в нашей стране было при Сталине. Какие были дирижеры! Мелик-Пашаев, Файер, Гаук!.. А балет?.. Я уже не говорю о певцах. Все они получили превосходную школу, которая существовала раньше в России, и подняли ее до высочайшего уровня. Поэтому каждый спектакль был событием. И публика это высоко ценила.

На 125-летие со дня рождения Ф. И. Шаляпина в Москву приезжали дочь певца Татьяна Федоровна, внучка Ирина Борисовна, жена Бориса Федоровича — Хельче и сын Ирины Джонни. Их принимали в Доме-музее Шаляпина на Новинском бульваре. На эту встречу дирекцией Музея музыкальной культуры им. М. И. Глинки был приглашен Иван Семенович Козловский. Шла тихая беседа в Белом зале. После торжества, когда Иван Семенович уже вышел в гардероб, он, надевая

глубокие калоши, спросил совсем угасающим голосом: «Ну, как я говорил?» А говорил он необыкновенно умно, интересно.

Есть кадры хроники, которые я включила в мой фильм о Шаляпине «Россия мне снится редко...» (1953). На фасаде дома, где жил великий русский певец Федор Иванович Шаляпин, установлен бюст и скромная мемориальная доска. Среди тех, кто был на этом событии, — итальянский певец Тито Скипа (он пел с Шаляпиным), режиссер Рубен Симонов (учился в Шаляпинской студии, которая находилась в Новопесковском переулке), солист Большого театра Александр Огнивцев (он воплотил образ Шаляпина в фильме «Римский-Корсаков») и Иван Семенович Козловский с колосками в руках. Вот на общем плане он делает низкий поклон — Шаляпину... И рядом счастливая Ирина Федоровна, дочь певца, и грустная Иола Игнатьевна Торнаги-Шаляпина.

Федор Иванович, услышав голос Козловского по радио в Париже, предсказал большое будущее молодому певцу.

Иван Семенович сделал многое для того, чтобы был открыт музей Шаляпина в Москве, следил за всеми событиями, связанными с памятью о великом русском певце, был первым зрителем видеофильмов Альдохина о нем.

К 100-летию Ивана Семеновича Козловского я провела вечера его памяти — «Голос века» (в Музее музыкальной культуры им. М. И. Глинки и Всероссийском музыкальном обществе, в ДК им. Зуева), в которых приняли участие солисты Большого театра и те, кто знал певца. Особенно запомнился рассказ народного артиста СССР Ивана Ивановича Петрова о малоизвестной странице творческой биографии Козловского — созданной им оперной студии в Доме ученых...

Как странно, что в жизни нашего поколения уже нагрянули 100-летия людей, которых мы знали, у которых учились...

Готовясь к юбилею народного артиста СССР, актера МХАТа Владимира Вячеславовича Белокурова, я нашла в его архиве поздравление Ивана Семеновича. Полвека тому назад он писал:

«Дорогой Владимир Вячеславович!

Шлю мои поздравления с получением высокого звания. Писать, какой артист, какой профессор, какой обаятельный

сопляжник, какой «Холя» и какой исполнительный дневальный — все это осталось в памяти как теплая радостная улыбка общительности, построенная на дружбе и доброжелательности.

Желаю всего доброго в творчестве, жизни, в быту.

Будь здоров!

Твой И. Козловский
Ноябрь 1954».

Когда мы, члены фонда Козловского, который возглавляет народная артистка СССР Бэла Андреевна Руденко, собираемся на наши встречи и слушаем записи с голосом великого певца XX века Ивана Семеновича Козловского, мы восторгаемся его высочайшим мастерством и необыкновенным талантом! Так мог петь только Иван Семенович Козловский, который через всю долгую жизнь пронес в душе Веру. Его никогда не покидала Надежда, что все добрые дела увенчаются победой. И он был счастливым человеком, потому что в сердце его жила Любовь —

к Земле, на которой он родился
к Сцене, на которой пел
к Женщине, которую любил
к Жизни, которую умел ценить.

Москва, 2004 г.

Примечания

Воспоминания написаны специально для данного сборника.

Василий Лановой

ОДИН ИЗ ПОСЛЕДНИХ МОГИКАН

Иван Семенович Козловский — удивительный человек, удивительный художник... Имя этого певца останется в веках, в русской и мировой культуре. На мой взгляд, это был один из последних могикан великой русской культуры XX века. Еще Шаляпин в 20-е годы говорил о нем: «Этот — этот умеет петь». Воистину Иван Семенович стал олицетворением всей прошлой русской певческой культуры, и не только певческой — современной культуры. На мой взгляд, именно он перебрасывал мостки в будущую культуру, потому что корни эти были национальными необычайно, могучими, как дубовые корни. Они опирались на русские и украинские народные песни. Для всей страны этот голос стал своим, родным. Не было ни одного человека, который не узнал бы этот голос, который не начал бы улыбаться, когда пел Иван Семенович.

Я имел большое счастье в последние годы общаться с ним. Он очень любил наш театр, бывал на всех юбилеях, на всех встречах. Он замечательно «хулиганил» на сцене, несколько

раз поднимал Юлию Константиновну Борисову на руки... И даже на свое 90-летие, когда он подошел к Борисовой, я мгновенно подступил и расставил руки, опасаясь, что, не дай бог, он уронит в оркестр нашу великую актрису. А Иван Семенович, видя это, стоял и улыбался.

Он очень любил театр Вахтангова и дружил со многими актерами, начиная с Рубена Николаевича Симонова, Михаила Астангова, Державина и всей ранней плеяды вахтанговцев и кончая нами, с которыми тоже дружил, — Борисова, Ульянов, Яковлев...

Великим счастьем для нас было, когда Иван Семенович начинал петь украинские народные песни. Вот тут я особенно таял, расползался, потому что он просил подпевать ему вторым голосом, и очень радовался, когда это получалось.

Москва, 1990-е гг.

Примечания

Из архива литературного редактора Московского радио В. С. Сорокина.

Соломон Хромченко

МОЛИТВА, ПЕСНЬ, ЛЮБОВЬ

Когда я в последний раз был у Козловского, я не думал о его смерти, но чувствовал: что-то нехорошее с ним происходит... И буквально через две недели (это был вторник) я сидел дома один, читал, потом решил включить телевизор. Вдруг смотрю: показывают портрет Козловского. Я понял, что Ивана Семеновича не стало. Сразу резко обожгло воспоминание: замечательное, поистине пронзительное исполнение Козловским романса С. В. Рахманинова «Проходит все». Я сидел, рыдал и думал: «Почему нет ничего вечного под луной?»

И еще... Почему-то в памяти все время всплывали стихи прекрасного русского поэта П. А. Вяземского, как мне представляется, имеющие самое непосредственное отношение к человеку по имени Иван Семенович Козловский.

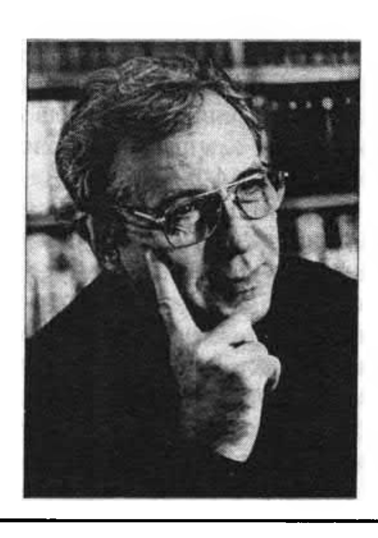
Любить, молиться, петь — святое назначенье
Души, тоскующей в изгнании своем,
Святого таинства земное выраженье,
Предчувствие и скорбь о чем-то неземном:

Преданье темное о том, что было ясным,
И упование того, что будет вновь,
Души, настроенной к созвучию с прекрасным,
Три вечные струны: Молитва, Песнь, Любовь.
Счастлив, кому дано познать отраду вашу,
Кто чашу радости и горькой скорби чашу
Благословлял всегда с любовью и мольбой
И песни внутренней был арфою живой.

1990-е гг.

Примечания

Из личного архива автора.

Юрий Евграфов

МУЗЫКА НАСТИГАЕТ НАС НЕОЖИДАННО

Козловский, Рейзен, Пирогов, Барсова, Обухова, Голованов, Лемешев, Лисициан, — похоже, что эти имена вошли в первую сотню слов, которые я выучил.

По радио звучат солисты Большого театра:

— Мама, скорей *выключай*! Папа придет с работы — послушает!

Эти имена вызывали восторг и трепет, восхищение и самозабвение...

В семье чтили певцов. Папа работал на авиационном заводе, но был обладателем бархатистого баритона, а мама и ее сестра вообще отдали хору Большого театра в общей сложности 70 лет. Прекрасный бас имел и их брат. В 75 лет под мой аккомпанемент папа записал в баритоновых тональностях «Сомнение» и, конечно, «Я встретил вас», один из коронных номеров Ивана Семеновича Козловского. И так уж вышло, что, хотя и пунктирный, но вполне определенный *его* контур на своей жизненной карте я могу проследить...

Шуточные — но совпадения: И. С. дебютировал в 22 года, а впоследствии 28 лет отдал Большому театру. Точно такие же показатели у моей мамы. Меня она привела в ГАБТ 4–5-летним. Теоретически я мог слышать Козловского в текущем репертуаре. Это был 53-й, 54-й год. Пел ли *тогда* Синодала *он*? Но на следующий день после посещения «Демона» в филиале Большого я принялся за «оперу» «Везувий».

«Глюкисты» и «пуччинисты»... Задолго до того, как я узнал об их существовании, мне уже были известны слова «козловисты» и «лемешисты». «Поет Иван Семенович!»... «Поет Сергей Яковлевич!»... Кажется, весь огромный Советский Союз замирал, когда слышал из репродукторов эти волшебные слова. А мой учитель Сергей Артемьевич Баласанян, возглавлявший в те годы музыкальное радиовещание страны, через много лет рассказывал мне: «Стоило тогда одному из них что-то записать, как другой требовал записать его в том же репертуаре».

А мы слушали и учились.

О дружбе И. С. с Московским хоровым училищем достаточно хорошо известно. Его записи с хором мальчиков, дуэт с Женей Талановым (пример динамичного и вдохновенного партнерства ребенка и мэтра) заслуживают еще многих и многих литературных эссе.

В конце 50-х — начале 60-х годов, за шесть лет моей певческой «карьеры» в хоре мальчиков под управлением А. В. Свешникова, мы не раз «встречались на одной сцене». Козловский был хорошо известен мальчишкам хорового училища. Ему пробовали подражать. Фраза: «Борис, а Борис...» интонировалась на все лады. А однажды летом во время каникул Ю. М. Уланов, в те годы директор училища, обзвонил родителей и небольшую группу ребят вызвали для съемок. По Волоколамскому шоссе автобус отвез нас в подмосковные Снегири, на дачу И. С. Теперь кажется, что дом напоминал сказочную печь с трубой, так как наиболее заметной его частью был трехэтажный квадратный сруб. Мы провели на даче И. С. целый день. Снимали «радость встречи», пели. И. С. хотел спеть «Горные вершины», но он знал Рубинштейна, а мы — Танеева. Остановились на Тома: «Слети к нам, ти-и-хий ве-э-чер, на мирные-э поля. Тебе поё-ом мы пе-э-сню, вече-э-рняя-а

заря», — мягко звучало над рекой Истрой... Вышедший позже документальный фильм назывался «Иван Козловский».

* * *

В консерваторские годы я часто навещал легендарный дом Большого театра на улице Неждановой (довольно продолжительное время так назывался Брюсов переулок). Да и не только дом, но и подъезд, в котором располагалась квартира И. С. На первом этаже там жил мой консерваторский товарищ Юлик Глайхенгауз, впоследствии дирижер симфонического оркестра в Денвере. Юлик был внуком известного тромбониста оркестра Большого театра Якова Штеймана (интересно, что Т. Хренников, например, вспоминает Штеймана в своих книгах как человека, спасшего его при обрушении потолочной лепки на репетиции в Колонном зале). И. С. хорошо знал семью Штеймана, и я не раз был свидетелем, как он в свойственной ему дружелюбно-шутливой манере общался с Юликом при встречах. (Пожалуй, это характерное выражение лица И. С. удачно схвачено на известной его фотографии с Эрнесаксом и Свешниковым.)

Дом действительно был легендарным. В нем жили цвет и гордость Большого театра: Нежданова, Голованов, Федоровский, Ермолаев, Габович, Максакова, Рейзен...

В один печальный для нас с Юликом день (мы возвращались после панихиды по нашей погибшей сверстнице) у его подъезда мы встретили группу людей. Среди них был и И. С. Открывали мемориальную доску в память Надежды Андреевны Обуховой. Кажется, выступал Курпеков. И. С. тоже поднялся на невысокий помост и выступил с теплым непродолжительным словом. День был морозным, и в заключение И. С. вспомнил о певческом режиме. Церемония открытия завершилась, но нас хоть чуть-чуть отмобилизовала.

Музыка подчас настигает нас неожиданно. Так, в своем уединении в комнате в «бахрушинских» домах у Елисеевского я вдруг еще раз открыл для себя И. С. в песне «Что так скучно, что так грустно», — и мой маленький репродуктор «Восток» стал еще бóльшим моим другом. «Ой вы, ну ли!», — пел И. С., и я «обмирал».

И еще одна петелька — вокруг слова «Бахрушин». Мой друг, театровед Юлия Абрамовна Пекелис, долгие годы работавшая в Государственном центральном театральном музее им. Бахрушина, об И. С. говорила не иначе, как «взахлеб». Я уверен, что И. С. в какой-то мере воплощался даже и в ее самозабвенной любви к Н. Гедде. Во всяком случае, она представляется мне преданной поклонницей и другом и И. С., и его семьи. Искусству Козловского в Бахрушинском музее были открыты и двери, и сердца.

80-летие И. С. отмечалось в Большом театре с переаншлагом. В ложу первого яруса меня пригласил Валерий Кикта.

Мы были товарищами еще в хоровом училище, хотя Валера был уже в седьмом классе, а я только в первом. Валера мне нравился, потому что всегда был приветлив и добр и от него никак нельзя было ждать какой-нибудь дурацкой каверзы, как это иногда случалось при контактах со старшими ребятами. По окончании училища лет около двадцати я только слышал о Кикте, потом наше товарищество возобновилось. Сегодня известный композитор В. Г. Кикта находится в расцвете творческих сил, а музыка его завоевывает все новых почитателей. Я надеюсь в 2006 году отметить 50-летие нашего знакомства.

И. С. и Валерия Кикту связывала многолетняя дружба. Сейчас — благодарная память...

А тогда, в череде поздравлений Козловскому-юбиляру, запомнился выход на сцену великого Досифея, Бориса, Ивана Грозного, Кончака — Марка Осиповича Рейзена. В то время он работал над циклами Шуберта, Шумана. Воистину, чтобы так *звучать*, надо прожить 85!.. Но в тот вечер он не пел, а *просто* пришел поздравить товарища молодости и партнера по сцене.

Товарища и партнера, который так же, как он, пел в Харькове в 20-е, с которым столько раз они провели великую сцену у Василия Блаженного, который так же ушел из Большого в 54-м и который так же потом отметит свое 90-летие *пением на сцене Большого* — «великого певчего» Ивана Семеновича Козловского.

А слова однорукого Гейченко, хранителя пушкинской усадьбы в Михайловском? «Я, может быть, и живу так долго, дорогой Иван Семенович, потому что Вы есть на земле!»

В 1983 году в Таллине, на следующий день после триумфального исполнения «Фресок Софии Киевской», успешно сломив мое упорное и глупое сопротивление, Кикта познакомил меня с первой арфой оркестра Мравинского, а по совместительству — феей, Татьяной Тауэр. Вскоре она играла в своем концерте в зале имени Глинки мой цикл на стихи Г. Аполлинера «Кортеж Орфея» для тенора и арфы. Я написал его восемнадцатилетним и использовал все свои представления о теноре, и в первую очередь представления о Козловском. Для Тани я сделал арфовую редакцию (пел тогда В. Солодовников).

А в 85-м на одном из концертов фестиваля «Московская осень» Таня Тауэр и ее партнер Валентин Черенков в Московском доме композиторов с большим успехом сыграли премьеру моей «Античной сюиты» для флейты и арфы, посвященную Тане.

На концерте была Вера Георгиевна Дулова. Я сказал ей, что мечтаю услышать свою музыку в ее исполнении. В тон мне Вера Георгиевна сказала:

— Я люблю быть *первой*.

Я написал для нее «Рисунки Федотова». Мы стали встречаться, репетировать. Вера Георгиевна играла цикл в Малом зале Консерватории, Третьяковской галерее, не без удовольствия при мне рассказывала об этом М. К. Аникушину... Арфовые концерты мне нравились, я посещал классные вечера в Рахманиновском зале. Как-то я рассказал Вере Георгиевне, что у меня есть романс для тенора, флейты и арфы на стихи А. Блока («Ночь. Город угомонился...»). Уж он-то просто писался «под Козловского», хотя это и было в 72-м, да еще и в Чехии, да и кроме сопрано тогда никто не мог его спеть.

Вере Георгиевне идея показалась интересной, она сразу сказала: «Я поговорю с Иваном Семеновичем. Но вы же знаете — с ним непросто».

Наши орбиты стали стремительно сближаться.

И вот Вера Георгиевна сказала: «Позвоните ему: 229-00-96». И вновь я услышал: «И. С. такой сложный».

И все же это был шанс.

И. С. разговаривал внимательно, заинтересованно. Казалось, жар-птица — в руках. И тут для усиления впечатления из подкорки вылезло:

— Мне хочется, чтобы Вы были *первым* исполнителем.

В разговоре возникла фальшь. «Великий певчий», конечно, ее не пропустил:

— Ну, — сказал И. С. после микроскопической, но увы, паузы, — здесь дело не в этом...

Температура разговора вернулась к исходной.

Осенью 91-го Кикта попросил заменить хор, не справившийся с его «Владимиром Крестителем». В этом симфоническом произведении хору и солистке поручен эпилог à capella, в котором предусмотрено шествие с горящими свечами. Я руководил тогда камерным хором на радио, и вскоре премьера «Владимира Крестителя» прозвучала в Большом зале Консерватории с БСО под управлением В. И. Федосеева. И хотя маэстро дал хору вступление двумя тактами раньше — хор не дрогнул. А вскоре мне принесли заметку из «Российской музыкальной газеты»: «Козловский аплодирует стоя». Аплодирует музыке Кикты. (Но вообще... И как только это допустили пожарники?..)

Впоследствии на эту музыку в Киевском театре оперы и балета им. Т. Г. Шевченко был поставлен одноименный балет, но мизансцена хора была сохранена в первоначальной редакции. Я был на премьере, мы гуляли по Киеву, и Валерий Григорьевич называл мне «козловские» места.

Сколько раз я видел И. С.?

В Большом театре, в концертах, около дома в Брюсовом, в Большом зале Консерватории (там в коротком разговоре в присутствии Кикты я как-то напомнил И. С. о Снегирях)...

Последний раз это было в Театре им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. В Москву приехал ленинградский музыковед Михаил Григорьевич Бялик с дочерью Катей (мы познакомились в доме творчества «Иваново»). Они пригласили меня на «Гамлета» Сергея Слонимского в постановке Самарского театра оперы и балета, гастроли которого проходили в Москве.

Вечер начался с торжественного объявления:

— На спектакле присутствует Иван Семенович Козловский!

В первых рядах партера в четырех-пяти местах от меня поднялся И. С., похудевший, но излучающий какой-то особенный свет. С поднятыми руками, с улыбкой он приветствовал музыкантов и публику.

Зал взорвался аплодисментами...

Москва, 2004 г.

Примечания

Воспоминания написаны специально для данного сборника.

Татьяна Журавицкая

ОН ЛЮБИЛ РАДОВАТЬСЯ УСПЕХАМ ДРУГИХ

Самые первые мои воспоминания об И. С. Козловском связаны с детством. Сильный, красивый и какой-то родной голос лился из маленького наушника, на обратной стороне которого было написано: «Петроград, 1917 год».

Почему родным казался этот голос? Видимо, потому, что голос часто пел украинские песни, которые очень любила и сама прекрасно исполняла моя мама, родом из Днепропетровска. У нее была такая мягкая речь, что, прожив с конца 1941 года до самой своей смерти в 1986 году во Владимирской области, она так и не научилась «окать».

Одержимая пением, я хоть и длинным путем, но попала в Москву. Судьба привела меня в дом в Брюсовском переулке (ныне — Брюсов). В этом доме жили артисты ГАБТа: М. П. Максакова — декан некогда созданной мастерами Большого театра Певческой школы, в этом же подъезде — И. С. Козловский, главный консультант школы.

Я поступила в класс проректора школы, солистки ГАБТа Ларисы Ивановны Алемасовой; она жила в соседнем подъезде.

Личное знакомство с Иваном Семеновичем произошло довольно скоро. Во время очередного моего занятия с Алемасовой раздался телефонный звонок. Звонил И. С. Козловский. По ответу Ларисы Ивановны на вопрос певца: «Это моя новенькая — Танечка Журавицкая», стало понятно, что мною заинтересовались. В конце занятия Лариса Ивановна объяснила: «Понравился тембр голоса — хочет посмотреть». Поэтому после урока я отправилась с бумагами на подпись к Ивану Семеновичу — в соседний подъезд.

Можете себе представить мое волнение, с каким я подошла к дверям квартиры № 81... Дверь открыл сам хозяин. Его умный, лучистый взгляд со смешинкой забыть нельзя.

Первый вопрос был — не с Украины ли мои родители. А меня, в свою очередь, занимал вопрос: *что* услышал маэстро в моем голосе?

В дальнейшем так и повелось: документы туда и обратно передавала я.

Когда у Ивана Семеновича были концерты в Большом зале Консерватории, нам, ученикам, доставались билеты. И это было счастье! Что может быть дороже, чем наглядный урок большого мастера? Хорошо наслаждаться творчеством любимого с детства артиста, но как приятно отличать все тонкости этого труда!

Очень важно отношение самого мастера к своему труду. Об этом замечательно написал когда-то Вл. Солоухин в рассказе «Золотое зерно». Для меня, выбравшей дорогу, ведущую в жанр старинного и современного романса и песни уже на стадии обучения, было приятно узнать, что Иван Семенович собирается прийти на защиту моего певческого дипломного выступления.

Экзамены принимала комиссия в Малом зале старого здания Дома работников искусств. И вот маэстро преподал всем настоящий урок. Дело происходило в декабре, и машина Ивана Семеновича попала в пробку, поэтому он не успел к моменту моего выхода на сцену. Опоздавший артист простоял у дверей зала, не решаясь прервать мое выступление, длившееся 40 минут. И только после этого вошел в зал.

Как мне рассказали потом, Иван Семенович был очень доволен предложением председателя комиссии М. П. Максаковой поставить мне «отлично».

Так уж получилось, что ежегодно в этом зале я пела творческие концерты-премьеры, и каждый раз на них по возможности бывал и Козловский.

Тогда я сотрудничала с пианисткой Аллой Боковец, которая увлеклась композиторской деятельностью. В то время мы были увлечены поэмой Р. Рождественского «210 шагов», с которой ездили в рамках Марша мира по городам тогдашнего Союза. После «Шагов» мы сделали большую работу по поэме М. Каноата в переводе Р. Рождественского «Голоса Сталинграда». Мы устроили премьеру сначала в Малом зале старого здания ЦДРИ, а потом в Большом зале Дома советской армии.

На премьерный показ в ЦДРИ был приглашен и И. С. Козловский. Вечер прошел с большим успехом. О впечатлениях того вечера осталось несколько отзывов в небольшом альбоме в несколько листов, который кем-то был пущен по залу. На одной из этих страниц есть автограф Ивана Семеновича.

После расставания с Аллой Боковец в моей творческой жизни появилась молодая пианистка с композиторским образованием, обаятельная и очень талантливая Лариса Хафизова. До сих пор в моем репертуаре большое количество ее романсов на стихи самых разных поэтов, но начиналась наша творческая дружба с романсов на стихи Анатолия Анатольевича Громова. Лариса написала романсы, посвященные И. С. Козловскому и его дочери Анастасии.

Среди романсов Хафизовой мне очень нравится миниатюра в стиле мадригала «Люблю», который я исполнила с Ларисой на одном из дней рождения Ивана Семеновича.

А когда редакция «Народное творчество» подготовила передачу о Ларисе и обо мне, то мы включили эту миниатюру. Иван Семенович немедленно откликнулся на эту передачу и прислал телефонограмму.

Иван Семенович внимательно следил за моими выступлениями. Отсюда и его глубокая оценка моего творчества, когда меня представляли к первому тогда почетному званию.

Была в нашем вокальном классе одна хорошая традиция: каждый год в день рождения Ивана Семеновича лучшие ученики во главе с педагогом шли поздравлять нашего любимого маэстро.

Надо сказать, что день рождения певца отмечался несколько дней кряду. Хочу привести несколько штрихов. Первым тостом всегда был тост за родителей. Прежде чем кто-либо из гостей произнесет тост, Иван Семенович обязательно представит его, расскажет какую-либо историю. Память у него была отменная, он помнил и истории, и имена, и фамилии множества людей.

Случались застолья и в доме моего педагога Л. И. Алемасовой, она была хлебосольной хозяйкой. Когда приходил Иван Семенович, всегда становилось весело: он брал гитару и пел частушки. Надо сказать, он обладал большим чувством юмора. Был всегда аккуратен, галантен и нередко смущал девушек, заглядывая в их глубокие декольте. Конечно, ученики при появлении маэстро стремились показать себя с наилучшей стороны. Что касается меня, то со мной всегда что-нибудь случалось, когда нужно было «показать товар лицом».

В один из таких дней, когда в квартире Ларисы Ивановны собрались гости, среди которых главными были дети Ф. И. Шаляпина и И. С. Козловский, я как раз была не в форме, и когда меня попросили спеть, пришлось выбрать романс, где можно было обойтись без форте. По окончании вечера, уже одеваясь в прихожей, Иван Семенович сказал мне, что у меня есть голова. «Прокричать, — сказал он, — и дурак сможет, а петь пиано — это высший пилотаж, молодец!»

Вот еще штрих. Иван Семенович не любил, когда за праздничным столом очень много пьют и едят. Главным было общение. Сам он знал во всем меру и любил веселье. Если кто-то в его доме, находясь за столом, по какой-либо причине не мог пить, Иван Семенович никогда не настаивал и не обращал внимания окружающих на это обстоятельство.

Хочется вспомнить еще вот о чем. Часто на своих концертах в консерватории, да и в других местах, Иван Семенович в конце выступления, выходя на сцену и обращаясь к залу, начинал говорить негромко, чтобы зал мгновенно успокоился и затих. Тогда он представлял публике сидящих в зале своих давних знакомых, например, Светлану Собинову — дочь великого тенора, или забытую всеми тогда Изабеллу Юрьеву... Я считаю, что именно благодаря Ивану Семеновичу о Юрьевой вновь заговорили и к ней вернулась популярность.

Маэстро любил радоваться успехам других. Недавно скончавшаяся Ольга Николаевна Адрианова, побывав несколько раз на моих концертах в Оружейной палате Кремля, сожалела о том, что Иван Семенович не дожил до этого дня, чтобы порадоваться моим успехам. А уж она-то, будучи верным его помощником на протяжении многих десятков лет, знала это точно. Так же, как и тот факт, что, как он говорил, «не званиями определяется талант артиста».

С уверенностью можно утверждать, что Иван Семенович был верным другом. Для многих людей, с которыми он дружил, были открыты двери его дома, когда двери других домов закрывались.

Вспоминаются несколько случайностей, соединивших мое имя с именем маэстро.

Первое. В 1974 году Певческая школа отмечала свое 10-летие. Это было в Большом зале ЦДРИ. Торжественная часть, приветствия, потом концерт. Все концерты в ЦДРИ тогда записывались. Выступала молодая талантливая молодежь. Через два дня радиостанция «Маяк» передает репортаж о праздновании этого события: звучит речь М. П. Максаковой, хор, приветствие И. С. Козловского, и дальше я пою «Звезды на небе» — моя запись оказалась лучшей.

Второе. 1979 год. Только что прошел концерт Ивана Семеновича в Большом зале Консерватории. Была радиозапись. Телевидение проспало. Через полгода Козловскому — 80 лет! Зашевелились, засуетились. Пришла идея — сделать досъемки. Было вывешено объявление, и почитатели толпой повалили в консерваторию. Задумка была неплохой. Должен был выступить Иван Семенович с хором К. Птицы. Пригласили для массовки и студентов Певческой школы. Это было в субботу. Я намеревалась учить новую программу, но занятия прекращены — едем из Сокольников в консерваторию. В фойе зала уже берут интервью у завсегдатаев, спрашивая, за что они любят своего кумира.

Но вот двери зала распахнулись, и я поспешила занять свое место с краю по проходу, чтобы можно было увидеть себя в передаче. Режиссер объявил, что хора не будет, Козловский простужен, поэтому сидящие в зале должны представить себе, что Иван Семенович поет, а они ему аплодируют.

«Язык мой — враг мой», — гласит народная мудрость. Я вдруг говорю ведущим: «Зачем представлять — пусть кто-нибудь выйдет на сцену и споет, а мы ему будем аплодировать». Тут же раздался голос мамы одной нашей студентки: «Танечка, Танечка, спойте!» Осталось только пригласить к выдвинутому роялю аккомпаниатора — благо, что она была тут же. Я вышла на сцену и запела то, что очень любил слушать Иван Семенович. Одного романса из тех нот, что были у меня с собой, оказалось недостаточно, поэтому я продолжила без сопровождения «Ступни горят» В. Балаева на стихи М. Волошина. Аплодисментов оказалось достаточно, чтобы снять восторженный зал. Спустя некоторое время я получила свой гонорар и приветствие от маэстро, отметившего при этом с удовольствием, что он присвоил чужие аплодисменты.

Третье. 1980 год. Исполнилось 100 лет со дня рождения А. Блока. Фирма «Мелодия» выпускала большой диск. Составитель его, известный музыковед Г. Б. Павлова, разыскала редкие произведения на стихи поэта, звучавшие при его жизни. Было решено, что я сделаю запись двух романсов: «Изгнанник» на музыку Г. В. Свиридова и «Весеннее» на музыку В. Сенилова, с которым был знаком сам поэт. Наконец-то ноты последнего романса получены из ленинградской библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне Российская национальная библиотека). За прошедшие 80 лет они ни разу не были востребованы. Быстренько разучиваю, записываю. Все хорошо, но новый главный редактор заявляет, что романс Свиридова только что звучал на другой пластинке, и вообще, почему Журавицкая будет петь два романса, а Козловский один — «Девушка пела в церковном хоре»! Оставили один — «Весеннее», но на диске они стоят рядом — мой романс и Козловского!

Главная помощница певца Н. Ф. Слезина мечтала о том, чтобы мы с маэстро записали романсовые дуэты, но в суете жизни этим мечтам, увы, не суждено было сбыться.

Остается сожалеть, что в те годы у Ивана Семеновича и его ближайшего окружения не было аппаратуры, с помощью которой можно было бы записывать и снимать его выступления на концертах, а также в неформальной обстановке. Какие-то записи, конечно, существуют, но это лишь малая доля

по сравнению с тем, какое место занимает этот замечательный певец в истории нашей культуры.

Таких цельных личностей, как И. С. Козловский, очень немного. Он один из тех больших мастеров сцены, которые при случае всегда вспоминают имена артистов второго и третьего плана с не меньшим уважением, чем звезд первой величины.

Ежедневно, возвращаясь после урока домой в одно и то же время, я встречала Ивана Семеновича во время его прогулки около дома. В холодное время года он почти до самых глаз был укрыт длинным шарфом, чтобы не переохлаждать нежные голосовые связки — главное богатство певца.

Было несколько случаев, когда я была посланницей Ивана Семеновича, если это было необходимо, а сам он в это время отсутствовал.

Так случилось, когда к 100-летию Сергея Николаевича Дурылина в Болшеве проходил торжественный вечер, на котором я выступала от имени И. С. Козловского. Дружба с Библиотекой им. С. Н. Дурылина и домом, где он жил, с его родными растянулась на десятилетия.

Можно сказать одно: Иван Семенович Козловский — это яркая комета, в свет от которой посчастливилось попасть и мне.

Москва, 2004 г.

Примечания

Воспоминания написаны специально для данного сборника.

Александр Корнеев

НЕЗАБЫВАЕМОЕ...

Иван Семенович очень любил встречать весну. Он звонил мне, я заводил машину, и мы ехали...

Он очень любил весенние запахи, во время прогулки ступал на ручейки, образовавшиеся во время таяния снега и бегущие с пригорков. Он всегда к этому тщательно готовился: был одет в пальто, вокруг шеи — большой шарф черного цвета, а на ногах, конечно, неизменные калоши на красной подкладке. Я, в легких туфлях, был лишен этого удовольствия — мерить глубину ручейков.

Нередко мы отправлялись гулять в Волынское, на дачу Сталина, где Иван Семенович много рассказывал мне о встречах с Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым, Микояном и другими. Очень гордился телеграммой от И. В. Сталина за вклад в дело победы в Великой Отечественной войне; телеграмма эта висела у него дома на самом видном месте.

Часто гуляли мы с ним в санатории Академии наук «Узкое», где он не раз бывал. Там я немало слышал от него рассказов о деятелях культуры и науки.

Однажды Иван Семенович позвонил мне и предложил поехать, чтобы отдать последние почести А. И. Микояну, прощание с которым проходило в Доме ученых. Когда мы с ним поднимались по лестнице, ответственные работники Министерства культуры и Московского горкома партии попросили меня, чтобы Козловский не пел на панихиде, потому что звучала скорбная армянская народная музыка, которую исполнял ансамбль дудукистов из Армении.

Иван Семенович положил в гроб колоски пшеницы, после чего мы направились в комнату президиума, чтобы надеть на руку траурную ленту и затем встать в почетный караул у гроба.

Вспоминается такой эпизод. Когда отмечался юбилей А. Б. Гольденвейзера в Большом зале Консерватории, у Ивана Семеновича возникла очень интересная идея. Он предложил не традиционно прочитать адрес юбиляру, а исполнить арию из кантаты И. С. Баха «В долине слез» для тенора (И. С. Козловский), флейты (А. В. Корнеев) и органа (А. Ф. Гедике). Это поздравление имело большой успех...

Мне часто приходилось выступать на различных мероприятиях с И. С. Козловским и А. М. Ивановым-Крамским, на концертах, почти на всех юбилейных вечерах в качестве дирижера, флейтиста.

Я был знаком с прославленными почитателями Ивана Семеновича: скульптором В. Вучетичем, летчиком А. Байдуковым, кинорежиссером С. Бондарчуком, киноактрисой И. Скобцевой, с послом на Цейлоне А. Громовым — большим его другом.

В свое время я познакомил Ивана Семеновича с очень талантливым, тогда еще молодым композитором Валерием Киктой, который впоследствии стал его другом. В. Кикта сделал много музыкальных обработок, а также сочинил немало произведений специально для певца, в том числе «Плач по потерянному сердцу». Запомнился концерт в Большом театре с отрывками из оперы «Лоэнгрин». Я играл в оркестре, дирижировал Ф. Мансуров.

Надо сказать, что Иван Семенович всегда тщательно готовился к любому выступлению и требовал того же от своих партнеров. Оркестр, работая с певцом, буквально преображался и уже не мог играть плохо. Я учился у Ивана Семеновича

мастерству дыхания, динамике, тембровой окраске, филировке звука.

Козловский занимался большой общественной деятельностью. В прихожей на столике лежала большая книга, куда его секретарь Нина Феодосьевна, а также Ольга Николаевна записывали все телефонные звонки и просьбы помочь в том или ином вопросе: это были как частные лица, так и различные организации.

Из нашей совместной работы вспоминается такой случай. Мы записывали для фонда арию из кантаты И. С. Баха «В долине слез» для голоса, флейты и органа. Запись эта не сразу получила разрешение из-за текста: «Светоч ясный, ты приди...» Лишь благодаря И. С. Козловскому и А. Ф. Гедике стало возможным произвести эту запись. Главным редактором Музыкального вещания был тогда Н. П. Чаплыгин.

Запись происходила в Большом зале Консерватории, и звукорежиссер постоянно напоминал о посторонних шорохах, которые мешали качественной записи. Долго не могли понять, в чем дело. А виновником помех невольно оказался я. Отправляясь на запись, я надел новые, хорошей кожи сандалии знаменитой фирмы «Батя», купленные в Чехословакии: они-то и издавали шорох. Иван Семенович заставил меня разуться. И я играл музыку Баха, оставшись в носках. Далее все пошло гладко — и мы успешно записали этот шедевр.

Обычно после записи Иван Семенович в течение часа или более еще оставался в студии, чтобы остыли голосовые связки. Только отдохнув, он отправлялся домой — таким было его отношение к своему голосу.

Как-то раз к Ивану Семеновичу пришла корреспондентка, чтобы взять у него интервью. Она изрядно надушилась дорогими духами — и интервью не состоялось: Иван Семенович не мог переносить сильных, резких запахов. Он берег свои связки.

У Ивана Семеновича в Большом зале Консерватории в директорской ложе было постоянное место в первом ряду, за портьерой. Он часто посещал симфонические концерты.

Я счастлив был видеть Ивана Семеновича на концертах, когда выступал либо как солист, либо как руководитель ансамбля солистов. Он писал обо мне: «Ни камертоном, ни вопросами невозможно определить музыканта. Всегда есть что-то

недосказанное, и когда оно выделяется с блеском и творческой убежденностью — это радость. Речь идет о Корнееве. Сегодня Корнеев известен как солист и как дирижер и в нашей необъятной стране, и за рубежом».

Когда Иван Семенович пел с хором мальчиков А. В. Свешникова — будь это его сольный концерт или урок вокального мастерства, — всегда заказывал килограммов пять конфет. И каждый мальчик, участвовавший в концерте или в записи, всегда получал из рук певца конфеты. И ни один из них не был забыт или обделен.

Однажды, после одного из юбилейных концертов Козловского в Большом зале Консерватории, на торжественный ужин, который был дан у артиста дома на улице А. В. Неждановой, была приглашена моя мама, Юлия Антиповна.

Иван Семенович в специальном слове за столом поблагодарил ее, что она родила меня и воспитала таким. И это было для мамы высокой оценкой, а сказано это было в присутствии таких гостей, как В. Вучетич, А. Байдуков, С. Бондарчук, И. Скобцева, К. Б. Птица, А. А. Громов и многих других.

Незабываемы встречи с Иваном Семеновичем!

Москва, 2004 г.

Примечания

Воспоминания написаны специально для данного сборника.

Александр Тевосян

ЛИТУРГИЯ СВ. ИОАННА ЗЛАТОУСТА
Кем был Иван Козловский: церковным певчим или тенором-премьером?

В Рахманиновском зале Консерватории 26 апреля 1995 года состоялась премьера Литургии св. Иоанна Златоуста композитора Валерия Кикты, посвященная «памяти великого певчего Иоанна Козловского». За этим посвящением стоит тема значительная и сокровенная: как трагична судьба России и ее духовной культуры в XX столетии. Впервые сравнительно обширный материал о духовной музыке в жизни Козловского смог появиться лишь недавно. Он был назван словами самого Ивана Семеновича: «Я счастлив — у людей проснулась совесть» («Музыкальная жизнь». 1990. № 15). При том что уже тогда удалось приподнять завесу, долгие годы окутывавшую молчанием, тайной и досужими домыслами эту страницу творческой жизни певца, отдельные фрагменты ее все еще представали как бы в тумане забвения с несколько размытыми, расплывчатыми контурами. О своем детстве певец, к примеру, рассказывал: «Моя

мать мечтала, чтобы я был священником, и меня отдали в школу, а оттуда было рукой подать до архиерейского сана. Жили в Михайловском монастыре. Там и кормились. Пели в Софийском соборе, где регентом был Я. Калишевский. В соборе был монашеский хор. Слева на клиросе пели 20–30 мальчиков...»

Итак, почти десять лет (1908–1917) Иван Семенович Козловский вместе со своим старшим братом Федором не просто «кормился», но жил и учился в привилегированном Михайловском Златоверхом монастыре в Киеве, и действительно мог «дорасти» до архиерейского сана. Монастырь этот известен своими богатыми покровителями, среди которых были гетман Мазепа и Богдан Хмельницкий.

Именно тогда в течение десяти лет в Софийском соборе «слева на клиросе пели 20–30 мальчиков», и среди них два звонкоголосых отрока — Федя и Ваня Козловские.

Многое сохранилось в памяти и прошло через всю жизнь. Главное — именно отсюда, из детских лет, шла великолепная вокальная школа Козловского, прекрасное знание церковной службы и богослужебного пения, наконец, любовь к чистому, как серебряный колокольчик, ангельскому тембру мальчишеского хора. Отсюда вели свое происхождение пронесенные через всю жизнь, как вера и завет предков, беззаветное служение искусству и трепетное отношение к своему таланту как величайшему дару Божьему, высочайшая ответственность за него. Тогда пришло и понимание своей избранности. Весть об этом, как и в житиях святых, была послана ему еще в юности. Это известная по биографии И. С. Козловского «легенда» о встрече маленького мальчика, руководившего в саду хором сверстников, с пожилым господином (паном), предрекшим ему блестящее музыкальное будущее. Не говорилось только, что место действия опять же — Михайловский монастырь. Как известно, уже позже, будучи в хоре известного композитора и регента А. Кошица, Иван Козловский увидел того господина вновь и узнал его. Это был родоначальник, «батько» украинской музыки Николай Лысенко (1842–1912)... Потом были служба в армии, отъезд в Полтаву и начало оперной карьеры. Тогда же произошло расставание со старшим братом, как оказалось, навсегда — Федор Козловский, оставшись у Кошица, потом вместе с хором оказался за границей, где и умер в начале 70-х.

В Полтаве Иван Семенович познакомился, а потом и подружился с молодым регентом А. В. Свешниковым. Они даже пели в одном квартете. Причем дирижировал не Свешников, а Козловский, чем певец многие годы спустя при случае дружески «подначивал» знаменитого хормейстера... Начиная с середины 40-х годов вплоть до последних своих концертов он нередко пел со свешниковскими мальчиками. Приезжал к ним в особняк на Большой Грузинской. (Говорят даже, что именно он, прославленный солист Большого театра, очень помог в «пробивании» в высших сферах непростого, тем более в годы войны, решения о создании хора мальчиков и хорового училища.) Так или иначе, он трогательно опекал своих преемников, лелея этот только нарождавшийся, вернее, возрождавшийся очаг хоровой культуры, как свою память о прошлом и надежду на будущее. (Были многочисленные встречи, записи, съемки, о которых и сегодня вспоминают многие воспитанники Московского государственного хорового училища, носящего имя Александра Васильевича Свешникова.)

Один из них — Валерий Кикта, автор Литургии св. Иоанна Златоуста. Он много раз и раньше встречался с И. С. Козловским. В 1966 году знакомство неожиданно продолжилось. Кто мог тогда знать, что поддержанный вниманием певца талантливый юноша станет настоящим композитором, а дружба эта продлится без малого три десятилетия и с именем певца будет связана судьба почти десяти его сочинений.

В 1990 году, когда в Большом зале Консерватории состоялась премьера сочинения Валерия Кикты «Владимир Креститель» (симфоническая летопись из жития св. князя Владимира), подлинным сюрпризом для убеленного сединами певца был момент, когда ведущая концерт объявила, что сочинение посвящено ему — Ивану Семеновичу Козловскому. Это был год его 90-летия. Он был очень растроган и самим посвящением, и этой столь близкой его сердцу темой, ставшей одной из главных в его судьбе, — темой веры и памяти народа.

Примечания

Опубликовано в: Независимая газета. 1995. 25 апреля.

Самуил Самосуд

НЕПРЕВЗОЙДЕННЫЙ

Я был главным дирижером симфонических концертов в Летнем саду в Ленинграде (Санкт-Петербург), а Вячеслав Иванович Сук приезжал на гастроли. И как-то в разговоре о московских музыкальных новостях Вячеслав Иванович рассказал мне о появившемся в Большом театре молодом певце — теноре Козловском, произведшем на него ошеломляющее впечатление своим голосом и музыкальностью, и тут же выразил некоторую боязнь, как бы тот не испортился от успеха, сопутствующего его выступлениям. Опасения Вячеслава Ивановича не оправдались.

За последние полвека по вокальному материалу и по драматургии интерпретации мы не имели таких лирических теноров, как Иван Семенович Козловский.

Талант артиста мечущийся и ищущий. Иван Семенович никогда не довольствуется сделанным, всегда ищет лучшего. Хотя партия Лоэнгрина самим автором трактовалась для героического тенора, тем не менее Козловскому удалось сделать

ее интересно в лирическом плане, и она прозвучала гораздо нежней и обаятельней.

Артист смог создать галерею совершенно различных характеров, во всех партиях он является непревзойденным как в вокальном, так и в сценическом отношении. Особенно хорош он в «Орфее», вызывая своим исполнением восторги даже узких специалистов. Так, например, Дмитрий Дмитриевич Шостакович выражал мне восторженное удивление исполнением Козловского. Подобное высказывали и другие композиторы.

После Медведева, Фигнера и Давыдова никто до конца не раскрыл глубин музыки Чайковского в образе Германна, и вот мне кажется, что Козловский так же, как он сумел спеть Лоэнгрина, с успехом мог бы сделать и партию Германна.

В Иване Семеновиче живет необычайное упорство воли к труду, к творчеству. Он все время учится. Большинство певцов со временем деградирует, а Козловский все время идет вперед. Его записи опер «Фауст» и «Орфей», романсов «Цветок засохший», «Арион» Метнера, «Какое счастье» Рахманинова, «Полководец» Мусоргского свидетельствуют об этом.

Он всегда неожидан, и в то же время от него всегда ждешь новых свершений.

1962 г.

Примечания

Из архива Н. Ф. Слезиной.

Клавдий Птица

ВСТРЕЧА С ПРЕКРАСНЫМ

Бывают артисты, к которым уже в начале их творческого пути приходит широкое признание, большая заинтересованность любителей и ценителей искусства. Это счастье. Но это и огромная ответственность: ведь впереди еще годы и годы работы, и нельзя обмануть ожидания тех, кто в тебя верил.

Необычайный дар природы — голос Ивана Семеновича Козловского. Голос, который живет уже столько лет, не теряя своей красоты и обаяния. Мы, музыканты старшего поколения, были свидетелями многих прекрасных явлений в искусстве. Сколько, вспоминаю сейчас, было голосов, которые, как метеоры, ярко вспыхивали и быстро гасли. Конечно, были и таланты, которые светили долго. Но и среди них голос Козловского — явление поистине уникальное, неповторимое.

Помню Ивана Семеновича Козловского и в самом начале его всенародного признания, и в зените его славы. Помню тогдашнюю прессу — газеты, журналы, в которых разделы искусства редко обходились без упоминания о Козловском.

Его творческая биография — одна из знаменательных вех в истории советского музыкального искусства. Истинный артист, Козловский всегда служил Искусству, а не переменчивой моде. Он не был в зависимости от вдруг случайно обретавших популярность и также вдруг случайно терявших своих приверженцев направлений и тенденций.

Высокая вокальная культура, безошибочная музыкальная интуиция, способность глубоко проникать в самую суть исполняемых произведений, сочетающиеся с высокой требовательностью к себе, с огромной любовью к своей профессии — таковы отличительные черты замечательного советского певца.

Владение широким диапазоном средств вокальной выразительности, многогранность дарования позволяют Ивану Семеновичу Козловскому блистательно решать разнообразные художественные задачи, успешно обращаться к очень широкому кругу музыкальных произведений.

Работать рядом с таким мастером — честь, большое творческое счастье. Мне посчастливилось работать с Иваном Семеновичем. Впервые я встретился с ним в совместной работе в конце 30-х годов, когда он возглавлял Ансамбль оперы в концертном исполнении.

И тут я воочию убедился, что Иван Семенович не только великолепный певец, создатель галереи вокально-сценических потретов, не только актер, который способен сам режиссировать образ в пределах роли, но и даровитый оперный режиссер в собственном смысле слова. Вспоминаются такие поставленные под его руководством оперы, как «Вертер», «Орфей», «Паяцы», шедшие на сцене Большого зала Консерватории, Колонного зала Дома союзов. Козловский исполнял в них главные партии.

Одновременно с этим он «нес» репертуар в Большом театре, много выступал с концертами. Понятно, как напряженна была в то время его творческая жизнь, сколько она требовала сил, душевных затрат. И только высокая взыскательность к себе, строгий режим, сознание необычайной ответственности за тот огромный дар, которым наделила его природа, позволяет певцу вот уже на протяжении многих и многих лет и по сию пору щедро делится этим даром с любителями музыки.

Концерт в Большом зале Консерватории, в котором вместе с Иваном Семеновичем Козловским принял участие и руководимый мною хор Центрального телевидения и Всесоюзного радио, вновь подтвердил неувядаемость его голоса, его таланта.

Концерт открылся партией Лоэнгрина из одноименной оперы Р. Вагнера, затем прозвучали романсы Р. Шумана, Ф. Шуберта, произведения П. Чайковского. Несколько произведений — и в числе их народные песни — Иван Семенович исполнил в сопровождении хора.

Надо сказать, что Козловский очень любит народное песенное искусство и верно хранит его традиции. Исполнение народных песен в сопровождении хора всегда приносит ему особую радость, и здесь он готов работать поистине неутомимо, но и требователен тогда к своим коллегам чрезвычайно.

Вообще для Ивана Семеновича характерна высокая требовательность в искусстве. Здесь он компромиссов не знает. Эта черта роднит его с той плеядой старых мастеров русского музыкального искусства, у которых он учился.

Признанный маститый певец, Иван Семенович Козловский неутомимо шлифует каждую музыкальную интонацию, каждый музыкальный штрих тех произведений, с которыми выступает в концертах. Каждое из них — будь то романс, ария или народная песня — характеризуется художественно отточенным вокальным рисунком, безупречным совершенством формы. Козловский дарит людям встречи с большим искусством, встречи с прекрасным, открывая им великий мир музыки. Думаю, что все, кому когда-либо довелось работать с Иваном Семеновичем Козловским, от всей души вместе со мной желают этому замечательному артисту и человеку еще многих лет здоровья и творческого цветения.

С. А. САМОСУД И ЕГО «ЭПОХА» НА РАДИО (в сокращении)

Особенно памятна постановка «Лоэнгрина» Вагнера...

Опера эта давно не идет в Большом театре. Отошло время несравненного Леонида Витальевича Собинова, сменившего

некогда процветавших и на нашей сцене военизированных небесных посланников в самоварно-блестящих доспехах. Собинов поразил современников неожиданным поэтично-нежным образом рыцаря Грааля: одетый в бледно-голубой хитон и похожий на древнерусского инока-воина, взыскателя добра и правды на нашей родной земле.

Убежденным и лучшим последователем Собинова — Лоэнгрина стал И. Козловский, носящий не только в характере голоса, но и в душе немало признаков, роднящих его с героем оперы. Находясь еще в полной певческой силе, он размышлял о новом явлении москвичам в любимой опере. Способностью к режиссерским выдумкам и предприимчивостью Козловский отличался всегда. Придумал он кое-что и на этот раз, вступив в предварительный «тайный сговор» с Самосудом. Однажды, после какого-то концерта в Колонном зале, меня попросили срочно зайти в комнату за сценой. Там уже находились И. Козловский и главный редактор Центрального музыкального вещания Н. Чаплыгин. Речь шла о постановке на радио «Лоэнгрина» Козловским и Самосудом. Предполагалось также концертное полусценическое представление в Большом театре с некоторым оформлением — костюмами для солистов, в условных декорациях. Исполнителями приглашались артисты Большого театра и радио, Большой симфонический оркестр и Большой хор радио. Партию Лоэнгрина Козловский оставлял за собой без дублеров. Можно было догадаться, что эту постановку Иван Семенович рассматривал как своеобразный бенефис — прощание певца с театром, на сцене которого он стяжал лавры выдающегося тенора страны.

В общем все было договорено, но Чаплыгин, чрезвычайно точный и деловой руководитель, хотел слышать, нет ли у меня возражений против участия Большого хора в этом деле. Опера меня привлекала давно. С Козловским же нас связывали годы совместной работы и взаимное расположение. Я охотно согласился. На том все и решилось. Буквально на следующий день, захватив клавир «Лоэнгрина», я помчался к Самосуду узнавать, что из хоров идет, где купюры, советоваться обо всем, касающемся хоровой части, так как музыки еще толком не знал и не был в курсе театральных условностей в этой опере. Впрочем, после беглого знакомства с клавиром у меня уже

возникли кое-какие соображения, вызванные особенностями нашей будущей постановки. В первую очередь они относились к грандиозной сцене встречи Лоэнгрина в первом действии, зовущейся в хормейстерской практике «Лодкой».

Накануне Козловский рассказывал режиссерский план работы. Из него я узнал, что на спектакле хор наш будет статично восседать на специально построенных амфитеатром скамьях, одетый в «партикулярное» концертное платье. В сценическом действии хор не должен участвовать непосредственно, а так же, как в греческой трагедии, организованно «рецензировать» происходящее. «Лодка» рассчитана композитором на зрителя не менее, чем на слушателя, и множеству мельчайших вступлений и реплик хоровых групп — междометий и выкриков из разных углов сцены надлежит изображать смятение изумленной толпы при появлении Лоэнгрина с лебедем. Сценически действие обогащается взмахами шляп, потрясением копий и воздеванием рук... Моя редакция «Лодки», уже одобренная Самосудом, оказалась практически вполне целесообразной: все было то же, только звучнее и проще.

Для нашего «Лоэнгрина» уже готовились декорации в мастерских Большого театра. И. Козловский, ушедший с головой в работу и вникавший во все детали, как-то захватил меня посмотреть сценическое оформление будущего спектакля. Мы пришли в таинственное царство бутафории и реквизита в Петровском переулке. Там просторные светлые помещения загромождены статуями, колоннами и люстрами из раскрашенного папье-маше, картонными деревьями, каретами и даже дворцами и храмами. В одном из пыльных залов мы увидели огромный дуб, раскинувший под самый потолок свои зеленые матерчатые листья. То было древо, выросшее за две недели во славу правосудия Генриха Птицелова и на радость вассалов, к числу которых мы теперь относились. Вскоре под его сенью предстояло развернуться «Божьему суду» на основной сцене Большого театра.

Иван Семенович, предельно ответственный во всем, что касается его артистической жизни и искусства вообще, дотошно, с пристрастием рассматривал дуб от корней до вершины и допрашивал взрастивших его бутафоров, как он расположится на сцене? Потом осмотрели королевский трон, проверили

его надежность. Заглянули нескромно за тюлевые занавески стилизованного брачного алькова из третьего действия. Все как будто не вызывало беспокойства. Однако Козловский — верный сын своей Украины, потомок мудрого пасечника Рудого Панька — закрепил первые достижения: поплевал через левое плечо и щедро осыпал комнату серебряными монетами. Потом мы посидели в молчании, сняв головные уборы, и только после того отбыли «до хаты», сопровождаемые безмолвным пониманием серьезности момента рабочих-декораторов — старых друзей Ивана Семеновича.

В основном составе оперы партии распределились так: Эльзу пела Е. Шумская. Хрустальный тембр ее голоса был обворожителен. Тельрамунд — давний партнер Козловского по Большому театру А. Богданов, как и в прежних наших работах, радовал отличными вокальными качествами и человеческим достоинством. Ортруды — С. Панова и Е. Смоленская, лучшие драматические сопрано своего времени, полностью сохраняли свои профессиональные данные. Кроме певцов Большого театра, в первом составе участвовали молодые солисты радио П. Троицкий и Б. Добрин. Занимало меня, как будет петь партию глашатая приглашенный Козловским старейший артист Большого театра И. Бурлак. Я помнил его еще со времени своей юности. Тогда «Свадьба Фигаро» Моцарта шла в филиале Большого. За дирижерским пультом невозмутимо помахивал палочкой М. Ипполитов-Иванов, а Бурлак пел Фигаро. Но прошло уже так много лет! Сомнения мои оказались неосновательными. Бурлак, прибыв на первую оркестровую репетицию «Лоэнгрина», заявил о своих сохранившихся преимуществах в столь полный голос, что присутствовавшая певческая молодежь горячо и искренне аплодировала 72-летнему ветерану сцены.

Бесспорным центром этого блистательного созвездия певцов был Козловский. Не один десяток лет я знал этого замечательного певца, и казалось, что годы не властны над его редкостным даром. Все та же юношеская свежесть звучания, напоенного грустью беспредельности необозримых южных равнин. Все те же свобода и полетность звука, безупречность интонации, непринужденность движения в любом регистре, и дыхание — могучий источник секретов молодости и силы

голоса! В труднейшей партии Лоэнгрина Козловский вновь предстал во всей полноте своего обаяния.

* * *

Когда хор не был занят, я снова с удовольствием наблюдал увлеченность Самосуда исполняемой музыкой... С особенным чувством вел он свадебный дуэт из третьего действия. После стремительного оркестрового антракта, где никому и в голову не пришло бы заподозрить возраст дирижера, Козловский и Шумская захватывали наше общее внимание. Это был действительно восхитительный дуэт, полный нежной грусти и очарования. И Самосуд, славившийся чуткостью в вокальном аккомпанементе, составлял с певцами удивительно тонкий ансамбль. Большой оркестр повиновался ему, как единый инструмент.

После того как «Лоэнгрин» музыкально был готов и несколько раз прошел в радиопередачах, вся наша громада перекочевала на сцену театра.

В наше деловое время немыслимо себе представить возможность проникнуть самому динамичному арендатору в перегруженные репетициями, спектаклями и заседаниями чертоги Большого театра. Однако перед магической формулой «Самосуд — Козловский» упали затворы заповедных помещений, дрогнули самые заледенелые административные сердца, и наш «Лоэнгрин» со своим дубом, лебедем, троном и всей свитой торжественно въехал на заветные подмостки, плунжера и фурки под колонны «храма» на площади Свердлова.

...Итак, мы в Большом театре.

Возрастает деловая активность Козловского. Раньше в студийной работе он ограничивался выполнением своей певческой задачи — «выпевая» труднейшую партию, с которой не встречался много лет. Теперь, на сценических репетициях, вместе с Самосудом он «строит» спектакль. На афише Козловский под псевдонимом значится режиссером постановки. В условиях такого скопления разнородных артистических индивидуальностей, множества творческих задач и непривычной обстановки нелегко сохранять выдержку и спокойно делать то, что нужно. Однако все чинно, тихо, деловито. Иван Семенович, не всегда легкий в личном общении своей специфичной

иронией, здесь — очарователен и просто талантлив. Он — прекрасный режиссер! Умеряя всякую возможность напряженности отношений, готовую вспыхнуть в нервной и трудной нашей работе, он тушит на ходу все «короткие замыкания» то уместной шуткой, то просьбой, а бывает, и приказанием, без особой экономии своего bel canto. Все вовремя становится на свое место...

Между тем московские меломаны не дремлют. Все больше голов, особенно женских, виднеется в ложах на последних репетициях. В кассах за билетами давка, как будто каждый из них — лотерейный с крупным выигрышем.

В вечер спектакля публика рвалась во все 20 подъездов Большого театра, сметая любые одушевленные и механические преграды. Без преувеличения, в зале оказалось народа раза в полтора больше, чем мест. Все «излишки» толпились в ложах, висели гирляндами на верхних ярусах, бушевали на улице.

...Спектакль шел ровно, без единой сколько-нибудь заметной накладки, на большом подъеме. И только постоянные вспышки аплодисментов нарушали ритм целостного развития музыки. Впрочем, и они органично укладывались в восторженный тонус того вечера. Я не мог со своих, так сказать, тыловых позиций подробно и полно оценивать развитие событий на сцене. Однако с наслаждением слушал рукоплескания божественному вступлению, восторженный рев публики, встречающей своего давнего и незыблемого кумира, прощание с лебедем. Находясь неподалеку от Козловского, я слышал его негромкое покашливание в паузах. Но поводов для тревоги не было. Пел он так же, как и два десятка лет назад, когда я так же из-за сцены, только Большого зала Консерватории, слушал эти покашливания, а затем арии Вертера, Орфея и прочие, беспредельные *ля, си, до* верхнего регистра.

«Лоэнгрин» шел, как хорошо отлаженный часовой механизм, весь состав исполнителей пел на редкость ровно, и добротность всей работы только теперь ощущалась нами вполне. В одном месте все же я испытал искушение, но только не музыкального свойства. Смутила меня сцена «Божьего суда» в 1-м действии, вернее, взгляд на нее с неожиданно вспомнившихся позиций — Л. Н. Толстого.

Сцена развертывалась быстро и динамично, и поблизости от того места, где я стоял, укрытый кулисой. Смертный бой средневековых рыцарей не очень «звучал» в интерпретации немолодых, интеллигентных москвичей с располневшими талиями, вооруженных картонными мечами. Козловский — умный и бывалый театральный деятель — отлично понимал всю рискованность картины этого сражения. Он тщательно отрепетировал весь комплекс стилизованного поединка, составив его из ряда символических движений, достаточно отвлеченных от подлинно агрессивных действий, рассчитанных на сокрушение противника. Свет на сцене притушили, и в полумраке довольно активно возились еле видные публике оба претендента на правду, которая не замедлила временно восторжествовать. Тогда снова воссиял свет, и действие продолжалось уже без угрозы какой-либо фальсификации средневекового быта...

Потом было много отличного... Лирический дуэт, вероятно самый вдохновенный в музыке Вагнера, в обстановке сценического действия производил особенно большое впечатление. И вся эта сцена имела неимоверный успех, возможно, небывалый даже в жизни Козловского, Шумской и Самосуда. Еще до кульминационного *до*, венчающего рассказ Лоэнгрина и блистательный бенефис Козловского, публика никак не хотела расставаться со своим любимцем, и невозмутимый лебедь долго ждал отправления назад, в царство Грааля.

Опера закончилась. Когда я, держась за руки Самосуда и Козловского, вышел на сцену, — ярко освещенный, гремящий аплодисментами зал показался мне огромной цветочной корзиной. Потоки цветов низвергались на сцену со всех ярусов. Из-за кулис плыли огромные букеты и венки, тащили корзины. Восторженная вакханалия успеха достойно венчала наш титанический труд. И Козловский хлопотал, позабыв о себе, и тащил всех-всех на сцену, чтобы каждый разделил с ним триумф и принял участие в общем празднике. Он успел даже спуститься в глубины подсобных помещений под сценой и извлек оттуда интереснейшего старика огромного роста с пергаментной кожей и крошечной головкой. То был замечательный оперный суфлер А. Лянгфиш — личность не менее уникальная, чем кистепёрая рыба, почетный пенсионер театра. Любовь

к Вагнеру, Козловскому и Самосуду заставила его тряхнуть стариной и посвятить один из немногих оставшихся вечеров привычной службе оперной безопасности... На сцену вышли все, кто находился по другую от зрительного зала сторону занавеса.

Я видел, как устали певцы — оперные ветераны, как умаялись наши молодые солисты, непривычные к расчету сил в театральной работе. Замученные к тому же грузом нерадийной техники — доспехами, мантиями, коронами и мечами, — они жалобно улыбались из гущи накладных бород и париков, а капли пота сбегали по их густо размалеванным лицам. В своей обычной форме по-прежнему находились только Козловский и Самосуд. Но все были счастливы. А цветы все летели и летели на сцену. И снова раздвигался занавес и гремели аплодисменты...

Примечания

Встреча с прекрасным

Опубликовано в: Театральная жизнь. 1979. № 19. С. 18–19.

С. А. Самосуд и его «эпоха» на радио

Опубликовано в: Советская музыка. 1978. № 7. С. 81–89.

Павел Пичугин

ПЕВЕЦ. АРТИСТ. ХУДОЖНИК

Всякий раз, задумываясь, какой мерой исчислить талант и мастерство артиста, его заслуги перед обществом, естественно прежде всего сказать о признании и любви к нему широкой народной аудитории. И все-таки трудно удовлетвориться этим слишком общим, хотя и верным, определением. Ведь чтобы добиться такого признания и такой любви, нужно обладать какими-то драгоценными качествами. Какими же?

Думается, настоящим артистом мы назовем того, кто творчески неутомим, кто неустанно ищет и находит, кто постоянно совершенствует уже найденное, никогда не останавливаясь в поисках идеала, кто неизменно щедро дарит слушателям и счастье соприкосновения с сокровищами мирового искусства, и радость познания неизвестных еще его страниц, кто раскрывает людям высшую правду искусства — правду жизни. Если настоящий артист таков, то Иван Семенович Козловский — настоящий артист, подлинный художник-творец.

В этом убеждаешься, когда представляешь себе весь творческий путь артиста, когда вспоминаешь галерею незабываемых образов, созданных им на оперной сцене, когда мысленно перебираешь его поистине необъятный концертный репертуар, который он непрестанно расширял. Особенно ясно понимаешь истинную цену выражения «долголетие художника». Понимаешь, что это долголетие — не только дар свыше, но счастливый удел лишь подлинных тружеников в искусстве.

Именно так воспринимаются концертные программы Козловского, подготовленные им в 60–80-е годы. В них вошли произведения Глинки, Рахманинова, Шоссона, Бриттена. Все они, за исключением нескольких рахманиновских романсов, были исполнены Козловским впервые [1].

Вспоминая эти концерты или прослушивая их в записи (почти все прозвучавшее в них издано на пластинках), естественно, задаешь себе вопрос: что же произвело наибольшее впечатление? Быть может, целомудренно чистая, такая «глинкинская» кантата «Молитва» на стихи Лермонтова с хором и оркестром, от которой и впрямь становится «так легко, легко»? Или романсы Рахманинова — эти жемчужины русской вокальной лирики, а может быть, его же четыре старинных распева (из Соч. № 37) для солиста и хора à capella, от которых словно веет седой древностью, истинно славянской крепостью? А не элегически ли скорбная «Поэма о любви и море» Эрнеста Шоссона? (К слову сказать, эта «Поэма» вообще не издана у нас. Пишущий эти строки знал ее лишь по французскому клавиру и не подозревал, сколько музыкальных красот может открыть в ней подлинный артист.) Или же, наконец, «Серенада» Бенджамина Бриттена для тенора, валторны-соло и струнного оркестра, интереснейшее сочинение выдающегося композитора современности, — не оно ли? (Еще раз «к слову сказать»: честь первого исполнения «Серенады» в нашей стране опять-таки принадлежит Козловскому, а сделанная им грамзапись, которая получила восторженную оценку автора, является первой в мире).

Я убежден, что вокалист-профессионал, певец-концертант, педагог найдут здесь массу материала для изучения, наблюдений, выводов, возможно, споров. Пусть они сами скажут свое слово. Моя же цель — поделиться с читателем лишь общими

впечатлениями и мыслями, вызванными этими концертами Козловского, доставленной ими радостью.

И дело не только в совершенном владении вокальной техникой. Главное в том, что чудесный дар природы — голос, отшлифованный бесконечно требовательным к себе тружеником до степени алмазной грани, полностью подчинен ему, и на первом плане — правда творимого в процессе исполнения образа. Такой правды артист достигает прежде всего поразительно тонким ощущением смысловой и психологической верности интонации, умением, говоря словами Шаляпина, «по-разному окрашивать звук скрытой за ним мыслью и эмоцией». В этом, в конечном счете, и есть «главный секрет» искусства Козловского. Оттого его интерпретация всегда представляется оправданной, убедительной.

Например, в романсах Рахманинова. В миниатюре «Сей день я помню» всего 18 тактов, диапазон мелодии невелик — чуть больше октавы, вокальный рисунок довольно прост. Но какое множество чуть уловимых оттенков единого в целом настроения раскрывает здесь Козловский! Дымкой легкой грусти подернутое воспоминание о давно минувшем дне... Он, она, трепетное ожидание признания, счастливый миг («И вдруг, как солнце золотое...» — на этой фразе словно ощущаешь теплый золотистый свет, внезапно хлынувший через зеленую листву), и — снова все медленно уплывает куда-то в глубину памяти, в далекое прошлое... Мастерски прочитанный рассказ, удивительно напоминающий иные прелестные лирические миниатюры Бунина.

Или популярнейший «Островок». Этот романс часто трактуют, я бы сказал, слишком «конкретно» — так, будто исполнитель и в самом деле смотрит на море и видит остров, а на нем «зеленые уклоны», «трав густых венок» и т. п. Бесспорно: возможная трактовка. Но Козловский делает иначе. Он с первой же фразы какой-то неуловимой окраской звука, чуть более, может быть, чем обычно, замедленным темпом словно погружает слушателя в состояние дремотного полусна. И чувствуешь, что никакого острова в действительности нет, что он — мечта, подобно мечте Фрези Грант или сказочному Альфеланду северных викингов. Просто усталый человек задремал,

и видится ему прекрасный, неведомый остров... И насколько поэтичнее становится давно знакомый, казалось бы, образ!

Аналогично (в широком смысле, конечно) трактует Козловский и остальные так называемые «пейзажные» романсы Рахманинова. Он раскрывает их изнутри, выявляя эмоциональный подтекст лирики. Поэтому в «Весенних водах» вы чувствуете не только буйное весеннее обновление природы после зимней стужи, но и душевное обновление человека, а в акварельно-нежном «У моего окна» за ветвями цветущей черемухи угадываете и иные образы — ожидание ли чего-то светлого, думы ли о ком-то дорогом...

«У моего окна» соседствует в цикле с не менее популярным «Здесь хорошо». На первый взгляд, это представляется не совсем удачным, поскольку романсы эти кажутся чрезвычайно схожими — и литературной основой, и настроением некоторой созерцательности; и написаны они на стихи одного автора и даже в одной тональности (a-dur), да еще с кульминациями на одной и той же ноте (верхнее *си*)! Петь их рядом, казалось бы, «невыгодно». Но... Козловский спел их — и спел совершенно по-разному. Если в первом романсе («У моего окна») ощущение светлого утра, безмятежности, то в «Здесь хорошо» вечерние, «оранжевые» краски и общее настроение — скрытая грусть. И такое, несколько неожиданное решение оказывается психологически очень верным: «Здесь нет людей... здесь тишина...» — ведь это одиночество. И не случайно в музыке, хотя и написанной в мажоре, все время чувствуется «минорное наклонение», и кульминация ее — тоже в миноре.

Совсем иное — романс «Не может быть!», посвященный памяти В. Ф. Комиссаржевской. У Козловского это настоящая драматическая сценка, словно выхваченная из кульминационного эпизода какого-нибудь оперного спектакля, исполненная огромного душевного напряжения и трагизма. Почти зримая (хотя, как известно, на концертной эстраде Козловский чрезвычайно скуп на жесты, мимику — вообще на внешнюю «игру»: он «играет» только бесконечно разнообразной палитрой своего голоса) — почти зримая картина: человек, застигнутый внезапно страшным горем, не в состоянии поверить в него. «Она жива!.. сейчас проснется...» Просто произошла какая-то нелепая ошибка, но сейчас все исправится. Он хочет

быть убежден, что это так, иначе слишком страшно. Буквально видишь, как в безумной надежде он обращается к безмолвным присутствующим, умоляя их подтвердить, что он прав: «Смотрите: хочет говорить...» И столько беспредельного отчаяния перед непоправимостью свершившегося в заключительных судорожных, «разорванных» возгласах: «Но нет!.. Лежит... тиха... нема... недвижна...» Несчастный все понял...

Удивительно правдивая картина, и ни малейшего налета мелодраматизма (а здесь так легко в него впасть!), ни малейшей театральности при полной иллюзии «зрительного впечатления».

И снова контраст — романс «Сон». Очень редко, к сожалению, звучащий в наших концертных залах последний романс, написанный Рахманиновым (из Соч. № 38). Изумительной красоты кантилена, долгая-долгая, кажется бесконечной на поистине беспредельном дыхании певца. Поразительна легкость, с какой Козловский преодолевает чрезвычайно высокую тесситуру и максимальную протяженность музыкальных фраз, исполняемых по предписанию композитора на «едином смычке». Так и чудится: несет вас куда-то на «широких крылах» — птица, не птица, — и уж «не понять, как несет, и куда, и на чем», только так сладостно отдаться этому волшебному полету.

Многие считают именно «Сон» наибольшей удачей артиста в рахманиновском цикле. Возможно, они и правы. Все же я отдал бы предпочтение другому романсу — «Не пой, красавица», настолько идеальна здесь гармония великолепного пушкинского стиха, чудной музыки и классически строгого, ясного и чистого пения. Не случайно именно этот романс среди других рахманиновских в нашем представлении уже давно и неразрывно связан с артистической индивидуальностью Козловского, так же, как, например, «Я помню чудное мгновенье» — среди романсов Глинки, «Для берегов отчизны дальной» — из Бородина или «Редеет облаков летучая гряда» — из Римского-Корсакова. (Наверное, тоже не случайно, что все они написаны на тексты Пушкина...).

Я остановился лишь на нескольких романсах из обширного рахманиновского цикла, отобрав их почти наугад — те, что вспомнились первыми. Но великолепно были исполнены и остальные — «Покинем, милая», «Проходит все», «Мы отдохнем»

(на слова из «Дяди Вани» Чехова), «Какое счастье» (последний, написанный для Собинова, особенно), аскетически суровый «Монолог Пимена» из музыки к «Борису Годунову», опубликованный посмертно и практически оставшийся неизвестным широкой аудитории, еще другие... Очень трудно, говоря об исполнителе такого класса, как Козловский, не повторяться в одних и тех же превосходных эпитетах, подыскать «новые», «еще не сказанные» определения...

Большой артист, выступая впервые с каким-либо незнакомым произведением, тем самым кладет начало традиции его исполнения.

Сейчас уже невозможно представить иное прочтение глинкинской кантаты «В минуту жизни трудную», чем то, которое дал Козловский[2].

Но совершенно не замечаешь этих трудностей. Ни одного момента напряженного, «несвободного» пения, всегдашняя легкость и чистота интонирования, строгая и благородная манера — удивительно цельный и удивительно возвышенный музыкальный образ...

И блестящий урок мастерства для молодых (да и не только молодых!) певцов.

* * *

Никогда не знаешь заранее, что будет петь Козловский в следующем своем концерте, но всегда ждешь чего-то нового. Это право — ожидать нового — говорит о многом, ибо дать его слушателям может только сам артист.

В сезоне 1962/63 года в исполнении Козловского впервые прозвучала «Поэма о любви и море» Шоссона на слова Мориса Бушора для солиста и оркестра (рус. пер. текста Н. Рождественской).

Этот выбор был сделан артистом не случайно. Шоссон близок к своему учителю Массне по складу дарования и музыкальным симпатиям. Что же касается последнего, то роль Вертера в его одноименной опере — одна из любимых Козловским. Пел он и партию де Грие в другой опере Массне «Манон Леско».

Соотечественник Шоссона, композитор и музыкальный критик Самайзели (?) так охарактеризовал творческий стиль

автора «Поэмы о любви и море»: «Проникновенное очарование, часто окутанное меланхолией, спокойная и серьезная ясность, простота и тонкость, исходящие прямо из сердца...»

Козловский исполнил «Поэму» с удивительно верным ощущением стиля, с предельно пластичной фразировкой (вспомните, как он произносит хотя бы первую фразу: «Ароматом пьянит цветущая сирень. Она так хороша, когда в густую тень бесшумно лепестки роняет»), с подлинно вдохновенным раскрытием мелодических красот, которыми изобилует вокальная партия, и в таком гармоническом единстве с оркестром, что, казалось, он поет эту поэму уже много лет.

Что запомнилось особенно: мастерство драматургии, построения крупной формы, чуткость расстановки смысловых и эмоциональных акцентов внутри этого протяженного («Поэма» занимает в концерте полное отделение), с несколькими кульминациями произведения. Невозможно при этом передать словами впечатление от разительных контрастов: «Море злится, ветер песнь поет; море смеется и ревет!» (конец первой части) — в голосе отчаяние и безмерная тревога за нее — и «Вот остров радостный, светлый» (начало второй части): ослепительно синее небо после свинцовых туч, лазурное море после бури — так непостижимо изменился голос, столько в нем теперь безмятежного покоя, счастья. И еще раз: «Кружатся тихо мертвые листья» — эти слова уже произносит человек, потерявший все.

Но несмотря на трагический финал, «Поэма» не звучит пессимистически. В заключительных фразах певца боль утраты, но не безразличие отчаяния, скорбь, но не безнадежность. Герой тоскует, но находит в себе силы остаться мужественным.

* * *

Примечательно обращение Козловского к Бриттену: и самим фактом как уважение к творчеству выдающегося представителя реалистического искусства сегодняшнего Запада, и великолепным художественным результатом. Речь идет об исполнении «Серенады» Бриттена для тенора, валторны и струнного оркестра.

В «Пасторали» с ее нежными, мягкими красками и редкой красоты кантиленой артист удивительно просто и естественно

рисует картину теплого летнего вечера в деревне и образ усталого путника, собирающегося на ночлег («Смолкает день, сил нет идти»). А живописный «Ноктюрн» буквально завораживает восхитительной перекличкой голоса певца и солирующей валторны («Рог звучит, горное эхо вторит!»). Поразителен эффект звенящего и тающего вдалеке звука, которого добивается здесь Козловский!

Кульминация цикла — потрясающая своим драматизмом «Надгробная песнь». Козловский начинает ее еле слышным pianissimo, почти беззвучно (хотя безупречная дикция певца доносит до слушателя каждое слово) и постепенно доводит до звучания набатной силы, чтобы затем так же растворить в леденящем душу вечном безмолвии.

Ослепительный контраст — «Гимн»: виртуозный, в темпе presto вокальный номер, с головокружительными пассажами, легчайшими как дуновение ветерка фиоритурами, стучащими звонкими колокольчиками stacc — восторженное упоение жизнью, молодостью, красотой. И голос певца как у юноши.

«Поразительно, как верно Козловский понимает мою музыку», — сказал Бриттен, прослушав присланную ему пластинку с записью «Серенады».

* * *

Что можно сказать в заключение?

Из всех инструментов, творящих музыку, человеческий голос — самый хрупкий и наиболее подверженный неумолимому воздействию времени. Радостно сознавать, что чудесный голос Козловского не поблек, не потускнел, не утратил своей гибкости и неповторимой, только ему присущей красоты звучания, что ему по-прежнему равно доступны и кантилена bel canto, и хроматически обостренный, напряженный язык современной музыки.

Новые программы Козловского — пример высокоэтичного отношения артиста к своему профессиональному долгу. Это призыв к исполнителям неустанно обновлять свой репертуар, смелее обращаться к творчеству композиторов-современников, идти непроторенными дорогами. Это напоминание о том, что и в музыке прошлого, хотя нам порой кажется, что мы хорошо

ее знаем, есть немало незаслуженно забытых прекрасных страниц, которые и сегодня могут радовать людей, быть им нужными.

СТАРЕЙШИНА ОПЕРНОЙ СЦЕНЫ

В сознании нескольких поколений людей, любящих музыку, оперу, Козловский и Большой театр неразделимы. В богатых славными именами и деяниями летописях Большого театра творчество Козловского — одна из самых ярких страниц. В артистической же биографии Ивана Семеновича Большой театр — это несколько десятилетий самого высокого, подвижнического служения искусству. Лучшие, незабываемые образы — Юродивого, Лоэнгрина, Ленского, Ромео, образы, вошедшие в золотой фонд отечественной исполнительской культуры, созданы Козловским на сцене театра, который он называет «самым прекрасным театром на свете».

Около пятидесяти ролей русского, зарубежного и советского репертуара исполнил Козловский на оперной сцене. Среди них есть роли лирические и драматические, героические и комические, эпические и сказочные, жанрово-бытовые и гротесковые. Фантазия, мастерство перевоплощения, умение постигать художественные стили разных эпох, дух и характер различных национальных культур, наконец уникальные голосовые данные, позволяющие одинаково легко справляться с партиями и драматического тенора (Лоэнгрин, Хозе), и меццо-сопрановыми (Орфей, Зибель), и даже с очень высокой по тесситуре партией Звездочета в «Золотом петушке», предназначенной для характерного голоса тенора-альтино, — вот те редкие качества, счастливо соединенные в одном лице, которые дают возможность артисту с равной убедительностью и совершенством воплощать на сцене столь несхожие между собой образы, как мудрый старец Берендей и легкомысленный янки Пинкертон или страдающий Вертер и прокофьевский Принц, влюбленный в три апельсина. При этом для Козловского не существует разделения ролей на большие и маленькие, ведущие и второстепенные, «выигрышные» и «невыгодные».

К каждой он подходит с величайшей внутренней ответственностью и в каждой остается индивидуально неповторимым: Баян в «Руслане и Людмиле», Владимир в «Князе Игоре», Индийский гость в «Садко», Зибель в «Фаусте», Арлекин в «Паяцах». Напомним, что и Юродивый до Козловского считался партией третьестепенной, эпизодической.

Козловский — оперный артист — видит в своем искусстве средство, при помощи которого он мог бы с предельной ясностью донести до слушателя основную идею оперного спектакля, выявить общественно значимое, этическое начало создаваемых им образов. В каждом из них Козловский стремится прежде всего раскрыть общечеловеческое содержание, психологически убедительно обрисовать характеры своих героев, показать лучшие черты их душевного облика — рыцарское благородство Лоэнгрина, пылкость и чистоту чувства Ромео, духовную неудовлетворенность и стремление к прекрасному Фауста, искренность раскаяния Альфреда, преданность Йонтека, — если обратиться к западноевропейской классике. (Примечательно, что огромной галерее оперных образов, созданных артистом, почти нет таких, которые принято называть «отрицательными персонажами». Герцог в «Риголетто», пожалуй, исключение, и весьма характерно, что этот образ решен Козловским в плане изящного, виртуозного, но нарочито холодного звучания, как бы несколько отстраненно; цель, преследуемая здесь артистом, состоит в том, чтобы заставить зрительный зал сопереживать не изображаемому им герою, а жертвам его эгоистического легкомыслия.)

С особенной силой принципы реалистической эстетики раскрываются Козловским в партиях русского классического оперного репертуара. Гуманизм, гражданственность, созвучность современности в сочетании с высочайшей художественностью — вот что в первую очередь доносит до слушателя Козловский в операх Глинки и Даргомыжского, Бородина и Мусоргского, Римского-Корсакова и Чайковского.

Вспомним вдохновенного Баяна в «Руслане и Людмиле», который предстает у Козловского эпически величавым, былинным сказителем, поющим «про славу Русския земли», гордым делами минувших дней своей родины, глубоко верящим и заставляющим верить слушателей в то, что «исчезнут в небе

тучи, и солнце вновь взойдет», — в грядущее торжество добра над злом. Или столь близкого Баяну сказочного Берендея, чей образ у Козловского исполнен неиссякаемого оптимизма, любви к животворному солнцу и природе — вечным источникам жизни, безграничной веры в то, что счастье людей в согласии между ними. Баян и Берендей в творчестве Козловского представляются наиболее полным воплощением той атмосферы света и гармонии, того жизнеутверждающего мирочувствования, которые образуют музыкальный мир Глинки и Римского-Корсакова и которые особенно дороги и близки артисту.

...Нельзя не сказать о двух подлинных шедеврах Козловского — Ленском Чайковского и Юродивого Мусоргского. Трудно найти во всей русской оперной классике более несхожие, более контрастные, даже в известной степени чуждые по своей чисто музыкальной эстетике образы, а между тем и Ленский — роль, созданная Козловским на основе собиновской традиции и в то же время совершенно самобытная в его исполнении, и Юродивый — образ, по существу впервые с бесподобной силой раскрытый именно Козловским, — высшие достижения артиста. Об этих партиях много написано и сказано. Хочется все же привести слова Б. Покровского о Козловском — Юродивом: «Создание классического образа в оперном театре явление очень редкое. Исполнителей ролей много, среди них есть замечательные. Создателей подлинных образов — единицы... Это сделал Козловский. Он создал небывалый еще на оперной сцене характер, и в этом было выражено глубокое понимание художником истории нового времени. Одним голосом, музыкальностью, артистизмом этого не сделаешь, здесь решает дело мировоззрение художника, его гражданственность».

Не «играющий» певец, а поющий актер, вот что в первую очередь отличает Козловского на оперной сцене и что отмечали в свое время Станиславский и Немирович-Данченко. В первый же сезон работы Козловского в Большом театре Немирович-Данченко, специально пришедший послушать молодого премьера в «Ромео и Джульетте», сказал ему по окончании спектакля следующие примечательные слова: «Вы необычайно храбрый человек. Вы идете против течения и не ищете сочувствующих, бросаясь в бурю противоречий, которые переживает сейчас театр...»

Уже тогда Немирович-Данченко увидел в Козловском не только великолепного певца и актера, но и режиссера, стремящегося найти особый ход, особую индивидуальную линию в трактовке роли для наиболее выразительного раскрытия ее музыкально-драматургического содержания. Предвидение великого режиссера полностью оправдалось. В 1938 году по инициативе и под художественным руководством Козловского был создан Государственный ансамбль оперы СССР, с которым Козловский-режиссер осуществил ряд постановок опер в концертном исполнении. Москвичи старшего поколения помнят эти спектакли, все с участием Козловского в главных ролях: «Вертер» Массне, «Орфей» Глюка, Паяцы» Леонкавалло (в этой опере Козловский пел партию Арлекина), «Моцарт и Сальери» Римского-Корсакова, «Наталка-Полтавка» Лысенко, «Катерина» Аркаса (на сюжет одноименной поэмы Шевченко, показанная в дни празднования 125-летнего юбилея великого украинского поэта). Готовилась постановка «Царя Эдипа» Стравинского, которую с нетерпением ожидала музыкальная общественность. Большой интерес к работе Козловского над «Эдипом» проявляли С. Прокофьев и Д. Шостакович. Начавшаяся война помешала осуществить этот замысел.

«Было бы грубой ошибкой рассматривать оперный концерт-спектакль как своеобразное приспособление к условиям примитивной сцены, — писал Козловский о своих поисках новых форм оперного спектакля в статье „Опера на концертной эстраде". — Оперный концерт-спектакль — полнокровная, художественно полноценная форма музыкально-сценического искусства... Создавая концертный спектакль, мы прежде всего стремимся сохранить его драматическую сюжетность. Мы стремимся воспитать в актере мастерскую выразительность жеста, мимики, дикции... На концертной эстраде наши певцы-актеры будут двигаться, плакать, смеяться, жить, как на настоящей сцене, и вещи, окружающие их, будут также вполне реальными, чтобы зритель легко воспринимал всю обстановку, все развитие драмы».

Композитор К. Корчмарев так отзывался о первом спектакле ансамбля — опере «Вертер»: «Создается полное впечатление спектакля, однако такого, в котором музыка играет первенствующую роль. В этом отношении Козловский может считать

себя победителем. Оркестр, находящийся на одной площадке с певцами, все время прекрасно звучит, но не заглушает певцов. И вместе с тем сценические образы живы. Они способны волновать, и с этой стороны данная постановка свободно выдерживает сравнение с любым идущим на сцене спектаклем. Опыт Козловского, как вполне оправдавший себя, заслуживает большого внимания».

В спектаклях ансамбля по-новому решался ряд постановочных проблем, связанных с поведением актеров на сцене («тогда мы мечтали найти новую форму оперного спектакля, основу которого составляло бы звучание, а не зрелищность», — вспоминал много позже Иван Семенович), с использованием балета («не типично оперный балет, а полноправно действующие, немногочисленные, но предельно выразительные танцовщики-актеры»), с размещением оркестра, хора, с максимально лаконичным сценическим оформлением (художника М. Курилко, например, Козловский просил сделать для спектакля «Катерина» такие декорации, «чтобы они были и вместе с тем чтобы их не было»). Можно только пожалеть, что работа коллектива, — а в нем принимали участие такие мастера, как Н. Голованов, С. Самосуд, А. Орлов, Л. Савранский, М. Максакова, Н. Ханаев, А. Батурин, как тогда начинавшие, а впоследствии известные артисты И. Петров, Т. Талахадзе, П. Чекин, — прекратилась, и многие планы его руководителя остались неосуществленными.

Творчество Козловского на оперной сцене — это своеобразный не писанный, но «слышимый и зримый» трактат о реалистической оперной эстетике. Хочется привести слова артиста из интервью, опубликованного в «Правде» 24 марта 1975 года, где отчетливо выражено его оперное кредо, которому Козловский неизменно следовал на протяжении всего своего артистического пути:

«Опера — жанр условный; *в музыке, в пении,* и прежде всего *в пении* (здесь и далее курсив мой. — *П. П.*) она выражает то, что волнует современного человека... У драматического и музыкального театра разные выразительные средства. Когда об этом забывают, оперная постановка, как правило, терпит неудачу...

Конечно, призвание художника, в том числе и того, кто работает в жанре оперы, — это выразить прежде всего дух своего времени. И те, кто чутко ощущают пульс эпохи, естественно, не могут не искать новых форм, не дерзать, не делать открытий. Без этого невозможна жизнь в искусстве. *Важно только не принижать, не огрублять условную, поэтическую природу жанра поверхностным бытовым правдоподобием, примитивным пониманием того, что на сцене современно...*

Я верю в будущее советской оперы. В то, что появятся новые спектакли, поставленные смело, талантливо, но с обязательным соблюдением одного правила: опере — оперное».

Козловский победил годы, и сделал это прежде всего своей страстной любовью к искусству и к жизни. Его неутомимость, трудоспособность, молодость духа вызывали уважение и восхищение. В 1971 году артист трижды выступил в спектакле гастролировавшего в Москве Полтавского музыкально-драматического театра имени Гоголя «Наталка-Полтавка» в роли Петра. В сезоне 1972/73 года исполнил в Большом зале Консерватории ряд сцен из «Лоэнгрина». В следующем сезоне, в концерте, который Козловский посвятил памяти своего друга и концертмейстера П. Никитина, он вместе с Г. Писаренко спел развернутые сцены и дуэты из «Ромео и Джульетты» и «Фауста» Ш. Гуно.

Вспоминаются прекрасные слова Л. В. Собинова:

«О старости артисты думают меньше всего... Какой океан поэзии, какую массу вдохновения может дать тот, кто не думает о своей старости и потому не скупится на краски, на силы своего дарования».

К немногим можно отнести эти слова в такой степени, как к Ивану Семеновичу Козловскому.

ПОЛВЕКА СПУСТЯ

Летом в Москве гастролировал Полтавский государственный украинский музыкально-драматический театр имени Гоголя. В одном из его спектаклей — опере Лысенко «Наталка-Полтавка» — выступил Иван Семенович Козловский. Дважды

он пел партию Петра с полтавской труппой в помещении театра им. Моссовета, где проходили гастроли, и в третий раз (25 июня) — на сцене Большого театра.

Спектакль этот, шедший в дневное время и как бы «сверх программы», носил особый характер, и о нем хочется рассказать отдельно.

...Более полувека тому назад, в тяжелые годы гражданской войны, в условиях разрухи, силами небольшой группы энтузиастов в Полтаве была сформирована оперная труппа. Сохранилась одна из первых афиш тех лет (на украинском языке):

ПЕРВЫЙ СОВЕТСКИЙ НАРОДНЫЙ ТЕАТР
(бывший Городской театр)
В среду 18 июня 1919 года
Первой украинской советской народной труппой
будет поставлена
«Наталка-Полтавка»

Наталка — Старостенецкая
Петр — Козловский...

Именно здесь, в Полтаве, и именно в этой опере 19-летний Иван Козловский, тогда студент музыкально-драматического института, начал свой блистательный путь оперного певца. Сегодня прославленный артист вновь вышел на сцену в костюме бедного бурлака Петра, в крестьянской соломенной шляпе, с косой на плече, вышел вместе со своими младшими товарищами по искусству, приехавшими из дорогой его сердцу Полтавы и в большинстве своем представляющими уже третье поколение по отношению к тем, кто 52 года назад строил театральную культуру и в Полтаве, и на Украине, и на всей земле только что рожденной в огне и пламени революции и войны Советской республики. И оттого, что и артисты на сцене, и зрители, переполнившие, несмотря на дневное время, самый большой оперный зал столицы, чувствовали это, создавалась удивительная, волнующая атмосфера общей приподнятости, ощущения особой значительности, необычности спектакля.

С огромным подъемом выступили гости, заслужившие единодушные, без каких-либо скидок, аплодисменты московской

публики (при ровной, уверенной игре всех, без исключения, актеров хочется особенно выделить юную, обаятельную, с чистым и свежим голосом Наталку — В. Волкову). И, как всегда, дивно звучал неповторимый голос Козловского. Звучали чудесные мелодии украинских песен — наполненных ароматом вечерних полей, задумчивой «Сонце низенько, вечір близенько», элегической, необычайно красивой «Ой, не шуми, луже», драматичной «Ой, я нещасний» (две последние артист спел дважды, идя навстречу настойчивым просьбам зала). С покоряющим мастерством и тактом, без малейшего налета «бытовизма» провел Козловский развернутые разговорные сцены и монологи своей партии. Но, пожалуй, самый приятный сюрприз ожидал публику в конце спектакля. Певец предложил новое решение финала оперы, использовав для этого текст и музыку обычно не исполняющегося на сцене трио из второго действия «Де згода в сімействі». (Нелишне заметить, что при этом партии хора и оркестра расписывались и разучивались «на ходу», в жестком гастрольном регламенте.) То была поистине счастливая режиссерская находка, удивительно естественно и гармонично завершившая спектакль солнечным мажорным аккордом, подчеркнувшая светлую, жизнеутверждающую мысль пьесы, выраженную в прекрасных, «шевченковских» по духу стихах И. Котляревского:

Де згода в сімействі,
де мир і тишина,
щасливі там люди,
блаженна сторона...

После спектакля, отвечая на несмолкаемые овации зала и артистов на сцене, Козловский обратился к присутствующим с кратким словом. Вспоминая далекие годы в Полтаве, он с благодарностью говорил о своих старших товарищах-артистах, которые когда-то поддержали его, начинающего певца, советами и дружеским участием. Козловский напомнил о великих традициях Большого театра, о корифеях отечественного оперного искусства, певших на его сцене. И эти слова замечательного артиста воспринимались как доброе напутствие талантливому украинскому народу.

ПЕСНИ И РОМАНСЫ В ИСПОЛНЕНИИ КОЗЛОВСКОГО

На пластинке записи, сделанные Иваном Семеновичем Козловским в 1972—1976 годах.

Сюда вошли произведения классика украинской музыки Н. Лысенко, народные песни, старинные романсы.

Романсы Н. Лысенко и сделанные им обработки украинских народных песен занимают постоянное место в концертном репертуаре певца. Многие из них в разные годы он записывал на пластинки трижды. Например, известный дуэт «Коли разлучаются двое» Иван Семенович записал с М. Гришко (1935), с Ан. Ивановым (1950) и с Б. Гмырей (1957).

На тексты великого украинского поэта Т. Шевченко композитор Н. Лысенко создал свыше восьмидесяти произведений — песни, романсы, ансамбли, хоры, кантаты. «Мне все равно», «Огни горят», «И широкую долину» относятся к числу лучших из них. Козловский подчеркивает «оперный» характер этих пьес («Огни горят», например, в прочтении артиста предстает как театральный полонез, который лирический герой, чуждый праздничной толпе танцующих, наблюдает со стороны, из-за колонн ярко освещенного зала). Очень выразителен и лирически-проникновенный дуэт «И широкую долину», исполняемый Ольгой Басистюк и Козловским в сопровождении инструментального трио (скрипка, виолончель, фортепиано).

Также в исполнении Басистюк и Козловского звучит очень красивая украинская народная песня «Скажи мне правду». Необычно ее драматургическое решение — чередование пения дуэтом с декламацией тенора на фоне вокализов сопрано. Своеобразно и тембровое оформление песни: певцам аккомпанируют флейта (А. Корнеев), челеста (М. Мунтян) и арфа (Л. Снегирева), чьи хрупкие, словно мерцающие звуковые блики удивительно гармонируют с печально-проникновенным напевом.

Контрастна по эмоциональному тону другая украинская песня — «По садочку хожу», которую Козловский поет с мужским хором.

В несколько непривычном звуковом облике предстает популярная русская народная песня «То не ветер ветку клонит». Любители музыки, вероятно, помнят пластинку, записанную

Козловским в 1940 году, где эта песня звучит в сопровождении хора и оркестра русских народных инструментов; теперь же Козловский поет ее с духовым оркестром, причем художественный эффект оказывается убедительным, а само исполнение стилистически безупречно выдержанным. В этой связи стоит вспомнить, что в прошлом духовые оркестры, составлявшие неотъемлемую принадлежность городского музыкального быта, играли не только марши и танцы, но непременно и русские народные песни.

В сопровождении духового оркестра звучит и часто исполнявшийся артистом прежде старинный вальс «На сопках Маньчжурии» С. Шатрова. Исполнение Козловского не нуждается в комментариях: оно столь проникновенно и совершенно, что по праву может считаться эталоном.

Значительное место в камерном репертуаре Козловского занимают старинные русские романсы. Певец в свое время не только открыл для слушателей многие из них, как, например, широко известные и любимые сегодня «Зимний вечер» М. Яковлева или «Я встретил вас», но и создал совершенно особый стиль концертного исполнения старинных романсов, свободный от какой бы то ни было салонной слащавости или сентиментальной фальши. Достаточно вспомнить хотя бы записанные артистом «Признание» М. Яковлева, «Свидание» и «Не пробуждай воспоминаний» П. Булахова, «Что ты клонишь над водами» Г. Кушелева-Безбородко, «Я знал ее милым ребенком» А. Титова.

На сей раз впервые представлены записанные Козловским два старинных романса — «Вы не придете вновь» и «Всех забуду, все покину». Стилистически они заметно отличаются от названных выше, и соответственно певец нашел для них несколько иные краски, придав им более камерное звучание. Аккомпанирует певцу гитарист В. Широков, талантливый музыкант и чуткий партнер, не раз выступавший с Иваном Семеновичем Козловским.

Примечания

Певец. Артист. Художник

Опубликовано в: Советская музыка. 1966. № 3.

[1] Впрочем, и эти романсы в сопровождении не фортепиано, как обычно, а оркестра, как на сей раз, — большая разница! — Козловский никогда раньше не пел.

[2] Написанная в 1855 году, эта кантата почти не звучала после смерти автора, точнее, звучала изредка в изуродованном и «сокращенном» виде, без хора и в сопровождении фортепиано (издание Ф. Стелловского, вызвавшее в свое время справедливое негодование Глинки). Козловский возродил авторскую партитуру.

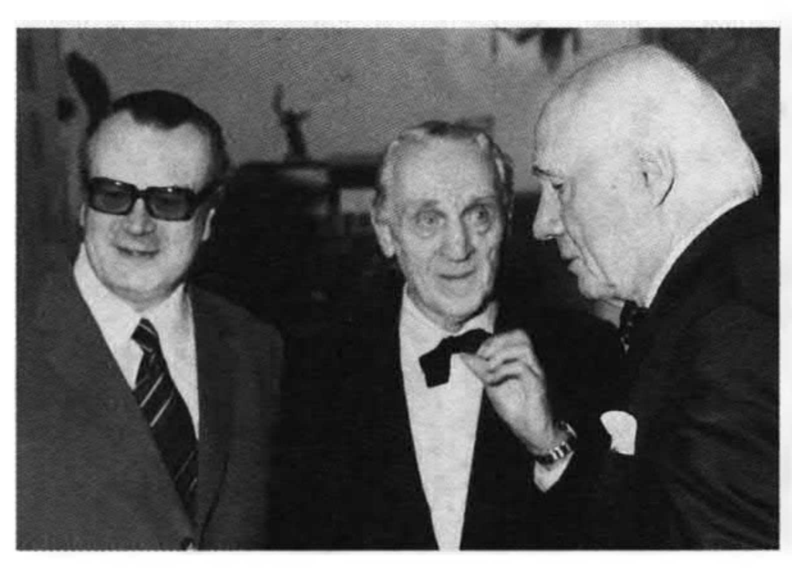
Старейшина оперной сцены
Опубликовано в: Советская музыка. 1976. № 5.

Полвека спустя
Опубликовано в: Советская музыка. 1971. № 12. С. 146–147.

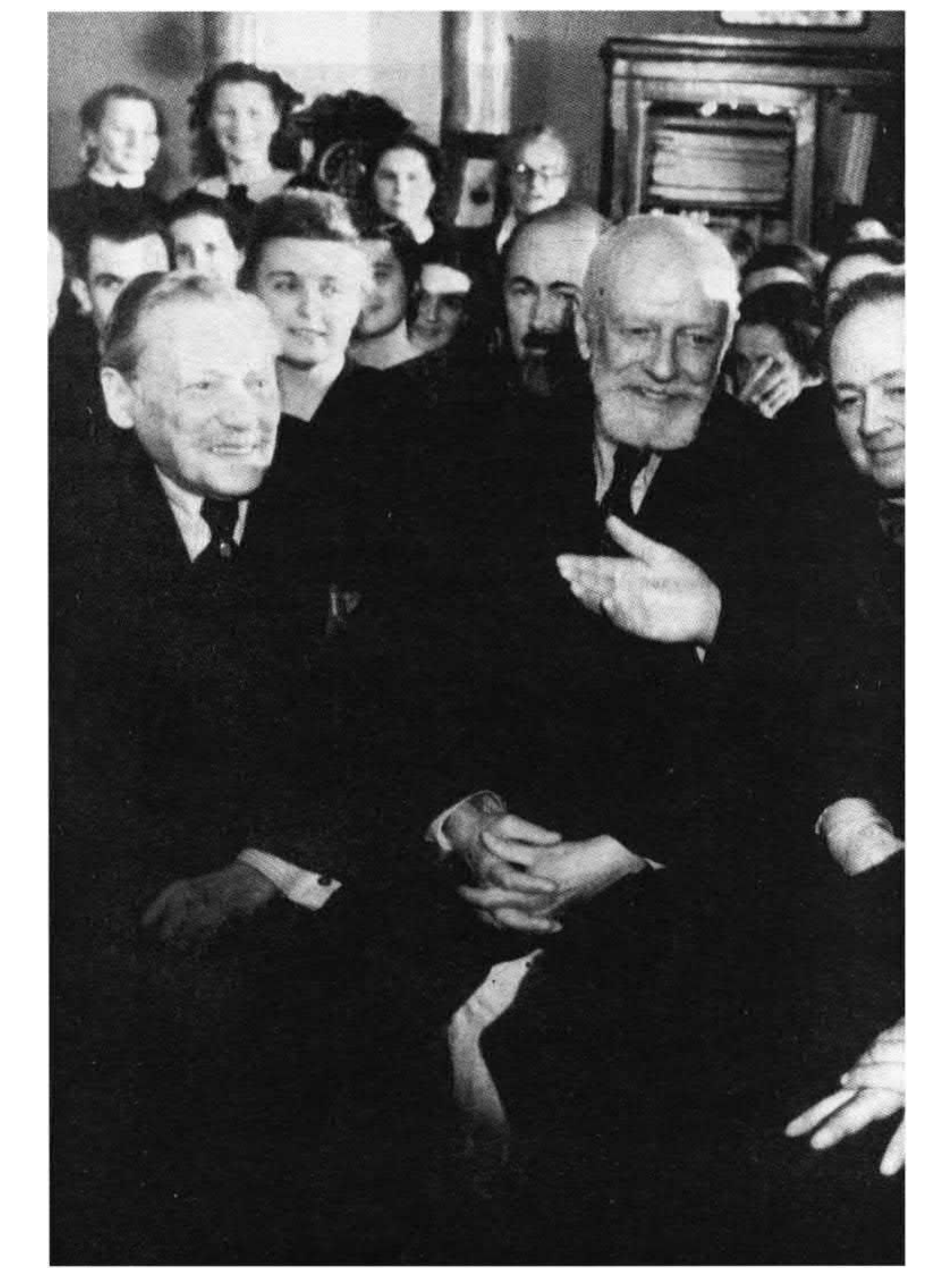
Песни и романсы в исполнении Козловского
Текст аннотации к пластинке конца 1970-х годов.

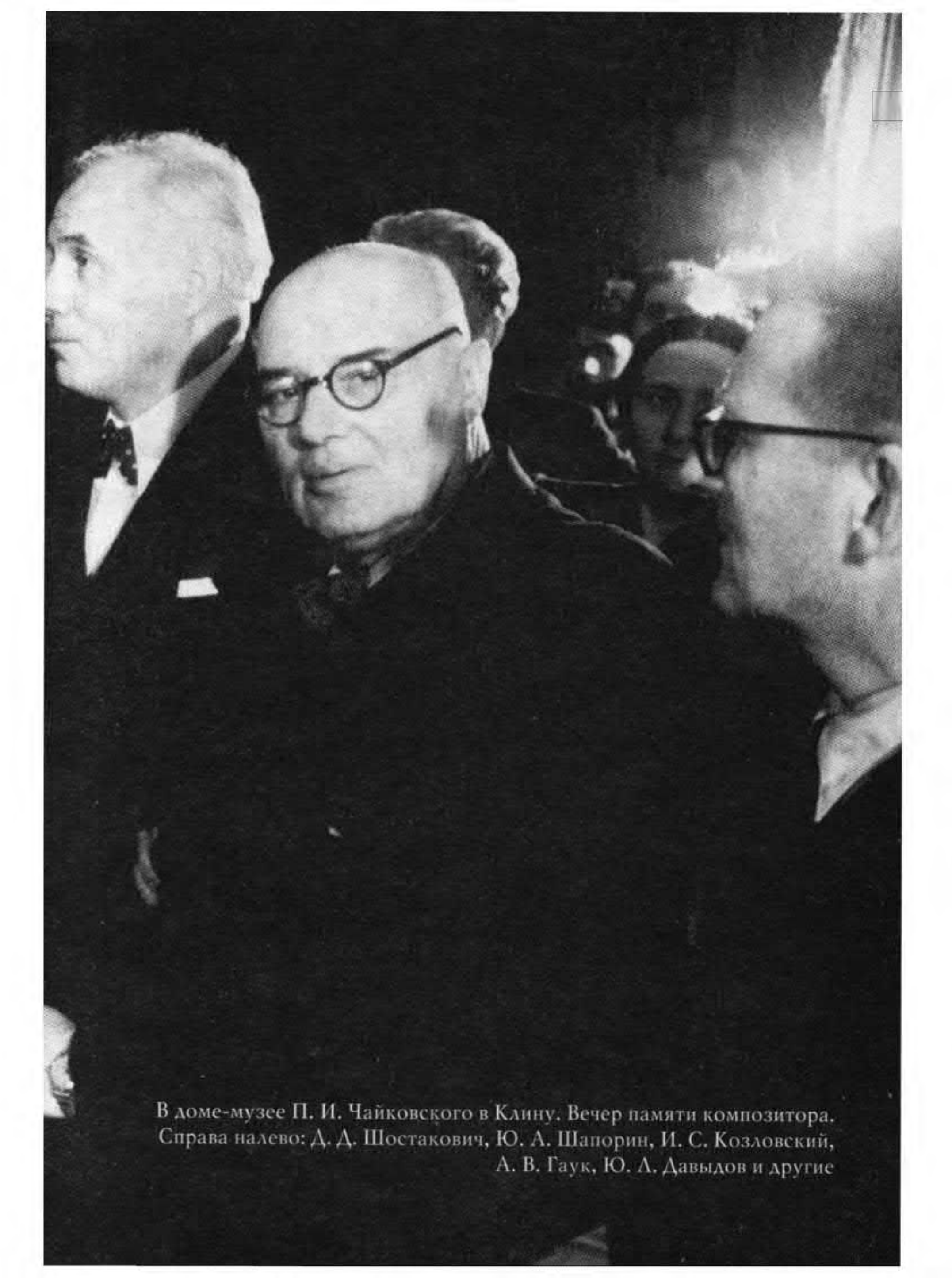

На даче А. С. Хайзерук. Праздник св. Троицы.
Г. Е. Сергеева, Н. Сабашникова, И. С. Козловский, А. В. Вахрамеев,
внучка Аня, Е. С. Рогунова, Е. И. Бостан, Е. М. Хайзерук,
О. Н. Адрианова, А. С. Хайзерук, А. Кузьменкова.

В дружеской беседе с И. С. Козловским
А. В. Вахрамеев и Ф. Ф. Шаляпин

В доме-музее П. И. Чайковского в Клину. Вечер памяти композитора.
Справа налево: Д. Д. Шостакович, Ю. А. Шапорин, И. С. Козловский,
А. В. Гаук, Ю. Л. Давыдов и другие

День рождения И. С. Козловского.
Поздравляет певца артистка Малого театра В. А. Обухова

На даче в Снигирях. Н. Ф. Слезина с кошкой Марьей Ивановной,
И. С. Козловский, Е. М. Агеева, З. М. Бусалова и О. Н. Адрианова

Скульптор А. Е. Елецкий, А. В. Вахрамеев, И. С. Козловский
и И. К. Архипова на Новодевичьем кладбище
после перезахоронения праха Ф. И. Шаляпина

Юбилейный вечер И. С. Козловского. Большой театр, 1980 г. Жокейская шапочка от Елены Петушковой. Фото А. Ратникова

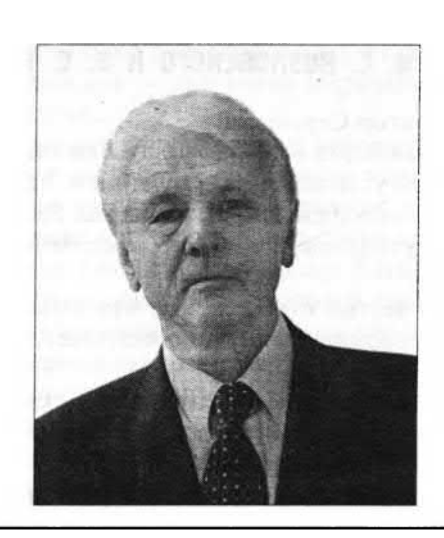

И. С. Козловский и солистка
Большого театра Г. Королёва

После игры в теннис: Н. Н. Озеров,
И. С. Козловский и Н. Ф. Слезина

В фойе Вахтанговского театра. В первом ряду в центре слева направо:
Р. Н. Симонов, И. С. Козловский, М. О. Рейзен, Г. Е. Сергеева

Виктор Попов

СВЯТАЯ ПОТРЕБНОСТЬ

И. С. Козловский — великий певец, гражданин, патриот, для которого служение родному искусству — святая потребность. Его процветанию он посвятил всю свою жизнь. Одним из ярких примеров тому служит его огромная помощь А. В. Свешникову в восстановлении глубочайшей традиции русского искусства — воспитании профессионалов-музыкантов через хоровое пение.

Именно И. С. Козловский стоял у истоков Московского хорового училища им. А. В. Свешникова и затем постоянно следил за его деятельностью и сам часто пел с хором мальчиков и его солистами, особенно часто с Женей Талановым. Встречи с выдающимся певцом оказали самое благотворное влияние на становление мальчишек как музыкантов-профессионалов. Публикуемое письмо И. С. Козловского — свидетельство его сердечной доброты и искреннего участия в судьбе нашего учебного заведения.

ПИСЬМО И. С. КОЗЛОВСКОГО К В. С. ПОПОВУ

Дорогой Виктор Сергеевич!

Пришел с концерта и тотчас пишу Вам письмо.

Я взволнован услышанным, увиденным. Если философы, случайные и глубоко убежденные, такие как Рассел, доказывают, что к 2000-му году опера исчезнет, то сегодняшний концерт опровергает это.

Скажу Вам честно и по секрету, что звуковая настроенность и профессионализм больше ощущается в мальчиках Хорового училища.

Я — Ваш коллега, не рецензент, но хочу сказать, что такой концерт убеждает, что не так уж следует прислушиваться к приведенному выше высказыванию философа...

Прежде всего, интонационно они звучат чисто и проникновенно. Спасибо, дорогой маэстро!

Второе — репертуар. Он радует и окрыляет Ваших почитателей, особенно если учесть, что Вы так много уделяете времени другому. Такая уж направленность, это необходимо, но не это олицетворяет искусство, веками проверенное, что сегодня звучало под Вашим управлением.

Если бы сегодня концерт транслировался и было объявлено повторение его, реакция была бы мгновенной.

Сейчас появились хоры, их много, и это хорошо! Конечно, они разные. Разность должна быть, но должны быть и ступени профессионального творчества.

Сегодняшний вечер — доказательство того, что есть чему радоваться и чем гордиться. Не стесняйтесь этого слова! Искусство требует труда, отречения, а право на радость мы завоевываем редко.

Сейчас пришел с концерта, знаю, что по телевидению есть соблазны, но не хочу — нахожусь под впечатлением.

Репертуар, повторяю, очень интересен.

Мог ли мученик Ведель предполагать, что через 100 лет будет звучать в Москве, да в таком исполнении?! Не говорю уж о С. В. Рахманинове — это приближенная к нам эпоха. И все это очень радостно.

Репертуар разный, но общее впечатление высокой гражданственности, и она не показная, не случайная, не однодневная.

Да! Удивительно, но я сегодня увидел и ощутил необычайный талант Ваших рук — они очень выразительны и в то же время очень мягкие...

С такими руками можно меньше репетировать, но *быть твердо уверенным*, что массы под Вашим управлением понимают Вас и вселяют в слушающих уверенность и спокойствие. Это относится даже к ажидато-фуга в очень интересном произведении Рубина. Очень интересны там флейта и арфа и хор. Спасибо ему, что он обратился к хоровой литературе!

Чудный мальчик-солист. Как хорошо, что он не форсирует. А ранее таких хоров с такими мальчиками могло быть в одной Москве 1600 (сорок сороков).

Дорогой, спасибо Вам!

Я Вас задерживаю. Встретимся — поговорим, если возникнет такая возможность.

Учителям, педагогам — низкий поклон и благодарность!

Спасибо Геннадию Петровичу за его переживания, за то, что он волнуется и *как* поют и *как* выглядят. Это передается. А это очень важно, потому что, по сути, Вы формируете будущее. И это не рано. Нет! Наоборот, чтобы воспитать будущего музыканта или просто человека, сначала надо мать воспитать.

А. Коутс, знаменитый дирижер, сказал: «Я потому стал дирижером, что заявил об этом своей маме, еще будучи не рожденным в ложе Мариинского театра на большом оперном спектакле». Эти мамы так любили и так любят музыку, что чада их наследуют это. Но ведь дальше все зависит от таких, как Вы, Виктор Сергеевич!

Дорогой, обнимаю, поздравляю!

Привет Вашей семье.

Спокойной ночи!

(И. Козловский).
12.III.82.
23 ч. 20 м. ночи

Игорь Вепринцев

ПРЕДАННЫЙ ИСКУССТВУ

Одно из самых ранних музыкальных воспоминаний детства — мы жили в Фергане, отец привез из командировки патефон и два десятка грампластинок классической музыки. Он очень любил оперу. Там были пластинки Козловского: ария Рудольфа из «Богемы», ария Вертера, рассказ Лоэнгрина, песня Индийского гостя из «Садко». Я эти пластинки очень часто крутил, знал наизусть и до сих пор помню каждую интонацию певца.

Конечно, тогда невозможно было себе представить, что через много лет я буду записывать с Иваном Семеновичем этот рассказ Лоэнгрина... Когда мы впервые встретились, я уже знал от старших коллег, что работать с ним трудно, что он очень требователен к звукорежиссерам и больше двух дублей не делает.

Мое отношение к Козловскому как к великому артисту сложилось в детстве, несмотря на то что я не принадлежал к поклонникам теноров — мне более близки были низкие

мужские голоса: басы, баритоны. А когда я стал работать с Иваном Семеновичем, не мог не восхищаться им — не только его мастерством вокала, но и исключительной художественной отдачей в отношении к музыке. Ведь он самоотверженно посвятил искусству всю свою жизнь.

Когда мы начали первую совместную запись — не помню сейчас, что это было, — мне показалось, что он мог спеть лучше. Я высказал свои соображения, но Иван Семенович не счел их убедительными: «Вечно вы, фоники (так когда-то давно называлась профессия звукорежиссера), хотите записывать много дублей». Я, молодой звукорежиссер, конечно, не посмел настаивать. Но потом, слушая материал, Иван Семенович с сожалением заметил, что кое-что звучит не так хорошо, как могло бы.

Я напомнил ему, что это как раз те места, о перезаписи которых я просил, и добавил, что моя просьба была вызвана только желанием сделать как можно лучше — я ощущал, что у солиста такая возможность была. С тех пор у нас никогда не было дискуссий на эту тему — все мои пожелания Иван Семенович выполнял, и это многих удивляло.

Мы с Иваном Семеновичем работали много, особенно на записях с концертов. Это особенно сложно, ведь в концерте микрофон не переставишь и дубль не попросишь, разве что можно предложить при «бисах» спеть неудавшийся номер. На концерте звукорежиссер должен быть максимально готовым к записи: знать все особенности исполнителя, его манеру звукоизвлечения, партитуру аккомпанирующего оркестра и т. п.

Кстати, Иван Семенович, привыкший работать со старой микрофонной техникой, как правило, просил поставить микрофон близко, что плохо отражается в записи. Чтобы его не огорчать, я выполнял его просьбу, но этот микрофон не включал, а использовал другой, установленный дальше.

Я не знаю двух исполнителей, с которыми можно было бы работать одинаково. Каждый большой музыкант — это серьезная проблема для звукорежиссера. Нужно тонко чувствовать психологию, эмоциональное состояние артиста, потому что иногда можно обидеть одним неосторожным словом и тем самым свести результат записи к нулю. Иван Семенович придавал

очень большое значение обстановке на записи его смущали посторонние люди, разговоры, раздражал запах духов. Каждый человек имеет какие-то свои привычки, и нужно стараться создать для артиста комфортные условия для воплощения творческой задачи.

Для Ивана Семеновича она всегда была ясна. Он приходил на запись абсолютно подготовленным, точно представлял, чего хочет, и было ясно, что он готовился к записи так же тщательно, как и к концертным выступлениям. Иногда его пожелания даже превышали наши возможности. Он, например, заинтересовался процессом понижения высоты звука с изменением скорости: «Хорошо бы записать „Фауста“, где я спел бы и Мефистофеля, если бы вы могли так изменить голос». Но я показал, что могло получиться, и, естественно, от этой идеи отказались.

Иван Семенович сложился как певец в пору, когда оперно-вокальное искусство в нашей стране было в самом расцвете. Целая плеяда замечательных вокалистов украшала репертуар Большого театра, но очень немногим удалось надолго сохранить свою творческую форму.

Козловский пел в то время много, но своим отношением к голосу как к очень дорогому инструменту, который нельзя ни почистить, ни заменить, ни реставрировать, сумел сохранить его на долгие годы. Трудно даже представить себе, чтоб записи, которыми все восхищаются, сделаны певцом в возрасте 70–80 лет.

Последняя наша совместная работа — опера С. Монюшко «Галька» с солистами и оркестром Большого театра (дирижер И. Б. Гусман). К сожалению, по непонятной причине эти пластинки не были изданы. Во время этой записи огромное внимание Иван Семенович уделял верхнему «ля» в партии Йонтека. Мы сделали несколько дописок этого места для идеального и максимально продолжительного звучания этого «ля». Но случилось так, что этот вариант оказался стертым. Когда Иван Семенович пришел слушать смонтированную оперу, он сразу остановил прослушивание:

— Это не то «ля»!

Мои ассистентки-монтажеры, присутствовавшие на прослушивании, замерли.

— Иван Семенович, извините, пожалуйста, произошла техническая накладка, и тот вариант, над которым мы трудились, оказался стертым, — сказал я.

Пауза... Потом:

— Спасибо, Игорь Петрович.

— За что?

— За то, что сказали правду, а не стали уговаривать, что это тот самый вариант. Ничего, вызовем оркестр и сделаем дописку.

Некоторые оперные партии неразрывно связаны с именем Козловского, прежде всего это Юродивый, Лоэнгрин, Вертер, Фауст, Индийский гость, — да все не перечислишь! А камерное исполнительство... Романсы русских композиторов («Средь шумного бала»), циклы Шумана, «Любовь поэта» с К. Н. Игумновым, Бетховен, Бриттен... Широта его музыкальных интересов была беспредельна.

Я работал в Большом зале Консерватории довольно часто и на каждом интересном концерте обязательно видел Ивана Семеновича на его излюбленном месте в директорской ложе. Причем Козловский посещал не только концерты известных артистов или знаменитых коллективов, но и выступления творческой молодежи, программы молодых композиторов. Иногда он звонил мне домой после концерта, чтобы обменяться впечатлениями, обсудить прослушанное.

Специфическая манера пения Ивана Семеновича была выработана, вероятно, им самим. Можно с ней соглашаться или не соглашаться. Кроме того, я знаю музыкантов, которым не нравятся его ферматы, замедления, нюансы. Но Козловский так выражал свое «я», его вокальное мастерство позволяло ему реализовать все свои замыслы. При этом чрезвычайно высокую требовательность Иван Семенович предъявлял не только к вокальной стороне исполнения, но и к слову, к смыслу, к образу.

Репертуар его в основном складывался из партий романтического плана. В конце своей творческой деятельности Козловский получил возможность исполнять русскую духовную музыку, что раньше было почти исключено (правда, в 1965 году ему все же удалось спеть четыре номера из «Всенощной» С. Рахманинова с хором А. Юрлова, а я этот концерт записал,

но издан он был только через много лет). Иван Семенович всегда мечтал об этом, и не только потому, что был верующим человеком, — духовная музыка была для него неотъемлемой частью мировой культуры.

Любовь и преданность Ивана Семеновича искусству была беззаветна, а требовательность к себе — беспредельна. Он всегда выходил к слушателям в идеальной творческой форме, абсолютно подготовленным и щедро делился с ними своими чувствами, настроением, любовью.

Настоящие художники редко бывают счастливыми людьми, потому что творчество бесконечно, но судьба у Ивана Семеновича счастливая — он был очень популярным артистом, его знали, любили и уважали, а он стремился еще что-то сделать на сцене.

Вокруг него было много людей. Он стольким помогал, что трудно себе представить.

А я счастлив, что мне довелось работать и общаться с этим выдающимся артистом и человеком, что я смог сохранить его голос для многих тысяч любителей музыки.

Москва, 2004 г.

Примечания

Воспоминания написаны специально для данного сборника.

Борис Покровский

ВЕРНОСТЬ

Вот уже десять лет прошло, как его не стало. Нельзя сказать, что смерть была неожиданной: дай Бог каждому такой век! Я говорю, разумеется, не только о количестве прожитых лет, но прежде всего — по существу.

Для большинства истинных поклонников великого тенора важно было знать, до какой степени сегодня поднялся их кумир. Меня же всегда восхищала сущность Козловского, его несуетность, постоянство, обязательность, верность.

Верность Козловского, безусловно, проистекала от слова «вера». Он был человек глубоко верующий задолго до того, как стало чуть ли не признаком хорошего тона позировать в дни престольных праздников перед камерами, и обязательно со свечой.

Впервые я услышал обо всех этих качествах Ивана Семеновича значительно раньше, чем увидел его на сцене. Мне рассказал о них один из последних могикан украинского театра Иван Александрович Марьяненко, племянник выдающегося

украинского актера, режиссера и драматурга Марка Лукича Кропивницкого, начавшего карьеру в труппе у своего знаменитого родственника еще в конце девятнадцатого столетия.

Партнер корифеев украинской сцены, Марьяненко в 1915 году организовал и возглавил Товарищество украинских актеров, куда пригласил Заньковецкую, Саксаганского, Линицкую, а вместе с ними и группу молодых, начинающих актеров.

«...Позже мне посчастливилось привлечь в наш театр тогда совсем молоденького сельского парня-певца, который не имел даже паспорта, а жил, то есть был прописан, по метрическому свидетельству. Говорю — „посчастливилось“, потому что позже оказалось, что этот юноша имел незаурядный актерский дар и от природы прекрасный, мягкий, задушевный, необычайно красивый по тембру голос, который за сравнительно короткий срок очень развился и возмужал. В Полтаве он оставил наш театр и поступил в музыкальную школу. Овладев несколькими оперными партиями под руководством опытного педагога Левитского, он с большим успехом выступил перед полтавской публикой. Потом, завершив вокальное образование у известного киевского профессора Е. А. Муравьевой, поступил в Харьковскую оперу и, наконец, стал солистом Большого театра в Москве.

Так начинал когда-то свой путь в искусстве сын украинского народа, выдающийся мастер советской оперной сцены — народный артист СССР Иван Семенович Козловский», — вспоминал впоследствии Марьяненко.

Надо сказать, что об этом не забывал не только Иван Александрович, но и Иван Семенович. Не помню сейчас точно, в каком году в послевоенном Харькове отмечался юбилей Марьяненко. В переполненном зале Театра им. Т. Г. Шевченко собрались многочисленные почитатели таланта замечательного актера. Одна делегация сменяла другую, все шло как обычно. И вдруг без всякого объявления оркестр заиграл знакомую мелодию, и на сцену вышел Иван Семенович. Правда, в концертном костюме, но с соломенной шляпой на голове. И исполнил арию Петра из оперы Н. Лысенко «Наталка-Полтавка».

Трудно передать, что произошло с залом. Однако наибольшее впечатление появление Козловского, как мне показалось,

произвело на самого юбиляра. От неожиданности он лишился дара речи. Хорошо, что в тот момент ему не нужно было ничего говорить. А когда гость, кончив петь, снял шляпу и низко поклонился ему, Марьяненко встал, и они так крепко обнялись, что казалось, их нельзя будет разнять никогда.

Обязательность Козловского по отношению к людям, однажды повстречавшимся на его пути, могла бы стать темой специального исследования. Я же ограничусь всего несколькими примерами.

В декабре 1962 года в Доме актера отмечалось 60-летие со дня рождения выдающегося театрального критика Ю. И. Юзовского, в 1949 году облыжно обвиненного в космополитизме. За два месяца до юбилейного вечера А. М. Эскин, директор-распорядитель Дома актера, уведомил о предстоящем событии Ивана Семеновича и заручился его согласием принять участие в чествовании опального критика. Правда, Иван Семенович попросил, чтобы ему аккомпанировала Вера Дулова, известная арфистка Большого театра. Но Вера Георгиевна оказалась занята и порекомендовала обратиться к популярному в те годы квартету арф. Квартет даже успел провести первую репетицию, но за неделю до вечера неожиданно был откомандирован на гастроли: работа есть работа. Тогда Иван Семенович попросил, чтобы мы пригласили духовой оркестр Московского военного округа. Но и здесь нас постигла неудача. Пришлось извиниться перед Козловским: на нет и суда нет.

...Вечер Юзовского перевалил за экватор, когда за кулисами неожиданно появился Иван Семенович в сопровождении знаменитого гитариста Иванова-Крамского. Мороз в тот день был лютый, — 27°! Оба исполнителя закутаны с головы до ног, а гитара поверх чехла покрыта толстым шерстяным пледом. Александр Михайлович отвел меня в сторону и сказал, что Иван Семенович разговаривать не может, но его надо немедленно выпускать. Я на все заранее согласен. Сейчас как раз заканчивает Виктор Ефимович Ардов, а после него — милости просим!

Но... Ардов и не думал заканчивать. Он вышел на сцену с большой пачкой библиографических карточек. На обратной

стороне их он записывал короткие смешные истории. Они имели успех у любой аудитории, и Ардов не мог отказать себе в удовольствии прочесть их сегодня в присутствии московской театральной элиты. Козловский молча нервничает. Иванов-Крамской показывает, что гитара уже настроена. Однако что я могу сделать?

Прошу Марту Цифринович, чтобы ее кукла Венера Пустомельская — она «вела» вечер, — улучив момент, деликатно напомнила Ардову, что сегодня — вечер Юзовского. А Виктора Ефимовича мы с удовольствием послушаем в другой раз. Думаете, он смутился? Ничуть не бывало! Привычно почесав за ухом, он очаровательно улыбнулся и сказал: «Дорогая Венера Михайловна, мне нужно еще минут двадцать. И передайте вашему другу Поюровскому, что он дурно воспитан». Я думал, что меня хватит удар. Но Ардов, рассказав еще одну смешную байку, гордо удалился...

Поскольку Козловский не значился в программе, никто не был готов объявить его выход. Но прежде чем я это осознал, Иван Семенович уже оказался на сцене. Можете себе представить, как его встретил зал. А он подошел поближе к юбиляру и скромно запел романс «Белеет парус одинокий...» Когда подошла строчка «А он, мятежный, просит бури, как будто в бурях есть покой» и Козловский большим пальцем правой руки указал в сторону Юза, — тут и сам юбиляр дрогнул...

Позже, уже за столом, я поблагодарил Ивана Семеновича и извинился за то, что нам не удалось исполнить его пожелания. А он в ответ сказал: «Я не мог не прийти сегодня. Ведь сколько этот человек вынес! Хорошо еще, что не посадили и не убили... Я в ту пору многим, чем мог, помогал. А как же? Это все мои друзья!»

14 февраля 1990 года сгорел Дом актера, а на 23 февраля заранее был объявлен вечер, посвященный 100-летию со дня рождения С. М. Михоэлса. Директор Библиотеки СТД РФ В. П. Нечаев предложил перенести вечер в читальный зал. Правда, там нет рояля, нет подиума, но при желании можно усадить до 100 человек. Так и сделали. В вечере принимали участие Дебора Яковлевна Пантофель-Нечецкая и Иван Семенович. Сперва

они поделились воспоминаниями о своем друге, а затем Дебора Яковлевна извлекла из дамской сумочки небольшой камертон, ударила по нему металлической палочкой, они оба тут же «настроили» свои голоса и à capella исполнили дуэт Ромео и Джульетты: то было божественное пение...

Восторженные зрители и слушатели задавали множество вопросов, устных и письменных. Среди них был и такой: «Иван Семенович, знаете ли Вы, что сегодня ночью ожидаются еврейские погромы в Москве. Не боитесь ли?» Иван Семенович на мгновение задумался, улыбнулся и без всякого пафоса ответил: «Видите ли, я родился на Украине, в деревне Марьяновке. У нас была своя церковь и свой батюшка — большой оригинал: он всех хлопцев крестил Иванами, а девчат — Наталками, независимо от того, в какой день они родились. Евреев, правда, в нашем селе не было, но, может быть, я и еврей? Все в руках Господа, как он решит, так и будет. Но я очень дружил с Соломоном Михайловичем и не прийти сегодня никак не мог. Надеюсь, вы меня поняли?»

После вечера отвозим Ивана Семеновича домой в Брюсовский переулок, подъезжаем по улице Горького к Моссовету, и Козловский просит свернуть на улицу Станкевича. Но водитель то ли не понял его, то ли не послушался и проехал чуть дальше, к Брюсовскому переулку. Иван Семенович просит машину остановить, дальше он пойдет пешком, но я понимаю, что произошла какая-то накладка, и прошу водителя развернуться и проехать по Станкевича. Так, конечно, и сделали. На другой день спрашиваю у секретаря Ивана Семеновича Нины Феодосьевны, отчего он не разрешил проехать по Брюсовскому, и в ответ услышал, что после убийства жены Вс. Э. Мейерхольда Зинаиды Николаевны Райх никогда мимо их дома не проходил и не проезжал...

Еще не существовало никаких Фондов культуры, и само слово «благотворительность» не вернулось в наш лексикон, а Иван Семенович начал устраивать концерты в Москве, и весь сбор от них направлял на организацию музыкальной школы в родном селе Марьяновке.

Когда стало известно, что дом в Киеве, в котором долгие годы жила великая украинская актриса М. К. Заньковецкая,

подлежит сносу, Козловский в буквальном смысле слова поставил на ноги всю общественность Украины и России и добился своего: сегодня на Красноармейской улице заново построен дом, точь-в-точь такой же, в каком жила Мария Константиновна. Теперь сюда может прийти каждый, кто любит театр, чтобы своими глазами увидеть мир, окружавший первую актрису украинской сцены, пленившую когда-то Толстого и Чехова.

С 1926 года Козловский жил и работал в Москве. Но не было и не могло быть таких гастролей украинских театров в столице, чтобы Иван Семенович не удостоил их своим вниманием. А уж что касается Полтавского театра, — сколько вечеров он выступал в Москве, столько раз Козловский был в зале.

В октябре 1992 года в Москве, на сцене Театра им. Евг. Вахтангова, Киевский украинский театр им. Ивана Франко показал спектакль «Тевье-Тевель». В основу его легла пьеса Григория Горина, сочиненная по мотивам повести Шолом-Алейхема «Тевье-молочник», в постановке Сергея Данченко с Богданом Ступкой в главной роли. После представления Иван Семенович преподнес украинским гостям хлеб-соль со свечой и коробку с мацой. Патриарх отечественной сцены обратился к создателям спектакля и к зрителям со словами о добре, без которого общество погибнет даже при условии, что весь мир будет готов оказывать нам безвозмездную гуманитарную помощь еще много лет впредь. Ибо только добро спасет мир, в том числе и мир в собственном доме.

Несколько лет назад в Москве состоялся торжественный вечер, посвященный 100-летию со дня рождения великого реформатора украинской сцены Леся Курбаса. Устроители знали, что Иван Семенович не совсем здоров. Но на всякий случай послали ему приглашение. И Козловский не просто пришел, но и выступил, став, естественно, украшением вечера. И так всегда!

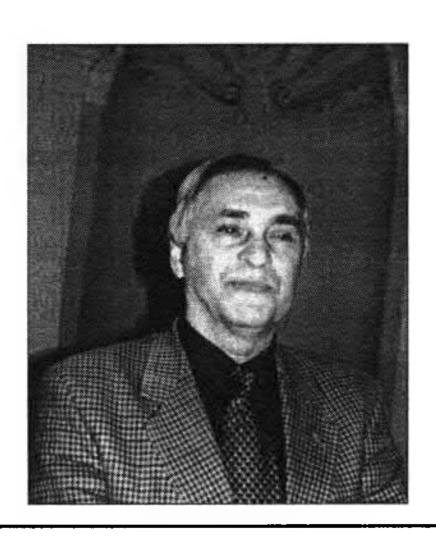
Я бы мог множить и множить примеры, но хочу закончить эти заметки словами Ильи Григорьевича Эренбурга: «...Я думал, что так же тщетно беседовать с певцом, как разглядывать соловья. Иван Семенович Козловский разбил мои

невежественные представления. Я уже не говорю о том, что в его исполнении столько же мыслей, субъективных толкований, суждений, сколько у выдающегося драматического актера; но и в жизни он — один из самых тонких художников нашего времени».

Москва, 2004 г.

Примечания

Воспоминания написаны специально для данного сборника.

Валерий Кикта

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО ПЕВЦА ИВАНА СЕМЕНОВИЧА КОЗЛОВСКОГО, или Комментарии к компакт-диску «Из раритетных записей И. С. Козловского (1967–1975 годов)»

Прослушивая компакт-диск, выпущенный московской фирмой «Раритетъ» в 2004 году, еще и еще раз убеждаешься в неповторимости и уникальности вокального искусства певца.

Эти записи являются документальным свидетельством творческого долголетия, не имеющего аналогов в певческой мировой практике. Начав свою профессиональную карьеру в 1919 году в Полтавском передвижном музыкально-драматическом театре в 19 лет, Иван Семенович в 1987 году, в возрасте 87 лет, дал свой последний сольный концерт в Большом зале Консерватории, исполнив в сопровождении симфонического оркестра романсы своего любимого композитора

С. В. Рахманинова. Практически это был необъявленный прощальный концерт, на котором мы в последний раз услышали его непревзойденное исполнение рахманиновского романса «Христос воскрес».

Раритетные записи 1967—1975 годов свидетельствуют о блестящей вокальной форме певца: полный и ровный диапазон голоса, его узнаваемый мягкий серебристый тембр, идеально чистая интонация, уникальное дыхание, искусное владение фальцетом в разных регистрах, предельно ясная и четкая дикция, мастерское употребление и использование тембральной окраски звука, удивительная пластичность и объемность коротких и длинных вокальных фраз и линий.

Весь этот богатейший арсенал выразительных средств голоса и высочайшего мастерства Козловский мудро умел направить на раскрытие глубинного смысла исполняемых произведений.

Иван Семенович нередко повторял: «Исполнитель должен не интерпретировать, а проповедовать сочинение!» Таким всегда было кредо певца, начиная с гениального образа Юродивого, созданного им на сцене Большого театра в 1926 году. За дирижерским пультом тогда стоял композитор М. Ипполитов-Иванов, по инициативе которого впервые была осуществлена постановка сцены «У храма Василия Блаженного».

Уйдя из Большого театра в 1954 году в полном расцвете творческих сил, И. С. Козловский на протяжении более тридцати лет давал сольные концерты с интереснейшими, никогда не повторяющимися камерными программами, в которых непременно звучали редко исполняемые, незаслуженно забытые, а также новые вокальные произведения композиторов. Под впечатлением от исполнения певцом «Серенад» Б. Бриттена в 1961 году в Большом зале Консерватории я написал в 1966 году семичастный вокальный цикл «Плач о потерянном сердце» на слова японского поэта И. Такубоку (пер. В. Марковой) для тенора, альтовой флейты и камерного струнного оркестра. Иван Семенович дал согласие послушать мой цикл, но сразу добавил, что это не означает, что он его будет петь. После прослушивания я оставил ему ноты. Прошло какое-то время, и вдруг у меня звонит телефон. От имени Ивана Семеновича помощница и друг певца Нина Феодосьевна Слезина

пригласила меня на репетицию. Я был поражен, с какой эмоциональной отдачей и интонационной уверенностью и точностью был уже выучен цикл, несмотря на многие политональные сочетания, встречающиеся в произведении. Воспользовавшись моментом, я решил посоветоваться с Козловским относительно возможного понижения на тональности романса «Плача, я с Богом спорил» из-за высокой тесситуры у тенора. Иван Семенович несколько удивился и без колебания сказал: «Нет, нет! Оставьте все так, как у вас написано. Я высокой тесситуры не боюсь, это Собинов избегал верхних регистров!» Как бы в подтверждение своих слов, он без всякой подготовки спел несколько высоких «до», а затем у концертмейстера П. П. Никитина спросил, какое из взятых «до» ему понравилось больше. Никитин, восхищенный всеми спетыми нотами, отметил первое «до». Иван Семенович с сожалением усмехнулся и сказал: «Я так и знал, что вы назовете первое „до“, потому что вам подавай его „с мясом“! А вот по-моему, нужно ценить и считать лучшим последнее „до“, которое было взято легко и звучало мягко».

Осенью 1967 года состоялась запись цикла «Плач о потерянном сердце» с Камерным оркестром Московской филармонии п/у Р. Баршая, соло на альтовой флейте играл А. Корнеев. Это сочинение я с благодарностью посвятил Ивану Семеновичу. Так началась наша многолетняя плодотворная творческая дружба, продолжавшаяся более четверти века.

В 1970 году, в год семидесятилетия певца, были исполнены и записаны «Украинские колядки» с голоса И. С. Козловского, по его сценарию. Этот пятичастный цикл свободных обработок народных украинских мелодий, дошедших к нам со времен киевского князя Владимира Крестителя, был написан по просьбе певца буквально за неделю до юбилейного концерта в Большом зале Консерватории 18 января. В завершение этого памятного вечера певец величал «Украинскими колядками» слушателей, разбрасывая по всей сцене зерна пшеницы из белого фарфорового лебедя — символизирующего ладью Лоэнгрина. Да, того самого вагнеровского «Лоэнгрина», партию которого Иван Семенович так любил и унаследовал от самого Собинова. В записи «Колядок» участвовали: Большой хор Всесоюзного радио и телевидения п/у К. Птицы (главный

хормейстер Л. Ермакова), М. Сорокоумовская (арфа), С. Диденко (орган), Ю. Годин (ударные), В. Кикта (клавесин), а также певцы К. Лисициан (сопрано), Р. Лисициан (меццо-сопрано), Р. Лисициан (баритон), М. Златопольский (бас).

В 1971 году был исполнен, а затем записан четырехчастный вокальный цикл «За гранью темноты» на стихи польской поэтессы Я. Контковской (пер. В. Татаринова) для тенора и камерного ансамбля. Публичному исполнению предшествовали многочисленные репетиции за роялем в доме Ивана Семеновича, начинавшиеся в 12 часов утра. Всегда собранный, не экономя голоса, он пел в полную силу, сидя за роялем, искал и находил все новые и новые краски, важнейшие смысловые акценты, помогающие раскрыть глубокий философский смысл произведения, затрагивающего вечный вопрос о жизни и смерти. Особенно долго певец искал, как убедительнее декламационно произнести фразу из трех коротких слов «Я тоска твоя» второй части цикла «Странная гостья». Найдено было несколько вариантов, которые его никак не устраивали. И вот наконец-то он остановился на окончательном решении. Слово «Я» им было произнесено на выдохе на форте, как бы с устрашающим и пугающим акцентом. Затем следовала пауза оцепенения. С оттенком горечи и сожаления на пиано плавно и с некоторой оттяжкой звучат слова «тоска моя». Это чисто режиссерская находка Козловского, которая захватывает душу слушателей и надолго запечатлевается. В записи сочинения принял участие Ансамбль солистов Московской филармонии п/у А. Корнеева. Как правило, во время записей Иван Семенович всегда предпочитал первый вариант, считая, что в нем всегда есть естественный момент творческого волнения и эмоционального накала, а повторные выхолощенные дубли, по его мнению, нужны для звукорежиссеров и звукооператоров.

Как-то после очередной домашней репетиции Иван Семенович мне рассказал, что на вечере в Центральном доме литераторов от киевского писателя Д. Комаря услышал слова украинской народной песни о матери, которая произвела на него сильное впечатление. Он попросил меня поискать мелодию этой песни в фольклорных сборниках. Поиски мои, увы, были тщетны. Я обратился к киевской арфистке Одарке Вощак с просьбой помочь нам. К сожалению, этой песни не оказалось

ни в одном украинском издании. Да и писателя Комаря нигде не могли найти. И только по иронии судьбы О. Вощак набрела на пожилую гардеробщицу Научной библиотеки Академии наук УССР, которая по счастливой случайности помнила разыскиваемую нами песню. После расшифровки мелодии и слов с пленки, присланной из Киева, я предложил Ивану Семеновичу план предполагаемой разработки материала. С его одобрения и благословения родилась кантата «Песнь о матери». В 1973 году состоялись исполнение и запись, в которых участвовали О. Эрдели (арфа), Г. Май (флейта-пикколо), Е. Прочакова (орган), а также хоровая студия «Спутник» п/у М. Калики.

В 1974 году из жизни ушел концертмейстер П. П. Никитин, ученик К. Игумнова, проработавший с Козловским более четверти века. Это был большой удар для певца. Иван Семенович организовал концерт памяти П. Никитина в Большом зале Консерватории в 1975 году, что по тем временам было чем-то невероятным и неслыханным. Он попросил меня написать для этого вечера романс на стихотворение А. Ахматовой «Бесшумно ходили по дому», которое предложила Ивану Семеновичу его друг и помощница Ольга Николаевна Адрианова. Когда я показал певцу первоначальный вариант романса, он сосредоточенно и внимательно послушал несколько раз, затем многозначительно помолчал и сказал, что, по его мнению, чего-то не хватает для завершения сочинения. Он встал из-за рояля, открыл большой красный шкаф с нотами и извлек оттуда клавир глюковского «Орфея». Именно с этой оперы началась его совместная работа с П. П. Никитиным в Концертном ансамбле оперы, которым Иван Семенович руководил и был режиссером оперных постановок с 1938 по 1941 год. Перелистывая клавир, доставшийся ему от Собинова, Иван Семенович неожиданно остановился на странице, где был инструментальный проигрыш, нравившийся ему. Подумав, он вдруг произнес: «А что, если из глюковской интонации развить скорбный вокализ для тенора, альтовой флейты и органа?» Таким образом появилось довольно развернутое дополнение к романсу. В момент исполнения произведения на концерте Козловский держал в руках свернутый в тонкую трубку белый лист бумаги, вызвавший у слушателей полную ассоциацию с молитвенной свечой. Это было образно и впечатляюще. Известная арфистка

В. Г. Дулова и баритон А. О. Батурин, дружившие с певцом, присутствовали на этом концерте и рассказывали мне, что буквально замерли во время исполнения ахматовского романса, который произвел на них неизгладимое впечатление. Запись сочинения была осуществлена в 1975 году в двух вариантах: со струнным оркестром и с фортепиано. На диске представлен последний вариант, в котором играют Н. Вальтер (фортепиано), А. Корнеев (альтовая флейта), В. Кикта (орган).

Компакт-диск завершает «Ода И. С. Козловскому» («Многие лета») на слова поэта Виталия Татаринова, которые посвящены певцу:

Многие лета, многие лета,
Многие лета Вам на земле!
Голос крылатый к небу несется —
Солнце в душе и в голосе солнце.
Чистое сердце силу рождает,
Искренним чувством все побеждает.
Многие лета, многие лета,
Многие лета Вам на земле!
Неба не скроют серые тучи,
Бури не сломят явор могучий.
Слава тому, кто делает смело
Трудное дело, доброе дело!
Многие лета, многие лета,
Многие лета Вам на земле!

Сочинение впервые прозвучало в заключение сольного концерта И. Козловского в Большом зале Консерватории в 1973 году. Хоровая студия «Спутник» п/у М. Калики торжественно величала великого певца, отдавая дань уважения и преклонения его неувядаемому и неповторимому искусству.

В дар певцу от хора был преподнесен гипсовый барельеф московского скульптура Михаила Шандуренко. На белой раме, украшенной утонченной золотистой лепкой, были изображены ноты и слова «Оды». Этот дорогой для Ивана Семеновича дар висел у него дома, в большой комнате, на почетном месте. А когда он поздравлял по случаю праздников близких и дорогих ему людей, то в своих посланиях, заглядывая на висящий на стене барельеф, старательно выписывал на нотном стане мелодию и слова: «Мно-ги-е ле-та Вам на зем-ле!»

Мне часто вспоминается любимая фраза Козловского: «Исполнитель — соавтор произведений!» Эти слова в полной мере относятся ко всем моим вокальным произведениям, вошедшим в компакт-диск «Из раритетных записей И. С. Козловского (1967–1975 годов)», выпуск которого посвящен светлой памяти великого Человека и Певца — незабвенного Ивана Семеновича Козловского.

Примечания

Воспоминания написаны специально для данного сборника.

ПОСЛЕДНЕЕ

Нина Слезина

ПОСЛЕДНЕЕ

Вот и кончилось все...

16 часов 45 минут. 21 декабря. 1993 год.

Не стало Ивана Семеновича. Ушел из жизни земной Учитель, Друг, Просветитель, Носитель прекрасного, слуга небесной чаши Грааля, приобщенный к добру, справедливости, свету, верности долгу.

Умер Иван Семенович, человек, который, казалось, будет жить вечно, всегда будет в гуще событий, с неугасающим интересом к жизни.

Но все мы временны на земле... С нами осталось огромное духовное наследство Ивана Семеновича. Спасибо ему за это! Но как бы он ни был велик в своем творчестве, в своем необычном, лишь ему присущем восприятии мира, он был *человек*. Уже старый и больной, хотя душа его с этим никак не могла и не хотела смириться.

Последние месяцы жизни... Последние дни...

Летом, в июне, И. С. перенес тяжелую пневмонию, возникшую остро, с температурой за 39°. Его забрала «скорая» в 5 часов утра. Поместили его в инфекционное отделение Центральной клинической больницы в Кунцеве («Кремлевки»), где были прекрасные условия.

Выходил он из болезни, на удивление врачей, очень быстро и уверенно. Дней через десять мы уже выходили на улицу, сидели на маленьком балкончике около палаты. Я ему создавала по возможности комфортные условия — устраивала помягче сидение и спинку кресла, закрывала ноги теплым халатом. И читала, читала... Он ждал этого с нетерпением, потому что сам практически читать уже не мог — плохо видел. Читали мы «Кремлевских жен» Л. Васильевой. Ему было интересно, потому что он многих знал. С чем-то соглашался, с чем-то — нет. Что-то не принимал совсем. Вспоминал очень тепло Марию Васильевну Буденную, другую жену маршала — певицу Михайлову, с которой пел в «Риголетто»: он — Герцог, она — Маддалена. Когда она умерла, он написал письмо, и Л. И. Алемасова читала его на панихиде...

Очень болезненно относился к тому, когда в 9 часов вечера мне надо было уходить от него: «Попросите, чтобы можно было остаться, у них есть свободные палаты, не уходите, я боюсь ночи...» Особенно не любил приближения сумерек, становился печальным и каким-то беззащитным. Часто в это время просил меня прочитать какие-нибудь стихи. Ему нравилось почему-то, как я читаю. Думаю, что он просто очень привык к моему голосу, к моим интонациям. Иногда поправлял меня: «Не понижайте голоса в конце». И всегда благодарил и хвалил. Чаще всего просил читать «Девушка пела в церковном хоре» Блока, «Христос» Тургенева и стихотворение, посвященное ему — «Вальс „На сопках Маньчжурии“» (Т. Глушковой. — *Прим. сост.*). Нередко просил: «Еще!» Я читала ему Лермонтова, Тютчева, Шевченко, Блока, Есенина, Симонова, Пастернака, стихи авторов, которых сама не помнила, а текст знала. Любил очень «Утреет. С Богом по домам...» Блока и «Черный человек» Есенина. Любил слушать те стихи, на текст которых написаны романсы, исполняемые им когда-то.

Я не раз говорила ему, что не понимаю, как он не спел «Благословляю вас, леса...» Ведь можно было транспонировать его: или при этом высокому голосу было бы неудобно, или сам романс потерял бы что-то? Не знаю. Слова романса как будто специально для него написаны. Я слышу их в его исполнении, слышу его акценты. Когда я спросила его об этом впервые, он внимательно, очень пристально не посмотрел на меня, а всмотрелся и сказал: «А правда, почему я этого не сделал?! Это хорошо».

Так вот, я читала ему и эти строки. Сейчас я удивляюсь сама себе — откуда все это приходило мне на ум, как всплывало в памяти...

Потом начали гулять. Постепенно круг походов по территории расширялся. Одним словом, из больницы он вышел окрепшим, но голоса уже почти совсем не было. Во многих случаях я служила уже переводчиком. Без меня его не понимали. В поведении был ровен. К нему в больнице очень хорошо относились.

На дачу ехать категорически отказался, провел все лето в Москве. Потихоньку, всегда с кем-нибудь выходил в церковь, благо она рядом, любил посидеть в церковном садике, посмотреть на мерцающие сквозь стекла дверей свечи, послушать пение. К нему подходили владыко, священники. Он любил посидеть и помолчать — это ему напоминало, как он говорил, сельскую церковь. Поэтому часто вспоминал «Христос» Тургенева, очень жалел, что не удалось осуществить запись, и мечтал, мечтал о том, что он ее сделает и читать будет на фоне «Легенды» Чайковского («Был у Христа-младенца сад...»), которую будет исполнять с закрытыми ртами мужской хор Издательского отдела патриархии...

Подошла осень. И. С. постепенно слабел, выходить ему становилось все труднее — уставал от самой процедуры одевания.

Слава Богу, что в эти дни разрядилась обстановка с Большим залом Консерватории. Еще в самом конце прошлого года он очень обиделся на администрацию зала из-за пустяка, глупости — его спутница на том злополучном концерте не нашла как-то должной линии поведения, когда размещались в ложе. Он оскорбился, и в итоге — почти весь сезон не был ни на

одном концерте. Это, конечно, сыграло плохую роль в общем его состоянии, так как он лишился по существу своей единственной настоящей радости — общения с музыкой и людьми, которые всегда очень радостно и почтительно приветствовали его. Это создавало разрядку, «допинг», как он любил говорить. Он оказался замкнутым в своих мыслях, а они были невеселые — никак не решался вопрос о присоединении к его квартире второй ее половины (смежной с его спальней на верхнем этаже), а ходить постоянно вверх-вниз по узкой и крутой лестнице из столовой в спальню становилось все труднее. И так он поднимался в основном за счет еще очень крепких рук — вот когда сказались его ежедневные упражнения на гимнастических кольцах! Не сдвигался с места вопрос об экранизации «Снегурочки» — для него, по-моему, было несущественно, хватило бы у него сил на постановку и съемку. Но он об этом думал и огорчался безмерно, что «все стоит на месте». Беспокоил его и ремонт дачи, и то, как он будет жить, если внучка Анюта с детьми переедет в эту квартиру; и положение в Марьяновской музыкальной школе, и как построить церковь в Марьяновке, да так, чтобы не обидеть верующих, принадлежащих к разным конфессиям, и как создать вокальный семинар... Сожалел, что рояль уже нельзя ремонтировать в домашних условиях, а второй инструмент, остававшийся в квартире на улице Горького, дети без согласования с ним продали, и сейчас он практически без инструмента. И еще многое и многое... Редко говорил об этом, но беспокоился и относительно своего здоровья — жаловался, что не может читать, разбирать ноты, а очки не помогают и подобрать хорошие врачи не могут (если это было в их силах, а не в Божьей власти!), что болят колени, что очень сильно похудел, что...

Противовесом всем этим волнующим и горьким мыслям всегда для него была музыка. А глупейший инцидент в Большом зале лишил его главного душевного прибежища.

К счастью, пришел Валерик Кикта, которому удалось уговорить И. С. прийти на его концерт. Я думаю, что это совпадало с его внутренним желанием. Но искренняя и настойчивая просьба Валерия, которого И. С. очень любил по-человечески и высоко ценил как композитора, помогли ему преодолеть тот психологический барьер, который возник в результате

нелепости. Из консерватории И. С. пришел окрыленный, полный впечатлений от прослушанного концерта и от того, как его встретили и участники концерта, и публика. Как этого ему не хватало все прошедшие месяцы! Он побывал еще на нескольких концертах, но уже не рвался, как прежде. И это ему стало трудно — трудно одеваться, тяжело сидеть, вдруг раздражал кто-то...

Был очень рад, когда получил из Василькова от шестиклассников книжку об этом городе. Он просил меня (книжка была на украинском языке) читать ему, уносил ее с собой наверх — рассматривал фотографии, иногда с лупой. Узнавал отдельные места, где бывал еще подростком, рассказывал о храме, который стоит на горе и виден, когда въезжаешь в город по дороге из Марьяновки. Мы были там в свое время в заколоченном, полуразрушенном храме. Как хорошо, что сейчас его восстановили и там снова идет служба. По-моему, это *последняя* в жизни И. С. книга, которую он читал — сам ли, с нашей ли помощью. Она так и осталась лежать на маленьком столике у телефона в его комнате-светелке наверху. Вот и пишу *последняя*, спотыкаясь о безысходность случившегося... Последняя книга, которую он читал. Последняя опера, которую он слушал. Последняя. Последнее... Грустно. Больно.

Мы видели, что он угасает. Он перестал днем подниматься наверх. Когда он все же шел по лестнице вверх, мы шли за ним, чтобы подстраховать его. И. С. все это понимал, я же обращала все в шутку, на что он говорил: «Разве от Слезиной можно избавиться? От нее, как от відьми, не откараскаєшься». Вниз по лестнице, после того как он, однажды поскользнувшись, чудом удачно сел на ступеньки, он спускался потом спиной вперед. Я его уговорила так делать, считая, что уж если он поскользнется или оступится, то при падении обопрется на руки, а не ударится затылком.

После завтрака он уже не поднимался к себе, а чаще всего садился в кресло и включал телевизор, но и вскоре засыпал. Подойдешь, погладишь по руке — он тут же включался в реальность: «Доклад будет?» В «доклад» входило все: с кем я говорила по делам, какие пришли письма, какие новости в газетах и т. п.

Иногда ложился на диван в столовой и просил почитать. Особенно любил слушать все по поводу искусства или истории.

На протяжении многих лет я собирала различные высказывания об И. С. И вот именно в эти дни я попробовала почитать кое-что из этого Ивану Семеновичу. До сего времени я пыталась ознакомить его с собранием публикаций, но он как-то боязливо относился к этому, по-моему, из суеверия. Хотя ему небезынтересно было знать, кто и когда, при каких обстоятельствах сказал что-то о нем, заранее благодаря авторов за внимание, проявленное к нему. Я прочитала ему из воспоминаний Анастасии Цветаевой отрывок, где она очень тепло рассказывает о том, как И. С. пел, провожая в последний путь П. Г. Антокольского, и статью А. И. Орфенова. Он очень внимательно, с большим интересом слушал то, что я читала, а потом сказал: «Спасибо им! Спасибо, что занялись этим. Спасибо, что прочитала. Сейчас именно это мне и нужно, помогает обрести равновесие». И даже в самый последний день его пребывания дома, утром, я читала еще ему высказывания В. Б. Шкловского, А. Н. Пидсухи, И. Ф. Драча. Он внимательно слушал, просил кое-что повторить.

В эти осенние месяцы И. С. очень пристрастился к занятиям с Толей (Анатолием Николаевичем Клейменовым). Он ждал его с нетерпением каждый день, крайне редко отменял занятия: «Я что-то устал сегодня». И крайне огорчался, когда по какой-то причине не мог прийти сам Толя. Каждый день после завтрака первое, что он спрашивал: «Нина придет?» Вторым был вопрос: «А Толя сегодня придет?» Видимо, Толя «поймал» то, что показывал и что требовал от него И. С. Ему это было приятно и интересно. Поэтому он сам и пошел на концерт в Малый зал Консерватории, посвященный памяти концертмейстера Кирилла Виноградова, в котором принимал участие Толя. Кстати, пел он хорошо. Иван Семенович остался доволен, но назавтра погрозил Толе пальцем: «Не задавайся! А тут *(показал)* надо бы так *(тоже показал)*», — и дальше пошел профессиональный разговор. Именно потому, что ему была небезразлична судьба певца, он просил меня, когда были Толины выступления, пойти послушать и после рассказать ему подробно, как было — что пел, как пел, «не орал ли», что было, на мой взгляд, удачно и что не очень и т. д. К самому Толе в это время И. С. относился удивительно доверительно, я бы сказала, ласково. Он мог бы и раздражаться на него, как на

каждого из нас, но это были отношения очень близких людей. Как у отца и сына: добрые, доверительные, очень нежные, любовные.

Когда они занимались, двери в комнаты, где они работали, И. С. сам закрывал (наивно полагая, что мы не услышим), чтобы не смущать Толю. Иногда после занятий я хвалила Толю: хорошо «поставил» ноту, хорошее пиано и так далее. И. С. был очень доволен: глаза у него искрились, — но улыбку прятал и говорил Толе: «Никогда не слушай женщин! Отец у нее (у меня) был замечательный, ну а дочь — сам видишь. Відьма!» Это значило только одно — И. С. был доволен.

Этой осенью скоропостижно скончался Олег Георгиевич Батурин — Алик. Умер в 62 года на концерте, на сцене, когда за роялем сидела его старшая дочка Таня, а за арфой — младшая Катя. Его жена Надя в это время была за кулисами. Упал. И ночью умер. Такой жизнелюб, такой доброжелательный, такой семьянин!

На И. С. его смерть произвела огромное впечатление. Он постоянно возвращался в разговорах к этому страшному событию. И однажды совсем неожиданно сказал: «Я очень завидую Алику!»

Отпевали Олега Георгиевича в церкви Ильи в Обыденском переулке. Я была больна, на похороны поехать не могла. Для И. С. вопроса — ехать или не ехать, несмотря на его слабость, не было. Он поехал на отпевание в церковь с Толей и Ольгой Николаевной. Стоять ему было трудно, ему принесли стул. Был на протяжении всей панихиды. Очень сочувственно отнесся к семье — Надю он всегда любил и очень уважал, дочек знал с малых лет, а младшая из них, Катюша, аккомпанировала ему на арфе чуть ли не с шести лет. Вернувшись домой, он позвонил мне, долго говорил, несмотря на усталость: об Алике, его семье, о воле Божьей, о мудрости отпевания...

А я часто возвращаюсь мыслью к одному эпизоду, о котором И. С., к счастью, не знал. На похоронах Алика была певица, сама уже в годах. Певица очень хорошая, имеющая высшие титулы. В этот день у нее был концерт. И она не нашла ничего другого, как, выйдя на эстраду, обратиться к публике, объясняя ей свое взволнованное состояние тем, что была на похоронах Олега Георгиевича, что на панихиду в церковь «привезли

Козловского. Живые мощи». Не понимала и не понимаю, за что на собственном концерте нужно было лягнуть И. С.? За то, что он, невзирая на свои годы, на самочувствие, пришел отдать последнюю дань человеку, с которым его многие годы связывали теплые отношения? Что прибавило ей это? И в чем вина И. С.? Печально. Хорошо, что сам И. С. не узнал об этом. Но, думаю, у него хватило бы мудрости пренебречь пошлой выходкой.

Как-то, когда мы в разговоре вновь вернулись к памяти Алика, я прочитала И. С. стихотворение. Ни автора, ни времени, когда оно мне запомнилось, не знаю. И потом по просьбе И. С. я не раз повторяла его.

Друзья уходят, не прощаясь,
Как по тревоге корабли,
И остаемся мы с вещами,
Что вдруг их душу обрели.
Пластинка, старенькое фото,
Гитара, сумрак, синий снег...
Какая страшная работа —
Прощаться с близкими навек.
Ложится тихо лунный отблеск
На их остывшие следы.
Твой друг ушел в бессрочный отпуск
От нас и нашей суеты.
Но говори о нем: «А помнишь?..»
Часть нашей жизни с ним ушла.
И слышишь? Не по ним лишь только —
По нам звонят колокола.

И. С. задумался, сказал: «Хорошо. Если будет вечер, посвященный Алику, прочитайте их».

Но я читала эти строки на поминальном обеде в Марьяновке на 40-й день кончины Ивана Семеновича...

В октябре И. С. получил приглашение на прием и концерт в посольстве Финляндии. Он взял меня с собой. Пел финский баритон, очень хороший. И. С. с интересом слушал, высоко оценивая певца. Шутил с Б. А. Покровским. У него брали интервью финские и русские корреспонденты. Он охотно вел разговоры. Из того, что было на столе, И. С. заинтересовали только

торт и мороженое. Был весьма общителен, хотя в беседах я ему «помогала», переводя собеседникам то, что он очень тихо говорил. Домой вернулся очень довольный, обсуждая все слышанное и виденное. Радовался тому, что Толя тоже слышал финский баритон: «Тебе надо больше слушать, это тоже школа...»

По комнатам он передвигался сам, хотя большей частью предпочитал, чтобы с ним был кто-то рядом, держал его за руку. А руки у него были холодные-холодные, я ему их грела, держа в своих ладонях, и он всегда говорил, что у меня очень теплые и добрые руки.

По телефону говорил мало — его было плохо слышно, ему приходилось очень напрягаться, отчего он быстро уставал и раздражался.

Но при всем том он продолжал и осенью заниматься подготовкой к изданию компакт-дисков: первый — русская музыка, второй — западная. Он отбирал произведения, слушал свои записи, которые ему предоставляла фирма, отбирая лучший, по его мнению, вариант. Он возвращался к записям по многу раз. Особенно ему доставляло удовольствие слушать романс Н. К. Метнера «Цветок засохший» и арию из оперы Доницетти «Фаворитка». Слушая «Рассказ Лоэнгрина», сказал: «Ничего. Это хорошая визитная карточка для певца». Любил слушать разные варианты, записанные с разными дирижерами, сравнивая их интерпретацию.

Никогда раньше я не видела И. С., с таким интересом слушающего *себя* дома. Да, на студию он ходил обязательно, не однажды возвращаясь к проделанной работе, обсуждая ее с Игорем Петровичем Векринцевым, звукорежиссером, Петром Павловичем Никитиным, Сашей [Александром Васильевичем] Корнеевым, Валериком [Валерием Григорьевичем] Киктой. Он дома, один — такие случаи были очень и очень редко. А вот сейчас ему хотелось слушать и слушать: «Не стыдно! Неплохо! О-о, это я бы переписал... Дурак, кому нужна такая фермата?! Так я и думал, что он [дирижер] сделает так... Сейчас я бы сделал по-другому... С этим можно согласиться... Достойно...» — такими репликами он нередко сопровождал прослушиваемое.

Были и смешные случаи. Например, слушая «Вокализ» Рахманинова, он вдруг позвал меня — я отошла к телефону — и строго, с удивлением спросил меня: «Нина, почему в этом

варианте я не сделал группетки?![1] (а запись была сделана в 1947 году). Послушайте — в первом варианте есть и в третьем есть, а во втором — нет!» Я засмеялась и говорю: «В угол надо!» И. С.: «Кого?» Я: «Нину». И. С. посмотрел на меня несколько ошеломленно, и мы оба засмеялись.

Любил обсуждать записи, идущие на компакт-диск, с редактором фирмы Любовью Григорьевной. Но... уставал очень быстро. Выходил к ней и звукорежиссеру Виктору Ивановичу одетый, как всегда привык принимать людей — в костюме, выглаженной белой или голубой рубашке (других цветов не носил), с галстуком-бабочкой, в туфлях. Никогда — в пижаме, тапочках. Это была дань уважения не только к людям, но и к Музыке. И. С. любил и умел работать. Всегда, даже дома перед телевизором, в концерте, на спектакле у него с собой непременно были небольшого формата, по карману листочки плотной бумаги, на которых он даже в темноте делал свои пометки. Всегда. В последнее время, если рядом была я, шептал мне: «Запишите!..»

4 ноября 1993 года в Театре имени Станиславского и Немировича-Данченко Самарский театр давал оперу С. Слонимского «Гамлет». Спектакль шел всего один раз. Театр очень настойчиво и уважительно приглашал на этот спектакль И. С. Он, конечно, пошел. Как всегда, элегантный, но худенький-худенький и очень слабенький. В театр мы поехали втроем — И. С., Толя (Клейменов) и я. И. С. шел, опираясь, как обычно в последнее время, на мою руку. Но после спектакля мы с Толей одели его, застегнули пуговицы на пальто, и Толя почти нес его к машине. И. С. очень устал, но был доволен. Спектаклем, общением с людьми, тем, что к нему подходили артисты, бывшие в зале, руководители самарской администрации. Все были очень ласковы и внимательны. Его это радовало. Хотя говорил он уже так, что собеседники его практически не понимали. Я, улыбаясь, с шутками «переводила» его. Он это тоже обыгрывал — говорил, что я его затираю — «не даст слова сказать», что я «лезу поперёд батьки» и т. п.

Стоял хорошо, слегка придерживал меня за руку, пожимал руки подходящих к нам еще крепким пожатием, целовал ручки дамам, привычно улыбаясь своей обаятельной улыбкой... Мы пришли в театр, принеся с собой письмо-приветствие

Самарской опере, в котором он не забыл вспомнить о том, что Куйбышев в 1941 году приютил Большой театр, не забыл вспомнить и ту часть труппы, которая осталась сегодня в Самаре, потому что не занята в спектакле, но без которой не было бы театра...

В конце спектакля, когда приветствовали участников постановки «Гамлет», на сцену вышел заместитель директора театра и прочитал письмо Ивана Семеновича. Зал встал и долго аплодировал ему. Он встал тоже и, подняв руку, приветствовал сцену и зал. Со сцены его забросали цветами... Действительно, люди к нему относились с большим уважением, даже с любовью. Это очень согревало его, и он очень ценил это внимание.

Приехали домой. Он был усталый, но очень-очень довольный, шутил, не отпускал Толю. Я оставалась ночевать, потому что было поздно. И мы потом пили чай и говорили, говорили без конца. Вдруг посередине разговора он сказал буквально следующее: «Как меня трогают все эти люди, их отношение ко мне, иногда даже глаза мои увлажняются». Весь вечер он оставался в хорошем расположении духа. Так втроем — И. С., Анастасия Семеновна и я — просидели далеко за полночь. Анастасия Семеновна ушла отдыхать около часу, а мы с ним разошлись в три часа, с трудом прервав разговор. Вспоминали поездки по Украине — как мы были у Марии Федотовны Корнейчук в Киеве, Плютах, у Смолич в Конче-Озерной. Возвращались к впечатлениям от спектакля. И. С. очень понравился баритон — Гамлет. Вспомнил, видимо, по ассоциации «Отелло» Чабукиани, очень хвалил его, а потом — Ахметели, Чиаурели, Кетусю. Вспомнили, как провожали ее в последний раз на аэродроме...

А сейчас я держу в руках программку Самарского театра — опера «Гамлет», 4 ноября 1993 года, и я напишу на ней: «Последний спектакль, на котором был Иван Семенович». Последний...

И пошли дни дальше. И. С. очень беспокоили мысли о том, что никак не реализуются его замыслы. Он, конечно, отлично понимал, что сам уже сделать может практически очень немного, но смириться с этим не хотел. Никак. Это касалось опять-таки замеревшего на месте вопроса о присоединении этих несчастных 30 кв. м к его комнате — ходить вверх-вниз

ему становилось с каждым днем все труднее, поэтому ему все чаще и больше по времени приходилось оставаться внизу. А если он поднимался наверх, чтобы удобнее, комфортнее полежать, то просил подняться с ним. Я все чаще, шутя, предлагала: «Давайте я расскажу вам о Козловском!» И у него начинали улыбаться глаза, появлялась милая, беглая, иногда озорная улыбка: «Давай!» Я рассказывала ему...

Одну из тем мы назвали «Криминальный Козловский» — о том, что он делал вопреки... «Всенощная» Рахманинова еще в 1964 году, в момент разгула кампании против еще уцелевших церквей; «Христос воскрес» — произведение, которое не обозначали в программах, и на одном из экземпляров программки концерта в Большом зале Консерватории я вписала от руки название этого романса, а директор зала — милейший, интеллигентнейший Марк Борисович Векслер — удостоверил это своей подписью и печатью. «Колядки», исполнение которых тоже удостоверялось М. Б. Векслером. «Менi однаково...» Съемки в Киевской Софии, осуществленные только благодаря настойчивости И. С. ...Проводы в последний путь людей, которые не были угодны в данный момент режиму... И еще... еще... И. С. не то что внимательно, а с большой заинтересованностью слушал. Подтверждал, иногда всплескивал руками: «А я забыл! Верно! Верно!» Хвалил меня: «Молодец, что запомнила. Это важно». И всякий раз говорил мне: «Как хорошо, что вы говорите мне это. Это то, что сейчас так мне необходимо. Спасибо! А продолжение будет?»

Я рассказывала ему о его неосуществленных замыслах — как мы работали над сценарием «Орфея», спектаклем, который он очень хотел воплотить на экране. Мы сидели у рояля, И. С. с клавиром. Он диктовал мне, а я писала нечто вроде сценарного плана: цифра такая-то, слышим то-то, видим то-то. Он радовался: «Как мы работали! А потом Слезина стала толстой и ленивой». И все время спрашивал, записала ли я все это.

Очень часто говорили о том, как бы он сделал сцену Юродивого.

Иногда неожиданно задавал вопрос: «А как вы думаете?» Или: «А что скажет Слезина?» За всю мою жизнь рядом с И. С. он никогда не допускал меня в свою «святая святых», в течение долгих лет мне максимум даровалась роль слушателя. Но

в последние 6—8 лет мы нередко разговаривали почти на равных. А сейчас я уже выступала в роли советчика, хотя «тайным советником» он называл меня более четверти века.

Так протекали дни. От встреч И. С. не уклонялся — отказывать он не умел и не любил, но они были ему тяжелы: уставал он очень быстро. Нередко вздыхал: «Трудный у меня характер. Многое я вижу, и больно мне, но молчу... Молчи, Ваня, — так я себе всю жизнь говорю».

В двадцатых числах ноября умерла Елена Николаевна Гоголева — Леля, как называл ее И. С. 22-го ее хоронили. Гражданская панихида была в Малом театре. И. С. сказал, что поедет обязательно. Утром были большие трудности с машиной — на машине И. С. некому было ехать за рулем, в Большой театр я не смогла дозвониться. Но ехать И. С. очень хотел. Помог Малый театр. За И. С. приехал Александр Викторович (Вахрамеев. — *Прим. сост.*), который в это время был там, и мы — И. С., А. В. и я — поехали в театр. Чуть-чуть опоздали, панихида только-только началась, и И. С. с нами провели в ложу бенуара. Гроб стоял на сцене. И меня внутренне удивило и насторожило, что И. С. не рвался на сцену и не собирался выступать. Правда, шепнул мне на ухо, что если его попросят сказать несколько слов, то я должна выйти вместе с ним. Но к нему никто не подошел — все руководство было на сцене. И он отнесся к этому совершенно спокойно, без обиды. Сказал мне: «Я сам не пойду, верно?» Я его поддержала.

Кто мог сказать, что через месяц, почти день в день, в театре напротив мы будем прощаться с Иваном Семеновичем?! Мы сидели с ним в ложе рядом, как-то очень близко, доверительно. Когда окончилась гражданская панихида, И. С. захотел подняться на сцену. Из зрительного зала на сцену была положена лестница, она показалась нам ненадежной и трудной для И. С. И мы пошли через кулисы, что оказалось намного хуже — столько там лестниц, столько нагорожено. Все это он сравнительно легко преодолел, хотя и ворчал, я же про себя просто ругалась. Когда наконец он вышел на сцену, люди, окружившие гроб, расступились очень участливо и доброжелательно. Он постоял, положил в гроб колоски, мысленно сказал что-то: это было видно по его сосредоточенному лицу. Может быть, помолился. Когда мы шли по сцене к лестнице и, спустившись,

проходили уже через зал, к нему все время подходили люди, говорили ему теплые слова, целовали ему руки, благодарили, желали добра. Он был очень растроган... Постояли на улице, провожая траурные машины. А время уже вело свой счет. До последнего дня оставался всего месяц...

Дома он по своему обычаю обошел всю квартиру со святой водой.

Это был последний выход Ивана Семеновича из дома, последнее его появление на людях.

На 24 ноября в Бетховенском зале Большого театра был намечен юбилей Сусанны Звягиной. С нею его связывали близкие отношения и по сцене, и по общественной деятельности. Сусанна — бессменный деятель Совета ветеранов Большого театра — очень часто обращалась к И. С. по разным вопросам: юбилеев, похорон, помощи уже неработающим артистам и т. п. И. С. очень готовился к этому дню, и хотел как-то поддержать и обрадовать Сусанну Николаевну. По его просьбе я подготовила ей книгу И. С. «Музыка — радость и боль моя», он сделал надпись, я сплела венок из колосьев.

И. С. еще накануне вызвал парикмахера, приготовился. Днем оделся, как всегда, тщательно и парадно. Вызвали машину. Но когда он спустился сверху, чтобы ехать в театр, я поняла, что это ему совершенно не под силу: он был бледный-бледный, почти белый, и было видно, что держится он из последних сил. Я очень мягко, аккуратно сказала ему, что не надо бы ему в таком состоянии ехать, на что он резко возразил: «Нет! Поедем!» Зная, что в таком случае перечить ему бесполезно, Анастасия Семеновна и Ольга Николаевна промолчали, а я, понимая его состояние, со всей нежностью и твердостью, на которые только способна, уговаривала его... Он неожиданно вдруг согласился, сказав: «Вы, наверное, правы, мне и стоять трудно, а вы поезжайте, выйдите на сцену, вручите Сусанне венок и книгу и прочитайте то, что я написал. Да?» Ну конечно *да*! Не мое красноречие подействовало, но оно дало ему возможность уступить уговорам, а не сдаться. Так я это понимаю. Он попросил Ольгу Николаевну помочь ему раздеться, а меня — обязательно прийти и рассказать, как все пройдет.

На юбилее Сусанны Николаевны народу было очень много, огромное количество желающих ее поздравить. Я вышла вместе с группой от оперной труппы. Сделала все: объяснила, что представляю здесь И. С., прочитала посвящение Сусанне Николаевне, написанное на книге, вручила эту книгу и веночек из колосьев. Встречено это всеми присутствующими было очень доброжелательно, продолжительными аплодисментами (конечно, не по моему адресу). Попросив разрешения, я обратилась к собравшимся со словами приветствия от И. С. — о его большом сожалении, что он не смог быть и повидаться с коллегами, о радости, что память и добрые отношения живут, о том, что он желает всем хорошего здоровья и долгих лет жизни...

Когда я возвращалась на свое место в конце зала, справа и слева неслось: «Передайте И. С. привет от...», «Здоровья ему! Долгих лет жизни! Мы его всегда помним», «От балета — добрые слова И. С.», «Нашему Фаусту!..»

А часы уже отбивали последний месяц его пребывания на земле.

В этот день был концерт Толи Клейменова в салоне Зинаиды Волконской, и Иван Семенович хотел, чтобы я там побывала и все затем рассказала ему. И. С. хотел знать, что из его занятий Толя сумел реализовать. Поэтому из Большого театра я поспешила к И. С., чтобы рассказать, как прошло торжество у Сусанны и бежать на концерт Толи. И. С. был наверху, выглядел значительно лучше, чем днем. Он поспал, отдохнул, успокоился, и вид у него уже был обычным. С большим интересом прослушал мой подробный отчет. Ему было интересно все: сколько было народу, кто был из дирекции, как поздравляли, все. Когда я рассказала, как ему передавали приветы и пожелания, он был очень растроган, даже блеснула слезинка. «Спасибо им! Дай Бог и им всего хорошего. Я рад, что ты сделала как я просил». У меня состоялась еще беседа с замдиректора театра по поводу приглашения финского певца-тенора на гастроли. И это тоже вызвало чувство удовлетворения.

И. С. хотел, чтобы я пришла и после Толиного концерта ночевать и поговорить. Но я уже очень устала, и сердце у меня побаливало. Я отказалась, перенеся нашу беседу на завтра. Как же я теперь об этом жалею! Если бы знать, что судьба уже стучится в дверь — стук, стук. Как часто в разговорах И. С.

возвращался снова и снова к тому, что он жалеет, что не осуществил своего намерения и не записал романс «Судьба» — слова «стук, стук» он пел бы на шепоте, ни в коем случае «не рвя страсть», ведь чем тише поступь рока, тем трагичнее.

Следующие два дня шли обычно. И. С. спускался вниз, смотрел телевизор, слушал, что ему читали...

27-го ноября в Финляндию уезжали директор Дома-музея Ф. И. Шаляпина — с женой и выставкой. В это время в Хельсинки отмечалось 80-летие последнего аккомпаниатора Шаляпина — Гадзинского. Они обратились к И. С. с просьбой поздравить юбиляра. И. С. поручил мне сплести венок из колосьев, украсив его белой и синей лентами — национальными цветами Финляндии. Он продиктовал письмо, долго и мучительно его правил, обязательно хотел вспомнить финского баритона, которого слышал на приеме в финском посольстве. Наконец достиг желаемого. Это были последнее письмо и последний венок из колосьев в жизни И. С.

Когда Эля Мамедова-Соколова зашла за письмом и венком, он был очень доброжелателен, склонен «попить чайку» и поговорить о событиях в музыке. Но Эля спешила на поезд, времени было в обрез, и было принято обоюдное решение встретиться сразу по возвращении. Мы обязали ее привезти И. С. черный и синий фломастеры. После ухода Эли И. С. был в хорошем настроении, удовлетворенный тем, что осуществил задуманное.

И опять который раз на этих страницах приходится говорить: Увы! «Потом» уже не было!.. Это были последний венок и последнее письмо...

Назавтра был визит к И. С. людей, которые обычно приходили к нему в субботу или воскресенье. Ему было трудно, он уже тяготился этой необходимостью, но ничего не отменял и в силу традиции, и в силу своего характера — не хотел никого обижать.

И это был последний раз, когда И. С. спустился вниз и провел здесь день и вечер.

В понедельник начал покашливать, остался в кровати, слушал чтение, обсуждал вопрос, как приветствовать Ирину Константиновну Архипову, презентация фонда которой должна была состояться на следующий день в Большом театре. То, что

он не пойдет, решил сразу — чувствовал себя не в форме. Пробовал набрасывать виновнице торжества письмо, но так и не закончил. И. С. очень хотел, чтобы во время вечера звучала бы его пленка в виде приветствия, что именно — пока не решил. Мои попытки договориться об этом с организаторами вечера не увенчались успехом. И. С. сердился, раздражался. Почему это было для него столь важно, сказать не могу, но он настаивал, хотя по существу его просьба и предложение были не очень логичны. И. С. продолжал настаивать и на следующий день, когда должен был состояться вечер. Когда стало ясно, что включить пленку со звучанием И. С. организаторы категорически отказались, он очень огорчился, расстроился и... обиделся. Я позвонила одному из сопредседателей вечера, сообщила, что И. С. на вечере не будет; они очень сожалели, а я попросила заменить билеты в первом ряду партера (где всегда любил сидеть И. С.) на более скромные, считая, что было бы неправильно, если бы я оказалась на самых престижных местах в зале. Неожиданно для меня И. С. попенял мне за этот отказ, считая, что я вовсе не столь недостойный кандидат на эти места. Вечером я пошла в театр, чтобы иметь возможность рассказать И. С. обо всем.

Утром 1 декабря, прийдя к И. С., я застала его в ровном настроении, однако кашляющим, очень ослабевшим. От врача отказался. Температуры у него не было. Попросил меня все рассказать. Выслушав, сказал: «Ну и чем бы им помешало, если бы я певчески ее приветствовал? Ну, Бог с ними. Никогда умом не отличались». Быстро задремал. Уже не поднимался, чтобы перейти в кресло. От еды отказался.

Но пообедать решил перейти в кресло. Расстояние от кровати до кресла в полтора метра мы еле-еле одолели. Он опирался на меня, и мы с огромным трудом дошли. Ольга Николаевна принесла легкий обед, но он не мог держать ни кружку, ни мисочку, с большим трудом держал ложку, но донести ее до рта ему было очень трудно, правильнее сказать — он тоже не смог. Я кормила его с ложки, но и есть ему было тяжело. С грехом пополам поклевал немножко, буквально 2–3 ложки — и все. Очень устал. Решил остаться посидеть в кресле, показал мне, чтобы я села ближе, у его ног, сказал: «Болтай, как любит Слезина». О чем только я не рассказывала ему! Я снова грела

его холодные руки, держа их в своих руках. А он в который раз говорил мне, что руки у меня теплые и добрые. Я грела, а они не согревались... Я видела, чувствовала, что это конец. И. С. с трудом дошел до кровати. Ольга Николаевна помогла ему, а я пошла поговорить по телефону с врачом.

И сейчас я прохожу шаг за шагом этот крестный путь. Ивана Семеновича мы теряли. Это было ясно. Надежды у меня не было. Он уходил. С ним уходила и вся моя внутренняя жизнь.

О врачах И. С. и слышать не хотел.

Пришло 2 декабря. Кашель усилился, но температуры не было. Позвонила опять врачу. Тамара Петровна сказала, что завтра приедет, а если, мол, будет хуже, надо вызвать «скорую». Это мы и сами понимали.

И. С. захотел остаться в кровати, даже умываться не встал. Все ему было трудно. Но тем не менее попросил меня почитать. Я читала ему написанное о нем в воспоминаниях Анастасии Цветаевой, из высказываний Б. В. Шкловского. Просил меня повторить. Хотел, чтобы послушали Анастасия Семеновна и Ольга Николаевна. Постоянно как бы засыпал, на самом деле, по-моему, впадал в забытье. Пришел Толя. И. С. очень ему обрадовался. Хрипы усиливались, но от врачей он категорически отказывался и страшно раздражался при этом.

В 5 часов вечера начали передавать по радио оперу «Русалка» с его участием. Он собрался слушать, но часто впадал в забытье. Мы выключили радио, но через некоторое время И. С. отчетливо сказал, вернее, прошептал, что хочет послушать последний акт. Мы посадили его в подушках повыше. Послушал. Захотел встать. Толя его, как ребенка, обнял, поднял, поставил на ноги и держал. Есть И. С. отказался. Ближе к ночи ушел Толя. И. С. сказал мне: «Не уходи!» Но я и сама бы уже не ушла. В очередной раз категорически и очень раздражаясь запретил вызывать врачей: «Завтра придет Тамара, а они опять затащат меня в больницу! Не хочу!» Было, конечно, страшно. Хрипы усиливались. Температуры не было. А если начнется отек легких? Не успеют приехать. Посовещавшись — Анастасия Семеновна, Ольга Николаевна и я, — решили вызвать «скорую». Когда я сказала И. С., что сейчас приедут врачи, он слабо погрозил мне пальцем, но уже не бастовал. Врачи приехали около половины второго ночи. Вывод категоричен:

«В больницу». Я стала говорить врачу об отдельной палате. Врач недоброжелательно мне ответил, что, мол, спасибо, что ЦКБ берет. Я твердо ему сказала, что без этого мы И. С. не повезем, что его только взвинтит обстоятельство, когда он будет вынужден находиться с чужими людьми. Врач звонить в больницу второй раз отказался. И. С. поманил меня пальцем к себе и сказал: «Не убеждай. Не унижайся. Звони сама, ведь все знаешь, да и там Слезиной боятся». Я пошла к телефону, и только тогда врач позвонил снова. Как только там услышали, что речь идет об И. С., вопрос решился сразу же.

Москва, 1996 г.

Примечания

Из личного архива автора.

[1] Точнее, группетто — небольшое мелодическое украшение инструментальной или вокальной мелодии; часто осуществляется по усмотрению исполнителя (*прим. ред.*).

Анатолий Клейменов

МОЙ УЧИТЕЛЬ

С Иваном Семеновичем Козловским я познакомился в начале 70-х годов. Тогда я учился в музыкальном училище имени Ипполитова-Иванова у Надежды Самойловны Чубенко. В свое время она была солисткой Большого театра, заслуженной артисткой РСФСР, партнером Ивана Семеновича, например в опере Направника «Дубровский» и в других спектаклях.

Она мне рассказывала, как приходила пробоваться в Большой театр. Спела перед комиссией и без всякой надежды направилась уже к выходу, но у самых дверей ее остановил Иван Семенович и поинтересовался, почему она уходит. Она объяснила, что у нее «не получилось». Иван Семенович оказал ей добрые слова, поддержал и просил остаться. Он был прав: ее приняли в Большой театр.

И. С. Козловский и Н. С. Чубенко были не только партнерами по сцене, они стали большими друзьями. Вот она-то меня и познакомила с ним.

В течение 25 лет у нас с ним было творческое сотрудничество. Нередко я помогал Ивану Семеновичу по «технической

части». Регулярно мы с ним ездили на прогулки — дышать воздухом, особенно часто были в Загорске.

После училища я обучался в институте имени Гнесиных у А. А. Эйзена, замечательного баса. Участвовал в постановках Оперной студии. Иван Семенович нередко приходил на наши спектакли. Это были оперы «Сельская часть», «Богема», Травиата, и «Майскую ночь» он тоже слушал. Его реакция на наши выступления была реакцией профессионала. Всяко говорил он мне. Звуковедению учил, советовал мыслить, чтобы пение было осмысленным, чтобы пелась мысль, заложенная композитором. Но учил не только звуком увлекаться как таковым, а думать о художественном образе.

Например, я показывал однажды романс Свиридова «Есть одна хорошая песня у соловушки». У автора там в одном месте мелодия звучит на форте, а потом — на пиано. Иван Семенович выслушал меня и посоветовал: «Ты попробуй наоборот: сначала пиано, а потом форте». Я отвечал, что у Свиридова не так, на что Иван Семенович сказал: «Надо еще свою голову включить и сердце. Надо не переиначивать композитора, а быть его сотворцом».

Есть известная притча о том, как Ф. И. Шаляпин мог одно и то же произведение спеть по-разному.

Иван Семенович говорил: «Я выхожу на сцену и, пока не начну петь, еще не знаю, будет или не будет».

И я до сих пор благодарен Ивану Семеновичу за то, что у меня нет «застолбленности», нет ощущения, что эту вещь я сделал окончательно и навсегда... Время идет, появляется опыт, новый взгляд на мир, на многое смотришь по-другому, меняется мироощущение, меняется и настроение. И все это, естественно, не может не отразиться на исполнении.

Как мы занимались с Иваном Семеновичем? Были ли распевки? Да, были обязательно. Важно разогреться, затем — *как* спеть ноту. Строго соблюдалась интонация, надо было попасть «в десятку». Соединением регистров были арпеджио.

Во время упражнений Иван Семенович сам сидел за инструментом. Он просил повторить, если ему что-либо не нравилось. Иногда он сам показывал, как надо спеть. «Мы дурака не валяем», — говорил он и пел полным голосом.

Занятия были построены так, как будто он учил ребенка ходить, как бы ставил на ноги.

Сам он мог петь, закрывши рот, а ноты были великолепны.

Когда у меня что-то не получалось, он сам показывал, как надо, и говорил: «Списывай...» И вот что интересно: даже когда Иван Семенович потерял речевой голос (это случилось в конце 92-го года) и говорил шепотом, — ноты он, однако, показывал голосом, и тембр оставался его, неповторимый.

Дисциплина, профессионализм и другое — все должно быть подчинено вокалу. И когда ему во время наших занятий что-то нравилось, он говорил: «Это вот хорошо — запомни».

Вспоминается один давний эпизод, запавший мне в душу: по радио передавали концерт по заявкам радиослушателей, и диктор прочитал письмо, в котором авторы обращались к Ивану Семеновичу с такими словами: «Соловушка ты наш...» — и просили исполнить любимую песню.

С Иваном Семеновичем мы ездили в Псков на Пушкинские праздники. Кстати, это он организовал при поддержке С. С. Гейченко (уникальный был директор) выступления в Святогорском монастыре. Однажды произошел в поездке случай, который описал в своем рассказе «Золотое зерно» Владимир Солоухин. Один баритон хотел спеть дуэтом с Иваном Семеновичем. Начинал он, баритон, и сразу стал так орать, что дуэта не получилось.

Одна из ошибок певцов — это широкое пение. Орать, кричать для голоса вредно, ибо крик, ор — и голос стирается.

Вспоминается история с певицей Аллой Соленковой. Как-то Е. А. Фурцева подошла к Козловскому и поинтересовалась его мнением: посылать эту певицу на стажировку в Италию или нет? Иван Семенович ответил так: «Да, конечно. Пусть едет, посмотрит музеи, побывает в театрах, подышит воздухом, наберется культуры. Но ни в коем случае — чтобы ее не учили там петь». Но все произошло вопреки его словам. Она вернулась из Италии — и соловья не стало. А вспомните, как она замечательно пела алябьевского «Соловья»!

Как-то мы гуляли втроем с Ю. Статником, и тот вдруг спросил: «Иван Семенович, как вы дышите?» — « А я не думаю об этом», — ответил Козловский.

Иван Семенович рассказал, как профессор Муравьева, по сути, утверждала его в том, что у него было от природы. На занятиях она задирала его рубаху и всем показывала, как он дышит. А сам он на это внимания не обращал.

«Когда человек поет, он должен быть в таком же напряжении, как конь», — говорил Иван Семенович.

Обычно перед выступлением он обязательно искал себе повод, чтобы это «состояние коня» получить. Это очень важный момент. Все натянуто должно быть, как струна.

Хочется сказать и о дикции. Без слова, когда каша во рту, никакого пути к слушателю не найдешь. Беньямино Джильи, не знающий русского языка, сказал о Козловском: «Я понял у него каждое слово».

Большое внимание уделял Иван Семенович физическому состоянию. Пение — это прежде всего здоровье. Нет здоровья — нет пения. Хорошее пение — это избыток здоровья.

Иван Семенович был замечательным волейболистом, прекрасно играл в теннис, великолепно плавал в море. Дома у него к потолку были приделаны кольца. Помню, он на эти кольца — и ноги в потолок, а ему было тогда уже лет 75! Это было тогда, когда грузинские гости поинтересовались, зачем эти кольца. Вот он им и продемонстрировал. Очень был всегда подтянутый и стройный.

Он работал до последнего. Незадолго до болезни мы слушали у него наверху «Русалку», которую передавали по радио. Мы — это Нина Феодосьевна, Анастасия Семеновна, Ольга Николаевна и я.

Иван Семенович постоянно ходил в консерваторию почти на все концерты. Во время сезона 1991/92 года в Малом зале проходил подготовленный кафедрой концерт памяти К. Виноградова. Там я пел заключительную сцену из оперы «Кармен», аккомпанировали студенты. Иван Семенович сам когда-то пел Хозе.

Он не раз говорил, что надо владеть голосом так, чтобы «не рвать на себе рубаху», уметь голосом убедить слушателя в том, что необходимо по замыслу композитора. Даже после успешного выступления надо все проанализировать, чтобы дальше двигаться, — тогда все получится. У самого Ивана Семеновича был самый большой динамический диапазон — от 75 до 150 децибел.

После выступления певец, как правило, остывал в течение часа, не менее. Он был человек традиции.

Если он вошел в какую-то дверь, то непременно должен выйти через ту же самую дверь.

Вспомнился такой момент. Однажды мы с ним, уже 82-летним, спускались по лестнице. Он заметил, что я прыгаю через ступеньку, и тоже стал шагать через ступеньку.

Он всегда был корректен. Никогда не говорил певцам неприятных вещей, всегда сострадал и сочувствовал. Если хотел поправить, то замечал: «Не туда!» Это означало: не по тому пути идет человек.

У него были свои этические принципы, не позволяющие ему обижать людей.

Он был философ. Увлекался историей. И. Л. Андроников говорил: «Если я должен уточнить исторический факт, то звоню Ивану Семеновичу».

Среди его друзей были и химики, и летчики, и историки, и уборщицы — и со всеми он умел разговаривать и находить понимание. В течение всей его жизни добрая часть дня у него уходила на то, чтобы помочь людям. Нина Феодосьевна ему в этом помогала. Она сама читала лекции по всему Советскому Союзу. У нее были разработаны уникальные методики обучения глухих детей. Бессеребреники были оба.

Я был последним человеком, кто видел Козловского за 40 минут до его ухода из жизни. Иван Семенович находился в тот момент в коме, но когда я взял его руку в свою, он пожал ее.

Когда я приехал из ЦКБ (Кунцево) на Брюсовский, то там узнал трагическую весть...

Я считал, что Иван Семенович до 100 лет доживет...

И вот его не стало... Каждый день я вспоминаю его. Вспоминаю своих родителей и Ивана Семеновича. И не вспоминать его невозможно, ибо он был частью моей жизни, частью души. Много я от него впитал, находясь рядом. Не копированием, а стремлением к величайшему идеалу, каким был для меня этот замечательный артист, — стремлением делать добро, сострадать, сочувствовать людям.

Кстати, Иван Семенович был одним из тех, кто деньги, перечисленные в Фонд обороны, назад не взял, хотя многие так делали. Это тоже штрих к его облику.

С Иваном Семеновичем мы записывали в Большом зале Консерватории трио — духовное песнопение. Пели его на

могиле А. С. Пушкина. Есть запись с Козловским «Последнее целование». Я пел второго тенора.

У Ивана Семеновича было свойство — голос его не был громоподобным, но выделялся своей удивительной полетностью.

Он мне как-то показывал, сидя за роялем в полутора метрах от меня, как надо петь. И я подумал: «Неужели такой негромкий голос будет слышен в большом зале?»

Через три дня мы репетировали в Большом зале Консерватории. Птицей я полетел на самый верх, в последний ряд — и слышно было лучше, чем когда я стоял рядом с Иваном Семеновичем. Его голос свободно прорезал все пространство. «Не в силе Бог, а в правде» — недаром говорится. А правда — в голосе.

Умение не насиловать голос — вот одно из правил, но это и целый комплекс — здесь и физика, и психика, и художественная сторона и многое другое. Иван Семенович владел этим в совершенстве. Вспомним его «Полководца» — ни убавить, ни прибавить! Вообще, все записи его — это хрестоматия, это золотой фонд культуры нашей.

Еще раз скажу, что Иван Семенович был человеком традиции. Проезжая мимо Большого театра, он всегда благодарил Бога и родителей за то, что они дали ему возможность стать тем, кем он стал. Всегда подходил он к тем памятным доскам на доме, где жил, и произносил слова памяти об ушедших.

Никогда он не ездил мимо арки возле дома, где убили Зинаиду Райх.

Он никогда не забывал тех, с кем когда-то выступал, часто вспоминал Макарову, Степанову, Барсову, Обухову, многих. Он никого не забывал и всех вспоминал добрыми словами.

Он был настоящим патриархом русского и украинского певческого искусства.

«Козловский — певец, которого нужно слушать стоя», — говорил Джильи.

Могу вспомнить случай, когда не я возил его на машине, а он меня.

В Крыму это было. Ему уже за 80 пошло.

Играл я в волейбол и неожиданно сломал ногу.

Обратились в поликлинику, там сделали снимок и сказали, что все нормально. А нога болит. Тогда Иван Семенович

предложил отправиться в санаторий Министерства обороны, и там мне срочно наложили гипс. Отправились в обратный путь, нажимать на тормоз я уже не мог. Тогда Иван Семенович сам сел за руль, и мы благополучно доехали.

На даче в Снегирях Иван Семенович любил, чтобы машина оставалась при нем, поэтому провожал меня до электрички на Москву и возвращался на дачу, сам управляя машиной.

Любил ходить на речку, в гости — к Рейзену, к Максаковой, Массальскому, Владимиру Васильеву и Екатерине Максимовой.

Как-то я приехал на велосипеде, и Иван Семенович загорелся: «Давай, я попробую». Сел — метров десять проехал. Ему было 80.

На даче у него был турник, ежедневно он делал зарядку.

Летом на даче с ним были всегда Ольга Николаевна и Нина Феодосьевна — его верные помощницы. Их усилиями был налажен быт.

Он длинные рулады иногда выдавал — полторы октавы.

Любил пошутить и пел: «Люблю дирекцию!» Чиновники ему попортили крови изрядно. Вспомним хотя бы историю с Ленинской премией...

Вокруг светлой личности и окружение было какое! Ученые, академики, писатели, музыканты, скульпторы, спортсмены, философы, искусствоведы, рабочие, инженеры — всех не перечислить! И всех он притягивал к себе, как магнит.

Москва, 2003 г.

Примечания

Воспоминания А. Клейменова записаны В. Киктой специально для данного сборника. Название дано составителем.

Н. Крымова, Н. Слезина, В. Кикта

БЕСЕДА ОБ И. С. КОЗЛОВСКОМ

Н. К. В декабре прошлого года в Большом театре был вечер, посвященный Ивану Семеновичу Козловскому. Прошел год, как его не стало. Я в какой-то момент поняла, что меня по-особому затронули те кинокадры, которые были включены в программу вечера. Иван Семенович на экране показался вместе с детьми. И это не было исполнением какой-то законченной песни, просто был необычаен его контакт с этими мальчиками. Не знаю, как другие, но я буквально потянулась к экрану. Мне показалось тут что-то очень необычное, лишенное снисходительности или, наоборот, отстраненности, как бывает у профессионалов, которые встречаются с детьми на сцене, — был теплый юмор и вообще какая-то особая природа контакта. И так как появилась мысль о нашей передаче, я решила проверить, что тут для меня было неслучайным, а может быть, то, что это очень существенное для Ивана Семеновича, которого близко я не знала.

Я позвонила Нине Феодосьевне Слезиной, которая больше сорока лет была рядом с Иваном Семеновичем — его помощ-

ником и секретарем, и, хоть она женщина очень строгая, решила задать ей вопрос: «Нина Феодосьевна, ошибаюсь я или нет, что тут, мне кажется, было что-то важное?» Она ответила: «Нет, не ошибаетесь. Но есть другой человек, который в плане музыкальном знает больше, чем я». И назвала Валерия Григорьевича Кикту, композитора. Мы встретились, и я поняла, что интуиция меня повела по верному пути. Я спросила Валерия Григорьевича: «А что тут главное?» И он, человек крайне немногословный, говорит: «Ну, это целая философия». Я поняла, что все не случайно. Мы встретились сейчас у нас, я очень рада, что мы сидим за этим столом и продолжаем разговор о человеке бесконечно дорогом для моих собеседников, продолжаем, пробуя сконцентрировать его вот на этой теме, потому что творчество Ивана Семеновича — это огромная история нашей культуры. Подходить к этой теме можно по-разному, а мы берем только один ее ручеек — «Иван Семенович и дети». Куда уходят корни этой темы? Что это такое? Вообще — что такое детство самого Козловского? Что такое школа в Марьяновке? Я иду в этом разговоре на ощупь, потому что я знаю намного меньше, чем мои собеседники. Нина Феодосьевна, я не ошибаюсь, когда говорю: тут что-то очень важное?

Н. С. Да! Наталья Анатольевна, мне кажется, что вы нащупали очень глубинный слой личности Ивана Семеновича. Меня всякий раз поражало его бесконечное уважение к тем маленьким, с которыми он пел. Он к ним относился как к своим партнерам. Я ни разу не слышала и не видела ни одной раздраженной интонации и ни одного раздраженного жеста, хотя он старался вывести их на то звучание и на то внутреннее состояние, которое в нем было в тот момент.

Н. К. Вот как в этих кадрах он делает.

Н. С. Это очень чувствуется.

Н. К. И приходит только к юмору. Не к раздражению, не к чему-то еще — к замечательному юмору. Тот мальчик пытается взять такую высокую ноту...

Н. С. Сам понимает, что еще не может этого... А потом они сбились вместе, потому что рояль был далеко и в шуме Иван Семенович, видимо, утратил тональность, поэтому он остановился, засмеялся и попросил, чтобы ему дали тональность, и они продолжали уже дальше. Но ведь это мы видели

один эпизод в концерте, а надо было видеть его репетиции с детьми. Нужно было видеть его на звукозаписи вместе с ними. Повторяю: он работал с ними совершенно на равных, как с теми партнерами, с которыми он работал вообще. Я была свидетелем тому, как ставили «Лоэнгрина» в Большом театре, как репетировали «Гальку» для записи. И меня поражало это удивительное чувство бережности и уважения к своим коллегам. А к детям он относился абсолютно так же — как к коллегам. И вот что интересно: метаморфоза происходила с самими детьми. Это в селе, далеко от железной дороги...

Н. К. Вы говорите сейчас про Марьяновку?

Н. С. Да. Это село, 25 километров от железной дороги, дети там очень замкнутые... ну поют, потому что надо петь. Но как они постепенно в общении с ним расковывались, вот это — особый дар, наверное, самого Ивана Семеновича. Потому что он не сюсюкал с ними, не причитал, что они устали, бедные. Нет, он говорил: «Надо! Еще раз!» И все это повторялось и повторялось... Когда отмечалось 40-летие Победы и был большой праздник в Марьяновке, это тоже особая история, которую можно рассказать отдельно. Ребята, певшие с Козловским на концерте, репетировали с ним утром, после выступления они снимались, и остановить их было невозможно. Они сами просили своего педагога: «Павел Петрович, давайте еще раз повторим! Может быть, это будет лучше?» А когда мы отправляли их отдохнуть, они говорили: «Нет, Иван Семенович работает! Нет! Нет!» Вот это проникновение, я бы сказала, уже в профессию — полная заслуга Ивана Семеновича. Потому что именно он так относился к самой этой профессии, так заражал ребят, которые были весьма далеки от всевозможных вывихов цивилизованного мира.

Н. К. Это просто деревенские дети, да?

Н. С. Деревенские дети, которые учились в общеобразовательной и музыкальной школах. Количество детей в хоре колебалось от 25-ти до 80-ти. Они приезжали в Москву, они пели с Козловским в Большом театре, они пели в Большом зале Консерватории, в Кремлевском дворце съездов. Но Иван Семенович был придирчив, очень. Придирчив к себе, придирчив и к партнерам. Поэтому он был так же профессионально придирчив к детям. Но это никогда не носило личностного

отношения. Видимо, ребята это очень хорошо чувствовали и выходили на это с большой отдачей.

Корр. Валерий Григорьевич, хочу вас спросить... Нина Феодосьевна сказала, что это вход в профессию, или ввод в профессию. И там они стоят на одном уровне. Но, когда я с вами первый раз говорила о детях, меня остановили те слова, которые вы задумчиво, одновременно волнуясь, сказали: «Да, но это целая философия». Здесь, мне кажется, есть еще какой-то пласт, который хотелось хотя бы чуть-чуть затронуть. Ведь Марьяновка — это родное место для Ивана Семеновича. Это его собственное детство и нежелание большого художника, вернее, невозможность уходить от чего-то, что есть некий корень его жизни. Словом — «философия». Что вы имели в виду под этим? Ведь сказать про актера, про певца и даже про такого, как Иван Семенович, немножко натяжка: «Он — философ» или «Он мыслитель». И мы не будем это делать. Но то, что эта сфера содержит в себе определенную философию, у меня сомнений нет. Или я ошибаюсь?

В. К. Мне кажется, вы не ошибаетесь. Это был великий певец, великий маэстро, который сохранил буквально до 87-и лет полный голос и горел желанием исполнять новые произведения, повторять те, которые забыты, и общение с детским хором ему давало очень многое, потому что где-то здесь была перекличка с его детством.

Корр. А что вы знаете о его детстве?

В. К. О его детстве я, к сожалению, знаю не много, это Нина Феодосьевна может рассказать. Но я чувствую, что общение с детьми — это было не просто внешнее такое баловство, а нечто глубинное и серьезное, потому что он хотел своим личным примером показать детям отношение к искусству, отношение к хору. Иван Семенович мечтал, чтобы из тех маленьких детей, которые с ним общаются, поют, записывают, выступают, чтобы из этой среды проросли те добрые, замечательные зерна, которые он всю жизнь сеял.

Корр. Вы знаете, вот эти слова могут показаться... красивыми словами. А я недавно прочитала книгу про него, вернее, его книгу, и вижу, как он в этом был последователен. И слово «миссия» — не есть высокопарное слово по отношению к Ивану Семеновичу. Надо сказать, что с этой стороны я до сих пор

не очень задумывалась о нем, любя его как художника. Но он был, с моей точки зрения, человеком последовательных поступков. И здесь есть что-то, очень тесно связанное с детьми. И с его собственным детством. Нина Феодосьевна, что можно сказать? Я все время боюсь ошибиться.

Н. С. Нет! Вы не ошибаетесь. Вы сами чувствуете это интуитивно и чувствуете правильно. Напрямую Иван Семенович никогда об этом не говорил. Но если обратиться к его детству и юности, он много раз рассказывал, как его семи с половиной лет привезли в Киев, в Михайловский Златоверхий монастырь. Отец привез его. Причем там сначала скептически сказали: «Ну, вы не к нам. Козловский — это польская фамилия». Но когда мальчика попросили спеть, национальные сомнения у них пропали. Его взяли тут же.

Корр. Взяли кем?

Н. С. В хор, в бурсу. И он рассказывал много раз, потому что очень болезненно это вспоминал, как ему было страшно, когда он остался один после цветущей ласковой Марьяновки, среди громадных мужчин в черном. Говорил: «Басы не то что пели, а просто ревели», и как ему было это больно. И страшно! И как он понимал и помнил все горести маленького, на плечи которого уже ложилась профессиональная нагрузка, — ведь он-то в церкви уже выполнял профессиональную нагрузку, будучи чтецом. Он понимал, как это ранимо для детской души, когда торжествуют несправедливость и жестокость. К этому он часто возвращался. И он однажды с горечью сказал, будучи у Валерика в училище, что с мальчиками в хоре довольно жестко обращаются, постукивая пальцем по голове...

Корр. Он был против этого, как я понимаю?

Н. С. Он был против категорически!

Корр. Это было в училище Свешникова, да?

В. К. Да, это было в училище. Действительно, я был свидетелем этого момента, когда Иван Семенович во время нашей репетиции, подготовки к записи вдруг неожиданно перехватил руку дирижера, который попытался мальчика ударить за то, что он или не там вступил, или не в той тональности, или плохое дыхание было... Заступился за нашего маленького коллегу, и у нас и у всех детей была какая-то радость, что вот нашелся такой человек, заступник, потому что тогда никто с главным

дирижером не мог сладить, никто не имел права ему что-либо сказать...

Корр. Понимаете, какой интересный заступник? Нина Феодосьевна говорила, что он не сюсюкал. Это было вообще ему не свойственно, как мне кажется.

Н. С. Да, верно! Во всяком случае, мое общение с ним совершенно было этого лишено. Было какое-то особое заступничество.

Корр. Вы сказали насчет заступничества. Тут тоже видно что-то для него существенное.

Н. К. Я в какой-то его статье поздних лет вдруг наткнулась на слова, которые мне, как человеку, который занимается драматическим театром, были более чем понятны, я даже вздрогнула. Речь шла не о музыке, а об искусстве в более широком смысле слова. Он говорит: «Вообще, где искать корни драматизма? Как их почувствовать? Вот актриса, которая играет Офелию. Чем ближе она будет к миру ребенка, тем больше она почувствует самую суть драматизма — он в незащищенности человека от зла, в беззащитности». Мысли своей он дальше не развивает, но я подумала: «Боже мой, и корни Юродивого там, и вообще что-то очень важное». Дело тут касается и марьяновских детей, и вообще звучания детского голоса, через которое эта незащищенная душа, на мой взгляд, выражает себя поразительно. А он — психологически — унисон держит совершенно безукоризненно.

Н. С. Если говорить об Иване Семеновиче и детях еще, то мне бы хотелось сказать, что я никогда не слышала от него никаких нравоучительных слов. Он учил собой. Его отношение к делу было такое. И ребята это очень хорошо понимали и ценили. Вообще, Иван Семенович удивительный... Его удивительная жизнь — как мост между прошлым и будущим. Он с такой трепетностью и благодарностью относился к прошлому, что я вряд ли могу еще назвать кого-нибудь из тех, с кем мне приходилось соприкасаться. Это уважение. Он вообще признавал любовь жертвенную. И отношение к искусству у него было тоже жертвенное. Он считал, что во имя этого можно жертвовать мимолетным, преходящим, чтобы сохранить себя в той чистоте, которая нужна для искусства.

Вот пример, который может вызвать улыбку. Иван Семенович сидит в комнате, где рояль, сидит в кресле, смотрит

телевизор. Прихожу я. «Ну, доклад будет?» — «Да! Сейчас расскажу». Он тут же поднимается и говорит: «Нет, нет, только не в комнате, где рояль». И это было на протяжении всей жизни, сколько я его знала. Ни о каких делах, ни о каких неприятностях в комнате, где рояль, говорить было нельзя.

В. К. Там было творчество, а быт — в другой комнате.

Н. К. Я вспомнила сейчас, как Марина Ивановна Цветаева, рассказывая о своей матери-музыкантше, говорила: «Вот рояль. Целая тема — рояль, на рояль ничего нельзя класть».

Н. С. Правильно!

Н. К. Книги нельзя, тем более — газеты, дальше она отвлеклась в сторону по поводу газет, с той воинственностью, которая ей свойственна, потому что рояль — это...

Н. С. И у нас рояль был святыней! Даже в день рождения вазу с тремя розами на рояль поставить было нельзя. Ничего! Разрешалось там лежать только нотам и гитаре. И даже никакого разговора о делах в присутствии рояля мы никогда не вели.

У Ивана Семеновича было абсолютно такое же отношение к памятникам.

Корр. Вот это меня по его книге поразило. Вы знаете, его отношение к памятникам и к местам, где жил тот, кто ему важен... меня поражает, насколько он в этом последователен: поклониться дому, прийти туда. Кому-то может показаться, что просто у него тут какой-то пунктик, понимаете? Есть такое впечатление, что вы с ним приезжаете в Киев — и дальше все расписано географически...

Н. С. Да! Мы обходили все!

Корр. Он и детей туда вел, если я не ошибаюсь?

Н. С. А как же! Он с детьми был в Софийском соборе, причем выступал как гид, рассказывал все от IX века. Про славянство, про то, что Мазепа строил эту надвратную церковь. Как была анафема Мазепе, как его и Льва Толстого проклинали в церкви... Это он все им рассказывал. Причем напевал тут же, что звучало в тот момент. Они ему подпевали. Слушали его раскрыв рот.

Корр. Невероятная, конечно, экскурсия!

Н. С. Он обошел с ними все. Точно так же он был в Андреевском соборе, у нас есть блестящие кинокадры: он спускается по лестнице в окружении детей, и они поют украинскую

песню «Ой, чій-то кінь стоїть». Иван Семенович прошел с ними по Киеву. В парке Мариинского дворца стоит памятник Марии Константиновне Заньковецкой. Иван Семенович приводил сюда всех ребят. Прошел с ними вниз, показал, где был Украинский театр, который снесли, рассказал, что он там пел, что Мария Константиновна впервые его слышала в «Цыганочке Азе», когда они квартетом пели «Ой, у полі озерце». И они с детьми тут же спели «Ой, у полі озерце». Вообще, Козловский в Киеве — это особая статья, потому что представить его в Москве прыгающего в троллейбус и едущего через город невозможно. В Киеве — это пешее хождение, в окружении ребят, с рассказами, с вопросами, с пением... Они пели на фуникулере, пели на скамейках над парком... В Киеве он был очень раскован. И очень хотел все это передать детям.

Я часто говорю, может быть неудачно пользуясь этим словом, что Иван Семенович был очень жадный человек до впечатлений. Необычайно! Ему все надо было видеть! Ему нужно было все слышать. Вот приходили к нему брать интервью, он говорил: «А мне интересно, что Вы из себя представляете». И таким же было стремление отдать детям... Это очень правильно.

Вы знаете, о чем он рассказывал марьяновским детям, когда впервые привел их в консерваторию? Они вышли на сцену. Он привел с собой органиста и попросил сыграть несколько тактов, чтобы они услышали звучание органа. Он вспоминал, как мальчиком, будучи в Михайловском монастыре, он убегал в синагогу, которая была рядом. Ему было восемь с чем-то лет. И однажды он зашел туда и вдруг услышал совершенно ни на что не похожие звуки. Это был орган! Это его так потрясло, что он заплакал. Вот так собственное переживание, лежащее глубоко внутри, он захотел передать детям, а потом рассказал историю о том, как Дэрвиз с Сафоновым привезли этот орган из-за границы, с Парижской выставки... Вот чем жил Козловский! У него осталось много неосуществленных замыслов. Они почти всегда были связаны с детьми. Например, он очень хотел поехать на родину Жукова.

Корр. Зачем?

Н. С. Поклониться.

Корр. Он его знал? Лично?

Н. С. Знал. Поклониться.

В. К. Сколько лет на последних концертах Ивана Семеновича Жуков...

Н. С. Да, был и Георгий Константинович, и Галина Александровна. Но он хотел ехать туда с марьяновскими детьми. Чтобы им показать это. И чтобы там спеть в честь Жукова то, что он считал необходимым.

Корр. У него была какая-то своя программа?.. не знаю, как это по-другому сказать...

Н. С. Теперь это модно: «запрограммирован».

Н. К. У него программа в высоком смысле слова, с большой буквы.

Н. С. Вот я вам скажу. Приезжая в Киев, Иван Семенович всегда посещал Байково кладбище. Обходил всех. Каждому либо положит монетку, либо поставит колосок... Была такая украинская артистка Линицая, он ее в юности видел. Иван Семенович считал своим долгом обязательно поклониться ее могиле. А она расположена на обрыве так, что это похоже на какой-то полуметровый карниз, по которому мы с ним карабкались. Я — буквально чуть ли не на четвереньках, держась за ограды. Но я никогда не могла его уговорить не доходить до могилы — мол, уж давайте я сама схожу, все сделаю... Нет! Он должен был прийти сам!

Корр. Вы знаете, тема очень такая деликатная, интимная, но меня поразило, когда провожали Марию Ивановну Бабанову...

Н. С. Да! Я помню, я была с ним.

Н. К. И не то, как он себя вел, и даже не то, как он пел, а вот венчик колосьев, который он положил, — это из похоронных ритуалов выбивалось странным образом. Это составляло какой-то его мир. Он считал необходимым присоединить к общему, не нарушив ничем, но сделать что-то свое... Вот Валерий говорил — «миссия». Я все думала: надо поосторожнее с этим словом. Какой-то у нас миссионер получается, понимаете? Но к Ивану Семеновичу это, видимо, прямое отношение имеет. Когда кто-то мне сказал, что он о Каратаеве мечтал! — о «Войне и мире»! — я подумала: «О, вот оно, то самое чистое, беззащитное начало, которое он вытаскивает везде, где его видит: в детях ли, в Толстом ли, в Каратаеве, в Прокофьеве, в посещении кладбищ, в общении с марьяновскими

детьми». А помните тот факт из книги: кто-то его застает во время телефонного разговора с Киевской глазной больницей? Что-то там с глазами у мальчика.

Н. С. Да!

Корр. Он говорит: «Мальчик занервничал. Почему?» Оказалось, что мальчик косит. И уже мальчику сделали операцию, и никто не говорит о том, кто просил, кто платил, — вся показная сфера остается вне его. А он — человек действия.

Н. С. Он — человек действия, и этим объясняется, что он не очень любил слушать певцов. Он говорил: «А что я могу дать в ответ? Явись ко мне сейчас небожитель с ангельским голоском... Ну ничего же — театра нет, никуда пробиться невозможно! Поэтому — что я могу сделать для этих людей? Я готов сделать все, но реально помочь я не могу!»

В. К. А во имя Марьяновки, для того, чтобы существовала школа на его родине, сколько было благотворительных концертов! А чтобы дать концерт, надо было еще привлечь других исполнителей...

Корр. Наверное, чиновники вообще считали, что «с приветом» Козловский?

Н. С. Да! Я думаю, очень он их беспокоил. Очень уж беспокойный он был.

В. К. Очень беспокоил Союз композиторов. Просил, чтобы ноты высылали в школу... Союз писателей — книги, художников — чтобы картины присылали.

Н. С. Ну как же! Союз художников марьяновской школе подарил 120 картин. И мы с Иваном Семеновичем провели, наверное, полмесяца в их запасниках, отбирая эти картины. В Марьяновке была выставка. Они и сейчас там находятся, эти картины. Украинский художественный фонд то же самое сделал. Так что вообще забота о Марьяновке не покидала его никогда. Никогда! Он занимался всем: котлами, углем, светом, сторожем, потому что сюда летели отчаянные просьбы... У кого мы только не были с Иваном Семеновичем! У членов правительства, у Председателя Совета министров, у Генерального секретаря ЦК партии...

Корр. Ну, чтобы от вас поскорее отвязаться, они могли и сделать что-нибудь хорошее...

Н. С. Делали!

Корр. Правильное слово было сказано: «мост», и мне сейчас рисуется Иван Семенович в виде радуги. Один конец — в Марьяновке, а другой — вся его жизнь, которая была полна общением с такими знаменитостями, что любую Марьяновку забудешь!

Н. С. Вы знаете, с ним вообще было даже смешно куда-нибудь приходить. Вот приходим в ЦДРИ. Он так посмотрит по стенам и говорит мне: «У него много, возьми это в Марьяновку!» Директор: «Иван Семенович, ну как же!» — «Ничего, ничего, у тебя много, еще тебе принесут. А там — сельская школа, они будут знать, что ты передал им. Забираем!» Так было очень часто.

В. К. И с музыкальными инструментами такая проблема сейчас!

Н. С. Что вы! Ведь он добился того, что марьяновская школа получила полный состав духового и симфонического оркестра. А в год 40-летия Победы марьяновские дети на зимних каникулах приезжали в Москву, и в «Правде» появилась фотография, где Иван Семенович с хором детей снят в Большом зале Консерватории. И вдруг он получает письмо от ветеранов 165-й стрелковой дивизии, которая в 41-м году защищала Марьяновку и сдавала, а в 43-м году ее же отбивала. Там могила есть их однополчан. И вот на празднование 40-летия Победы съехались ветераны и Иван Семенович. Приезжаем мы в Киев утром 10-го числа, выходим из вагона, его окружает телевидение, ветераны его приветствуют... И вдруг — грянул духовой оркестр! «Марш Победы». Он так немножко остановился сначала, а потом, когда понял, что это играют марьяновцы, что это осуществление его желания, его мечты... Вы знаете, я с Иваном Семеновичем была рядом 42 года. Я только два раза в жизни видела у него такое «раздетое» лицо, когда он был полностью во власти эмоций. Здесь было все: и то, что вот осуществилось его желание, ребята играют профессионально на этих инструментах, играют хорошо, и что это все связано с Марьяновкой! Такое забыть невозможно!

Корр. В одном из поздних интервью его спросили: «О чем Вы мечтаете?» Он ответил: «Я мечтаю воспитывать детей в музыкальном сельском интернате». Я тогда подумала: «Что ни слово здесь — все совершенно точно он!» И что в «сельском», и что в «музыкальном», и «интернате», и «воспитывать»,

и «мечтаю». Это не значит — «смогу», потому что уже сил мало, но концентрат его личности — вот тут.

Н. С. Да! Это так!

Корр. И поэтому я сейчас как-то по-другому стала слушать все, что записано им с детьми. Это поразительно высокое художественное партнерство — и он их слышит, они его слышат. Знаете, как будто на равных идут замечательные альпинисты в гору. Знают, с каким настроением, как дышать...

Н. С. Наталья Анатольевна! Я хочу вам сказать относительно того, что многое в поведении Ивана Семеновича могло бы показаться позой! Возможно, потому, что люди ведь судят по себе и для них совершенно чуждо такое поведение. Для них странно увидеть старого человека, который останавливается перед памятником Чайковского, снимает шапку, шепчет несколько слов, надевает шапку и идет дальше. Конечно, ни один из прохожих этого не делает... Но если это пожизненно! Вот кто-то правильно сказал, что цитата — как изюминка в хлебе! Но нельзя печь хлеб из одних изюминок. Нельзя и жить все время в позе! Это невозможная вещь!

А какая поза, если идет Пушкинский праздник в Святогорском монастыре, присутствуют все правительственные делегации во главе с первым секретарем Псковского обкома партии, председателем облисполкома, а он начинает исполнять Песнопения? Церковные. И нападают сразу: как? почему не согласовано?

Он говорит: «Ну, я за себя отвечаю! Примите „Последнее целование дадим, братия, умершему“ — это обязательно пели, когда Пушкина хоронили. Без этого невозможно! Я пою!»

А Павел Григорьевич Антокольский, выступая по телевидению, специально объяснял, что значат слова: «Испола эти деспота...», которые Иван Семенович пел в соборе, славил хозяина, славил Пушкина. Поэтому это не поза, это его глубочайшая убежденность, это его внутреннее, глубинное «я»! Это его сущность! Иван Семенович во всем очень самобытен. Во всем! И поведенчески тоже! Не говорить о делах в присутствии рояля!

Н. К. Может, он вас воспитывал?

Н. С. Меня? Я ему всегда говорила, что я самая счастливая, потому что меня больше всех воспитывают. Может быть, меня воспитывали. Совершенно точно.

Н. К. Нет, вы знаете, я говорю сейчас и шутя и не шутя, потому что у меня контакты были очень кратковременные с Иваном Семеновичем. Но я тоже на себе почувствовала его науку воспитания, когда мы делали фильм о Яхонтове. Иван Семенович меня поразил тогда степенью своей подготовленности: ему надо было выложить для вот этой культурной миссии свой фундамент... Одного его присутствия, пары слов достаточно было. Он мне дал урок.

Н. С. Знаете, я не помню случая, чтобы он вышел к кому-нибудь из пришедших к нему на работу, будь то музыканты, журналисты или просто посетители, небрежно одетым.

Н. К. Это меня тоже тогда поразило. Когда я в первый раз пришла к вам в дом, жара была страшная, помните? Он спускался с этой вашей верхней лестницы. Я подумала: «Бог ты мой, а как же мы-то все выглядим в этот момент? Это что — он нам дает такой урок парада?»

Н. С. А вот он видел в этом уважение к профессии, уважение к людям.

Н. К. Самое поразительное, что взрослые люди могли подумать, что это все чудачество, поза, а дети принимали абсолютно как естество — парад ли, не парад ли...

Валерий Григорьевич, мы с вами опустили одну очень важную тему, которой я не могу не коснуться — она уходит туда, в его детство, в бурсу. Я говорю о том, что принято у нас называть традициями, а здесь что-то другое, живое заложено.

В. К. Тяготение к хоровому пению у Ивана Семеновича проявлялось на протяжении всей его жизни. И самое главное, что заложено оно было именно с семи с половиной лет вот в этой бурсе.

Козловский идеально держал тон, как гвоздь держал ноту. Думаю, это у него от природы плюс уникальное воспитание, которое уже тогда давалось в бурсе.

Н. К. Сколько же он там пробыл?

В. К. Десять лет. Это была колоссальная школа. И то, что Иван Семенович стремился петь с детским хором, — скажем, с хором Свешникова, — он в этом видел свое детство, в первую очередь. Потому что была замечательная традиция, когда в смешанном хоре пели мальчики и мужчины, — она была потом дальше продолжена в синодальном училище. Пение вот

именно в таком окружении всегда, наверное, вызывало у него возвращение к детству и давало возможность детям узнать уникальный репертуар, который копился столетиями у нас на Руси... А ведь в 50–60-е годы эту музыку нельзя было петь! И все пелось в стенах хорового училища, закрыто! Это сейчас пожалуйста! — можно петь. Вспомним, с каким трудом Иван Семенович добился права на первое исполнение четырех фрагментов из рахманиновской «Всенощной»!

Н. Ф. Вот тоже о позе! 12 лет шла переписка о том, чтобы ему разрешили спеть эти четыре фрагмента в открытом концерте. Когда бушевала хрущевская антирелигиозная пропаганда, когда рушили последние церкви, он пел в консерватории «Всенощную» Рахманинова.

В. К. И как пел! Он показал ту величайшую традицию, которую он захватил из бурсы, а это действительно «мост-радуга» — радуга, которая сияла. Я имел счастье быть на этом концерте и слышать, как они пели квартетом и как это было удивительно. Кстати, когда Иван Семенович приходил на запись, А. Юрлов, тоже воспитанник хорового училища, очень жалел, что из училища не появляются певцы.

Н. К. Расскажите о прокофьевском вокализе.

В. К. О Прокофьеве вообще тяжело говорить... Иван Семенович впервые с ним встретился в 1927 году, когда в Большом театре шла премьерой «Любовь к трем апельсинам». Потом, еще до войны, он мечтал поставить «Войну и мир»... Иван Семенович подготовил партию Каратаева к выходу на сцену Большого театра. Для этого он попросил специально сделать инструментовку «Зеленой рощицы», чтобы она органично вошла в ткань прокофьевской партитуры. Действительно был бы замечательный такой замкнутый круг — от Юродивого до Каратаева. Это трагедия, что постановка не осуществилось. Иван Семенович об этом очень жалел.

А что же он осуществил? А вот осуществил он совершенно невероятную вещь. Слушая концерт Рихтера, сосредоточился на второй части сонаты.

Н. С. Восьмой?

В. К. Восьмой, да. Вызвал меня и говорит: «Валерий, какая замечательная музыка! Вы знаете, я вот просто слышу, что тут может вдруг совершенно неожиданно запеть детский хор.

Я понимаю, это инструментальное произведение, но... давайте подумаем! Давайте сделаем! Вот тут пусть будет небольшой состав оркестра, тут — стемпани, тут — легкая арфа, тут — фортепиано, а так — пусть детские вот такие голоса». Так родилась идея создания произведения, с которым Иван Семенович все-таки выступил, довел эту идею до конца, хотя действительно было очень сложно — из инструментального произведения сделать красивую хоровую партитуру. Он сам внес вот эти изумительные, бриллиантовые моменты музицирования певца и мальчика... Это прелестная, замечательная запись, и я рад, что хотя бы эта мечта с прокофьевской музыкой у Ивана Семеновича реально осуществилась.

Н. С. В Киеве, лет 15 тому назад, поставили эту дугу, символизирующую единство Украины. Иван Семенович эту дугу неуважительно называл «коромыслом». Однажды он сказал заместителю председателя Совета министров: «Здесь была „раковина“, где всегда давали симфонические концерты. Она была расположена так, что всегда слышно было звучание и никакой ветер с Днепра не мешал. И вот снесли всё ради этого „коромысла“, сделали площадку, и теперь что? — все обеспокоены только тем, чтоб удержать юбки у ног, когда поют. А ведь сколько ножей можно было сделать из этого „коромысла“! Оно из нержавейки...»

Или вот на Байковом кладбище, в Киеве, этот памятник Соловцову... Сколько он раскачивал ВТО наше и украинское, чтобы поставить памятник, сколько было переписки, сколько подписей он собрал! Толк был — памятник поставили.

Н. К. Да, понимаю, какой для него был удар, когда разрушили домик Заньковецкой.

Н. С. Ой, что это было! И хотя потом домик восстановили...

Н. К. Ну да, наверное, для него было важно обязательное существование подлинного, без подделки.

Он хотел снять фильм о Софии, о соборе... И вот он там стоит и говорит: «Потрясенный душою, я здесь стою... сколько поколений людей приходило сюда, смотрело на Божью Матерь, падало на колени, потрясенное величием того, что сделал человек. Величием духа!»

Н. С. Это он очень ощущал! Очень! Очень! Мы сейчас окружены всякого рода подделками, и поэтому какой-то пласт

других чувств у нас накопился. Понимаете, не надо восстанавливать Храм Христа Спасителя — не надо. Потому что неизвестно, что благословляется: только истинное или, как говорится, заново построенное. Или вот — дом Грибоедова. Что это? Дом, где подслушивают американское посольство? Или хоть немножко от стены, которая была при Александре Сергеевиче? Непонятно! Неизвестно! К позе, к позе — сейчас это модно очень!

Иван Семенович пришел на похороны Михоэлса, был на месте его гибели в Минске, помогал Анастасии Павловне... Это тоже поза?

Н. К. Нет, но в общем даже накидываться на это слово так не надо, потому что массу вещей просто никто не знает! Меня поразила эта строчка о Михоэлсе: «Я был на месте, где его убили». Понимаете?

Н. С. Иван Семенович — человек совершенно особенного склада, особенного! Он был очень трудный, очень сложный человек. Очень обидчивый, но держал все это, не укусишь.

Корр. Мы все окружены детством, и вышли оттуда, и оглядываемся на это. Только, наверное, в каждое время по-своему, взрослея, старея и зависимо от перемен в жизни, к сожалению, достаточно тяжелых. Мне казалось, что если об этом расскажет человек, который волей обстоятельств придвинут вплотную к тому, что есть дети, оставленные родителями.. И вот совершенно случайно выяснилось, что есть среди моих знакомых такой человек...

Примечания

Беседа состоялась в Москве в 1995 г. Редактор Е. Панфилова. Из архива Н. Ф. Слезиной.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПИСЬМО В. В. КАМЕНСКОГО И. С. КОЗЛОВСКОМУ

Тбилиси, ул. Марра,
больница Лечкомбината,
палата № 4.

Родной, любимый друг Ваня, пишу тебе с больничной койки из Тбилиси, где лежу более 2-х месяцев после прибытия сюда из дома «сельской тишины», что недалече от Молотова (Перми). У меня острый тромбофлебит, не могу ходить. Но больница прекрасная, лежу в отдельной палате. Врачи обещают поднять.

Более года я так болен. Сюда уехал от зимы, которая вредна моим ногам. Здесь же — лето, солнечно, уютно, трава на дворе. Кура шумит. Люди едят апельсины, фрукты, редис, зелень. И только я, несчастный, лежу, страдаю, не встаю. Терплю.

Вчера узнал новость: А. М. Пазовский у вас в Большом. Я воссиял от счастья, т. к. ярко вспыхнула надежда на постановку нашего «Пугачева» в Большом.

Тут-то именно А. М. Пазовский делает *чудо* из «Пугачева» (в театре Кирова, в Молотове), где он как быка за рога хватает сверхчеловечески и удивительно раскрывает оперу.

Для тебя, Ваня, в «Пугачеве» есть замечательная роль Салавата (он же и поэт Башкирии), друга Пугачева.

Прошу тебя как автор либретто немедленно поговорить с А. М. Пазовским, чтобы *скорее,* к 1 мая, поставить «Пугачева». Этого срока хватит вполне, т. к. А. М. уже все знает.

Главное, этот спектакль воистину поднимает боевой дух каждого патриота и призывает к победе. Богатырский, яркий, народный спектакль.

То именно, что сейчас нам надо.

Я буду счастлив, если ты, душа моя, напишешь мне сюда, в больницу, что именно скажет Пазовский по поводу немедленной постановки «П».

Ваня, еще хочу знать: этим летом (во время отпуска) ты можешь ли приехать ко мне в Троицу погостить? У нас, право же, рай земной, и мы будем счастливыми, здоровыми, веселыми. Есть дивная река Сылва, из которой я удачно добываю рыбу. Даже есть своя моторная лодка. Баня. Огород. Оранжерея. Конюшни. Дом большой. Места много. Ныне заведу лошадь, т. к. ходить мне трудно. Да я и люблю, как и ты, лошадей. Ей-богу, как-то глупо вообще получилось, что мы летами не вместе живем. Я много раз думал об этом и думаю. Ведь и ты был прав, когда-то мечтая держать свою лошадь у меня и приезжать. Ведь и путь до Москвы близок. Я же люблю свою усадьбу, но только я давно холостой, одинок, и мне скучновато бывает. А вместе мы веселились бы во всю раздоль, как дети, и придумывали разные радости во имя здоровья и отдыха.

Тем более я хороший рыбак и охотник. Со мной всюду будет интересно и полезно.

Подумай. К весне, надеюсь, мои ноги поправят и все будет прекрасно.

И, возможно, в средине апреля я буду проездом в Москве и с тобой увижусь, но сейчас мы должны обменяться по несколько раз письмами, чтобы все заранее выяснить, ибо иначе приедут другие и не будет так интересно.

Поэтому стану ждать твоего первого письма. Пиши скорей, а то письма идут долго. Напиши и о семейных делах — как-что-вообще. Где сейчас ребята? Как здоровье?

В моей палате радио — часто, почти ежедневно, тебя с восторгом слушаю, но полагаю, что это лишь пластинки или запись. Оперы из Большого никак не дают. Досадно. Да и концертов нет.

Не лучше ли писать на твой домашний адрес, но у меня нет.

Не поленись, Ванюша, написать побольше для больного. Это облегчит мои страдания. Твое золотое сердце это понимает — ведь очень тяжело лежать. Уж молчу, терплю. Привет семье.

Ну, обнимаю с любовью.

В. Каменский.
6 янв. 44.

И. С. Козловский

ДАНЬ УВАЖЕНИЯ И ПАМЯТИ

Беседовать о Миколе Витальевиче Лысенко — это и радостно, и печально. Мои детские глаза его помнят по сей день. И так жизнь устроила, что его рука гладила мою голову... Это было, наверное, в [тысяча девятьсот] девятом году или в [тысяча девятьсот] десятом... на даче в Китаево, под Киевом. Нас, мальчиков, несколько человек было — учащихся воспитанников семинарии, и мы, как сейчас помню, пели в лесу «Ой, ходила дивчина бережком». И фонетика хромала у нас, то есть не все одинаково произносили слова. Видимо, это его взволновало и привлекло его внимание. Я каждый год, когда бываю в Киеве, ищу то место, и мне кажется, что я нашел эти громадные дубы: и по сей день они там стоят. Так вот, среди этих дубов появился пан: одет он был просто, как тогда ходили в цивильной одежде, и в то же время привлекало в нем необычайное достоинство (это, конечно, сегодня я анализирую так, а тогда это было просто удивление). Подошел он к нам и просит: «Спойте еще».

Ну, петь-то мы пели — именно пели на клиросе, и у нас его просьба не вызывала никакого страха — безотчетно мы пели для него что знали.

Он долго слушал. А потом сделал нам замечание: так петь можно, а так — нельзя; так говорить можно, а петь тоже нельзя. Сложно восстановить сейчас это в памяти, да и суть не в этом. Его рука коснулась моей головы: — А ты, хлопчик, береги голос, чтоб петь мог долго-долго, — сказал он мне. — И старайся петь так, чтоб и сам понимал, и все понимали, о чем ты поешь, чтоб понимали каждое слово. Для этого надо много учиться: и музыке, и литературе, и истории...

Это была моя первая встреча — с живым М. В. Лысенко. Уже позже — где-то в конце того лета — нам, детям, стало известно, кто такой был этот пан: тот самый Микола Лысенко, чье имя олицетворяет духовную суть культуры Украины до нас и будет олицетворять еще долго после нас.

Потом у меня было много встреч с ним — уже через его произведения, через его музыку.

Если говорить о его мастерстве, то, если вы посмотрите на его сборники народных песен, там необычайно, ну, как бы это сказать, — необычайно доходчивое и необычайно простое сопровождение. Так вот: эта простота не от того, что он не мог усложнить гармонию, а от того, что он понимал, я так думаю, что это как чистая прозорая вода, как чистое необычайное цветение: как природе не надо нагромождать, потому что в обнаженности есть истинная глубина, и скорее человек сможет ощутить ее радость и печаль. То, что Гоголь говорит: что в народной песне видно историю народа.

Так вот Лысенко в этом плане сохранил необычайный кладезь для целых поколений — и наших, и грядущих.

Примечания

Расшифровка записи 1979–1980 гг., Киев, Музей Н. В. Лысенко.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНОХИНА Маргарита Михайловна (р. 1935) — музыкальный критик, журналистка. Окончила историко-филологический факультет МГПИ им. Ленина. На страницах газет «Правда», «Советская Россия», «Московская правда», «Парламентская газета», «Слово», «Московские новости», «Граница России», журналов «Смена», «Культура и жизнь», «Музыкальная жизнь» и других изданий опубликованы ее статьи о культуре и искусстве: рецензии на спектакли, беседы с известными дирижерами, творческие портреты музыкальных деятелей, солистов оперы и балета, художников и другие материалы по вопросам культуры, искусства и спорта.

АНТОКОЛЬСКИЙ Павел Григорьевич (1896–1978) — советский поэт, переводчик. Учился на юридическом факультете Московского университета. Был актером и режиссером в театре Евг. Вахтангова. В 30-х гг. вел бурную литературно-педагогическую и переводческую деятельность. В Великую Отечественную войну работал во фронтовой печати, руководил труппой фронтового театра. В послевоенные годы, не прекращая интенсивного труда, много путешествовал и создавал новые книги. Автор рассказов и очерков о Пушкине и Лермонтове, статей о поэтах-современниках.

АНУЧИН Михаил Михайлович — советский артист. В юности увлекался живописью, учился у художника Фешина. Окончил Московское цирковое училище. В конце 20-х гг. стал артистом миманса Большого театра. В опере Чайковского «Евгений Онегин» исполнял роль Испанского посла. В последние годы жизни жил у Е. А. Степановой, выполняя обязанности и домоправителя, и секретаря певицы. Актер был не только соратником И. С. Козловского по сцене, но и его большим почитателем. Сохранились его воспоминания, записанные на пленку. Умер в 1999 г.

АХМАДУЛИНА Белла (Изабелла) Ахатовна (р. 1937) — журналистка, поэт. В 1960 г. окончила Литературный институт им. Горького. Первый поэтический сборник «Струна» вышел в 1962 г. В годы «оттепели» становится одним из самых ярких представителей нового поэтического поколения. В 1979 г. принимает участие в создании неподцензурного альманаха «Метрополь». В 1977 г. избрана почетным академиком Американской академии искусств; в 1989 г. становится лауреатом Государственной премии СССР за книгу «Сад», а в 1994 г. — лауреатом Пушкинской премии фонда А. Тепфера и независимой премии «Триумф».

БАБОРЕКО Александр Кузьмич (1913–1999) — литературовед. В 1936 г. окончил МГПИ им. Ленина. Кандидат филологических наук. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденом ВОВ и медалями. Член Союза журналистов СССР (1958), Союза писателей СССР (1970). Текстолог, комментатор и автор статей в различных изданиях И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Козьмы Пруткова. Проделал огромный труд по составлению, комментированию, подбору иллюстраций для собрания сочинений И. А. Бунина в 8 томах — первого в России полного, бесцензурного издания (1993–2000). Подготовил к печати отдельный том «Жизнеописание И. А. Бунина».

БАРТО Агния Львовна (1906–1981) — русская советская поэтесса. Начала печататься в 1925 г. Писала в основном книги для детей, лауреат Государственной премии СССР (1950). Автор сценариев фильмов «Подкидыш», «Слон и веревочка» и др.

ВАСИЛЬЕВ Владимир Викторович (р. 1940) — артист балета, балетмейстер. В 1958–1988 гг. танцевал в спектаклях Большого театра ведущие партии (Базиль, Петрушка, Щелкунчик — Принц и др.). Первый исполнитель партии Спартака в одноименном балете А. Хачатуряна (режиссер Ю. Григорович). С 1980-х гг. выступал за рубежом в спектаклях М. Бежара, Р. Пети и др. Поставил балеты «Макбет»

К. Молчанова (1980), «Золушка» С. Прокофьева (1991). С 1995 г. — художественный руководитель-директор Большого театра.

ВЕПРИНЦЕВ Игорь Петрович (р. 1930) — звукорежиссер, заслуженный деятель искусств России, лауреат премии фонда Ирины Архиповой, профессор РАМ им. Гнесиных и ВГИКа, главный звукорежиссер Всесоюзной студии грамзаписи фирмы «Мелодия» (1963–1990), президент Ассоциации звукорежиссеров (1994–1999). Обладатель более 60 премий, в том числе «Гран-при» Академии грамзаписи в Париже.

ДРАЧ Иван Федорович (р. 1936) — украинский советский поэт, писатель, киносценарист. Учился на филологическом факультете Киевского университета. В 1964 г. окончил Высшие сценарные курсы в Москве. Выступил как поэт-новатор в стихотворных сборниках «Подсолнечник», «Протуберанцы сердца» и др.

ЕВГРАФОВ Юрий Анатольевич (р. 1949) — композитор, дирижер, педагог, профессор. Окончил Московскую консерваторию по классу дирижирования (1971) и по классу композиторского искусства (1976). Был дирижером Ансамбля Центральной группы войск, работал на Гостелерадио (главным дирижером). Руководил Тульским государственным хором. Автор произведений вокально-хорового жанра. Преподает в Академии хорового искусства и Московском государственном институте музыки имени Шнитке.

ЖУКОВА Ольга Васильевна (р. 1944) — доцент кафедры музыкального искусства Владимирского государственного педагогического университета. Окончила Московскую консерваторию в 1971 году по классу вокала у В. Н. Кудрявцевой-Лемешевой. Оперную подготовку получила под руководством С. Я. Лемешева. В течение 10 лет была солисткой Театра оперы и балета в Баку. До 2000 г. работала солисткой-вокалисткой Владимирской областной филармонии. Подготовила около 40 сольных программ. Гастролировала по России, трижды выступала с концертами в Великобритании.

ЖУРАВИЦКАЯ Татьяна Алексеевна (р. 1950) — певица (лирическое меццо-сопрано), заслуженная артистка Россиии. Окончила музыкальную школу, Московский институт стали и сплавов и Народную певческую школу по классу Л. И. Алемасовой. Лауреат премии «Царскосельская осень-2001». Выступает с концертами в Москве, Санкт-Петербурге и других городах страны, а также за рубежом.

ЗАХАРОВ Владимир Емельянович (р. 1927) — директор Большого зала Московской государственной консерватории.

ИВАНОВА-КРАМСКАЯ Наталия Александровна (р. 1939) — дочь выдающегося гитариста А. И. Иванова-Крамского. В 1944–1947 гг. работала в качестве артистки в Государственной оперно-драматической студии им. К. С. Станиславского. В 1960 г. поступила в музыкальное училище при Московской консерватории, одновременно продолжая работать в музыкальной школе. С 1961 по 1985 г. — солистка Москонцерта. В 1975 г. окончила Уральскую консерваторию по классу гитары. Автор первой в СССР Программы для учащихся спецклассов гитары музыкальных училищ. Член правления Всесоюзного музыкального общества. С 1962 г. по настоящее время ведет класс шестиструнной гитары в музыкальном училище при Московской консерватории.

КАВЕРИН Вениамин Александрович (1902–1989) — русский советский писатель. В 1920-е гг. принадлежал к литературному объединению «Серапионовы братья». Широко известны его романы: «Исполнение желаний», «Два капитана», «Открытая книга», «Перед зеркалом», а также художественные биографии.

КАМЕНСКИЙ Василий Васильевич (1884–1961) — поэт-футурист, друг В. В. Маяковского. Обладал редким даром писать стихи так, как будто до него никто их не писал: самые заумные строчки звучали у него естественным ликованием. Атлет, авиатор, всеобщий любимец, он прославился поэмой про Степана Разина (1918), и за это ему прощались все длинноты позднейших поэм (Цит. по: Гаспаров М. Л. Русские стихи. М.: Высшая школа, 1993. С 262).

КИКТА Валерий Григорьевич (р. 1941) — композитор, член Союза композиторов России, заслуженный деятель искусств России, лауреат премии мэрии Москвы, лауреат премии им. Д. Д. Шостаковича. В 1999 г. награжден дипломом и Золотой Пушкинской медалью. Жанровый диапазон творчества композитора охватывает симфоническую, балетную, хоровую, камерно-инструментальную и вокальную музыку. В 2004 г. фирмой «Раритетъ» выпущены компакт-диск «Из раритетных записей И. С. Козловского (1967–1975 годов)» с вокальными произведениями композитора, а также его «Божественная Литургия св. Иоанна Златоуста», первое исполнение которой состоялось в Рахманиновском зале Московской консерватории в апреле 1995 г. и было посвящено памяти великого певчего Иоанна Козловского.

КЛЕЙМЕНОВ Анатолий Николаевич (р. 1945) — певец (тенор), солист Московской областной филармонии.

КОВАЛЕНКО Юлия Владимировна (р. 1967) — журналист, специалист по связям с общественностью, юрист, лауреат нескольких

российских и международных конкурсов журналистов. В 1997 г. окончила школу телевизионного мастерства В. Познера. Организатор творческого объединения «Крылья» (1999). За прошедший период «Крылья» стали участником организации выставок, презентаций в Москве, Тюмени, Екатеринбурге.

КОЖЕВНИКОВА Екатерина Вадимовна (р. 1954) — заслуженный деятель искусств Российской Федерации, член правления Союза композиторов Москвы, преподаватель Московской консерватории им. П. И. Чайковского.

КОЗЛОВСКАЯ Анастасия Ивановна (р. 1940) — младшая дочь певца. Окончила МГПИИЯ им. М. Тореза. Лингвист, преподаватель и переводчик. В детстве увлекалась живописью и занималась в музыкальной школе по классу скрипки. Первую поэтическую тетрадку написала в 12 лет. Потом был большой перерыв до 30 лет, после чего начала серьезно заниматься живописью. Автор многих живописных полотен. Картины были представлены на московских выставках. Имеет дочь Анну и двух внуков: Софью и Ивана.

КОЗЛОВСКАЯ Анна Ивановна (р. 1938) — старшая дочь певца. Окончила филологический факультет МГУ. Член Союза писателей России, переводчик. Председатель правления фонда им. И. С. Козловского. Готовит радиопередачи, телепрограммы и вечера, посвященные искусству своего отца. При ее содействии в музыкальной школе в Крылатском открыт музей И. С. Козловского.

КОЗЛОВСКАЯ-ТЕЛЬНОВА Анна Юрьевна (р. 1966) — внучка певца. Закончила факультет психологии МГУ, кандидат психологических наук, в настоящее время — директор международного агентства по подбору руководящих специалистов в России и СНГ.

КОКОНИН Владимир Михайлович (р. 1938) — заслуженный деятель искусств Российской Федерации. Учился в Центральной музыкальной школе при Московской государственной консерватории, с 1955 по 1960 г. — профессор консерватории по классу кларнета. Работал в оркестре Большого театра, одновременно занимаясь педагогической и литературной деятельностью. В настоящее время — исполнительный директор независимого благотворительного фонда «Триумф — Новый век». На «Радио России» ведет цикл авторских передач по искусству и литературе.

КОРНЕЕВ Александр Васильевич (р. 1930) — флейтист, дирижер, педагог, народный артист России. Трудовую деятельность начал в 1943 г. В 1952 г. окончил Московскую консерваторию, в 1955 г. — аспирантуру. Солист Московской филармонии: сольные концерты

с оркестром, камерные ансамбли. Профессор Московской консерватории, проводит мастер-классы в городах России и за рубежом. Имеет почетный сертификат Карнеги-холла «Лучший педагог». Удостоен ордена Почета «Золотая флейта России» (2000).

КОРОЛЁВ Юрий Васильевич (р. 1933) — советский певец (бас), партнер И. С. Козловского по сцене. В 1961 г. окончил Московскую консерваторию. В 1964 г. был принят в Большой театр, где проработал в течение 30 лет. Спел 56 партий в 2014 спектаклях. Исполнял обширный репертуар в операх русских и западноевропейских композиторов. Перейдя на творческую пенсию, несколько лет проработал в театре в качестве режиссера, ведущего оперные спектакли. Свой досуг на протяжении многих лет отдает рисованию. Сегодня он профессиональный художник, член Союза художников России.

КРЫМОВА Наталия Анатольевна (1930–2003) — известный советский театровед, жена выдающегося театрального режиссера А. В. Эфроса.

КУЗНЕЦОВ Лев Николаевич (р. 1938) — художник-реставратор. Принимал участие в реставрации соборов Кремля, церквей в Архангельске, Ярославле, Новгороде, Благовещенске и др. городах России.

ЛАНОВОЙ Василий Семенович (р. 1934) — актер. С 1957 г. по сегодняшний день работает в театре имени Вахтангова. Будучи молодым актером, прославился исполнением роли принца Калафа в спектакле «Принцесса Турандот». Снимался в кино («Павка Корчагин», «Офицеры», «Анна Каренина», «Странная женщина» и др. фильмы).

ЛЕБЕДЕВ Владимир Сергеевич (р. 1928) — инженер-металлург. Окончил Московский институт цветных металлов и золота. Работал на заводах Новосибирска и Владимира, имеет авторские изобретения. В настоящее время — пенсионер. Автор книги воспоминаний об И. С. Козловском «Божественный посол», создал цикл передач на Владимирском радио о творчестве певца.

ЛЕЛЬЧУК Елизавета Вениаминовна (р. 1916) — инженер, пенсионерка.

ЛИСТОВ Мстислав Степанович (р. 1946) — летчик-испытатель, член Союза журналистов СССР, лауреат международной премии Гёте-института, президент фонда «Мир Сент-Экзюпери».

МАЛАХОВА Тамара Денисовна (р. 1934) — учитель русского языка и литературы, в течение 30 лет преподавала в средней школе Краснопресненского р-на г. Москвы. С 1947 г. работала (по совместительству) в Институте инженеров гражданской авиации (МИИГА), ныне — университет. Выйдя на пенсию, работает в вузе — на подго-

товительных курсах. В 70–80-е гг. была вторым секретарем И. С. Козловского.

МАСЛЕННИКОВА Ирина Ивановна (р. 1918) — советская певица (лирико-колоратурное сопрано), народная артистка России. В 1943–1960 гг. — солистка оперы Большого театра. Выступала в концертах, гастролировала за рубежом. С 1956 г. преподавала в ГИТИСе. С 1974 г. — профессор Московской консерватории.

НОВИКОВА Лидия Ивановна (р. 1938) — журналистка, сотрудник газет «Московская правда» и «Культура».

ПИТИРИМ (1926–2003) — русский священнослужитель. В юности учился игре на виолончели. Первое высшее образование получил в МИИТ. В 1953 г. окончил Московскую духовную академию. В 1956 г. стал священником, в 1959 г. принял монашество. Был ответственным редактором журнала Московской патриархии. С 1963 г. — епископ Волоколамский и председатель Отдела печати патриархии. С 1986 г. — митрополит Волоколамский и Юрьевский.

ПИЧУГИН Павел Алексеевич (1932–2000) — советский музыковед, педагог, композитор. Создатель музыки к романсам на стихи И. А. Бунина, исполненных И. С. Козловским. Автор многочисленных статей о творчестве Козловского.

ПОКРОВСКИЙ Борис Александрович (р. 1912) — оперный режиссер. В 1934–1982 гг. был режиссером Большого театра (с 1967 г. — главным режиссером). Основатель, художественный руководитель и режиссер Московского камерного театра (1972). Среди спектаклей — «Садко» Н. А. Римского-Корсакова, «Война и мир», «Игрок» и «Огненный ангел» С. Прокофьева, «Нос» Д. Шостаковича. Автор книг об опере и режиссуре.

ПОПОВ Виктор Сергеевич (р. 1934) — народный артист СССР, лауреат Государственной премии, лауреат премии мэрии Москвы, профессор. Художественный руководитель и главный дирижер хора Академии хорового искусства.

ПОТОЦКАЯ-МИХОЭЛС Анастасия Павловна (1913–1981) — жена выдающегося актера и театрального режиссера С. Михоэлса. Кандидат биологических наук.

ПТИЦА Клавдий Борисович (1911–1983) — хоровой дирижер, педагог. Возглавлял Большой академический хор Всесоюзного радио и телевидения. Начиная с 30-х гг. выступал совместно с И. С. Козловским. Участвовал в постановке оперы Р. Вагнера «Лоэнгрин», а также в концертах.

ПОЮРОВСКИЙ Борис Михайлович (р. 1933) — театральный критик, заслуженный деятель искусств России, кандидат искусствоведения.

РУДЕНКО Бэла Андреевна (р. 1933) — советская певица (лирико-колоратурное сопрано), народная артистка СССР (1960). Ученица О. Р. Благовидовой. С 1956 г. солистка Украинского театра оперы и балета, в 1973–1988 гг. — Большого театра. Среди партий: Людмила, Царица ночи, Наташа Ростова. Выступала в концертах. Гастролировала за рубежом. 3-я премия на Международном конкурсе вокалистов (Тулуза, 1957). В 1971 г. стала лауреатом Государственной премии СССР. С 1977 г. преподает в Московской консерватории, доцент (1984).

САМОСУД Самуил Абрамович (1884–1964) — дирижер, народный артист СССР (1937). Окончил Тбилисское музыкальное училище по классу виолончели, учился в Праге, в Париже (у П. Казальса). В 1910–1917 гг. — дирижер Мариинского театра в Петербурге, в 1919–1936 гг. — дирижер Малого оперного тетра. С 1936 г. — художественный руководитель Большого тетра, а с 1943 по 1950 г. — дирижер театра имени Станиславского и Немировича-Данченко. В 1953 г. организовал и возглавил оркестр Всесоюзного радио. В 1942 г. впервые исполнил Седьмую симфонию Д. Шостаковича в Куйбышеве и в Москве.

СКОРУЛЬСКАЯ Роксана Никитична (р. 1945) — актриса, искусствовед, педагог, публицист. В 1967–1974 гг. —актриса Киевского ТЮЗа. В 1982–1988 гг. — педагог Киевского государственного хореографического училища и параллельно — режиссер музыкальной редакции Украинского радио. С 1988 г. — заведующая Дома-музея Н. В. Лысенко в Киеве. С 1996 г. — преподаватель Киевского государственного музыкального училища им. Р. Глиера. Лауреат премии им. Н. В. Лысенко (1996). Награждена Почетным знаком «За достижения в развитии культуры и искусств Украины» (2001).

СЛЕЗИНА Нина Феодосьевна (1922–1996) — выдающийся отечественный сурдопедагог, кандидат педагогических наук. В 1942 г. закончила дефектологический факультет Московского государственного педагогического института и стала учителем математики в школе глухих. В 1949 г. закончила аспирантуру и работала в должности сначала младшего, затем старшего научного сотрудника Института дефектологии АПН СССР. Создала несколько учебников математики и других изданий для слабослышащих школьников. Эти труды не раз переиздавались и были переведены на многие языки. В течение 40 лет — секретарь И. С. Козловского.

СОКОЛОВ Николай Александрович (1903–2000) — советский художник-график, один из представителей творческого коллектива «Кукрыниксы». Окончил ВХУТЕМАС (графический факультет). В годы Великой Отечественной войны вместе с товарищами по объединению работал в «Окнах ТАСС». После войны много рисовал, в том числе и пейзажи. Дружил со многими деятелями советского искусства. К числу его работ 50-х гг. относится замечательный портрет: «И. С. Козловский в роли Юродивого» и дружеские шаржи — «И. С. Козловский и О. Л. Книппер-Чехова», «И. С. Козловский и М. П. Чехова».

СОТКИЛАВА Зураб Лаврентьевич (р. 1937) — советский певец (лирико-драматический тенор), народный артист СССР. С 1965 г. солист Грузинского театра оперы и балета, в 1966–1968 гг. стажировался в театре «Ла Скала». Выступает в концертах, гастролирует за рубежом. 1-я премия и «Гран-при» на Международном конкурсе вокалистов в Барселоне (1970). Лауреат премии Грузии (1983).

СУХАРЕВИЧ Василий Михайлович — поэт, писатель, журналист.

ТЕВОСЯН Александр Татесович (1943–2001) — музыковед, доцент, кандидат искусствоведения, заслуженный деятель искусств России.

ТИТОВА Валентина Ивановна (р. 1932) — инженер-экономист, пенсионерка.

ТОШТЕНДАЛЬ-САЛЫЧЕВА Тамара Алексеевна (р. 1946) — кандидат исторических наук, почетный доктор Уппсальского университета (Швеция). В 1970 г. окончила исторический факультет МГУ. Участвовала более чем в 20 научных всероссийских и международных конференциях, симпозиумах и конгрессах. С 1996 г. — директор Российско-шведского учебно-научного центра РГГУ. В 2003 г. получила звание почетного доктора Уппсальского университета.

ФЕДОРЧЕНКО Вера Андреевна — кинорежиссер. В 1968 г. окончила ВГИК (мастерская Л. В. Кулешова). Работала на Центральной студии документальных фильмов. В 1991 г. сняла фильм о Ф. И. Шаляпине «Россия мне снится редко...». Член Международного союза музыкальных деятелей, автор и ведущая тематических концертных программ Межрегионального шаляпинского центра. Член фонда имени И. С. Козловского. К 100-летию певца провела три программы «Голос века — И. С. Козловский».

ХАНИЛО Ангелина Васильевна — старший научный сотрудник Дома-музея А. П. Чехова в Ялте.

ХРОМЧЕНКО Соломон Маркович (1907–2003) — певец (лирический тенор), заслуженный артист РСФСР. В 1932 г. окончил Киевский музыкально-драматический институт, в 1935 г. — аспирантуру при Московской консерватории по классу К. Дорлиак. С 1934 по 1957 г. — солист Большого театра, исполнял ведущие партии тенорового репертуара (Баян, Мыский, Владимир Игоревич и др.). С 1961 г. — доцент, преподаватель института имени Гнесиных. В последние годы жизни преподавал в Израиле.

ЧАЧАВА Важа Николаевич (р. 1933) — народный артист Грузии, кандидат искусствоведения, заведующий кафедрой концертмейстерского мастерства, профессор, почетный член Русской академии искусствознания и музыкального исполнительства. С 1962 по 1977 г. преподавал в Тбилисской консерватории и параллельно работал концертмейстером Тбилисского оперного театра. С 1977 г. — преподаватель Московской консерватории по классу концертмейстерского мастерства. Выступает на сценах «Ла Скала», барселонского оперного театра «Лисео», Гамбургской оперы, Дрезденской оперы и лучших концертных залов мира.

ШАЛЯПИНА–БАКШЕЕВА Ирина Федоровна (1900–1978) — старшая дочь Ф. И. Шаляпина; драматическая актриса, играла в театре имени Моссовета. Организатор и участник вечеров, посвященных творчеству Ф. И. Шаляпина. Выступала с концертами по стране.

Серия
«Memoria»

Иван Козловский
Воспоминания. Статьи

Составитель *Т. Д. Малахова*

Издатель *И. А. Мадий*

Главный редактор серии *А. Р. Вяткин*

Редактор *Л. В. Зеленина*
Художники *В. Н. Белоусов, Г. С. Джаладян*
Компьютерный набор *А. Г. Корнякова*
Корректор *Т. Г. Шаманова*
Компьютерная верстка *А. Ю. Зубков*
Технолог *Т. Ю. Морозова*

Подписано в печать 01.12.2004. Формат 60×84/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура «Ньютон».
Усл. печ. л. 37,33. Тираж 5000 экз. (1-й з-д — 3000).
Заказ № 6206.

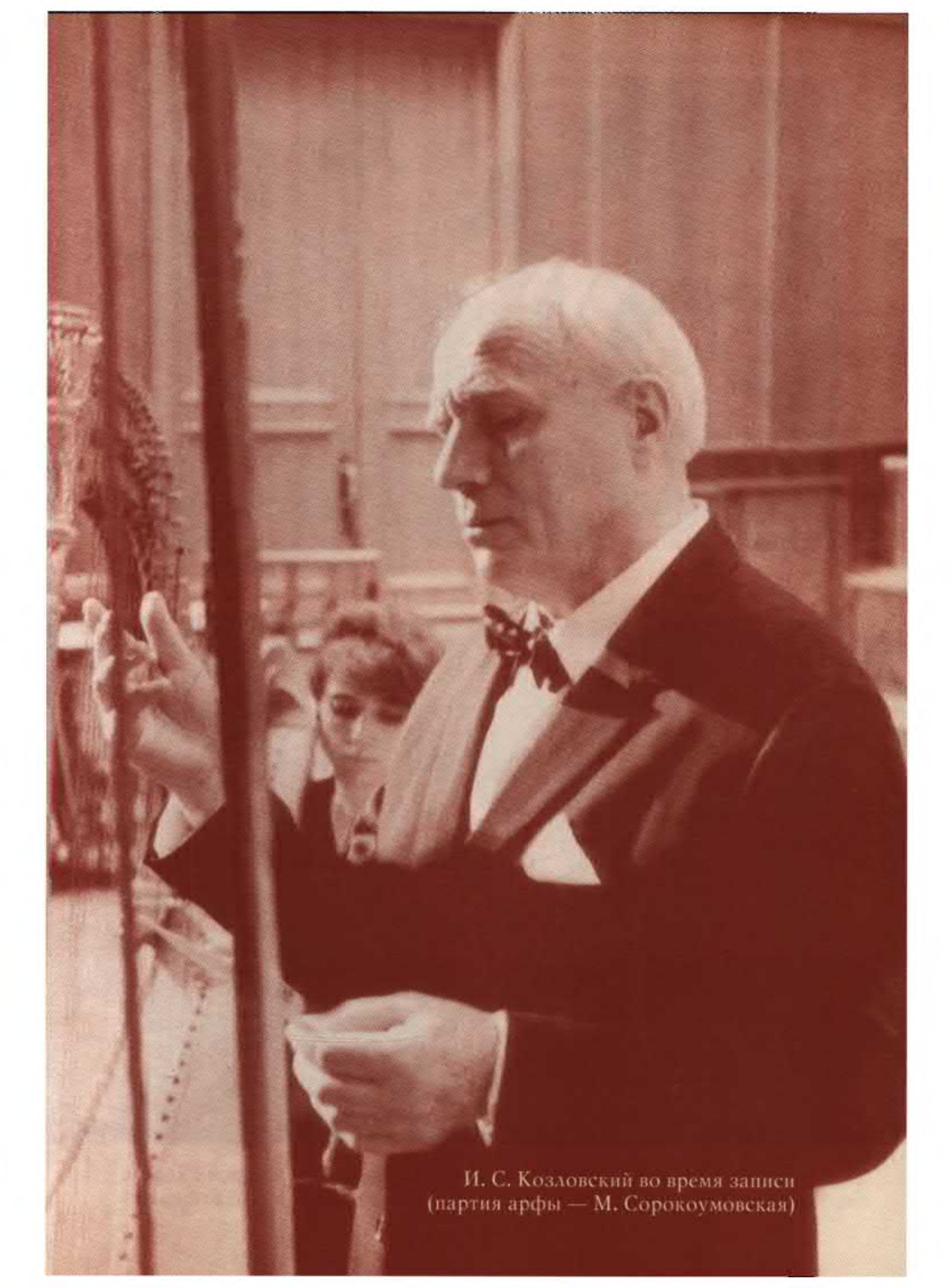
Издательство «Наталис»
119034, Москва, Б. Левшинский пер., д. 8/1, стр. 2
Телефон: (095) 201-34-38, e-mail: natalis_press@mail.ru

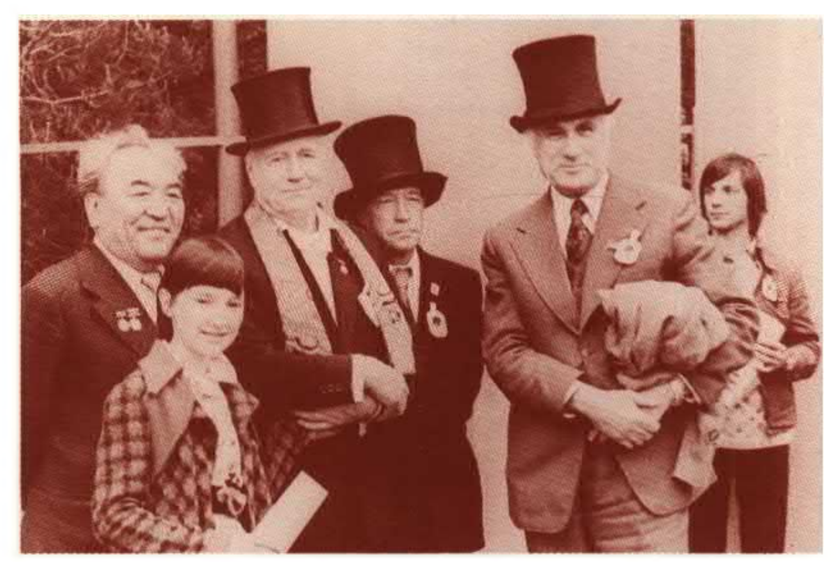
ИД «Рипол Классик»
107140, Москва, Краснопрудная ул., д. 22а, стр. 1
Телефон (095) 513-57-77, e-mail: info@ripol.ru
Сайт в интернете: www.ripol.ru

По вопросам оптовой закупки книги
обращаться в издательство «Рипол Классик»
по телефону (095) 513-57-77
и в магазин «Восточная коллекция»
при издательстве «Наталис» по адресу:
119034, Москва, Б. Левшинский пер., д. 8/1, стр. 2
Телефон: (095) 201-34-38, e-mail: natalis_press@mail.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122

И. С. Козловский во время записи
(партия арфы — М. Сорокоумовская)

Пушкинский праздник поэзии в Михайловском.
Слева направо: Д. Кугультинов, И. С. Козловский,
Г. Г. Пушкин, Ир. Абашидзе и внучка Аня.

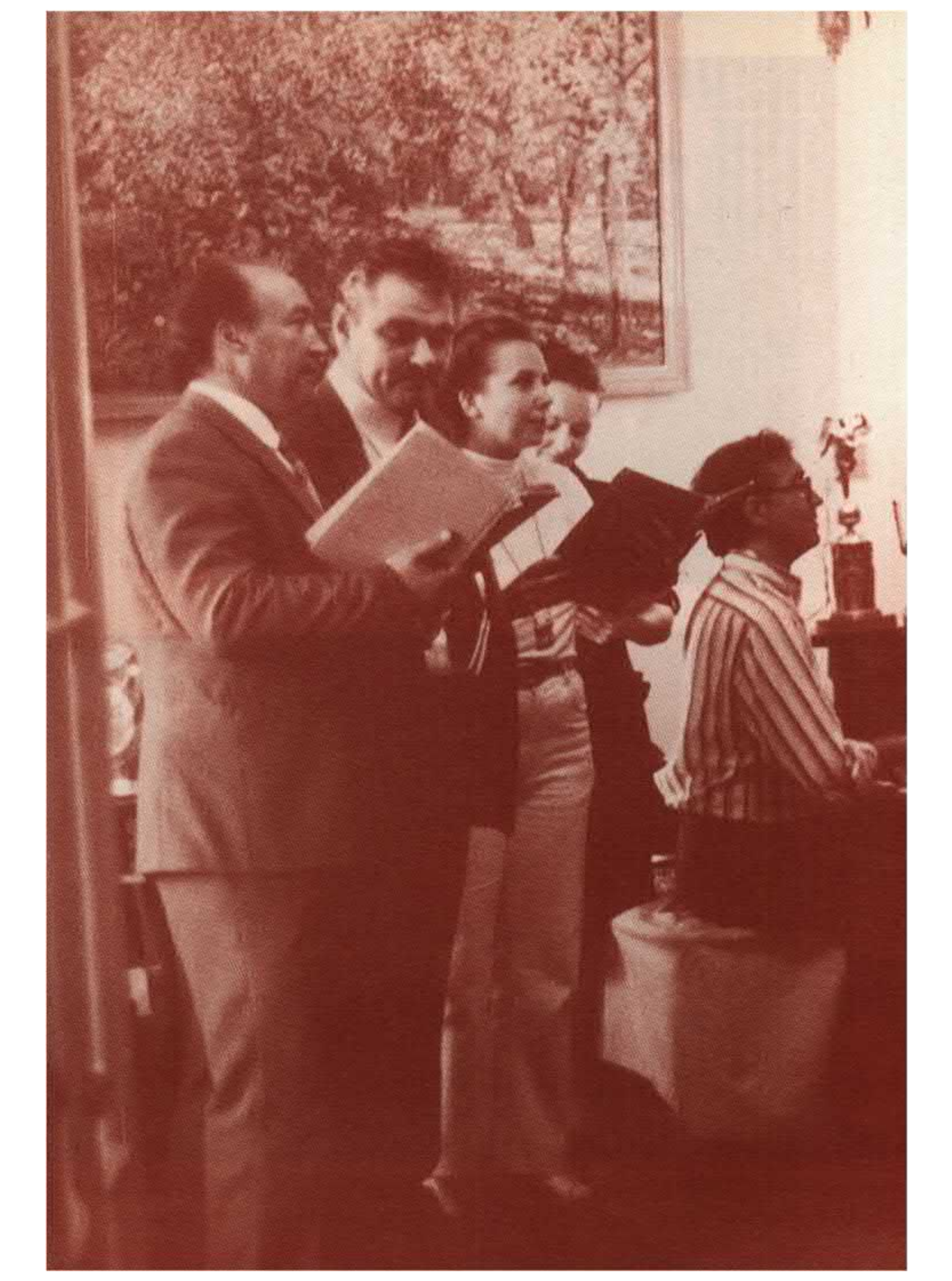

И. С. Козловский во время звукозаписи с хором.
Звукорежиссер И. Вепринцев

И. С. Козловский возле дома № 7 в Брюсовском переулке после открытия мемориальной доски скульптору И. Шадру. 1958 г.

И. С. Козловский дает автограф в директорской ложе Большого зала Консерватории

Репетиция оперы С. Монюшко «Галька» в квартире певца.
Слева от И. С. Козловского И. А. Морозов, справа — В. Маторин,
напротив — О. Батурин и др. Фото А. Ратникова, 80-е гг.

1936
март 9
5-87-31

Дорогой Ванечка!

Оставаясь вне всех битв всяких и всех „фронтов и народов" искусства — Вашими „ярыми" поклонницами — женщины театра им. Вс. Мейерхольда уполномочили меня просить Вас усладить их слух сегодня 9-го в 12 ч. ночи в нашем театре, где состоится женский вечер.

Милый Ванечка — и мы с Вс. Э. с удовольствием послушали бы Вас. Пишу, а не „телефоню" — это безнадежно! Вероятно ревнивицы отрезали к Вам все провода: все время „занято".

Будьте здоровы и прекрасны!

Москва

Зинаида Райх

Письмо Зинаиды Райх И. С. Козловскому

После концерта в кругу музыкантов:
слева от И. С. Козловского — В. Г. Дулова,
справа — Е. В. Кожевникова

И. С. Козловский и И. К. Архипова
после открытия памятной доски С. Я. Лемешеву.
Москва, ул. Горького, д. 25/9

Сольный концерт И. С. Козловского в Большом зале Консерватории: «Проходит всё, и нет к нему возврата...» 80-е гг.

И. С. Козловский
и А. М. Иванов-Крамской

И. С. Козловский принимает
у себя гостей

Большой зал Консерватории.
Юбилей А. Б. Гольденвейзера.
И. С. Козловский и А. В. Корнеев.
60-е гг.

На фестивале православной музыки выступают
митрополит Питирим и И. С. Козловский

Концертмейстер Л. Хафизова, И. С. Козловский и Т. Журавицкая

Дом актера. Вечер, посвященный С. И. Мигаю.
За столом: И. С. Козловский, Н. П. Рождественская,
А. А. Яблочкина, Е. Д. Турчанинова.

Многая — Вам дорогая Татьяна лета!

И. С. Козловский

19.5.87.

Автограф Татьяне Журавицкой

Репетиция с солистами хора мальчиков
под руководством А. В. Свешникова

После концерта: И. С. Козловский, Н. Ф. Слезина,
А. М. Иванов-Крамской и другие. Начало 60-х гг.

И. С. Козловский среди работников искусств
(крайний слева — Р. М. Глиэр, крайний справа — С. М. Михоэлс).
Середина 40-х гг.

Встреча на вокзале в Киеве, 1985 г.